

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1363

Per. 26095 d. $\frac{19}{41}$

19
1363

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ,

изданный подъ редакцію ерд. проф. А. А. Кочубинскаго

ОДЕССА.

Типографія «Одесскаго Вѣстника», Красный переулокъ, домъ № 3-й.

1885.

вышелъ 12 марта 1885 г.

Въ ред. «Записокъ императорскаго новороссійскаго университета» имѣются слѣдующіе томы этого изданія:

Томъ I. *Соколовъ И. Д.* Замѣчаніе относительно интегрированія дифференціальной движени свободной точки. *Липшицъ В. И.* О влѣяніи электрическихъ явленійхъ близъ остр. Санторинъ. *Брунсъ Ф. К.* Путешествіе Ив. Шиндльбергера по Европѣ, Азіи *Леонтовичъ Ѳ. И.* Древнее хорватско-долматское законодательство. *Юрсевицъ В. Н.* De Jovis Luceae natura *Бернштейнъ.* Отчетъ о командировкѣхъ. *Абашевъ Д. Н.* О тепловыхъ явленіяхъ при соедин. жидкостей.

Т. II. *Смирновъ М. II.* Ягелло Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею. *Беркевичъ Л. Ѳ.* Изслѣдованіе движ. пл. Юноны. *Патлаевскій И. I.* Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1862.

Т. III. *Орбинскій Р. В.* Англійскіе деисты XVII—XVIII ст. *Соколовъ Н. Н.* О молочной кислотѣ изъ β -йодпропіоновою кислоты. *Вольскій М. М.* Рабская обработка земли. *Струевъ Ѳ. А.* Путевыя замѣтки. — Празднованіе въ н. нов. ун.—тѣ тысячелѣтія со дня кончины св. Кирилла (14 февр. 1869).

Т. IV. *Некрасовъ И. С.* Зарожденіе национальной лит.—ры въ сѣв. Русѣ. *Бодаловскій А. М.* Молодые преступники. *Абашевъ Д. Н.* О механическомъ анализѣ почвъ. *Швабевъ Ѳ. Н.* О законахъ превращенія электричества въ теплоту.

Т. X. Протоколы зас. сов.: 18 янв.—27 апр. 1873. *Малининъ М. И.* Убѣжденіе судьи въ гражд. процессѣ. *Ярошенко С. II.* Начала новой геометріи. *Умовъ Н. А.* Теорія простыхъ средъ. *Лю же.* Замѣтка о соч. г. Лигина «Теорія абсолютнаго движенія неавт. системы».

Т. XI. Протоколы зас. сов.: 1 мая—18 авг. 1873. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за 1872/73, акад. г. *Кочубинскій А. А.* Братья — подобен и члскіе католики въ началѣ XVII в. *Лининъ В. Н.* Отвѣтъ на «замѣтку» г. Умова.

Т. XII. Протоколы зас. сов.: 6 сент.—5 дек. 1873. Программа курса церковнаго законовѣданія. *Кондаковъ Н. II.* Памятникъ гаршіи изъ Ксаева въ Дикіи. *Лининъ В. Н.* Объ ускорен. выш. порядковъ.

Т. XIII. Протоколы зас. сов.: 6 янв.—2 марта 1874. *Кочубинскій А. А.* Записка о путешествіи въ славян. земля. *Лебедевъ Д. II.* Федонъ, переводъ съ примѣчаніями. *Павловъ А. С.* Канонич. рукописи моск. синод. библиот.

Т. XIV. Каталогъ дублетовъ библиот. н. нов. ун. *Кудрявцевъ А. Н.* Вступ. лекція. *Лебедевъ Д. II.* Анализъ Федона. *Шлиссескій М. М.* Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи.

Т. XV. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за 1873/74, акад. г. *Лининъ В. Н.* Истор. очеркъ изобрѣтенія желѣзн. дорогъ. *Спиро II. А.* Къ вопросу объ иннерваціи дышат. движеній. *Лининъ В. Н.* Климатика. I.

Т. XVI. Протоколы зас. сов.: 20 сент.—23 дек. 1874. *Успенскій Ѳ. И.* Значеніе византійскихъ византій въ изученіи средневѣк. исторіи. *Цитовичъ II. II.* Отзывъ о соч. г. Дювернуа «Оси. форма корреляльнаго обязательства». *Синцовъ И. Ѳ.* Отчетъ объ экскурсіяхъ въ губ. сарат. и сам. *Шлиссескій М. М.* Полицейское право какъ самостоятельная отрасль правовѣданія. *Павловъ А. С.* Замѣчанія на программу изданія церк. правилъ.

Т. XVII. Протоколы зас. сов.: 25 янв.—12 мая 1875. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за 1874/75, акад. г. *Волковъ А. Н.* Къ вопросу объ ассимиляціи. *Шельшима А.* Изъ исторіи развитія предостереженій папоторникствъ. *Кн. Кантакунинъ гр. Сперанскій М.* Опытъ понятія военной контрабанды.

Т. XVIII. Протоколы зас. сов.: 19 авг.—18 дек. 1875. *Вальцъ Я. Я.* О вліяніи свѣта на нѣкот. процессы раст. жизни. *Спиро II. А.* О космомышечныхъ редеискахъ. *Копоновичъ А.* Способы вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ. *Головкинскій Н. А.* Мысли о прош. и будущемъ нашей планеты. *Шельшима А.* Вліяніе тепла на растенія. *Кондаковъ Н. II.* Отчетъ, 1 марта—1 сент. 1875. *Спиро II. А.* Прибавленіе къ ст. «О космом. редеискахъ». *Кочубинскій А. А.* Отчетъ, 1 авг. 1874—1 февр. 1875.

Т. XIX. Протоколы зас. сов.: 19 янв.—29 мая 1876. Докладъ о перенесеніи библиотекы. *Копоновичъ А.* Способы . . . (продолж.). *Клименко Е. Ф.* Матеріалы для исторіи мол. и пировиногр. кислотъ. *Кн. Кантакунинъ гр. Сп. М.* О кодификаціи международнаго права. *Воеводскій Л. Ф.* О т. наз. гомеровскихъ поэмѣхъ. *Карстелевъ К. II.* Приложенію теоріи функціи.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ Сорокъ первый,

изданный по дѣлу редакціи ерд. проф. А. А. Кочубинскаго.

ОДЕССА.

Типографія «Одесскаго Вѣстника», Красный переулокъ, домъ № 3-В.

1885.

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго
университета. Ректоръ *С. П. Яроминко.*

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть официальная.

	Стран.
Протоколы засіданій совѣта н. нов. ун.: 19 апрѣля — 20 августа 1884 г.	107—180.
Здѣсь-же: Ночубинскій А. А., о. пр. н. н. ун. — Отзывъ о соч. «Слнвскій Требникъ», стр. 140—150.	
Перетятковичъ Е. И., в. о. пр. — Отзывъ о комедіи «Назвался груздемъ — полѣзай въ ку- зовъ», стр. 169—180.	
Delectus seminum in horto botanico Universitatis Ce- saricae Novae Rossiae anno 1884 collectorum	1—14.

II. Часть ученая.

Ивановскій И. А., прив.-доц. н. нов. ун. — Опредѣленіе, основныя начала, задача и значеніе международнаго права	1—14.
Шанеллонъ А. А., лект. н. нов. ун. — Французскій сатирикъ Auguste Barbier (1805—1882)	15—44.
Азаревичъ Д. И., о. пр. н. н. ун. — Вещь, какъ предметъ права. — Условія, срокъ и предположенія. — Дареніе. — Право собственности. — Сервитутное право. — Опека и попечительство. (Изъ лекцій по римскому праву)	45—189.
Палаузовъ В. Н., в. пр. н. нов. ун. — Забѣчанія на проектъ особенной части русскаго уголовнаго уложенія	190—204.
Пономаревъ И. М., маг. н. нов. ун. — О строеніи ціануровой кислоты	205—264.
Гротъ Н. Я., о. пр. н. нов. ун. — Джіордано Бруно и пантеизмъ. (Философскій очеркъ).	265—350.

I. Часть офіціальная.

I. Часть офіціальная.

ваннаго по ст. 1, § 5 смѣты расходовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1883 г. на содержаніе личнаго состава профессоровъ и преподавателей сихъ университетовъ и б) на вознагражденіе въ томъ же году привать-доцентовъ и прозекторовъ Базанскаго университета, въ количествѣ двѣнадцати тысячъ девятисотъ семидесяти пяти руб., отнести на счетъ общихъ остатковъ означенной смѣты.

Государь Императоръ настоящее мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ 13 день сего марта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, съ приложеніемъ выписки изъ журнала Департамента Государственной Экономіи, Статсъ-Секретарь Деляновъ, предложеніемъ отъ 21 сего марта за № 4311, увѣдомивъ меня вслѣдствіе представленія моего, вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаетъ изъ остатковъ отъ личнаго состава Новороссійскаго университета (ст. 1 § 5 смѣты Министерства Народнаго Просвѣщенія 1883 г.) отдѣлить одну тысячу шестьсотъ рублей на вознагражденіе привать-доцентовъ сего университета за 1883 г., съ употребленіемъ на сей же предметъ восьмисотъ руб. изъ спеціальныхъ средствъ университета.

О вышеизложенномъ сообщаю Совѣту университета для надлежащаго распоряженія, съ приложеніемъ засвидѣтельствованной копіи съ поминутой выписки изъ журнала Департамента Государственной Экономіи. *Опредѣлили*: принять къ исполненію.

3. Отъ 31 марта № 2380: «въ дополненіе къ представленію отъ 28 марта за № 867, прошу Совѣтъ университета сообщить мнѣ: какъ онъ предполагаетъ распредѣлить экзамены профессоровъ Кондакова и Успенскаго въ случаѣ разрѣшенія имъ за граничныхъ отпусковъ съ 25 буд. апрѣля

мѣсяца, и не встрѣчается ли къ тому препятствій по дѣламъ факультетовъ?»

При этомъ было доложено, что деканъ историко-филологическаго факультета, на сдѣланный ему г. ректоромъ запросъ, увѣдомилъ, что на основаніи составленнаго распредѣленія испытаній, экзамены проф. Бондакова и Успенскаго будутъ окончены къ 25-му апрѣля, и затѣмъ, со стороны факультета никакихъ препятствій къ командировкѣ означенныхъ профессоровъ не имѣется, о чемъ г. ректоромъ и донесено г. попечителю. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

4. Отъ 10 апрѣля за № 2568 о назначеніи совершеннолѣтней неизлѣчимо больной дочери умершаго въ отставкѣ, съ пенсією, бывшаго заслуженнаго профессора Новороссійскаго университета Бруна, Октавіи Брунъ, пенсіи по 571 руб. 84 коп., съ производствомъ означенной пенсіи съ 27 января 1884 г. изъ Одесскаго казначейства. *Опредѣлили*: увѣдомить г-жу Брунъ.

5. Представленіе физико-математическаго факультета объ отсрочкѣ подачи кандидатской диссертациі Якову Польскому по болѣзни. *Опредѣлили*: отсрочить.

6. Г. ректоръ заявилъ Совѣту, что студентъ 1-го класса историко-филологическаго факультета Эдильхановъ, равнѣ пробывшій два года на юридическомъ факультетѣ Казанскаго университета, обратился съ прошеніемъ о допущеніи его къ экзамену на 2-й курсъ вмѣстѣ съ студентами юридическаго факультета. Юридическій факультетъ, на заключеніе котораго передано было прошеніе Эдильханова, отозвался, что съ его стороны нѣтъ препятствій къ удовлетворенію просьбы. Въ виду такого отзыва и бывшихъ примѣровъ разрѣшеніе такихъ просьбъ Совѣтомъ въ благо-

пріятномъ для студентовъ смыслѣ (въ засѣданіи напр. 8 марта тек. года такъ рѣшена просьба студента Мацкевича), а также въ виду начавшихся уже экзаменовъ, онъ, ректоръ, просилъ юридическій факультетъ допустить Эдильханова къ испытанію и о такомъ своемъ распоряженіи доводить до свѣдѣнія Совѣта. *Опредѣлили*: сдѣланное г. ректоромъ распоряженіе утвердить.

7. Представленіе юридическаго факультета: юридическій факультетъ, въ засѣданіи 16 апрѣля, по заслушаніи и обсужденіи прилагаемаго при семъ предложенія проф. Д. И. Азаревича объ избраніи магистра политической экономіи Л. В. Федоровича на кафедру политической экономіи и статистики съ званіемъ штатнаго доцента, приступилъ къ баллотировкѣ, въ результатъ которой г. Федоровичъ оказался избраннымъ единогласно. Доводя о семъ до свѣдѣнія Совѣта, юридическій факультетъ имѣетъ честь ходатайствовать подвергнуть г. Федоровича баллотировкѣ на означенную должность.

При семъ прилагается отзывъ юридическаго факультета Петербургскаго университета о магистерской диссертациі г. Федоровича.

Предложеніе проф. Азаревича: «Л. В. Федоровичъ окончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ Петербургскомъ университетѣ, причѣмъ удостоенъ золотой медали за курсное сочиненіе подъ заглавіемъ «Экономическія основанія заработной платы»¹⁾. За симъ, по выдержаніи экзамена на магистра политической экономіи и защитѣ диссертациі, былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу. Громадная его магистерская диссертациа (345 стр.) посвящена предмету, далеко недавно сложившемуся въ самостоятель-

¹⁾ См. Протоколы засѣданій Совѣта Спб. университета за первую половину 1876—77 г. Ж 15.

ную форму экономического и общественного вопроса, относимаго теперь къ отдѣлу фабричнаго законодательства, а именно: «О жилыхъ помѣщеніяхъ рабочихъ» (Спб. 1881). Трудъ г. Федоровича раздѣляется на небольшое введение и два большихъ отдѣла. Въ введеніи авторъ разбираетъ основанія крупнаго производства и его отношеніе къ социальному вопросу, затѣмъ опредѣляетъ мѣсто и значеніе вопроса о жилищахъ рабочихъ при этомъ производствѣ. Затѣмъ въ первой части, озаглавленной «жилищная нужда» авторъ, на основаніи статистическихъ и санитарныхъ изслѣдованій, очерчиваетъ современное положеніе жилищъ рабочаго класса въ различныхъ странахъ, рассматриваетъ причины возникновенія жилищной нужды и вліянія жилища на физическія и нравственныя качества жителей, а затѣмъ подробно останавливается на вопросѣ о значеніи жилищной собственности, какъ наилучшаго средства къ улучшенію быта рабочихъ. Во второй части авторъ рассматриваетъ «средства и способъ къ удовлетворенію жилищной нужды». Тутъ онъ останавливается прежде всего на различныхъ системахъ жилищъ для рабочихъ; не одобряетъ т. н. казарменную систему построекъ домовъ и склоняется къ т. наз. усадебной системѣ, иначе отдѣльныхъ домиковъ (коттеджей), собранныхъ въ рабочее поселеніе. При этомъ въ отдѣлѣ «о самопомощи рабочихъ» авторъ высказывается за право частной собственности рабочихъ на свои помѣщенія. Вотъ главное содержаніе труда г. Федоровича. Не будучи специалистомъ, я могу указать факультету прежде всего на громадную начитанность автора и прекрасное изложеніе, затѣмъ на рецензію въ повременныхъ изданіяхъ (Вѣстникъ Европы 1882, мартъ, стр. 410—415 и заграничный Вѣстникъ 1882, январь, стр. 229—240) и на слѣдую-

щія заключительныя слова отзыва Петербургскаго юридическаго факультета: «оставляя въ сторонѣ нѣкоторую поспѣшность и сравнительную слабость экономического введенія въ диссертациі, самый предметъ ея разобранъ полно и обстоятельно, пользование пособиями и литературою до того осмотрительно и живо, критика спокойна и убѣдительна, что принимая во вниманіе талантливость и тщательность отдѣлки изслѣдованія, нельзя не признать настоящую диссертацию совершенно новымъ и цѣннымъ вкладомъ въ экономическую литературу».

На основаніи сказаннаго имѣю честь предложить Л. В. Федоровича на вакантную кафедру политической экономіи съ званіемъ штатнаго доцента».

Отзывъ юридическаго факультета С.-Петербургскаго университета о магистерской диссертациі г. Федоровича.
«Разобравъ основанія крупныхъ производствъ и его отношеніе къ соціальному вопросу, авторъ опредѣляетъ мѣсто и значеніе вопроса о жилищахъ рабочихъ въ послѣднемъ, а затѣмъ уже переходитъ къ изслѣдованію жилищной нужды въ частности. Въ первомъ мѣстѣ очерчиваетъ настоящее положеніе жилья рабочихъ въ разныхъ странахъ и переходитъ къ изслѣдованію историческаго возникновенія жилищной нужды рабочихъ людей, различая причины ея по категориямъ. Разсмотрѣвъ затѣмъ подобно физическое и нравственное вліяніе жилищной нужды на рабочее сословіе, онъ накопецъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на много-различныя стороны жилищной собственности, какъ средства къ улучшенію быта рабочихъ людей, критически оцѣнивая и разбирая каждую изъ нихъ.

Послѣ такого обстоятельнаго фактическаго изложенія и связнаго теоретическаго построенія, сопровождаемаго даро-

витю, осмотрительною и безстрастною критикою, авторъ уже приступаетъ къ всестороннему освѣщенію средствъ и способовъ удовлетворенія жилищной нужды.

На почвѣ существующихъ печатныхъ матеріаловъ онъ перебираетъ всѣ формы и виды казарменной и усадебной системъ жилищъ, критически оцѣниваетъ дѣятельность благотворительныхъ обществъ дешевыхъ квартиръ и вслѣдъ затѣмъ дѣятельность промысловыхъ предпринимателей къ доставленію жилыхъ помѣщеній рабочимъ

Наконецъ широко изложивъ разнообразныя попытки самопомощи рабочихъ на этомъ поприщѣ, онъ въ заключеніи критически разсматриваетъ мнѣніе Вагнера о правѣ частной собственности на земли, служащія для жительства и мѣстопробыванія, и строитъ послѣдовательно и цѣлостно свое воззрѣніе на обнаруживавшееся до сихъ поръ и необходимое въ будущемъ участіе государственнаго закона въ рѣшеніи жилищнаго вопроса для наемныхъ рабочихъ.

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторую поспѣшность и сравнительную слабость экономического введенія къ диссертациі, самый предметъ ея разобранъ полно и обстоятельно, пользование пособиями и литературою до того осмотрительно и здраво, критика спокойна и убѣдительна, что принимая во вниманіе талантливость и тщательность отдѣлки изслѣдованія, нельзя не признать настоящую диссертацию совершенно новымъ и цѣннымъ вкладомъ въ экономическую литературу».

По выслушаніи доклада, подвергнутый баллотированію г. Федоровичъ получилъ двадцать одинъ голосъ избирательный и три неизбирательныхъ ²⁾).

²⁾ Отсутствовавшіе профессора передали свои шары: Юргевичъ прое. Кочубинскому, Карастелевъ прое. Леонтовичу, Гротъ прое. Дигину.

Опредѣлили: ходатайствовать предъ г. попечителемъ объ утвержденіи магистра Федоровича доцентомъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики, со дня избранія его совѣтомъ на эту должность, т. е. съ 19-го апрѣля 1884 года.

8) Представленіе правленія: еще въ прошломъ 1883 году Совѣтъ университета ходатайствовалъ предъ Министерствомъ объ ассигнованіи 1600 руб. изъ общихъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава на выдачу въ вознагражденіе за 1883 годъ приватъ-доцентамъ Овсяннико-Буликовскому и Слешинскому. Не получая отвѣта на представленіе Совѣта по означенному вопросу и желая сохранить имѣвшійся остатокъ въ количествѣ 10386 р. 27 к., правленіе университета, заканчивая смѣтный періодъ 1883 г., частью израсходовало означенный остатокъ, а частью показало подлежащимъ выдачѣ въ теченіи 1884 года, назначивъ кредиторами казны разныхъ лицъ за порученные имъ заказы.

Между тѣмъ г. попечитель Одесскаго Учебнаго Округа предложеніемъ отъ 29 марта за № 2337, полученнымъ въ университетѣ 31 марта, далъ знать университету, что на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ отдѣлить 1600 р. изъ остатковъ отъ личнаго состава, см. 1883 г. по § 5 ст. 1. на вознагражденіе приватъ-доцентовъ гг. Овсяннико-Буликовскаго и Слешинскаго за 1883 годъ съ употребленіемъ на сей же предметъ 800 р., изъ спеціальныхъ средствъ университета.

По заслушаніи означеннаго предложенія, правленіе университета въ экстренномъ засѣданіи своемъ 31-го марта постановило: просить Казенную Палату: 1), не утверждать именной списокъ кредиторовъ казны по смѣтѣ 1883 года,

отправленный при отношеніи правленія отъ 24 марта за № 820, и 2) перечислить изъ § 5 ст. 1, на содержаніе личнаго состава не 10386 р. 27 к., какъ объ этомъ сообщено Казенной Палатѣ, а лишь 9337 р. 17 к., показавъ на остающіеся въ § 5 ст. 1-й 1319 руб. 56 к., кредиторами казны гг. Овсяннико-Буликовскаго и Слешинскаго.

Нынѣ Казенная Палата, отношеніемъ отъ 11 апрѣля за № 1970, сообщила правленію, что именной списокъ кредиторовъ казны по заключенной смѣтѣ 1883 года, отправленный въ Палату 31 марта за № 922, признанъ подлежащимъ удовлетворенію, т. е. гг. Овсяннико-Буликовскій и Слешинскій показаны кредиторами казны на 1319 р. 56 к.

Принимая во вниманіе, что до 1600 р., назначенныхъ къ выдачѣ гг. Овсяннико-Буликовскому и Слешинскому будетъ недоставать еще 280 р. 44 к., правленіе университета, согласно опредѣленію своему, 17 апрѣля состоявшемуся, имѣетъ честь просить разрѣшенія на употребленіе 280 р. 44 к., изъ специальныхъ средствъ университета, суммы сбора за слушаніе лекцій, для вознагражденія гг. Овсяннико-Буликовскаго и Слешинскаго. *Опредѣлили*: Недостающіе 280 р. 44 к. отнести на спеціальныя средства.

9. По предложенію г. ректора объ установленіи очереди приготовленія рѣчи къ торжественному акту 1885 года. *Опредѣлили*: признать очередь за юридическимъ факультетомъ.

10. Представленіе физико-математическаго факультета объ исходатайствованіи, въ дополненіе къ имѣющейся на постройку оранжереи суммѣ, еще шести тысячъ рублей. *Опредѣлили*: препроводить предварительно въ правленіе.

Засѣданіе 10 мая 1884 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ г. и. д. ректора **Ө. И. Леонтовича**, гг. члены: **И. С. Некрасовъ**, **А. А. Вериго**, **М. И. Малининъ**, **Б. И. Барастелевъ**, **В. Н. Юргевичъ**, **Е. Ө. Сабининъ**, **В. В. Заленскій**, **И. Ф. Синцовъ**, **Д. И. Азаревичъ**, **А. А. Бочубинскій**, **Н. А. Умовъ**, **А. Н. Бударявцевъ**, **В. М. Войтговскій**, **Е. Ф. Блименко**, **Л. Ф. Воеводскій**, **В. М. Петріевъ**, **Н. Я. Гротъ**, **Г. И. Перегятковичъ**. Не присутствовали: ректоръ **С. П. Ярошенко**, **А. М. Богдановскій**, **В. Н. Лигинъ**—по болѣзни, **Н. А. Головкинскій**, **А. С. Трачевскій**—по находженію въ отпуску, **Н. П. Бондаковъ**, **Ө. И. Успенскій**—по находженію въ заграничной командировкѣ, **А. О. Ковалевскій**, **Ө. Н. Шведовъ**—по неизвѣстной причинѣ.

СЛУШАЛИ:

Предложенія г. попечителя Одесскаго Учебнаго Округа:
2. Отъ 6 мая № 3481 о разрѣшеніи заграничныхъ командировокъ съ ученою цѣлію проф. **Бондакову** и **Успенскому** съ 25 апрѣля на лѣтнее вакаціонное время текущаго года.

При этомъ доложено, что проф. **Бондаковъ** и **Успенскій** отправились уже въ командировки. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

3. Отъ 7 мая № 3534 о разрѣшеніи пригласить, въ качествѣ посторонняго преподавателя, приватъ-доцента **Ивановскаго** къ чтенію обязательныхъ лекцій по международному праву съ вознагражденіемъ по 1200 р. въ годъ изъ общихъ остатковъ отъ суммы, на содержаніе личнаго состава назначенной. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе о выдачѣ вознагражденія со дня избранія и въ факультетъ.

Представленія факультетовъ:

4. Историко-филологическаго и физико-математическаго объ утвержденіи въ степени кандидата гг. Брыжановскаго, Фарбовскаго, Режабека и Васютинскаго. *Опредѣлили*: утвердить и выдать дипломы.

5. Юридическаго: юридическій факультетъ въ своемъ засѣданіи 3 мая, заслушавъ предложеніе декана, проф. М. И. Малинина, о приглашеніи Н. М. Цытовича въ качествѣ частнаго преподавателя по статистикѣ, единогласно постановилъ ходатайствовать передъ совѣтомъ: 1) о назначеніи г. Цытовичу обязательныхъ лекцій по статистикѣ 3 часа въ недѣлю, и 2) о вознагражденіи г. Цытовичу въ размѣрѣ 1200 руб. въ годъ изъ остаточныхъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе личнаго состава университета. Согласно съ такимъ постановленіемъ юридическій факультетъ имѣетъ честь войти съ ходатайствомъ передъ Совѣтомъ.

Предложеніе ординарнаго профессора Малинина: «Я уже имѣлъ честь докладывать факультету о результатахъ моихъ сношеній, по порученію факультета, съ молодыми учеными въ видахъ замѣщенія вакантныхъ у насъ каедръ, особенно по отдѣлу наукъ политико-экономическихъ и административныхъ. Между прочимъ факультету извѣстны лестные отзывы юридическаго факультета Кіевского университета объ одномъ изъ молодыхъ ученыхъ, Николаѣ Мартиньяновичѣ Цытовичѣ, состоявшемъ стипендіатомъ при этомъ университетѣ для приготовления къ профессурѣ. Въ настоящее время г. Цытовичъ окончилъ печатаніемъ изслѣдованія «О кустарной промышленности въ Россіи». Изслѣдованіе это, по моему мнѣнію, даетъ факультету полное основаніе пригласить автора въ качествѣ сторонняго пре-

подавателя по разряду наукъ политико-экономическихъ. Миѣ нѣтъ надобности говорить предъ факультетомъ о томъ научномъ и практическомъ интересѣ, какой представляетъ собою избранный авторомъ предметъ изслѣдованія. Не оставя безъ вниманія сравнительно не многія научныя изслѣдованія о кустарной промышленности, г. Цытовичъ главнымъ образомъ подвергаетъ научной разработкѣ собранный до сихъ поръ статистическій матеріалъ по вопросу. Авторъ начинаетъ изслѣдованіе съ опредѣленія кустарной промышленности. Въ этой главѣ онъ критически разбираетъ имѣющіяся въ нашей литературѣ опредѣленія кустарной промышленности и основанія этихъ опредѣленій. Исходя, затѣмъ, изъ того положенія, что опредѣленіе кустарной промышленности должно подходить къ общепринятому пониманію ея, г. Цытовичъ говоритъ: «мы должны были бы обратиться къ анализу явленій, окрещиваемыхъ общимъ именемъ домашнихъ промысловъ крестьянъ или сельской обрабатывающей промышленности и опредѣлить, какія изъ нихъ могутъ составить группу, заслуживающую особаго научнаго термина. Но такъ какъ этотъ вопросъ связанъ съ вопросомъ о классификаціи производительныхъ предпріятій, то необходимо прежде установить тѣ начала, на которыхъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть построена эта классификація» (стр. 14). Указавъ на постановку вопроса, сдѣланную авторомъ, я не имѣю въ виду слѣдить за изслѣдователемъ шагъ за шагомъ и ограничусь указаніемъ результатовъ, къ которымъ онъ пришелъ. Кустарной промышленностью онъ называетъ домашніе промыслы, принадлежащіе къ обрабатывающей промышленности, соединенные съ земледѣліемъ. Во второй главѣ авторъ изслѣдуетъ причины, вызвавшія въ Россіи кустарную промышленность и способ-

ствовавшіе ея развитію (стр. 31—70). Въ этой главѣ, какъ и въ предыдущей, г. Цытовичъ критически разбираетъ мнѣнія другихъ писателей по вопросу и, пользуясь статистическимъ матеріаломъ, дѣлаетъ самостоятельныя удачныя попытки къ разрѣшенію его. Третья и четвертая главы посвящены ученію объ организаціи кустарнаго производства (стр. 71—128). Эта догматическая часть труда вся построена на статистическихъ данныхъ. Наконецъ въ пятой главѣ авторъ изслѣдуетъ вопросъ о взаимномъ отношеніи кустарной промышленности и сельскаго хозяйства. Въ заключеніе г. Цытовичъ, на основаніи своего изслѣдованія, старается дать отвѣты на слѣдующіе три вопроса: какая будущность предстоитъ нашей кустарной промышленности, какое значеніе имѣетъ она для народнаго хозяйства и какія мѣры необходимы для поддержанія и дальнѣйшаго развитія ея?

Сдѣланный мною краткій обзоръ содержанія труда г. Цытовича указываетъ, что авторъ стремился обнять предметъ во всей полнотѣ. Что касается научныхъ достоинствъ изслѣдованія, я думаю, что члены факультета изъ чтенія книги г. Цытовича вынесутъ тоже убѣжденіе, что и я. За авторомъ нельзя не признать самостоятельности въ критикѣ существующихъ возрѣній по вопросу, а также трудолюбія, умѣнья тщательности и выдержанной системы въ выборѣ, разработкѣ и изложеніи статистическаго матеріала и осторожности въ выводахъ и обобщеніяхъ. Эти достоинства служатъ основаніемъ моего предложенія о приглашеніи г. Цытовича въ качествѣ сторожняго преподавателя по статистикѣ съ вознагражденіемъ въ размѣрѣ 1200 руб. въ годъ изъ штатныхъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе личнаго состава нашего университета.

По выслушаніи доклада, вопросъ о приглашеніи г. Цыто-

вича стороннимъ преподавателемъ статистики съ вознагражденіемъ по 1200 руб. въ годъ пущенъ былъ на баллотировку закрытыми голосами, въ результатѣ которой всѣ голоса, *двадцать одинъ*, оказались утвердительными. *Опредѣлили*: ходатайствовать о разрѣшеніи пригласить г. Цытовича стороннимъ преподавателемъ съ вознагражденіемъ съ 10 мая, т. е. со дня избранія его Совѣтомъ.

6. Историко-филологическаго и физико математическаго факультетовъ о назначеніи вознагражденія привать-доцентамъ Овсяннико-Куликовскому и Слешинскому за порученное имъ чтеніе лекцій въ слѣдующемъ академическомъ году по 800 руб. изъ общихъ остатковъ и по 400 р. изъ специальныхъ средствъ.

При баллотированіи вопроса о вознагражденіи привать-доценту Овсяннико-Куликовскому получилось восемнадцать голосовъ утвердительныхъ и одинъ отрицательный, а Слешинскому — семнадцать голосовъ утвердительныхъ и два отрицательныхъ. *Опредѣлили*: ходатайствовать.

7. Физико-математическаго факультета: въ засѣданіи 27 апрѣля факультетъ подвергалъ баллотированію, по предложенію проф. Вериги и Блименко, на должность лаборанта химической лабораторіи кандидата естественныхъ наукъ, оставленнаго въ качествѣ стипендіата при университетѣ, Анатолія Немировскаго. Въ результатѣ баллотированія всѣ голоса оказались избирательными. Вслѣдствіе чего физико-математическій факультетъ покорнѣйше проситъ Совѣтъ объ избраніи г. Немировскаго на должность лаборанта. Подлинное представленіе при семъ прилагается.

Предложеніе проф. Вериги и Блименко: «Честъ имѣемъ ходатайствовать предъ факультетомъ объ избраніи на вакантную должность лаборанта при химической лабораторіи

кандидата естественныхъ наукъ Новороссійскаго университета, Немировскаго. Г. Немировскій окончилъ курсъ въ 1881—82 учебномъ году. Во все время пребыванія въ университетѣ онъ прилежно и съ успѣхомъ занимался химіею и кромѣ основательнаго знакомства съ аналитическою химіею и метода химическаго изслѣдованія онъ успѣлъ предпринять подѣ руководствомъ профессора Петріева работу, которая затѣмъ была сообщена въ химическую секцію VII Съѣзда естествоиспытателей и врачей о дѣйствіи цинаэтила на эфиръ фумаровой кислоты, объ этиль-янтарной кислотѣ и о кислотѣ эфира фумаровой кислоты.

Оставленный при университетѣ въ качествѣ стипендіата, Немировскій продолжалъ рядъ начатыхъ имъ работъ и въ его отчетѣ о занятіяхъ особенное вниманіе обращаетъ на себя изслѣдованіе надъ двойными разложеніями. Какъ по интересу полученныхъ результатовъ, такъ и по чрезвычайно тщательной аналитической работѣ, указывающей на то, что г. Немировскій весьма хорошо владѣетъ аналитическими методами, онъ въ особенности можетъ быть полезнымъ, въ качествѣ лаборанта, завѣдывающимъ занятіями студентовъ въ аналитической лабораторіи.

На основаніи всего этого мы покорнѣйше просимъ факультетъ подвергнуть г. Немировскаго баллотированію на занятіе должности лаборанта при аналитической лабораторіи.

Подвергнутый баллотированію въ Совѣтѣ г. Немировскій получилъ двадцать голосовъ избирательныхъ и одинъ неизбирательный. *Опредѣл. м. м.*: представить г. попечителю объ утвержденіи кандидата Немировскаго въ должности лаборанта химической лабораторіи съ 10 мая 1884 года.

8. Того-же факультета: въ засѣданіи 7 мая физико-математическій факультетъ подвергалъ, по предложенію

доцента Рейнгарда, баллотированію на должность университетскаго садовника окончившаго курсъ въ училищѣ садоводства при Никитскомъ садѣ Александра Клаусена, причемъ въ результатѣ баллотированія всѣ двѣнадцать голосовъ оказались избирательными.

Вслѣдствіе этого физико-математическій факультетъ честь имѣетъ покорнѣйше просить Совѣтъ объ избраніи г. Клаусена на должность университетскаго садовника. Подлинное представленіе доцента Рейнгарда, прошенія и документы г. Клаусена при семъ препровождаются.

Предложеніе доцента Рейнгарда: Г. Клаусенъ обратился въ факультетъ съ прошеніемъ о предоставленіи ему штатнаго мѣста университетскаго садовника.

Такъ какъ г. Клаусенъ съ успѣхомъ окончилъ курсъ Никитскаго училища садоводства и затѣмъ два года занимался практически въ лучшихъ садовыхъ зведеніяхъ за границею, и такъ какъ мнѣ приходилось слышать о г. Клаусенѣ самые лучшіе отзывы, то и я, съ своей стороны, считаю долгомъ рекомендовать г. Клаусена вниманію факультета и покорнѣйше прошу подвергнуть баллотировкѣ для избранія въ штатныя садовники университета.

Подвергнутый баллотированію въ Совѣтъ, г. Клаусенъ получилъ двадцать голосовъ избирательныхъ и одинъ неизбирательный. *Опредѣлили*: ходатайствовать объ утвержденіи.

9. Того же факультета объ исходатайствованіи проф. Синцову командировки на каникулярное время и 30 дней для геологическихъ изслѣдованій. *Опредѣлили*: ходатайствовать.

Представленія правленія:

10. О назначеніи старшему служителю, Семену Слобо-

данюку, единовременнаго пособія въ размѣрѣ пятидесяти руб. изъ спеціальныхъ средствъ.

Послѣ объясненій ректора и обмѣна мнѣній между членами Совѣта, *Опредѣлено*: въ виду исключительнаго случая выдать *пятьдесятъ* руб. изъ спеціальныхъ средствъ.

11. О раздѣлѣ между гг. преподавателями суммы сбора съ постороннихъ слушателей во второмъ полугодіи 188³/₄ учебнаго года. *Опредѣлили*: представленный проектъ распределенія утвердить.

12. Рапортъ проректора о томъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ пропущено гг. преподавателями слѣдующее число лекцій: *по болъзни*: Шведовымъ 1, Умовымъ 6, Юргевичемъ 20, Леонтовичемъ 7, Некрасовымъ 1, Головкинскимъ 4, Трачевскимъ 8, Гротомъ 3, Вериго 2, Азаревичемъ 1, Бононовичемъ 3, Буликовскимъ 2, Слешинскимъ 2, Блоссовскимъ 1. *По случаю назначенія присяжнымъ засѣдателемъ*: Шведовымъ 3, Палаузовымъ 2. *По дѣламъ службы*: Малининымъ 1. *По случаю отпуска*: Буликовскимъ 3. *По случаю назначенія экспертомъ*: Лигинымъ 2. *По неизвѣстной причинѣ*: Буликовскимъ 1. *Опредѣлили*: записать въ протоколъ.

13. Отношеніе ректора университета Св. Владиміра отъ 4 мая № 193 слѣдующаго содержанія: «по всеподаннѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія Государь Императоръ въ 1-й декабря 1883 года Всемилостивѣйше соизволилъ на празднованіе 8 сентября 1884 г. пятидесятилѣтія существованія Императорскаго университета Св. Владиміра.

Извѣщая о семъ Императорскій Новороссійскій Университетъ, Императорскій университетъ Св. Владиміра почтѣннѣе проситъ почтить своимъ участіемъ его 50-лѣтнее юбилейное празднество, имѣющее происходить 7,

8 и 9 сентября сего 1884 года». *Опредѣлили*: командировать г. ректора С. П. Ярошенко и профессоровъ Леонтовича, Бовалевскаго и Бочубинскаго, назначивъ пособіе изъ спеціальныхъ средствъ по сту руб. каждому и поручивъ означеннымъ лицамъ составить проэктъ адреса къ первому августовскому засѣданію Совѣта.

14. Отзывъ комисіи изъ декановъ: «Комисіа, рассмотрѣвъ проэктъ отчета о состояніи и дѣятельности университета въ 1883 году, признала его составленнымъ по данному Министерствомъ плану удовлетворительно. При этомъ деканъ юридическаго факультета обращаетъ вниманіе Совѣта на 4 п. II отд. отчета, гдѣ излагаются мѣры, принятыя факультетомъ къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ. По мнѣнію профессора Малинина, изложеніе хода занятій со студентами на историко-филологическомъ факультетѣ слишкомъ подробно сравнительно съ враткимъ обозначеніемъ мѣръ, принимавшихся на остальныхъ двухъ факультетахъ; желательно было бы большее единообразіе въ сообщеніяхъ о занятіяхъ со студентами по всѣмъ факультетамъ». *Опредѣлили*: отчетъ утвердить, сокративъ 4 п. II его отдѣла.

15. Было доложено, что 1 іюня сего года оканчивается трехлѣтній срокъ, на который избранъ былъ редакторомъ Университетскихъ Записокъ ординарный проф. Бочубинскій.

По произведенной баллотировкѣ подачею записокъ оказался избраннымъ на слѣдующее трехлѣтіе снова проф. Бочубинскій. *Опредѣлили*: представить г. попечителю объ утвержденіи ординарнаго профессора Бочубинскаго редакторомъ Университетскихъ Записокъ на три года, съ іюня 1884 года.

Засѣданіе Совѣта 31 мая.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ г. ректора С. П. Ярошенко, гг. члены: **Ө. И. Леонтовичъ, И. С. Некрасовъ, А. А. Вериго, М. И. Малининъ. Б. И. Барастелевъ, А. М. Богдановскій, Г. Ө. Сабининъ, А. О. Бовалевскій, В. В. Заленскій, А. А. Бочубинскій, В. Н. Лигинъ, А. Н. Бударцевъ, В. М. Войтковскій, Л. Ф. Воеводскій, Г. И. Перетятковичъ, А. Б. Кононовичъ.** Не присутствовали: **Н. А. Головкинскій, Ө. Н. Шведовъ, И. Ф. Синцовъ, Д. Н. Азаревичъ, А. С. Трачевскій, Н. И. Бондаковъ, Ө. И. Успенскій, Н. А. Умовъ, В. М. Петривъ, Н. Я. Гротъ,** по нахожденію въ отпуску, **В. Н. Юргевичъ и Е. Ф. Блименко** — безъ объясненія причинъ.

С л у ш а л и :

Предложеніе г. попечителя Одесскаго учебнаго округа:

2. Отъ 15 мая, № 3649, слѣдующаго содержанія: имѣя въ виду необходимость подготовки достаточнаго числа учителей для преподаванія механики въ реальныхъ училищахъ, министерство народнаго просвѣщенія предполагаетъ въ нынѣшнемъ году отправить въ Императорское Московское техническое училище известное число молодыхъ людей, съ тѣмъ, чтобы они, въ продолженіи не болѣе двухъ лѣтъ, изучали тамъ назначенные имъ предметы, съ полученіемъ ежегодной стипендіи по 1000 руб. и на путевые расходы по 50 руб. За тѣмъ эти молодые люди будутъ обязаны прослужить по 6 лѣтъ учителями въ реальныхъ училищахъ, также по назначенію министерства, не исключая и отдаленныхъ мѣстъ Сибири, Кавказа и Туркестанскаго края.

Для осуществленія такого предположенія, г. министр народнаго просвѣщенія, предложеніемъ отъ 5-го мая за № 6402, проситъ предложить Совѣту Новороссійскаго университета доставить свѣдѣнія, не имѣются-ли молодые люди, кончающіе въ текущемъ году, или окончившіе уже съ успѣхомъ курсъ наукъ по математическому факультету, по возможности удовлетворительно знающіе нѣмецкій и французскій языки, заслуживающіе одобренія по своимъ нравственнымъ качествамъ и желающіе воспользоваться означенною стипендіею на условіяхъ, изложенныхъ выше и въ циркулярныхъ предложеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 20 и 30 октября 1873 г. и 8 марта 1875 года.

Сообщая о вышеизложенномъ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу, если таковые окажутся, то уведомить меня въ возможно непродолжительномъ времени, съ обозначеніемъ о каждомъ изъ нихъ отзывомъ тѣхъ профессоровъ, которые ихъ рекомендуютъ, а равно и біографическихъ свѣдѣній, написанныхъ самими кандидатами на вышеупомянутыя стипендіи на нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ и, сверхъ того, удостовѣреній вашихъ о полной благонадежности ихъ въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ.

При этомъ присовокупляю, что стипендіаты по части механики должны пробыть оба года въ Московскомъ техническомъ училищѣ, подчиняясь всѣмъ правиламъ этого заведенія и подвергаясь ежегодно экзаменамъ, въ опредѣленные для всѣхъ учащихся сроки, и что, предварительно командировки, они должны выдать надлежащія подписки въ точномъ исполненіи всѣхъ принимаемыхъ ими на себя согласно сему циркуляру обязательствъ.

При этомъ доложено, что настоящее предложеніе сообщено, въ копіи, въ физико-математическій факультетъ. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

3. Отъ 16 мая, №№ 3677,—3676, ст. 21 мая № 3775 и отъ 23 мая № 3787, объ утвержденіи: ординарнаго профессора Некрасова вновь деканомъ историко-филологическаго факультета,—доцента Буоновича экстраординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ астрономіи, — проректора и ординарнаго профессора Леонтовича, съ 12 сего мая, директоромъ Одесскаго коммерческаго училища, съ оставленіемъ профессоромъ и съ увольненіемъ отъ должности проректора, кандидата естественныхъ наукъ Немировскаго въ должности лаборанта химической лабораторіи съ 10 мая сего года.

При этомъ доложено, что о перечисленныхъ назначеніяхъ сообщено въ правленіе университета. *Опредѣлили*: Записать въ формуляры и сообщить въ подлежащіе факультеты.

4. Отъ 21 мая, № 3732, слѣдующаго содержанія: въ іюлѣ мѣсяцѣ 1883 года Совѣту университета сообщена была копія предложенія г. министра народнаго просвѣщенія отъ 17 іюля за № 7736 по вопросу объ учрежденіи при университетахъ кафедры географій на началахъ, выработанныхъ Новороссійскимъ университетомъ и одобренныхъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ настоящее время начальство Казанскаго учебнаго округа представило въ министерство народнаго просвѣщенія иявіе физико-математическаго факультета Казанскаго университета объ учрежденіи при университетахъ кафедры географіи на иныхъ началахъ.

Препровождая при семъ полученную мною отъ г. министра народнаго просвѣщенія 9 сего мая, за № 6646, выписку изъ представленія по означенному вопросу Совѣта Базанскаго университета отъ 14 февраля 1884 г., за № 223, на обсужденіе Совѣта, предлагаю о мнѣніи своемъ по сему предмету мнѣ донести.

Выписка изъ представленія Совѣта Базанскаго университета отъ 14 февраля 1884 г., за № 223.

Физико-математическій факультетъ Базанскаго университета донесъ Совѣту сего университета о нижеслѣдующемъ:

Вслѣдствіе предложенія Совѣта университета дать заключеніе по вопросу объ учрежденіи особой каведры географіи въ Россійскихъ университетахъ, физико-математическій факультетъ, по прочтеніи переданной ему копии съ отношенія департамента народнаго просвѣщенія, избралъ изъ своей среды комисію для обсужденія предложеннаго вопроса. Въ засѣданіи факультета 5 декабря 1883 г. избранная факультетомъ комисія представила выработанный ею докладъ по вышеозначенному вопросу слѣдующаго содержанія: «комисія, составленная изъ членовъ физико-математическаго факультета, разсматривала мнѣніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по вопросу объ учрежденіи каведры географіи и не находитъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ ученаго комитета, по которому объектомъ географической науки должно служить все то, что относится къ человѣку. Человѣкъ не можетъ быть отдѣленъ отъ окружающихъ его естественно-историческихъ условій. и никто еще не суживалъ такъ предѣлы географической науки, а между тѣмъ, по мнѣнію члена комисіи Новороссійскаго университета, подавшаго отдѣльное мнѣніе, съ которымъ согласно мнѣніе ученаго комитета

министерства народного просвѣщенія, естественно-историческія условія, окружающія человѣка, должны быть исключены изъ области географической науки: такъ какъ въ составъ наукъ, по которымъ должно, по мнѣнію члена, производить экзаменъ на степень магистра географіи, не входитъ совсѣмъ физическая географія. По мнѣнію комисіи изъ профессоровъ физико-математическаго факультета, изученіе всего того, что относится только къ человѣку, могло составить задачу спеціального отдѣла этнографіи (изученіе быта, нравовъ, вѣрованій и проч.). Учрежденіе кафедры географіи имѣетъ двѣ цѣли: приготовленія ученыхъ изслѣдователей и преподавателей географіи. Какъ ученый, такъ и преподаватель, игнорируя естественно-историческія условія, оставались-бы безъ почвы. Естественно-историческая почва современной географической науки въ Германіи можетъ быть демонстрирована указаніемъ на географическій журналъ Петермана и на дѣятельность большинства географическихъ обществъ. Точно также нельзя согласиться съ мнѣніемъ комисіи Новороссійскаго университета, что кафедра географіи можетъ существовать въ университетѣ, не будучи приурочена ни къ какому факультету. Связь географической науки съ другими естественно-историческими науками указываетъ на принадлежность ея къ физико-математическому факультету. На основаніи всего сказаннаго комисіи пришла къ слѣдующему заключенію: 1) кафедра географіи должна быть учреждена при физико-математическомъ факультетѣ; 2) въ составъ кафедры географіи должны входить: общее землѣдѣніе, какъ главный предметъ, т. е. орографія съ распредѣленіемъ и распространеніемъ геологическихъ формацій, гидрографія, зоо-и фитографія.

При экзаменѣ на магистра географіи вспомогательными или дополнительными науками входятъ: физическая географія (въ объемѣ университетскаго курса) и этнологія съ главнѣйшими свѣдѣніями изъ этнографіи. Приобрѣтеніе степеней магистра и доктора географіи производится на общихъ основаніяхъ. При такой постановкѣ кафедры географіи устраняются неудобства принадлежности этой кафедры двумъ факультетамъ, на которыя указываетъ мнѣніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія; что касается до этнологіи съ этнографіей, которая не входитъ въ составъ наукъ физико-математическаго факультета, то эта наука находится въ такомъ же положеніи и относительно историко-филологическаго факультета. Членъ комисіи Новороссійскаго университета, подавшій отдѣльное мнѣніе, съ которымъ согласился ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, на-сколько можно судить, имѣлъ въ виду не учрежденіе кафедры географіи, какъ самостоятельной науки, а скорѣе желалъ учредить при филологическомъ факультетѣ еще одну кафедру исторіи, предметомъ которой была-бы историческая географія и этнографія, преподаваніе которой не мыслимо безъ политической географіи, статистики и проч. Физико-математическій факультетъ согласенъ съ заключеніемъ комисіи изъ профессоровъ факультета, о чемъ и имѣетъ честь донести Совѣту университета. *Опредѣлили*: передать предварительно въ историко-филологическій и физико-математическій факультеты.

5. Отъ 21 мая № 3736: въ представленіи отъ 28 марта, за № 2329, я ходатайствовалъ предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о зачисленіи ординарному профессору Новороссійскаго университета дѣйствительному статскому совѣтнику Ковалевскому въ дѣйствительную службу

времени, проведеннаго имъ на собственный счетъ за границею для приготовления къ профессорскому званію, по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ 25 ноября 1863 г. по 10 октября 1866 г., всего 2-хъ лѣтъ 10 мѣсяцевъ и 15 дней.

По соображеніи означеннаго ходатайства съ дѣйствующими законоположеніями оказывается, что на основаніи ст. 282 св. зак. т. III (изд. 1876 г.) Уст. о служб. по опред. отъ правит. время, проведенное лицами высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія въ чужихъ краяхъ, на собственный счетъ, для усовершенствованія себя въ наукахъ, зачитывается имъ въ дѣйствительную службу, при условіи такого зачета не болѣе 3-хъ лѣтъ, когда лица сія прослужатъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній двойной срокъ противъ того времени, которое допускается къ зачету.

Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду, что бытность профессора Ковалевскаго за границею для подготовленія себя къ профессорскому званію подтверждается представленными данными, товарищъ г. министра народнаго просвѣщенія, отношеніемъ отъ 11-го мая за № 6605, увѣдомилъ меня, что со стороны сего министерства не встрѣчается препятствія къ зачисленію г. Ковалевскому, на точномъ основаніи приведеннаго закона, вышеупомянутаго времени приготовленія его къ профессорскому званію.

Сообщаю о семъ Совѣту университета, впослѣдствіе представленія отъ 22 истекшаго марта, за № 794, съ возвращеніемъ двухъ свидѣтельствъ заграничныхъ профессоровъ, Сегвенцы и Лейнарта, выданныхъ профессору Ковалевскому. *Опредѣлили:* занести въ формулярный списокъ профессора Ковалевскаго.

6. Представленія историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго факультетовъ о результатахъ переводныхъ и окончательныхъ испытаній, а также объ удостоеніи ученыхъ степеней и званій и назначеніи стипендій и пособій. *Опредѣлили*: 1) переводъ въ высшіе курсы утвердить; 2) утвердить въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ, удостоенныхъ факультетами за исключеніемъ лицъ, принадлежащихъ къ податному сословію, о которыхъ предварительно снестиcя съ подлежащими казенными палатами относительно исключенія ихъ изъ подушнаго оклада; 3) распределеніе стипендій и пособій передать въ правленіе на окончательное рѣшеніе.

7. Представленія историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго факультетовъ о назначенныхъ темахъ на соисканіе премій въ будущемъ академическомъ году:

По историко-филологическому факультету:

«Крестьянинъ Посошковъ, его общественные взгляды и стремленія».

По физико-математическому факультету:

По физикѣ: «Описаніе и теорія явленій аномальной дисперсіи въ связи съ явлениями поглощенія свѣта, поверхностнаго цвѣта и электрической поляризаціи». По химіи: «Представитъ настоящее состояніе и экспериментальную критику вопроса о химической функціи сахаристыхъ веществъ и углеводовъ вообще».

По юридическому:

По гражданскому судопроизводству.

1) «О заочномъ производствѣ и рѣшеніи по гражданскимъ дѣламъ»; 2) «Объ отиѣнѣ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ по просьбѣ третьихъ лицъ».

По уголовному судопроизводству: «Преюдиціальныя вопросы въ уголовномъ процессѣ. Теорія и положительное право западной Европы и Россіи по этому предмету». *Опредѣлили*: темы одобрить.

8. Представленіе историко-филологическаго факультета о порученіи преподаванія въ будущемъ году по вакантной кафедрѣ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ ординарному профессору Кочубинскому по 2 лекціи въ недѣлю по сравнительной грамматикѣ литовскаго языка, по одной для III и для IV курсовъ на отдѣленіи славяно-русской филологіи, и о назначеніи ему соответствующаго вознагражденія. *Опредѣлили*: утвердивъ сдѣланное факультетомъ распоряженіе, просить разрѣшенія г. попечителя производить профессору Кочубинскому установленное вознагражденіе по 225 руб. за годовую лекцію.

9. Представленія факультетовъ съ распредѣленіемъ лекцій на 1884/85 учебный годъ. *Опредѣлили*: утвердить.

10. Представленія историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ о присужденіи медалей: *золотыхъ* а) за сочиненіе на тему, заданную историко-филологическимъ факультетомъ: «Синайская глаголица, Требиникъ. Сравнительное обозрѣніе письма и языка», съ девизомъ—«молю же всѣхъ» и т. д.; б) за сочиненіе на

тему физико-математическаго факультета: «Анатомія и систематика Немертинъ Одесской бухты», съ девизомъ— «Licht, mehr Licht»; *серебрянной* за сочиненіе на ту же тему съ девизомъ— «въ изученіи природы наше спасеніе».

По выслушаніи подробныхъ рецензій на представленныя сочиненія, сдѣланныхъ профессорами Кочубинскимъ, Заленскимъ и Ковалевскимъ, Совѣтъ согласился съ заключеніемъ факультетовъ, и по вскрытіи конвертовъ съ девизами оказалось, что первое сочиненіе написано студентомъ IV курса славяно-русскаго отдѣленія Евгеніемъ Будде, второе студентомъ IV курса отдѣленія, естественныхъ наукъ, Іосифомъ Гартенштейномъ, а послѣднее студентомъ III курса, Штифельманомъ. *Опредѣлили*: выдать Евгенію Будде и Іосифу Гартенштейну золотыя медали, а Штифельману серебрянную медаль на торжественномъ актѣ.

11. Представленіе историко-филологическаго факультета о разрѣшеніи назначить для дополнительныхъ испытаній въ нынѣшнемъ году время отъ 10 по 20 сентября, въ виду того, что на вторую половину августа и начало сентября приходится VI Археологическій съѣздъ съ экскурсіею въ Брымъ, а также празднованіе 50 лѣтняго юбилея университета св. Владиміра въ Кіевѣ, гдѣ будутъ присутствовать и нѣкоторые члены факультета. *Опредѣлили*: ходатайствовать предъ г. попечителемъ округа о разрѣшеніи произвести экзамены на физико-математическомъ и юридическомъ факультетахъ съ 1 по 10 сентября, а на историко-филологическомъ съ 10 по 20 сентября.

12. Представленіе правленія о назначеніи помощнику бібліотекаря, Павлову, единовременнаго пособія изъ спеціальныхъ средствъ въ виду того, что въ настоящее время,

какъ объясняетъ г. Павловъ, онъ остался единственной поддержкой своихъ престарѣлыхъ родителей и находится въ крайне стѣсненномъ положеніи.

Справка: по рѣшенію Совѣта 6-го марта 1875 г. (ст. 4), въ засѣданіяхъ Совѣта, происходящихъ послѣ 15 мая и въ августѣ, не должны быть возбуждаемы и рѣшаемы между прочимъ дѣла о распредѣленіи вообще суммы, собираемой за слушаніе лекцій. *Опредѣлили*: въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, выдать пятьдесятъ руб.

13. Донесеніе юридическаго факультета о томъ, что приготовленіе торжественной рѣчи на 1885 годъ поручено ординарному профессору Д. И. Азаревичу. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

14. Отношеніе Совѣта Императорскаго Московскаго университета съ просьбою объ увѣдомленіи, не имѣется-ли препятствія къ перемѣщенію доцента Гамбарова на службу въ Московскій университетъ.

При этомъ доложено, что юридическій факультетъ нашего университета на запросъ г. ректора далъ отзывъ, что для перевода доцента Ю. С. Гамбарова препятствій не имѣется. *Опредѣлили*: увѣдомить Совѣтъ Московскаго университета о неимѣніи препятствій къ перемѣщенію г. Гамбарова, выславъ вмѣстѣ съ тѣмъ формулярный списокъ о его службѣ.

15. Письмо на имя ректора Свѣтлѣйшей княгини М. Воронцовой отъ 24 мая, слѣдующаго содержанія: «Покойный мужъ мой, князь Семень Михайловичъ Воронцовъ, духовнымъ завѣщеніемъ, утвержденнымъ С.-Петербургскимъ Окружнымъ судомъ 24 іюня 1882 года къ исполненію, оставилъ мнѣ въ собственность все свое движимое имущество, находив-

шееса во всѣхъ его квартирахъ; словесно мужъ мой передалъ мнѣ разные распоряженія свои и желанія, которыя я обѣщала ему свято исполнить; одно изъ этихъ желаній, самыхъ пламенныхъ, неоднократно имъ повторенное, было отдать его библиотеку, находившуюся въ майоратномъ домѣ въ Одессѣ, Новороссійскому университету въ знакъ его горячей любви къ б. Ришельевскому лицу, гдѣ онъ получилъ свое высшее образованіе.

Не смотря на то, что со дня смерти моего мужа истекло уже два года, я, къ великому прискорбію, до сихъ поръ лишена была возможности исполнить его волю, вслѣдствіе незаконныхъ притязаній опекунскаго управленія графовъ Шуваловыхъ на это имущество.

Единому Господу извѣстно, даруетъ-ли онъ мнѣ дожить до окончанія возбужденнаго опекунскимъ управленіемъ процесса, и потому я считаю своимъ священнымъ долгомъ нынѣ же заявить Вамъ, Милостивый Государь, какъ ректору, что эта библиотека, по волѣ князя Семена Михайловича Воронцова, должна составлять собственность Новороссійскаго университета; и если бы лично мнѣ не суждено было исполнить завѣтное желаніе моего покойнаго мужа, то я вмѣняю это въ обязанность моихъ душеприкащиковъ и наследниковъ.

Примите, господинъ ректоръ, увѣреніе въ истинномъ къ Вамъ уваженіи и преданности». *Опредѣлили*: выразить Свѣтлѣйшей княгинѣ М. Воронцовой глубокую признательность отъ имени Совѣта за пожертвованіе, согласно волѣ ея покойнаго мужа, опубликовавъ объ этомъ вмѣстѣ съ письмомъ въ мѣстныхъ газетахъ, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и Новомъ Времени.

16. Письмо на имя ректора Бишиневскаго городского головы отъ 23 мая: «26 сего мая послѣдуетъ открытіе въ городскомъ Александровскомъ саду обелиска А. С. Пушкину. По утвержденному городской думою церемоніалу, празднованіе открытія начнется служеніемъ въ кафедральномъ соборѣ съ панихидой по великомъ поэтѣ, послѣ чего шествіе при депутаціяхъ отъ учреждений и учебныхъ заведеній города направится въ городской садъ къ обелиску, который въ этотъ день будетъ убранъ флагами, медальонами изъ цвѣтовъ и вѣнками, послѣ же открытія обелиска въ саду будетъ играть до 11 часовъ вечера хоръ военной музыки. Вечеромъ въ залѣ благороднаго собранія будетъ устроенъ Пушкинскій литературно-музыкальный вечеръ, сборъ съ котораго предназначается на образованіе фонда для открытія школы имени А. С. Пушкина.

Увѣдомляя объ этомъ Ваше Превосходительство, я имѣю честь покорнѣйше просить, не благоугодно ли будетъ почтить открытіе перваго въ Новороссійскомъ Краѣ памятника великому поэту присылкою въ Бишиневъ ко дню праздника депутаціи отъ Императорскаго Новороссійскаго университета; при чемъ присовокупляю, что, по церемоніалу, при открытіи обелиска представителями депутацій могутъ быть произносимы рѣчи, съ проектами которыхъ, во избѣжаніе повтореній, желательно было бы предварительно познакомить учрежденную изъ гг. гласныхъ думы комиссію».

При этомъ доложено, что, по телеграммѣ городского головы, г. Шмидта, отъ 27 мая, открытіе обелиска Пушкину отлагается на нѣсколько мѣсяцевъ. *Опредѣлили*: отложить.

17. Предложеніе г. ректора отъ 31 мая, за № 1552, слѣдующаго содержанія: Правленіе университета въ засѣ-

даніи 28 мая, заслушавъ рапортъ г. проректора, при семъ прилагаемый, а также выслушавъ вызваннаго для объясненія студента Школинскаго, который подтвердилъ объясненіе, постановило, просить г. ректора внести дѣло о Школинскомъ въ Совѣтъ на основаніи § 86 Правиль.

Въ исполненіе постановленія правленія, имѣю честь представить все дѣло на усмотрѣніе Совѣта. *Опредѣлили:* предложить Школинскому подать прошеніе объ увольненіи.

18. Представленіе физико-математическаго факультета съ приложеніемъ просьбы доцента Рейнгардта: «Въ теченіе послѣдняго времени мнѣ неоднократно приходилось обращать вниманіе факультета на крайне неудовлетворительное состояніе нашей оранжереи. Въ настоящее время оранжерея эта пришла уже въ окончательно негодное состояніе, такъ какъ всѣ деревянныя части погнили и грозятъ обрушеніемъ, теплота не можетъ быть поддерживаема въ достаточной мѣрѣ, даже при огромной тратѣ топлива, наконецъ и стѣны сильно потрескались, а топка и боровы совершенно негодны и въ теченіе прошлой зимы два раза заваливались, вслѣдствіе чего погибло значительное число растений. Въ виду этого, я просилъ факультетъ удѣлить изъ завѣщанной покойнымъ докторомъ Ивановымъ суммы необходимыя на постройку новой оранжереи средства; но факультетъ, принимая во вниманіе насущныя потребности другихъ кабинетовъ и лабораторій, нашелъ возможнымъ назначить на постройку оранжереи всего только 6000 р., сумму, слишкомъ недостаточную для того, чтобы можно было построить теплицу, которая могла бы удовлетворять своему назначенію и вмѣстила бы даже тѣ растенія, какія существуютъ у насъ въ настоящее время. По этому считаю долгомъ просить факультетъ ходатайствовать въ

установленномъ порядкѣ предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ отпускѣ на постройку оранжереи дополнительной суммы въ размѣрѣ 6000 руб., такъ какъ, по моему мнѣнію, для означенной цѣли необходимо не менѣе 12000 руб.

Считаю необходимымъ просить факультетъ поспѣшить въ этомъ дѣломъ, такъ какъ въ нашей оранжереи растенія зимовать болѣе не могутъ, а частныя садовыя заведенія, въ которыя обращался, не соглашаются принять наши растенія на храненіе даже и за хорошую плату, такъ какъ не имѣютъ свободнаго мѣста въ своихъ теплицахъ. *Опредѣлили*: просить правленіе, по собраніи необходимыхъ свѣдѣній, ходатайствовать предъ министерствомъ объ отпускѣ просимыхъ суммъ.

19. По предложенію г. ректора о назначеніи комиссіи для редактированія отчета, приготавлиаемаго къ торжественному собранію 30 августа текущаго года, *Опредѣлили*: назначить комиссію изъ декановъ.

20. По прочтеніи настоящаго протокола, *Опредѣлили*: протоколъ этотъ представить г. попечителю съ заключеніемъ, что онъ можетъ быть напечатанъ вполнѣ, за исключеніемъ ст. 17.

Приложеніе къ ст. 10 протокола засѣданія 31 мая 1884 г.

Въ историко-филологическій факультетъ Императорскаго Новороссійскаго университета ординарнаго профессора А. А. Ночубинскаго отъзвъ о сочиненіи, поданномъ на сомсканіе медали.

Баждому, слѣдящему за движеніемъ Славянской филологіи, достаточно извѣстно, какой живой интересъ возбудила недавняя счастливая находка профессора Гейтлера въ Синайскомъ монастырѣ — находка двухъ объемистыхъ рукописей глагольскаго письма и древнѣйшаго типа: почти полной Псалтыри и Требника.

Высокое историко-церковное или литургическое значеніе Синайскаго Требника, сравнительно съ однородными памятниками славянскими (съ XIV в.) и греческими (Барберини, въ изв. изданіи Гоара, и еп. Порфирія Успенскаго, VIII—IX в.) было весьма ясно указано сейчасъ же профессоромъ-спеціалистомъ, г. Мансветовымъ, въ «Твореніяхъ св. Отцевъ, прибавленія», т. 32, стр. 347—390 (М. 1883). Въ этомъ же изслѣдованіи состава глагольскаго Требника авторъ коснулся и любопытной историко-литературной стороны памятника — его частей апокрифическаго и народно-эническаго характера (связь съ заклинаніями). Наконецъ, палеографическій интересъ Синайскихъ памятниковъ славянской литературной старины былъ тщательно взвѣшенъ самимъ виновникомъ богатаго открытія въ его смѣлой, но едва-ли имѣющей надежду быть принятой наукою, теоріи происхожденія глагольской (посредственно и кирилловской) азбуки, какъ дара культурнаго, просвѣтительнаго вліянія дикихъ, безписьменныхъ Албанцевъ на Славянъ IX столѣтія.

Была затронута, но не достаточно обслѣдована, и филологическая сторона Синайской глаголицы, какъ пишу-

щимъ эти строки, такъ, позже, и самимъ Гейтлеромъ, при изданіи обоихъ памятниковъ: Требника и Псалтыри. Естественно, если интересъ науки сосредоточивается теперь на этой важнѣйшей сторонѣ Синайскаго открытія: особенностями своего правописанія и языка на который вѣкъ можетъ при- тязать Синайская глаголица и, въ частности, Требникъ— на XI-й, какъ полагалъ настоящій референтъ, X-й, какъ утверждаетъ г. Гейтлеръ, или же предъ ними памятники далеко не такой глубокой старины?...

Въ интересъ, если не полного разрѣшенія вопроса о возрастѣ Синайскаго Требника, то, по крайней мѣрѣ, предварительнаго тщательнаго собранія провѣреннаго матеріала, была предложена тема — сравнительное обозрѣніе письма и языка этого памятника. На эту тему представлено сочиненіе съ надписью: «Молю же всѣхъ почитающихъ, не мозѣте вляти», и сочиненіе значительныхъ размѣровъ.

Сравнительное изслѣдованіе правописанія и языка Синайскаго Требника (палеографическая сторона письма, по ея спеціальной трудности, могла быть затронута лишь слегка), слѣдовательно, изслѣдованіе, сближаемое въ каждомъ вопросѣ письма и языка съ соответствующими явленіями старѣйшихъ памятниковъ на языкѣ св. Кирилла, время которыхъ уже установлено наукой, и на первомъ мѣстѣ—глагольскихъ, серьезная задача эта могла вызвать лишь безспорно испытаннаго студента: она требовала отъ автора, какъ солиднаго теоретическаго знанія церковно-славянскаго языка, ближайшаго знакомства съ многообразными остатками древнѣйшей письменности Славянъ, такъ и изученія филологической разработки ихъ въ трудахъ представительнѣйшихъ дѣятелей Славянской филологіи. Не списокъ источниковъ и пособій, а самая работа, почти на каждой

страницѣ, ясно свидѣтельствуесть, что этимъ, безусловно необходимымъ, но не легкимъ, требованіямъ нашъ авторъ удовлетворяетъ въ должной мѣрѣ: нельзя не пожалѣть только, что юный изслѣдователь при изученіи учительныхъ филологическихъ трудовъ Востокова, Шафарика, Копитара, Срезневскаго, Миглошича не съ надлежащей строгостью отнесся къ себѣ въ усвоеніи ихъ строгихъ методологическихъ приѣмовъ, ихъ точной техники. Впрочемъ, при вѣроятномъ дальнѣйшемъ изученіи Славянской филологіи авторомъ (эту вѣру позволяю себѣ основывать на живой любви его къ труднѣйшимъ частямъ этой науки, являемой настоящимъ сочиненіемъ), ощущаемый недочетъ будетъ скорѣ восполненъ.

Приступая къ своему труду, авторъ счелъ даже возможнымъ для себя расширить строгія рамки филологическаго обозрѣнія: какъ общее введеніе, онъ предпослалъ литературный анализъ содержанія Требника сравнительно съ другими памятниками того же года. Онъ повторилъ въ извѣстной мѣрѣ работу профессора Мансветова, по совершенно независимо отъ нея. Для этой цѣли ему служилъ главнымъ образомъ монументальный трудъ пок. Горскаго и Невоструева: «Описаніе рукописей Синодальной бібліотеки», затѣмъ изданія А. Попова, Викторова и старѣйшій славянскій печатный Требникъ еп. Балабана (1606 г.). Изъ греческихъ Требниковъ онъ внимательно изучилъ изв. Euphologium Гоара (изъ собранія Барберини). Не смотря на относительную ограниченность своихъ средствъ, авторъ въ вопросѣ о составѣ Синайскаго Требника, въ отдѣльныхъ наблюденіяхъ, вполне сходится съ выводами спеціалиста. Таковъ, наприм., взглядъ автора объ оригинальности молитвы «на заколеніе», съ памятью кровавыхъ жертвъ, о

присутствіи народнаго эпическаго элемента въ многочисленныхъ молитвахъ на болѣзни, особенно, «на трясавицу», только спорадически, по изслѣдованію Мансветова, встрѣчающихся по рукописнымъ славянскимъ Требникамъ (ор. с. 360). Но не будемъ удивляться, если, по справедливому мнѣнію Московскаго профессора, располагавшаго и массою рукописнаго матеріала, существовавшей у Славянъ въ XI в. полный переводъ Требника, въ лицѣ Синайскаго Евхологія, далеко не покрываетъ составомъ своего греческаго оригинала и значительно отличается отъ нашихъ Требниковъ, начиная съ XIV вѣка (384), а нашъ авторъ полагаетъ, что существеннаго отличія въ содержаніи Синайскаго Требника нѣтъ. Такимъ образомъ, если не самое исполненіе, то одно стремленіе обставить свою задачу возможно полнѣе дѣлаетъ честь автору и свидѣтельствуетъ, не говоря объ отдѣльныхъ удачныхъ выводахъ, о его примѣрной любви къ научному труду—черта, которая такъ пріятно останавливаетъ наше вниманіе и въ послѣдующихъ, главныхъ, частяхъ сочиненія.

Первая глава посвящена письму (правописанію).

Она открывается обслѣдованіемъ надстрочныхъ знаковъ.

Авторъ старается открыть въ этихъ, не рѣдко, пасынкахъ филологическихъ работъ живой, реальный смыслъ и, увлеченный ими, впадаетъ въ преувеличеніе. Каждый надстрочный знакъ Требника (числомъ три) тщательно сличенъ съ аналогическими явленіями письма другихъ старѣйшихъ памятниковъ и правильно — сначала глагольскихъ, потомъ кирилловскихъ, и каждый разъ отмѣчаются черты сходства и различія, конечно, кое-гдѣ не безъ торопливости заключенія, напр. по отношенію къ Четвероевангелію Григоровича, что въ немъ нѣтъ подходящихъ знаковъ. Для этой

части авторъ внимательно изучилъ глагольскіе снимки изъ Синайскаго альбома проф. Кондакова, затѣмъ, тетради глагольскихъ снимковъ пов. ак. Срезневскаго и обоихъ писменъ въ изданіи пр. Гейтлера: «Die albanesischen und slavischen Schriften», не говоря объ отдѣльныхъ снимкахъ, приложенныхъ къ изданнымъ памятникамъ.

Гдѣ авторъ строго держится почвы фактовъ, тамъ страницы его труда читаются съ удовольствіемъ. Но гдѣ онъ оставляетъ ее и позволяетъ себѣ переходить въ область предположеній — въ нерѣдкихъ уклоненіяхъ въ сторону, вслѣдствіе чего самое изложеніе теряетъ желанную связность, обрывается, — тамъ трудъ его рождаетъ недоумѣніе. Онъ упрекаетъ уомянутую албанскую теорію проф. Гейтлера, что въ ней фантазія играетъ значительную роль, а самъ не уберегся отъ того же упрека.

Укажу одинъ примѣръ — оригинальную попытку сближенія нѣкоторыхъ положеній современной физиологіи звука (по Е. Сиверсу) съ приѣмами употребленія надстрочныхъ знаковъ въ Требникѣ. Конечно, и здѣсь мы имѣемъ приятное свидѣтельство любознательности автора; но импровизація не можетъ возмѣстить недостаточности данныхъ или недостаточности изученія вопроса. Если бы авторъ болѣе вникъ въ фактъ недостаточности вообще знаковъ въ глагольской азбукѣ для выраженія йотованныхъ гласныхъ, въ несомнѣнный фактъ постепенно, долгимъ трудомъ выработывавшейся относительной полноты обѣихъ азбукъ (съ IX по XI столѣтія) — а подобное же явленіе мы замѣчаемъ вездѣ (вспомнимъ исторію выработки письма у Чеховъ, гдѣ даже *h* служило для выраженія смягченности согласнаго), въ фактъ, что одно и тоже звуковое явленіе языка, при неустановившихся приѣмахъ письма, долго отиѣчалось

различными знаками (въ Требникѣ надстрочные знаки <, > = j)—то, вѣроятно, онъ согласился бы знакъ ^ надъ йотованными ia, iж, ю скорѣе понимать, какъ память старины, какъ тянувшійся по преданію школьный обычай изъ эпохи первичной письменности (въ Требникѣ знакъ ^ означаетъ и пропускъ т. назыв. глухихъ з, ь и йоты), чѣмъ снабжать дѣятеля еще формирующейся письменности тончайшимъ различіемъ природы гласныхъ. Если въ Зограф. Евангеліи тотъ же знакъ, но круглаго вида, то и здѣсь слѣдъ той же привычки, преданія: раньше писали напр. оучителюу (ср. въ Хиландарскихъ листкахъ знакъ ^), творѣж, потомъ уже оучителю, творѣж и т. д. Мало убѣдительно и эскурсія въ область аггелз'а...

Далѣе, въ томъ же порядкѣ сравненія, осмотрѣны другія особенности письма: титла (рѣдкія, ибо на 127 случаевъ отъ и 13 отъ всего 9 ѿ), интерпункція (одна точка, четыре и двѣ) и, наконецъ, предложенъ обстоятельный анализъ употребленія буквъ.

Авторъ отмѣчаетъ систематическое, правильное размѣщеніе носовыхъ знаковъ — черта, наблюдаемая немногими древнѣйшими памятниками, справедливо относя известную часть отступленій къ небрежности копія или изданія проф. Гейтлера, общее съ тѣми же памятниками смѣшанное употребленіе з и ь, при правильномъ изображеніи дwoегласнаго zi (ы весьма рѣдко), относительную рѣдкость йотованныхъ, съ одной стороны, и богатствъ ихъ при выдержанности употребленія, съ другой, преобладаніе знака ѿ во второй половинѣ памятника, известность обонхъ звуковъ ц и шт, какъ въ Саввиной книгѣ, знака ь, отвѣчающаго южно-славянскимъ ѣ и ѣ, какъ въ Ассеманіевомъ Евангеліи и Супрасльской рукописи. Я былъ бы почти правъ, сказавши, что

авторомъ данъ анализъ правописанія всѣхъ главнѣйшихъ памятниковъ—свидѣтельство живѣйшей любви его къ труду. Конечно, предложенное изложеніе не безъ обмолвокъ, напр. въ утвержденіи о безразличномъ употребленіи двухъ знаковъ для звука з, въ неуказаніи преимущественнѣйшаго мѣста знака і (съ хвостомъ) въ началѣ или послѣ гласнаго, въ удержаніи азбучнаго порядка, а не по группамъ звуковъ, въ лишнемъ привлеченіи русскихъ памятниковъ и проч.

Въ слѣдующей, наиболѣе обширной, главѣ (стр. 91—198) авторъ переходитъ къ сравнительному обзору звуковъ Требника. Фонетическія явленія Синайскаго Требника, по справедливому замѣчанію автора въ началѣ главы, не отдѣляются отъ аналогическихъ явленій другихъ памятниковъ паннонской семьи, и доказательству этого основаннаго положенія, съ помощью обширнаго сравнительнаго анализа, посвящена эта часть, безспорно, наиболѣе цѣнная въ сочиненіи своимъ тщательно собраннымъ матеріаломъ, именно, въ области вокализма.

Въ порядкѣ важности явленій, авторъ разсматриваетъ носовые звуки, т. назыв. глухіе, двогласные, ихъ замѣненія, смѣшенія (ж однажды вм. хі въ сжи, 40 а) въ корняхъ, суффиксахъ и приставкахъ, при чемъ авторъ никогда не упускаетъ изъ виду своей главной мысли—опредѣленіе времени памятника при помощи внимательнаго сравненія. Многочисленные примѣры изъ первоисточниковъ—результатъ непосредственнаго изученія—устанавливаютъ значеніе того или другаго явленія въ вокализмѣ Синайскаго Требника.

Мы сказали, что тщательно собранный матеріалъ для сравненія — цѣна этой части. Но, естественно, начинающій авторъ не въ состояніи былъ всегда справиться съ громадой матеріала, отсюда, мѣстами, онъ бываетъ подавленъ

имъ. Такъ, извѣстная часть явленій, разсматриваемыхъ въ отдѣлѣ фонетики, могла бы быть съ бѣльшимъ удобствомъ отнесена къ главѣ о правописаніи. Авторъ говоритъ, на примѣръ, о разстановкѣ и не замѣчаетъ, что этимъ самымъ онъ вышелъ изъ предѣловъ звуковыхъ явленій. Таковы всѣ параграфы о взаимной мѣнѣ йотованныхъ носовыхъ, о неправильномъ употребленіи глухихъ и пр. Масса пояснительныхъ примѣровъ могла бы быть нѣсколько уменьшена, и безъ всякаго ущерба дѣлу, напротивъ, съ явной выгодой для автора и его изложенія: зачѣмъ приводить всѣ данныя изъ такихъ общеизвѣстныхъ памятниковъ, какъ Клоціева глаголита?... Въ крайнемъ случаѣ, достаточно-бы было предложить сдѣланныя наблюденія въ числахъ—пріемъ, который вполне извѣстенъ автору: онъ упростилъ бы механическую сторону работы и нагляднѣе представилъ бы положеніе вопроса. Подобное упрощеніе въ изложеніи привело бы, несомнѣнно, автора къ тому, что онъ менѣе бы грѣшилъ своимъ грѣхомъ — торопливостью заключенія, на прим. о неправильности фонемы *хощь* вм. *хощь*, о раннемъ и повсемѣстномъ значеніи ж какъ о и не упустилъ-бы, вѣроятно, нѣкоторыхъ не безынтересныхъ сторонъ фонологіи старославянскаго языка, не вполне ясныхъ еще доселѣ, на прим., о мѣстѣ и значеніи гласныхъ въ корняхъ словъ плавныхъ сочетаній (взана при *вльмѣ*). Здѣсь же былъ случай коснуться и новыхъ наблюденій въ этой области.

Замѣчанія о консонантизмѣ Синайскаго Требника кратки, но вообще вполне достаточны для того, чтобы быть увѣреннымъ, что съ этой стороны нашъ памятникъ не представитъ ничего такого, въ виду чего мы были бы обязаны удалить его изъ круга памятниковъ паннонской семьи

XI вѣка, съ которыми онъ покрывается своимъ правописаніемъ и вокализмомъ. Но не могу не поставить въ упрекъ автору, что онъ, въ виду господствующаго въ наукѣ взгляда на принадлежность языку св. Бирилла исключительно сочетаній типа-*ра* (напр. *коура*, а не *коуриа*), не далъ себѣ труда остановиться на этомъ важномъ вопросѣ: подвергши сравнительному анализу случаи употребленія йотованныхъ и мягкихъ въ слогахъ типа-*ра* онъ, можетъ быть, на языкѣ разбираемаго памятника показалъ-бы односторонность выше помянутаго утвержденія. Въ связь съ этимъ авторъ поставилъ бы и фонемы: *рз*—захарзинно 15 б., *лз*—скѣдѣтѣлз 93 б., *нз*—иноплеменьнзкз 52 б., которыя, вѣроятно, были неизвѣстны языку недошедшихъ подлинныхъ памятниковъ IX вѣка.

Третья глава посвящена изложенію формъ языка памятника. Та-же тщательность изученія Синайскаго Требника обнаруживается и здѣсь, и наблюденія въ области морфологіи приводятъ автора къ тому же заключенію: что и со стороны формъ, въ склоненіи и спряженіи, языкъ Требника не указываетъ такихъ явленій, которыя безусловно взбранили бы приурочивать сохранившуюся на Синаѣ рукопись къ XI вѣку. Правда, въ нашемъ памятникѣ обнаруживается съ нѣкоторой силой дѣйствіе закона аналогіи (напр. род ед. имени, во второй части, *кръв* и *кръви*); но это явленіе можетъ быть указано и въ другихъ одновременныхъ памятникахъ. Если исключить не вполне точное разграниченіе именныхъ темъ и отсутствіе болѣе наглядной группировки собраннаго матеріала, глава эта могла бы быть не безъ интереса и въ печати. Можно еще пожалѣть, что авторъ, въ заключеніе морфологіи Требника, не коснулся нѣкоторыхъ сомнительныхъ точекъ въ извѣст-

номъ спеціальному изслѣдованію Шолфина о склоненіи въ паннонскихъ памятникахъ.

Четвертая, и послѣдняя, глава — лексическаго характера. Авторъ сдѣлалъ выборку словъ изъ памятника, которыя, или интересны сами по себѣ, своею архаичностью (ближикъ, исползи, кладеньць — синонимъ стоуденьць, мизъ са дѣйж, оскрѣдъ, славословествие, сьвадзи), или въ которыхъ проглядываетъ діалектическая струя (бездениѣ, кратрѣ, малечко, рачити, трестъ, властель, кзикъ, питѣти), или которыя остались безъ перевода (аеръ, аналавъ, есперина, коукоуль, породъ, оусна). Словари Миклошича, Даничичя, Вука, Юнгмана служили автору для ориентированья въ этой главѣ; но въ виду трудности подмѣтить присутствіе діалекческаго элемента мы извинимъ автору его нѣсколько рѣшительныя заключенія.

До сихъ поръ мы обращали преимущественное вниманіе на симпатическія стороны труда. Остается отмѣтить и нынѣ черты.

Являясь съ своимъ первенцомъ, авторъ не привыкъ еще экономизировать время. Онъ далъ себѣ мало труда избрать болѣе ясную, наглядную и строгую систему изложенія. Отсюда многое имѣло бы быть помѣщено въ примѣчаніяхъ, или какъ лишнее, не имѣющее прямаго отношенія къ дѣлу, просто отброшено. Отсюда же напрасное оснащеніе ссылками, примѣрами. Въ связи съ спѣшностью въ отдѣлѣ стоитъ и ненаучное мѣстами выраженіе, и неправильность иногда конструкціи. Но не забудимъ, что предъ нами авторъ-студентъ и воздадимъ за должное должное: ему-же честь честь, ему-же дань дань.

Внимательное изученіе памятниковъ и пособій, отчетливое знаніе самаго языка св. Бирилла, любознательная пытливость, любовь къ научному труду, наконецъ, тща-

тельно собранный и сгруппированный материалъ для освѣщенія вопроса о времени Синайскаго Требника — все это искупаетъ прегрѣшеніи автора и приглашаетъ къ снисходительному вниманію факультетъ. Золотая медаль была бы справедливою наградой автору за его многій и многій трудъ.

28 мая 1884 года.

(Средній Фонтанъ, д. Лебедничева).

2-е приложение къ ст. 10 протокола 31 мая 1884 г.

На соисканіе премій по зоологін въ текущемъ академическомъ году представлено два сочиненія: одно подъ девизомъ: «въ изученіи силъ и явленій природы — наше спасеніе», другое подъ девизомъ: «Licht, mehr Licht».

1) Первое изъ этихъ сочиненій (съ девизомъ «въ изученіи» и пр.) состоитъ изъ небольшого введенія, перечня литературы, къ сожалѣнію, не совсемъ полного, описанія наружныхъ признаковъ четырехъ видовъ немертинъ: *Lineus lactea*, *Borlasia vivipara*, *Borlasia vermicula* и *Tetrostema vermiculus* и наконецъ изъ описанія анатомическаго строенія этихъ четырехъ видовъ немертинъ. При систематическомъ обзорѣ авторомъ не было обращено достаточно вниманія на соединенность или раздѣльность ротоваго отверстия и отверстия хобота. Вслѣдствіе этого названіе видовъ, изслѣдованныхъ авторомъ, не согласуется съ названіями, предложенными авторомъ другаго сочиненія. При анатомическомъ описаніи органовъ авторъ даетъ довольно подробный историческій обзоръ, который обыкновенно болѣе обширенъ, чѣмъ собственныя изслѣдованія автора.

Не смотря на нѣкоторые недостатки въ наблюденіяхъ и на пробѣлы въ литературѣ, приведенной въ этомъ сочиненіи, изъ сочиненія этого видно однако, что авторомъ употребленъ былъ значительный трудъ, который увѣнчался достаточно полнымъ знакомствомъ съ изученной имъ группой червей, и мы считаемъ автора достойнымъ вознагражденія *серебряною медалью*.

2) Сочиненіе подъ девизомъ: «Licht, mehr Licht» представляетъ гораздо болѣе полную обработку предмета, чѣмъ первое. Не говоря уже о литературѣ, которая представлена

гораздо полнѣе, чѣмъ въ первомъ сочиненіи, въ разсма-
триваемомъ сочиненіи видно гораздо болѣе самостоятельное
отношеніе къ изслѣдуемой группѣ животныхъ, чѣмъ въ
первомъ сочиненіи. Эта самостоятельность выражается
уже въ первой части, посвященной систематикѣ немертинъ,
гдѣ авторъ, подвергая болѣе обстоятельному анализу си-
стематическіе признаки, устанавливаетъ другую группи-
ровку видовъ немертинъ Одесской и Севастопольской бухтъ,
чѣмъ прежняя. Авторомъ было изучено также большее
количество видовъ немертинъ, чѣмъ авторомъ сочиненія
съ девизомъ: «въ изученіи природы и пр.». Такое-же кри-
тическое отношеніе къ изслѣдованіямъ своихъ предшествен-
никовъ замѣчается и въ описаніи анатомическаго строенія
немертинъ. Хотя нѣкоторые изъ фактовъ, изслѣдованные
авторомъ, не вполне разъяснены имъ, тѣмъ не менѣе въ
общемъ анатомическая часть сочиненія показываетъ въ
авторѣ способность не только къ наблюденію, но и крити-
ческой оцѣнкѣ наблюдаемыхъ имъ фактовъ. Эти достоин-
ства побуждаютъ насъ отдать этому сочиненію предпочте-
ніе передъ первымъ и просить факультетъ премировать
его *золотою медалью*.

Ординарные профессора: $\left. \begin{array}{l} \text{В. Заленскій.} \\ \text{А. Ковилевскій.} \end{array} \right\}$

Засѣданіе 20 августа 1884 года.

Присутствовали подъ предсѣдательствомъ и. д. ректора И. С. Некрасова, гг. члены: Ф. И. Леонтовичъ, А. А. Вериго, М. И. Малининъ, А. М. Богдановскій, Е. Ф. Сабининъ, А. О. Ковалевскій, И. Ф. Сницовъ, А. А. Бочубинскій, В. Н. Лигинъ, А. Н. Кудрявцевъ, В. М. Войтковскій, Е. Ф. Бляменко, Л. Ф. Воеводскій, В. М. Петріевъ, Г. И. Перетятковичъ, А. К. Кононовичъ. Не присутствовали: ректоръ С. П. Ярошенко, К. И. Карастелевъ, Н. А. Головкинскій, В. В. Заленскій, А. С. Трачевскій, Н. А. Умовъ—по изхожденію въ отпускъ; Д. И. Азаревичъ, Н. Я. Гротъ—по невозвращенію изъ отпуска; Ф. И. Шведовъ—по болѣзни, В. Н. Юргевичъ, Н. П. Кондаковъ, Ф. И. Успенскій и А. В. Блоссовскій—по неизвѣстнымъ причинамъ.

Слушали:

Предложеніе г. попечителя Одесскаго учебнаго округа:

1. Отъ 7 августа, за № 5625, объ утвержденіи доцента Новороссійскаго университета, доктора физической географіи, Блоссовскаго, съ 22 марта 1884 г., экстраординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каедрѣ физической географіи.

При этомъ доложено, что копія настоящаго предложенія сообщена въ правленіе университета. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

2. Отъ 26 іюля, за № 4798, объ утвержденіи магистра Федоровича доцентомъ по каедрѣ политической экономіи и статистики, со дня избранія его Совѣтомъ на эту

должность, т. е. съ 19 апрѣля 1884 года. *Опредѣлили*: сообщить въ факультетъ и правленіе.

3. Отъ 30 мая, за № 3987, съ сообщеніемъ предложенія г. министра народнаго просвѣщенія о томъ, что исправляющій должность экстраординарнаго профессора Нѣжинскаго историко-филологическаго института Зенгеръ не можетъ быть утвержденъ исправляющимъ должность доцента по кафедрѣ римской словесности Новороссійскаго университета, такъ какъ онъ не имѣетъ требуемой университетскимъ уставомъ ученой степени магистра римской словесности. *Опредѣлили*: сообщить въ историко-филологическій факультетъ.

4. Отъ 30 мая, № 4004, о командированіи лаборанта Геряча, съ ученою цѣлю, за границу на одинъ годъ и о продленіи срока командировки лаборанту Вернеру на одинъ годъ.

При этомъ доложено, что копія настоящаго предложенія сообщена въ правленіе и что г. Герячъ уже отправился въ командировку. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

5. Отъ 4 июня, № 4041, слѣдующаго содержанія: «На приготовленіе профессоровъ по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія ассигнуется изъ суммъ государственнаго казначейства ежегодно по 50 т. рублей.

Весь этотъ кредитъ распределяется министерствомъ полностью, согласно ходатайствамъ совѣтовъ университетовъ, между оставляемыми при университетахъ и командированными за границу кандидатами, приготовляющимися къ профессорскому званію.

Изъ имѣющихся въ министерствѣ данныхъ оказывается, что эти ежегодныя, весьма значительныя, затраты изъ государственнаго казначейства не всегда приносятъ

всю ту пользу, какой бы слѣдовало отъ нихъ ожидать, и не вполне содѣйствуютъ замѣщенію достойными представителями науки университетскихъ кафедръ даже по основнымъ предметамъ факультетовъ. Одной изъ причинъ этого явленія служитъ, по видимому, то, что какъ въ дѣлѣ избранія молодыхъ людей для оставленія ихъ при университетѣ или командированія ихъ за границу, такъ и въ дѣлѣ приготовленія ихъ къ профессорскому званію, слишкомъ большой просторъ былъ предоставленъ различнаго рода случайностямъ, и дѣло такой чрезвычайной важности не было подчинено какому либо одному плану.

Желая устранить на будущее время столь существенный недостатокъ, г. министръ народнаго просвѣщенія, предложениемъ отъ 21 іюня за № 7187, проситъ предложить совѣту Новороссійскаго университета нижеслѣдующія правила къ исполненію.

1) Ближайшая забота о присканіи молодыхъ людей, способныхъ приготовиться къ профессорскому званію по какой либо кафедрѣ, должна лежать на представителѣ этой кафедрѣ или ближайшей съ нею родственной въ университетѣ, а, сверхъ того, на деканѣ факультета по принадлежности.

2) Деканъ и прочіе профессора и преподаватели факультета принимаютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ возможно лучшей предварительной подготовкѣ молодыхъ людей, подающихъ наибольшія надежды, прежде всего по тѣмъ кафедрамъ, которыя могутъ считаться основными для факультета (какъ наприм., кафедры классической филологіи, римскаго права, гражданскаго права, чистой математики, физики, химіи, анатоміи и физиологіи и т. п.) или же ко-

торыя не замѣщены и приготовленіе къ которымъ представляеть наибольшія трудности.

3) Молодые люди, наилучше подготовившіеся по вышеозначеннымъ кафедрамъ, могутъ быть, по окончаніи ими курса, оставлены при томъ же университетѣ или же командиремы въ другой изъ Россійскихъ университетовъ съ назначеніемъ имъ обычной стипендіи, по выбору дебана и по обсужденіи сего выбора факультетомъ и совѣтомъ университета, при чемъ собранныя при этомъ данныя о каждомъ таковомъ кандидатѣ сообщаются министерству для окончательнаго рѣшенія о каждомъ изъ нихъ.

4) Не возбраняется представлять министерству на профессорскія стипендіи молодыхъ людей и по инымъ кафедрамъ, не могущимъ быть причисленными къ основнымъ, если эти молодые люди особенно выдаются своими дарованиями; но при всѣхъ равныхъ условіяхъ предпочтеніе будетъ отдаваемо кандидатамъ по основнымъ кафедрамъ или по тѣмъ, по коимъ имѣется въ университетахъ болѣе вакансій.

5) Молодые люди, избравшіе своею спеціальностію одинъ изъ основныхъ предметовъ факультета, могутъ обращаться и сами въ факультетъ, или ко мнѣ, или даже и прямо въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствами о принятіи ихъ въ число кандидатовъ на профессорскія стипендіи или на командированіе ихъ за границу.

6) Условіями для рекомендаціи молодыхъ людей въ кандидаты на профессорскія стипендіи или же для командированія за границу должны служить: а) очень хорошій аттестатъ зрѣлости при отличныхъ отмѣткахъ по обоимъ древнимъ языкамъ (для кандидатовъ по историко-филологическимъ или юридическимъ наукамъ) или по всѣмъ ча-

ствамъ математики и физики (для кандидатовъ по физико-математическимъ или медицинскимъ наукамъ); б) достаточное знаніе языковъ нѣмецкаго и французскаго для чтенія на нихъ книгъ по соотвѣтственной спеціальности; в) отличныя отиѣтки по предмету избираемой кафедрѣ и ближайше родственнымъ съ нимъ, на экзаменахъ и коллоквиумахъ и собственныя по симъ предметамъ работы, которыми доказывались бы природныя дарованія, любовь и прилежаніе къ этимъ наукамъ и которыя должны быть вкратцѣ характеризованы факультетомъ въ его представленіи и наилучшія изъ письменныхъ или печатныхъ работъ въ семъ родѣ приложены къ представленію или ходатайству; г) безупречная и надежная нравственность; д) способность правильно и свободно выражать свои мысли и другія нужныя въ преподавателѣ качества, и е) надежное состояніе здоровья (неимѣніе болѣзней или предрасположенія къ болѣзнямъ, могущимъ препятствовать прохожденію профессорскаго поприща) засвидѣтельствованное университетскимъ врачомъ. Нѣкоторая несоотвѣтственность кандидатовъ какому либо одному изъ условій, выраженныхъ въ п.п. а, б и д, можетъ быть покрыта особыми выдающимися ихъ качествами по другимъ изъ сихъ требованій.

7) Всѣ ходатайства о предоставленіи молодымъ людямъ профессорскихъ стипендій или о командированіи ихъ за границу, со всѣми указанными въ §§ 3 и 6 данными, письменными или печатными трудами, должны быть представляемы въ министерство къ одному и тому же сроку (не позднѣе 15 октября каждаго года), съ приложеніемъ выработаннаго для каждаго кандидата факультетомъ по принадлежности плана или инструкціи для его дальнѣйшихъ занятій и съ соблюденіемъ относительно рекомендуемыхъ

для заграничной командировки всѣхъ правилъ, Высочайше утвержденныхъ 27 марта 1867 года.

8) Относительно кандидатовъ на профессорскія стипендіи министерства народнаго просвѣщенія само, на основаніи всѣхъ имѣющихся у него данныхъ, опредѣляетъ: должны ли они быть оставлены при томъ же университетѣ, въ которомъ окончили курсъ, или же должны быть командированы къ другому изъ Россійскихъ университетовъ, обладающему большими силами и средствами по соотвѣтственнымъ каеэдрамъ. Пользующіеся въ предѣлахъ Россіи профессорскою стипендіею поручаются министерствомъ народнаго просвѣщенія ближайшему руководству и попеченію кого либо изъ профессоровъ того университета, при которомъ они продолжаютъ свои научныя занятія и по той спеціальности, которую они себѣ избрали. Ближайшему руководителю каждаго кандидата предоставляется дѣлать тѣ видоизмѣненія въ данномъ каждому изъ нихъ планѣ занятій, какія онъ признаетъ нужными соотвѣтственно собственнымъ наклонностямъ и потребностямъ кандидата и ходу его занятій, съ доведеніемъ о сихъ видоизмѣненіяхъ, равно какъ и вообще о занятіяхъ ввѣреннаго ему кандидата, до свѣдѣнія соотвѣтственнаго факультета въ представляемыхъ ему каждый годъ отчетахъ. Отчеты эти, по обсужденіи въ факультетѣ, съ собственнымъ заключеніемъ своимъ представляются въ министерство народнаго просвѣщенія.

9) Лица, которыя, въ бытность свою студентами, принимали какое либо участіе въ студенческихъ беспорядкахъ или чѣмъ либо инымъ заявили свою политическую неблагонадежность, согласно данному г. министромъ отъ 10 го ноября 1883 г. за № 14654 предложенію, и какъ не соотвѣтствующіе условію, выраженному въ п. в. § 6, не

должны быть рекомендуемы министерству народного просвѣщенія, ни на профессорскія стипендіи, ни для заграничной командировки, почему о каждомъ рекомендуемомъ должны быть прилагаемы соотвѣтственныя свидѣтельства университетской инспекціи и мѣстнаго полицейскаго управленія.

О вышензложенномъ сообщаю вашему превосходительству для надлежащихъ распоряженій». *Опредѣлили*: сообщить въ факультеты къ руководству и исполненію.

6. Отъ 7 іюня, № 4152, о разрѣшеніи производить дополнительные экзамены въ текущемъ 1884 году на физико-математическомъ и юридическомъ факультетахъ съ 1 по 10 сентября, а на историко-филологическомъ съ 10 по 20 сентября.

При этомъ доложено, что о разрѣшеніи г. попечителя сообщено въ факультеты. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

7. Отъ 19 іюня, № 4685, о разрѣшеніи производить проф. Кочубинскому вознагражденіе по 225 руб. за годовую лекцію по вакантной кафедрѣ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе.

Отъ 19 іюня, № 4686, объ утвержденіи ординарнаго профессора Кочубинскаго редакторомъ Университетскихъ Записокъ на три года, съ 1 іюня 1884 года. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе.

9. Отъ 11 іюля, № 5076, о томъ, что г. министръ народного просвѣщенія, въ виду предполагаемыхъ проэктомъ новаго университетскаго устава измѣненій въ организаціи преподаванія, пріостановился разрѣшеніемъ ходатайства Совѣта о приглашеніи г. Цытовича стороннимъ преподавате-

лемъ статистики при Новороссійскомъ университетѣ. *Опредѣлили*: сообщить въ факультетъ.

10. Отъ 11 іюля, № 5114, о разрѣшеніи производить вознагражденіе привать-доцентамъ Овсяннико-Буликовскому и Слешинскому, согласно представленію Совѣта. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе.

11. Отъ 12 іюля, № 5113, о доставленіи министерству свѣдѣній—нужна ли университету въ нынѣшнемъ году сумма на вознагражденіе привать-доцентовъ, и если нужна, то какая часть ея можетъ быть отнесена на свободные остатки отъ суммъ на содержаніе личнаго состава и какая на принадлежащія университету спеціальныя средства, кому изъ привать-доцентовъ и въ какомъ размѣрѣ предполагается выдать вознагражденіе, а также о доставленіи подробныхъ свѣдѣній какъ объ означенныхъ остаткахъ по Новороссійскому университету, такъ и о размѣрѣ спеціальныхъ средствъ и о распредѣленіи ихъ на удовлетвореніе нуждъ университета. *Опредѣлили*: сообщить въ факультеты.

12. Отъ 15 Іюля, № 5162 о разрѣшеніи г. министра народнаго просвѣщенія командировать, для принятія участія въ празднованіи 50 лѣтняго юбилея университета св. Владиміра, въ качествѣ депутатовъ, ректора Новороссійскаго университета, статскаго совѣтника Ярошенко, и ординарныхъ профессоровъ того же университета, дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Леонтовича и Ковалевскаго и статскаго совѣтника Кочубинскаго съ 3 сентября сего года, срокомъ на двѣ недѣли. *Опредѣлили*: извѣстить командруемыхъ гг. профессоровъ и сообщить въ правленіе о выдачѣ назначеннаго имъ на путевыя издержки пособія.

13. Отъ 24 іюля № 5270, съ препровожденіемъ въ копіи предложенія г. министра народнаго просвѣщенія отъ

17 іюля за № 9993, слѣдующаго содержанія: «Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, согласно предположенію Высочайше утвержденной при Азіятскомъ департаментѣ комиссіи по образованію въ Россіи южно-славянъ, былъ возбужденъ вопросъ о выдачѣ окончившимъ курсъ университета уроженцамъ южно-славянскихъ земель дипломовъ, вмѣсто выдаваемыхъ нынѣ свидѣтельствъ.

Вслѣдствіе сего имѣю честь васъ, милостивый государь, увѣдомить, что согласно заключенію ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, на разсмотрѣніе котораго мною передавался этотъ вопросъ, я разрѣшаю выдавать студентамъ изъ южно-славянъ, имѣющимъ удостоенія въ знаніи классическаго курса, выданныя изъ мѣстныхъ южно-славянскихъ гимназій, и окончившимъ курсъ въ нашихъ университетахъ, общеустановленные дипломы на степени кандидата и лѣкаря и званіе дѣйствительнаго студента безъ всякой оговорки на счетъ правъ, которыя эти званія даютъ въ Россіи, а равно и ссылокъ на наши законы, о чемъ покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить совѣту Новороссійскаго университета къ исполненію и руководству». *Опредѣлили*: принявъ къ исполненію, сообщить въ факультеты.

14) Отъ 2 іюля № 4852: «Г. министръ народнаго просвѣщенія, принявъ во вниманіе, что въ настоящее время, съ выходомъ изъ числа членовъ состоящаго при Новороссійскомъ университетѣ Юридическаго общества всего состава профессоровъ юридическаго факультета, по инициативѣ коего учреждено названное общество, нѣтъ болѣе той связи между этимъ обществомъ и университетомъ, какъ прежде, и университетъ не можетъ принять на себя ни нравственной, ни юридической отвѣтственности за дѣятель-

ность общества, находитъ дальнѣйшее существованіе Юридическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ не удобнымъ, а потому предложеніемъ отъ 26 м. іюня за № 3074, проситъ сдѣлать распоряженіе о закрытіи этого общества и предложить членамъ онаго, если пожелаютъ, составить проектъ новаго устава и ходатайствовать объ утвержденіи его установленнымъ порядкомъ у подлежащей правительственной власти».

При этомъ доложено, что г. ректоръ о послѣдовавшемъ распоряженіи г. министра народнаго просвѣщенія сообщилъ въ совѣтъ Юридическаго общества и извѣстилъ Одесскаго градоначальника. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

15. Отъ 30 іюня, № 4844, съ препровожденіемъ прошенія бывшаго студента К. Школинскаго о дозволеніи ему подвергнуться послѣ ваканцій экзамену по физикѣ и начертательной геометріи.

При этомъ доложены были имѣющіяся въ дѣлахъ университета свѣдѣнія объ увольненіи г. Школинскаго изъ числа студентовъ Новороссійскаго университета. *Опредѣлили*: отказать.

16. Внесенное ректоромъ прошеніе бывшаго студента университета св. Владиміра, Осипа Вайнлуда, о принятіи его въ число студентовъ Новороссійскаго университета.

По докладѣ имѣющихся при дѣлахъ свѣдѣній о г. Вайнлудѣ и послѣ прѣвій, большинствомъ 13 голосовъ противъ 4 (гг. Перетятковичъ, Клименко, Кочубинскій, Богдановскій) *Опредѣлили*: принять.

17. а) Представленіе физико-математическаго факультета о присужденіи за сочиненія, представленныя на тему «О плоскихъ кривыхъ III порядка» серебрянной медали автору сочиненія съ девизомъ—«Artificem comendat opus» и

почетнаго отзыва автору сочиненія съ девизомъ — «'Αεί εἰς θεὸς ὑπερέσται». По выслушаніи подробнаго разбора сочиненій, представленнаго въ факультетъ профессоромъ Ярошенко, Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ факультета и по вскрытіи конвертовъ съ девизами оказалось, что первое сочиненіе написано студентомъ II к., Григоріемъ Огузомъ, а второе студентомъ IV к., Драго-Войновичемъ.

б) Представленіе юридическаго факультета объ удостоеніи, согласно отзыву приватъ-доцента Садовскаго, сочиненія, представленнаго на заданію тему, подъ заглавіемъ: «Исторія санитарнаго законодательства на Западѣ и у насъ», съ девизомъ — «здоровье и крѣпость лучше есть всякаго злата», почетнаго отзыва.

По утверженіи Совѣтомъ присужденія факультетомъ, вскрытъ конвертъ съ девизомъ, и авторомъ оказался студентъ IV курса, Θεодоръ Ходроверъ. *Опредѣлили*: о присужденныхъ наградахъ объявить на торжественномъ актѣ и внести въ отчетъ за истекшій академическій годъ.

18. Представленіе физико-математическаго факультета объ отсрочкѣ студенту IV курса отдѣленія математическихъ наукъ, Де Метцу, экзамена по кинематикѣ, по болѣзни, до половины сентября мѣсяца. *Опредѣлили*: ходатайствовать предъ г. попечителемъ.

19. Докладъ секретаря объ исключеніи подлежащими казенными палатами изъ податнаго состоянія окончившихъ курсъ студентовъ: Меера Мамуровскаго, Шліомы Крельмана, Антона Димогло и Петра Михнева. *Опредѣлили*: утвердить въ ученыхъ степеняхъ, согласно удостоенію факультетовъ.

20. а) Донесеніе историко-филологическаго факультета о результатѣ разсмотрѣнія драматическихъ сочиненій, пред-

ставленныхъ въ 1883/84 академическомъ году на соисканіе преміи г. Вучины. Представлены на конкурсъ слѣдующія пьесы :

- 1) «Въ когтяхъ коршуна», оригинальная драма въ 5 дѣйствіяхъ;
- 2) «У всякой печужки свой голосокъ», комед. въ 5 д.;
- 3) «Сродство думъ», комедія въ 3 дѣйств.;
- 4) «Что посѣешь, то пожнешь», комед. въ 3 актахъ, съ прологомъ;
- 5) «На пути къ успѣху», драма-комедія въ 4 дѣйств.;
- 6) «За штатомъ», драматическій этюдъ въ 4 дѣйств.;
- 7) «Проигранная партія», драма въ 5 дѣйств.;
- 8) «Хотѣлъ быть героемъ, да яичница помѣшала», шутка-фантазія въ 2 дѣйств.;
- 9) «Не всѣ званые избранные», драма въ 5 д.;
- 10) «Сила любви», драма въ 4 дѣйств.;
- 11) «Смѣлымъ Богъ владѣеть», драма въ 5 д.;
- 12) «Сорвалось», комедія въ 4 дѣйств.;
- 13) «Поздно», драма въ 4 дѣйств.;
- 14) «Съ лица и съ изнанки», комедія въ 5 д.;
- 15) «Русачка», комедія въ 3 д.;
- 16) «Бума», драма въ 5 дѣйств.;
- 17) «Подвигъ или преступленіе», драма въ 3 д.
- 18) «Назвался груздемъ, полезай въ кузовъ», комедія въ 4 д.;
- 19) «Идолопоклонство», комедія въ 4 д.;
- 20) «Ослѣпленъ», драма въ 5 д.;
- 21) «Темные уголки русскаго царства», ком. въ 4 д.;
- 22) «Неокрѣпшая», драма въ 4 д.;
- 23) «Диффамация», комедія въ 4 д.;
- 24) «Фиговый листокъ», комедія въ 4 д.

Разсмотрѣніе этихъ пьесъ факультетъ поручилъ комиссіи изъ профессоровъ Е. И. Перетятковича, Н. Я. Грота и И. С. Некрасова, которая пришла къ слѣдующему заключенію: «Большинство пьесъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ, установленнымъ для преміи Вучины, согласно которымъ премированы могутъ быть пьесы съ бытовымъ или историческимъ содержаніемъ, имѣющимъ воспитательный характеръ для народа и предназначенныхъ для народнаго театра. Кромѣ того, значительная часть неудовлетворительна съ художественной точки зрѣнія и обнаруживаетъ неуѣлость и неопытность авторовъ и ихъ незнакомство съ основными требованіями драматическаго искусства. Болѣе удовлетворительными комиссія признала пьесы: «Кума», драма въ 5 д. и «Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ», ком. въ 4 д. Но, признавъ за тѣмъ серьезныя недостатки въ стихѣ, которымъ написана первая пьеса, а также и въ изображеніи нѣкоторыхъ типовъ и событій, комиссія, большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного, постановила: дать половинную премію въ 250 р. только одной пьесѣ, а именно — комедіи «Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ», отчетъ о которой поручила составить проф. Перетятковичу. Факультетъ постановилъ принять рѣшеніе комиссіи и удостоить половинной преміи комедію «Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ», съ девизомъ:

«Не гнѣвайтесь, сударь: по долгу моему
Я долженъ въ сей же часъ отправить васъ въ тюрьму.—
Извольте, я готовъ; но я въ такой надеждѣ,
Что дѣло объяснить позволите мнѣ прежде».

(Вязининъ).

Вслѣдствіе этого при семъ препровождается для вскрытія на предстоящемъ актѣ университета конвертъ съ озна-

ченнымъ девизомъ, долженствующій заключать въ себѣ имя автора премируемой пьесы. Отчетъ проф. Перетятковича о пьесѣ, имѣющей быть прочитаннымъ на томъ же актѣ, будетъ доставленъ въ августѣ мѣсяцѣ.

б) Донесеніе того-же факультета съ препровожденіемъ отзываетъ профессора Перетятковича объ удостоенной половиною премии г. Вучины драматической пьесѣ—«Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ». *Опредѣлили*: прочесть отзываетъ на актѣ и вскрыть конвертъ съ девизомъ.

21. Рѣчь профессора Заленскаго для произнесенія на торжественномъ актѣ 30 августа подъ заглавіемъ: «О біо-генетическомъ законѣ». *Опредѣлили*: одобрить къ произнесенію на актѣ.

22. Донесеніе комиссіи изъ декановъ о томъ, что проектъ отчета, изготовленнаго для прочтенія на актѣ, составленъ вполне удовлетворительно. *Опредѣлили*: отчетъ утвердить, напечатать и прочесть на актѣ.

23. Представленіе правленія объ ассигнованіи изъ спеціальныхъ средствъ ста рублей на расходы по устройству акта. *Опредѣлили*: назначить на расходы двѣсти пятьдесятъ рублей и пригласить на празднество членовъ Археологическаго съѣзда.

24. Представленъ профессорами Кочубинскимъ, Леонтовичемъ и Ковалевскимъ проектъ адреса университету св. Владиміра:

«Скромный, но искренній привѣтъ отъ юнѣйшаго своему старшему собрату!

Поль вѣка назадъ, послѣ тяжелой эпохи довѣрчивыхъ упованій, мы вспомнили, наконецъ, памятный въ исторіи

русскаго просвѣщенія край, вспомнили «мать городовъ русскихъ» — гнѣздо русской науки.

Нужно было, чтобы протекъ рядъ десятковъ лѣтъ, рядъ испытаній, для того, чтобы остановиться на пращурѣ русской школы, куда еще въ тяжелые годы прошлаго столѣтія стремился за наукой и поповичъ, и человекъ посполитый, изъ далекаго Перемышля, Яворова, куда заходили и изъ цесарской земли, Венгріи, нужно было для того, чтобы выпутаться изъ заботливо сотканной паутины темныхъ интересовъ, чтобы въ простоты мѣсто вступилъ здравый умъ.

Съ имепемъ Владиміра Святаго связано просвѣщеніе русской земли; съ новымъ университетомъ его имени связывались тѣ же интересы. Университету вмѣнено было — искупить старую ошибку: систематически духовно отторгаемый край воротить на путь естественнаго единства, нравственной исторической связи, освободить его отъ историческихъ прихотей.

И университетъ св. Владиміра дѣлалъ свое дѣло — съ честью выполнялъ тяжелую, но завидную, задачу. Съ гордостью вспомнятъ будущій историкъ русской науки не одного его члена, не одно славное имя: Максимовича, Неволлина, Кеслера, Котляревскаго, Бунге, Короваева и др. И мы лично признательно памятуемъ, что и для насъ, въ новомъ русскомъ краю, университетъ св. Владиміра бывалъ разсадникомъ науки.

Подъ тѣмъ же высокимъ знаменемъ науки и общаго блага да растить и питаетъ университетъ юбиляръ и всѣ грядущія поколѣнія, на славу и честь великой русской земли!

Въ заключеніе считаемъ долгомъ присоединить, что отсутствующій г. ректоръ университета выразилъ свое полное согласіе на представляемую редакцію адреса. *Опредѣлили*: принять, напечатать и поручить г. ректору представить его во время торжественнаго празднованія юбилея.

*Приложеніе къ ст. 20 протокола засіданія Совѣта 20
августа 1884 года.*

Отзывъ экстраординарнаго профессора Перетятковича о комедіи:
«Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ».

Въ текущемъ году на премію Ивана Георгіевича Вучичина поступило 24 пьесы въ историко-филологическій факультетъ Новороссійскаго университета. Большая часть пьесъ оказалась не только слабыми въ драматическомъ отношеніи, но еще и мало относящимися къ преміи, потому что, по смыслу втораго положенія о преміи, «русская исторія и, въ частности, бытъ нашего народа, со всѣми его особенностями, повѣртіями и обычаями, должна служить главнѣйшимъ матеріаломъ для драматическаго сочиненія». Въ небольшой группѣ пьесъ нынѣшняго года съ бытовымъ характеромъ можно отмѣтить драму въ 5 д. подъ заглавіемъ «Бума». Пьеса написана бѣлыми стихами и содержаніе ея взято изъ народныхъ преданій Нижегородской области конца XV вѣка. Нѣкоторыя сцены въ драмѣ и стихъ мѣстами удовлетворительны; въ цѣломъ же она представляетъ столько недостатковъ въ дѣйствіи, въ изображеніи главныхъ лицъ, а подъ часъ и въ самомъ стихѣ, что не могло быть рѣчи о премірованіи означенной драмы.

Среди немногихъ пьесъ съ бытовымъ оттѣнкомъ, которыя представлены въ настоящемъ году, комедія въ 4 д. подъ заглавіемъ: «Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ»,

по своимъ достоинствамъ, является самою выдающеюся. Содержаніе комедіи взято изъ великорусской купеческой жизни, которая, какъ извѣстно, такъ художественно изображена въ пьесахъ Островскаго, обезсмертившаго себя ими. Естественнымъ является по этому въ названной пьесѣ нѣкоторое вліяніе нашего маститаго драматурга, и это, разумѣется, нельзя ставить въ большую вину автору комедіи.

Но прежде чѣмъ приступить къ разбору комедіи «Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ», необходимо въ общемъ ознакомиться съ ея содержаніемъ и главнымъ персоналомъ дѣйствующихъ лицъ. — Дѣйствіе ея происходитъ лѣтомъ въ купеческихъ домахъ съ садами, въ одномъ изъ губернскихъ городовъ низоваго Поволжья. Богатый купецъ Егоръ Миронычъ Тороховъ, изъ «старосвѣтскихъ», бодрый и крѣпкій старикъ, имѣвшій тринадцатилѣтнюю дочь Таню, которая училась въ мѣстной гимназіи, неожиданно овдовѣлъ. Такъ какъ въ домѣ некому было хозяйничать, то онъ взялъ изъ школы дочь, и она стала заправлять домомъ на мѣсто матери. Въ ожиданія, молоденькая Таня стала хорошо управляться въ отцовскомъ домѣ, такъ что Тороховъ могъ спокойно продолжать свои торговые занятія, не будучи отвлекаемъ домашними заботами. Такимъ образомъ проходитъ 4 года, въ теченіи которыхъ юная дочь остается полною хозяйкой въ домѣ. За это время молоденькой Танѣ естественно было сформироваться и окрѣпнуть въ характерѣ. Но вотъ отецъ неожиданно для дочери женится на старой дѣвѣ, которая менѣе всего отличалась привлекательными чертами своего пола. Самъ Тороховъ такъ рассказываетъ о своей женитьбѣ на Маремьянѣ Дмитріевнѣ: «Сказать по истинѣ, вѣдь и ябъ не подумалъ ее взять, ежелибъ не подходящая ея земля, — у самой у рѣчки. Какъ разъ для

завода моего съ руки, а продавать она заартачилась!.... Что тутъ будемъ дѣлать?... Подумалъ я, подумалъ, взялъ да и женился! Одно къ одному: и мѣсто хорошее подъ рѣкой и хозяйство у меня большое, — однихъ рабочихъ столько! а тутъ еще какъ выйдетъ Тапюшка замужъ, что я тогда бобылемъ какъ останусь? Ну, думаю себѣ: самъ я въ лѣтахъ, на что мнѣ молодую, да пригожую? молодая хозяйка мнѣ не ко двору, — а хозяйскій глазъ, при моихъ дѣлахъ въ домъ нуженъ. Ну, вотъ и тово, оженился» (дѣйствіе I-е, явл. 5).

Теперь намъ понятны постоянныя столкновенія между молодою миловидною падчерицей, привыкшей быть полною госпожею въ домѣ отца, нечаявшаго въ ней души, и невзрачною ворчливой мачехой, ставшей хозяйкой въ домѣ Торохова. Къ этой основной причинѣ неладовъ между ними вскорѣ присоединилась новая: у Торохова есть сестра, бездѣтная вдова Грозднева, «изъ образованныхъ», по тому что въ молодости воспитывалась въ женскомъ пансіонѣ; выйдя замужъ за зажиточнаго вупца, она по долгу жила съ своимъ мужемъ въ Парижѣ и въ другихъ столицахъ. У Гроздновой есть племянникъ по мужу, Юрій Грозднень, красивый молодой человекъ, докончившій свое образованіе тоже за границей. Возвратившись изъ чужихъ краевъ, молодой Грозднень поступилъ на службу въ торговое пароходное общество на Волгѣ, гдѣ начальствовалъ компанейскимъ пароходомъ, плававшимъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ Волгѣ. Во время стоянокъ своего парохода Юрій обыкновенно жила въ домѣ тетки, по сосѣдству съ Тороховымъ, у которыхъ бывалъ вмѣстѣ съ теткою; и вотъ молодая дочь Торохова полюбила пригожаго Грозднева, равно какъ и онъ въ свою очередь полюбилъ стройную, миловидную

Таню. Но было время, въ пору дѣтства Юрія, когда на него имѣла виды свои Маремьяна Дмитріевна, жена Торохова. Вотъ какъ сама она мечтательно вспоминаетъ объ этомъ въ монологѣ 1-го д. «А Юша-то, Юша, каковъ выровнялся понѣ! Брасавецъ писанный! Какъ вспомню я годочки наши дѣтскіе.... Какъ мы съ нимъ бывало игравали, по огородамъ бѣгали, въ саду хорошились.... Любила я его въ тѣ поры, крѣпко любила! И кабы ежели-бъ да не Татьяна Мионовна со своимъ супругомъ нигоціантомъ въ наше сосѣдское житье виѣшалась, да не отправила бы Юшеньку въ обученіе.... Богъ вѣсть, не другая ли бы моя судьба вышла?... Выросли-бы мы тихо да мирно, одинъ возлѣ другаго.... Можетъ-бы, я и не засидѣлась въ дѣвнцахъ и не дождалась-бы Мироныча» (дѣйств. I-е, явл. 7). Естественнымъ послѣ этого является то, что мачиха рѣшилась не допускать, чтобъ молодые люди, полюбившіе другъ друга, обвинчались. Съ своей стороны и падчерица тоже узнала не мало компрометирующаго изъ молодости мачихи отъ бывшаго товарища ея дѣтскихъ лѣтъ, вслѣдствіе чего придирчивость Маремьяны Дмитріевны къ Танѣ, касавшаяся отношеній ея къ молодому Гроздневу, выводила изъ себя молодую дѣвушку. Молодымъ людямъ вполне почувствовала ихъ тетка, въ домѣ которой они обыкновенно чаще всего встрѣчались и свободно между собой говорили. Самому же Торохову казалось, что его красавица и умница Таня можетъ сдѣлать болѣе блестящую партію, чѣмъ замужество за молодаго Грозднева, который ему казался человѣкомъ «изъ новыхъ», т. е. социалистомъ. Обиѣнявшись же по этому дѣлу мыслями со своею женою, Маремьяною Дмитріевною, онъ сталъ еще болѣе строгъ къ Юрію. И вотъ, когда его сестра рѣшилась, по просьбѣ племянника, гото-

вившагося уѣхать по компанейскимъ дѣламъ за границу на три года, переговорить съ Егоромъ Мироновичемъ объ интересѣ молодыхъ людей, то отецъ рѣшительно отказалъ въ своемъ согласіи отдать Таню замужъ за Юрія, обозвавъ послѣдняго «неправильнымъ человѣкомъ», исключительнымъ поклонникомъ всего иноземнаго, хулителемъ своего роднаго, который, по его словамъ, «въ чужихъ краяхъ и вѣру православную бросилъ», — словомъ, что молодые, по его мнѣнію, «понятіями во многомъ разойдутся», вслѣдствіе чего дочь не сможетъ быть «счастливой за этимъ иноземнымъ баринкомъ».

Въ то время какъ однажды старикъ Тороховъ съ женою сидѣлъ за позднимъ самоваромъ, поджидая возвращенія съ церковной службы своей дочери, въ растворенную съ шумомъ дверь неожиданно вошла неряшливо одѣтая дѣвушка лѣтъ 20, въ измятой гарibalдійгѣ на головѣ, съ маленькимъ сагомъ въ одной рукѣ и большимъ, грязнымъ чемоданомъ, перевязаннымъ веревкой, въ другой, — словомъ появилась одна изъ особъ «числящихся въ нигилизмѣ». Дѣвица была не безъизвѣстна хозяевамъ дома, даже крестница Торохова и товарка Тани по мѣстной гимназій, — она обазалась дочерью недавно умершаго священника подгороднаго села, Вифанской, которая пришла къ крестному изъ роднаго села, ища у него пристанища. Егоръ Миронычъ едва могъ признать свою крестницу, до того она измѣнилась въ продолженіи не многихъ лѣтъ. Исторія появившейся дѣвушки оказалась несложной: вслѣдствіе несогласія съ родителемъ и желанія быть вполнѣ самостоятельной, молодая дѣвушка бросаетъ родину, уходитъ въ Петербургъ, гдѣ попадаетъ въ кругъ людей разнаго пола и возраста, отбившихся отъ школьныхъ и другихъ серъ-

езныхъ занятій, которые видятъ въ себѣ соль родной земли, призванныхъ быть реформаторами и обновителями современнаго строя русской жизни на совершенно новыхъ началахъ. Поживши въ обществѣ этихъ то людей, которые, естественно, являлись высоко-авторитетными простодушной провинціалкѣ, Вифанская усвоила себѣ всѣ взгляды ихъ и манеры, эманципировавшись, по мнѣнію кружка, отъ всякихъ предразсудковъ своего общества и пола. На простыхъ же людей родимаго города Вифанская производила впечатлѣніе особы «безъ всякой двичьей скромности и стыда» (дѣйств. 1-е, явл. XVI); другой землякъ ея, человекъ болѣе бывалый, считалъ ее «въ самой сути не злой и честности не изъятой, а только сверху позасоренной и коверканной», которая ходитъ пугаломъ и самое себя тѣшитъ. «Ишь, де я—какая страшная! Ничего не боюсь и ничего знать не хочу», такъ что она, по его словамъ, «не столь бѣдовая, какъ жалости достойная» (дѣйств. II-е, явл. 1-е). Пріѣхала Вифанская на родину вслѣдствіе того, что для нея, по ея же словамъ, «случилось мірское дѣльце въ здѣшнихъ мѣстахъ». Кромѣ того и свое кровное дѣло напало здѣсь: отецъ ея умеръ, кружокъ же «питерскихъ ребятъ», къ которому она, по ея выраженію, принадлежитъ, «голодалъ, потому что всему ихнему кагалу жрать было нечего»,—и вотъ она рѣшилась попытаться, не дадутъ ли ей родные еще чего либо сверхъ 600 руб., оставленныхъ ей отцомъ предъ смертью и персланныхъ родными въ Петербургъ. Теперь же, не получивъ ничего, Вифанская пришла пѣшкомъ въ городъ и расположилась въ домъ крестнаго. Здѣсь она, вмѣстѣ съ отставнымъ мѣстнымъ учителемъ Якошевичемъ, «изъ длинноволосыхъ ребятъ при пледахъ и дубинкахъ», занялась вышеупомянутымъ «мір-

скимъ дѣльцемъ», т. е., говоря по просту, они стали разбрасывать по городу возмутительныя прокламаціи, смущая покой мирныхъ жителей, ибо вслѣдствіе этого началась обычная полицейская суета, сопровождавшаяся обысками, арестами и т. под. Исполнивъ успѣшно свою миссію въ родномъ городѣ, Вифанская въ домѣ Тороховыхъ познакомилась съ молодымъ Гроздневымъ, который обѣщалъ въ этомъ рейсѣ перевести ее бесплатно на пароходѣ внизъ по Волгѣ, куда она пожелала отправиться, вѣроятно, по тѣмъ же мірскимъ дѣламъ своихъ питерскихъ ребятъ. Вслѣдствіе этого Юрій приказалъ своему работнику доставить на пароходъ чемоданъ Вифанской, который тотъ и снесъ въ камуту молодого Грозднева.

Послѣ отказа Торохова выдать Таню за Юрія, послѣдній сталъ убѣждать ее уйти вмѣстѣ съ нимъ и обвѣнчаться, потому что отецъ, подпавшій вліянію мачихи, не согласится отдать ее за него. Дѣвушка сперва рѣшительно отказалась отъ этого, отвѣчая: «батюшка мнѣ не злодѣй, хочу за тебя выйти по чести изъ отцовскаго дому, а не бѣжать, какъ воровка какая». Но вскорѣ столкновенія съ мачихой сдѣлали Таню жизнь въ отцовскомъ домѣ очень тяжелою, особенно, послѣ ссоры тетки съ отцемъ изъ-за Юрія. Бъ этому присоединилось и вліяніе Вифанской, которая тоже убѣждала Таню обвѣнчаться уходомъ, указывая ей на то, что въ городѣ всѣ говорятъ, будто отецъ ея отказалъ молодому Грозднему изъ-за того, чтобъ ее выдать за своего товарища по дѣламъ, стараго богатаго вдовца, предложившаго Торохову жениться на его дочери, и чему вполне сочувствовала его жена, Маремьяна Дмитріевна. Все это побудило, наконецъ, Таню уйти изъ отцовскаго дому. Молодой Гроздневъ пробрался ночью въ садъ Тороховскаго

дома, увелъ Таню и въ ту же ночь, раньше урочнаго часа, снялся съ пароходомъ, такъ что Вифанская не успѣла поспѣть на пароходъ, гдѣ въ каютѣ Юрія остался ея ящикъ. Въ одномъ изъ селъ низоваго Поволжья знакомый священникъ обвинялъ Юрія съ Таней, которая послѣ этого была лишь молва заботъ о томъ, что то случилось съ ея добрымъ отцемъ, котораго она извѣстила о своемъ бѣгствѣ съ Гроздневныиъ письмомъ, оставленнымъ на столѣ своей комнаты. Но на третій день, на одной изъ стоянокъ въ низовомъ Поволжьѣ, пароходъ молодаго Грозднева подвергся полицейскому обыску, въ его каютѣ найденъ ящикъ съ запрещенными книгами и прокламаціями, вслѣдствіе чего онъ былъ арестованъ и съ молодою женою препровожденъ для разслѣдованія въ губернской городъ. Юрій телеграммой извѣщаетъ тетку о своемъ несчастіи, но телеграмма попадаетъ не въ руки Гроздновой, которая отправилась незадолго предъ этимъ навѣстить заболѣвшаго Торохова, а Вифанской, случайно зашедшей къ Гроздновой и еще не успѣвшей уйти послѣ ухода хозяйки. Вифанская по любопытству вскрываетъ телеграмму, узнаетъ объ арестѣ Юрія и, догадываясь о причинѣ этого ареста, рѣшается спастись бѣгствомъ. Въ квартиру Гроздновой является полиція для описи вещей и бумагъ въ комнатѣ Юрія; вслѣдъ за полиціей появляется вскорѣ и сама хозяйка дома, въ сопровожденіи молодого чиновника особыхъ порученій при мѣстномъ губернаторѣ—Слезневскаго, назначеннаго руководить описью и слѣдствіемъ, но увѣряющаго Грозднову, что онъ посланъ губернаторомъ для успокоенія почтенной хозяйки дома. Спустя нѣкоторое время, сюда же является и арестованный Юрій съ молодою женою, которую онъ оставляетъ на попеченіе своей тетки, а самъ отправляется подъ арестъ.

Но въ молодомъ Гроздневѣ принимаетъ сильное участіе не только тетя: за него поручился предъ губернаторомъ вліятельный директоръ компаніи, и даже самъ тесть, оправившись отъ болѣзни, внесъ за него въ залогъ значительную сумму денегъ. Вслѣдствіе этого Юрій былъ выпущенъ на свободу, и все дѣло тормозится лишь тѣмъ, что молодой Гроздневъ съ своими родными хотя и были увѣрены въ принадлежность ящика съ книгами Вифанской, но не рѣшились показать на нее, потому что правыхъ уликъ у нихъ не было. Сама же Вифанская, при недостаткѣ денегъ, не могла уѣхать изъ города, и, не совсѣмъ здоровая, жила въ квартирѣ Якошевича, своего сотоварища по ремеслу. Наконецъ, Вифанская, тронутая письмомъ своей бывшей подруги и побуждаемая собственнымъ чувствомъ, признаетъ ящикъ съ книгами и прокламаціями своимъ, вслѣдствіе чего она была арестована, а молодой Гроздневъ совершенно освобожденъ. Не лишены интереса для насъ окончательныя сужденія о Вифанской земляковъ и знакомыхъ послѣ ея сознанія. Такъ, Грозднева говоритъ о ней: «Скажите, за что погибла дѣвушка? И совсѣмъ она не изъ тѣхъ, безсердечныхъ».—Таня (горячо). «А за то, что судьба сватиха ее съ молодю съ дурными людьми свела!» Юрій: «А ужъ назвался груздемъ—такъ полѣзай въ кузовъ».—

Изъ очерка содержанія комедіи: «Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ», можно видѣть, что она не богата драматическимъ дѣйствіемъ, и дѣйствующія лица въ ней очень много заняты разговорами,—по этому характеры ея являются предъ нами не въ такой мѣрѣ выпуклыми, какъ это бываетъ въ драмахъ, гдѣ дѣйствія больше. Вслѣдствіе недостаточности же дѣйствія въ комедіи становится замѣтна ея слишкомъ значительная растянутость на четыре

дѣйствія, почему послѣднія два дѣйствія безъ всякаго для нея ущерба могли бы быть соединены въ одно. Языкъ комедіи, хотя и хорошъ въ общемъ, но мѣстами слишкомъ пестритъ обиліемъ пословицъ и поговорокъ въ устахъ дѣйствующихъ лицъ. Въ общемъ строфъ комедіи, какъ было уже говорено, замѣчается вліяніе Островскаго, но въ настоящемъ случаѣ оно является, какъ намъ кажется, скорѣе результатомъ прилежнаго чтенія нашего отечественнаго драматурга и нѣкоторыхъ личныхъ наблюденій автора надъ купеческою средою, чѣмъ послѣдствіемъ заимствованія у Островскаго. Такъ, по нашему крайнему разумѣнію, ни о Егорѣ Миронычѣ Тороховѣ, ни о его женѣ, Маремьянѣ Дмитріевнѣ, нельзя сказать, чтобъ они были копіями выдающихся лицъ въ пьесахъ Островскаго, посвященныхъ купеческому быту. Лица, заимствованныя авторомъ изъ великорусской купеческой жизни, могутъ быть раздѣлены на представителей старшаго и младшаго поколѣній, на отцевъ и дѣтей; характеры первыхъ въ комедіи представлены съ большею рельефностью, вслѣдствіе чего представители перваго поколѣнія являются намъ строго опредѣленными въ своихъ внутреннихъ свойствахъ и симпатіяхъ. Такъ, Егоръ Миронычъ Тороховъ, его жена Маремьяна Дмитріевна, Татьяна Мионовна Грозднева, сестра Торохова, старый Сафоньчъ—приказчикъ ея покойнаго мужа, все это—люди дѣйствительной жизни—живыя лица. За то далеко нельзя того же сказать о представителяхъ молодаго поколѣнія въ купеческой средѣ. Юрій Миронычъ Гроздневъ и Таня, дочь Торохова, являются скорѣе легкими силуэтами, чѣмъ личностями изъ плоти и крови. Но, быть можетъ, это является слѣдствіемъ не столько недостатка наблюдательности въ авторѣ комедіи, сколько есть результатъ современнаго со-

стоянія купеческой жизни, которая въ лучшихъ людяхъ изъ молодаго поколѣнія не успѣла еще выработать строгой опредѣленности, вслѣдствіе чего среду эту трудно изобразить въ настоящее время въ рѣзкихъ очертаніяхъ и образахъ. Что касается дѣвнцы Вифанской, то въ ней авторъ представилъ намъ главнымъ образомъ непривлекательныя черты, встрѣчавшіяся нерѣдко въ недалекомъ прошломъ нашего общества. Бъ счастью, подобныя лица мало по малу начинаютъ отходить уже въ область прошлаго, ибо здравый смыслъ и здоровое чутье молодаго поколѣнія успѣли подсказать ему, что цѣлая пропасть лежитъ между хорошимъ и оригинальнымъ съ одной стороны, ложнымъ и уродливымъ съ другой. Автору пьесы, судя по словамъ Гроздневой въ 1-мъ д., хорошо извѣстны и свѣтлыя стороны въ увлеченіяхъ молодаго женскаго поколѣнія, но въ настоящей комедіи онъ въ лицѣ Вифанской предпочелъ остановиться преимущественно на неприглядныхъ сторонахъ увлеченія, не скрывъ однако въ Вифанской участливости и теплаго чувства, обнаружившихся въ ней, независимо отъ напускнаго коверканія своей личности.

Довольно талантливо очерчены авторомъ комедіи и нѣкоторыя изъ второстепенныхъ личностей, эпизодически лишь появляющіяся въ ней. Бъ такимъ лицамъ принадлежитъ молодой чиновникъ особыхъ порученій Слезневскій, человекъ пустой и фатоватый, но съ большими претензіями. Недурно также изображенъ Якошевичъ, молодой человекъ, отбившійся отъ серьезнаго педагогическаго дѣла, который рѣзкостью въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ, самоувѣренностью въ сужденіяхъ и слишкомъ большою сговорчивостью своей совѣсти, напоминаетъ Марка Волохова — одно изъ лицъ романа Гончарова «Обрывъ».

Изъ вышеизложеннаго можно видѣть, что комедіи въ 4 д.: «Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ», не смотря на серьезные недостатки, въ общемъ нами указанные, обладаетъ также и нѣкоторыми достоинствами, вслѣдствіе чего эту пьесу можно удостоить половинной преміи Ивана Георгіевича Вучины—въ 250 р.*).

Экстраординарный профессоръ Новороссійскаго университета, Георгій Перетятковичъ.

*) Авторомъ пьесы оказалась г-жа Желиховская.

DELECTUS SEMINUM

in Horto Botanico Universitatis Cesareae Novae Rossiae

anno 1884 collectorum.

Monocotyledones.

Araceae.

Amorphophallus Rivieri Durieu.
tubera.

Commelyneae.

Commelyna aspera G. Don.
— *clandestina* Knth.
— *coelestis* Willd.
Tinnantia coerulea Fzl.
— *erecta* Schlecht.

Cyperaceae.

Carex muricata L.
— *scoparia* Schk.
— *sp.*
Cyperus alternifolius L.
— *glomeratus* L.
Isolepis Holoschoenus Pr. et. S.
Mariscus aggregatus.

Dioscoreae.

Dioscorea Batatas Dene.
— *bulbifera* L.
— *oppositifolia* L.

Gramineae.

Aegilops ovata L.
— *speltoides* Tausch.
— *ventricosa* L.
Agrostis alba L.
— *capillacea* Andrz.
— *capillaris* L.
— *dispar* Hort.
Aira pulchella L.
Alopecurus arundinaceus Poir.
— *pratensis* L.
Andropogon aristatus Poir.
— *Ischaemum* L.
Arrhenaterum avenaceum P. B.
— *bulbosum* Presl.
— *elatus* M. K.
Arundo festucoides.
Asprella major W.
Avena argentea.
— *borealis* Brot.
— *fatua* L.
— *flavescens* L.
— *geminiflora* H. Port.

- Avena Ludoviciana* Dur.
 — *orientalis* Schreb.
 — *podolica* Pascal.
 — *sativa* L. β . *mutica* tris-
 perma.
Beckmannia erucaeformis Host.
Brachypodium caespitosum Presl.
Briza maxima L.
Bromus commutatus L.
 — *erectus* Huds.
 — *inermis* L.
 — *mollis* L.
 — *parviflorus* Desf.
 — *pendulinus* Schrad.
 — *purgans* L.
 — *racemosus* L.
 — *rigidus* Benth.
 — *vestitus* Schrad.
Cenchrus pungens H. et B.
 — *spinifera* Cav.
 — *tribuloides* L.
Chloris barbata Sw.
Coix exaltata Jacq.
 — *Lacryma* L.
Cynodon Dactylon Pers.
Dactylis altaica Bess.
 — *glomerata* L.
Deschampsia grandis Bess.
 — *media* R. et S.
Deyeuxia retrofracta Knth.
Digitaria sanguinalis Scop.
Echinaria cappilata Desf.
Echinochloa Zenkowskiana
 Bernh.
Ehrharta panicea Smith.
Eleusine Coracana Gärtn.
Elymus arenarius L.
 — *canadensis* L.
 — *europaeus* L.
Elymus villosus Mhlbg.
Eragrostis megastachya Lnk.
 — *pilosa* P. B.
 — *plumosa*.
 — *poaeoides* P. B.
Erianthus Ravennae.
Festuca arundinacea Schreb.
Festuca borealis M. et Koch.
 — *distachya* W.
 — *elatior* L.
 — *geniculata* W.
 — *glauca* Lam.
 — *heterophylla* Lam.
 — *pectinella* Del.
 — *pratensis* Huds.
 — *viridis*.
Glyceria norvegica Rupr.
 — *remota* Fries.
Graphaephorum arundinaceum
 Liljebl.
Gymnostachium hystrix Schreb.
Holcus annuus Salzm.
 — *lanatus* L.
Hordeum bulbosum L.
 — *distichum* L. *erectum*.
 — — *nigrum*.
 — *himalayense* Ritter.
 — *jubatatum* L.
 — *macrolepis* A. Br.
 — *trifurcatum* Ser.
 — *vulgare* L. *nigrum*.
 — — *aestivalis*.
Koeleria glauca D. C.
 — *cristata* Pers.
 — *setacea* D. C.
Lasiagrostis gracilis.
 — *splendens* Knth.
Lepturus incurvatus Trin.
Leersia virginica W.

<i>Lolium perenne</i> L.	<i>Sorghum nigrum</i> R. S. (<i>S. glycyphyl- hyllum</i>).
— <i>speciosum</i> M. B. et Sev.	— — var. <i>frutescens</i> .
— <i>temulentum</i> L.	— <i>saccharatum</i> Munch.
<i>Lapago racemosa</i> Schreb.	<i>Spelta Seringei</i> Jord.
<i>Melica altissima</i> L.	<i>Stipa altaica</i> Trin.
— <i>ciliata</i> L.	— <i>capillata</i> L.
— <i>pyramidalis</i> Lam.	— <i>formicarum</i> Dell.
<i>Nardurus unilateralis</i> L.	— <i>gigantea</i> Lag.
<i>Oplismenus colonus</i> H. B.	— <i>pennata</i> L.
<i>Panicum capillare</i> L.	— <i>splendens</i> Trin.
— <i>dasyurum</i> Nees.	<i>Trisetum argenteum</i> R. S.
— <i>echinatum</i> .	<i>Triticum aegyptiacum</i> Hort.
— <i>erucaeformae</i> Sibth.	— <i>amylaceum</i> Ser.
<i>Paspalum elegans</i> Bosc.	— <i>caninum</i> L.
<i>Phalaris canariensis</i> L.	— <i>compositum</i> L.
— <i>paradoxa</i> L.	— <i>cristatum</i> Schreb.
<i>Phleum annuum</i> Sieb.	— <i>desertorum</i> Fisch.
— <i>parnassicum</i> Boiss.	— <i>durum</i> Desf.
— <i>pratense</i> L.	— <i>elymoides</i> Desf.
<i>Penicillaria spicata</i> Willd.	— <i>giganteum</i> Retz.
<i>Penisetum villosum</i> R. Br.	— <i>glaucum</i> Desf.
<i>Poa compressa</i> L.	— <i>Hisbu</i> Parl. v. <i>monta- num</i> .
— <i>sudetica</i> Haenke.	— <i>hordiforme</i> Wall.
— <i>trivialis</i> L.	— <i>monococcum</i> L.
<i>Schizmus marginatus</i> P. B.	<i>Zea Caragua</i> Molin.
<i>Secale montanum</i> Guss.	— <i>gracillima</i> Hort.
<i>Setaria glauca</i> P. B.	— <i>japonica</i> Hort. fol. var.
— <i>italica</i> P. B.	— <i>Mays</i> L. var. <i>capsularis</i> .
— <i>macrochaeta</i> Spr.	— — — <i>Cinquantino</i> .
— <i>persica</i> Ledeb.	— — L. <i>novaeboracensis</i>
— <i>verticillata</i> P. B.	Bonaf.
— <i>viridis</i> R. Br.	— — <i>praecox</i> .
<i>Sorghum Caffrorum</i> P. B.	
— <i>cernuum</i> Willd.	
— <i>compactum</i> Lem.	

Iridaceae.

<i>Iris bohemica</i> F. Schmidt.	<i>Iris sambucina</i> L.
— <i>flavescens</i> Redoute.	— <i>Güldenstaedtiana</i> M. B.

<i>Iris setosa</i> Pall. atrovioacea.	<i>Allium globosum</i> M. B. var. ro-
— <i>tridentata</i> .	seum.
— <i>virginica</i> L.	— <i>hymenorhizon</i> Ledeb.
<i>Moraea Candolleana</i> .	— <i>illyricum</i> Jacq.
Juncaceae.	— <i>longinatum</i> Tur.
<i>Juncus compressus</i> Jacq.	— <i>odorum</i> L.
— <i>effusus</i> L.	— <i>paniculatum</i> L.
— <i>glaucus</i> Ehrh.	— <i>Porrum</i> L.
<i>Xerotes rigida</i> . R. B.	— <i>rotundum</i> L. var. Wald-
Liliaceae.	steinianum. Rgl.
<i>Albuca major</i> L.	— <i>Schoenoprasum</i> L.
<i>Allium angulosum</i> L.	— <i>senescens</i> L.
— — v. <i>Schraderi</i> .	— <i>Steveni</i> Willd.
— <i>baicalense</i> Willd.	— <i>tulipaefolium</i> Ledeb.
— <i>Cepa</i> L.	<i>Asparagus officinalis</i> L.
— <i>ceratophyllum</i> Schrad.	<i>Asphodelus clavatus</i> Roxb.
— <i>coeruleum</i> Pall.	<i>Asphodeline lutea</i> Roxb.
— <i>controversum</i> Schrad.	<i>Bulbine semibarbata</i> Spr.
— <i>fallax</i> Schult.	<i>Eucomis punctata</i> L'Her.
— <i>flavescens</i> Bess.	<i>Muscari racemosum</i> Mill.

Dicotyledones.

Acanthaceae.	<i>Teleianthera paronychioides</i>
<i>Thunbergia alata</i> Boj.	Schult.
Amarantaceae.	Asclepiadaceae.
<i>Amarantus cruentus</i> L.	<i>Asclepias amoena</i> L.
— <i>spinosus</i> L.	— <i>Cornuti</i> Desch.
<i>Celosia argentea</i> L.	— <i>incarnata</i> L.
— <i>pyramidalis</i> Burm.	— <i>syriaca</i> L.
<i>Euxolus deflexus</i> Raf. var. <i>ascen-</i>	<i>Gomphocarpus fruticosus</i> R. Br.
<i>dens</i> .	<i>Vincetoxicum fuscatum</i> W.
<i>Gomphrena decumbens</i> Jacq.	— <i>nigrum</i> Mch.
— <i>globosa</i> L. v. <i>atropur</i>	— <i>officinale</i> Mch.
<i>purea</i> .	Asperifoliaceae.
— <i>Haageana</i> Rgl.	<i>Anchusa arvensis</i> M. B.
<i>Mengea tenuifolia</i> Moq.	— <i>italica</i> Retz.
<i>Polycnemum arvense</i> L.	— <i>officinalis</i> L.
<i>Sclerocarpus amarantoidis</i>	— <i>ochroleuca</i> M. B.
Schrad.	<i>Asperugo procumbens</i> L.

- Borrago officinalis* L.
Caccinia strigosa Boiss.
Cerithe aspera Roth.
 — *major* L.
 — *minor* L.
Cynoglossum mollissimum Lehm.
 — *viridiflorum* Lehm.
Echinospermum lappula Sw.
Echium plantagineum L.
Heliotropium peruvianum L.
Lindelofia spectabilis Lehm.
Myosotis hispida Schldt.
Nonnea rosea F. M.
Omphalodes linifolia Mneh.
- Balsaminaceae.**
- Impatiens Balsamina* L.
Berberideae.
Leontice altaica Pall. *tubera*.
- Bignoniaceae.**
- Incarvillea Olga* Rgl.
Sesamum orientale L.
- Büttneriaceae.**
- Ridleya corchoriflora* D. C.
- Caesalpinjiaceae.**
- Cercis siliquastrum* L.
Gleditschia triacanthos L.
- Campanulaceae.**
- Campanula athica*.
 — *macrostyla* Boiss. et
 Heldr.
 — *Medium* L.
Specularia falcata L.
Symphandra pendula A. D. C.
Trachaelium coeruleum L.
- Cannabineae.**
- Cannabis sativa* L. *gigantea*.
- Capparidese.**
- Polanisia graveolens* Raf.
- Caprifoliaceae.**
- Lonicera Caprifolium* E.
 — *hybrida* Hort. Nikita.
Symphoricarpus racemosus L.
- Cariophyllaceae.**
- Agrostemma Githago* L.
Arenaria graminifolia Schrad.
 — — *multiflora*.
 — *rigida* M. B.
Cerastium chlorifolium F. et M.
 — *tomentosum* D. C.
Dianthus arenarius L.
 — *deltoides* L.
 — *Petraeus* W. et K.
 — *plumarius* L.
 — *prolifer* L.
 — *pruinosis* Boiss.
 — *Seguieri* Vill.
Gypsophila collina Stev.
 — *paniculata* L.
 — *perfoliata* L.
 — *repens* M. B.
Melandrium pratense Rochl.
Moehringia trinervia Clairv.
Saponaria ocymoides L.
 — *officinalis* L.
Scleranthus annuus L.
 — *perennis* L.
 — *verticillatus* Tausch.
Silene inflata Smith.
 — *noctiflora* L.
 — *nocturna* L.
 — *Otites* L.
 — *saponariaefolia* Schldt.
 — *tatarica* Pers.
 — *vespertina* Retz.
 — *viridiflora* L.
Tunica Saxifraga Scop.
Vaccaria vulgaris Host.

- Velezia rigida* L.
Chenopodiaceæ.
Ambrina chilensis Spach.
Atriplex hortensis L.
— *roseum* L.
Beta patellaris Moq.
— *stricta* Koch.
Chenopodium ambrosioides L.
— *graveolens* Willd.
— *urbicum* L.
— *Vulvaria* L.
Corispermum canescens Ait.
— *Marschallii* Koch.
— *nitidum* Kit.
Hablitzia thamnoides M. B.
Salsola Kali L.
— *rosacea* L.
Cistineæ.
Helianthemum ledifolium Willd.
— *vulgare* Gaert.
Compositæ.
Achillea Millefolium L.
— *Ptarmica* L.
— *tanacetifolia* Koch.
Ageratum mexicanum Swet.
Amellus annuus Willd.
Anthemis arvensis L.
— *Biebersteinii* Adams.
— *Marchalliana* Boiss.
— *Triumfetti* All.
Artemisia Ledeburiana Bess.
— *sacrorum* Ledeb.
— *Ludoviciana* Nutt. v.
gnaphalloides
Torr. et Gr.
Aster adulterius Willd.
— *aestivus* Ait.
— *brumalis* Nees.
— *concinus* Willd.
Aster formosissimus Hort.
— *laevis* L.
— *longifolius*.
— *Novae—Belgiae* L.
— *obliquus* Nees.
— *patulus* Lam.
— *pyrenaicus* Desf.
— *Radula* Ait.
— *simplex* Willd.
— *squarrosulus* Nees.
Asterothrix asperrima Cass.
Bellis perennis L.
Bidens grandiflora Balb.
— *pilosa* L.
— *tripartita* L.
Biotia corymbosa D. C.
— *macrophylla* D. C. var. *divaricata* Ledeb.
Broteroa trinervata Pers.
Calendula officinalis L.
— *tripterocarpa*.
Calliopsis Atkinsoniana Hook.
Cartamus tinctorius L.
Centaurea calocephala Willd.
— *coronopifolia* Lam.
— *Cyanus* L.
— *glastifolia* L.
— *jacea* L. β . *commutata*
Koch.
— *macrocephala* Muss.
Puschk.
— *orientalis* L.
— *Scabiösa* L.
Cirsium acaule L.
Cnicus Benedictus L.
Coreopsis tinctoria Nutt.
Cosmos bipinnatus Cav.
Cotula aurea L.
Dahlia Bertolonii.

- Dahlia scapigera* Lk. et Ott. *Podospermum laciniatum* D. C.
— *coccinea* Cav. *Ptarmica alpina* D. C.
Diplostephium umbellatum Cass. — *Impatiens* D. C.
Echinops banaticus Kochl. *Pyrethrum ambiguum* Ledeb.
Gaillardia aristata Pursh. — *Balsamita* W.
Galatella punctata L. v. *dracunculoides* Lallemand. — *Corymbosum* Willd.
— — *Parthenium* Sm. v. *aureum*.
Gnaphalium purpureum L. — *pinnatifidum* Willd.
Guizotia oleifera D. C.
Helenium autumnale L. var. *breviradiata* Hort. Petrop.
— *pumilum*. W.
— *quadridentatum* Labillard.
Helianthus decapetalus L.
— *lenticularis* Dougl.
Hieracium boreale Fries.
— *sabaudum* L.
Hypochaeris arachnoidea Poir.
Inula disenterica L.
Lactuca altaica F. M.
— *perennis* L.
— *virosa* L.
Lampsana grandiflora M. B.
Lappa major Gaertn.
— *minor* D. C.
— *tomentosa* All.
Leonthodon caucasicum M. B.
— *hastilis* L.
Leucanthemum vulgare Lam.
Matricaria Chamomilla L.
Maruta Cotula D. C.
Mulgedium Plumieri D. C.
Notabasis syriaca Cass.
Onopordon Acanthium L.
— *arabicum* L.
— *Cardunculus*.
— *virens* D. C.
Pieris strigosa M. B.
Podospermum Jaquinianum Koch. *Rhodante atrosanguinea*.
— *Rudbeckia laciniata* L.
— *Sanvitalia procumbens* Lam.
— *Scorzonera eriosperma* M. B.
— *Senecio nebrodensis* L.
— *Seriola aetnensis* L.
— *Silybum eburneum* Cors. et Dur.
— — *marianum* Gärtner.
— *Silphium perfoliatum* L.
— *Solidago altissima* L. v. *humilis* Desf.
— — *canadensis* L.
— — *fiabelliformis* Wend.
— — *grandiflora* Desf.
— — *gigantea* Ait.
— — *hirta* Willd.
— — *hispidula* Mühlberg.
— — *humilis* Herb. Banks.
— — *lanceolata* W.
— — v. *graminifolia*.
— — *folia*.
— *Sonchus oleraceus* L.
— — *palustris* L.
— — *uliginosus* M. B.
— *Tagetes erecta* L.
— — *lucida* Cav.
— — *patula* L.
— *Tanacetum boreale* Fisch.
— *Taraxacum caucasicum* D. C.
— *Tragopogon major* Jacq.

- Vernonia Lindheimieri*.
Xanthium antiquorum Wallr.
 — *saccharatum* Wallr.
 — *spinosum* L.
 — *Strumarium* L.
Xeranthemum inapertum Willd.
 — *cylindricum* Sibth. Sm.
Youngia Thunbergiana.
 Convolvulaceæ.
Calystegia dahurica Fisch.
 — *limbata* Hort.
Convolvulus pentapetaloides L.
 — *Skammonia* L.
Evolvulus linifolius L.
Ipomoea purpurea Roth.
 — *sibirica* Jacq.
Quamoclit coccinea Mch.
 — *vulgaris* Chois.
 Crassulaceæ.
Sedum acre L.
 — *Aizoon* L.
 — *Alberti* Rgl.
 — *Eversi* Ledeb.
 — *hybridum* L.
 — *Maximowiczii* Rgl.
 — *maximum* Sut.
 — *spectabile* Bären.
 — *M. B. v. splendens* Rgl.
 Crucifereæ.
Allyssum edentatum W. K.
Barbarea arcuata Rchb.
 — *orthoceras* Ledeb.
Berteroa incana D. C.
Bunias orientalis L.
Camelina microcarpa Andrz.
 — *v. sativa* Crantz.
Capsella bursa pastoris L.
Chorispora tenella D. C.
- Crambe cordifolia* Stev.
Hirschfeldia incana D. C.
Hesperis matronalis L.
 — *tristis* L.
Iberis taurica D. C.
Isatis canescens D. C.
 — *praecox* Kit. v. *dasycarpa*.
 — *tinctoria* L.
Malcolmia africana R. Br.
 — *Chia* D. C.
 — *maritima* R. Br.
Neslia paniculata Desv.
Raphanus caudatus L.
 — *fugax* Presl.
Rapistrum rugosum All.
Sinapis alba L.
 — *arvensis* L.
Sisymbrium austriacum Jacq.
Thlaspi perfoliatum L.
 Cucurbitaceæ.
Bryonia dioica Jacq.
Citrullus Colocynthis Schrad.
 — *vulgaris* Schrad. (C. *amarus* Schr.)
Cucumis Chatae L.
Cyclanthera pedata Schrad.
 — *explodens* Naud.
Ecbalium elaterium Rich.
Kedrostis africana Cogn. (Rhynchocarpa *dissecta* Naud.)
Lagenaria vulgaris Ser.
Luffa acutangula Ser.
Melotria cucumerina Naud.
Momordica Balsamina L.
 — *Charantia* L.
Siciosperma gracile Asa Gr.
Trichosanthes cucumeroides Max.
 (Platygonia *Kaempferi* Naud.)

Diosmeæ.**Peganum Harmala** L.**Dipsacæ.****Dipsacus fullonum** Mill.**Cephalaria procera** Fisch. et
Lallem.— **radiata** Gr. et Schk.— **transilvanica**.**Knautia hybrida** Cult.— **sylvatica** Cult.**Pterocephalus palestinus** Coult.**Scabiosa atropurpurea** L.— **australis** Wulf.— **columbaria** L.— **maritima** L.— **ochroleuca** L.**Succisa australis** Rehb.**Euphorbiacæ.****Acalypha cordata** Thbg.**Euphorbia heterophylla** L.— **platyphylla** L.— **variegata** Hort.**Mercurialis annua** L.**Ricinus borbonensis** Hort. var.
arborea.— **communis** L.— — v. **giganteus**.— — v. **rutilans**.**Rivina brasiliensis**.**Geraniacæ.****Erodium cicutarium** W.— **gruinum** W.— **moschatum** W.**Geranium macrorrhizum** L.— **nodosum** L.**Hydrophyllæ.****Ellisia Nyctelea** Willd.**Phacelia congesta** Hook.**Whitlavia grandiflora** Harv.**Hypericinæ.****Hypericum perforatum** L.**Labiates.****Ajuga Chamæpytis** Schreb.**Ballota nigra** L.**Calamintha officinalis** L.**Clinopodium vulgare** L. v. **albi-**
florum.**Dracocephalum altaïense** Laxm.— **moldavicum** L.— **Ruyschianum** L.**Galeopsis Tetrahit** L.**Hyssopus officinalis** L.**Lallemantia iberica** F. et Mey.— **peltata** F. et Mey.**Lamium album** L.**Lavandula vera** D. C.**Leonurus Cardiaca** L.— **Marubiastrum** L.— **pubescens** Benth.— **tataricus** L.**Marrubium candidissimum**.— **vulgare** L.**Melissa officinalis** L.**Mentha piperita** L.— **sylvestris** L.**Molucella lævis** L.**Monarda aristata** Nutt.**Nepeta Mussini** Sprgl.— **Nuda** L.**Ocimum basilicum** L.**Orthosiphon glabratus** Benth.**Panceria sibirica** Mönch.**Perilla nankinensis** Dcne.— **ocymoides** L.**Plectranthus amethystoides** Benth.**Prunella alba** Pall.**Salvia Aethiopsis** L.— **austriaca** L.

- Salvia* Bäckeri.
 — cleistogama de By et Paul.
 — dumetorum Andrz.
 — farinacea Benth.
 — officinalis L.
 — sylvestris L.
 — verbenacea L.
 — verticillata L.
Satureja hortensis L.
Scutellaria albida L.
Sideritis scordioides L.
 — taurica M. B.
Stachys lanata Jacq.
 — recta L.
Zizyphora hispanica.
 Linææ.
Linum flavum L.
 — Monadelphum Mart.
 — perenne L.
 — regale?
 Lobeliaceæ.
Lobelia Erinus L.
 Loasææ.
Gronovia scandens.
Mentzelia Wrightii Guss.
 Lythraricæ.
Cuffea lanceolata Ait.
 — Zimpanni Roehl.
Epilobium hirsutum L.
 — tetragonum L.
 — uralense.
Lythrum decandrum L.
 Malvaceæ.
Abutilon Avicennae Gaertn.
Althaea cannabina L.
 — officinalis L.
 — rosea Cav.
 — taurinensis D. C.
Anoda cristata Cav.
Anoda hastata Cav.
Hibiscus esculentus.
 — Humboldtii Col.
 — Trionum L.
Kitaibelia vitifolia W.
Lavatera Cachemiriana Cambess.
 — thuringiaca L.
Malva sylvestris L.
 — vulgaris Fries.
Sphaeralcea miniata St. Hil.
 Nolanaceæ.
Nolana prostrata L. fl.
 Nyctagineæ.
Abronia umbellata Lam.
 — villosa.
Mirabilis Jalappa W.
 — longiflora L.
Oxybaphus floribundus Ait.
 — violaceus Chois.
 Oenotherææ.
Oenothera biennis L.
 — Sellowii L.
 Oxalidææ.
Oxalis corniculata L. v. *atropurpurea*.
 Papaveraceæ.
Argemone mexicana L.
Bocconia cordata W.
Chelidonium majus L.
Escholtzia californica Cham.
Glaucium corniculatum Cort.
Papaver Danebrog Mich.
 — pilosum Sibth. et Str.
 — Rhoëas L.
Roemeria hybrida D. C.
 — refracta D. C.
 Papilionaceæ.
Arachis hypogaea L.
Arthrolobium scorpioides D. C.

- Astragalus albicaulis* D. C.
 — *armenius* M. B.
 — *contortoplicatus* L.
 — *glyciphyloides* D. C.
 — *glyciphyllus* L.
 — *Ponticus* Pall.
Baptisia minor Lehm.
Cicer arietinum L.
Colutea arborescens L.
Coronilla scorpioides Koch.
Cytisus capitatus Jacq.
 — *Laburnum* L.
Desmodium canadense D. C.
 — *marylandicum* L.
Dolichos armatus Wall.
 — *Catjang* L.
 — *Lubia* Fock.
 — *monachalis* Brot.
Ervum Ervilia L.
 — *Lens* L.
 — *v. nigrum*.
Galega officinalis L.
 — *orientalis* Lam.
Lathyrus alatus Sieb.
 — *pratensis* L.
 — *pisiformis*.
Lotus ornatopodioides L.
Lupinus hirsutus L.
 — *macrophyllus* Benth.
Medicago caspica Stev.
 — *lupulina* L.
 — *Murae*.
Melilotus alba Lam.
 — *coerulea* L.
 — *speciosa* Dur.
Onobrychis Caput Galli Lam.
 — *petraea* Desv.
 — *sativa* Lam.
 — *Tomasinii*.
Ononis hircina Jacq. *v. spinescens* Ledeb.
Ornithopus compressus L.
Oxytropis pillosa D. C.
Phaseolus gonospermus Savi.
Pisum abyssinicum A. Br.
 — *arvense* L.
 • — *granulatum* Lloyd.
 — *quadratum* Mill.
Robinia Pseud—Acacia L.
Securigera Coronilla D. C.
Scorpiurus vermiculatus L.
Soja hispida Munch.
Spartium junceum L.
Tetragonolobus edulis Lnk.
Trigonella Foenum graecum L.
Trifolium agrarium L.
 — *elegans* Savi.
 — *hybridum* L.
 — *incarnatum* L.
Vicia cordata Wulf.
 — *Faba* L.
Vigna glabra Savi.
 Passiflores.
Passiflora gracilis L.
 Pedalines.
Martynia fallax A. D. C.
 — *fragrans* Lindl.
 — *lutea* Lindl.
 — *proboscidea* Glox.
 Phytolaccaceæ.
Phytolacca acnosa Roxb.
 — *decandra* L.
 — *violacea* C. A. Mey.
 Plantagineæ.
Plantago lanceolata L.
 — *major* L.
 — *maritima* L.
 — *Psyllium* L.

- Plantago serpentina* Lam.
Plumbaginæ.
Armeria maritima L.
Plumbagella micrantha Boiss.
Polemóniacæ.
Gilia milefoliata Fisch.
— *nivalis* Van Houth.
— *tricolor* Benth.
Phlox Drummondii Hook.
Polygonæ.
Emex Centropadium Meissn.
— *spinosus* Campd.
Fagopyrum emarginatum Meissn.
— † *rotundatum* Bartl.
Oxyria reniformis Hook. v. *glauca*.
Polygonum lapatifolium L.
— *Sieboldii* Hort.
Tragopyrum lanceolatum M. B.
Rheum caspicum L. v. *canaliculatum*.
— *palmatum* L. v. *tanguticum* Rgl.
— *sibiricum*.
— *spiaforme* Rgl.
Rumex Acetosa L.
— *confertus* Willd.
— *conglomeratus* Murs.
— *Fischeri* Rchb.
— *Patientia* L.
— *purpureus* Poir.
— *sanguineus* J.
Portulacæ.
Portulaca grandiflora Hook.
— *rostellata* Bring.
Tetragonina crystallina L'Herit.
— *expansa* Ait.
Primulacæ.
Anagallis arvensis L. v. *carnea*
Schrank.
- Lisimachia punctata* Jacq.
Ranunculacæ.
Anemone baldensis L.
Aquilegia glandulosa F. et M.
— *lutea* D. C.
— *Sibirica* Lamk.
— *vulgaris* L.
Delphinium altissimum Wall.
— *Consolida* L.
Nigella Damascaena L.
— *foeniculacea* L.
Ranunculus acris L.
— *caucasicus* M. B.
— *neapolitanus* Tenore
— *nemorosus* D. C.
— *propinquus* C. A. M.
— *serbicus* Vis.
Thalictrum appendiculatum Ledeb.
— *baikalense* Turcz.
— *elatum* Jacq. v. *glaucum*.
— *flavum* L.
— *foetidum* L.
— *minus* L. v. *procerrum* Rgl.
— — — *virens*
Koch.
— *simplex* L. Fondens
F. Schultz.
Trollius Ledebourii Rchb. v. *lysepalus* Rgl.
Resedacæ.
Reseda alba L.
— *lutea* L.
— *truncata* F. et Mey.
— *undata* L.
Rosacæ.
Agrimonia pilosa Ledeb.

- Geum intermedium* Erth. v. *brachypoda*.
Margyricarpus setosa R. et P.
Potentilla collina M. B.
 — *gelida* C. A. Mey. v. *glabrior* Ledb.
 — *glandulosa* Lindl.
 — *heterophylla* Mill.
 — *Kurdica* Boiss.
 — *multifida* L.
 — *pensylvanica* L.
 — *procumbens* Sibth.
 — *recta* L. v. *pallida*.
 — — v. *obscura* Ledeb.
 — *umbrosa* Stev.
Sanguisorba alpina Bugl.
 — *dodecandra* Morelli.
 — *media* L.
 — — v. *angustifolia* Rgl.
 — *officinalis* L. *typica*.
Spiræa Bethlehemensis rubra.
 — *callosa*.
 — *confusa*.
 — *Fontanaysii alba*.
 — *Fortuneyi macrophylla*.
 — *Lindleyana*.
 — *semperflorens*.
 Rubiaceæ.
Asperula ciliata Rochl.
 — *cynanchica* L.
Gallium lithospermifolium Fisch.
 — *physocarpum* Ledeb.
 Rutaceæ.
Ruta bracteosa D. C.
 — *divaricata* Ten.
 — *graveolens* L.
 Scrophularinæ.
Anthirrhinum majus L.
- Calceolaria pinnata* Flor.
Chelone glabra Lam.
Collinsia bicolor Bth.
Digitalis lanata Ehrh.
Linaria genistaefolia.
 — *litoralis* Bernh.
 — *minor* Desf.
 — *purpurea* Mill.
 — *tristis* Mill.
Maurandia anthirrhiniflora H. B.
 — *Barklayana* Ledeb.
Mimulus cardinalis Lindl.
Pentstemon barbatus Nutt.
Salpiglossis sinuata R. et Pav.
Torenia asiatica L.
 — *exappendiculata* Rgl.
Verbascum nigrum L.
Veronica caucasica M. B.
 — *incana* L.
 — *latifolia* L. v. *media*.
 — *orchidea* Crantz.
 — *sibirica* L.
 — *spuria* L.
 Selaginæ.
Hebenstreitia dentata Thunb.
 — *integrifolia* Choisy.
 Solanaceæ.
Atropa biflora R. et P.
Capsicum annuum L. v. *rubrum*
Datura fastuosa L.
 — *Metel* L.
 — *Stramonium* L.
 — *Tatula* L.
Dictyocalyx quadrivalvis Hook.
Hyoeyamus albus L.
 — *niger* L.
Lycopersicum esculentum Mill.
 — — *pruniformæ*.
 — *racemigerum* Dun.

- Nicandra physaloides** Gärtn.
 — — *v. latifolia* Dunc.
Nicotiana glauca Grah.
 — *persica* Lindl.
 — *rustica* L.
 — **Tabacum** L. *v. grandiflora purpurea*.
 — — *v. macrophylla* Dunal.
Petunia phoenicea Hort.
 — *nyctaginiflora* Juss.
Saracha stapeliaeflora Desv.
Solanum citrullifolium A. Br.
 — *Dulcamara* L.
 — *Melongena* L.
 — *nigrum* L.
 — *pseudo-capsicum* L.
 — *villosum* Lmk.
 Umbelliferae.
Astrantia intermedia R. Br.
Bupleurum rotundifolium E.
Conioselinum Eischeri Wimm.
Conium maculatum E.
Coriandrum memphiticum Ten.
 — *sativum* L.
Daucus hispanicus D. C.
Foeniculum vulgare Gärtn.
Pastinaca lucida Gouan.
 — *opaca* Brnh.
Seseli gracile W. et K.
Torilis Antriscus Gmel.
- Urticaceae.**
Parietaria officinalis L.
Urtica cannabina L.
 — *dioica* L.
 — *pilulifera* E. *v. balearica*.
 — sp.
Valerianaceae.
Centranthus ruber D. C.
Fedia cornucopiae D. C.
 — *scorpioides* Dufr.
Valerianella Szowitsiana F. Mey.
Verbenaceae.
Verbena Aubletia E.
 — *hastata* L.
 — *hybrida* E.
 — *tenera* Lpr.
 — *venosa* Gill. et Hook.
Violaceae.
Viola palmata E.
 — **Patrini** D. C.
 — — *v. chinensis* D. C.
 — *persicifolia* Schk.
 — *prionantha* Bnge.
 — *pumila* Vull.
 — *tricolor* E. *v. maxima* Hort.
 — *sciaphila* Hort. *v. variegata*.
- Zygophyllaceae.**
Tribulus terrestris E.
Zygophyllum Fabago L.

Prof. L. Reinhard,
 Horti Director.

A. Clausen,
 Hortulanus.

Odessa,
 Febr. 1885.

II. Часть ученая.

Опредѣленіе, основныя начала, задача и значеніе международнаго права¹⁾.

Присавъ-доцента Н. А. Ивалоскаго.

1. Понятіе и опредѣленіе международнаго права.

Человѣкъ одаренъ самыми разнообразными тѣлесными и духовными свойствами и силами, чѣмъ обуславливается существованіе разнообразнѣйшихъ потребностей его физической и духовной природы. Удовлетворенія этихъ потребностей и гармоническаго развитія своихъ силъ человѣкъ можетъ достигнуть при помощи двоякаго рода средствъ: во первыхъ, разумно пользуясь своими собственными силами и силами окружающей его природы, во вторыхъ, сочетая свои силы съ силами другихъ людей. Итакъ, съ одной стороны, стремясь удовлетворить различныя свои потребности, а съ другой, видя недостаточность своихъ единичныхъ силъ, человѣкъ вступаетъ въ самыя разнообразныя связи съ другими людьми, смотря по тѣмъ цѣлямъ, достиженіе которыхъ имѣется въ виду. Разнообразіе формъ единенія между людьми естественно обуславливается разнообразіемъ тѣхъ потребностей, которыя вызвали ихъ въ жизни и удовлетворить которымъ онѣ призваны. Но потребности человѣка вмѣстѣ съ культурнымъ его развитіемъ постепенно развиваются и кругъ ихъ постепенно расширяется. Понятно, что въ параллель съ этимъ должна идти и, какъ свидѣтельствуетъ исторія, дѣйствительно идетъ увеличеніе и развитіе разныхъ формъ общенія между людьми съ самыми разнообразными оттѣнками въ ихъ характерѣ. Такъ мы видимъ союзъ семейный, союзъ

¹⁾ Вступительная лекція, читанная 15-го сентября 1884 года въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.

родовой, общину сельскую и городскую, торговля и промышленныя товарищества, общества кредитныя, литературныя, музыкальныя, научныя и т. п.

Человѣкъ, вслѣдствіе разнообразія преслѣдуемыхъ имъ цѣлей, въ одно и то же время является членомъ самыхъ разнообразныхъ союзовъ, а эти послѣдніе въ свою очередь приходятъ въ соотношеніе между собой и тоже организуются въ высшія единицы или входятъ въ нихъ, какъ часть въ цѣлое.

На какихъ-же, спрашивается, началахъ покоится общественная жизнь людей?

Какъ только человѣкъ приходитъ въ соприкосновеніе съ другимъ человѣкомъ и ихъ интересы сталкиваются, тотчасъ начинается обнаруживаться необходимость установить извѣстные правила взаимнаго поведенія, ограничивающія свободу и произволъ вступающихъ въ общеніе лицъ. Эти то нормы взаимныхъ отношеній, покоющіяся на идеѣ справедливости и опредѣляющія, что каждый можетъ и что онъ долженъ въ отношеніи другихъ, и есть то, что называется правомъ. «Ни одинъ постоянный союзъ людей, говоритъ Гестеръ, не можетъ существовать безъ взаимныхъ правъ и обязанностей своихъ членовъ». *Ubi societas ibi jus est.* Правовой порядокъ есть тотъ стражъ общества, подъ охраной котораго обезпечивается возможность достиженія людьми ихъ разнообразныхъ цѣлей.

Высшей формой человѣческаго общежитія, высшимъ союзомъ, высшимъ правовымъ институтомъ — является безспорно государство. Оно органически объединяетъ въ себѣ цѣлую сѣть самыхъ разнообразныхъ союзовъ и является юридическимъ представителемъ единства извѣстнаго народа. Въ государствѣ всѣ разнообразныя стороны народной жизни приходятъ подъ охрану права въ наиболѣ стройный порядокъ, необходимый для культурнаго роста общества. Въ государствѣ находитъ человѣкъ возможность наиболѣ полного удовлетворенія различныхъ нуждъ и стремленій.

Однако государство, не смотря на все его значеніе, не составляетъ конечной формы человѣческаго общежитія. Оно не есть найвысшій правовой институтъ.

Жизнь каждаго государства, вслѣдствіе исключительнаго характера занимаемой имъ части земной поверхности и вообще данныхъ физическихъ условій, созданныхъ природой, а также

вслѣдствіе типическихъ особенностей его населенія, носить на себѣ своеобразный отпечатокъ. Каждая страна одними продуктами изобилуетъ, а въ другихъ чувствуетъ недостатокъ. Каждый народъ, слагаясь подъ вліяніемъ цѣлаго ряда воздѣйствій природы и исторіи, является носителемъ особаго присущаго ему духа, борцомъ за свои сокровенные идеалы. Это разнообразіе матеріальныхъ благъ и духовныхъ силъ и неравномѣрное распредѣленіе ихъ между различными народами и есть залогъ связи между народами или по крайней мѣрѣ обуславливаетъ эту связь. Каждый народъ, каждое государство старается развить присущія ему силы и осуществить свои разнообразные стремленія. Но для выполненія этой задачи собственныхъ средствъ его оказывается мало. Это вызываетъ необходимость взаимопомощи и международныхъ сношеній.

Всмотримся ближе въ намѣченный нами порядокъ вещей. Главная цѣль современнаго государства—содѣйствовать отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ обществамъ въ возможно широкомъ достиженіи поставленныхъ ими разнообразныхъ цѣлей при недостаткѣ собственныхъ ихъ силъ и стоять на стражѣ поддержанія правоваго порядка внутри своихъ предѣловъ. Для успѣшнаго выполненія обѣихъ задачъ на нынѣшнемъ уровнѣ культуры государства не могутъ обойтись безъ взаимнаго содѣйствія и восполненія недостатка собственныхъ силъ. Вотъ примѣры.

Государство содѣйствуетъ развитію разнаго рода промышленности и торговли. Какъ извѣстно, каждой странѣ вслѣдствіе физическихъ условій свойственны преимущественно только извѣстные роды промышленности. Уже этотъ фактъ указываетъ на необходимость взаимныхъ услугъ народовъ для возможно легкаго и широкаго удовлетворенія ихъ разнообразныхъ потребностей. Если бы какое нибудь государство замкнулось внутри своихъ предѣловъ и прекратило всякія внѣшнія сношенія, это повлекло бы за собой цѣлый рядъ самыхъ вредныхъ послѣдствій какъ для другихъ государствъ, такъ и для него-же самаго. Промышленность его была бы приостановлена въ своемъ развитіи и получила бы ложное направленіе, ибо страна была бы вынуждена для удовлетворенія собственными силами развивающихся потребностей народа искусственно возбуждать и поддерживать несвойственныя ей отрасли промышленности, а свойственныя по необходимости держались бы на уровнѣ удовлетво-

ренія спроса внутри страны. Разнообразныя потребности общества не легко находили бы удовлетвореніе, чѣмъ убитъ былъ бы естественный ихъ ростъ и слѣдовательно развитіе силъ самаго общества. И это далеко не единственныя послѣдствія указаннаго нами порядка вещей!

Къ счастью, вслѣдствіе естественнаго, неотвратимаго хода развитія человѣческихъ обществъ, народы неотразимо чувствуютъ необходимость взаимнаго обмѣна услугъ и обращаются къ взаимопомощи. Только при этомъ условіи промышленность не будетъ остановлена въ дальнѣйшемъ своемъ естественномъ развитіи, а разнообразныя потребности могутъ быть удовлетворены и съ большою легкостью и съ большими удобствами, что будетъ содѣйствовать дальнѣйшему ихъ росту. Дѣйствительно, промышленность и торговля въ наше время стали вполне космополитическими силами, и мощная цѣпь торговыхъ и промышленныхъ интересовъ связала самыя отдаленныя страны. Дѣятельность отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ далеко выходитъ теперь за предѣлы одного государства.

Не менѣе серьезной задачей государства является содѣйствіе удовлетворенію потребностей духовной жизни его членовъ. Въ этомъ случаѣ народы также не могутъ обойтись безъ взаимной помощи и они протягиваютъ другъ другу руки. Нынѣшнія цивилизованныя государства гостепріимно принимаютъ у себя всѣхъ иностранцевъ, кого занятія науками и искусствами заставляютъ искать ихъ помощи. Двери учебныхъ заведеній, музеевъ, библіотекъ и т. п. открыты для всѣхъ, какъ подданныхъ даннаго государства, такъ и иностранцевъ подъ условіемъ, конечно, соблюденія ими мѣстныхъ законовъ.

Таже необходимость взаимопомощи различныхъ державъ другъ другу сознается и въ другихъ отрасляхъ полицейской дѣятельности государства; такъ напр., государства заботятся о принятіи сообщеній мѣръ противъ распространенія эпидемическихъ болѣзней, или вредныхъ насѣкомыхъ (эпловсера), противъ распространенія бродяжничества и т. п.

Но этимъ не исчерпывается дѣятельность государства. Оно, какъ замѣчено раньше, должно быть охранителемъ права. И эту роль свою государство можетъ исполнить и дѣйствительно выполняетъ лишь при содѣйствіи другихъ государствъ. Какъ, напр., государство могло бы предупредить или пресѣчь престу-

пление, касающееся его самого или кого-нибудь изъ его гражданъ и подготовляющееся на территоріи другаго государства, гдѣ власть его безсильна, если бы это послѣднее государство отказало ему въ своемъ содѣйствіи? Какъ правосудіе могло бы постигнуть преступника, если бы государства не считали своимъ долгомъ содѣйствовать въ этомъ другъ другу, а наоборотъ укрывали-бы бѣглецовъ, не считали себя обязанными взаимно сообщать имѣющіяся доказательства извѣстнаго преступленія и т. п...? Мало этого.

Сознаніе недостаточности своихъ силъ заставляетъ государства вступать другъ съ другомъ въ разнаго рода политическіе союзы для охраны своей независимости, для обороны и наступленія, для постоянной совмѣстной жизни и т. д., и т. д.

Изъ этихъ бѣглыхъ замѣчаній видно, что современные цивилизованные народы не живутъ изолированно другъ отъ друга, но что, напротивъ, ихъ связываетъ густая сѣть самыхъ живыхъ, незаглушимыхъ жизненныхъ интересовъ. Теперь государства не являются уже высшею формою человѣческаго общенія. Они сами входятъ какъ члены въ составъ высшей цѣлости—союза между государствами или союза международнаго, который въ концѣ концовъ долженъ стать вѣнцемъ организаціи всего человѣчества и связать его во едино. *Societas* цивилизованныхъ государствъ, связанныхъ общностью интересовъ экономическихъ, интеллектуальныхъ, правовыхъ и политическихъ,—фактъ, недопускающій сомнѣній, а *ubi societas, ibi jus est*. И эта наивысшая форма организаціи человѣчества—союзъ международный не можетъ обойтись безъ присущихъ ему юридическихъ началъ, на которыхъ покоились бы взаимныя отношенія его членовъ—государствъ и подъ покровомъ послѣднихъ сношенія частныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ. Такія начала дѣйствительно существуютъ. Они являются какъ произведеніе общности правового убѣжденія цивилизованныхъ народовъ и сложились путемъ долгой исторической работы, выражаясь въ разнаго рода международныхъ обычаяхъ (каковы обычаи сухопутной и морской войны, обычаи, составляющіе содержаніе посольскаго права и др.), договорахъ (напр. мирныя трактаты, договоры торговые, картели о выдачѣ преступниковъ, конвенціи объ общихъ монетахъ, мѣрѣ, вѣсѣ, конвенціи телеграфныя, почтовыя, желѣзнодорожныя, консульскія, о литературной и художественной собствен-

ности и т. п.), во внутренне законодательных постановленіяхъ отдѣльныхъ государствъ (законы о производствѣ выдачи преступниковъ, о подданствѣ, о правахъ иностранцевъ и т. п.), въ рѣшеніяхъ призовыхъ и третейскихъ судовъ и т. под. Эти то начала и составляютъ содержаніе положительнаго международнаго права. Итакъ международное право—это есть совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія державъ, какъ самостоятельныхъ политическихъ единицъ. Часть юриспруденціи, занимающаяся обработкой этой отрасли права составляетъ науку международнаго права²⁾.

Примѣчаніе. Нынѣшнее понятіе международнаго права слѣдуетъ отличать отъ римскаго *jus gentium*. Римское *jus gentium* возникло на почвѣ частнаго гражданскаго оборота между римскими гражданами и иностранцами. Для тѣхъ и другихъ было важно поддерживать взаимныя сношенія, для регулированія которыхъ необходимы были нормы права, а между тѣмъ *jus civile* не хотѣло знать иностранцевъ. Очевидно, чтобы осуществить свою завѣтную мечту и стать центромъ міра, римляне должны были выйти за предѣлы своего *jus civile* и выработать для сношеній съ иностранцами новыя правовыя нормы, ибо принять дѣликомъ чужое право римляне считали для себя унижительнымъ³⁾. Матеріалъ для этого представился отчасти въ самомъ *jus civile*, отчасти въ тѣхъ разнообразныхъ началахъ права, какія приносили съ собой въ Римъ иностранцы. Мало

²⁾ *R. v. Mohl*, Die Pflege der internationalen Gemeinschaft als Aufgabe des Völkerrechts въ Staatsrecht, V. recht und Politik, I Bd., S. 579—636; *E. Kaster*, Entstehung, Begriff und Nutzen des positiven europäischen Völkerrechts, 1803; *Bulmerincq*, Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts, 1874, S. 3—10, 71—78; *A. Lasson*, Prinzip und Zukunft des Völkerrechts, 1871; *A. Geier*, Ueber die neueste Gestaltung des V. rechtes, 1866; *L. Renault*, Introduction à l'étude du dr. inter., 1879; *A. Biateckiego*, Zadanie prawa międzynarodowego i obowiązki stron wojujących, 1874; его-же, О значеніи международнаго права и его матеріаловъ, 1872, стр. 1—20 *Д. Каченовскій*, Курсъ международнаго права, часть первая, 1863, стр. 13—20; *Ф. Мартенсъ*, О консулахъ и консульской юрисдикціи на востоцѣ, 1873, стр. 6—21; *Ск. Calvo*, le droit international, 1880 t. I, § 1; *R. Phillimore*, Commentaries upon international law, Second ed., vol. I, p. 1—9; *H. Schulze*, Grundriss zu Vorlesungen über Völkerrecht, 1880 S. 1—3 и др.

³⁾ *Г. Мэнс*. Древнее право, его связь съ древней исторіей общества и его отношеніе къ повѣвшимъ идеямъ, перев. Блѣзерской съ 4-го англійскаго изд., 1873 стр. 40.

по малу тѣ правовые принципы, какіе оказались общими правовымъ институтамъ римлянъ и другихъ народовъ, были сведены въ одну систему права, получившую названіе *jus gentium* въ противоположность къ *strictum jus civile*⁴⁾. *Jus gentium* явилось животворнымъ началомъ движенія въ римской правовой жизни и вполне оправдало слова Лорана «le contact des hommes élargit leurs idées»⁵⁾.

Оно по преимуществу охватывало частнопроводныя отношенія и было нѣчто въ родѣ права общечеловѣческаго. Впрочемъ иногда и начала, опредѣляющія внѣшнюю жизнь государствъ, относили къ *instituta juris gentium*, какъ напр., постановленія о плѣнныхъ, о послахъ, *de jure postlimini*⁶⁾ и т. п.

«Неясное пониманіе значенія *jus gentium*, какъ справедливо замѣчаетъ Мэнъ, играло не маловажную роль въ новѣйшей теоріи о томъ, что отношенія независимыхъ государствъ управляются естественнымъ правомъ».⁷⁾ Отсюда и неправильное обозначеніе нынѣшняго международнаго права римскимъ терминомъ *jus gentium*.

Въ XVII в. оксфордскій профессоръ Зечъ (*Zouchy, Zouchäus* — *Juris et judicii feccialis sive juris inter gentes et quaestionum de eodem explicatio. 1651*) первый предложилъ болѣе правильное названіе международнаго права—*jus inter gentes*. Бэнтамъ перевелъ его словами *International law* и послѣднее обозначеніе нашей науки сдѣлалось общеупотребительнымъ въ новѣйшей литературѣ — *droit international, diritto internazionale, internationales Recht, pravo międzynarodowe* и т. д. Но въ параллель

⁴⁾ У Гая мы читаемъ: «*Omnes populi, qui legibus et moribus reguntur, partim suo proprio, partim communi omnium hominum jure utuntur. Nam quod quisque populus ipse sibi jus constituit, id ipsius proprium civitatis est, vocaturque civile; quasi jus proprium ipsius civitatis, quod vero naturalis ratio inter omnes homines constituit, id apud omnes peraeque custoditur, vocaturque jus gentium, quasi quo jure omnes gentes utuntur*». См. *Омтеда, Litteratur des gesammten sowohl natürlichen als positiven Völkerrechts. Erster Theil, S. 151.*

⁵⁾ *F. Laurent, Études sur l'histoire de l'humanité, t. III, 2e éd. p. 293.*

⁶⁾ *M. Müller-Jochims, Geschichte des Völkerrechts im Alterthum, 1848, S. 136; E. Egger, Études historiques sur les traités publics chez les Grecs et chez les Romains, 1866, p. 174; Д. Каченовскій, Курсы международнаго права, стр. 30 и 206.*

⁷⁾ *Г. Мэнъ. Древнее право, стр. 42.*

съ этимъ существуетъ и другое названіе нашего предмета, ближе подходящее къ римскому *jus gentium* — *droit de gens*, *Völkerrecht*, *Law of Nations*, τὰ τῶν ἐθνῶν ἐν πολέμῳ καὶ ἐν εἰρήνῃ, νόμος, *diritto delle genti* и т. п. По русски нашу науку прежде называли общенародное право, или право народное (переводъ *jus gentium*), теперь она носитъ названіе права международнаго или междугосударственнаго.

2. Основныя начала международнаго права.

Всякая сфера человѣческаго общенія, — будетъ ли она создана на почвѣ частныхъ или публичныхъ правоотношеній, — представляетъ своего рода цѣлость (союзъ), организованную изъ отдѣльныхъ лицъ для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Слѣдовательно союзъ съ его опредѣленными задачами и отдѣльная личность съ ея частными интересами — являются двумя основными неизбѣжными феноменами правовой жизни. Идея союза — принципъ объективный и идея личности — принципъ субъективный находятся во взаимодействіи. Равновѣсіе между началомъ объективнымъ и началомъ субъективнымъ или что тоже сочетаніе порядка и свободы — идеаль всякаго правоваго общенія.

Все сказанное вполнѣ примѣнимо и къ самой высшей сферѣ правоваго общенія (*Rechtsordnung*) — къ союзу междугосударственному или международному. Непосредственными субъектами этого союза являются сами государства, какъ самостоятельныя политическія личности. Такимъ образомъ и въ основаніи международнаго общенія и международнаго права лежатъ два начала: субъективное — идея самостоятельности государствъ и объективное — идея союза между ними и взаимопомощи. Изъ гармоническаго сочетанія обоихъ началъ, составляющаго идеаль международнаго права, — идеаль, за который стоитъ современная теорія и зачатки осуществленія котораго видны въ международной практикѣ, — вытекаютъ права и обязанности державъ въ международной жизни, т. е. все содержаніе международнаго права. Если придать исключительное значеніе идеѣ государственнаго суверенитета, какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые, напр. Фихте, Гегель⁸⁾, Лассонъ⁹⁾, то этимъ поколеблется идея междугосудар-

⁸⁾ *Kaltenborn*, *Kritik des Völkerrechts*, 1847, s. 142—154.

⁹⁾ *A. Lasson*, *Prinzip und Zukunft des Völkerrechts*, 1871.

ственного союза, если, наоборотъ, выдвинуть на первый планъ эту послѣднюю и признать ее за основной принципъ международноправовой жизни,—то этимъ будетъ нанесенъ ударъ самостоятельности отдѣльныхъ государствъ. Не слѣдуетъ впрочемъ упускать изъ виду, что право международное есть, какъ говоритъ Гефтеръ ¹⁰⁾, самое свободное изъ всѣхъ существующихъ правъ (всл. отсутствія надъ государствами верховной власти) и что поэтому въ международной жизни начало субъективное—суверенитетъ государства выступаетъ съ большей силой, рѣзкостью и самостоятельностью въ отношеніи начала объективнаго—идея союза, чѣмъ въ другихъ сферахъ правовой жизни. Да это и понятно. Государство — высшая форма обществія, сознающая свою мощь и самостоятельность. Оно обладаетъ такою полнотою собственныхъ силъ, что значительное число общихъ и частныхъ потребностей можетъ удовлетворить самостоятельно. Этимъ, какъ мы видѣли, однакожь отнюдь не устраняется какъ необходимость международныхъ сношеній, такъ и необходимость слѣдовать при этомъ опредѣленнымъ юридическимъ началамъ; безъ чего не мыслимъ правильный международный оборотъ.

Становясь членомъ международнаго обществія, государство не теряетъ самостоятельности въ веденіи своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ. Она получаетъ признаніе и въ междугосударственномъ союзѣ, но подъ тѣмъ условіемъ, если государство съ своей стороны будетъ признавать такую же самостоятельность другихъ государствъ и уважать общій международный порядокъ. На сколько отдѣльное государство, какъ членъ международнаго союза, можетъ претендовать на признаніе и уваженіе своихъ правъ и интересовъ, на столько съ своей стороны оно должно признавать и уважать права и интересы какъ другихъ членовъ союза, такъ и права и интересы цѣлаго союза. Права неразрывно связаны съ обязанностями.

Самостоятельность для государствъ такъ же дорога, какъ свобода для отдѣльнаго человѣка. Въ силу самостоятельности государства могутъ устраивать свои внутреннія дѣла по своему усмотрѣнію и завязывать тѣ международныя сношенія, какія для нихъ болѣе полезны. Только подъ этимъ условіемъ государство можетъ явиться истиннымъ выразителемъ духа своего

¹⁰⁾ *А. Гефтеръ* Европ. междун. прово, перев. бар. Таубе, 1890 стр 3.

народа, осуществить его разнообразныя стремленія и такимъ образомъ выполнить свое назначеніе. Вотъ почему и международное право требуетъ признанія *самостоятельности* государствъ.

Всѣ *самостоятельныя* государства международного союза въ качествѣ субъектовъ международного права признаются *равными* между собой. Этому юридическому равенству ничуть не противорѣчитъ фактическое неравенство какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ ихъ силъ, зависящее отъ объема государственной территоріи, степени ея населенности, отъ естественныхъ богатствъ страны, характера населенія, его культурнаго уровня и т. п.¹¹⁾ Фактическое неравенство силъ отдѣльныхъ государствъ можетъ обнаружиться лишь въ неравенствѣ ихъ вліянія и авторитета въ международной жизни. Громадная Россія и маленькая Голландія какъ субъекты международного права—равны, различіе же ихъ вліянія на международныя дѣла не можетъ подлежать сомнѣнію. Сильнѣйшія державы (напр. пентархія, учрежденная на Ахенскомъ конгрессѣ 1818 г.) не должны притязать на господство надъ слабѣйшими.

Если за членами международного общегитія признается право на самостоятельность и равенство, то ео ipso должно быть признано и право охранять эти права отъ всякаго посягательства собственными силами при отсутствіи въ международномъ общегитіи другихъ средствъ ихъ охраны, иными словами, должно быть признано даже право войны.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что междугосударственный союзъ, какъ покоящійся на признаніи самостоятельности и равенства государствъ, никогда не долженъ претвориться во всемирное государство (*Civitas maxima, Weltstaat*) съ низведеніемъ нынѣшнихъ государствъ на степень провинцій. Во всемирномъ государствѣ можетъ идти рѣчь о правѣ государственномъ или союзномъ, но не о правѣ международномъ. Всемирное государство могила для международного права¹²⁾.

¹¹⁾ Contra *J. Lorimer*. Le problème final du droit international, вѣ Revue de droit international 1877, p. 161—206.

¹²⁾ *C. Kaltenborn*, Kritik des Völkerrechts, 1847 S. 256—272; *A. Vulmerincq*, De natura principiorum juris inter gentes positivi, 1856; *В. Данесскій*, Основанія международного права, его принципы и дѣла, Юрид. Вѣстн. 1880, № 5; *W. Załęski*, Zur Geschichte und Lehre der internationalen Gemeinschaft, 1866. *Н. Иванова*, Характеристика и отнош. и м. пр. въ истор. разв., 1874. стр. 1—18.

3. Задача и значеніе международнаго права.

Задача и значеніе международнаго права предстануть предъ нами яснѣе, если мы будемъ имѣть въ виду значеніе международнаго обществѣнн, т. е. той сферы отношеній, упорядочивать которыя международное право призвано.

Государства, какъ уже замѣчено, постепенно втягиваются во взаимныя сношенія подъ влияніемъ необходимости найти удовлетвореніе цѣлому ряду потребностей экономическихъ, духовныхъ, правовыхъ и политическихъ путемъ взаимопомощи. Только путемъ международнаго оборота могутъ быть возможно полно достигнуты какъ цѣли всего государства, такъ и стремленія отдѣльныхъ его членовъ. Отсюда легко заключить, что государство для выполненія своей задачи не только имѣетъ право, но и обязано поддерживать международныя сношенія. Народы тѣсно связаны другъ съ другомъ въ осуществленіи своихъ жизненныхъ задачъ и эта связь тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше ступень ихъ культурнаго развитія. Международныя сношенія тѣмъ необходимѣе, чѣмъ разнообразнѣе и сложнѣе тѣ стремленія и тѣ потребности, которымъ надо удовлетворить. Съ постепеннымъ успѣхомъ культуры возрастаетъ и сила международнаго общенія. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить связи между внутренней и международной жизнью государствъ.

Для возникновенія правильно организованныхъ международныхъ сношеній и международнаго права въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается современной наукой, необходимо, чтобы народы достигли своего рода культурной зрѣлости. Вполнѣ основательно поэтому замѣчаетъ проф. Блязцкій, что «международное право есть произведеніе высшей степени образованности, *par excellence*»¹³⁾. Исторія вполнѣ насъ убѣждаетъ, что характеръ внутренней жизни государствъ отражается на ихъ международныхъ сношеніяхъ. Но и международный оборотъ въ свою очередь не остается безъ вліянія на внутренніе порядки государствъ.

Международное общеніе, представляя какъ бы высшій контроль надъ внутренней жизнью отдѣльныхъ государствъ, является мощнымъ стимуломъ ихъ развитія. Знакомство съ соци-

¹³⁾ А. Блязцкій, О знач. и пр. и его матеріаловъ, стр. 30 и вообще отъ 21—63.

ально культурной и политической жизнью разных государств не может пройти бесследно, не вызывая сравнения с темъ, что мы видимъ дома. Сравненіе-же и критика приводятъ къ постепенной переработкѣ критикуемаго, насколько такая переработка возможна и необходима. Далѣе поддержаніе отжившихъ свой вѣкъ учрежденій въ одномъ или нѣсколькихъ государствахъ, послѣ того какъ они признаны несоотвѣтствующими разумнымъ требованіямъ жизни на данномъ уровнѣ культуры и при данныхъ обстоятельствахъ и потому исчезли въ другихъ государствахъ, является невозможнымъ, если только государство не хочетъ испытать всѣхъ неудобствъ подобнаго порядка вещей и влечить подобно Турціи жалкое существованіе. Движеніе, вызванное французской революціей, реакція и событія, за ней слѣдовавшія, ясно иллюстрируютъ и неотразимо доказываютъ нашу мысль.

Вліяніе международныхъ сношеній можетъ быть прослѣжено на всемъ социальномъ и политическомъ складѣ внутренней жизни отдѣльныхъ государствъ.

Итакъ, громадное значеніе международнаго общенія для жизни отдѣльнаго государства несомнѣнно.

Но каждый отдѣльный народъ, каждое государство только членъ громадной человѣческой семьи. Жизнь всего человѣчества есть ничто иное, какъ жизнь отдѣльныхъ народовъ. Прогрессъ въ жизни всего человѣчества обуславливается прогрессомъ въ жизни отдѣльныхъ народовъ. Во всемъ человѣчествѣ проходитъ великій законъ раздѣленія труда. Отдѣльные народы, сохраняя общечеловѣческія черты, въ тоже самое время являются, въ силу сочетанія самыхъ разнообразныхъ причинъ, носителями извѣстныхъ имъ особенно присущихъ идеаловъ и выполняютъ преимущественно извѣстныя только задачи культурной жизни. Этимъ, съ одной стороны, они проявляютъ свою самобытность, а съ другой выполняютъ лежащую на нихъ долю общечеловѣческаго труда и приносятъ свой посильный вкладъ въ общую культурную сокровищницу всего человѣчества. Таково свидѣтельство исторіи. Но, какъ мы видѣли, выполненіе каждымъ народомъ его задачи было-бы невозможно или по крайней мѣрѣ значительно затруднялось-бы безъ международныхъ сношеній. Только въ международной жизни и только благодаря взаимному обмѣну услугъ, каждый народъ можетъ достигнуть возможно-полнаго развитія своихъ разнообразныхъ силъ и осуществить

свое жизненное назначеніе, а культурныя приобрѣтенія отдѣльныхъ народовъ могутъ стать общимъ достояніемъ и двинуть впередъ общечеловѣческую жизнь. Частно-человѣческое (народное), давая общечеловѣческому содержаніе и движеніе, т. е. жизнь, въ свою очередь изъ него черпаетъ новыя жизненныя силы.

Вотъ то громадное значеніе, какое имѣютъ международныя сношенія для культурнаго развитія какъ отдѣльныхъ народовъ, такъ въ концѣ концовъ и цѣлаго человѣческаго рода. Но это значеніе международнаго оборота обнаруживается вполнѣ лишь при существованіи въ международной жизни опредѣленнаго правового порядка, при отсутствіи котораго неминуемо должна водвориться анархія, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Каченовскій, «тѣмъ болѣе опасная, что она можетъ кончиться гибелью цѣлыхъ государствъ и угнетеніемъ человѣчества»¹⁴⁾. Задача международнаго права состоитъ именно въ установленіи такого порядка и въ развитіи правовыхъ началъ, на которыхъ, какъ на прочномъ основаніи, покоились-бы взаимныя сношенія государствъ и ихъ подданныхъ. Въ этомъ же заключается и его великое значеніе. Международное право призвано связать человѣчество въ одинъ союзъ на началахъ справедливости. Оно служитъ такимъ образомъ вѣрнѣйшему и всестороннѣйшему развитію разныхъ силъ выполненію разныхъ задачъ и удовлетворенію различныхъ потребностей какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ и государствъ. Международное право—стражъ культурнаго развитія и гражданственности. Подъ его покровомъ находятъ охрану и защиту какъ права человѣческой личности внѣ предѣловъ отечества, такъ и вся система разнообразныхъ правъ, защищаемыхъ государствомъ и даже независимость и существованіе самихъ государствъ¹⁵⁾. «Только въ международномъ правѣ, по картинному выраженію Шульце, система права находитъ свое заключеніе, ибо оно, подобно величественному куполу, возвышается надъ государственнымъ и частнымъ правомъ отдѣльныхъ державъ»¹⁶⁾. Независимое существованіе маленкихъ и слабыхъ государствъ, какъ Швейцарія, Бельгія,

¹⁴⁾ Д. Каченовскій, Курсъ международнаго права, вып. I, стр. 22.

¹⁵⁾ А. Bulmerincq, Praxis, Theorie und Codification des V. rechts, S. 124.

¹⁶⁾ H. Schultze, Grundriss zu Vorlesungen über Völkerrecht, S. 2.

Голландія, Данія и др., рядомъ съ большими и сильными, какъ Германія, Россія и др., возможно только въ международномъ союзѣ, построенномъ на началахъ права.

Эта великая задача и значеніе международнаго права дали отцу нашей науки — Гуго Гроцію — справедливое основаніе назвать ее *pars jurisprudentiae longe nobilissima* ¹⁷⁾.

¹⁷⁾ *Hugonis Grotii De jure belli ac pacis libri tres, 1751, prolegomena, § 32.*

Французскій сатирикъ Auguste Barbier (1805—1882 ¹⁾).

Лектора А. А. Шапеллона.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государя!

Наше время относится къ литературѣ довольно равнодушно. Есть, правда, какъ во Франціи, такъ и въ остальной Европѣ, славныя имена, пользующіяся громкою популярностью, обладающія всесильнымъ обаяніемъ. Во Франціи, напр., и въ настоящую минуту, каждое новое произведеніе Виктора Гюго читается съ жадностью; новая пьеса Эмиля Ожье или Александра Дюма дѣлается предметомъ самыхъ оживленныхъ обсужденій; можно еще указать, между современными писателями, на Альфонса Додэ, романы котораго пользуются рѣдкимъ преимуществомъ нравиться читающей, но не всегда разборчивой, публикѣ, и въ тоже время удовлетворять утонченнымъ требованіямъ эстетиковъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать того факта, что общество все менѣе и менѣе интересуется литературою, что оно переноситъ свое вниманіе и свои симпатіи на сочиненія, представляющія общедоступное изложеніе тѣхъ изслѣдованій и тѣхъ поразительныхъ открытій, которыя происходятъ въ области физическихъ и естественныхъ наукъ, а также и во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Столь явно обнаруживаемыя современными обществомъ стремленія ко всему положительному, ко всему практическому находятъ себѣ въ быстромъ развитіи этихъ наукъ и въ ихъ усовершенствованіяхъ болѣе полное удовлетвореніе, чѣмъ въ любомъ твореніи поэта или романи-

¹⁾ Лекція, прочтенная въ Имп. Новор. университетѣ на французскомъ языкѣ 3-го декабря 1883 года въ пользу Одесскаго Славянскаго Общества.

ста. Отличительная черта нашего времени — утилитаризм: точныя, строго научныя изслѣдованія, непосредственное практическое примѣненіе того или другаго изобрѣтенія или открытія, — вотъ тѣ предметы, которые преимущественно привлекаютъ вниманіе общества.

Не то было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Въ 30 годахъ, вопросы объ эстетикѣ, о томъ или другомъ направленіи въ искусствѣ, о литературныхъ школахъ, занимали первенствующее мѣсто, сильно волновали умы. Достаточно просмотрѣть любой журналъ или даже просто газету 30 годовъ, чтобы составить себѣ понятіе о горячихъ спорахъ и о восторгахъ, какіе вызывались появленіемъ какого-нибудь романа или сборника стихотвореній, или какой-нибудь драмы. Дѣло въ томъ, что въ этомъ короткомъ періодѣ (собственно шестилѣтнемъ отъ 1829 по 1835 г.), французскому обществу дано было увидѣть полный расцвѣтъ той *vie nouvelle* литературы, которая впервые проявилась десять лѣтъ передъ тѣмъ. Нѣчто въ родѣ электрическаго тока установилось между писателями и молодымъ поколѣніемъ этого періода. Широкое, могучее вдохновеніе поэтовъ пріветствовало съ энтузіазмомъ. Полная жизни дѣятельность обнаруживалась не только въ беллетристикѣ, но и въ сферѣ философіи, исторіи и политики.

Въ Сорбоннѣ, Викторъ Кузенъ краснорѣчиво излагалъ передъ восторженными слушателями философскую систему Гегеля и главнымъ образомъ его воззрѣнія на философію исторіи. Теодоръ Жюфруа въ своихъ лекціяхъ о естественномъ правѣ представлялъ критическій очеркъ моральныхъ и социальныхъ ученій всѣхъ философскихъ школъ. Въ это же самое время, аббатъ Ламеннэ торжественно отказывался отъ подчиненія римской куріи, отвѣчая на энциклическое посланіе папы Григорія XVI своимъ знаменитымъ сочиненіемъ: Слова Вѣрующаго (*Les Paroles d'un Croquant*). Тогда же, благородныя, но выѣстъ съ тѣмъ и химерическія теоріи послѣдователей Сен-Симона и Фурье затрогивали самые коренные вопросы о преобразованіи и устройствѣ общества.

Въ области историческихъ наукъ, Огюстенъ Тьерри тщательно изслѣдовалъ и выставилъ въ яркомъ свѣтѣ роль буржуазіи въ средне-вѣковой жизни¹⁾. Мишлэ изображалъ живую

¹⁾ *Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du tiers état.*

картину всего средневѣковаго общества съ такимъ художественнымъ колоритомъ, что передъ глазами читателей вполне возстановлялась какъ внѣшняя, такъ и внутренняя жизнь среднихъ вѣковъ. Мишля замѣчательно вѣрно выполнялъ задачу, выраженную въ его-же девизѣ: *L'histoire est une réurrection*. Поэтъ и философъ Эдгаръ Кинэ, олицетворяя человѣчество подъ именемъ вѣчно странствующаго Жюда Агасвера, написалъ поэму въ прозѣ о прогрессивномъ развитіи человѣчества.

На политической трибунѣ, легитимистъ Беррье въ своихъ великолѣпныхъ рѣчахъ воздавалъ послѣднія почести свѣтлымъ и славнымъ сторонамъ монархіи Бурбоновъ. Гизо мастерски развивалъ свои взгляды и убѣжденія, съ величественнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ римскаго оратора. Тьеръ, никогда не остававшійся въ долгу передъ оппонентами и прерывателями, занималъ трибуну въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, никогда не утомляя вниманія своихъ слушателей, постоянно очаровывая ихъ неистощимымъ запасомъ здраваго смысла и остроумія. Около этихъ выдающихся бойцовъ, Одилонъ Барро и Дюфоръ занимали видное мѣсто по стойкости убѣжденій, поддерживаемой замѣчательными діалектическими дарованіями.

Въ журналистикѣ, Арманъ Каррель въ образцовыхъ, по силѣ и сжатости слога, статьяхъ, излагалъ свои демократическія убѣжденія. Дэ-Саси, Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, Мишель Шевалье, Монталамберъ, цѣлая масса другихъ публицистовъ, принадлежавшихъ къ противоположнымъ лагерямъ, вступали въ талантливое состязаніе, поочередно возвышали уровень полемики, а слѣдовательно и общественнаго мнѣнія.

Обратимся теперь къ поэзіи, къ роману и театру этого періода.—Сколько здѣсь встрѣчается прекрасныхъ, образцовыхъ произведеній!

Великій Ламартинъ, прежде чѣмъ вступить на поприще политики и занять одно изъ первыхъ мѣстъ между краснорѣчивѣйшими ораторами, протиснулся въ своей великолѣпной повѣсти Жюсленъ. Викторъ Гюгó издавалъ почти одновременно романъ *Notre Dame de Paris*, сборникъ лирическихъ стихотвореній «Осенніе листья» и драму «Лукреція Борджіа». Для романтизма періодъ борьбы уже тогда миновалъ, и наступилъ періодъ торжества. Викторъ Гюгó властвовалъ надъ умами молодежи, точно также какъ и дальнѣйшею своею дѣятельностью

онъ оказалъ преобладающее вліяніе на слѣдующія поколѣнія, какъ наконецъ еще и теперь сохранилось во всей силѣ обаяніе этого проповѣдника высоко-гуманныхъ идей, этого великаго патріарха литературы XIX столѣтія. — Альфредъ де Мюссэ предавался всѣмъ причудамъ фантазіи своей юной, развязно-кокетливой музы; нѣсколько позднѣе эта музыка, подъ удручающимъ впечатлѣніемъ несчастія и разочарованія, разразилась дивными рыданіями въ повѣсть *Rolla*, — въ «Ночахъ» — въ «Письмѣ къ Ламартину». — Беранже напѣвалъ послѣднія свои пѣсни, изъ которыхъ одна, какъ напр. Воспоминанія народа, Старый Сержантъ, прославляли еще Наполеоновскую Имперію, а другія выражали глубокое пониманіе и сочувствіе къ бѣдствіямъ народа, какъ *Jeanne la Rousse*, *Контрабандисты*, *Jacques* и Старый бродяга.

Молодая женщина, пріѣхавшая въ Парижъ изъ провинціи Берри, стала страстно проповѣдывать о любви въ своихъ увлекательно-написанныхъ романахъ и вскорѣ пріобрѣла громкую славу подъ псевдонимомъ Жоржа Санда. — Бальзакъ разсматривалъ и изучалъ мельчайшіе изгибы преимущественно неприглядныхъ сторонъ человѣческаго сердца, съ тѣмъ же сосредоточеннымъ вниманіемъ, съ какимъ естествоиспытатель наблюдаетъ подъ микроскопомъ малѣйшія составныя части насѣкомаго. — Просперъ Мериме рассказывалъ своимъ бойкимъ языкомъ краткія повѣсти, почти всегда заканчивающіяся какимъ-нибудь убійствомъ. Эженъ Сю своими романами, Александръ Дюма своими драмами, рассчитанными на эффектъ, но полными жизни, производили на нервы общества 30-хъ годовъ громадное впечатлѣніе, которое теперь можетъ только вызвать улыбку среди нашей болѣе холодной и скептически-настроенной публики. Шарль Нодье, прелестный рассказчикъ и страстный библіофилъ, переходилъ отъ повѣствованій о какой-нибудь фантастической легендѣ къ интереснымъ изслѣдованіямъ объ этимологіи и орфографіи словъ. Наконецъ Жюль Жаненъ печаталъ въ *Journal des Débats* первыя свои еженедѣльные театральныя рецензіи, въ которыхъ часто слишкомъ поверхностныя сужденія прикрывались неистощимою, остроумною болтовнею и нѣсколько изыканною изыщностью слога.

Среди этой блестящей группы писателей замѣчается поэтъ, Огюсть Барбье, странная судьба котораго является чуть-ли не

единичнымъ исключеніемъ въ исторіи литературы нашего столѣтія. Трудно было бы найти болѣе знаменательный примѣръ какъ преимуществъ, такъ и неудобствъ, связанныхъ съ блистательнымъ выступленіемъ на литературное поприще. Первый-же шагъ Барбье на этомъ поприщѣ сразу доставилъ ему громкую извѣстность, которая осталась за нимъ и по настоящее время. Его имя, совершенно неизвѣстное наканунѣ того дня, въ который періодическій журналъ «la Revue de Paris» напечаталъ его первое стихотвореніе «la Cigée», его имя, съ слѣдующаго же дня, было на устахъ у всѣхъ, его стихи произносились наизусть. Всѣмъ казалось, что июльская революція 1830 года вызвала появленіе великаго поэта. Кто-же былъ этотъ молодой человѣкъ, первое произведеніе котораго надѣлало столько шуму возбуждивъ такіа великіа надежды?

Огюстъ Барбье родился въ Парижѣ въ 1805 г. Отецъ его былъ присяжнымъ повѣреннымъ (avocat)¹⁾ при судѣ первой инстанціи и не желалъ для сына ничего другаго, какъ передать ему со временемъ завѣдываніе своею конторою. Его знакомые утверждали, что онъ никогда не читалъ стиховъ сына, даже послѣ громкаго успѣха первыхъ сатиръ послѣдняго. Мать Барбье имѣла болѣе значительное вліяніе на будущаго поэта. Съ самой ранней молодости, она брала уроки живописи у знаменитаго художника Давида. Во время революціи, когда на имѣніе ея родителей наложенъ былъ арестъ, молодая дѣвушка стала давать уроки рисованія для пропитанія семьи. Впослѣдствіи, вышедши замужъ и сдѣлавшись матерью, она сама пополнила нѣкоторые пробѣлы въ воспитаніи своихъ двухъ сыновей и дочери. Матери своей Барбье былъ обязанъ не только знаніемъ музыки и рисованія, но и основательнымъ знакомствомъ съ лучшими художественными произведеніями. Госпожа Барбье, внушая своимъ дѣтямъ любовь къ искусству, научала ихъ также собственнымъ примѣромъ ставить выше всего радостное чувство, испытываемое человѣкомъ, когда онъ постоянно исполняетъ нравственный свой долгъ во всѣхъ случаяхъ жизни.

Окончивъ среднее образованіе въ коллегіи Charlemagne, молодой Барбье долженъ былъ приготовиться къ карьерѣ, пред-

¹⁾ «Avocat» занимается заготовленіемъ всѣхъ бумагъ, необходимыхъ для тяжущихся. Защита-же передъ судомъ возлагается на «avocat».

назначенной ему отцемъ. Не легко ему было сдерживать уже сильно пробудившіяся стремленія въ литературной дѣятельности. Барбье поступилъ на юридическій факультетъ, затѣмъ когда наступило время поближе ознакомиться съ практическою стороною судоустройства и судопроизводства, онъ сталъ заниматься въ конторѣ одного сотоварища отца. Но тутъ обстоятельства сложились такъ, что совершенно разстроили планы Барбье отца относительно карьеры сына. Повѣренный, въ контору котораго поступилъ молодой Барбье, былъ Fortuné Delavigne, братъ извѣстнаго писателя Casimir Delavigne, автора многихъ театральныхъ пьесъ и сборника патріотическихъ стихотвореній «les Messéniennes». — По замѣткамъ, писаннымъ самимъ Барбье, вотъ каковъ былъ въ 1828 году личный составъ этой конторы: «Сранная была контора у г. Fortuné Delavigne. Вторымъ писцомъ былъ Жюль де Вайли, сдѣлавшійся впоследствии писателемъ; третьимъ писцомъ былъ Оливье Фальгьеръ, сочинитель романсовъ; четвертымъ — Огюсть Барбье — кандидатъ на званіе поэта; — пятымъ Дамасъ-Инаръ, переводчикъ испанскаго Романсеро, и шестымъ — Наталисъ де Вайли, ученый библиографъ, извѣстный своимъ превосходнымъ изданіемъ Мемуаровъ Жуевниля. Только старшій писмоводитель былъ въ полномъ смыслѣ слова приказнымъ человѣкомъ и съ любовью относился къ стряпчеству. Разсылный при конторѣ назывался Луи Вейльо, будущій главный редакторъ клерикальнаго органа «l'Univers». Въ этой конторѣ занимались гораздо болѣе литературою, чѣмъ процедурою. Всѣ мы ходили слушать пьесы Казимира Делавиня, брата нашего принципала, а затѣмъ вступали въ безконечные споры о достоинствахъ и недостаткахъ этихъ пьесъ. Борьба между романтиками и классицистами уже тогда ознаменовывалась рѣшительными побѣдами первыхъ надъ вторыми».

Въ это время, къ исходу 20-хъ годовъ, политическая трибуна, пресса, университетскія кафедры, театры, сатирическія пѣсни, — словомъ, главнѣйшіе факторы общественной жизни общими силами нападали на монархическій режимъ Бурбоновъ. Въ области литературы и искусства, можно было также предугадать близкое торжество теорій романтизма, задававшего смѣлою цѣлью — низвергнуть его классической школы.

Молодой Барбье, продолжая служить въ конторѣ присяж-

наго повѣреннаго, слѣдилъ тѣмъ не менѣ съ живѣйшимъ интересомъ какъ за литературнымъ, такъ и за политическимъ движеніемъ. Домъ отца Барбье посѣщали нѣкоторые изъ представителей либеральной оппозиціи; съ другой стороны, Барбье сейчасъ-же по выходѣ изъ юридическаго факультета, пожелалъ испробовать свои авторскія способности и издалъ (но безъ обозначенія имени автора) историческій романъ, при сотрудничествѣ Альфонса Руайё, подъ заглавіемъ: *Les Maîtres Garçons*, сюжетомъ котораго было — изобразить картину французскаго средневѣковаго общества. Въ томъ-же 1828 году Барбье познакомился съ поэтомъ Бризё. Тѣсная дружба, связавшая двухъ поэтовъ, сохранилась во всей своей силѣ въ продолженіи тридцати лѣтъ, до самой смерти Бризё, послѣдовавшей въ 1858 г.

Въ 1829 г. Барбье познакомился съ однимъ изъ талантливейшихъ поэтовъ новой школы, Альфредомъ де Вини, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: принадлежащій аристократическому роду, молодой офицеръ графъ де Вини, только что подавшій въ отставку, чтобы посвятить себя исключительно литературѣ, встрѣтился въ первый разъ съ судебнымъ писцомъ Барбье въ одной гостинной, въ которой въ тотъ-же вечеръ назначено было одно изъ предварительныхъ чтеній самимъ авторомъ Викторомъ Гюгё, знаменитой драмы Эрнани, на первомъ представленіи которой, послѣдовавшемъ нѣсколько мѣсяцевъ позднеѣ, произошло генеральное сраженіе между романтиками и классиками.

Политическая борьба окончилась раньше литературной борьбы: противники Реставраціи повели дѣло быстрее противниковъ классическихъ традицій. 25 Іюля 1830 года, Карлъ X подписалъ три указа: первымъ указомъ объявлялось распушеніе палаты депутатовъ, вторымъ—пріостановленіе свободы печати, а третьимъ устанавливался новый способъ выборовъ. Въ слѣдующій же день, на эти вызывающіе указы, депутаты и журналисты, принадлежащіе къ либеральной оппозиціи, отвѣтили призывомъ къ оружію, обращеннымъ ко всему парижскому населенію. Послѣ трехдневной ожесточенной борьбы, королевская гвардія была побѣждена, и Бурбоны старшей линіи во второй разъ подверглись изгнанію.

Будучи въ отлучкѣ въ послѣднихъ числахъ Іюля, Барбье не могъ принять личнаго участія въ сраженіи. Все уже было окончено, когда онъ возвратился въ столицу. Онъ впоследствии

разсказалъ о впечатлѣніи, произведенномъ на его воображеніе зрѣлищемъ улицъ, которыя были еще усѣяны баррикадами, и по которымъ расхаживали толпы народа плохо одѣтаго, но громко выражавшаго свой восторгъ по поводу столь неожиданной полной побѣды. Это было 1-го Августа. Пушки, разставленные передъ Городскою Ратушею, сверкали подъ лучами солнца, окна были убраны трехцвѣтными флагами, на стѣнахъ домовъ видѣлись многочисленныя слѣды пуль и картечи.

Нѣсколько дней спустя, прежде даже чѣмъ возстановленъ былъ порядокъ, можно было видѣть, какъ другія толпы, совершенно инаго состава, осаждали двери всѣхъ министерствъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались просители въ черныхъ фракахъ, алчно стремясь къ раздѣлу добычи и съ задоромъ требуя отъ вновь учрежденнаго правительства—вознагражденія за дѣйствительныя или мнимыя услуги, оказанныя ими восторжествовавшему принципу. Сопоставленіе и контрастъ этихъ двухъ, столь различныхъ эпизодовъ одной и той же политической драмы вырвали изъ сердца Барбье вдохновенный крикъ негодованія, извѣстный подъ названіемъ «la Surgée»¹⁾. Вотъ вступленіе этой первой сатиры, въ которой сразу обнаружился мощный талантъ поэта, вызвавшій восторженные привѣтствія всѣхъ современниковъ :

Oh! lorsqu'un lourd soleil chauffait les grandes dalles
Des ponts et de nos quais déserts,
Que les cloches hurlaient, que la grêle des balles
Sifflait et pleuvait par les airs;
Que dans Paris entier, comme la mer qui monte,
Le peuple soulevé grondait,
Et qu'au lugubre accent des vieux canons de fonte
La Marseillaise répondait,
Certes, on ne voyait pas, comme au jour où nous sommes
Tant d'uniformes à la fois:
C'était sous des haillons que battaient les cœurs d'hommes;
C'était alors de sales doigts
Qui chargeaient les mousquets et renvoyaient la foudre;
C'était la bouche aux vils jurons

¹⁾ «Surgée» охотничій терминъ, — отдача собакамъ на съѣденіе какой-нибудь части убитаго на охотѣ звѣря.

Qui mâchait la cartouche, et qui, noire de poudre,
Criaît aux citoyens: Mourons!

.

Передъ народомъ возстаетъ образъ свободы:
C'est la vierge fougueuse, enfant de la Bastille,

.

Qui, du brun sur la peau, du feu dans les prunelles,
Agile et marchant à grands pas,
Se plaît aux cris du peuple, aux sanglantes mêlées,
Aux longs roulements des tambours,
A l'odeur de la poudre, aux lointaines volées
Des cloches et des canons sourds.

Этими пламенными стихами вдохновился великій художникъ Эженъ Делакруа и написалъ одну изъ знаменитѣйшихъ своихъ картинъ: «Свобода, ведущая народъ на баррикады».

Во всей первой части «la Cigée», поэтъ вполне предается своему восторгу передъ торжествомъ народа, — но восторгъ этотъ скоро смѣняется чувствомъ негодованія.

Поэтъ не могъ хладнокровно видѣть, какъ честолюбцы всѣхъ званій и разрядовъ, съ первыхъ-же дней послѣ июльской революціи, — въ то самое время, когда народъ, сражавшійся на баррикадахъ, возвращался къ своему повседневному, тяжелому и скучно-оплачиваемому труду, ко всѣмъ незавиднымъ условіямъ рабочей жизни, — какъ эти честолюбцы то брали приступомъ всѣ должности съ вышнимъ окладомъ, то занимались безъ зазрѣнія совѣсти попрошайствомъ, чтобы добиться какаго-нибудь теплаго мѣстечка:

Mais, ô honte! Paris, si beau dans sa colère,
Paris, si plein de majesté,

.

Paris, si magnifique avec ses funérailles,
Ses débris d'hommes, ses tombeaux,
Ses chemins déparés et ses pans de murailles
Troués comme de vieux drapeaux;

.

Paris n'est maintenant qu'une sentine impure,
Un égoût sordide et boueux,

.

Un taudis regorgeant de faquins sans courage,
 D'effrontés coureurs de salons,
 Qui vont de porte en porte, et d'étage en étage,
 Guensant quelque bout de galons;
 Une halle cynique aux clameurs insolentes,
 Où chacun cherche à déchirer
 Un misérable coin des guenilles sanglantes
 Du pouvoir qui vient d'expirer.

Тутъ поэтъ рисуеъ картину того момента охоты, кото-
 рый и называется la Curée. La Curée — это уже не отважное
 преслѣдованіе кабана въ лѣсу. Пока звѣрь, тѣснимый врагами,
 можетъ еще однимъ прыжкомъ и ударомъ клыковъ распоротъ
 имъ брюхо, до тѣхъ поръ опасность, одинаково грозящая какъ
 нападающимъ такъ и защищающемуся, придаетъ борьбѣ какое-то
 дикое величіе. Но когда звѣрь, «съ пѣною у рта и высунувшимся
 языкомъ»¹⁾ уже побѣжденъ, когда онъ испускаетъ духъ, тогда
 сцена мѣняется: за захватывающею духъ борьбою, въ которой
 уравновѣшивались опасность гибели и надежда на успѣхъ,
 слѣдуетъ возмутительная оргія. Теперь гончимъ собакамъ не
 до боя, теперь настало для нихъ время пировать, выхватывать
 другъ у друга послѣдніе клочки жертвы.

Ainsi, quand dans sa bauge aride et solitaire
 Le sanglier, frappé de mort,
 Est là, tout palpitant, étendu sur la terre,
 Et sous le soleil qui le mord;
 Lorsque, blanchi de bave et la langue tirée,
 Ne bougeant plus en ses liens,
 Il meurt, et que la trompe a sonné la curée
 A toute la meute des chiens,
 Toute la meute, alors, comme une vague immense
 Bondit; alors chaque mâtin
 Hurlé en signe de joie, et prépare d'avance
 Ses larges crocs pour le festin;
 Et puis vient la cohue, et les abois féroces
 Roulent de vallons en vallons;

¹⁾ Blanchi de bave et la langue tirée.

Chiens courants et limiers, et dogues, et molosses,
 Tout se lance, et tout crie: Allons!

Le cadavre est à nous; payons-nous notre peine,
 Nos coups de dents et nos abois.

Du sang chaud, de la chair, allons, faisons ripaille,
 Et gorgeons-nous tout notre soûl!

Нельзя не замѣтить, что, при всемъ страстномъ гнѣвѣ, который звучитъ въ этихъ стихахъ, сатира Барбье чужда всякихъ личныхъ нападокъ, рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ сатиръ другаго поэта Barthélemy, появившихся почти одновременно. Барбье не позволилъ себѣ ни одного оскорбительнаго слова противъ династіи, побѣжденной июльскою революціею, точно такъ же, какъ и не воскуривалъ ей міама передъ новою, орлеанскою, монархіею. La Cugée — искреннее вдохновеніе благородной души, неспособной на то равнодушіе, котораго придерживаются свептическіе умы и сердца, одинаково безучастно относящіеся ко злу и къ добру. Вотъ почему эта сатира останется въ литературѣ, какъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ протестовъ негодующей совѣсти противъ той ненасытной алчности, которая, къ несчастью, все еще сильно проявляется среди многихъ дѣятелей, набрасывающихся на общественное достояніе и распоряжающихся имъ, какъ своею добычею:

Fouillent les flancs à plein museau
 Et de l'ongle et des dents travaillent sans relâche,
 Car chacun en veut un morceau.

Удивительному успѣху этой сатиры не мало способствовала и ея внѣшняя форма. Барбье воспользовался ямбическимъ размѣромъ, такъ удачно употребленнымъ впервые повтомъ Андре Шеньэ. Этотъ размѣръ, состоящій въ правильномъ чередованіи восьмистопнаго стиха за двѣнадцатистопнымъ, какъ нельзя лучше приспособляется къ прерывающимся, порывистымъ и гнѣвнымъ тирадамъ безопадно бичующей сатиры.

За Cugée вскорѣ появились двѣ другія сатиры, написанныя ямбическими стихами: l'Idole и la Popularité.

Сатира l'Idole, по смѣлой самостоятельности взглядовъ, заслуживаетъ особаго вниманія. Чтобы нападать на наполеоновскую легенду, воспѣвавшуюся тогда въ пѣсняхъ Беранже, въ

«Messéniennes» Казимира Делавиня и въ одахъ Виктора Гюго, надо было обладать истиннымъ мужествомъ; чтобы осмѣлиться проклинать Наполеона, нужно было съ увѣренностью рассчитывать на всю краснорѣчивую силу правды. Въ своей сатирѣ Барбье выказалъ замѣчательное мужество и не менѣ замѣчательное краснорѣчіе. Чувство ужаса при мысли о потокахъ крови, пролитыхъ въ угоду честолюбію одного человѣка, и воспоминаніе о позорѣ отечества, подвергнувшагося вторженію враговъ, — служатъ достаточнымъ объясненіемъ возгласа, вырвавшагося изъ сердца поэта;

Je n'ai jamais chargé qu'un être de ma haine,
Sois maudit, ô Napoléon!

Поэтъ прекрасно олицетворилъ Францію, порабощенную побѣдоноснымъ полководцемъ. До этого ужаснаго переворота, любо было смотрѣть на свободную Францію, озаренную яркимъ солнцемъ мессидора ¹⁾.

C'était une cavale indomptable et rebelle
Sans frein d'acier ni rênes d'or.

Но Корсиканецъ вложилъ ей въ ротъ удила, прищипорилъ ее изо всѣхъ силъ, и она, помчавшись, проскакала черезъ всю Европу. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ, она раздавливала подъ своими копытами цѣлыя поколѣнія, кровь убитыхъ стала доходить ей до груди. Изнуренная, задыхающаяся, она просила пощады у своего всадника,

Mais, bourreau, tu n'écoutes pas!
Tu la pressas plus fort de ta cuisse nerveuse,
Pour étouffer ses cris ardents,
Tu retournas le mors dans sa bouche baveuse,
De fureur tu brisas ses dents,
Elle se releva; mais un jour de bataille,
Ne pouvant plus mordre ses freins,
Mourante, elle tomba sur un lit de mitraille
Et du coup te cassa les reins.

Maintenant tu renais de ta chute profonde:
Pareil à l'aigle radieux

¹⁾ Мессидоръ — десятый мѣсяцъ республиканскаго календаря отъ 19 іюня до 18 іюля.

Tu reprends ton essor pour dominer le monde,
Ton image remonte aux cieux.

.
Grâce aux flatteurs, mélodieux,
Aux poètes menteurs, aux sonneurs de louanges,
César est mis au rang des dieux.
Son image reluit à toutes les murailles,
Son nom, dans tous les carrefours,
Résonne incessamment, comme au fort des batailles,
Il résonnait sur les tambours.
Puis, de ces hauts quartiers où le peuple foisonne
Paris comme un vieux pèlerin,
Redescend tous les jours au pied de la colonne
Abaisser son front souverain.
Et là, les bras chargés de palmes éphémères,
Inondant de bouquets de fleurs
Ce bronze que jamais ne regardent les mères,
Ce bronze grandi sous leurs pleurs;
En veste d'ouvrier, dans son ivresse folle,
Au bruit du fifre et du clairon,
Paris d'un pied joyeux danse la carmagnole
Autour du grand Napoléon.

Далѣе, какаѣ правдивость и какое благородство мыслей
въ упрекахъ, направленныхъ повтомя противъ національной
маніи къ блеску побѣдъ, блеску, всегда покупаемому такою до-
рогою цѣною :

Ainsi passez, passez, monarques débonnaires,
Doux pasteurs de l'humanité,
Hommes sages, passez comme des fronts vulgaires
Sans reflet d'immortalité!
Passez, passez, pour vous point de haute statue,
Le peuple perdra votre nom;
Car il ne se souvient que de l'homme qui tue
Avec le sabre ou le canon.

Въ выборѣ и развитіи подобной темы, высказывается не
только высокій талантъ, но и истинное и глубокое вдохновеніе
и безпристрастное пониманіе исторіи: авторъ сатиры l'Idole
питаетъ къ своему отечеству искреннюю и серьезную любовь,

онъ не боится вызвать противъ себя гнѣва своихъ соотечественниковъ, напоминая имъ еще недавнія позорныя событія.

Крупный недостатокъ 3-й ямбической сатиры «La Popularité» состоитъ въ чуть-ли не буквальномъ воспроизведеніи формы и поэтическихъ картинъ первой сатиры La Curée. Но этотъ недостатокъ окупается смѣлостью и трезвостью воззрѣній, развиваемыхъ въ этой сатирѣ: и въ самомъ дѣлѣ, утверждать, какъ это дѣлаетъ Барбье, что для общественнаго дѣятеля добросовѣстное выполненіе своего долга никогда не должно уступать мѣста стремленію снискать рукоплесканія толпы, утверждать что удовлетвореніе совѣсти должно стоять выше популярничанія, — всегда казалось и теперь еще кажется какимъ-то парадоксомъ какъ въ глазахъ многихъ политическихъ дѣятелей, ораторовъ и журналистовъ, такъ и въ глазахъ значительной части слушателей и читающей публики. Барбье рѣзко высказывается противъ преклоненія передъ толпою. Онъ видитъ въ необузданной погонѣ за популярностью главный источникъ, главную причину тѣхъ золъ, которыя такъ часто поражали Францію.

Dans le pays de France aujourd'hui que personne
 Ne peut chez soi rester en paix,
 Et que de toutes parts l'ambition bourgeoise
 Sur les crânes les plus épais,
 Tout est en mouvement sur la place publique;
 La voix bruyante et le coeur vain,
 Chacun bourdonne autour de l'oeuvre politique,
 Chacun y veut mettre la main.
 Là courent tous les gens de bras et de paroles,
 Poète, orateur et soldat,
 Tout ce qui veut paraître et jouer quelque rôle
 Dans le grand drame de l'Etat;
 Tout, des hauts carrefours abonde sur la place,
 Et haletant, pressant le pas,
 Sur le pavé fangeux se précipite en masse,
 Et vers le peuple tend les bras.

Certe, le peuple est grand, maintenant que sa tête
 A secoué ses mille freins,

Que, l'ouvrage fini, comme un robuste athlète
Il peut s'appuyer sur ses reins...

.

Mais c'est pitié de voir, à genoux sur sa trace,
Un troupeau de tristes humains
Lui jeter chaque jour tous leurs noms à la face,
Et ne jamais lâcher ses mains ;
D'entendre autour de lui mille bouches mielleuses
Souillant le nom de citoyen,
Lui dire que le sang orne des mains calleuses,
Et que le rouge lui va bien ;
Que l'inflexible loi n'est que son vain caprice,
Que la justice est dans son bras,
Sans craindre qu'en ses mains l'arme de la justice
Ne soit l'arme des scélérats.

Est-ce donc un besoin de la nature humaine
Que de toujours courber le dos ?
Faut-il du peuple aussi faire une idole vaine,
Pour l'encenser de vains propos ?
A peine relevé, faut-il qu'on se rabaisse ?

.

Hélas ! nous vivons tous dans un temps de misère,
Un temps à nul autre pareil,
Où la corruption mange et ronge sur terre
Tout ce qu'en tire le soleil ;
Où dans le cœur humain l'égoïsme déborde,
Où rien de bon n'y fait séjour ;
Où partout la vertu montre bientôt la corde,
Où le héros ne l'est qu'un jour ;
Un temps où les serments et la foi politique
Ne soulèvent plus que des ris ;
Où le sublime autel de la pudeur publique
Jonche le sol de ses débris ;
Un vrai siècle de boue, où plongés que nous sommes,
Chacun se vautre et se salit ;
Où comme en un linceul, dans le mépris des hommes,
Le monde entier s'ensevelit !

Большинство французскихъ критиковъ признаетъ всѣ достоинства первыхъ ямбическихъ сатиръ Барбье, но тѣ же критики съ сожалѣніемъ отзываются о скудости вдохновенія, замѣчаемой во всѣхъ остальныхъ его произведеніяхъ. Сожалѣніе это высказывается слишкомъ скоро: критики какъ бы игнорируютъ сатиру Барбье «Melromène» противъ современнаго театра, сатиру, нисколько не уступающую первымъ тремъ по силѣ замысла и великолѣпію формы.

Можно, разумѣется, не соглашаться съ Барбье относительно той точки зрѣнія, на которую онъ становится въ вопросѣ объ искусствѣ: Барбье не отдѣляетъ принциповъ эстетики отъ законовъ нравственности; но какова бы ни была взаимная независимость эстетики и нравственности, какъ только литература покидаетъ высшую сферу идеи и чувства и переходитъ въ область одной чувственности, она этимъ сама себя осуждаетъ на грубую пошлость и посредственность. Барбье какъ-будто предвидѣлъ, до какой крайности дойдетъ натурализмъ современнаго романа, когда онъ говорилъ о писателяхъ,

Qui, le scalpel en main,
Cherchent les yeux ardents, au fond du cœur humain
La fibre la moins pure et la plus sale veine
Pour en faire jaillir des flots d'or à main pleine.

Я долженъ воздержаться отъ приведенія другихъ отрывковъ изъ этой сатиры, потому что въ Мельпоменѣ, еще въ бѣльшей степени, чѣмъ въ первыхъ сатирахъ, Барбье злоупотребляетъ грубо-циническими картинками, къ которымъ онъ считаетъ необходимымъ прибѣгать, чтобы сильнѣе изобразить пороки:

Si mon vers est trop cru, si sa bouche est sans frein,
C'est qu'il sonne aujourd'hui dans un siècle d'airain.
Le cynisme des mœurs doit salir la parole
Et la haine du mal enfante l'hyperbole.

Этимъ послѣднимъ стихомъ Барбье какъ бы предупреждаетъ часто дѣлаемый ему упрекъ: ему ставятъ въ вину его постоянную склонность къ преувеличенію. Этотъ упрекъ не совсѣмъ основателенъ. Для сатириковъ, ставящихъ себѣ цѣлью, подобно Барбье, не игривое осмѣяніе порока, а его безпощадное караніе, преувеличеніе является необходимостью. Къ чему,

дѣйствительно, стремится поэтъ-сатирикъ? Къ тому, чтобы обратить вниманіе всѣхъ на язвы, разъѣдающія общество, пробудить людей, слишкомъ часто склонныхъ къ апатіи, и вызвать ихъ къ оживленной борьбѣ противъ порока. Для достиженія этой цѣли, сатирику приходится подражать актерамъ древняго афинскаго театра, которые для усиленія голоса говорили подъ мѣдною маскою. Сатирикъ точно такъ же для усиленія впечатлѣнія, долженъ выражать свои мысли въ нѣсколько преувеличенной формѣ, потому что и онъ обращается къ публикѣ, столь же многочисленной, но менѣе внимательной. Когда глаза зрителей устремлены на сцену, вниманіе не отвлекается отъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ. Сатирикъ-же лишень могущественнаго подспорья, предоставляемаго театромъ, и сатира его могла бы пройти совершенно незамѣченной, если бы онъ не расширялъ иногда своей мысли до крайнихъ ея размѣровъ.

Судя по быстрому и большому успѣху ябвовъ, можно было бы подумать, что сатира была исключительною областью, въ которой талантъ Барбье могъ вполне свободно развернуться. Но Барбье не захотѣлъ ограничиться сатирами, онъ попытался идти по новому пути.

Спустя два года послѣ изданія своихъ ябвовъ, Барбье вмѣстѣ съ своимъ другомъ Бризе отправился въ Италію, въ этотъ край, завѣтный для всѣхъ поэтовъ того времени, и возвратился оттуда съ поэмою, которую озаглавилъ «Il Pianto» (Жалоба). Хотя между различными частями этой поэмы нѣтъ строгой послѣдовательности, однако не трудно уловить основную идею поэта, когда онъ переходитъ отъ разсмотрѣнія памятниковъ католическаго искусства въ Пизѣ къ созерцанію развалинъ языческаго Рима, когда видъ повсемѣстнаго въ Италіи упадка изящныхъ искусствъ наводитъ на грустные размышленія о потерянной свободѣ, о Неаполѣ, безопасно относящемся къ своему политическому порабощенію, когда наконецъ онъ оплакиваетъ профанацию любви въ венеціянскихъ оргіяхъ. Все лучшее въ Италіи казалось ему опозореннымъ, заглушеннымъ, вымирающимъ; и поэтому становится совершенно понятнымъ, почему Барбье, находясь подъ такимъ удручающимъ впечатлѣніемъ, началъ поэму пѣніемъ подъ заглавіемъ: *Le Campo Santo* ¹⁾. Это

¹⁾ Владыище въ Пизѣ.

пѣніе представляетъ великолѣпное описаніе большой фрески, занимающей одну изъ внутреннихъ стѣнъ пизанскаго Санро Santo. Фреску эту называютъ Торжество Смерти; ее обыкновенно приписываютъ художнику Andrea Orcagna, современнику Боккаччіо, и не безъ основанія предполагаютъ, что Орканья писалъ эту страшную картину подъ живымъ впечатлѣніемъ ужасовъ чумы, свирѣпствовавшей во Флоренціи въ 1348 г.

Въ своемъ величественномъ описаніи, Барбье не упускаетъ изъ виду малѣйшихъ подробностей этой громадной фрески. Я не стану читать Санро Santo, опасаясь злоупотребить вашимъ вниманіемъ, но позвольте мнѣ представить Вамъ, такъ сказать, конспектъ этого описанія, помѣщенный г-мъ Блазъ де Бюри въ *Revue des Deux Mondes* (15 Октября 1882 г.).

«Цѣлый отдѣлъ фрески Орканья (съ правой стороны) могъ бы служить иллюстраціею къ прологу Декамерона Боккаччіо: общество молодыхъ свѣтскихъ людей расположилось подъ тѣнью померанцевыхъ деревьевъ; на травѣ разостланы роскошные ковры; около одной пѣвицы, которой акомпанируетъ играющій на віолѣ, изящные синьоры, съ соколомъ на рукѣ, и знатныя дамы, держація на колѣняхъ красивыхъ собачекъ, слушаютъ музыку и разговариваютъ. Надъ группою порхаютъ два амура, вооруженные зажженными факелами. Но вотъ появляется страшный призракъ—Смерть въ видѣ старой женщины, съ крыльями летучей мыши, съ грудью, покрытою кольчугою, съ распущенными сѣдыми волосами. Одинаково чуждая какъ ненависти, такъ и состраданія она дѣйствуетъ своею косою неумоимо и безстрастно. Красивымъ молодымъ людямъ и ихъ дамамъ, сидящимъ въ сосѣдней померанцевой рощѣ, не избѣгнуть первыхъ же ударовъ смерти, о недавнихъ подвигахъ которой краснорѣчиво говорятъ груды труповъ, еще одѣтыхъ въ костюмы, которые они носили при жизни; на ихъ лицахъ сохранился отпечатокъ предсмертныхъ мученій. Тутъ художникъ выполнилъ свою мрачную тему съ поразительнымъ разнообразіемъ; иногда среди самыхъ ужасныхъ подробностей проглядываетъ иронія. Коса смерти, такъ быстро скашивающая высокіе колосья, какъ бы щадить немощныхъ: она не дотрагивается до несчастныхъ. И съ какимъ отчаяніемъ всѣ эти слѣпые, нящіе, ходящіе на костыляхъ или разбитые параличемъ, протягиваютъ руки къ смерти, которая о нихъ позабыла! Изъ устъ мертвецовъ вылетаютъ

пхъ души въ видѣ новорожденныхъ младенцевъ,—ангелы и демоны бросаются къ нимъ на встрѣчу. Ангелы возносятъ души блаженныхъ къ лазури небесной, въ то время какъ черти самыхъ причудливыхъ формъ (у однихъ голова льва, у другихъ голова козла, третьи имѣютъ видъ какой-то чудовищной саранчи) повергають окаянныхъ въ преисподнюю. Тутъ проявляется тотъ самый символизмъ, который господствуетъ въ Божественной комедіи Данта. Между тѣмъ, на лѣво отъ зрителя, по ту сторону горы, развивается какъ бы второе дѣйствіе драмы: три короля охотятся въ лѣсу, сопровождаемые многочисленною свитою, состоящею изъ дамъ, придворныхъ, пажей съ соколами, слугителей съ гончими собаками; и вся эта блестящая и шумная кавалькада наталкивается въ глубинѣ долины на три раскрытые гроба, въ которыхъ лежатъ тѣла трехъ умершихъ королей. Это зрѣлище производитъ потрясающее впечатлѣніе на охотящихся: они съ ужасомъ смотрятъ на это поразительное доказательство ничтожества человѣческаго могущества и славы.

«Надъ этой мрачной сценой, на вершинѣ горы, въ чистой и ясной атмосферѣ живутъ монахи въ мирномъ созерцаніи природы. Ручныя животныя—газели, бѣлки, кролики—окружаютъ святыхъ отцевъ; одинъ изъ нихъ доитъ лань, другой, почти слѣпой отъ дряхлости, держитъ передъ собой книгу церковныхъ пѣсней, третій, по моложе, держитъ руку надъ глазами, чтобы лучше слѣдить за ходомъ того, что происходитъ въ долинѣ,—остроумная и милая по простотѣ своей деталь, связывающая верхнюю часть картины съ нижнею. Среди деревьевъ замѣчается часовня святыхъ отшельниковъ; они—тоже немущіе, но по собственной волѣ, они пренебрегаютъ обманчивыми наслажденіями сего міра; о нихъ тоже смерть позабыла, но они не преслѣдуютъ ея своими мольбами, они съ невозмутимымъ спокойствіемъ ждутъ той минуты, когда Господь отзоветъ ихъ къ себѣ, и когда они вознесутся на небо на крыльяхъ чистыхъ ангеловъ».

Барбье заканчиваетъ свое краснорѣчивое описаніе произведенія Орканьи слѣдующимъ обращеніемъ къ старому пизанскому художнику, вызваннымъ грустнымъ положеніемъ Италіи:

Dors, oh! dors, Orcagna, dans ta couche de pierre,
Et ne rouvre jamais ta pesante paupière,

Reste les bras croisés dans ton linceul étroit,
 Car si des flancs obscurs de ton sépulcre froid,
 Comme un vieux prisonnier, il te prenait envie
 De contempler encor ce qu'on fait dans la vie,
 Si tu levais ton marbre et regardais de près,
 Ta douleur serait grande, et les sombres regrets
 Reviendraient habiter sur ta face amaigrie:
 Tu verrais, Orcagna, ta Pise tant chérie,
 Comme une veuve, assise aux rives de l'Arno.

.
 Tu verrais que la Mort dans les lieux où nous sommes
 N'a pas plus respecté les choses que les hommes;
 Et reposant tes bras sous ton cintre étouffé,
 Tu dirais, plein d'horreur: La Mort a triomphé!

Нельзя не отмѣтить большой аналогіи между этимъ грустно-религіознымъ пѣніемъ и стихами, которые Дантъ писалъ въ изгнаніи. Сходство это объясняется тѣмъ, что Барбье въ то время усердно перечитывалъ и изучалъ Божественную Комедію, которую впоследствии его другъ Бризе перевелъ съ самою тщательною вѣрностью.

Въ другой части поэмы «le Campo Vaccino» поэтъ, описывая древній форумъ и окрестности Рима, совершенно отрѣшился отъ обычнаго тона и какъ бы преобразился. Тутъ нѣтъ и слѣда гнѣва и сатиры. Рядомъ съ описаніемъ мѣстности, усѣянной чудно расположенными развалинами, освѣщенными яркимъ солнцемъ Италіи, онъ вспоминаетъ объ исчезнувшемъ величіи города, построеннаго на семи холмахъ, и высказываетъ съ чисто античною простотою мысли, вызываемая въ немъ видомъ этихъ развалинъ. Чтобы дать понятіе о томъ, какою размахистою и блестящею вистью поэтъ рисуетъ окрестныя поля Рима, я приведу слѣдующій отрывокъ, написанный очевидно подъ впечатлѣніемъ хорошо извѣстной и тогда только-что появившейся картины Леопольда Робера «Жнецы»:

Adieu, vastes débris! dans votre belle tombe
 Dormez, dormez en paix; voici le jour qui tombe.
 Au faite des toits plats, au front des chapiteaux,
 L'ombre pend à grands plis comme de noirs manteaux;
 La sol devient plus rouge et les arbres plus sombres;
 Derrière les grands arcs, à travers les décombres,

Le long des chemins creux, mes regards entraînés
 Suivent des buffles noirs deux à deux enchaînés;
 Les superbes troupeaux, à la gorge pendante,
 Reviennent à pas lents de la campagne ardente,
 Et les pâtres velus, bruns, et la lance au poing,
 Ramènent à cheval des chariots de foin.

Третье пѣніе Pianto «Chiala» — въ формѣ діалога между неаполитанскимъ рыбакомъ и известнымъ художникомъ Salvatore Rosa. Оба говорятъ о потерянной свободѣ и о бѣдствіяхъ своей родины. Рыбакъ, находясь постоянно среди роскошной природы, забывая иногда о нищетѣ своей при видѣ сіяющаго неаполитанскаго залива, усѣяннаго зеленѣющими островами, говоритъ о своей скорби, но съ надеждою на лучшіе дни. Въ рѣчахъ Сальватора Розы, тоже лишеннаго почти всякихъ средствъ, но жившаго по преимуществу въ городахъ, въ безпрестанномъ соприкосновеніи съ богатыми и надменными согражданами, чувствуется большее ожесточеніе:

O mon frère, plains-moi, ma douleur est mortelle,
 Car pour moi la patrie a cessé d'être belle.

Но мало по малу его измученная душа успокаивается передъ восхитительною картиною Неаполитанскихъ окрестностей, и его голосъ сливается съ голосомъ рыбака въ общемъ гимнѣ любви къ вѣчной красотѣ природы.

Между главными отрывками Pianto, авторъ помѣстилъ сонеты, посвященные Микель Анджео, Рафаэлю, Корреджіо и нѣкоторымъ другимъ великимъ именамъ Италіи. Но Барбье не искусно владѣетъ этою далеко не легкою формою стихотворенія, и въ этихъ сонетахъ уже попадаются тѣ погрѣшности во внѣшней отдѣлкѣ стиховъ, то монотонное повтореніе однихъ и тѣхъ же приемовъ и оборотовъ, которыя впоследствии стануть все чаще и чаще появляться у Барбье.

Господствующій тонъ поэмы «Il Pianto» — тонъ элегическій. Гдѣ бы ни находился поэтъ, на кладбищѣ-ли Пизы, въ окрестностяхъ Рима, подъ неаполитанскимъ-ли небомъ или на Венеціанскихъ Лагунахъ, его тяготитъ одна и та же мысль: поражающій контрастъ между великимъ прошлымъ Италіи и жалкимъ настоящимъ ея положеніемъ. Эта основная мысль поэмы прекрасно выражена въ заключительномъ воззваніи къ

Италиі. Въ концѣ «скорбнаго пѣнія» раздается ободряющій крикъ надежды:

Divine Juliette au cercueil étendue,
 Toi qui n'es qu'endormie et que l'on croit perdue,
 Un jour tu lèveras la tête,
 Et privés bien longtemps du soleil, tes grands yeux
 S'ouvriront pour revoir le pur éclat des cieux.—
 Tu chercheras alors une épaule adorée,
 Et les deux pieds sortis de la tombe sacrée,
 Tu voudras un soutien pour faire quelque pas.
 Alors à l'étranger, oh! ne tends point les bras!
 Belle ressuscitée, ô princesse chérie,
 N'arrête tes yeux noirs qu'au sol de la patrie:
 Dans tes fils réunis cherche ton Roméo!

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ возвращенія изъ Италиі, Барбье отправился въ Англию. Результатомъ этой поѣздки была новая поэма «Lazare», эпиграфомъ къ которой могъ бы служить слѣдующій стихъ его друга Бризэ:

Honte à qui voit le mal, sans que le mal le navre!

Ирландіа, изъ которой крестьяне выселяются массами, чтобы не умереть тамъ съ голоду, многочисленный промышленный классъ, погибающій отъ пьянства и разврата, контрастъ между крайнею бѣдностью низшихъ классовъ и несмѣтными богатствами государства, распространившаго свои владѣнія во всѣхъ частяхъ свѣта,—вотъ что поэтъ увидѣлъ въ 1837 году въ Англии,

La nef aux flancs salés qu'on nomme l'Angleterre.

Видъ общественныхъ язвъ Англии вызываетъ въ немъ воспоминаніе о повѣствуемомъ въ Евангеліи несчастномъ, лежащемъ у дверей богача, и изъ сокрушеннаго сердца поэта вырывается заунывное пѣніе о Лазарѣ, котораго современная цивилизація не предохраняетъ отъ голодной смерти.

Такова основная мысль «Лазаря», но авторъ включилъ въ свою поэму нѣсколько отрывковъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ этою основною мыслью. Такъ напр., одно стихотвореніе посвящено Питту, другое Байрону (въ послѣднемъ онъ съ желчью укоряетъ Англию за то, что гробница Байрона не находится въ Вестминстерскомъ аббатствѣ), — въ третьемъ

стихотвореніи «Шекспиру» Барбье характеризуетъ въ прекрасныхъ стихахъ ту неизмѣнную правду, которую дышатъ творенія великаго англійскаго поэта. Выразивъ вполне справедливое сѣтованіе на то небреженіе, съ которымъ Англія относилась тогда къ своему національному поэту,

Les vers du fier Breton ne trouvent plus d'oreilles;
Ses temples sont déserts et vides de clameurs.

Барбье продолжаетъ :

Et pourtant quel titan à la céleste flamme
Alluma comme lui plus de limons divers?
Quel plongeur, entr'ouvrant du sein les flots amers,
Descendit plus avant dans les gouffres de l'âme?
Quel poète vit mieux au fond du cœur humain
Les sombres passions, ces reptiles énormes,
Dragons impétueux, monstres de mille formes,
Se tordre et s'agiter? quel homme de sa main
Sut, comme lui, les prendre au fort de leurs ténèbres,
Et, découvrant leur face à la pure clarté,
Faire comme un Hercule au monde éprouvanté
Entendre le concert de leurs plaintes funèbres?

Надо однако замѣтить, что въ настоящее время упреки Барбье оказались-бы неосновательными. Благодаря высоко талантливымъ исполнителямъ, Мекреди и въ особенности Ирвингу, Шекспиръ сдѣлался теперь въ Англіи предметомъ настоящаго поклоненія.

Кромѣ отсутствія связи между ея различными частями, поэма о Лазарѣ страдаетъ еще другимъ недостаткомъ: она слишкомъ напоминаетъ собою заранѣе составленную программу, которую авторъ далъ себѣ слово непременно выполнить.

Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ этихъ оговоркахъ, нельзя не отмѣтить суровой энергіи и глубоко прочувствованнаго тона нѣкоторыхъ отрывковъ этой поэмы, какъ напр.: *le Gin, le Minotaure, les Mineurs de Newcastle*.

Одинъ изъ таковыхъ отрывковъ: *la Lyre d'airain* (мѣдная лира) можетъ считаться образцовымъ произведеніемъ французской поэзіи. — Поэтъ беретъ мѣдную лиру, чтобы пѣть о вѣчно трудящемся и вѣчно нуждающемся черно-рабочемъ классѣ. Барбье съ поражающею силою говоритъ о

томъ, какою дорогою цѣною окупается развитіе промышленности, какія страшныя жертвы человѣкъ приноситъ, чтобы восторжествовать надъ природою. Разговоръ между заводчикомъ и его работникомъ, между матерью и малолѣтними дѣтьми, работающими на заводѣ, — является живымъ и подавляющимъ комментариемъ къ одному изъ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ, къ вопросу о неравномъ распредѣленіи земныхъ благъ, о поразительной противоположности между уточненною роскошью и безвыходною нищетою.

Я приведу изъ «Мѣдной Лиры» только описаніе дѣйствующаго завода:

Là tous les instruments qui vibrent à l'oreille
Sont enfans vigoureux du cuivre ou de l'airain;
Ce sont des balanciers dont la force est pareille
A cent chevaux frappés d'un aiguillon soudain;
Ici, comme un taureau, la vapeur prisonnière
Hurle, mugit au fond d'une vaste chaudière,
Et, poussant au dehors deux immenses pistons,
Fait crier cent rouets à chacun de leurs bonds.
Plus loin, à travers l'air, des milliers de bobines
Tournant avec vitesse et sans qu'on puisse voir,
Comme mille serpents aux langues assassines,
Dardent leurs sifflements du matin jusqu'au soir.
C'est un choc éternel d'étages en étages,
Un mélange confus de leviers, de rouages,
De chaînes, de crampons se croisant, se heurtant,
Un concert infernal qui va toujours grondant,
Et dans le sein duquel un peuple aux noirs visages,
Un peuple de vivants rabougris et chétifs
Mêlent comme chanteurs des cris sourds et plaintifs.

.
Le sifflement des pins que l'ouragan soulève
Et bat de son souffle infernal,
La plainte des soldats déchirés par le glaive,
La balle et le boulet fatal,
Tous les bruits effrayants que l'homme entend où rêve
A ce concert n'ont rien d'égal;
Car cette noire symphonie

Aux instruments d'airain, à l'archet destructeur,
 Ce sombre oratorio qui fait saigner le cœur,
 Sont chantés souvent en partie
 Par l'avarice et la douleur.

Я никакъ не могу согласиться съ нѣкоторыми критиками, которые находятъ, что Барбье прибѣгаетъ къ слишкомъ темнымъ краскамъ въ своихъ описаніяхъ. Не далѣе какъ нѣсколько недѣль тому назадъ, маркизъ Сельсбери помѣстилъ въ одномъ англійскомъ журналѣ очеркъ, изобилующій ужасающими подробностями объ условіяхъ жизни рабочихъ въ нѣкоторыхъ лондонскихъ кварталахъ. Такимъ образомъ, правдивость самыхъ мрачныхъ картинъ «Лазаря» подтверждается, по прошествіи пятидесяти лѣтъ, безпристрастнымъ изслѣдованіемъ англійскаго государственнаго дѣятеля.

Одно только стихотвореніе посвящено Ирландіи: можно было ожидать отъ поэта болѣе подробнаго разсмотрѣнія этого большаго мѣста, этого неизлѣчимаго недуга Англіи. Недостаточно было выразить съ глубоко прочувствованною грустью, какъ это сдѣлалъ Барбье въ стихотвореніи «les Collines d'Irlande», все то, что происходитъ въ душѣ ирландскаго крестьянина, выслѣившагося изъ родной деревни и вынужденнаго обрабатывать чужое поле. Авторъ какъ-будто не сознаетъ, какое значительное мѣсто должна занимать Ирландія въ поэмѣ, посвященной Великобританіи. Въ теченіе нынѣшняго столѣтія и до самаго послѣдняго времени національныя стремленія Ирландіи проявлялись не разъ въ формѣ грознаго пробужденія, и нѣтъ въ Англіи ни одного государственнаго челоуѣка, къ какой-бы партіи онъ и принадлежалъ, который-бы не призадумывался надъ дѣлами Ирландіи: при всякомъ сколько-нибудь важномъ рѣшеніи, касающемся этой несчастной страны, всегда возникаетъ вопросъ, не вызоветъ-ли это рѣшеніе новыхъ переворотовъ, новыхъ сотрясеній?

Въ послѣднемъ стихотвореніи «Лазаря», поэтъ, при видѣ все болѣе и болѣе возростающихъ успѣховъ промышленности, спрашиваетъ себя: что станетъ наконецъ съ природою? Этотъ вопросъ его беспокоитъ и наводитъ на него тоску. Онъ опасается, что сила воображенія и поэтическое вдохновеніе будутъ постепенно ослабѣвать и наконецъ исчезнуть, вслѣдствіе тѣхъ непрерывныхъ преобразованій, которыя совершаются на зем-

номъ шаръ волею человѣка и наукою. Нельзя не признать, что преобладающее стремленіе второй половины XIX столѣтія въ значительной степени оправдываетъ пророческія опасенія Барбье.

Вслѣдъ за поэмою «Лазарь», Барбье издалъ еще нѣсколько сборниковъ стихотвореній: *les Silves*, *les Rimes héroïques*, *les Chants civils et religieux*. Тому, кто не читалъ этихъ сборниковъ, трудно себя представить, до какой степени они слабы, и какое жалкое впечатлѣніе оставляютъ всѣ эти неудачныя попытки вновь добиться того громкаго успѣха, какого удостоились ямбы. Большая часть изъ его «*Chants civils et religieux*» представляетъ не что иное, какъ нескончаемый рядъ общихъ мѣстъ, съ большимъ трудомъ подведенныхъ подъ риму. Уже въ нѣкоторыхъ сатирахъ Ямбовъ, какъ и въ поэмахъ «*Il Pianto*» и «Лазарь», можно было замѣтить неровность и шереховатость въ поэтическомъ талантѣ Барбье. Какъ только вдохновеніе не поддерживаетъ его, онъ сейчасъ же впадаетъ въ самую тяжелую и подъ часъ самую вульгарную монотонность. По удачному сравненію одного критика, *Samille Roussel*, Барбье напоминаетъ тѣхъ морскихъ птицъ, которыя, опустившись на берегъ, долго употребляютъ тщетныя усилія, чтобы снова подняться и высоко парить. Въ только что названныхъ сборникахъ «*les Silves*», *les Chants civils et religieux*» совершенно напрасно было бы искать малѣйшаго слѣда истинной поэзіи.

Разъ однако Барбье удалось достигнуть прежняго высокаго вдохновенія, а именно—въ повѣсть «Эростратъ». Въ предисловіи къ повѣсти авторъ говоритъ, что, избравъ такую тему—преступленіе Эрострата, который сжегъ Эеесскій храмъ, чтобы сдѣлать свое имя безсмертнымъ,—онъ имѣлъ въ виду изобразить одно изъ величайшихъ золъ нашего времени: — жажду пріобрѣсти, во что бы то ни стало, громкую извѣстность и болѣзненное самолюбіе, доводящее человѣка, сознающаго свое безсиліе, до совершенія самыхъ страшныхъ злодѣяній. Правда, и въ этой повѣсти встрѣчаются длинноты и неясности, за то вся четвертая часть, въ которой представляется основной сюжетъ повѣсти, обладаетъ несомнѣнными красотами.

Погруженный въ свои честолюбивыя мечты, Эростратъ

вдруг слышать голоса подземных Тельхиновъ ¹⁾ Они ему под-
сказываютъ смехъ храмъ Діаны. Мысль о подобномъ престу-
пленіи сперва приводитъ его въ ужасъ, но она неотступно пре-
слѣдуетъ его и вскорѣ торжествуетъ надъ его волею: вотъ онъ
передъ храмомъ, съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ. Умоляю-
щая Вѣра хочетъ его остановить—Красота проситъ его поща-
дить чудное зданіе—но все напрасно: Эростратъ, подавая при-
мѣръ петролейщикамъ будущихъ вѣковъ, приступаетъ къ раз-
рушенію храма. Заключительная картина по истинѣ грандіозна:
разразившаяся гроза усиливаетъ дѣйствіе огня. Посреди кри-
ковъ воиновъ, воплей народа, проклятій, вырывающихся изъ устъ
жрецовъ, Эростратъ въ своемъ дикомъ изступленіи восклицаетъ:

O mon nom, lève-toi, monte' au plus haut des airs

Et remplis à jamais de ton bruit l'univers.

Et toi, peuple stupide

Hâte-toi de saisir le fortuné coupable;

Il s'appelle Erostrate, il a vaincu la mort;

Le crime est immortel

Голосъ съ неба:

Ainsi que le remord!

Въ книгѣ, изданной Барбье подъ заглавіемъ «Etudes dra-
matiques», слѣдуетъ указать на очень хорошій переводъ Шек-
спировскаго Юлія Цезаря, стихи переданы стихами, проза—
прозой. Даже малѣйшія сцены между второстепенными дѣй-
ствующими лицами такъ же рельефно выступаютъ, какъ и въ
подлинникѣ.

Барбье всегда держался вдали отъ всякихъ политическихъ
партій и никогда не принималъ участія въ литературныхъ пре-
ніяхъ своего времени. Почти забытый, онъ велъ скромную,
удачливую жизнь, когда наконецъ въ послѣдніе годы Имперіи,
французская академія вспомнила о немъ, и при избраніи новаго
члена отдала ему предпочтеніе передъ его конкурентомъ—Тео-
филемъ Готье.

Барбье продолжалъ еще писать, но ничего не издавалъ,
предоставивъ своимъ друзьямъ полное распоряженіе оставленными
имъ рукописными сочиненіями. Въ 1881 году, вслѣдствіе сильно-

¹⁾ Тельхины, въ греческой мифологіи, сыновья Солнца и Минервы,
поселившіеся на островѣ Родосѣ, гдѣ они изобрѣли искусство обрабатывать
металлы. Они имѣли большую власть надъ стихіями: Юпитеръ однихъ зато-
нял въ морѣ, другихъ превратилъ въ скалы.

разстроеннаго здоровья, онъ отправился къ началу зимы въ Ниццу, но климатъ юга не могъ уже возстановить его силъ и онъ тихо скончался 14 января 1882 г.

Благородное прямодушіе и задушевность, отличавшія Барбье, снискали ему уваженіе и любовь всѣхъ знавшихъ его. Г. Блазъ де Бюри совершенно вѣрно охарактеризовалъ Барбье, какъ человѣка: *Citoyen éprouvé, noble cœur, esprit libéral et clairvoyant, c'est bien de lui qu'on peut dire que rien d'humain ne lui fut étranger.* Сколько напр. глубокаго состраданія къ немущимъ и несчастнымъ въ этомъ эпилогѣ «Лазаря»:

O misère! misère!
 Toi qui pris sur la terre
 Encore tout en feu
 L'homme des mains de Dieu;
 Fantôme maigre et sombre,
 Qui, du creux du berceau
 Jusqu'au seuil du tombeau,
 Comme un chien suis son ombre,
 O toi qui bois les pleurs
 Ecoulés de sa face,
 Et que jamais ne lasse
 Le cri de ses douleurs;
 O mère de tristesse!
 Ces chants sont un miroir
 Où l'on pourra te voir
 Dans toute ta détresse.
 J'ai voulu que devant
 Ton image terrible,
 L'homme le moins sensible,
 Le plus insouciant,
 Pût sentir et comprendre
 A quels prix redoutés
 La Providence engendre
 Les superbes cités.
 J'ai voulu qu'en toute âme
 La pitié descendit

Et qu'à sa douce flamme
Tout cœur dur s'attendrit.

O misère ! misère !
Puisse ce chant austère
Trouver sous plus d'un ciel
Un écho fraternel !

Puisse cet hymne sombre
Susciter en tous lieux
Des avocats sans nombre
Au peuple noir des gueux !

Il faut en ce bas monde
Que les plus belles voix
Contre ta lèpre immonde
S'élèvent à la fois ;

Il faut que de sa couche
L'homme chasse la faim,
Il faut à toute bouche
Mettre un morceau de pain ;

Donner la couverture
Aux pauvres gens sans toits,
Et de laine et de bure
Vêtir tous les corps froids.

Hélas ! dans cette tâche,
Quel que soit son effort,
Son labeur sans relâche
Jusqu'au jour de la mort,

Si bien que fasse l'homme,
Pour amoindrir le mal,
Et réduire la somme
De l'élément fatal,

Dans les cités humaines
Il restera toujours
Assez de fortes peines
De maux cuisants et lourds,

Pour qu'en sa plainte amère
L'éternelle douleur
Loin de ce globe espère
Quelque monde meilleur.

Въ заключеніе я позволю себѣ возвратиться къ тому, что я говорилъ, въ началѣ этого очерка, о неудобствахъ, связанныхъ съ блистательнымъ выступленіемъ на литературное поприще. Когда писатель прибрѣлъ себѣ, первымъ своимъ сочиненіемъ, громкую извѣстность, ему приходится въ дальнѣйшей его дѣятельности, вступать, такъ сказать, въ состязаніе съ самимъ собою. Читатели непремѣнно стануть сравнивать каждое новое его произведеніе съ первымъ, и они дѣлають это сравненіе съ довольно естественнымъ предубѣжденіемъ въ пользу перваго сочиненія, которымъ они прежде увлекались. Только весьма немногимъ авторамъ и поѣтамъ удается удержаться на томъ высокомъ мѣстѣ, которое они съ перваго же разу себѣ завоевали. Во всякомъ случаѣ, это не удалось Барбье. Не смотря на всѣ достоинства его Лазаря, поэмы *Il Pianto* и послѣдней части «Эрострата», Барбье извѣстенъ только какъ авторъ ямбовъ: *La Curée*, *l'Idole* и *la Popularité*. Но за то, можно смѣло сказать, что эти три сатиры обезсмертили его имя. Знаменитый критикъ Сентъ-Бѣвъ, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ Барбье, Сентъ-Бѣвъ, указывая съ особенною тщательностью, на всѣ его недостатки, все таки признаеть въ немъ: *le grand poète d'un jour et d'une heure que la renommée a immortalisé pour un chant sublime*. Судьба Барбье напоминаетъ собою судьбу другаго поѣта—*Rouget de l'Isle*, на долю котораго тоже выпало всего нѣсколько минутъ высокаго вдохновенія, выразившагося въ импровизированномъ сочиненіи *Марсельезы*, сдѣлавшейся національнымъ гимномъ французовъ. Какъ *Руже-де-Лиль* въ 1792 году, Барбье, подъ могучимъ вдохновеніемъ іюльскихъ событій 1830 года, написалъ свои три безсмертныя сатиры противъ поклоненія грубой военной силѣ и противъ низкой угодливости людей, забывшихъ честь и совѣсть и добывающихъ популарности во чтобы то ни стало.

Вещь, какъ предметъ права.

Орд. проф. Д. И. Азаревича.

Литература :

Zrodowski. Das römische Privatrecht B. 2.
Prag. 1880 p. 1 — 160.

Общее понятие предмета права. Подъ предметомъ или объектомъ права разумѣтся все то, что на основаніи положительнаго права можетъ быть подчинено власти лица, т. е. иначе все что субъектъ права можетъ подчинить своей власти на основаніи закона есть предметъ права. Общія виды правовыхъ предметовъ по римскому праву слѣдующіе: 1) Извѣстная категория лицъ, которыя съ одной стороны сами могутъ быть субъектами правъ, а съ другой — состоятъ объектами извѣстныхъ правъ, это такъ наз. *homines alieni juris*, напр. *filiifamilias*, какъ объекты *patris potestatis*. 2) Одушевленные и неодушевленные предметы внѣшняго міра, за изъятіемъ лицъ. Сюда относятся: вещи въ тѣсномъ смыслѣ слова, рабы и животныя. Наконецъ 3) могутъ быть установлены права на опредѣленные дѣйствія лицъ, неподчиненныхъ другому лицу. Что касается до перваго вида, лицъ, то они могутъ быть объектами правъ только тогда, когда находятся въ семейныхъ отношеніяхъ, а поѣтому разсмотрѣніе ихъ относится къ отдѣлу семейнаго права. Затѣмъ, третій видъ, дѣйствія лицъ, какъ правовыя объекты, имѣютъ также свой опредѣленный отдѣлъ въ системѣ гражданскаго права, а именно отдѣлъ обязательственнаго права. Остаются одушевленные и неодушевленные предметы внѣшняго міра, они составляютъ самый главный и общій видъ объектовъ права. Этотъ

видъ и составить предметъ послѣдующаго разсмотрѣнія подъ общимъ названіемъ *вещей, res*.

Понятіе вещи. Подъ словомъ вещь, *res*, въ обширномъ смыслѣ разумѣются всѣ предметы существующіе. Какъ объекты частнаго обладанія лица совокупность вещей составляютъ имущество этого лица, его *familia* по выраженію древнихъ источниковъ, а по позднѣйшимъ *bona*, или даже *pecunia* ¹⁾).

Ульпіанъ даетъ такую этимологію слова *bona*: *Bona dicuntur ex eo quod beant, hoc est beatos faciunt; beare est prodesse (L. 49 D. 50, 16)*. Въ словахъ этихъ не заключается юридическаго опредѣленія понятія имущества а, какъ говоритъ самъ Ульпіанъ, только естественный смыслъ (*naturalis appellatio*) *bona*, какъ всего того *quae prosumt* (ср. также *L. 83. D. 1, 5*). Въ числѣ вещей, способныхъ приносить человѣку пользу, есть много такихъ, которыя въ понятіе имущества входятъ не могутъ, какъ не состоящія въ частномъ обладаніи лица. Поэтому всякое имущество состоитъ изъ вещей, но не всѣ вещи входятъ въ имущество; а только тѣ, которыя составляютъ *res singulorum, res privatae* даннаго лица. *Rei appellatio latior est quam pecuniae, quae etiam ea, quae extra computationem patrimonii nostri sunt, continet; cum pecuniae significatio ad ea referatur, quae in patrimonio sunt (L. 5. § 1. D. 50, 16)*.

Bona въ юридическомъ смыслѣ будетъ имущество, которое мы можемъ назвать *postea*, которое принадлежитъ намъ по праву ²⁾).

Подъ вещами, составляющими имущество лица, въ болѣе обширномъ смыслѣ слова разумѣются не только предметы фактическіе, опредѣленные по пространству предметы внѣшняго міра, но и дѣйствія и права, т. е. всѣ доставшіеся правовымъ путемъ предметы внѣшняго міра для удовлетворенія потребностей даннаго лица ³⁾).

¹⁾ *L. 222. D. 50, 16.*

²⁾ *Birkmeyer. Ueber das Vermögen im juristischen Sinne. Erlangen 1879 p. 15—26.*

³⁾ *Birkmeyer cit. p. 23.*

Rei appellatione et causae et jura continentur I. 23.
D. 50, 16.

Сами права несомненно могутъ быть правовыми объектами. Такъ установленныя права подлежатъ волею ихъ субъекта прекращенію, измененію. Въ этомъ выражается правовая власть, объектомъ которой будетъ право. Разсмотрѣніе правъ, какъ правовыхъ объектовъ, уместно въ соответствующихъ имъ отдѣлахъ особенной части системы¹⁾, а потому въ настоящей статьѣ о немъ будетъ упомянуто настолько, насколько этимъ выясняется главный предметъ. Въ той же мѣрѣ будетъ говорено и объ имущественныхъ совокупностяхъ (*universitates juris*), какъ напр. *rescissio*, наследство (*hereditas*) и т. д. Полное разсмотрѣніе ихъ по всей очевидности относится къ особенной части. Изъ этого же слѣдуетъ, что предметомъ дальнѣйшаго изложенія будетъ не въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова²⁾, а именно: предметы только физическіе, за исключеніемъ лицъ, *resonae*. Свободный человѣкъ никогда не разсматривался какъ вещь³⁾. Рабы хотя и разсматривались какъ бы вещами еще въ позднѣйшемъ правѣ⁴⁾, тѣмъ не менѣе различіе ихъ никогда не было проведено со всей строгой послѣдовательностью, въ новомъ же римскомъ правѣ за рабами весьма широко признается дѣеспособность⁵⁾ и уже поэтому рабство слѣдуетъ отнести къ отдѣлу о правахъ личности. Итакъ подъ вещами мы будемъ разумѣть физическіе предметы за исключеніемъ рабовъ.

Виды вещей⁶⁾.

Согласно изложенному понятію вещей ихъ можно раздѣлять на виды по двумъ признакамъ, а именно: А) со стороны ихъ естественныхъ свойствъ на сколько они имѣютъ юридическое значеніе и Б) со стороны правоотношеній на нихъ.

А) По естественнымъ свойствамъ всѣ вещи дѣлятся прежде всего на

¹⁾ *Windscheid*. Pandekt. I § 48 a.

²⁾ Справ. L. 3 D. 48, 13; L. 4 D. 48, 22.

³⁾ L. 6 pr. D. 18, 1; L. 83 § 5 D. 45, 1.

⁴⁾ L. 2 § 2 D. 9, 2, L. 215 D. 50, 16.

⁵⁾ См. *Asarewicz*. Физическія лица стр. 14, 15.

⁶⁾ Inst. 2, 1 de rerum divisione. — Dig. 1, 8 de divisione rerum et qualitate.

1) Вещи тѣлесныя и безтѣлесныя res corporales и res incorporeales¹⁾.

По опредѣленію источниковъ подъ тѣлесными вещами разумѣются такія вещи, которыя могутъ быть осязаемы, въ отличіе отъ безтѣлесныхъ, которыя могутъ быть восприняты только мыслию.

Res corporales sunt, quae tangi possunt; res incorporeales, quae tangi non possunt L. 1. § 1. D. 1, 8; § 1, 2. I. 2, 2.

Въ первой категоріи будутъ относиться всѣ предметы ограниченнаго въ пространствѣ матеріальнаго существованія, земля, камень, рабъ и т. п. Ко второй принадлежатъ права, какъ вещныя, такъ и обязательственныя и семейныя. Сюда же относится и право наслѣдства въ смыслѣ права пріобрѣсти вступленіемъ въ права наслѣдника имущество умершаго²⁾. Но изъ всѣхъ правъ, право собственности Римляне относили къ тѣлеснымъ вещамъ³⁾; собственность, по ихъ воззрѣнію, въ силу своего объема нѣкоторымъ образомъ сливается съ самою вещью, собственникъ, какъ таковой, есть неограниченный распорядитель вещью.

Противъ такого причисленія права собственности къ тѣлеснымъ вещамъ (см. *Pagenstecher. D. röm. Lehre vom Eigenthum* 1 p. 4) начинаютъ высказываться нѣкоторые новѣйшіе писатели. Думаютъ (см. *Randa. D. Eigenthums recht* 1. Leipzig 1884 p. 1 п. 2), что обозначеніе собственности тѣлесной вещью основано на юридически неточномъ отождествленіи самой вещи съ правомъ на нее (во ср. *Wächter. Pand. I. p. 257—259*).

Подобно тѣлеснымъ и безтѣлесныя вещи, какъ сказано выше, могутъ быть правовыми объектами, хотя сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ, напр. залога права требованія, *pignus nominis*, права вещнаго пожизненнаго пользованія, *pignus ususfructus*, уступки права наслѣдства, *in jure cessio hereditatis*. Поэтому подъ именемъ вещи обыкновенно разумѣютъ вещь тѣлесную.

Вещи тѣлесныя бываютъ двухъ родовъ.

¹⁾ Inst. 2, 2 de rebus corporalibus et incorporealibus.

²⁾ § 2 J. 2, 2.

³⁾ L. 8 pr. D. 20, 6; L. 13 § 1 D. 39, 2.

2) Вещи недвижимыя и движимыя, *res immobiles* и *res mobiles*.

Нѣкоторые писатели (напр. *Böcking*. Pand. § 74. §§ а, б) распространяютъ это дѣленіе и на права. Но источники наши ясно противоплагаютъ *res mobiles* и *immobiles* правамъ (*jura, res incorporales*): L. 7. § 4. D. 15, 1; L. 15. § 2. D. 42, 1; L. 2, 3. C. 7, 37; L. un. § 7. C. 5, 13. Вопросъ о приуроченіи правъ къ одной изъ данныхъ категорій вещей принадлежитъ новому времени.

Тѣлесныя вещи бываютъ или недвижимыя или движимыя, смотря по тому, способны ли къ перемѣщенію безъ поврежденія ихъ сущности или измѣненія формы, или неспособны къ такому перемѣщенію.

Нѣкоторые писатели (напр. *Windscheid*. Pand. 1 § 139; *Zrodowski*. D. *göm Privatr.* 2. р. 87. п. 2) выходятъ лишь изъ одной возможности перемѣщенія, не упоминая о томъ будетъ ли это перемѣщеніе вести за собою поврежденіе или нѣтъ. Они выходятъ изъ того, что послѣдняя оговорка заставитъ признать многіе предметы несомнѣнно движимые за недвижимые, напр. молоко, портящееся при дальнемъ перемѣщеніи. Но на это можно возразить, что безъ данной оговорки, на оборотъ, не мало недвижимостей должно быть отнесено къ движимостямъ, напр. многія строенія. По этому вѣрнѣе внести въ опредѣленіе признакъ поврежденія, но разсматривать его какъ общее явленіе при перемѣщеніи извѣстныхъ вещей, а не какъ случайное возможное при этомъ послѣдствіе.

Недвижимыми вещами будутъ только поземельные участки (*solum, fundus*, обширныя участки — *latifundia, campī*, малыя — *praedia, loci*), т. е. опредѣленные границами части земной поверхности, и все что съ ними естественно или искусственно соединено (*unctio, implicatio*)¹⁾, такъ что не можетъ быть отдѣлено безъ ущерба сущности или перемѣны формы, напр. растенія, строенія, находящіяся въ связи съ поверхностью участка (*ager* для деревни, *area* для города)²⁾.

¹⁾ L. 7 § 5; L. 9 пр. D. 43, 24; L. 30 § 1 D. 41, 3.

²⁾ L. 27 пр.; L. 2 11 D. 50, 16.

Общее названіе для участка вмѣстѣ со всѣмъ находящимся на немъ, т. е. строеніями, было *fundus* *Fundi appellatione omne aedificium et omnis ager continetur*. L. 211. D. 50, 16; L. 115. D. 50, 16. Впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ дѣлается различіе между *fundus* и *aedes*. *Gajus* 2, 42; L. 1. §§ 3, 6. D. 43, 16. Поэтому болѣе точное обозначеніе участка со всѣмъ его составомъ имѣемъ въ выраженіи *res soli*.

Къ участку принадлежитъ также пространство подъ и надъ нимъ находящееся ¹⁾.

Разъ соединеніе съ участкомъ кончается, то прежнія составныя части его теряютъ качество недвижимыхъ вещей, напр. *guta caesa, eruta et caesa*.

Весьма важное правовое значеніе имѣетъ дѣленіе участковъ по ихъ экономическому назначенію на городскіе и деревенскіе участки, *praedia urbana* и *praedia rustica* ²⁾. Подъ первыми разумѣются недвижности, предназначенныя для жилья (*aedes*—въ городѣ, *villae*—въ деревнѣ ³⁾) или вообще для удобства (напр. сады). Подъ вторыми разумѣются участки, служащіе для извлеченія естественныхъ плодовъ. Если они лежатъ внутри или вообще въ округѣ города, то называются *praedia suburbana* ⁴⁾.

Затѣмъ особенное правовое значеніе имѣло дѣленіе участковъ на итальянскія и провинціальныя земли (*fundi italici* и *provinciales*). Первыми назывались земли, расположенныя въ Италіи, а вторыми земли, находящіяся въ провинціи ⁵⁾.

Вещи движимыя могутъ быть неодушевленные предметы (*res mobiles* въ тѣсномъ смыслѣ) или одушевленные предметы, т. е. приходящіе въ движеніе собственною силою (*res se moventes, moventia*) ⁶⁾, какъ то рабы и животныя. Между послѣдними различаютъ животныхъ дикихъ (*bestiae, ferae bestiae*) ⁷⁾, когда

¹⁾ L. 13 § 1 D. 8, 4; L. 24 § 12; L. 26 inf. D. 39, 2; L. 1 § 12 D. 39, 3; L. 1 пр.; L. 9, 14, 15 D. 8, 2; L. 8 § 5; L. 14 § 1 D. 8, 5; L. 22 § 4 D. 43, 24.

²⁾ L. 198 D. 50, 16; L. 16 C. 5, 71.

³⁾ L. 211 D. 50, 16.

⁴⁾ Ср. L. 16 C. 5, 71.

⁵⁾ *Gajus* 1, 120; *Ulpian.* 19, 1.—*Gajus* 2, 21.

⁶⁾ L. 93 D. 50, 16.

⁷⁾ *Gajus* 2, 67; § 12 J. 2, 1; L. 44 D. 41, 1.

они живутъ на свободѣ, прирученныхъ (*mansuetae, mansuefactae*)¹⁾ и ручныхъ, домашнихъ животныхъ²⁾.

Дѣленіе вещей на движимыя и недвижимыя имѣетъ значеніе въ отдѣльныхъ постановленіяхъ положительнаго права, дающаго особыя начала для одной и другой категоріи вещей, какъ напр. при давности владѣнія (*usucapio*), сервитутахъ, воровствѣ³⁾ и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ⁴⁾.

Въ средѣ тѣлесныхъ же вещей слѣдуетъ далѣе различать

3) Вещи простыя, составныя и совокупности вещей (*res unites, res connexae v. compositae, universitates rerum*⁵⁾).

Всякая отдѣльная вещь (*res singula*) будетъ по роду соединенія составныхъ ея частей или вещью простою или составною⁶⁾, а именно, если между частями вещи имѣется непосредственная связь (*continuatio*), такъ что граница одной части тотчасъ образуетъ начало другой части, *partes* не имѣютъ собственныхъ *finis*, то вещь такая будетъ простою⁷⁾, *res unita, corpus unitum, quod uno spiritu continetur*⁸⁾, какъ напр. человекъ, камень, балка. Если же соединеніе частей будетъ только внѣшнее, такъ что не будетъ перехода одной части въ другую, части будутъ только соприкасаться (*contingere*), то вещь называется составною⁹⁾, *res composita, corpus connexum, quod ex contingentibus, hoc est, pluribus inter se cohaerentibus constat*¹⁰⁾, какъ напр. домъ, корабль. Богѣе кратко различіе между вещами простыми и составными можно опредѣлить такъ: подъ первыми разумѣются вещи, коихъ части соединены органически, а подъ вторыми — вещи, коихъ части соединены механически¹¹⁾. Если соединеніе таково,

¹⁾ L. 1 § 6 D. 3, 1.

²⁾ Какія животныя относятся къ какому изъ перечисленныхъ видовъ, см. у *Böcking*. Pand. I § 74 notc.

³⁾ L. 38 D. 41, 3.

⁴⁾ *Kuntze*. *Cursus d. Instit.* § 438.

⁵⁾ *Göppert*. *Ueber einheitliche, zusammengesetzte u. Gesamtsechen*. Halle 1871.

⁶⁾ Ср. слова Помпонія L. 30 пр. D. 41, 3.

⁷⁾ *Göppert* cit. p. 41.

⁸⁾ L. 30 пр. D. 41, 3.

⁹⁾ *Ibid.* p. 44—46.

¹⁰⁾ L. 30 пр. D. 41, 3.

¹¹⁾ *Vangerow*. *Pand.* 1 p. 106, 107.

что образуется новая вещь (напр. корабль), то составная вещь может быть объектомъ правъ сама по себѣ, могутъ быть объектами правъ и отдѣльныя ея составныя части, насколько они въ соединеніи не теряютъ своего самостоятельнаго существованія (напр. *ignum junctum*), только осуществленіе этихъ правъ отлагается до тѣхъ поръ, пока это соединеніе не прекращается.¹⁾ Наконецъ, существуютъ такіе предметы, которые состоятъ изъ совокупности отдѣльныхъ вещей (*capita*) не соединенныхъ вмѣстѣ ни органически, ни механически, но которыя подъ общимъ названіемъ составляютъ одно цѣлое, къ которому и примѣняются правовыя начала, напр. стадо²⁾ (*grex*, *argentum*, *equitium*).

Въ наукѣ весьма спорно: можетъ ли совокупность вещей какъ таковая, быть объектомъ правъ. Многіе полагаютъ, что объектами всегда будутъ только *res singulae*, составляющія эти совокупности, допуская самое большее возможность востребовать ихъ однимъ искомъ, ради практическаго удобства (см. *Girtanner* въ *Jahrb. f. d. Dogmatik*. В. 3. Н. 1 р. 95 и слѣд. Новѣйшія воззрѣнія по вопросу см. у *Windscheid'a Pand. I § 137 п. 6*).

Источники называютъ эти предметы словомъ *universitas*; новѣйшая же наука для отличія этой совокупности отдѣльныхъ вещей, отъ вещей составныхъ, называемыхъ въ источникахъ также *universitas*³⁾, даетъ послѣднимъ названіе *universitas rerum cohaerentium*, а первымъ — *universitas rerum distantium*. Правовое положеніе той и другой *universitas* во многомъ различно, какъ напр. въ ученіи о владѣніи и давности.

Universitas rerum dist. въ наукѣ, начиная со временъ глоссаторовъ, противопоставляютъ подъ названіемъ *universitas facti*, *hominis*, такъ называемому *universitas juris*, подъ которой разумѣется совокупность вещей (какъ тѣлесныхъ, такъ и безтѣлесныхъ или обоого рода) вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ долгами разсматриваемая какъ одно цѣлое, напр. *hereditas*, *dos*, *peculium*.⁴⁾

¹⁾ L. 23 pr. § 2 D. 41, 3; L. 7 § 11 D. 41, 1.

²⁾ L. 1 § 3; L. 2; L. 3 pr. L. 23, § 5 D. 6, 1; L. 21 § 1 D. 44, 2.

³⁾ L. 23 pr. D. 41, 3; L. 7 § 11 D. 41, 1; L. 8 D. 4 3, 24.

⁴⁾ L. 20 § 10 D. 5, 3; L. 1 § 4 D. 33, 4; L. 1 § 8 D. 15, 2.

По вопросу о признакахъ, по которымъ слѣдуетъ различать *universitates facti* отъ *univers. juris* писатели расходятся. Такъ одни писатели видятъ въ *univers. facti* совокупности, которыя сами собою ясны, такъ что всякій можетъ ихъ принять за таковыя, тогда какъ *univers. juris* будутъ совокупности признанныя таковыми юридической нормой (см. напр. *Hesser. Personnes morales* p. 45, 46). Другіе понимаютъ подъ *univers. facti* совокупности, обусловленные природой своей, тогда какъ *univers. juris* могутъ быть схвачены только мыслью (см. напр. в. *Wetter. Droit romain I* p. 125, 126). Такъ какъ дѣленіе это не имѣетъ существеннаго юридическаго значенія, то достаточно условиться лишь въ пониманіи состава совокупности подъ тѣмъ или другимъ названіемъ. Поэтому согласно уже воззрѣнію Тибо (*System d. Pandectenrechts I* § 175), Макельдея (*Lehrb. d. röm. Rechts* § 150) и др. мы будемъ подъ *univers. facti* разумѣть совокупности лишь предметовъ матеріальныхъ, а подъ *univers. juris* — совокупности, которыя могутъ заключать въ себѣ и *res incorporales*, права и обязательства.

Различіе въ правовомъ положеніи между обоими видами *universitates* видѣли обыкновенно въ томъ, что только къ *universitas juris* примѣнялось правило *res succedit in locum pretii et pretium in locum rei*, а также *in rem actio universalis*. Но теперь большинство ученыхъ (см. статью *Hasse* въ *Civ. Arch.* 5 № 1 и *Mühlenbruch* *ibid.* 17 № 12) признаютъ эти особенности только для *hereditas*. Если же это такъ, то нѣтъ основанія удерживать особыя обозначенія для той и другой *universitates* (*Vangerow. Pand.* 1 p. 109).

4) Вещи дѣлимые и недѣлимые ¹⁾ (*res dividuae et individuae*).

Физически всѣ вещи дѣлимы, но юридически дѣлимы только тѣ вещи, разложеніе которыхъ на части не ведетъ за собою разрушенія ихъ сущности или значительнаго пониженія ихъ стоимости ²⁾.

¹⁾ *Bianchi. La divisibilità e la indivisibilità delle cose corporali* въ *Archivio giuridico.* v. XXIX fasc. 1 e 2 Pisa 1882.

²⁾ L. 26 § 2 D. 30 (1).

Признакъ такой дѣлимости источники выражаютъ словами *res quae dividi possunt* (L. 26 § 2 D. 30) въ отличіе отъ *res quae dividi non possunt* (L. 35 § 3 D. 6, 1).

Дѣленіе вещи безъ разрушенія ея стоимости будетъ тогда, когда полученныя отъ дѣленія вещи по своей сущности не отличаются отъ цѣлаго, когда дѣленіемъ получаются изъ одной вещи нѣсколько одного и того же рода, но только меньшаго объема.¹⁾ Поэтому дѣлимы всѣ земли, а изъ движимыхъ *res, quae pondere ac mensura consistunt*. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ вопросъ о дѣлимости вещей, когда рѣчь идетъ объ отдѣльныхъ ея частяхъ безъ непремѣннаго уничтоженія между ними связи. Существенный признакъ дѣленія въ этомъ смыслѣ тотъ, чтобы изъ дѣлимой вещи образовалось нѣсколько предметовъ, изъ которыхъ каждый составилъ бы отдѣльный объектъ самостоятельнаго праваго господства. Подобныя части носятъ названіе *partes pro diviso*, реальныхъ части. Самый способъ дѣленія опредѣляется природою и свойствами вещи. Недвижимыя вещи могутъ быть лишь разграничены на части. Такое дѣленіе мыслимо не только для недвижимыхъ, но и для движимыхъ вещей.²⁾

Многіе писатели (напр. *Steinlechner D. Wesen d. juris communio* I p. 39—43) не допускаютъ дѣлимости движимыхъ вещей на *partes pro diviso*, но едва ли основательно. Возьмемъ примѣръ: отдѣльныя таблицы одного и того же манускрипта въ рукахъ различныхъ лицъ и т. п. (См. *Randa D. Eigenthumsrecht* 1 p. 210 п. 6). Можно допустить оспариваемое возрѣніе только съ той оговоркой, что движимая вещь недѣлима на столько, на сколько она допускаетъ разложеніе на части; въ этихъ случаяхъ господство на *pars pro diviso* будетъ непремѣнно обнимать всю вещь (L. 8 in fin. D. 6, 1).

Но вещи недѣлимы въ изложенномъ смыслѣ дѣлимы умственно, подлежатъ дѣленію на т. наз. *partes pro indiviso*, переводимыя теперь чаще словами интеллектуальныхъ части.

Ut intellectu magis partes habent, quam corpore. L. 5 D. 45, 3.

¹⁾ *Zrodowski. D. röm. Privatr.* 2 p. 109, 110.

²⁾ L. 83 D. 17, 2.

Такая дѣлимость имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколькимъ лицамъ принадлежитъ сообща вещь, но каждому въ части, реально неопредѣленной, *res plurium communis pro partibus indivisis* ¹⁾).

Понятіе такой дѣлимости спорно. По мнѣнію болѣе правильному умственные части суть части самой вещи, но не действительныя, а умственно опредѣленныя, или иначе сказать, части въ стоимости вещи.

Въ наукѣ крайне спорно, какъ понимать *partes pro indiviso* (см. *Steinlechner. Das Wesen der juris communio etc. Abth. I Innsbruck 1876* p. 72 и слѣд. и II 1878 p. 224 и слѣд.). Многие ученые (напр. *Arndts. Pand. § 53; Unger. Oest. Civ. R. § 51* и *Ann. 27* и др.) видятъ тутъ умственное дѣленіе права на данную вещь, т. е. дѣленіе содержанія права. По мнѣнію другихъ (напр. *Windscheid. Pand. I § 142* и п. 11), дѣленіе это относится къ самой вещи. Последнее болѣе справедливо, ибо право, т. е. содержаніе права, не можетъ быть дѣлимо; частичное право на осуществленіе воли—ничто. Мыслимо только общее участіе нѣсколькихъ лицъ въ опредѣленномъ правѣ. Сверхъ того принятое воззрѣніе какъ нельзя болѣе соответствуетъ выраженіямъ источниковъ (L. 5 pr. D. 45, 3; L. 25 D. 7, 4; L. 5. § 15 D. 13, 6; L. 66 § 2 D. 2 (31); L. 64 § 4 D. 21, 2). Но сряя. *Randa D. Eigenthumsg. 1* p. 212 п. 7). Умственное дѣленіе имѣетъ значеніе опредѣлить величину участія въ стоимости вещи. Впрочемъ весь этотъ споръ о *partes pro indiviso* практическаго значенія не имѣетъ (*Baron. Pandekt. p. 64*).

5) Вещи потребляемыя и не потребляемыя (*res consumptibiles* и *non consumptibiles*).

Подъ первыми разумѣются вещи, которыхъ обыкновенное употребленіе состоитъ въ уничтоженіи или уменьшеніи ихъ субстанціи; вторыя же имѣютъ назначеніемъ служить цѣлому ряду пользованія, хотя бы это пользованіе и могло вести за собою постепенное уничтоженіе самой субстанціи.

¹⁾ L. 25 § 1 D. 50, 16; L. 26 D. 41, 2.

Такъ какъ обыкновенно пользованіе вещами ведетъ за собою постепенное потребленіе ихъ, то нѣкоторые ученые противопоставляютъ потребляемымъ вещамъ категорію вещей изнашиваемыхъ (*abnützbares Sachen* см. *Windscheid. Pand. I § 140*). Нами принятое противоположеніе болѣе рѣзко отдѣляетъ отличительные признаки тѣхъ и другихъ разрядовъ вещей и болѣе отвѣчаетъ словоупотребленію источниковъ, которые для вещей потребляемыхъ употребляютъ выраженія: *res quae usu consumuntur* (§ 2 I. 2, 4, рубрика къ *Dig. 7, 5*), *res quae in abusu consistunt* (L. 5. § 1 D. 7, 5), *quae usu tolluntur* (L. 1 D. 7, 5) и т. п.

Къ числу вещей потребляемыхъ источники относятъ между прочимъ и деньги, употребленіе которыхъ, хотя и не ведетъ къ уничтоженію ихъ, но для употребляющаго собственника оно равно уничтоженію¹⁾. По весьма явному признаку потребленія къ вещамъ потребляемымъ источники иногда относятъ и носильное платье (*vestimenta*)²⁾, хотя правильнѣе считать ихъ въ числѣ *res quae usu minuitur*³⁾.

Дѣленіе вещей на потребляемыя и непотребляемыя не имѣетъ абсолютнаго значенія; въ каждомъ конкретномъ случаѣ частной волей можетъ быть приданъ характеръ непотребляемости вещамъ потребляемымъ⁴⁾ и наоборотъ⁵⁾.

Юридическое значеніе рассмотрѣннаго дѣленія состоитъ въ томъ, что вещи потребляемыя не могутъ составлять объекта такого правового пользованія, которое рассчитано на большую или меньшую продолжительность, напр. не могутъ быть предметомъ ссуды и т. д.

Б) *Вещи со стороны правоотношеній на нихъ*. Въ гражданскомъ правѣ вещи рассматриваются лишь какъ предметъ извѣстныхъ правъ и правовыхъ сдѣловъ. Какъ объекты тѣхъ и другихъ вещи считаются состоящими въ гражданскомъ оборотѣ. Такія вещи составляютъ общее правило. Но многія категоріи вещей по различнымъ основаніямъ изъяты изъ гражданского

¹⁾ § 2 J. 2, 4; L. 11 § 2; L. 13 D. 12, 1.

²⁾ § 2 J. 2, 4.

³⁾ L. 1 D. 7, 5.

⁴⁾ См. L. 3 § 6; L. 4 D. 13, 6.

⁵⁾ L. 15 § 4 D. 7, 1. См. *Zrodowski. D. rom. Privatr. 2 p. 13 3 n. d.*

оборота, т. е. не могут быть предметами гражданскихъ правъ, ни гражданскихъ сдѣлокъ. Такъ рядомъ съ вещами, названными въ наукѣ *res quae in commercio sunt*, имѣется цѣлый разрядъ вещей, *res quae extra commercium sunt*.

Источники для обозначенія этихъ вещей употребляютъ выраженія: *res quarum commercium non est*; *res quae haberi non possunt* или *quarum alienatio non est*. См. § 4 I. 2, 20; § 2 I. 3, 19; L. 39 § 9 D. 30 (1); L. 83 § 5 D. 45, 1.

1) *Вещи, изъятія изъ оборота, res extra commercium* 1). Между вещами изъятыми изъ оборота, слѣдуетъ различать 2). I. Вещи вполне изъятые изъ оборота и II. Вещи частично изъятые изъ оборота. Частичное изъятіе выражается или въ томъ, что а) всѣ правовые субъекты устраниены отъ извѣстныхъ правъ на вещи, или б) только отдѣльнымъ правовымъ субъектамъ закрыты всѣ права на вещи, или в) отдѣльныя лица устраниены отъ извѣстныхъ правъ на вещи. Рядомъ съ вещами вполне или частично изъятыми изъ оборота имѣется цѣлый классъ III. вещей, на которыя всѣмъ частнымъ лицамъ доступны всѣ вещныя права, но по которымъ не могутъ быть совершены извѣстныя сдѣлки съ дѣйствительной обязательной силой; это будутъ *res extra commercium* не въ собственномъ смыслѣ слова. Разсмотримъ каждый видъ изъятыхъ изъ оборота вещей въ отдѣльности.

I. *Вполнѣ изъятія изъ оборота вещи*. Сюда прежде всего относить обыкновенно т. наз.

а) *Res omnium communis*, вещи общія всѣмъ.

Подъ ними разумѣются такіе предметы, которые по естественнымъ своимъ свойствамъ какъ бы предназначены природой на пользованіе всѣхъ людей. Въ строгомъ смыслѣ о вещахъ этихъ нельзя сказать, что они не подлежатъ гражданскому обороту; они вообще изъяты отовсякой человѣческой власти. Къ числу *res omni. communis* Римляне относили: воздухъ 3) (*aer*),

1) *Wappäus*. Zur Lehre von den dem Rechtsverkehr entzogenen Sachen. Göttingen 1867.

2) *Wappäus* cit. p. 6—8.

3) § 1, 5 J. 2, 1.

море съ берегами, которыхъ граница опредѣлялась высшей чертой прилива ¹⁾ (*mare et per hoc litora maris*), и протечная вода²⁾ (*aqua profluens*).

Относительно моря источники нѣсколько противорѣчивы. Съ одной стороны называютъ его абсолютно безхозяйной вещью (L. 14 pr. D. 41, 1), а съ другой признають верховное на него право государства (см. *Windscheid. Pand.* 1 § 146 п. 4).

Но всѣ эти предметы въ пзвѣстномъ смыслѣ могутъ состоять на исключительномъ правѣ частнаго лица. Такъ воздушное пространство (а не воздухъ) надъ поверхностью частной недвижимой собственности будетъ на исключительномъ правѣ хозяина послѣдней ³⁾; протечная вода, запруженная въ границахъ даннаго участка, становится собственностью хозяина послѣдняго, но при этомъ теряетъ характеръ протечной воды; часть поверхности моря (а не самаго моря), а также берега, могутъ съ разрѣшенія власти ⁴⁾ быть застроены частнымъ лицомъ и сдѣлаться предметомъ его частнаго обладанія ⁵⁾.

Распространеніе права собственности на воздушное пространство, находящееся надъ данною поверхностью, признается теперь почти всѣми писателями. Кромѣ учебниковъ см. *Jhering* въ *Jahrb. f. Dogmat.* VI p. 89. 90, *Bekker* въ *Jahrb. d. gem. deutsch. Rechts.* V p. 166. Противъ этого высказывалось такое мнѣніе, что воздухъ никоимъ образомъ не можетъ составлять предмета собственности, какъ *res omnium communis* См. *Werenberg* въ *Jahrb. f. Dogm.* VI p. 12 и слѣд. Последнее вполнѣ вѣрно, но вопросъ идетъ только о воздушномъ пространствѣ, а не о воздухѣ, какъ замѣтилъ уже *Jhering* *cit.* p. 86.

β) *Res divini juris*, вещи божескаго права.

Въ понятія правомочій римляне дѣлали различіе между *jus humanum* и *jus divinum*, т. е. совокупности человѣческихъ,

¹⁾ § 3 J. 2, 1; L. 96 pr.; L. 112 D. 50, 16.

²⁾ § 1 J. 2, 1.

³⁾ L. 8 § 5; L. 14 § 1 D. 8, 5; L. 22 § 4 D. 43, 24.

⁴⁾ L. 50 D. 41, 1; L. 3 § 1 D. 43, 8.

⁵⁾ § 1 J. 2, 1; L. 4 pr. D. 1, 8; L. 5 § 1; L. 6 pr.; L. 10 D. eod.; L. 14 pr.; L. 30 § 4 D. 41, 1.

а съ другой стороны божескихъ правомочій, человѣческаго и божескаго права. Соответственно этому различію подъ *res juris humani* разумѣлись вещи, способныя состоять объектомъ человѣческаго права, а подъ *res divini juris* — вещи, состоящія въ области чисто божескаго правомочія, на которыя человѣкъ не можетъ приобрѣсти никакого права.

Въ основѣ этого воззрѣнія лежитъ представленіе древней языческой религіей божества, какъ человѣкоподобнаго существа, имѣющаго свои потребности, которымъ человѣкъ стремился удовлетворить посвященіемъ, имѣя цѣлью заручиться небеснымъ благоволеніемъ въ своихъ жизненныхъ дѣлахъ (*Warräus cit.* p. 9).

Къ числу этихъ предметовъ принадлежать прежде всего: *Res sacrae*, вещи публично, отъ имени римскаго народа, посвященныя *diis superis*, высшимъ богамъ¹⁾. Посвященіе (*consecratio, dedicatio*) должно было совершаться публично (*publice, non privatim*) отъ имени римскаго народа (*auctoritate populi Romani*) и поэтому требовалось предварительное согласіе народнаго собранія или сената. Сама церемонія посвященія совершалась высшими представителями римскаго культа, понтификами, позднѣе императорами²⁾. Посвящаемы могли быть всевозможные предметы.

Фестъ (*v. sacer mons*) перечисляетъ всего чаще посвящаемые предметы: *sive aedes, sive ara, sive signum, sive locus, sive respublica, sive quid aliud*. Въ Дигестахъ (1, 8) упоминается по преимуществу *locus sacer*, напр. мѣсто, предназначаемое для жертвоприношеній отъ имени государства.

Представленные посвященіемъ непосредственному господству высшихъ боговъ *res sacrae* не могли составлять предмета частнаго права, *in nullius bonis sunt*³⁾.

*Res religiosae*⁴⁾ разумѣлись почти⁵⁾ исключительно пред-

¹⁾ Gajus 2, 4, 5; § 8 J. 2, 1; L. 6 § 3; L. 9 pr. D. 1, 8; Cod. de sacrosanct. eccles. 1. 2.

²⁾ Pernice. *Labes* 1 p. 256 и слѣд.

³⁾ L. 6 § 2 D. 1, 8.

⁴⁾ Dig. 11, 7; Cod. 3, 44 de religiosis.

⁵⁾ Къ *res religiosae* причислялись также мѣста, пораженныя молніей (*fulguritum*). См. *Rein Privat.* p. 183.

меты, посвященные *diis manibus* ¹⁾, богамъ вида, т. е. иначе мѣста погребенія (*sepulcra, busta*). Для того, чтобы *locus* сдѣлался *religiosus* требуется, чтобы 1) въ дѣйствительности произошло *illatio mortui*, былъ внесенъ прахъ умершаго, въ назначенное для погребенія мѣсто ²⁾. При этомъ безразлично, будетъ-ли это общее, публичное мѣсто погребенія или частное, для отдѣльнаго лица или семьи предназначенное. Ни мѣсто, отведенное для погребенія, ни гробница не считались за *res religiosa*, пока въ дѣйствительности не произошло погребенія ³⁾. 2) *Illatio* должно быть совершено лицомъ на то имѣющимъ право, какъ-то наследниками умершаго, или другими лицами, получившими на то разрѣшеніе собственника земли ⁴⁾ (т. наз. *jus sepulcra et monumenti*).

Только мѣсто, занятое прахомъ, считалось за *locus religiosus*, а не все пространство, предназначенное къ погребенію ⁵⁾.

Какъ предметы непосредственнаго господства мановъ умершаго, *loci religiosa* были вполне изъяты изъ области гражданскаго оборота ⁶⁾.

Только *res sacrae* и *res religiosae* считались за *res divini juris* ⁷⁾ и противопоставлялись *res humani juris* или *res profanae* ⁸⁾. Какъ таковыя они находились подъ охраной священнѣхъ законовъ, были *res sanctae* ⁹⁾, ограждались отъ профанаціи суровыми наказаніями (*sancire roenas*). Послѣдній признакъ былъ имъ общій съ цѣлымъ разрядомъ предметовъ, которые назывались также *res sanctae*, но въ особомъ, тѣсномъ смыслѣ слова. Это были предметы также поставленные подъ защиту священнѣхъ законовъ ¹⁰⁾, но которые не были собственно *res divini juris* ¹¹⁾, ни *res extra commercium* какъ таковыя ¹²⁾. Таковы были городскія стѣны, ворота ¹³⁾ и т. п.

¹⁾ Gajus 2, 4; L. 4 D. 11, 7; L. 4 init. C. 9, 19.

²⁾ § 9 J. 2, 1.

³⁾ L. 6 § 5; L. 7 D. 1, 8; L. 2 § 5 D. 11, 7.

⁴⁾ § 9 J. 2, 1.

⁵⁾ L. 2 § 5 D. 11, 7.

⁶⁾ § 2 J. 3, 19; L. 6 § 2 D. 1, 8.

⁷⁾ Gajus 2, 3.

⁸⁾ L. 6 § 3 D. 1, 8.

⁹⁾ Festus v. Sanctum; L. 8 pr. D. 1, 8.

¹⁰⁾ Gajus 2, 8; L. 11 D. 1, 8.

¹¹⁾ Источники выражаются; quodammodo divini juris § 10 J. 2, 1.

¹²⁾ *Warræus* cit. p. 16.

¹³⁾ § 10 J. 2, 1; L. 8 § 2; L. 9 § 3, 4 D. 1, 8.

Къ вещамъ, вполнѣ изъятымъ изъ гражданскаго оборота, принадлежать еще слѣдующія ¹⁾:

а) Яды, venena, но не лѣкарственные (venena bona), а только вредныя яды (venena mala), служащія средствомъ къ убійству ²⁾. Помимо того, что всѣ сдѣлки на эти яды были ничтожны ³⁾, запрещалось подъ страхомъ суровымъ наказаніемъ даже нѣсть ихъ у себя ⁴⁾.

б) Запрещенныя книги, libri prohibiti, какъ-то libri magicæ artis, mathematicorum et vaticinatorum ⁵⁾.

II. *Частью изъятая изъ оборота вещи*, т. е. предметы, на которые отдѣльныя права частнаго лица допускаются только съ ограниченіями. Сюда относятся: а) вещи, по которымъ извѣстныя права не доступны никому изъ правовыхъ субъектовъ. Таковы будутъ т. наз. res publicæ, подъ которыми въ тѣсномъ, первоначальномъ смыслѣ разумѣлись только вещи, принадлежащія римскому народу ⁶⁾, но въ болѣе обширномъ смыслѣ подъ ними разумѣются всѣ res, quæ in publico usu sunt, т. е. предназначенныя къ общему употребленію или только удобству.

Считать-ли эти предметы состоящими въ собственности государства или общины, въ наукѣ спорно. Одни даютъ утвердительный отвѣтъ, другіе признаютъ только верховное право (см. *Arndts. Pand.* § 49 п. 3).

Въ силу самаго назначенія этихъ вещей отправление всѣхъ тѣхъ правъ на нихъ, которыя были бы противны такому ихъ назначенію, недопускается, иначе говоря, въ данной мѣрѣ наступаетъ изъятіе этихъ предметовъ изъ оборота; всѣ же права, не препятствующія общему употребленію, остаются въ полной силѣ. Къ даннымъ предметамъ относятся: публичныя рѣки, flumina publica, публичныя дороги, viæ publicæ, публичныя мѣста, loca publica, публичныя зданія и т. д.

Опредленіе рѣки и публичной рѣки въ частности. Отъ

¹⁾ *Warræus* cit. p. 17.

²⁾ L. 2 36 pr. D. 50, 16.

³⁾ L. 35 § 2 D. 18, 1.

⁴⁾ L. 3 pr. § 3 D. 48, 8.

⁵⁾ L. 4 § 1 D. 10, 2 ср. *Paulus R. S. V.*, 23 § 18; 21 § 3, 4.

⁶⁾ L. 15 D. 50, 16.

рѣки, *flumen*, отличается ручей, *rivus* по величинѣ и по тому значенію, какое послѣднему придаютъ окрестные жители ¹⁾).

Слово *rivus* въ источникахъ имѣеть и другой смыслъ, а именно искусственныхъ канавъ съ водопроводомъ (L. 1 § 2 D. 43, 21; L. 6 D. 10, 1). Поэтому придавать точный смыслъ приведенному различенію не слѣдуетъ. См. *Warräus* cit. p. 19, 10.

Засимъ, *flumina* дѣлятся на *flumen publicum* и *flumen privatum* ²⁾). По опредѣленію Кассія къ первой категоріи принадлежатъ рѣки съ постоянно текущей водой ³⁾, т. е. *flumina perpetua*, въ отличіе отъ т. наз. *flumina torrentia*, т. е. временныхъ потоковъ воды ⁴⁾. По этому опредѣленію почти всѣ *flumina* будутъ *publica* ⁵⁾).

Какъ постоянно измѣняющаяся, неопредѣленная вещь, *flumen* не можетъ составить предмета частной собственности. Она по естественнымъ свойствамъ должна быть относима собственно къ *res communes*, вещамъ, открытымъ пользованію всѣхъ людей, но римское право ограничило пользованіе ею, признавая только *publicus usus* римскихъ гражданъ ⁶⁾; почему и слѣдуетъ подобныя рѣки считать за *res publica*. Поэтому каждому гражданину предоставляется свободное право пользоваться публичной рѣкой для движенія своихъ кораблей и плотовъ ⁷⁾, для рыбной ловли (*jus piscandi* ⁸⁾), для собиранія раковинъ, камней, растений въ рѣкѣ или на берегу ея, для купанія, мытья, водопоя и т. далѣе.

Какъ изъятія изъ частной собственности, *flumina* принадлежатъ къ числу *res extra commercium*. Но съ другой стороны это изъятіе изъ частнаго гражданскаго оборота только частичное; ибо частному лицу могли принадлежать частныя права

¹⁾ L. 1 § 1 D. 43, 12.

²⁾ L. 1 § 4 D. 43, 12.

³⁾ L. 1 § 3 D. 43, 12.

⁴⁾ L. 1 § 2 D. 43, 12.

⁵⁾ § 2 J. 2, 1; L. 4 § 1 D. 1, 8.

⁶⁾ L. 1 pr. D. 43, 1; L. 24 init. D. 39, 2. См. *Warräus* cit. p. 25.

⁷⁾ L. 1 pr. § 19 D. 43, 12.

⁸⁾ § 2 J. 2, 1; L. 13 § 7 D. 47, 10.

пользованія публичными рѣками ¹⁾, насколько только эти частныя права не нарушали или не затрудняли *usus publicus* ²⁾.

Наравнѣ съ *flumina publica* подлежатъ публичному пользованію *portus publici, lacus, fossae, stagna publica* ³⁾. Последніе три водоема становятся публичными по преимуществу тогда, когда они соединены съ публичной рѣкой въ томъ смыслѣ, что она протекаетъ ихъ, или двѣ публичныя рѣки соединены каналомъ (*fossa*).

Наконецъ, берега судоходныхъ рѣкъ (*ripae fluminum navigabilium*) также подлежатъ публичному пользованію; собственникъ ихъ лишается права такихъ распоряженій, которыя препятствовали свободному пользованію данной полосой земли ⁴⁾ и, наоборотъ, въ остальномъ допускалось отправление правъ частной собственности ⁵⁾.

2) Подъ публичными дорогами, *viae publicae*, разумѣются такія пути и улицы, по которымъ каждый имѣетъ право идти, ѣхать верхомъ или въ повозкѣ; тогда какъ на частныя дороги, *viae privatae*, право пользованія принадлежитъ одному только собственнику ⁶⁾. На публичныя дороги не исключается въ общемъ право частной собственности. Онѣ могутъ принадлежать въ собственность государству ⁷⁾, общинѣ ⁸⁾ или даже частному лицу, когда напр. дорога шла черезъ частное владѣніе, ведя отъ большой дороги къ поселеніямъ ⁹⁾. Но отправление частнаго права собственности допускается лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно не препятствуетъ публичному движенію. Поэтому напр. на римскихъ большихъ дорогахъ и улицахъ была построена масса т. наз. *tabernae*, за которыя государству платилась подать (*solatium*) ¹⁰⁾.

¹⁾ L. 1 § 41, 42; L. 3 § 4 D. 43, 20; L. 17 D. 8, 3.

²⁾ L. 1 § 12; L. 2 D. 43, 12; L. 17 in fin. D. 8, 3.

³⁾ § 2 J. 2, 1; L. 1 pr. § 3—6 D. 43, 14; L. 1 § 8 D. 43, 12.

⁴⁾ § 4 J. 2, 1; L. 30 § 1 D. 41, 1.

⁵⁾ L. 5 pr. D. 1, 8.

⁶⁾ Festus v. *Viae*; L. 2 § 21, 22 D. 43, 8.

⁷⁾ L. 2 § 24 D. 43, 8.

⁸⁾ L. 3 § 4; L. 5 § 4 D. 43, 24; L. 1 § 2 D. 50, 4.

⁹⁾ L. 2 § 23 D. 43, 8; L. 3 pr. D. 43, 7.

¹⁰⁾ L. 2 § 17 D. 43, 8.

3) Частично изъяты из оборота были т. наз. *loci publica* ¹⁾, т. е. государству или общинѣ принадлежащія площади, а также мѣста и здания, предназначенныя для торга, ярмарокъ и вообще для общаго удобства, публичныхъ зрѣлищъ. Сюда принадлежатъ ²⁾: *forum*, *basilicae* (городскія думы и судебныя мѣста), *theatra*, *stadia*, *campus Martius* и *balneae publicae*, какъ въ Римѣ, такъ и въ муниципіяхъ. Составляя государственную или общинную собственность, всѣ эти мѣста и учрежденія были въ то же время открыты пользованію всякаго (*quivis ex populo, ex civitate*), насколько только это пользованіе не препятствовало ихъ публичному назначенію.

б) Вещи, всѣ права по которымъ недоступны только отдѣльнымъ лицамъ. Сюда относятся владѣнія императора не только какъ частная его собственность, но и какъ состоящія въ распоряженіи императорской казны (*praedia in patrimonio Caesaris*). Для всякаго посторонняго лица вещи эти были *extra commercium*; ни купли, ни другаго какаго акта на эти владѣнія частное лице совершать не могло ³⁾.

в) Вещи, по которымъ отдѣльныя лица не могли имѣть извѣстныхъ правъ. Такъ напр. іудеи ⁴⁾, а поздиѣе и язычники и еретики ⁵⁾, не могли имѣть права собственности на христіанскихъ рабовъ.

III. Отъ рассмотрѣнныхъ категорій вещей вполне или отчасти изъятыхъ изъ оборота слѣдуетъ отличать такой рядъ предметовъ, на которые частному лицу могли быть уставлены всевозможныя гражданскія права, но на которыя положительнымъ правомъ запрещалось совершать опредѣленныхъ сдѣлокъ. Такъ напр. не подлежали отчужденію приданныя недвижимости, *fundus dotalis*, и вообще предметы въ судебномъ спорѣ находящіяся, *res litigiosae* ⁶⁾. Подобные предметы можно

¹⁾ L. 2 § 2, 3 D. 43, 8.

²⁾ § 6 J. 2, 1; L. 6 § 1 D. 1, 8.

³⁾ L. 39 § 8, 10 D. 30 (1) ср. L. 40 eod.

⁴⁾ L. 1 C. 1, 10.

⁵⁾ L. 2 C. 1, 10.

⁶⁾ L. 1 § 2 D. 20, 3; Dig. 44, 6 de litigiosis; L. 4 C. 8, 37; Dig. 23, 5 de fundo dotali. Сюда же можно отнести и предметы промышленной и торговой монополіи государства (*Cod. quas res venire non possunt* 4, 40), а также запрещенныя къ вывозу (*Cod. quas res exportari non debeant* 4, 41).

называть *res extra commercium* только въ несобственномъ смыслѣ слова.

2) *Res in patrimonio* и *res extra patrimonium*.

Съ дѣленіемъ вещей на подлежащія гражданскому обороту и неподлежащія ему не слѣдуетъ смѣшивать другаго нерѣдко упоминаемаго дѣленія на *res in patrimonio* и *res extra patrimonium*¹⁾, т. е. вещи, составляющія объектъ дѣйствительнаго господства частнаго лица или нѣтъ²⁾. Последней категоріи вещи нерѣдко называются еще *res nullius*. Такими вещами будутъ напримѣръ: *res communes*, дикіе звѣри, *insula in mare nata*, островъ, образовавшійся въ морѣ, *res derelictae*, покинутыя вещи, непріятели и ихъ имущество, *thesaurus*, кладъ³⁾. Разница этого дѣленія отъ предъидущаго въ томъ, что *res in commercio* будетъ та вещь, которая можетъ быть объектомъ частной собственности, а *res in patrimonio* та, которая уже состоитъ въ частной собственности. Только *res communes*, если считать ихъ за *res extra commercium* будутъ въ одно и тоже время и *res extra patrimonium*. Другія же *res extra patrim.*, какъ напр. дикіе звѣри, будутъ *res in commercio*. Наоборотъ, имущество государства, предоставленное въ пользованіе его членовъ, будетъ *res extra com.* но въ тоже время—*res in patrimonio*.

Понятно, что правовое положеніе вещей *in patrimonio* весьма отлично отъ положенія вещей *extra patrimonium*.

3) Главныя вещи, придаточныя вещи и принадлежности, *res principales*, *res accessoriae*, *pertinentia*.

Вещи могутъ находиться между собою въ такомъ отношеніи, что одна будетъ въ отношеніяхъ зависимости отъ другой, а именно или самое существованіе ея немислимо безъ второй⁴⁾, или она служитъ дополненіемъ⁵⁾, украшеніемъ⁶⁾ ея, или только

¹⁾ См. *Wappäus* cit. p. 6.

²⁾ *Pr. J.* 2, 1.

³⁾ § 12... 16, 18, 47 *J.* 2, 1; *L.* 2 *D.* 1, 8.

⁴⁾ § 29, 30, 31 *J.* 2, 1.

⁵⁾ *L.* 23 § 2 *D.* 6, 1.

⁶⁾ *L.* 19 § 13, 16 *D.* 34, 2.

облегчаетъ пользование ею¹⁾. Последняя носитъ названіе главной вещи, *res principalis*, а первая — вещи придаточной, *res accessoria*. Особый видъ придаточныхъ вещей составляютъ принадлежности, *pertinentia*, т. е. такія вещи, которыя не будучи составными частями другой вещи²⁾ находятся къ ней въ такомъ отношеніи, что въ оборотѣ разсматриваются³⁾ какъ бы входящими въ нее, составляющими съ нею одну вещь, *quasi pars rei*⁴⁾.

Въ прежнее время не выдѣляли принадлежностей изъ числа остальныхъ придаточныхъ вещей (см. напр. *Sintenis. D. gew. Civilrecht I § 41 p. 427* и слѣд.). Теперь же считаютъ необходимымъ такое выдѣленіе (см. *Göppert. Ueber die organische Erzeugnisse p. 58—80*); ибо къ придаточнымъ вещамъ кромѣ принадлежностей относятся и составныя части вещи, которыя по своимъ признакамъ (несамостоятельное бытѣе) и по правовому положенію (вполнѣ охватываются правомъ цѣлаго) представляютъ нѣчто со-сѣмъ иное, чѣмъ принадлежности.

Юридическое начало зависимости всѣхъ придаточныхъ вещей выражается въ томъ, что всякій юридическій актъ по главной вещи распространяется и на нихъ. Источники говорятъ, что придаточныя вещи слѣдуютъ за главной вещью: *accessorium semper cedit principali*⁵⁾.

Скажемъ сначала о частномъ видѣ придаточныхъ вещей, *pertinentia*, а затѣмъ объ остальныхъ *accessoriae*.

Pertinentia. Для понятія принадлежности необходимо, чтобы вещь опредѣлена была на постоянную службу (*perpetuus usus*) другой⁶⁾. Поэтому напр. сосуды, въ которыхъ содержатъ вино и т. п., не будутъ принадлежностями сохраняемаго⁷⁾, статуи будутъ принадлежностями дома лишь тогда, когда они входятъ въ планъ постройки дома⁸⁾ и т. п. Далѣе требуется, чтобы это

¹⁾ L. 13 § 31; L. 14 D. 19, 1.

²⁾ *Boecking. Pand. 1 § 81 c.*

³⁾ *Windscheid. Pand. 1 § 143 n. 3.*

⁴⁾ L. 13 § 31 D. 19, 1; L. 49 D. 18, 1; L. 3 § 1 D. 33, 6; L. 12 § 23, 24 D. 33, 7.

⁵⁾ L. 19 § 13 D. 34, 2.

⁶⁾ L. 17 § 7 D. 19, 1; L. 26 pr. D. 33, 7; L. 242 § 4 D. 50, 16.

⁷⁾ L. 3 § 1 D. 33, 6.

⁸⁾ L. 245 pr. D. 50, 16; L. 12 § 23 D. 33, 7.

назначеніе вещи въ дѣйствительности было осуществлено¹⁾. Принадлежность можетъ быть соединена съ главной вещью (*vineta fide*, напр. колья въ виноградникѣ), но для самого понятія принадлежности этого соединенія не только не требуется, но наоборотъ оно даже не можетъ считаться и признакомъ принадлежности²⁾. Напр. предметы инвентаря, хотя бы и прирѣпленные къ участку, по взгляду римлянъ никогда не считались за принадлежность³⁾. Принадлежности могутъ имѣть какъ недвижимыя вещи, такъ и движимыя, и въ первомъ случаѣ могутъ быть, какъ движимыя, такъ и недвижимыя⁴⁾. Примѣры принадлежности недвижимыхъ вещей: прикупленные участки земли, склады соломы, зерна, не предназначеннаго къ продажѣ. Но скотъ, земледѣльческія орудія, *instrumentum domus*, по взгляду римлянъ на инвентарь, не будутъ составлять принадлежности. Примѣръ принадлежности движимыхъ вещей: ключъ къ замку, и т. п.

Нѣкоторые писатели (напр. *Böcking. Pand. I. § 81* п. 4) не признаютъ принадлежностей движимыхъ вещей. *Остальныя res accessorias*. Сюда относятся прежде всего:

а) Вещи, соединенныя съ другими, такъ что вмѣстѣ образуютъ одно цѣлое.

При вопросѣ о томъ, какую изъ соединенныхъ вещей считать главной, а какую—придаточною, слѣдуетъ обращать вниманіе на то, которая изъ этихъ вещей имѣетъ опредѣляющее значеніе для другой, даетъ названіе, устанавливаетъ сущность цѣлага. Признакъ цѣнности при этомъ не играетъ никакой роли. Такъ пурпуръ на одеждѣ будетъ придаточною вещью. Обыкновенный признакъ придаточности тотъ, что вещь не можетъ существовать безъ другой: *nesesse est ei rei cedi, quod sine illa esse non potest*. Если каждая изъ соединенныхъ вещей можетъ имѣть самостоятельное существованіе, то придаточною будетъ та изъ нихъ, которая служитъ достиженію цѣли другой, напр. ея украшенію⁵⁾. По этому назначенію одна и таже вещь можетъ

¹⁾ L. 17 § 10, 11; L. 18 § 1 D. 19, 1; L. 83 § 5 D. 45, 1 ср. L. 3 § 1 D. 33, 6.

²⁾ L. 17 пр. § 10, 11; L. 18 § 1 D. 19, 1; L. 12 § 25 D. 33, 7.

³⁾ L. 1 пр.; L. 2 § 1 D. 33, 7; L. 14 D. 33, 10.

⁴⁾ L. 20 § 1 D. 8, 5; L. 91 § 4, 5 D. 33 (3).

⁵⁾ L. 19 § 13, 16 D. 34, 2.

быть и главною и придаточною, напр. брилліантъ. Если назначеніе вещи не можетъ рѣшитьъ вопросъ объ ея придаточности, то берутся во вниманіе другіе признаки соединенныхъ вещей, какъ-то величина и даже стоимость. Наконецъ, самъ судья рѣшаетъ вопросъ о придаточности, беря во вниманіе обычное усмотрѣніе и употребленіе *boni patrisfamilias*.

б) Затѣмъ къ *res accessoriae* относятся такія случайныя прибавленія къ вещи, какъ примой, *alluvio*, прибой, *avulsio*, оставленное водою русло рѣки, *alveus derelictus*, островъ выросшій въ рѣкѣ, *insula in flumine nata*, дѣти рабыни, *partus ancillae*, которыхъ изъ уваженія къ человѣческому достоинству римляне не помѣщали среди плодовъ, подобно приплоду отъ животных¹⁾, въ извѣстномъ смыслѣ кладъ, *thesaurus*, опредѣляемый источниками такъ: *thesaurus est vetus quaedam depositio rescipuae, cujus non extat memoria, ut jam dominum non habeat*²⁾. Каждая изъ этихъ придаточныхъ вещей, помимо общихъ началъ прилагаемымъ ко всѣмъ имъ, имѣетъ свое особое правовое положеніе въ ученіяхъ объ отдѣльныхъ институтахъ, въ особенности права собственности.

Далѣе къ *res access.* можно отнести

в) *Иждержки, impensae, sumtus*³⁾. Подъ иждержками разумѣются траты на вещь или совокупность вещей, которыя дѣлаютъ не собственникъ, имѣя эти вещи въ рукахъ. Итакъ необходимый признакъ иждержекъ тотъ, чтобы траты были сдѣланы постороннимъ лицомъ на чужую вещь.

Римляне дѣлятъ всѣ *impensae* на три разряда: *imp. necessariae, utiles* и *voluptariae*, иждержки необходимыя, полезныя и прихотливыя.

1) Подъ необходимыми иждержками Римляне понимали траты, предназначенныя предохранять вещь или совокупность вещей отъ гибели или порчи: *impensae necessariae sunt, quae si factae non sint res aut peritura aut deterior futura sit*⁴⁾. Сюда принадлежатъ траты: на восстановленіе попорченныхъ предметовъ, особенно поправка зданій⁵⁾, на постройку новыхъ не-

¹⁾ § 37 in f. J. 2, 1; L. 68 pr. D. 7, 1.

²⁾ L. 31 § 1 D. 41, 1.

³⁾ Dig. 25, 1 de impensis in res dot. factis. — Leist. Die Impensen въ *ergo Civilistische Studien* H. II p. 1—61.

⁴⁾ L. 79 pr. D. 50, 16; Ulpian fragm. 6 § 15; L. 1 § 1 D. 25, 1.

⁵⁾ L. 1 § 3 D. 25, 1.

обходимыхъ зданій и сооружений¹⁾, на работы по обработкѣ земли²⁾, на лечение рабовъ³⁾, на пропитаніе рабовъ и животныхъ⁴⁾ и т. д.⁵⁾.

2) Подъ полезными издержками разумѣются такія траты, которыя улучшаютъ вещь, иначе — дѣлаютъ собственника богаче: *utiles impensas esse, Fulcinius ait, quae meliorem dotem faciunt*⁶⁾. Сюда относятся напр. всѣ улучшения по обработкѣ земли⁷⁾, размноженіе скота для удобренія полей⁸⁾, обученіе рабовъ разнымъ *artes*⁹⁾ и т. д.¹⁰⁾.

3) Подъ прихотливыми издержками (*imp. voluptariae*) разумѣются траты на удовлетвореніе лишь личнаго вкуса даннаго лица, а слѣдовательно только для личнаго его удовольствія сдѣланныя; таковы напр. прежде всего траты на украшенія, каковыя траты главнымъ образомъ имѣли въ виду римскіе юристы, опредѣляя данный родъ издержекъ, какъ траты, *quae speciem duntaxat ornant, non etiam fructum augent*¹¹⁾, какъ напр. украшеніе мраморомъ, рисунками и т. п.¹²⁾.

Различеніе издержекъ по этимъ тремъ видамъ имѣетъ важное правовое значеніе, а именно при разнообразныхъ случаяхъ, возбуждающихъ вопросъ объ обязанности возмѣстить ихъ.

Наконецъ, самый важный видъ *res accessoriae*.

г) *Плоды* (*fructus*¹³⁾. Слово *fructus* въ римскихъ источникахъ употребляется въ различныхъ значеніяхъ. Различно потому и правовое ихъ положеніе. 1) Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ подъ плодами разумѣются естественныя произведенія другой вещи

¹⁾ L. 1 § 3; L. 12 D. 25 1.

²⁾ L. 1 § 3; L. 3, 12, 14 D. 25, 1.

³⁾ L. 2, 12 D. 25, 1.

⁴⁾ L. 45 D. 7, 1.

⁵⁾ *Leist. cit.* p. 23—25.

⁶⁾ L. 79 § 1 D. 50, 16; *Ulpian. Frag.* 6, 16; L. § 3 D. 25, 1.

⁷⁾ *Ulpian.* 6, 16; L. 6 D. 25, 1.

⁸⁾ L. 14 § 1 D. 25, 1.

⁹⁾ L. 6 D. 25, 1.

¹⁰⁾ *Leist. cit.* p. 28—30.

¹¹⁾ L. 79 § 2 D. 50, 17; L. 13 § 7 D. 7, 1. *Ср. Ulpian.* 6, 17.

¹²⁾ L. 39 § 1 D. 5, 3; L. 7 § 3; L. 13 § 7 D. 7, 1.

¹³⁾ *Dig.* 22, 1 de *usuris et fructibus*; *Cod.* 7, 51 de *fructibus et litium expensis*.—*Heimbach.* Die Lehre von der Frucht. Leipzig 1843.

H. Кремлев. Сепарація какъ способъ приобритенія собственности и т. д. Глава I Понятіе плода (*fructus*). Казань 1868.

Oöppert. Ueber die organische Erzeugnisse. Halle 1869.

(res frugifera), полученные безъ умаленія послѣдней и въ силу ея хозяйственнаго назначенія. Въ этомъ смыслѣ понятіе плода опредѣляется прежде всего тѣмъ признакомъ, что онъ составляетъ естественное произведеніе другой вещи. Поэтому кладъ (thesaurus) не считается плодомъ ¹⁾, какъ не будутъ плодами: alluvio, alveus derelictus, insula in flumine nata. Затѣмъ это произведеніе должно непосредственно происходить изъ опредѣленной вещи. Поэтому не считаются плодами fructuum fructus ²⁾. Далѣе, получка плода не должна умалять субстанціи вещи. Поэтому нельзя разсматривать за плоды: пшчуру и мясо животныхъ ³⁾, буреломъ ⁴⁾, парковые деревья ⁵⁾ и т. п. Наконецъ, плодъ въ тѣсномъ смыслѣ есть произведеніе, полученное изъ вещи въ силу ея хозяйственнаго назначенія. Поэтому римское право не причисляетъ къ плодамъ дѣтей рабыни ⁶⁾.

По всемъ этимъ признакамъ источники причисляютъ къ плодамъ въ тѣсномъ смыслѣ: дѣтенышей отъ животныхъ (овецъ, козъ, коровъ, лошадей и свиней), молоко, волосъ, шерсть; произведенія виноградныхъ, масляныхъ, яблочныхъ и другихъ фруктовыхъ садовъ, овощи, зерновой хлѣбъ, солому, сѣно, яву, тростникъ, деревья, назначенныя для рубки и отопленія (arbores caeduae et cremiales), прутья и вѣтви, употребляемыя для опоры виноградной лозы и другихъ деревьевъ ⁷⁾.

2) Подъ словомъ плоды разумѣются не только естественныя произведенія вещи, но и всякія другія естественныя произведенія, т. е. вообще предметы, образуемые дѣйствіемъ природы. Въ этомъ смыслѣ плодами будутъ: золото, серебро, мѣдъ, желѣзо, мраморъ, камень, сѣра, песокъ, мѣлъ и другія минеральныя произведенія ⁸⁾.

¹⁾ L. 7 § 12 D. 24, 3.

²⁾ L. 8 D. 22, 1; L. 40 § 1 D. 5, 3.

³⁾ L. 30 D. 7, 4.

⁴⁾ L. 12 pr. D. 7, 1; L. 7 § 12 D. 24, 3.

⁵⁾ L. 10, 11, 18 D. 7, 1.

⁶⁾ Quia non temere ancillae ejus rei causa comparantur, ut pariant L. 27 pr. D. 5, 3; L. 28 D. 22, 1; L. 68 pr. D. 7, 1. Ср. Böcking. Pand. I § 79 n. 5, а также Göppert cit. p. 29, 30 и n. 32.

⁷⁾ Кремлевъ cit. стр. 12, 13.

⁸⁾ L. 9 §§ 2, 3; L. 13 § 5 D. 7, 1; L. 7 § 13, 14; L. 8 pr. D. 24, 3; L. 77 D. 50, 16.

Только упомянутыми двумя категориями ограничивается понятие плода въ собственномъ смыслѣ слова, какъ естественныхъ произведеній, *fructus naturales*.

Особенно точно такое ограниченіе понятія *fructus* установлено г. Кремлевымъ (cit). Изъ новѣйшихъ писателей нѣкоторые идутъ еще далѣе, ограничивая понятіе *fructus naturalis* только одной первой категоріей плодовъ (напр. *Baron. Pand. § 41*).

Fructus naturales подраздѣляются на *fructus mere naturales* и *industriales*¹⁾, смотря по тому, произведены они одною силою природы безъ участія человѣка или при участіи его труда.

Указанныхъ признаковъ недостаточно для того, чтобы могло установиться особое правоотношеніе на плодъ, какъ на самостоятельный предметъ. Пока произведеніе соединено съ главной вещью, оно составляетъ часть послѣдней²⁾. Только по отдѣленію оно становится плодомъ въ юридическомъ смыслѣ, какъ самостоятельный предметъ правоотношеній. Способъ отдѣленія безразличен³⁾. Но хотя неотдѣлившееся произведеніе и не считается плодомъ, тѣмъ не менѣе возможность будущаго его значенія, какъ плода, ведетъ къ тому, что на него совершаются уже теперь юридическія сдѣлки на сколько этимъ не придается ему значеніе самостоятельнаго объекта, не разрывается его зависимость отъ судьбы главной вещи⁴⁾. Сдѣлки (напр. купля, залогъ) считаются заключенными на будущую вещь, *res futura*⁵⁾. Отсюда раздѣленіе плодовъ на *fructus pendentes s. stantes*, пока они соединены съ главной вещью и на *fructus separati*, отдѣленные плоды. Тѣ изъ отдѣленныхъ плодовъ, которые кѣмъ либо собраны, поступили во владѣніе, носятъ названіе *fructus percipi s. apprehensi*. Плоды, которые могли и должны были быть получены, *fructus qui percipi potuerunt*, носятъ теперь названіе *fructus percipiendi*. Плоды, находящіеся у извлекающаго ихъ, будутъ *fructus extantes*, наличные плоды, въ отличіе отъ *fructus consumpti*, потребленныхъ плодовъ,

¹⁾ L. 45 D. 22, 1; L. 48 pr. D. 41, 1.

²⁾ L. 44 D. 6, 1; L. 40 D. 19, 1; L. 25 § 6 D. 42, 8; L. 12 § 11 D. 33, 7.

³⁾ L. 48 § 1 D. 7, 1; L. 43 D. 33, 2.

⁴⁾ См. *Кремлевъ* стр. 15—20.

⁵⁾ *Göppert* cit. p. 166.

т. е. не только потребленных въ буквальномъ смыслѣ, но и отчужденныхъ и т. д. ¹⁾). Всѣ эти различія играютъ большую роль при случаяхъ отвѣтственности за плоды.

Подраздѣленіе *fructus* на *fr. ordinarii* и *extraordinarii* теперь оставлено (см. *Böcking Pand.* § 79. § 9).

3) Только въ обширномъ смыслѣ подъ словомъ *fructus* разумѣются тѣ приобрѣтенія, которыя получаются отъ вещи не чрезъ естественное производство, а чрезъ правоотношеніе и притомъ также безъ потери или уменьшенія экономическаго значенія вещи. Плоды такіе принято теперь называть *fructus civiles*. Юридическое ихъ положеніе совсѣмъ иное, чѣмъ положеніе *fructus naturales*. Къ этого рода плодамъ въ особенности относится вознагражденіе, получаемое за предоставленіе другому пользованія вещью, какъ арендная наемная плата ²⁾ и т. п. ³⁾). Сюда же относятся и проценты, *usurae* ⁴⁾, на которыхъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе и по особому правому ихъ значенію и по обширной ихъ примѣнимости во многихъ отдѣлахъ права.

Многіе современные писатели (напр. см. *Göppert cit.* р. 46—49) находятъ неудачнымъ распространеніе выраженія *fructus* на послѣднюю категорію приобрѣтеній отъ вещи, такъ какъ правовое положеніе послѣднихъ совсѣмъ особенное, а общее названіе даетъ основаніе предполагать общія начала и мѣшаетъ раскрытію индивидуальныхъ особенностей той и другой категоріи прибытка. Въ источникахъ есть одно мѣсто Помпонія, которое говоритъ, что: *usura recipiatur, quam recipimus, in fructu non est* (L. 121 D. 50, 16. См. *Кремлевъ cit.* стр. 9—11).

Проценты ⁵⁾, *usurae*, есть плата на извѣстное количество замѣнимыхъ вещей, капиталъ (*res, caput*), извѣстнымъ количествомъ однородныхъ вещей. Итакъ проценты всегда предполагаютъ наличность капитала ⁶⁾). Но наличность капитала сама

¹⁾ По поводу этихъ различій см. *Zrodowski. D. röm. Privatr.* II р. 145 f.

²⁾ L. 36 D. 22, 1; L. 29 D. 5, 3; L. 62 pr. D. 6, 1.

³⁾ L. 29 init. D. 30 (1); I. 7 § 1 D. 24, 3.

⁴⁾ L. 34 D. 22, 1; L. 29 § 2 D. 21, 1.

⁵⁾ Dig. 22, 1 de usuris et fructibus; Cod. 4, 32 de usuris.

⁶⁾ L. 121 D. 50, 16; L. 23; L. 26 § 1 C. 4, 32.

собою не предполагаетъ процентовъ; послѣдніе устанавливаются по особому основанію¹⁾. Такихъ основаній для несенія процентовъ могутъ быть два: правовая сдѣлка и предписаніе закона. Первый видъ процентовъ, *usurage ex obligatione*, можетъ вытекать какъ изъ двусторонней сдѣлки, такъ и изъ односторонняго акта, напр. *pollicitatio*²⁾, *legatum*³⁾. Проценты эти могутъ составлять особый, самостоятельный отъ капитала, предметъ исковаго требованія⁴⁾. Второй видъ процентовъ, *usurage quae officio iudicis praestantur*, устанавливаются закономъ по самымъ разнообразнымъ поводамъ, главнѣйшіе изъ которыхъ слѣдующіе: просрочка по уплатѣ денежнаго долга, вытекающаго изъ *bonae fidei negotium*⁵⁾. Если кредиторами будутъ казна или *minor*, то теченіе процентовъ начинается уже съ момента возможнаго осуществленія обязательственнаго требованія⁶⁾. Обратившіе безъ всякаго права чужія деньги на собственную пользу, или оставившіе ихъ вопреки своей обязанности безъ выгоднаго помѣщенія, напр. опекуны, управители и т. д., не сдѣлавшіе изъ порученныхъ имъ капиталовъ никакого употребленія, отвѣчаютъ за проценты⁷⁾. Далѣе, лица, заправлявшія чужимъ имуществомъ и сдѣлавшія по немъ затраты изъ собственныхъ средствъ, имѣютъ право на возмѣщеніе этихъ затратъ съ процентами⁸⁾ и т. д. Проценты по предписанію закона въ противоположность процентамъ по сдѣлкамъ никогда не могутъ быть самостоятельнымъ предметомъ исковаго требованія; послѣднее всегда должно быть соединено съ требованіемъ капитала⁹⁾.

Въ прежнее время многіе писатели, опираясь на L. 6 pr. D. 22, 1, признавали давность за особое основаніе для несенія процентовъ, такъ что если долгое время будутъ уплачиваться проценты безъ всякаго основанія, то

¹⁾ L. 121 D. 50, 16.

²⁾ L. 10 D. 50, 12.

³⁾ L. 3 § 6 D. 33, 1.

⁴⁾ L. 75 § 9 D. 45, 1; L. 1 C. 3, 1.

⁵⁾ L. 32 § 2 D. 22, 1.

⁶⁾ L. 17 § 5, 6; L. 43 D. 22, 1; L. 3 C. 2, 41.

⁷⁾ L. 17 § 7 D. 22, 1; L. 19 § 4 D. 3, 5; L. 7 § 3; L. 15 D. 26, 7; L. 1 § 1 D. 22, 1; L. 10 § 3 D. 17, 1; L. 7 § 10—12 D. 26, 7.

⁸⁾ L. 12 § 9 D. 17, 1; L. 19 § 4 D. 3, 5.

⁹⁾ L. 49 § 1 D. 19, 1; L. 4 C. 4, 34; L. 13 C. 4, 32.

самая эта уплата будетъ служить основаніемъ для обязанности дальнѣйшей уплаты ихъ. Но теперь общепринято такое толкованіе источниковъ: долгая неосновательная уплата процентовъ служитъ только доказательствомъ существованія главнаго долга и обязанности нести по нему проценты; но это предположеніе можно всегда обезсилить доказательствомъ противнаго (см. подробно у *Sintenis. D. Civilrecht B. 2 p. 91 п. 4*).

Процентные платежи подлежали разнымъ ограниченіямъ. Такъ прежде всего касательно величины процентовъ. Римляне съ древнѣйшихъ временъ принимали мѣры къ ограниченію процентовъ опредѣленнымъ максимумомъ ¹⁾. При Юстиніанѣ ²⁾ такой общей нормой (*usurae legitimae, maximae*) были 6 процентовъ (*dimidia centesima*), но для нѣкоторыхъ случаевъ эта норма уменьшалась, а для другихъ увеличивалась. Такъ сенаторы могли брать по сдѣлкамъ только 4% ³⁾, равно какъ отъ крестьянъ нельзя было требовать болѣе 4%. Съ другой стороны по займамъ другимъ кромѣ денежнаго можно было получать до 12% ⁴⁾, а по торговымъ сдѣлкамъ 8%. *Usurae rei judicatae* и проценты по тратамъ на поправку зданія опредѣлялись закономъ въ размѣрѣ 12% ⁵⁾; въ другихъ же случаяхъ законъ указывалъ на норму 4, какъ то при уплатѣ и возвращеніи приданаго ⁶⁾. И т. д.

Въ періодъ классической юриспруденціи высшими дозволенными процентами были т. наз. *usurae centesima*, т. е. 12%. Названіе это объясняется тѣмъ, что въ это время данные проценты выплачивались по мѣсячно, 1 со ста. Затѣмъ при обозначеніи меньшихъ процентовъ эти *usurae centesima* брались какъ единица подъ именемъ *асса* и затѣмъ указывалась часть этого *асса*, имѣвшаго 12 унцій. Такимъ образомъ 4% назывались *usurae trientes* (*triens=tertia assis=4/12*), 6% — *usur. semisses* (*semis=semissa assis=6/12*), 8% — *usur. beasses* (*bes=bis triens=8/12*) и т.

¹⁾ См. *Streuber. Der Zinsfuß bei den Römern. Basel 1857.*

²⁾ *L. 26 § 1 C. 4, 32; Nov. 34; L. ult. C. 10, 8.*

³⁾ *Ср. L. 4 C. Th. 2, 33.*

⁴⁾ *Ср. L. 1 C. Th. 2, 33; Nov. 32, 1; Nov. 106; Nov. 110.*

⁵⁾ *L. 2 C. 7. 54; L. 4 C. 8, 54.*

⁶⁾ *L. 31 § 2 C. 5, 12.*

д. См. *Danz Gesch. d. röm. Rechts.* 2 Aufl. Leipzig 1873. Theil 2 p. 65 и 67.

Кромѣ опредѣленія высшихъ дозволенныхъ процентовъ источники даютъ еще нѣкоторыя другія положенія, направленныя на ограниченіе процентныхъ платежей. Такъ накопившіеся проценты не должны превышать капиталъ; разъ они сравнятся съ послѣднимъ, то дальнѣйшій счетъ процентовъ останавливается. Проценты не возрастаютъ *ultra alterum tantum, ultra duplum* ¹⁾).

Затѣмъ, римскимъ правомъ запрещалось взимать проценты на проценты ²⁾, т. наз. *anatocismus*, который могъ выражаться въ двухъ видахъ, а именно можно было неуплоченные проценты причислять къ капиталу (т. наз. *anatocismus conjunctus*), или обращать ихъ въ отдѣльный капиталъ, несущій проценты (т. наз. *anatocismus disjunctus* v. *separatus*).

Наконецъ, запрещалось удерживать при выдачѣ занимаемаго слѣдующихъ по нему процентовъ; въ противномъ случаѣ только дѣйствительно выданное изъ имущества кредитора считается занятымъ на проценты ³⁾. Но этимъ не запрещалось выплачивать проценты впередъ, но только поздне, когда заемъ уже вполне осуществился ⁴⁾.

Нарушеніе указанныхъ законоположеній считалось за ростовщичество, *usuraria gravitas*. Выговорившій себя дозволенные проценты не имѣлъ по нимъ иска ⁵⁾, а произведенная уплата ихъ уменьшала самый капиталъ ⁶⁾; если же капиталъ исчерпанъ, то остальная уплата могла быть востребована *condictione ob injustam causam* ⁷⁾. Тѣмъ болѣе можно было востребовать обратно уплоченные проценты по недолжному капиталу, если платившій находился въ извинительномъ заблужденіи ⁸⁾; наоборотъ, уплата процентовъ недолжныхъ, *usurariae indebitae*, по капиталу (напр. при безпроцентномъ займѣ) идетъ

¹⁾ L. 26 § 1 D. 12, 6; L. 10; L. 27 § 1 C. 4, 32.

²⁾ L. 28 C. 4, 32; L. 3 pr. C. 7, 54.

³⁾ L. 26 § 1 C. 4, 32: *interd. licentia etc.*

⁴⁾ L. 57 pr. D. 2, 14; L. 2 § 6 D. 44, 4.

⁵⁾ L. 26 § 1 D. 12, 6; L. 26 § 1; L. 27 § 1 C. 4, 32.

⁶⁾ L. 26 pr. D. 12, 6; L. 18 C. 4, 32.

⁷⁾ Paulus R. S. 2, 14 § 2, 4.

⁸⁾ L. 26 § 2 D. 12, 6.

въ пользу кредитора¹⁾, ибо такая уплата считается за выражение благодарности со стороны должника²⁾.

4) Вещи замѣнимыя, или родовымъ образомъ опредѣленныя, и вещи незамѣнимыя, или индивидуально опредѣленныя, *res fungibiles* и *res non fungibiles*.

При сдѣлкахъ на вещь послѣдняя можетъ быть опредѣлена или индивидуально (напр. *fundus Tusculanus*, *homo Stichus*)³⁾ или указаніемъ на родъ, къ которому она принадлежитъ (*fundus sine propria appellatione*, *homo generaliter sine proprio nomine*)⁴⁾. При опредѣленіяхъ перваго рода источники употребляютъ выраженіе *species*, *certum corpus*, *corpus*, вещь индивидуально опредѣленная, а при опредѣленіяхъ втораго рода говорятъ о *genus* (*incertum corpus*, *quantitas*), родъ, вещи родовымъ образомъ опредѣляемыя⁵⁾. Послѣднія могутъ быть двухъ видовъ, а именно: отдѣльные представители даннаго рода могутъ различаться по качествамъ и цѣнѣ (лошадь), могутъ быть и вполне равны въ этихъ признакахъ всѣмъ остальнымъ представителямъ рода. Таковыми будутъ по своей природѣ вещи, которыя въ сдѣлкахъ опредѣляются только по измѣренію (вѣсомъ, счетомъ, мѣрой, *res, quae ponderis, numeri, mensura consistunt*)⁶⁾ на томъ основаніи, что не индивидуальность ихъ, а лишь количество и качество опредѣляютъ ихъ стоимость и при равномъ количествѣ и качествѣ стоимость въ обращеніи будетъ одна и таже; почему они и могутъ быть замѣняемы одна другой⁷⁾. Таковы въ особенности деньги (*rescilia*, *nummi*, назыв. *aes signatum*)⁸⁾. Римляне выражались о такихъ вещахъ, какъ о *res quae in genere suo functionem recipiunt per solutionem magis*

¹⁾ L. 26 pr. D. 12, 6.

²⁾ См. *Vangerow*. Pand. 1 § 76 Anm. 2.

³⁾ L. 74 D. 45, 1.

⁴⁾ L. 75 § 1 D. 45, 1.

⁵⁾ L. 54 pr.; L. 85 § 3 D. 45, 1; L. 30 pr.; L. 34 § 3, 4; L. 51 D. 30 (1); L. 6 pr. D. 6, 1; L. 1 § 7 D. 35, 2; L. 2 pr. D. 12, 1; L. 87 pr. D. 31; L. 94 § 1 D. 46, 3.

⁶⁾ L. 1 § 7 D. 35, 2; L. 30 pr.; L. 34 § 6 D. 30 (1); L. 42 D. 23, 3; L. 1 § 2 D. 44, 7.

⁷⁾ L. 34 § 3 D. 30 (1); L. 7 pr. D. 44, 2.

⁸⁾ L. 159, D. 50, 16.

quam specie¹⁾). Отсюда съ 16-го вѣка²⁾ создали терминъ *res fungibiles*, теперь въ большинствѣ³⁾ учебниковъ переводимый словами замѣнимыя вещи. Конечно, понятіе замѣнимыхъ и незамѣнимыхъ вещей относительное. Въ частномъ случаѣ незамѣнимая вещь можетъ быть разсматриваема какъ замѣнимая (см. выше примѣръ) и на оборотъ замѣнимая вещь можетъ составлять объектъ сдѣлки, какъ вещь незамѣнимая⁴⁾ (напр. стипуляція о *vinum, oleum, triticum, quod in horreo est*).

Юридическое значеніе разсмотрѣннаго дѣленія то, что извѣстныя права могутъ быть устанавливаемы только на незамѣнимыя вещи, какъ-то владѣніе и вещныя права, другія — только на замѣнимыя, какъ напр. заемъ⁵⁾. Кромѣ обязательственныхъ правъ замѣнимыя вещи могутъ составлять объектъ отказовъ⁶⁾, а до Юстиніана и семейно-имущественныхъ отношеній⁷⁾. Юридическое положеніе вещей замѣнимыхъ выражается правиломъ: *genus regit non potest*, т. е. родовымъ образомъ опредѣленная вещь не подлежитъ юридическимъ послѣдствіямъ уничтоженія данныхъ представителей рода.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ дѣленіи вещей, упоминаемомъ уже XII таблицами⁸⁾ и извѣстномъ еще Юстиніанову праву, хотя въ это время оно и потеряло уже свое положительное значеніе, а именно дѣленіе на

5) *Res mancipi* и *res nec mancipi*⁹⁾. Раздѣленіе это объимаетъ не только вещи, но вообще всѣ правовые объекты¹⁰⁾ и основывается на способахъ ихъ пріобрѣтенія¹¹⁾. Подъ *res man-*

¹⁾ L. 2 § 1 D. 12, 1.

²⁾ Savigny Syst. 6 § 268 n. a p. 123.

³⁾ Справ. Savigny. Syst. 6 § 268. n. b.

⁴⁾ L. 2 § 1; L. 53 pr.; L. 117 D. 45, 1; L. 37 pr.; L. 110 D. 30 (1) L. 24 D. 16, 3; L. 30 § 6; L. 31 § 4 D. 30 (1); L. 37 D. 45, 1.

⁵⁾ Pr. J. 3, 14.

⁶⁾ Gajus 3, 175.

⁷⁾ Ulpian. 6, 8.

⁸⁾ Gajus 2, 47; Fragm. Vatic. 50.

⁹⁾ Болѣе новая литература по различію *res mancipi* и *nec mancipi* у *Münderloh*. Aus der Zeit d. Quiriten p. 59—65 и *Montanari* въ *Archivio giuridico* X p. 351 и слѣд.

¹⁰⁾ *Zrodowski*. Röm. Privatr. 2 p. 21.

¹¹⁾ *Asaresuche*. Пэтриція и Плебей т. 2 стр. 155 прим. 2.

сірі разумѣлись предметы, на которыхъ права устанавливались по *мансіратіо* ¹⁾, а подъ *res nec мансірі* всѣ прочіе предметы. На послѣдніе могло быть установлено полное право собственности по простой *traditio* ²⁾. Къ *res мансірі* источниками причисляютъ слѣдующіе роды предметовъ: а) рабы, *мансірія* ³⁾; б) *quadrupedes quae collo dorsove domantur*, т. е. четвероногія рабочія и вьючныя животныя, но только если они не принадлежатъ къ числу *bestiae*. Поэтому *boves, equi, asini, muli* будутъ *res мансірі* и не будутъ ими верблюды, слоны, хотя они и употреблялись какъ вьючныя и рабочія животныя, но считались въ числѣ *bestiae* ⁴⁾. в) Всѣ *praedia in italico solo* ⁵⁾ и г) нѣкоторыя права, какъ то: *jura praediorum rusticorum*, т. е. деревенскіе сервитуты, какъ напр. сервитутъ прохода, водопровода и т. п. ⁶⁾; три вида семейныхъ властей, *potestas, manus, мансіріум*, *familia*, т. е. имущество гражданина, какъ предметъ его завѣщательнаго распоряженія ⁷⁾.

Различіе между *res мансірі* и *nec мансірі* было окончательно уничтожено Юстиніаномъ (531 г.) ⁸⁾.

¹⁾ Ulpian. 19, 3.

²⁾ Gajus 2, 19.

³⁾ Ulpian. 19, 1; Gajus 2, 15; 1, 120.

⁴⁾ Ulpian. 19, 1; Gajus 2, 16; L. 2 § 2 D. 9, 2.

⁵⁾ Ulpian. 19, 1; Gajus 2, 27.

⁶⁾ Ulpian. 19, 1; Gajus 2, 17.

⁷⁾ Gajus 2, 102, 104; Ulpian. 20, 2.

⁸⁾ L. un. in f. C. 7, 1.

Соучастіе и представительство.

Литература: Savigny. System d. heutigen römischen Rechts III § 113.

Савиньи. Обязательственное право. Москва 1876 стр. 369.

Бухка. Die Lehre von der Stellvertretung bei Eingehung von Verträgen. Rostock 1852.

Ihering. Mitwirkung für fremde Rechtsgeschäfte въ Gesammelte Aufsätze. Jena 1881 p. 122—290.

Пересцовъ. Понятіе добровольнаго представительства въ гражданскомъ правѣ. Москва 1878.

Обыкновенно лице, владычающее свою волю въ установленіе правоотношенія, становится и правовымъ субъектомъ по немъ. Но I. въ иныхъ случаяхъ участія нѣсколькихъ лицъ при установленіи правоотношенія правовыя послѣдствія послѣдняго обращаются не ко всемъ участвующимъ. Дѣятельность остальныхъ мы называемъ *соучастіемъ*, а самихъ лицъ соучастниками. II. Въ другихъ случаяхъ юридическая сдѣлка, заключаемая однимъ лицомъ въ правовыхъ послѣдствіяхъ вся обращается на лице непринимавшее участіе при ея заключеніи, такъ что контрагентомъ и правовымъ субъектомъ по сдѣлкѣ являются не одни и тѣже лица. Въ этихъ случаяхъ мы говоримъ о *представительствѣ*, представителяхъ.

I. Соучастіе.

Въ соучастіи слѣдуетъ различать двѣ категоріи случаевъ. а) Подъ юридическимъ соучастіемъ разумѣется выполненіе однимъ лицомъ при заключеніи другимъ сдѣлки такихъ юридическихъ дѣйствій, которыя по положительному праву признаются необходимыми для дѣйствительности сдѣлки. Итакъ, характерныя признаки этого соучастія слѣдующіе: дѣйствія соучастника являются дополняющими къ дѣйствию контрагента и какъ признанныя необходимыми для дѣйствительности сдѣлки они

обуславливаютъ эту дѣйствительность вмѣстѣ съ дѣйствіемъ контрагента, такъ что ни дѣйствіе контрагента, ни дѣйствіе соучастника сами по себѣ не въ состояніи вызвать акта къ жизни. Затѣмъ, послѣдствія акта не касаются соучастника. Наконецъ, соучастіе выражается въ совершеніи *юридическихъ* дѣйствій, а поэтому отъ соучастника требуется известная дѣеспособность¹⁾. Къ случаямъ такого рода соучастія относится предписываемое закономъ присутствіе нѣкоторыхъ лицъ при совершеніи сдѣлки, какъ необходимое условіе ея дѣйствительности, какъ напр. *solemnitatis testes*; затѣмъ, согласіе нѣкоторыхъ лицъ при заключеніи сдѣлки, какъ-то согласіе опекуна, попечителя, отца (напр. при займѣ сына) и т. д.

б) Въ отличіе отъ такого соучастія, которое можно назвать *необходимымъ*, какъ закономъ предписаннаго, соучастіе, не обуславливающее юридическую дѣйствительность сдѣлки, а служащее только доказательству ея совершенія (напр. свидѣтельство ради доказательства *Beweiszeugen*), можно назвать *добровольнымъ* или *свободнымъ* соучастіемъ. Отъ соучастниковъ этой категоріи не требуется особенной дѣеспособности.

II. Общее понятіе представительства.

Подъ представительствомъ въ техническомъ смыслѣ разумѣется такой правовой институтъ, который характеризуется фактомъ совершенія однимъ лицомъ юридическаго акта отъ имени другаго такъ, что всѣ права и обязанности непосредственно устанавливаются въ лицѣ послѣдняго. Первое лице называется представителемъ, второе—принципаломъ.

Итакъ главные общіе признаки представительства слѣдующіе два: а) въ представительствѣ юридическій актъ совершается однимъ лицомъ, а правовымъ субъектомъ по немъ является другое лицо, т. е. по сдѣлкѣ, заключенной чрезъ представителя контрагентомъ и правовымъ субъектомъ являются не одни и тѣже лица; б) послѣдствія акта устанавливаются *непосредственно* принципалу, не останавливаясь въ лицѣ представителя.

а) Въ представительствѣ самое существованіе акта опредѣляется волею не того лица, которое будетъ субъектомъ правъ и обязанностей по нему, а волею другаго лица, представителя.

¹⁾ *Нерсесовъ* *cit.* стр. 21—23.

Совершенство юридической сдѣлки есть актъ рѣшенія воли представителя, его личное дѣло. Если онъ и руководится въ большинствѣ случаевъ, приступая къ совершенію акта, инструкціей принципала, то тѣмъ не менѣе въ данную сдѣлку онъ вкладываетъ свою свободную волю; инструкція же выражаетъ только намѣреніе принципала вступить въ сдѣлку, а не самое вступленіе, которое есть дѣло представителя; почему болѣе или менѣе общая или специальная форма инструкціи не имѣетъ никакого значенія для дѣйствительности сдѣлки. Этимъ признакомъ представительство отличается отъ тѣхъ случаевъ, когда существованіе сдѣлки опредѣляется волею самаго принципала, но объявленіе этой воли предоставляется другому лицу, которое является простымъ органомъ объявленія чужаго рѣшенія. Такое представительство можно назвать фактическимъ въ отличіе отъ опредѣленнаго выше, юридическаго представительства. Самый обыкновенный видъ фактическаго представителя есть т. н. нунцій, посолъ, котораго иногда весьма трудно отличить отъ представителя. Въ основу различенія слѣдуетъ брать признакъ воли, опредѣляющій бытѣ сдѣлки. Если это будетъ воля принципала, то онъ же является и контрагентомъ, а посредникъ нунціемъ, хотя бы послѣдній и участвовалъ своей волей въ опредѣленіи отдѣльныхъ условій сдѣлки. Наоборотъ, посредникъ, опредѣляющій своей волею бытѣ сдѣлки, хотя бы всѣ ея условія были предписаны инструкціей принципала, — будетъ представителемъ.

По вопросу о различеніи нунція отъ представителя въ наукѣ большое разногласіе (болѣе толковое изложеніе возрѣній имѣемъ въ нашей литературѣ у *Нерсесова* сит стр. 8—21), которое однако въ послѣднее время склонно разрѣшиться въ пользу одного общаго положенія. Въ римскихъ источникахъ значеніе нунція нерѣдко отождествляется съ значеніемъ простаго письма (L. 2 § 2 D. 44, 7: *unde inter absentes quoque talia negotia contrahuntur: veluti per epistolam, vel per nuntium*. Тоже въ L. 1 § 1 D. 17, 1; L. 1 § 2 D. 18, 1; L. 2 пр. D. 2, 14). И вотъ одинъ новѣйшій писатель (*Ihering op. c.*), опираясь на источники, различаетъ нунція отъ представителя по характеру его дѣятельности при совершеніи юридическаго дѣйствія. Въ каждомъ такомъ юридическомъ дѣйствіи онъ различаетъ чисто юри-

дическій элементъ отъ фактическаго. Первый — необходимое предположеніе юридической сдѣлки, какъ производящій правовыя послѣдствія, второй — безразличенъ для ея существа. Лице, выполняющее за другого юридическій элементъ сдѣлки будетъ представителемъ, а выполняющій фактическій элементъ — нунціемъ. Противъ этого возрѣнія вполнѣ правильно возражали (*Unger. System d. oesterr. Privatr. II § 90, № 3; Laband. Die Stellvertretung nach D. H. G. B. вѣ Zeitschr. für d. gesammte Handelsrecht Bd. X p. 189 sq.*), говоря, что значеніе того и другого элемента въ юридическомъ дѣйствіи весьма различно въ отдѣльныхъ случаяхъ: иногда фактическая сторона является съ характеромъ необходимаго элемента для даннаго юридическаго акта (напр. дѣятельность писца при составленіи духовнаго завѣщанія) и наоборотъ юридическій элементъ иногда имѣетъ только фактическое значеніе (напр. воля, невыраженная въ требуемой формѣ). Держась необходимаго предположенія всякой юридической сдѣлки, воли, мы легко объясняемъ себѣ представленіе римскихъ юристовъ о нунціѣ. Изъ сопоставленія его съ письмомъ слѣдуетъ, что нунціѣ является простымъ органомъ чужой воли, направленной на одно изъ измѣненій въ сферѣ правоотношеній, т. е. главнымъ образомъ на установленіе и прекращеніе правоотношеній, тогда какъ представитель опредѣляетъ эти измѣненія своею собственною волею. Теперь можно считать это основное различіе за господствующее. (Изъ спец. труд. см. *Laband cit. p. 189—193; Zimmermann. Die stellvertretende Negotiorum gestio p. 24; Curtius вѣ Archiv f. civil. Praxis 58 p. 71—75.*)

Споръ идетъ только о признакахъ, по которымъ въ каждомъ случаѣ можно распознать нунціа въ отличіе отъ представителя. Старая доктрина, глоссаторовъ, полагала, что если принципаломъ непредоставлено было посреднику ничего на личное его усмотрѣніе при заключеніи сдѣлки, то мы имѣемъ дѣло съ нунціемъ, въ противномъ случаѣ съ представителемъ (см. *Вичка cit. p. 122, 123, 135*). Очевидно, мы имѣемъ, тутъ строгое приложеніе выше приведенныхъ выраженій источниковъ, которые ясно опредѣляютъ роль нунціа въ томъ чтобы онъ довелъ волю принципала до свѣдѣнія противной

стороны, каковую роль может принципалъ предоставить и письму, рупору и всякому другому средству сообщенія. Воззрѣніе это, принятое нѣкоторыми и новѣйшими писателями (см. напр., кромѣ Ihering'a оп. с. еще Platner въ Archiv für civil. Praxis Bd. 50 p. 235; Canstein въ Zeitschr. f. d. privat u. öffentl. Recht. d. Gegenw. Bd. III p. 678); въ своемъ практическомъ приложеніи нерѣдко можетъ поставить въ затрудненіе, указанное уже Савиньи (Обязательственное право стр. 372). Между такими случаями, когда посредникъ передаетъ, какъ простой органъ, волю принципала и тѣми случаями, когда посредникъ заключаетъ самъ сдѣлку, лежитъ масса переходныхъ ступеней, на которыхъ весьма трудно, не вооружась предварительно теоретическимъ началомъ, отмѣтить характеръ посредника. Такъ, если принципалъ опредѣлилъ самъ объекты купли-продажи, опредѣлилъ приблизительно и цѣну ихъ и затѣмъ отправилъ третье лице за этими вещами, предоставивъ на его усмотрѣніе выборъ ихъ и ближайшее опредѣленіе цѣны, то никто не скажетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ представителемъ, такъ какъ сдѣлка въ своемъ существованіи опредѣлена волею самого принципала, а не посредника. Савиньи самъ, выходя изъ подобныхъ случаевъ, пришелъ къ заключенію, что контрагентомъ сдѣлки будетъ всегда самъ принципалъ, а поэтому между нунціемъ и представителемъ по признаку воли нѣтъ никакого различія. Оба они только переносятъ волю принципала, т. е. и воля представителя имѣетъ лишь настолько значенія, насколько она согласна съ волею принципала. Значитъ, источникъ правовыхъ послѣдствій будетъ всегда воля представляемаго (Обязат. право § 57). Мнѣніе Савиньи для современныхъ правъ поддерживаютъ и другіе ученые (напр. *Ruhstraf. Ueber Savigny's Lehre von der Stellvertretung* p. 21, 42 и *Fr. Hellmann. Die Stellvertretung in Rechtsgeschäften*. München 1882 p. 9, 18, 19, 21, 24). Въ подтвержденіе указываютъ на выраженія источниковъ, изъ которыхъ слѣдуетъ, что дѣйствія какъ посла, такъ представителя рассматриваются какъ дѣйствія самого принципала: *per alium renuntiare, administrare, vendere, emere, petere, postulare, contrahere* и т. д. Но при этомъ прихо-

дится статья въ затрудненіе предѣ такъ наз. законнымъ представительствомъ (напр. опекуна), при которомъ о воли принципала не можетъ быть и рѣчи. Остается поэтому прибѣгать къ такому объясненію этого случая, будто на основаніи предписанія закона устанавливается фикція, что законный представитель дѣйствуетъ какъ-бы на основаніи воли представляемаго (Hellmann cit. p. 25). Оттого, не допуская въ свободномъ представительствѣ смѣшенія на мѣренія заключать сдѣлку и самое заключеніе ея, мы по поводу послѣдняго различаемъ случаи, когда принципаль самъ заключаетъ сдѣлку непосредственно, своею волею, отъ тѣхъ случаевъ, когда ее заключаетъ посредникъ своею волею. Въ первой категоріи случаевъ посредникъ можетъ быть только органомъ воли принципала. Этого характера онъ не лишается, какъ мы видѣли, и тогда, когда ему предоставлено на усмотрѣніе опредѣлить нѣкоторыя статьи совершаемаго акта. Однимъ словомъ, большая или меньшая свобода по порученію не опредѣляетъ различія нунція отъ представителя (см. также Ulrian. L. 1 § 1 D. 3, 3). Но практическіе примѣры даютъ намъ и вѣрный признакъ для различенія характера посредника. Какъ бы много ни было предоставлено на усмотрѣніе послѣдняго при совершеніи сдѣлки, но если не онъ опредѣлитъ своею волею существованіе сдѣлки, то мы имѣемъ дѣло съ нунціемъ, въ противномъ случаѣ съ представителемъ, хотя бы порученіе въ послѣднемъ случаѣ было самое специальное.

б) Необходимый признакъ представительства тотъ, чтобы послѣдствія сдѣлки *непосредственно* относились къ лицу принципала, т. е. чтобы дѣйствіе и послѣдствія рождались въ субъективномъ отношеніи тотчасъ же при самомъ совершеніи акта. Поэтому не будетъ собственно представительствомъ тотъ случай, когда въ лицѣ контрагента устанавливаются всѣ правовыя послѣдствія, которые онъ затѣмъ особымъ актомъ переноситъ на другое лицо¹⁾. Здѣсь дѣйствія и послѣдствія не расходятся, но только въ силу особаго правоотношенія послѣдніа

¹⁾ L. 1 35 § 2 D. 45, 1; L. 59 D. 41, 1; L. 13 § 2 D. 41, 3; L. 7 § 2 D. 41, 4; L. 3 C. 7, 10—L. 8 § 10 D. 17, 1 ср. L. 45 pr. D. 17, 1.

переносятся не къ тому лицу, которое установило ихъ по акту въ своемъ лицѣ. Тутъ нѣтъ разницы съ тѣми случаями, когда вообще переносятся уже прибрѣтенныя права. Предварительное соглашеніе на такой переносъ не можетъ имѣть вліянія на самый смыслъ сдѣлки въ субъективномъ отношеніи.

Въ наукѣ нерѣдко дѣлаютъ различіе между *непосредственными* или *прямыми* представительствомъ (*unmittelbare, directe Stellvertretung*) и *посредственными* или *косвенными* представительствомъ (*mittelbare, indirecte Stellv.*). Въ первомъ случаѣ сдѣлка заключается отъ имени принципала, во второмъ представитель совершаетъ юридическое дѣйствіе отъ своего имени, и въ обоихъ случаяхъ, думаютъ, мы имѣемъ дѣло съ представительствомъ. Въ нашей литературѣ этотъ взглядъ отстаиваетъ г. *Гордонъ* (Представительство въ гражданскомъ правѣ. Спб. 1879 стр. 19—35), который видитъ въ такъ названномъ имъ *одностороннемъ* представителѣ настоящаго представителя. Въ новѣйшей литературѣ см. *Schlossmann, Der Besitzerwerb durch Dritte. Leipzig 1881* § 2 — 6. Но масса другихъ писателей не признаютъ въ этихъ посредникахъ (*Zwischenperson, Ersatzmann, Interessenvertreter* и т. п.; по римск. источникамъ они подходили подѣ понятіе посредниковъ, *persona interposita* (L. 18 D. 23, 1; L. 5 § 2 D. 24, 1; L. 4 D. 30, 5) въ обширномъ смыслѣ слова) представителей въ собственномъ смыслѣ слова (напр. *Unger Oesterr. Priv. R. § 90; Brinz Pand. § 368, 2 и § 371, 4; Laband* р. 208 и др.). Дѣйствительно, такой посредникъ со стороны формальнаго дѣйствія права никомъ образомъ не будетъ представителемъ. Изъ того что въ дальнѣйшемъ движеніи установившагося правоотношенія экономическіе результаты его перейдутъ на другое лицо нельзя въ первоначальномъ дѣйствіи посредника видѣть актъ представительства (*Gareis. Die Verträge zu Gunsten Dritter* р. 14 и 17) тѣмъ болѣе, что *юридически* невозможно различать дѣйствія такого посредника по предварительному соглашенію съ принципаломъ (т. наз. *procurator, mandatarius* L. 1 pr. § 1 D. 3, 3) отъ дѣйствій всякаго другаго лица, которое поздѣе рѣшается перенести результаты своего правоотношенія кому либо другому.

Разсматриваемый признак обязывает насъ также строго отличать представительство отъ договоровъ въ пользу третьихъ лицъ¹⁾. Въ послѣднихъ случаяхъ ни одинъ изъ контрагентовъ не заступаетъ какого либо третьяго лица ; но только въ самомъ соглашеніи на имя самихъ контрагентовъ высказывается однимъ изъ нихъ воля, чтобы третье лицо приобрѣло изъ него опредѣленное право. Такимъ образомъ различіе отъ представительства сводится къ тому, что представитель ведетъ чужое дѣло, заключаетъ сдѣлку отъ имени принципала ; совершающій же договоръ въ пользу третьяго ведетъ свое собственное дѣло и отъ собственного имени. Поэтому въ первомъ случаѣ юридическія послѣдствія сдѣлки осуществляются только между двумя лицами ; тогда какъ договоръ въ пользу третьяго лица осуществляется всегда при участіи трехъ лицъ. Затѣмъ, при представительствѣ дѣйствительность сдѣлки для принципала опредѣляется его волею (полномочіемъ), тогда какъ дѣйствительность договора въ пользу третьяго опредѣляется лишь волею самихъ контрагентовъ ; согласіе же третьяго лица не играетъ тутъ никакого значенія²⁾.

Теоретическое обоснованіе представительства.

Нормально всякое юридическое дѣйствіе проявляетъ правовыя послѣдствія въ лицѣ самаго контрагента. Поэтому свободное представительство является въ правовой сферѣ явленіемъ аномальнымъ, требующимъ своего обоснованія. Выходя изъ установленнаго выше различенія контрагента, каковымъ будетъ представитель, и правового субъекта, каковымъ будетъ принципалъ, мы представляемъ себѣ дѣло такъ. Представитель опредѣляетъ своею волею существованіе сдѣлки, но юридическія послѣдствія этой сдѣлки относятся къ лицу принципала такъ, какъ будто они опредѣлились его волею. Такимъ образомъ существованіе и составъ сдѣлки обсуждаются по лицу представителя, а права и обязанности изъ нея по лицу принципала. Однимъ словомъ, въ представительствѣ мы имѣемъ одно изъ приложений юридической фикціи.

¹⁾ *Gareis. Die Verträge zu Gunsten Dritter. 1873.*

²⁾ *Нерсесов cit. стр. 64, 65.*

Вопросъ объ основаніи представительства весьма споренъ въ наукѣ (см. *Нерсесовъ cit.* стр. 81—87; *Казанцевъ. Ученіе о представительствѣ въ гражд. правѣ. Ярославль 1879* стр. 102—113). Писатели, держащіеся тождества представителя съ нунціемъ (см. выше) вовсе избѣгаютъ этого вопроса, такъ какъ по ихъ взгляду контрагентомъ и правовымъ субъектомъ будетъ одно и то же лицо, принципаль. Такое же отношеніе къ вопросу и тѣхъ писателей, которые допускаютъ различіе между нунціемъ и представителемъ, но контрагентомъ считаютъ представляемаго; а потому, напр., отъ представителя не требуютъ дѣеспособности (*Hellmann cit.* с. X). Господствующее же ученіе держится теоріи юридической фикціи (*Buchka cit.* §§ 19 и 21; *Laband cit.* р. 225; *Gareis cit.* § 5 р. 15; и учебники Унгера, Виндшейда и т. д.), хотя въ развитіи этой теоріи отдѣльные писатели нерѣдко расходятся. Но и противъ самой основы этого воззрѣнія, фикціи, раздается немало голосовъ (у насъ г. *Нерсесовъ cit.* стр. 84—86); въ замѣну же фикціи единственной основой данной аномаліи выставляютъ санкцію положительнаго права. Намъ казалось (Временникъ Демидовъ. Юрид. Лицея 1878 стр. 6, 7), что такая санкція въ свою очередь выражаетъ извѣстную конструкцію правовыхъ отношеній по извѣстному исходному логическому основанію. Последнее же будетъ одно и то же, что и при конструкціи юридическихъ лицъ, а именно фикція. Положительное право относитъ правовыя послѣдствія сдѣлки къ лицу, не участвовавшему въ ея заключеніи такъ какъ будто оно принимало въ послѣднемъ прямое и исключительное участіе, т. е. распространяетъ положенія права, установленныя для опредѣленной категоріи обстоятельствъ, на обстоятельства первоначально ими непредусмотрѣнныя. Такое же распространеніе и имѣетъ въ своей основѣ фикцію.

Допустимость представительства въ римскомъ правѣ.

Представительство, какъ мы видѣли, основано на такомъ тонкомъ правовомъ мышленіи, что трудно представить знакомство съ нимъ въ болѣе или менѣе раннюю эпоху быта. Дѣйствительно, основнымъ общимъ правиломъ римскаго права еще

въ юстиніановыхъ сводахъ было то, что только самъ контрагентъ могъ быть и правовымъ субъектомъ изъ сдѣлки.

Gajus 2 § 95. Ex his apparet, per liberos homines... nulla ex causa adquiri posse, et hoc est, quod dicitur: per extraneam personam nihil adquiri posse § 5 I. 2, 9.—*Paulus* Rec. Sent. 5, 2 § 2: Per liberas personas... acquiri nobis nihil potest.—L. 1 C. 4, 27: Per liberam personam... nihil acquiri posse, indubitati juris est.—Nec paciscendo nec legem dicendo nec stipulando quisquam alteri cavere potest (L. 73 § 4 D. 50, 17). И это правило мотивировалось такимъ образомъ: tibi non vis nec illi potes (L. 6 C. 4, 50; L. 26 C. 5, 12). L. 11 D. 44, 7; L. 5 § 6 D. 13, 5, и мног. друг. См. *Казанцевъ*. Свободное представительство въ рим. гражд. правѣ. Кіевъ 1884 отъ стр. 9.

По этому въ Римѣ воспользоваться изъ сдѣлки посторонняго свободнаго лица по правилу можно было только косвеннымъ путемъ: прокуратор устанавливалъ въ своемъ лицѣ права и обязанности изъ сдѣлки съ третьимъ лицомъ, т. е. былъ не только контрагентомъ, но и правовымъ субъектомъ; затѣмъ уже онъ обязанъ былъ въ силу мандата передать принципалу приобрѣтенное отъ сдѣлки съ третьимъ или уступить противъ послѣдняго свой искъ на выполненіе сдѣлки; принципалъ же возмѣщалъ прокуратору принятыя имъ на себя обязанности и всѣ понесенныя убытки¹⁾. Кроме того каждому римскому гражданину открыта была возможность вступать въ правоотношенія съ третьими лицами чрезъ посредство подчиненныхъ его власти, рабовъ и сыновей (см. ниже). — Но рано или поздно пути эти должны были оказаться недостаточными. Развившійся и усложнившійся гражданскій оборотъ давалъ чувствовать необходимость въ установленіи непосредственныхъ отношеній между представляемымъ и третьимъ лицомъ. Къ этому вызывалъ интересъ прежде всего самого представляемаго, который часто долженъ былъ сознавать непрочность устанавливаемыхъ правоотношеній, когда между нимъ и третьимъ лицомъ стоялъ посторонній человекъ. Но еще болѣе сознавать эту непрочность должно было третье лицо, включавшее сдѣлку съ прокураторомъ, который весьма часто

¹⁾ L. 8 § 10; L. 10 § 2; L. 43; L. 45 pr. § 5 D. 17, 1; L. 1 § 18. D. 14, 1.

могъ быть безъ всякихъ средствъ или даже просто заведомо несостоятельнымъ. Къ тому же не всякій гражданинъ могъ располагать услугами рабовъ или *filii familias*. И вотъ подъ давленіемъ жизненныхъ потребностей начинаютъ смягчать строгія послѣдствія основнаго начала, а для отдѣльныхъ видовъ правъ допускать и полное изъятіе изъ правила.

Прежде всего преторскій эдиктъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставлялъ контрагенту прокуратора право иска не только противъ послѣдняго, но и противъ самого принципала. Это было въ слѣдующихъ случаяхъ: а) Третье лицо, вступившее въ какую либо сдѣлку съ управителемъ корабля (*magister navis*) по поводу довѣреннаго ему снарядившимъ корабль (*exercitor navis*) дѣла (напр. по поводу починки корабля, прокормленія экипажа и т. д.) имѣлъ право иска не только противъ управителя, но и противъ самого принципала (т. наз. *actio exercitoria*)¹⁾. б) Тоже самое было въ тѣхъ случаяхъ, когда поручалось кѣмъ либо (граеропенъ) постороннему лицу, рабу или сыну завѣдывать какою либо отраслью промышленности²⁾ (*institor*) и этотъ послѣдній вступалъ съ третьимъ лицомъ въ сдѣлку въ кругѣ порученнаго ему дѣла. Третье лицо пріобрѣтало право иска не только противъ инститора, но и противъ самаго принципала (т. наз. *actio institoria*)³⁾. Это начало римское правовѣднiе мало по малу распространило на всѣ тѣ случаи, когда довѣренное лицо вступало въ сдѣлку съ третьимъ согласно порученію. Искъ по всякой такой сдѣлкѣ третье лицо могло вчинить и противъ принципала, какъ *actio utilis* или *quasi-institoria*, т. е. *ad exemplum institoriae actionis*⁴⁾. Съ другой стороны права, которыя устанавливались прокуратору, принципалъ могъ осуществить только по уступкѣ этимъ послѣднимъ иска противъ третьяго лица, т. е. *actione cessa*. Но въ крайнемъ случаѣ, напр. если прокураторъ отказывался уступить искъ или отсутствовалъ, принципалу предоставлено было право прямого обращенія къ третьему лицу съ *actio utilis*⁵⁾.

¹⁾ L. 1 pr. § 1—3, § 6—12, 15, 17, 24 D. 14, 1; § 2 J. 4, 7.

²⁾ L. 3, 4, 5 pr. § 1—10; L. 18 D. 14, 3.

³⁾ § 2 J. 4, 7; L. 5 § 11—16; L. 17 pr. D. 14, 3; L. 1 C. 4, 25.

⁴⁾ L. 19 pr.; L. 16 D. 14, 3; L. 13 § 25 D. 19, 1; L. 5, 6 C. 4, 25.

⁵⁾ L. 1, 2 D. 14, 3; L. 1 § 18 D. 14, 1; L. 13 § 25 D. 19, 1; L. 5 D. 46, 5.

Но все это еще не было представительствомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Такъ третье лице, имѣя право предъявлять искъ прямо къ принципалу, не лишалось возможности обратиться съ искомъ по прежнему къ прокуратору ¹⁾). Что же касается *actio utilis* принципала, то въ немъ слѣдуетъ видѣть средство осуществленія не собственнаго требованія принципала, а чужаго требованія ²⁾), такъ какъ по общему началу римское право не допускало сингулярнаго преемства. Итакъ права и обязанности, которыя въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ могли осуществляться противъ принципала и принципаломъ противъ третьяго лица, устанавливались въ лицѣ прокуратора. Поэтому же на искъ принципала третье лице могло предъявить возраженія по лицу прокуратора ³⁾). Итакъ прямаго представительства въ данныхъ случаяхъ видѣть еще нельзя; хотя въ результатахъ достигаемыхъ этими исками легко должно было зародиться сознаніе о непосредственныхъ прямыхъ отношеніяхъ между третьимъ лицомъ и принципаломъ. И дѣйствительно, на разсмотрѣнныхъ смягченіяхъ основнаго начала римское право не остановилось; а именно, для цѣлыхъ категорій правъ было допущено настоящее прямое представительство. Прежде всего римское право признало представительство въ тѣхъ чисто фактическихъ отношеніяхъ, которыя по своей природѣ легко могли быть устанавливаемы за насъ другими лицами, а между тѣмъ имѣли юридическія послѣдствія ⁴⁾). Путемъ же распространенія отъ этихъ случаевъ были допущены и нѣкоторыя другія изъятія. Итакъ

а) Допускалось представительство при приобрѣтеніи владѣнія ⁵⁾), а именно: козь скоро представитель, какъ таковой, получалъ господство надъ вещь принципалу непосредственно устанавливалось владѣніе надъ нею.

б) Въ тѣхъ случаяхъ, когда собственность приобрѣталась черезъ посредство владѣнія (напр. по *traditio*), необходимо принималось предъидущее изъятіе ⁶⁾).

¹⁾ L. 1 § 17; L. 5 § 1 D. 14, 1; L. 7 § 1; L. 13 pr. D. 14, 3.

²⁾ См. *Vangerow. Pand.* 2 § 574 p. 114.

³⁾ L. 5 pr. D. 14, 4; L. 51 § 1 D. 21, 1.

⁴⁾ *Wächter. Pandekt.* 1 p. 418 n. 6.

⁵⁾ L. 11 § 6 D. 13, 7; pr. § 5 J. 2, 9; L. 13 D. 41, 1; L. 41 D. 41, 3; L. 1 C. 7, 32.

⁶⁾ L. 20 § 2 D. 41, 1; L. 8 C. 7, 32.

в) При обязательствахъ, которыя устанавливаются черезъ перенесеніе владѣнія и собственности, напр. при займѣ¹⁾. Это необходимое распространеніе предъидущихъ изъятій изъ общаго правила, ибо заемъ заключается передачей извѣстнаго количества замѣнимыхъ вещей въ собственность, а уже изъ этой передачи возникало обязательство на возвращеніе полученнаго. Такъ представительство въ предоставленіи владѣнія и собственности необходимо вело и къ представительству въ сопровождающихъ эти акты лично обязательственныхъ отношеніяхъ.

Нѣкоторые писатели (*Ihering op. c. p. 275*), выходя изъ общаго основанія только что приведеннаго изъятія, распространяютъ его и на другія правоотношенія, которыя устанавливаются на основаніи даге съ обязанностью возвратить полученное. Такимъ образомъ допускается представительство при ссудѣ (*comodatum*), поклажѣ (*depositum*), залогѣ (*pignus* L. 2 C. 4, 27), при такъ наз. *dationes ob causam* (L. 14 D. 12, 4; L. 47 D. 12, 6), приданномъ (*dos*) и брачномъ дареніи (*donatio propter nuptias* L. 9 C. 5, 14). Весьма вѣроятно, что такое распространеніе имѣло мѣсто, но прямыми свидѣтельствами источниковъ оно не подтверждается; а нѣкоторыя мѣста (напр. по поводу *pignus* l. 11 § 6 D. 12, 7²⁾ и *depositum* L. 6 C. 5, 16) могутъ быть истолкованы даже въ обратномъ смыслѣ (см. *Казанцев. Своб. Представ.* стр. 95 — 99). Къ данному же изъятію должно отнести уплату по чужому долгу³⁾, откуда недалеко было до признанія дѣйствительности и суррогата уплаты, какъ то *expromissio*⁴⁾.

г) При приобрѣтеніи наслѣдства. Несомнѣнно, что т. наз. *bonorum possessio*, наслѣдство по преторскому праву, должно было допускать представительство⁵⁾, такъ какъ приобрѣтеніе его совершалось черезъ посредство владѣнія оставленнымъ имуществомъ. Можно предполагать⁶⁾, что позднѣе это изъятіе было

¹⁾ L. 2 § 4; L. 9 § 8 D. 12, 1; L. 126 § 2 D. 45, 1; L. 2 C. 4, 27.

²⁾ L. 2 C. 4, 27 думаютъ относиться къ заложному праву только при договорѣ займа.

³⁾ L. 6 C. 4, 5 ср. L. 39 D. 3, 5.

⁴⁾ L. 5 C. 8, 43.

⁵⁾ L. 3 § 7; L. 15; L. 16 D. 37, 1; L. 48 D. 29, 2.

⁶⁾ *Windscheid. Pand.* 3 § 596 п. 2.

распространено и на приобретение гражданского наследства, hereditas¹⁾.

Вотъ всѣ тѣ отклоненія отъ древняго начала, которыя можно признать въ позднѣйшемъ, Юстиниановомъ правѣ.

Не составляетъ исключенія изъ правила такъ назыв. *необходимое* представительство (*Pacta Pand.* § 274), т. е. представительство *filiū familiae* и рабовъ (рг. J. 2, 9; L. 45 пр. D. 45, 1). Приобрѣтеніе правъ чрезъ этихъ лицъ обуславливается той основной организаціей римской семьи, по которой личность подчиненныхъ домохозяевъ и не свободныхъ настолько поглощается домовладыкой (*unitas personarum*), что первые рассматриваются простыми имущественными орудіями послѣдняго; такъ что желаніе подобныхъ представителей не имѣло для юридическихъ послѣдствій сдѣлки никакого значенія (*Herseos cit.* стр. 40—42); всякое установленное ими право безъ вниманія къ ихъ воли (§ 1 J. 3, 17) въ силу законной необходимости (*ex lege*) становилось правомъ домовладыки (*Gaj. II. §§ 86—86, 163—167; Ulpian. XIX § 18—21; Paul. Rec. Sent. V, 8; L. 10, 53 D. 41, 1; L. 79 D. 29, 2; § 4 J. 3, 19*), имѣлъ ли въ свою очередь послѣдній какое либо представленіе (§ 3 J. 2, 9) о такомъ приобретеніи или вообще желаніе приобрести (L. 62 D. 45, 1)—было безразлично. Поэтому большинство современныхъ цивилистовъ отрицаютъ за данными актами характеръ представительства (см. литературу у *Казанцева. Ученіе о представ.* стр. 69—71). Здѣсь остается только указать на различное положеніе подчиненныхъ дѣтей и рабовъ къ юридическимъ признакамъ сдѣлки. Подчиненные сыновья опредѣляли дѣйствительность сдѣлки своею личною дѣеспособностью; что касается рабовъ, то, какъ существа по общему началу неспособныя, они опредѣляли дѣйствительность сдѣлки способностью ихъ господъ (*vervus ex persona domini ius stipulandi habet* пр. J. 3, 17 и L. 31 пр. D. 28, 5), но уже рано для нѣкоторыхъ условій сдѣлокъ была признана необходимость признать въ извѣстной степени личность и самого раба, напр. *dolus, scientia* во всякомъ случаѣ дол-

¹⁾ L. 4 C. 6, 30 ср. L. 90 D. 29, 2; L. 54 пр. D. 41, 1.

жны были обсуждаться по лицу раба (L. 4 § 17 D. 44, 4; L. 51 D. 21, 1). Мало того, за рабомъ постепенно была вообще признана сознательная воля и дѣеспособность, которыми опредѣлялась дѣйствительность актовъ въ пользу господина (*Азаревичъ. Физич. лица стр. 14, 15*).

Пока вопросъ шелъ только о приобрѣтеніи правъ черезъ подвластныхъ лицъ; обязываться же третьимъ лицамъ черезъ рабовъ и сыновей по основному римскому праву было нельзя (L. 57 D. 5, 1; L. 8 § 4 D. 46, 4; L. 133 D. 50, 17). Но позднѣе интересъ самихъ домовладыкъ и чувство справедливости къ третьимъ лицамъ заставили преторовъ признать въ эдиктѣ право контрагентовъ обращаться съ искомъ по сдѣлкамъ съ подвластными къ ихъ домовладыкамъ. Признано это было не общимъ правомъ, а только при извѣстныхъ условіяхъ заключенія сдѣлки. Такъ находимъ въ эдиктѣ слѣдующіе искъ третьихъ лицъ къ домовладыкамъ ихъ контрагентовъ: *actio de peculio*, *actio tributoria*, *actio de in rem verso*, *actio quod jussu*, *actio exercitoria* и *actio institoria* (*Baron Abhandlung. II. Die adjectivischen Klagen 1882*). Первый изъ нихъ, *actio de peculio*, вчинялся въ тѣхъ случаяхъ, когда подвластное лице обязывалось изъ сдѣлки по *пекуліуму*. Этимъ искомъ третье лице могло принудить отца къ выполнению изъ *пекуліума* обязательства (L. 21 § 3 D. 15, 1. См. *Mandry. Begriff u. Wesen des Peculiums 1872*). *Actio tributoria* былъ одинъ изъ видовъ *actionis de peculio*; онъ примѣнялся въ тѣхъ случаяхъ, когда подвластному лицу отдѣлялось имущество на веденіе какого либо промышленнаго или торговаго предпріятія и подвластный вступалъ согласно этому назначенію въ обязательство (L. 1 pr. D. 14, 4). *Actio de in rem verso* былъ искъ противъ домовладыки, который обогащался изъ сдѣлокъ подвластнаго съ третьимъ лицомъ (L. 1 pr. D. 15, 3. См. *Löwenfeld. Die selbstständige actio de in rem verso. München 1873*). *Actio quod jussu* — искъ противъ господина или отца по обязательству, въ которое вступалъ подвластный согласно воли домовладыки (L. 1 pr. D. 15, 4). *Actiones exercitoria* и *institoria* мы уже знаемъ; здѣсь только рѣчь идетъ о первоначальномъ ихъ примѣненіи, когда капитанами кораблей и завѣдующими

промышленнымъ предпріятіемъ были исключительно подвластные лица. — Спрашивается: не будетъ ли подобное установленіе иска противъ домовладыки признакомъ прямого и свободнаго представительства? Въ общемъ отвѣтъ долженъ быть отрицательный (напротивъ *Vuchka* cit. p. 28—38), такъ какъ данныя обязательства устанавливаются не на имя господъ и иски по нимъ предоставляются прежде всего противъ контрагентовъ, подвластныхъ лицъ, и только къ этимъ искамъ присоединяются иски и противъ домовладыкъ, отчего сами иски эти носятъ названіе исковъ придаточнаго свойства, *actiones adjectitiæ qualitatis*. Но съ другой стороны разъ эти иски имѣли мѣсто въ практикѣ, то третьи лица, вступая съ подвластными въ сдѣлку, могли уже имѣть въ виду главнымъ образомъ ихъ принципаловъ, особенно при сдѣлкахъ съ капитаномъ корабля или завѣдующимъ промышленнымъ дѣломъ (см. L. 1 § 9; L. 2, L. 7 D. 14, 1). Поэтому вполне справедливо видѣть въ этихъ искахъ признакъ, хотя бы только неполнаго, представительства, т. е. такого представительства, когда вѣншній актъ заключается на имя самого контрагента, а въ виду имѣется исковое притязаніе на другое лицо (*Zimmermann. Die Lehre von der stellvertretenden Negotiorum Gestio* p. 105 и слѣд.).

На основаніи главнымъ образомъ одного мѣста, приписываемаго Модестину, Савиньи (Обязат. право стр. 382—389; System 3 p. 95 и слѣд.) заключилъ, что будто въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ свободное представительство допускалось общимъ правиломъ при всѣхъ неформальныхъ сдѣлкахъ. Вотъ это мѣсто: *Modestinus lib. XIV ad. Q. Mucium. Ea quæ civiliter acquiruntur, per eos, qui in potestate nostrâ sunt, acquirimus, veluti stipulationem: quod naturaliter, sicuti est possessio, per quemlibet, volentibus nobis possidere, acquirimus* (L. 53 D. 41, 1). Въ словахъ этихъ Савиньи видятъ противоположеніе правъ, приобретаемыхъ формальными, цивильными способами, правамъ, приобретаемымъ неформальными, естественными способами. Первые, въ примѣръ которыхъ приведена спекуляція, не могли быть приобретаемы чрезъ представителей; а вторые, примѣръ—владѣніе, могли быть приобретаемы чрезъ

представителя. Но, рассуждаетъ далѣ Савиньи, такъ какъ при Юстиніанѣ за исключеніемъ стипуляціи почти всѣ способы пріобрѣтенія были неформальныя, то допустимость представительства въ это время была общимъ правиломъ.— Неостанавливаясь на разнообразнѣйшихъ возраженіяхъ этому толкованію (см. *Hercosov* cit. стр. 145 — 150), уважемъ на главнѣйшее недоразумѣніе, вызываемое имъ. Если таковъ смыслъ приведеннаго мѣста, то какъ объяснить рядомъ съ нимъ массу выраженій, поддерживающихъ древнее начало и принятыхъ при Юстиніанѣ въ Пандекты, а еще важнѣе, какъ объяснить мѣста, рѣзко проводящія это начало въ Юстиніановомъ Кодексѣ и Институціяхъ? (*Wüchter. Pand. 1 § 83 p. 418*). Поэтому большинство ученыхъ толкуютъ данное мѣсто въ иномъ смыслѣ. Самое распространенное толкованіе принадлежитъ Пухтѣ (*Institut. 2 § 203 p. 309 п.*), по мнѣнію котораго владѣніе приведено въ данномъ мѣстѣ не въ видѣ примѣра, а въ качествѣ единственнаго исключенія изъ начала недопустимости прямого представительства слова же; «*veluti stipulationem*» вставлены позднѣе комментаторами вмѣсто слова «*mancipationem*» (см. *Vangerow Pand. § 108*).— Почти общая оппозиція противъ воззрѣнія Савиньи не останавливала попытокъ поддержать его. Взгляда Савиньи держатся въ новѣйшее время и другіе писатели (напр. *Hellmann. D. Stellvertretung. p. 49*), доказывающіе массой другихъ выраженій источниковъ, что римляне знали настоящее прямое представительство, какъ при одностороннихъ, такъ и двустороннихъ слѣдкахъ. Послѣ выше изложеннаго можно только сказать, что мѣсто въ родѣ *L. 64 D. 17, 2; L. 63 D. 8, 1* и друг. легко получаютъ совсѣмъ иное толкованіе и поэтому никоимъ образомъ не могутъ быть приводимы въ доказательство прямого представительства (см. *Baron* въ *Kritische. Vierteljahresschrift f. Gesetzgebung u. Rechtswiss. N. F. B. 5 p. 42 — 48; Czychlarz* въ *Zeitschr. f. d. Privat. u. öffentl. Recht. B. 9 H. IV p. 778, 779*).

Право собственности.

Источники: Inst. 2, 1 de rerum divisione § 11 — 47; Dig. 41, 1 de acquirendo rerum dominio.

Литература: Sell. Römische Lehre des Eigenthums. Bonn 1852 2 ed.

Pellat. Exposé des principes généraux du droit romain sur la propriété etc. Paris 1853 2 éd.

Pagenstecher. Die römische Lehre vom Eigenthum in ihrer modernen Anwendbarkeit. Abth 1, 2, 3. Heidelberg 1857.. 59.

Hastron. De la propriété en droit romain. Paris 1866.

Randa. Das Eigenthumsrecht. 1 Hälfte. Leipzig 1884.

Понятіе права собственности.

Подъ правомъ собственности (*proprietas, rei dominium* или *dominium proprietatis*¹⁾), а въ древности еще *mancipium*) разумѣется полное и исключительное правовое господство лица надъ тѣлесною вещью²⁾.

Въ литературѣ крайнее разнообразіе въ опредѣленіяхъ права собственности, но при этомъ общій смыслъ ихъ одинъ и тотъ же. См. у *Boecking*. Pand. II § 134, п. 15, *Windscheid*. Pand. I § 167 п. 5 и *Randa* cit. p. 2 п. 3.

Собственность есть понятіе полноты права на вещь. *Dominium est plena in re potestas*³⁾. Она настолько обнимаетъ самую вещь, что какъ бы сливается съ нею. У Римлянъ, какъ и у новѣйшихъ народовъ, право собственности выражается признакомъ принадлежности вещи опредѣленному лицу⁴⁾.

¹⁾ *Dominium id est proprietas* (L. 13 pr. D. 41, 1).

²⁾ *Savigny*. System I p. 367; *Puchta* Pand. § 144.

³⁾ § 4 J. 2, 4.

⁴⁾ § 1 inf. J. 4, 6.

Формула исковая гласила: *hunc fundum meum esse ajo* (см. L. 25 пр. D. 44, 7).

Эта полнота права имѣеть два общихъ выраженій, положительное и отрицательное ¹⁾. Въ первомъ заключается признакъ абсолютности права, а во второмъ—его исключительности. Въ силу первого собственникъ можетъ распоряжаться вещью по своему усмотрѣнiю; въ силу втораго—устранять всякаго третьяго отъ какаго либо пользованiя ею, помимо его воли²⁾. Последнее составляетъ необходимое послѣдствiе перваго; безъ исключительности не мыслима абсолютность права ³⁾. Но неограниченность права собственности не должна быть понимаема въ смыслѣ естественной неограниченной свободы функций. Въ правовой жизни собственность является всегда ограниченной, въ виду извѣстныхъ интересовъ, самимъ закономъ или опредѣленными правами постороннихъ лицъ, напр. правомъ пожизненнаго пользованiя; но это не будутъ такими ограниченiями, которыя лишали-бы собственность характера полнаго неограниченнаго права на вещь. Что касается первыхъ ограниченiй, то они составляютъ лишь признаки созданныхъ правовымъ порядкомъ институтовъ. Право собственности существуетъ на столько, на сколько его признаетъ правовой порядокъ; а при этомъ признанiи очерчивается и самое содержанiе права. Разъ же въ этомъ признанiи берутся во вниманiи наличность извѣстныхъ интересовъ, обуславливающихъ такое, а не иное, содержанiе права собственности, то нельзя говорить о какой либо другой болѣе полной собственности, которая будетъ стоять внѣ правоваго порядка а следовательно, не будетъ и правовымъ понятiемъ. Потому такъ наз. ограниченiя права собственности по закону будутъ лишь его признаки, обусловленные правовымъ порядкомъ ⁴⁾. Не лишаютъ права собственности его признака полноты и отдѣльные права постороннихъ лицъ на предметъ собственности, ибо существо собственности состоитъ не изъ суммы отдѣльныхъ проявленiй господства лица надъ вещью, а въ принадлежности вещи лицу, что выражается въ правовой *возможности* отправ-

¹⁾ *Windscheid*. Pand. I p. 513; *Arndts*. Pand. § 125.

²⁾ L. 11 D. 50, 17.

³⁾ *Hastron* cit. p. 79.

⁴⁾ *Frend*. Die gesetzlichen Beschränkungen des Grundeigenthums im röm. Recht. Berlin 1883 p. 12—15.

лѣтъ по вещи всякое господство, если тому въ данное время нѣтъ какого либо препятствія ¹⁾. Говоря о собственности, мы представляемъ себѣ не отдѣльныя стороны господства лица надъ вещью, а особое цѣльное правомочіе ²⁾. Поэтому выдѣленіе одной изъ сторонъ господства надъ вещью въ пользу посторонняго лица (напр. установленіе ему сервитута) не будетъ выдѣленіемъ части права собственности, какъ бы обширно данное правомочіе ни было ³⁾.

Paulus L. 25 pr. D. 50, 16: Recte dicimus, eum fundum totum nostrum esse, etiam quum ususfructus alienus est, quia ususfructus non dominii pars, sed servitutis est, ut via et iter; nec falso dici, totum meum esse, cujus non potest ulla pars dici alterius esse...

Поэтому же и прежнее дѣленіе собственности на *dominium directum* и *utile* должно быть отвергнуто.

Подъ *dominium utile* уже глоссаторы разумѣли такое отношеніе къ вещи, которое защищалось *vindicatio utilis*. Сюда относятся прежде всего тѣ случаи, когда опредѣленные лица не могутъ по строгому праву быть собственниками вещи, но изъ основаній справедливости имъ предоставляется положительнымъ правомъ *vindicatio* по этой вещи, напр. женѣ по прекращеніи брака на возвращеніе ей приданныхъ вещей, и т. п. Далѣе, къ *dominium utile* причислялись права эфитевты, суперфициарія (см. *Landsberg. Die Glosse des Accursius und ihre Lehre vom Eigenthum. Leipzig 1883 p. 97, 98*): Названіе *dominium utile* для первой категоріи случаевъ можно еще объяснить тѣмъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ отношеніями фактически исполнѣ равной стоимости съ правомъ собственности. О второй же категоріи и этого уже нельзя сказать (см. *Азаревичъ. Emphyteusis и superficies* стр. 107). Поводъ къ оспариваемому возрѣнію подали нѣкоторые выраженія источниковъ, называющихъ эфитевту *dominus* (напр. L. 12 C. 11, 61).

¹⁾ Vangerow. Pand. 1 § 295 п. 1.

²⁾ Randa cit. p. 6.

³⁾ Азаревичъ. Сервитутное право стр. 67, 68.

Итакъ право собственности по общему своему понятію есть полнѣйшее неограниченное господство лица, надъ вещью. Поэтому дѣленіе собственности на *dominium, limitatum*, или *minus plenum*, и *dominium illimitatum*, или *plenum*, слѣдуетъ понимать только со стороны оговривеній въ отправленіи той или другой функціи права правами другихъ лицъ (сервитуты и т. д.), сумма же функцій не опредѣляетъ самой сущности собственности.

Въ новое время нерѣдко высказываются противъ опредѣленія права собственности, какъ неограниченнаго господства надъ вещью (*Thon. Rechtsnorm u. subject. Recht* p. 288 и слѣд.; а за нимъ гг. *Муромцевъ, Гамбаровъ*). Замѣчаютъ, что въ дѣйствительности собственность представляется болѣе или менѣе ограниченою объективнымъ правомъ, а слѣдовательно, не точно опредѣленіе ея, какъ полнаго правоваго господства надъ вещью. Въ этомъ нельзя не видѣть вмѣстѣ съ проф. *Пазманомъ* (О современномъ движеніи въ наукѣ права. Спб. 1882 стр. 57 прим. 1) одного лишь недоразумѣнія. Признакъ неограниченности относится лишь къ произволу третьихъ лицъ и никогда не понимался въ томъ смыслѣ, что собственность не могла быть ограничена по закону. Обобщая возраженія противъ неограниченности права собственности, слѣдовало бы отвергать и самое понятіе свободы, понимаемой при правовомъ порядкѣ такъ: *libertas est naturalis facultas ejus quod cuique facere libet, nisi si quid vi aut jure prohibetur* L. 4 pr. D 1, 5.

Прежде чѣмъ приступить къ догматическому изложенію ученія о правѣ собственности, необходимо остановиться на историческихъ ея формахъ, которыя хотя и не встрѣчаются уже болѣе въ законодательствѣ Юстиніана, но правильное пониманіе которыхъ считается на столько важнымъ для надлежащей постановки всего ученія объ этомъ институтѣ, что во всѣхъ догматическихъ курсахъ римскаго права находимъ болѣе или менѣе подробное изложеніе этого вопроса ¹⁾. Итакъ

¹⁾ *Vangerow. Pandect. I § 295 anm. 2.*

Историческія формы римской собственности ¹⁾.

По свидѣтельству Гайя въ Римѣ первоначально былъ только одинъ видъ собственности, *dominium ex jure Quiritium*. Предположенія ея были слѣдующія : а) Только римскій гражданинъ могъ быть субъектомъ такой собственности. Чужестранцы, перегрины, не могли имѣть квинритской собственности ²⁾. б) Не все предметы могли быть объектами собственности. Такъ провинціальныя земли, *praedia provincialia*, не могли состоять на правѣ частной собственности ³⁾. в) Устанавливалась эта собственность только по одному изъ признанныхъ *jure civili* способовъ, *acquisitiones civiles*⁴⁾, а именно : *in jure cessio*, *mancipatio* и *usucapio*. г) Защищалась она исками, установленными *jure civili*, *actionibus civilibus* ⁵⁾, въ особенности *rei vindicatione*.

Позднѣе было сдѣлано ⁶⁾ только одно отклоненіе отъ этихъ условій, а именно т. наз. *res nec mancipi* могли быть приобретаемы въ собственность по простой *traditio*, передачи ⁷⁾.

Если совершенно будетъ сдѣлка на переносъ собственности вопреки одному изъ перечисленныхъ условій, то *dominium Quiritarium* остается за прежнимъ собственникомъ; и только въ случаяхъ отчужденія *res mancipi* по *traditio* приобретатель получалъ добросовѣстное владѣніе, которое могло вести къ установленію собственности путемъ *usucapio*.

Со временемъ затруднительность въ примѣненіи формальныхъ способовъ приобретения собственности, затѣмъ также быть можетъ и большое развитіе оборота многочисленными провинціальными землями, а, наконецъ, развившіяся имущественныя сношенія съ перегринами, которымъ не доступна была квинритская собственность, — принудили преторовъ, этихъ проводниковъ общенародныхъ правовыхъ положеній, признать за ли-

¹⁾ Giraud. Droit de propriété chez les Romains. Aix 1838.— Ribéreau Théorie de l'in bonis habere. Paris 1867.

²⁾ Cp. Ulpian. 19, 4.

³⁾ Gajus 2, 7.

⁴⁾ Gajus 2 § 22, 41; Ulpian. 19, 3.

⁵⁾ L. 25 § 2. D. 44, 7.

⁶⁾ Незавѣстнымъ *lex* отъ послѣдняго вѣка республики. Schmidt. Pandekt. p. 46, 47.

⁷⁾ Gajus 2, 19; Ulpian 19, 7.

цель, приобретшимъ res mancipi по одному изъ acquisitiones naturales, или купившимъ провинціальную землю, нѣчто въ родѣ собственности. Римскіе юристы описываютъ ее словами in bonis esse habere ¹⁾, откуда современная наука, опираясь на выраженіе Θεοφιλα ²⁾, сдѣлала терминъ dominium bonitarium. Такъ появилось въ римскомъ правѣ duplex dominium ³⁾: dominium quiritarium и dominium bonitarium.

Большинство современныхъ писателей считаютъ въ числѣ причинъ происхожденія бонитарной собственности потребность въ вещныхъ сдѣлкахъ съ peregrinam, полагая, что этой формой была открыта иностранцамъ въ Римѣ возможность имѣть собственность; видятъ поэтому въ in bonis esse peregrинскую собственность, выработанную на jus gentium (напр. Vangerow. Pand. I § 295 п. 2). Но другіе ученые (напр. Ribéreau cit. p. 17 и слѣд.) указываютъ, что источники прямо выставляютъ условіемъ для пріобрѣтенія данной собственности право гражданства на обѣихъ сторонахъ (Ulpian. 1, 16), что главнѣйшая ея выгода состоитъ въ публиціановомъ искѣ, основанномъ на фивціи исполненной usucapio, института чисто римскаго; наконецъ, что Гай (2, 40) прямо признаетъ особую dominium apud peregrinos.

Бонитарную собственность не слѣдуетъ отождествлять съ добросовѣстнымъ владѣніемъ, bona fidei possessio, какъ это дѣлаютъ многіе ученые (см. напр. Pagenstecher cit. p. 108, Brinz. Pandekt. Abth. I p. 199 и особенно Janke. Das Fruchtrecht des redlichen Besitzers. Erlangen 1862 p. 22—33; 131, 132). Они полагаютъ, что въ особомъ понятіи добросовѣстнаго владѣнія явилась необходимость лишь съ образованіемъ единой собственности. Но вопреки увѣреніямъ, напр., Циммерна (Rhein. Museum III. п. 19), будто въ источникахъ нѣтъ выраженій для in bonis esse, указывающихъ на принадлежность вещи въ собственность, въ литературѣ было указано (см. Vangerow Pand. I § 295 anm.

¹⁾ Gajus 1, 54; 2, 40.

²⁾ Ὁ θεοφιλης βοניתάριος у Theoph. ad § 3. Inst. De libert. (1, 5).

³⁾ Gajus I § 54.

2) на много мѣсть, въ которыхъ для даннаго отношенія употребляются выраженія: dominus, dominium (Gajus I § 54; Cod. 7, 25; L. 26 § 6 D. 9, 4; L. 1 D. 37, 1; L. 7 § 1 D. 7, 1; L. 15 § 16, 17, 33 D. 39, 2 и особенно Theophil.), meum, tuum, nostrum (Gaj. I § 167; 2, 41; Ulpian. 22 § 8); изъ чего слѣдуетъ, что Римляне видѣли въ in bonis esse настоящую собственность.

При установленія второго рода собственности преторъ не могъ лишить квинтитскаго права того, кто былъ до того dominus quiritarius; онъ только защищалъ новаго собственника слѣдующими средствами. Если res mancipi была продана и передана по простой traditio, то противъ rei vindicatio продавца и его наследниковъ купившій могъ защищаться exceptioe doli; или подобно какъ и противъ rei vindicatio тѣхъ лицъ, которые позднѣе приобрѣли у продавца вещь формальнымъ способомъ, dominus bonitarius имѣлъ exceptio rei venditae et traditae ¹⁾. Наконецъ, въ случаѣ потери владѣнія преторъ создалъ особый искъ, названный по имени введшаго его претора, actio Publiciana in rem, противъ всякаго detentor'a на выдачу вещи. Искъ этотъ былъ изъ числа actiones fictitiae. Онъ основывался на фикціи выполненнейшей давности владѣнія, если только usucapio началась ²⁾. Изъ этой фикціи слѣдуетъ, что данный искъ примѣнялся къ domin. bonit., какъ къ добросовѣстному владѣнью.

Такая развитая система защиты данной собственности матеріально сводила права прежняго господина вещи почти къ ничему. И вотъ уже классическіе юристы говорятъ о *nudum jus Quiritium* ³⁾, называя такъ право собственности прежняго хозяина вещи.

При вступленіи Юстиніана на престолъ положеніе вопроса было такое. In jure sessio уже со временъ Константина вышло изъ употребленія. Mancipatio хотя еще и примѣнялось, но какъ сдѣлка чисто италійскаго происхожденія была чужда нравамъ восточной имперіи. Fundus italicus потерялъ уже давно свои преимущества передъ fundus provincialis⁴⁾, который въ восточной

¹⁾ Dig. de exceptione rei venditae et traditae 21, 3.

²⁾ Gajus 4, 36; § 4 I. 4, 6; L. 7 § 6 D. 6, 2.

³⁾ Gajus 1, 54 in fin.

⁴⁾ См. *Паделетти*. Учебникъ исторіи рим. права гл. 60.

имперіи былъ единственной формой поземельной собственности¹⁾. И вотъ Юстиніанъ уничтожаетъ различіе между *res mancipi* и *res mancipi*, а вмѣстѣ съ тѣмъ, значить, отмѣняетъ и *mancipatio*. Въ то же время онъ отмѣняетъ и *nudum jus Quiritium*²⁾. Такимъ образомъ изъ *duplex dominium* образуется *dominium simplex*, который приобрѣтался по *naturales acquisitiones* и по *usucapio* изъ числа *acquisit. civiles* и защищался *actione civili*, а именно *rei vindicatione*.

Actio же *Publiciana* съ исчезновеніемъ бонитарной собственности ограничивался защитой добросовѣстнаго владѣнія, какъ такового.

Предположенія права собственности.

Субъектъ права собственности. По древнему римскому праву неспособными состоятъ субъектами права собственности признавались, кромѣ иностранцевъ, еще рабы и *filiifamilias*³⁾. Въ Юстиніановомъ правѣ только рабы были устранены отъ собственности. Но кромѣ этого общаго изъятія въ Юстиніановомъ и позднѣйшемъ византійскомъ правѣ имѣются еще нѣкоторыя частныя изъятія. Такъ напр. іудеи и послѣдователи извѣстныхъ религіозныхъ сектъ не могли имѣть въ собственности христіанскихъ рабовъ⁴⁾, затѣмъ ограничены были въ правахъ собственности монахи⁵⁾, и т. д.

Объектомъ права собственности могутъ быть только тѣлесныя вещи, *res corporeales*. Права, *res incorporeales*, не могутъ составлять предмета собственности; принадлежность ихъ выражаетъ связь съ извѣстнымъ субъектомъ, а не собственность его на нихъ. О собственности на права нельзя говорить и потому, что къ первой примѣняются совѣтъ иныя начала, чѣмъ къ послѣднимъ⁶⁾.

Не только отдѣльныя тѣлесныя вещи, но и совокупности

¹⁾ Ср. *L. un. pr. C. 7, 31.*

²⁾ *L. un. C. de nudo jure Quiritium tollendo 7, 25.*

³⁾ *Азаревичъ. Физическія лица стр. 22, 23.*

⁴⁾ *Азаревичъ. Правовые объекты стр. 20.*

⁵⁾ *Nov. 5 cap. 5; Nov. 123 c. 38.*

⁶⁾ См. *Windscheid. Pand. I § 168 и п. 1.*

ихъ, *universitas rerum distantium*, могутъ быть объектами собственности, какъ напр. стадо ¹⁾).

Многіе писатели отвергаютъ право собственности на совокупности, напр. на стадо. Въ данномъ примѣрѣ предметомъ собственности они считаютъ отдѣльныя головы, составляющія стадо, а не это послѣднее, которое только на обыденномъ языкѣ обозначается самимъ предметомъ собственности. Но въ виду ясныхъ выраженій источниковъ теперь большинство ученыхъ считаетъ это обыденное словоупотребление за юридическое (см. *Girtanner Die Rechtsstellung der Sache u. der Eigenthumsbegriff* въ *Jahrb. f. d. Dogmatik* B. 3. H. 1 p. 95 и слѣд.).

Право собственности на поземельные участки распространяется на воздушное пространство надъ нимъ находящееся и на нѣдра подъ нимъ лежащія. Въ томъ и другомъ направленіи границы собственности опредѣляются практической потребностью собственника ²⁾).

Общій признакъ права собственности, какъ абсолютнаго исключительнаго господства лица надъ вещью, имѣетъ своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ то, что нѣсколькимъ лицамъ въ одно и тоже время не можетъ принадлежать собственность на одну и ту же вещь каждому въ полномъ ея составѣ.

Duorum ejusdem rei dominium in solidum esse nequit.

L. 5 § 15 D. 13, 6.

Вещь, которая принадлежитъ мнѣ, не можетъ быть собственностью другаго. Поэтому приобрѣтеніе у кого либо вещи будетъ въ тоже время потерей для него права собственности на нее. Признаніе судьей права собственности за истцомъ есть въ тоже время отказъ въ немъ для отвѣтника ³⁾ и т. п. Другое дѣло когда нѣсколько лицъ будутъ собственниками вещи *pro diviso* ⁴⁾ или *indiviso* ⁵⁾, т. е. каждый въ части вещи, физически опредѣленной или идеальной. Въ этихъ случаяхъ собственность каждаго участника имѣетъ свой объектъ: а) Въ случаѣ право

¹⁾ L. 1 § 3 D. 6, 1.

²⁾ *Jhering* въ *Jahrb. f. d. Dogmatik* B. 6. p. 90—92.

³⁾ L. 30 § 1 *med. D.* 44, 2.

⁴⁾ L. 25 § 1 D. 50, 16.

⁵⁾ L. 5 D. 45, 3.

собственности каждого имѣть своимъ предметомъ опредѣленную физически часть вещи, то не можетъ быть и рѣчи объ общности права¹⁾. При раздѣленіи на реальные части между послѣдними мыслима такая естественная или юридическая связь, въ силу которой всѣ они въ совокупности представляются какъ бы однимъ цѣлымъ; но разъ части имѣютъ реальную самостоятельность, то со стороны правовыхъ отношеній между собственниками не можетъ быть никакой общности²⁾. б) Другое дѣло при собственности на идеальные части. Къ послѣдней только и относится выраженіе

Общая собственность, *condominium*³⁾.

Condominium, выраженіе не римское. Въ источникахъ для данныхъ случаевъ собственности употребляются выраженія: *communis*, *socius* и т. п. Подъ общей собственностью разумѣются тѣ случаи, когда вещь принадлежитъ въ собственность нѣсколькимъ лицамъ, но при томъ каждому на идеальную ея часть *pars indivisa*.

Слѣдуетъ строго отличать отъ собственности юридического лица, ибо въ послѣднемъ случаѣ имѣется единый собственникъ (§ 6 I. 2, 1; L. 6 § 1 D. 1, 8).

Настоятельность такой собственности заключается въ тѣхъ юридическихъ актахъ, которыми нѣсколько лицъ становятся собственниками одной и той же вещи, но, конечно, въ части, напр. нѣсколько лицъ приобрѣли домъ, и т. п. Но чаще всего общая собственность устанавливается по поводу наследованія. А. умираетъ и оставляетъ законными наследниками трехъ сыновей. Всѣ они становятся общими собственниками имущества наследодателя, но притомъ каждый въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ части.

Общая собственность не составляетъ особаго какого либо вида собственности⁴⁾. Юридическая ея конструкція такова. Каждому участнику въ ней принадлежитъ право собственности на всю вещь, но только въ размѣрѣ ея части; иначе, въ

¹⁾ L. 25 § 1 D. 50, 16.

²⁾ *Randa*. *Eigentums*. p. 210.

³⁾ *Steinlechner*. *Das Wesen der juris communio*. *Innsbruck Abth. I* 1876 и *Abth. II* 1878.

⁴⁾ Ср. напр. *Vangerow*. *Pand.* § 303 и § 304.

каждой малѣйшей физической части вещи онъ имѣеть право собственности на величину своей части ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$).

L. 5 § 15 D. 13, 6: *nes quemquam partis corporis dominum esse, sed totius corporis pro indiviso pro parte dominium habere.* — Въ новѣйшее время нѣкоторые писатели начинаютъ находить такую конструкцію неудовлетворительной и весь т. наз. *condominium* противнымъ общимъ началамъ права (см. *Girtanner* въ *Jahrbuch. f. d. Dogmat.* 3 p. 261).

Такое идеальное дѣленіе собственности не есть дѣленіе самаго права (оно не дѣлимо), но выражается въ дѣленіи между участниками экономического пользованія вещью, т. е. выгоды отъ нея ¹⁾).

Данная конструкція общей собственности ведетъ къ слѣдующимъ послѣдствіямъ въ отношеніяхъ отдѣльныхъ участниковъ къ общей вещи:

1) Отдѣльный участникъ не имѣеть права предпринимать какихъ либо юридическихъ распоряженій по цѣлой вещи безъ согласія всѣхъ остальныхъ участниковъ, т. е. не можетъ напр. ее продать, заложить, обременить сервитутами и т. п. ²⁾). Но своею идеальною частью каждый участникъ можетъ распоряжаться свободно, т. е. продать, заложить и т. д. ³⁾), лишь бы только устанавливаемые права не нарушали права участія другихъ собственниковъ ⁴⁾).

2) Отдѣльный участникъ не имѣеть права произвести какого либо физического воздѣйствія или измѣненія въ малѣйшей физической части вещи безъ согласія остальныхъ участниковъ, напр. не можетъ заложить для себя поля, занять въ общемъ домѣ себѣ комнату или измѣнить родъ пользованія ⁵⁾). Каждая матеріальная часть вещи принадлежитъ каждому участнику въ размѣрѣ его доли; поэтому общее правило гласитъ: *in re communi potior est conditio prohibentis* ⁶⁾). Исключеніе изъ этого правила

¹⁾ L. 4 § 3; L. 6 pr. § 2 D. 10, 3; L. 38 § 1 D. 17, 2.

²⁾ L. 2 C. 3, 37; L. 1, 4, 5 C. 4, 51; L. un. C. 8, 21; L. 68 pr. D. 17, 2; L. 2 D. 8, 1; L. 18 D. 8, 4.

³⁾ L. 6 § 13 D. 10, 3; L. 1 C. 3, 37; L. 3 C. 4, 52; L. un. C. 8, 21.

⁴⁾ L. 2 D. 8, 1.

⁵⁾ L. 11 D. 8, 5; L. 8, 27 § 1 D. 8, 2.

⁶⁾ L. 28 D. 10 3.

составляет поправка вещи: коль скоро она необходима для поддержания общаго имущества или должнаго имъ пользованія, то каждый участникъ можетъ произвести ее безъ согласія другихъ. Особенно широко проведено это исключеніе для исправленія общей стѣны, раздѣляющей два зданія ¹⁾).

3) Такое единогласіе въ распоряженіи вещью дѣлаетъ всѣ отношенія въ *communio* чрезвычайно тягостнымъ, подвергая отдѣльнаго участника произволу каждаго другаго. Поэтому положительное право предоставляетъ каждому участнику во всякое время требовать раздѣла общности (*actioe communi dividundo* ²⁾). Мало того, самый отказъ навсегда отъ права требовать раздѣла признанъ недействительнымъ ³⁾).

Обязательственныя правоотношенія, которыя могутъ вытекать изъ *communio*, между участниками въ общей собственности, должны быть разсматриваемы въ обязательственномъ правѣ (срав. *Arndts. Pand.* § 133).

4) Признакъ общности выражается въ томъ, что отказъ одного изъ участниковъ отъ своей части ведетъ *de jure* къ присоединенію ея остальнымъ участникамъ ⁴⁾).

Приобрѣтеніе собственности.

Связь между лицомъ и вещью по праву собственности устанавливается обыкновенно безъ посредства какихъ либо третьихъ лицъ. Таково было и общее начало римскаго права. Но въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ собственность могла быть приобрѣтена и черезъ представителей. Въ классической же юриспруденціи общимъ началомъ было: *per liberam vel extraneam personam proprietas acquiri non potest* ⁵⁾). Начало это повторено еще въ Институціяхъ Юстиніана ⁶⁾). Но такъ какъ приобрѣтеніе владѣнія чрезъ представителей уже ко времени Юстиніана допускалось общимъ правиломъ, то легко было распространить представительство и на приобрѣтеніе собственности въ большинствѣ основанное на приобрѣтеніи владѣнія ⁷⁾).

¹⁾ L. 13 § 1; L. 19, 8, 2; L. 35—37 D. 39, 2.

²⁾ L. 5 C. 3, 37; L. 8 pr. D. 10, 3.

³⁾ L. 14 § 2 D. 10, 3.

⁴⁾ Ulpian. *Fragm.* 1, 18; L. 8 C. 3, 38; § 4 I. 2, 7.

⁵⁾ Gajus 2, 95.

⁶⁾ § 5 J. 2, 9.

⁷⁾ *Азаревичъ. Соучастіе и представительство* стр. 46.

Что касается условий, которыми можетъ быть сопровождаемо приобрѣтеніе собственности, то собственность можетъ быть установлена подъ резолютивнымъ условіемъ ¹⁾, во не на опредѣленный срокъ, *dies ad quem* ²⁾. Если будетъ указанъ такой срокъ, то *resolutio ex tunc* наступаетъ не *ipso iure*, а представляется перенесшему личное право требованія на обратный переносъ собственности. Объясняется ³⁾ это изъ самой сущности права собственности, какъ самого полнаго господства, обнимающаго всю вещь до самого сліянія понятія принадлежности вещи съ самой вещью. Такому праву въ его понятіи будетъ противорѣчить все то, что способствуетъ увѣренности во временности, провизорности его; такую же увѣренность даетъ срокъ *ad quem*; тогда какъ резолютивное условіе, наоборотъ, не исключаетъ возможности предполагать постоянство даннаго права, а въ случаѣ выполненія условія, съ точки зрѣнія правовой, собственность считается никогда и вовсе не установленной. На послѣднихъ случаяхъ основывается дѣленіе собственности на *dominium revocabile* и *irrevocabile*. При этомъ по общему правилу собственность будетъ *revocabile* только *ex tunc*, а не *ex tunc*, т. е. сохраняются всѣ распоряженія прежняго собственника ⁴⁾.

Способы приобрѣтенія собственности.

Подъ способами приобрѣтенія собственности разумѣется фактъ или совокупность фактовъ, съ которыми положительное право связываетъ установленіе въ данномъ лицѣ (лицахъ) права собственности на вещь (вещи). Эти способы можно классифицировать по различнымъ признакамъ, общимъ для отдѣльныхъ ихъ классовъ. Такъ всего чаще въ гражданскомъ оборотѣ находятся вещи уже принадлежащія кому либо на правѣ собственности, почему приобрѣтеніе ихъ мыслимо только по преемственности, *successio*, отъ другаго лица. Такой способъ приобрѣтенія собственности по *successio* носитъ названіе производнаго способа, *acquisitio derivativa*, въ отличіе отъ способа безъ признака пре-

¹⁾ Vatic. Fragm § 283.

²⁾ L. 41 D. 6, 1; Vatic. Fragm. §§ 14, 15.

³⁾ См. *Girtanner*. Die Rechtsstellung d. Sache u. d. Eigenthumsbegriff etc. въ *Jahrb. f. d. Dogmatik* B. 3 p. 90—95.

⁴⁾ *Wächter*. Pand. 1 p. 321, 322.

емственности, когда право приобретается независимо от собственности другого; это способ первоначальный *acquisitio originaria*. Затѣмъ, сама преемственность можетъ быть или *successio singularis* или *successio universalis*, почему *acquisit. derivativae* могутъ быть или *acquisitiones singulares*, когда наступаетъ преемственность въ отдѣльныхъ вещахъ порознь, или *acquisitiones universales*, когда наступаетъ преемственность въ имущественную личность другого лица. Преемственность можетъ быть вызвана доброй волей прежняго собственника или совершиться вопреки его воли, по судебному приговору, или по постановленію закона, напр. въ случаѣ приобретенія собственности по давности владѣнія. Съ другой стороны, преемственность можетъ наступить, какъ чрезъ посредство воли новаго собственника, такъ и помимо его воли, напр. при приращеніяхъ. Кроме того, для многихъ способовъ приобретенія собственности необходимымъ признакомъ является владѣніе, только чрезъ владѣніе мыслимо приобретение собственности, напр. при *traditio*, при другихъ же способахъ владѣніе безразлично. Наконецъ, въ древнемъ римскомъ правѣ для многихъ случаевъ установленія собственности требовались строгія формальности *juris civilis*, для другихъ — этого не требовалось, отсюда дѣленіе на *acquisitiones civiles* и *naturales*.

Въ изложенномъ мы старались соединить признаки всевозможныхъ классификацій способовъ приобретенія собственности, какія только встрѣчаются въ учебникахъ (см. *Böcking. Pand. II* р. 55; *Pagenstecher cit. II* р. 1—57). Обыкновенно же въ литературѣ за основаніе дѣленія способовъ брали одинъ изъ перечисленныхъ признаковъ (см. *Randa cit. р. 243—245*). Но такъ какъ въ одномъ изъ пзвѣстныхъ признаковъ не укладывалось дѣленіе всѣхъ способовъ, то нѣкоторые ученые вовсе оставили какую либо классификацію и излагали способы приобретенія собственности безъ предварительнаго опредѣленія взаимнаго ихъ отношенія и послѣдовательности (см. *Brinz. Pand. § 53*); другіе же ученые стали классифицировать способы приобретенія собственности по нѣсколькимъ признакамъ (см. напр. *Windscheid. Pand. § 170*; *Wächter. Pand. II § 130*).

Отъ классической юриспруденціи дошло нѣсколько фрагментовъ, которые одно время брали въ основаніе дѣленія всѣхъ способовъ приобретенія собственности на ас-

quisitiones civiles и naturales (см. напр. L. 1 пр.; L. 3 пр.; L. 3 § 2; L. 14 пр.; L. 30 § 4 D. 41, 1); но при этомъ въ литературѣ сильно расходились въ установкѣ признаковъ и юридическихъ послѣдствій тѣхъ и другихъ способовъ (см. *Stern. Der Unterschied zwischen civilen u. naturalen Eigenthumserwerbsarten im klassischen römischen Rechte. Würzburg 1882*). Несомнѣнно только, что по мѣрѣ того какъ императорскія конституціи сглаживали гражданскія особенности *juris Romani*, вопросъ о происхожденіи способа приобрѣтенія терялъ свое значеніе, ибо всякое приобрѣтеніе собственности вело теперь къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ.

А) Приобрѣтеніе права собственности по преемственности.—1) Преемственность согласно воли прежняго собственника.

Traditio, передача ¹⁾.

Понятіе traditionis. Какъ способъ приобрѣтенія собственности *traditio* состоитъ въ переносѣ кому либо юридическаго владѣнія вещью съ намѣреніемъ установить этому другому на нее право собственности. По основному началу римскаго права *dominia rerum non nudis pactis, sed traditionibus transferuntur²⁾*, т. е. одно обязательственное соглашеніе, напр. купля-продажа, не могло переносить права собственности на вещь; оно устанавливало только личное право требованія на переносъ собственности. Для осуществленія же этого перехода требовалось, чтобы за даннымъ соглашеніемъ послѣдовала передача вещи во владѣніе приобрѣтателю, т. е. совершена была т. наз. *traditio*. Такое требованіе передачи объясняется стремленіемъ засвидѣтельствовать передъ всѣми видимымъ внѣшнимъ актомъ переходъ такого обширнаго реального права, какъ право собственности.

Такъ обыкновенно объясняютъ эту особенность римскаго права передъ тѣми современными законодательств-

¹⁾ *Scheurl. Sachenwerb durch Tradition* въ Beitr. z. Bearb. d. röm. Rechts I p. 190—232.

Leist. Mancipation u. Eigenthumstradition 1865.

Exner. Die Lehre vom Rechtserwerb durch Tradition nach gemeinem u. östreich. Recht. Wien 1867.

²⁾ L. 20 C. 2, 3; L. 8 C. 4, 49.

вами, которые признають одно простое соглашеніе достаточноымъ для перехода права собственности (*Schmidt. Pandekten* p. 53).

Итакъ приобрѣтеніе собственности по *traditio* происходитъ чрезъ посредство владѣнія.

Условія *traditionis*, какъ способа приобрѣтенія собственности. — А) *Субъективныя*. *Tradens* долженъ быть собственникомъ вещи, ибо *nemo in alium plus juris transferre potest quam ipse habet*¹⁾, нельзя переносить другому права, котораго самъ не имѣетъ. Если *tradens* не будетъ собственникомъ, то *accipiens* получаетъ только владѣніе вещью, которую въ случаѣ добросовѣстнаго владѣнія прибрѣтаетъ въ собственность по давности, а не по передачѣ.

Но по исключенію и несобственникъ могъ переносить собственность по *traditio*, а именно: казна и государь могли отчуждать въ собственность чужія вещи²⁾; затѣмъ залогоприниматель могъ отчуждать заложенную вещь съ цѣлью получать удовлетвореніе по своему требованію³⁾; переносилъ собственность по *traditio* представитель собственника по порученію его, или по послѣдующему его согласію⁴⁾, а также представитель по закону, напр. опекунъ.

Позднѣйшее прибрѣтеніе традентомъ собственности на перенесенную вещь само по себѣ не устанавливаетъ *accipienti* собственности; но послѣдній имѣетъ средства защищать свое владѣніе противъ традента и всякаго третьяго лица.

Средствами этими было прежде всего *exceptio doli* или болѣе тѣсно *exc. rei venditæ et traditæ* противъ иска о собственности (L. 1 pr.; L. 2, 3 D. 21, 3; L. 72 D. 6, 1; L. 17 D. 21, 2; L. 4 § 32 D. 44, 4). Кромѣ того *accipiens* могъ выступать и съ положительнымъ искомъ на защиту своего владѣнія (тутъ примѣнялись начала т. наз. *actio Publiciana*); возраженіе о собственности парализировалось *replicatione rei vend. et trad.* (L. 72 D. 6, 1; L. 2 D. 21, 3; L. 4 § 32 D. 44, 4).

¹⁾ L. 54 D. 50, 17; L. 20 pr. § 1 D. 41, 1.

²⁾ *Ult. J.* 2, 6; L. 2, 3 C. 7, 37.

³⁾ § 1 J. 2, 8; L. 46 D. 41, 1.

⁴⁾ L. 9 § 4 D. 41, 1; § 42. 43 J. 2, 1.

Право такой защиты переходит къ преемникамъ *accipiens* и можетъ быть осуществлено противъ преемниковъ *tradenta* ¹⁾. Частное примѣненіе сказаннаго имѣемъ въ томъ случаѣ, когда дѣйствительный собственникъ вещи унаследуетъ *tradentu* ²⁾.

Tradens долженъ быть не только собственникомъ вещи, но и способнымъ къ отчужденію ея ³⁾.

Что касается *accipientis*, приобретателя по *traditio*, то требуется прежде всего, чтобы это было опредѣленное лицо ⁴⁾.

Многіе ученые (напр. *Pagenstecher. Eigenth.* 2 p. 198, 199) признаютъ *missilia* (*jactus missilium*) за *traditio personae incertae* (L. 9 § 7 D. 41, 1; § 46 J. 2. 1). Но правильнѣе видить тутъ актъ *derelictio*, за которымъ можетъ слѣдовать овладѣніе, *occupatio* (*Scheurl cit.* p. 206, 207).

Затѣмъ въ лицѣ *accip.* требуется, чтобы онъ имѣлъ имущественную правоспособность.

Иногда законъ запрещаетъ отчужденіе между опредѣленными лицами въ силу извѣстныхъ личныхъ ихъ отношеній, какъ напр. *donatio inter virum et uxorem*.

Б) *Объективныя условія*. Предметъ *traditionis* не долженъ быть изъ числа вещей, отчужденіе которыхъ запрещено ⁵⁾, какъ напр. *fundus dotalis, peculium adventitium, res litigiosa*. Сюда же относятся запрещенія служащимъ въ провинціи приобретать въ собственность недвижимости ⁶⁾.

В) Должна быть произведена дѣйствительная передача юридическаго владѣнія ⁷⁾, т. е. при наличности всѣхъ необходимыхъ признаковъ такой передачи. Поэтому требуется, чтобы *tradens* еще владѣлъ вещью. Если онъ потерялъ владѣніе, напр. вещь у него украдена, то онъ не можетъ совершать *traditio*, а только уступку притязаній ⁸⁾ и исковъ къ владѣльцу вещи ⁹⁾ и лишь

¹⁾ L. 72 D. 6, 1; L. 2 D. 21, 3.

²⁾ L. 73 D. 21, 2; L. 1 § 1 D. 21, 3; L. 14 C. 3, 32; L. 14 C. 8, 45.

³⁾ L. 26 D. 18, 1; § 2 J. 2, 8.

⁴⁾ L. 13 D. 39, 5; L. 43 § 1 D. 47, 2.

⁵⁾ Fr. J. 2. 8.

⁶⁾ L. 62 pr. D. 18, 1.

⁷⁾ L. 21 § 1 D. 41, 1.

⁸⁾ L. 13 C. 8, 28; L. 41, 46, 47 D. 6, 1:

въ силу осуществленія этихъ уступленныхъ исковъ получается переходъ собственности на контрагента.

Передача владѣнія можетъ быть произведена представителю приобретателя собственности ¹⁾. Иногда представительство по закону предполагается въ лицѣ принимающаго владѣніе, какъ-то если опекунъ покупаетъ на свое имя вещи деньгами опекаемаго, то передача владѣнія относится къ лицу послѣдняго ²⁾, тоже и по отношенію приобретеній управителемъ на деньги солдата ³⁾, супругомъ на деньги, подаренныи другимъ супругомъ ⁴⁾.

Нѣкоторые ученые полагаютъ, что юридическія лица приобретаютъ собственность безъ передачи владѣнія ихъ представителямъ. Но мнѣніе это, какъ неоснованное на ясныхъ положительныхъ выраженіяхъ источниковъ должно быть признано неосновательнымъ (*Wächter. Pand.* 2 p. 108 и п. 8).

Если вещь уже находилась въ юридическомъ владѣніи *accipientis*, то особаго акта передачи владѣнія не требовалось (случай т. наз. *brevi manu traditionis* ⁵⁾).

Г) *Traditio* переноситъ на *accipiens* только владѣніе. Передача есть простой фактъ и какъ таковой имѣетъ только фактическое значеніе. Для того, чтобы она вела за собою установленіе права собственности требуется еще наличность *justus titulus, justa causa* (или просто *titulus, causa*) *traditionis*, т. е. такого правового основанія, по которому передача владѣнія вела бы за собой и установленіе собственности ⁶⁾. Такое основаніе лежитъ въ намѣреніи *tradentis* перенести собственность на *accipiens*, *animus transferendi dominii*, и въ желаніи *accipientis* приобрести собственность, *animus accipiendi dominii*. Это согласіе, *consensus*, обѣихъ сторонъ и будетъ *titulus traditionis*. Этотъ *titulus* выражается въ сдѣлкѣ направленной на отчужденіе вещи въ собственность, а именно въ купль-продажѣ, мѣнѣ, даре-

¹⁾ L. 8 C. 7, 32.

²⁾ L. 2 D. 26, 9; L. 3 C. 5, 51.

³⁾ L. 8 C. 3, 32; L. 2 C. 5, 16.

⁴⁾ L. 55 D. 24, 1..

⁵⁾ § 44 J. 2, 1; L. 9 § 5; L. 21 § 1 D. 41, 1; L. 56 D. 6, 1.

⁶⁾ L. 31 pr. D. 41, 1; § 40 I. 2, 1.

ни, займѣ, уплатѣ долга (*solutio*) ¹⁾. Сдѣлка эта обыкновенно предшествуетъ традиціи, *causa praecedens*, но можетъ и слѣдовать за ней ²⁾.

Затѣмъ *titulus traditionis* можетъ быть выраженъ экспрессе, можетъ и предполагаться. Если изъ обстоятельствъ передачи владѣнія можно заключить о состоявшемся согласіи волей на переходъ собственности, то признается наличность такого *titulus traditionis*, напр. посылка и пріятіе подарка ко дню рожденія, подача нищему милостыни, и т. д. Въ силу естественнаго предположенія въ массѣ случаевъ передачи владѣнія о состоявшемся согласіи на переходъ и права собственности, и самый способъ разсматриваемаго пріобрѣтенія получилъ названіе отъ этого видимаго необходимаго его признака, *traditio* ³⁾.

Такое пониманіе *traditio* и *justa causa* во взаимномъ ихъ отношеніи многими учеными оспаривается. Такъ думаютъ, что въ *traditio* выражается вся та сдѣлка, по которой переносится въ дѣйствительности право собственности, словами же *justa causa* выражается вся сумма тѣхъ субъективныхъ и объективныхъ условій, которыя послужили поводомъ къ данному акту переноса, какъ-то воля сторонъ, способность вещей къ переходу въ собственность¹ и т. п. (см. *Exner* cit. p. 10 и слѣд.; p. 50 и слѣд.; p. 317 и слѣд. Съ нпмъ въ существенномъ согласенъ и *Hofmann*. Die Lehre vom *titulus* u. *modus acquirendi* u. von der *justa causa traditionis*. Wien 1873 p. 80 и слѣд.). Но источники въ цѣломъ рядѣ выраженій (сведены у *Stempel*. Ueber die *justa causa* bei der Tradition. Wismar 1856 p. 4—9) *tradere* противоплагаютъ *dare*, какъ переносъ владѣнія предоставленію права на вещь. Поэтому вѣрнѣе подѣ *traditio* разумѣть меньшее, а именно простой фактъ передачи, подѣ *justa* же *causa* обыкновенно — сдѣлку, сопровождающую эту передачу (*Scheurl* cit. p. 190, 191). Но не всегда необходима наличность именно сдѣлки для перехода права собственности по *traditio*, хотя въ прежнее время

¹⁾ L. 55 D. 41, 7; L. 65 § 4 D. 36, 1.

²⁾ L. 10 D. 39, 5; L. 7 § 3 D. 23, 3; L. 2 pr. § 2—4 D. 12, 1. Dig. de cond. causa data 12, 4.

³⁾ *Windscheid*. Pand. I p. 534.

почти всѣ ученые были иного мнѣнія. Такъ со временъ глоссаторовъ до половины настоящаго столѣтїя, т. е. до Савинья, подъ *justus titulus traditionis* разумѣли ту сдѣлку, изъ которой слѣдовало заключить объ *animus transferendi* и *acquirendi dominii*, и такимъ образомъ для каждаго перехода права собственности по традиціи требовали наличности сдѣлки; одного *consensus*, какъ бы ясно оно ни было выражено, считалось недостаточнымъ (см. *Landsberg. Die Glosse d. Accursius u. ihre Lehre v. Eigenthum* p. 106, 107).

Впрочемъ все ученіе самихъ глоссаторовъ объ *causa trad.* было весьма неопредѣленно поставлено и мало развито. Со временъ Савинья (*Oblig. 2 § 78*) господствующее воззрѣніе то, что подъ *just. tit. trad.* разумѣется всякое внѣшнее происшествіе или фактъ, изъ котораго слѣдуетъ желаніе перенести право собственности съ одной стороны и желаніе приобрести его — съ другой стороны.

При наличности *consensus* на переходъ собственности послѣдній имѣетъ мѣсто и тогда, когда напр. *animus* каждой изъ сторонъ основывается на различныхъ сдѣлкахъ. Такъ, если А. передаетъ Б. съ намѣреніемъ сдѣлать ему подарокъ, а Б. принимаетъ эту сумму за заемъ. Въ этомъ случаѣ не будутъ дѣйствительны ни дареніе, ни заемъ, такъ какъ требуемаго согласія по даннымъ сдѣлкамъ не состоялось; но тѣмъ не менѣе собственность переходитъ на Б., такъ какъ согласіе на такой переходъ выражено несомнѣнно, имѣется и *animus dominii transferendi* и *an. dom. acquirendi*.

По данному вопросу имѣются въ источникахъ два различныхъ рѣшеній, Юліана (L. 36 D. 41, 1) и Ульпіана (L. 18 pr. D. 12, 1). Первый выражаетъ начало, высказанное въ текстѣ; второй же полагаетъ, что если при *traditio* денегъ имѣлась въ виду одной стороной сдѣлка даренія, а другой заемъ, то деньги не поступали въ собственность принявшаго ихъ. Послѣ безконечныхъ попытокъ примирить эти два мѣста (изъ послѣднихъ см. *Pagenstecher cit.* 2 p. 218 и слѣд.; *Exner cit.* p. 76 и слѣд.) многіе ученые пришли къ заключенію, что мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительнымъ разногласіемъ двухъ юристовъ (см. *Scheurl cit.* p. 191 и слѣд.; *Strempel cit.* p. 39); причемъ мнѣніе Юліана

на болѣе соотвѣтствуетъ теоретической конструкціи передачи, какъ способа пріобрѣтенія собственности.

Поэтому же не будетъ перехода собственности, когда стороны ошибаются въ вещи, т. е. если произошла передача не той вещи, которую имѣли въ виду стороны ¹⁾). Въ этомъ случаѣ *tradens* не желалъ отчуждать переданной вещи. Тоже будетъ и тогда, когда *tradens* заблуждался относительно лица *accipientis* ²⁾). Здѣсь нѣтъ желанія отчуждить въ пользу *accipientis*. Не будетъ перехода собственности и въ томъ случаѣ, когда представитель *tradentis* передаетъ собственную вещь въ убѣжденіи, что она принадлежитъ принципалу ³⁾). Во всѣхъ этихъ случаяхъ не будетъ въ наличности *consensus*, т. е. дѣйствительнаго титула передачи.

Поэтому же не всегда передача вещи при внѣшнемъ *justus titulus traditionis* переноситъ собственность на *accipientem*. Такъ при купль-продажѣ собственность на купленную вещь устанавливается покупателю только съ момента уплаты покупной цѣны ⁴⁾). До этого же момента нельзя предполагать намѣренія продавца установить на переданную вещь право собственности покупателя.

2) Приемство помимо воли прежняго собственника.

Судебный приговоръ, *adjudicatio*

Пріобрѣтеніе собственности непосредственно чрезъ судебный приговоръ бываетъ въ слѣдующихъ случаяхъ:—*Adjudicatio* при т. наз. *judicia divisoria*, приговоръ по раздѣлу общей вещи ⁵⁾). Этимъ приговоромъ судья можетъ представить одной изъ сторонъ собственности въ общей вещи или спорной межѣ ⁶⁾). Тутъ собственность пріобрѣталась непосредственно по приговору ⁷⁾). Эти случаи должно строго отличать отъ тѣхъ, когда приговоромъ только признается соб-

¹⁾ L. 34 пр. D. 41, 2; L. 2 § 6 D. 41, 4.

²⁾ L. 32 D. 12, 1.

³⁾ L. 35 D. 41, 1 ср. L. 49 D. 17, 1. *Vangerow* Pand. 1 § 311 Anm. 3.

⁴⁾ L. 19 D. 18, 1.

⁵⁾ § 7 I. 4, 17; L. 6 § 3 D. 40, 7; L. 17 D. 41, 3.

⁶⁾ § 4—6 I. 4, 17; L. 12 § 2. L. 16 § 1; L. 36; L. 44 § 1; L. 47 пр.; L. 55 D. 10, 2.

⁷⁾ L. 45 D. 2, 14.

ственность въ результатѣ судебного о ней спора ¹⁾). Въ упомянутыхъ случаяхъ обѣ стороны должны быть собственниками данной вещи ²⁾).—Когда на заложенную вещь не находится покупателя, то по *dominii impetratio* она могла быть приговорена въ собственность залогопринимателю ³⁾).—Съ этими призрами имѣютъ много общаго тѣ случаи, когда собственность переносилась судебною властью чрезъ посредство владѣнія. Такъ сюда относятся:—*Missio in possessionem ex secundo decreto*, когда собственникъ имущества, угрожающаго другому вредомъ, не даетъ *cautionem de damno infecto* ⁴⁾).—Когда судья во исполненіе своего приговора на переносъ собственности отнимаетъ вещь у непослушнаго отвѣтника и передаетъ ее истцу ⁵⁾).—

Сюда же относятся и аукціонная продажа чужого имущества магистратами (*auctio, subhastatio, bonorum sectio, emptio sub coena*). Въ Юстиніановомъ правѣ такая продажа магистратомъ вещей, доставшихся казнѣ, переносила собственность только *titulo universali* ⁶⁾).

Законъ, lex.

Непосредственно по закону безъ волеизъявленія собственника или рѣшенія судьи, собственность переходитъ: — На вещи, подлежащія пошлинѣ и не оплаченные таковыми, къ лицу, имѣющему право на эту пошлину ¹⁾). За тѣмъ, принадлежащее къ брачному имуществу переходитъ къ дѣтиямъ перваго брака въ случаѣ вторичнаго вступленія въ бракъ оставшагося родителя. Зданія въ общей собственности находящіяся переходятъ къ участнику, которому будетъ отказано остальными участниками пособіе въ поправкѣ. Покинутый участокъ, обложенный податью, переходитъ въ собственность обработывателя, буде собственникъ не озаботится въ продолженіи 2 лѣтъ и не вознаградитъ сдѣланныхъ издержекъ ²⁾). Наконецъ, нѣсколько слу-

¹⁾ Ср. L. 8 § 4 D. 8, 5.

²⁾ Arg. L. 17 D. 41, 3; L. 7 pr. D. 6, 2.

³⁾ L. 15 § 3 D. 42, 1; L. 3, C. 7, 53, L. 3 C. 8, 23; Cod. 8, 34 de jure domini impetrando.

⁴⁾ L. 7 pr. L. 15 § 21, 23, 26, 27, 33 D. 39, 2.

⁵⁾ Windscheid. Pand. 1 § 173.

⁶⁾ L. 51 pr. D. 5, 3.

⁷⁾ Dig. de publicanis et vectigalibus et comissis 39, 4; Cod. 4, 61.

⁸⁾ L. 8 C. 11, 58.

чаевъ, когда устанавливается собственность на вещь собственнику денегъ, уплаченныхъ за нихъ другимъ лицомъ отъ своего имени (см. ниже).

Usucapio, давностное владѣніе ¹⁾.

Подъ usucapio разумѣется такой способъ пріобрѣтенія собственности, который основывается на владѣніи чужою вещью въ продолженіи пзвѣстнаго срока, *justo titulo* и *bone fide*. *Usucapio est adjectio dominii per continuationem possessionis temporis lege definiti* ²⁾.

Въ различныя времена давностное владѣніе имѣло различныя предположенія.

Давностное владѣніе знали уже XII таблицъ подъ именемъ *usus et auctoritas* ³⁾, каковыми словами обозначалось, что *ius civile* защищаетъ фактъ владѣнія и пользования вещью (*usus* ⁴⁾), по истеченіи опредѣленнаго времени, своимъ правовымъ признаніемъ (*auctoritas* ⁵⁾). Позднѣ вошло въ употребленіе другое слово, *usucapio* (*usucapio*). Пріобрѣтательная давность древняго *ius civile* вела къ установленію права квинтской собственности на чужую вещь чрезъ владѣніе *justo titulo et bona fide* въ продолженіи двухъ лѣтъ для *fundus italicus* (также для *aedes*) и одного года для движимыхъ предметовъ ⁶⁾: *usus auctoritas fundi biennium, ceterarum rerum annus esto*. Институтъ этотъ былъ весьма ограниченный въ своихъ условіяхъ. Такъ только предметы способные состоять въ квинтской собственности могли подлежать переходу по давности въ собственность. Не могли быть объектами давности, напр., *fundi provinciales* ⁷⁾, изъ ко-

¹⁾ *Inst. de usucapionibus et longi temporis possessionibus* 2, 6; *Dig. de usurpationibus et usucapionibus* 41, 3; *Cod. de praescriptione longi temporis decem vel viginti annorum* 7, 33.—*Unterholzner*. Ausführliche Entwicklung d. gesammten Verjährungslehre 2 B. ed 2 1858. *Schirmer* Die Grundidee der Usucapion im römischen Recht 1855; *Schewr!* Zur Usucapionslehre въ *Beiträge zur Bearbeitung d. Röm. Rechts* B. 2 H. 1 p. 29—86.

²⁾ L. 3 D. 41, 3.

³⁾ Cic. *Topica* 4; pro *Caecina* 19.

⁴⁾ Cp. L. 115 D. 50, 16.

⁵⁾ Cp. Cic. *de off.* 1, 12.

⁶⁾ Gaj. 2 § 42, 43.

⁷⁾ L. un. pr. in medio C. 7, 31.

торыхъ позднѣе главнымъ образомъ состояло поземельная собственность. Не могли приобрѣтать по *usucapio* peregrины, какъ неспособные имѣть квинтской собственности ¹⁾: *adversus hostes aeterna auctoritas esto* ²⁾. Съ расширеніемъ коммерческаго оборота съ peregrинами и постояннымъ увеличеніемъ числа провинцій почувствовалась настоятельная необходимость создать особую форму давности въ области примѣненія *usucapionis*. И вотъ появляется въ преторскомъ правѣ т. наз. *longi temporis praescriptio* или *possessio*. Примѣнялась эта давность безъ различія ко всѣмъ движимымъ ³⁾ и недвижимымъ предметамъ и между всѣми свободными жителями римскаго государства; но первоначально она не имѣла послѣдствіемъ превращать владѣніе въ собственность, а только предоставляла владѣльцу *per longum tempus* противъ *rei vindicatio* собственника *exceptio* или *praescriptio longi temporis* или *longae possessionis* ⁴⁾. Такимъ образомъ въ случаѣ потери владѣнія третьему лицу собственникъ немедленно могъ осуществить свое *rei vindicatio*, а бывший владѣлецъ не имѣлъ никакихъ средствъ возвратитъ себѣ владѣніе. Позднѣе императорскія конституціи дали этой давности значеніе приобрѣтательной давности. Условіемъ ея было владѣніе, какъ движимою, такъ и недвижимою вещью *bona fide* и *iusto titulo* въ продолженіи 10 лѣтъ *inter praesentes* или 20-ти *inter absentes* ⁵⁾. Давность эта вела къ установленію *dominium bonitatum* и предоставляла владѣльцу *rei vindicatio utilis* противъ всякаго третьяго лица ⁶⁾.—Рядомъ съ этими двумя видами давностнаго владѣнія въ позднѣйшемъ императорскомъ правѣ извѣстно было еще т. наз. *longissimi temporis praescriptio* для тѣхъ случаевъ, когда по самому свойству предмета нельзя было признать двухъ предыдущихъ видовъ давности, напр. предметомъ владѣнія была *res furtiva*, или когда владѣлецъ не могъ привести *iustum titulum* своего владѣнія. Въ этихъ случаяхъ чрезъ 30 лѣтъ (для нѣкоторыхъ предметовъ 40 лѣтъ) владѣнія

¹⁾ Ср. *Puchta*. *Adversus hostem aeterna auctoritas* въ *ergo* *Kleine civilistische Schriften* p. 24—71.

²⁾ *Cic. de off.* 1, 12.

³⁾ *L. 9 D. 44, 3.*

⁴⁾ *L. 12 D. 41, 3.*

⁵⁾ *Paulus 5, 2 § 3.*

⁶⁾ *L. 8 pr. i. f. C. 7, 39.*

противъ *rei vindicatio* собственника предоставлялось *exscriptio temporis* ¹⁾). Значить и эта давность первоначально была исковой погасительной давностью.

Въ это ученіе о давностномъ владѣніи были внесены Юстиніаномъ существенныя измѣненія.

Съ распространеніемъ правъ римскаго гражданства (особенно по закону Каракаллы), съ административнымъ раздѣленіемъ римской имперіи при Константинѣ, съ уничтоженіемъ при Юстиніанѣ *libertas latina* и *dediticia*, различія *res mancipi* и *res mancipi* и, наконецъ, различія *dominium Quiritarium* и *dominium bonitatum*;—было бы анахронизмомъ дальше удерживать различіе между древней *usucapio* и *longi temporis praescriptio*. И вотъ въ конституціи *de usucapione transformanda et de sublata differentia rerum mancipi et res mancipi* ²⁾ Юстиніанъ слилъ подъ общимъ названіемъ *usucapio* древнее *usucapio* и *longi temporis praescriptio* преторскаго права, установивъ общія для нихъ предположенія. Что же касается *longissimi temporis praescriptio*, то ей приданъ былъ Юстиніаномъ характеръ приобрѣтательной, но чрезвычайной, давности ³⁾. Таѣмъ образомъ съ Юстиніана мы должны различать: 1) обыкновенную приобрѣтательную давность владѣнія (*usucapio*) и 2) чрезвычайную приобрѣтательную давность владѣнія (*praescriptio longissimi temporis*).

1) Обыкновенная давность, *usucapio (ordinaria)*.

Общія условія этой давности были слѣдующія:—Требовалось, чтобы вещь ей подлежащая не была изъята особымъ законоположеніемъ отъ дѣйствія давности, т. е. чтобы она была изъ числа т. наз. *res habiles*. Чтобы на эту вещь установлено было юридическое владѣніе *possessio*. Чтобы это владѣніе основывалось не только на *justus titulus*, но сопровождалось еще *bona fides*. Чтобы такое владѣніе непрерывно продолжалось закономъ указанный для давности срокъ, *tempus*.

Всѣ эти условія въ средніе вѣка свели въ одинъ памятный стихъ: *Res habilis, titulus, fides, possessio, tempus*

¹⁾ L. 3, 4 C. 7, 39.

²⁾ Cod. 7, 31; pr. I. 2, 6.

³⁾ L. 8 pr. § 1 D. 7, 39.

Possessio. Первымъ условіемъ *usucapionis* есть установленіе юридическаго владѣнія надъ вещью ¹⁾ и притомъ съ намѣреніемъ приобрѣсти на нее право собственности ²⁾. При такъ наз. производномъ владѣніи залогопринимателя и прекарнста настоящимъ владѣльцемъ *ad usucapionem* остается передавшій вещь залогодатель и *precario datus* ³⁾; принявшій же ее разсматривается владѣльцемъ только со стороны осуществленія индиректовъ.

Изъ двухъ мѣстъ источниковъ, а именно L. 14 § 3 D. 44, 3 и L. 13 § 7 D. 41, 2, можно было бы заключить, что настоящими владѣльцами будутъ залогоприниматель и прекарнстъ, которыхъ владѣніе только зачитывается въ давностный срокъ залогодателью и *precario datus*. Но эти мѣста не относятся къ *usucapio*, а къ *interd. utrubi* въ до-юстиниановой его формѣ, и вошли въ сводъ по недосмотру (см. *Arndts Pand.* § 161 п. 2).—Но не всякое производное владѣніе имѣетъ указанное послѣдствіе; севестръ служитъ препятствіемъ для *usucapio* какой либо изъ сторонъ (L. 39 D. 41, 2).

Понятно, что юридическое владѣніе при *usucapio* должно соединять въ себѣ всѣ общія условія такового владѣнія, напр. о субъективныхъ условіяхъ владѣльца, о способности вещи состоять въ юрид. владѣніи; и т. д.

Res habilis, т. е. вещь должна быть изъ числа такихъ, которыя могли быть приобрѣтаемы въ собственность по давности. По общему правилу такими были всѣ вещи, способныя состоять на правѣ собственности. Только по исключенію изъяты были изъ дѣйствія давностнаго владѣнія нѣкоторые разряды вещей, а именно по двумъ основаніямъ: а) въ силу особой привилегіи собственника вещи ему принадлежащія не могли быть узупапированы, это, такъ сказать, *vitia ex persona* и б) въ силу признаковъ самихъ вещей, *vitia ex re*, они не могли подлежать давности, были *res vitiosae*.

А) По *vitia ex persona* неспособны подлежать дѣйствію

¹⁾ L. 25 D. 41, 3.

²⁾ Ср. L. 13 пр. D. 41, 3.

³⁾ L. 16 D. 41, 3; L. 1 § 15; L. 36 D. 41, 2; L. 15 § 4 D. 43, 26.

списаріоніс слѣдующіе разряды вещей:—1) *Res dominicæ* ¹⁾, вещи государя. 2) *Res fiscales* ²⁾, вещи казны, какъ юридическаго лица (*rescunia populi, patrimonium fisci*), а не *respublicæ*, которыя сами по себѣ были изъ числа *res extra commercium*. 3) *Res civitatum* ³⁾, вещи городскихъ общинъ, но не такія, какъ театры и т. д., т. е. вообще изъятая изъ оборота. 4) Недвижимости церквей и благотворительныхъ учреждений ⁴⁾. 5) Вещи отсутствующихъ на войнѣ ⁵⁾, военнопленныхъ и лицъ моложе 25 лѣтъ, *minores*. Относительно послѣднихъ до Юстиніана возможно было выполненіе *списаріоніс* ⁶⁾, противъ которой они могли защищаться *in integrum restitutione* ⁷⁾. Но Юстиніанъ постановилъ ⁸⁾, что по вопросу о давности владѣнія въ импорамъ прилагаются правила, установленныя для нихъ по вопросу о погасительной давности иска, а именно, что теченіе ея останавливается на все время несовершеннолѣтія ⁹⁾.

Таково господствующее воззрѣніе по вопросу о давностномъ владѣніи вещами несовершеннолѣтнихъ (см. напр. *Unterholzner* cit. I § 35; *Pagenstecher* cit. 2 p. 280 и слѣд.). По мнѣнію же другихъ писателей (напр. *Vangerow* Pand. 1 § 317 п. А. 5) и по Юстиніанову праву возможно было выполненіе давностнаго владѣнія по вещамъ несовершеннолѣтнихъ, но что только послѣдніе имѣли противъ убыточныхъ послѣдствій этой давности право просить *in integr. restitutio*. Третьи (напр. *Puchta*. Lehrbuch § 158 п. f.) примиряли эти два воззрѣнія, дѣлая различіе между движимыми и недвижимыми вещами.

Б) Въ силу *vitium rei inhærens* были изъяты изъ дѣйствія давностнаго владѣнія: 1) *Res furtivæ* ¹⁰⁾ (уже по XII таб-

¹⁾ Tit. Cod. de rei dominicæ vindic. temp. præscript. submov. 7, 38; L. 6 C. 11, 61.

²⁾ § 9 J. 2, 6; L. 18; L. 24 § 1 D. 41, 3.

³⁾ L. 9 D. 41, 3 ср. L. 15 § 27 D. 31, 2; Paul. Sent. Recept. 5, 2 § 4. *Vangerow*. Pand. 1 § 317 п. А. 4.

⁴⁾ Nov. 111, 1; Nov. 131, 6.

⁵⁾ L. 4 C. 7, 35.

⁶⁾ L. 2 D. 27, 5.

⁷⁾ L. un. C. 2, 36; L. 4 § 24 D. 44, 4.

⁸⁾ L. 5 C. 2, 41.

⁹⁾ L. 3 C. 7, 35.

¹⁰⁾ § 2, 3 J. 2, 6; L. 4 § 6; L. 33 pr. D. 41, 3; L. 215 D. 50, 6; L. 1 C. 6, 1.

лицамъ, а позднѣе по lex Atinia около 200 г. до Р. Х.), т. е. не только украденныя вещи, но также и добытыя грабежомъ. На эти вещи не допускалось выполнение давности не только самому fug, но и третьему лицу, которое прибрѣтеть отъ послѣдняго вещи *justo titulo* и *bona fide*. Но плоды украденной вещи сами по себѣ могли подлежать *узунаніи*¹⁾. Только по очищенію похищенныхъ вещей отъ даннаго недостатка (*purgatio vitii*) они получали способность подлежать дѣйствию давности. Очищеніе нормально совершалось тѣмъ, что *res furtivæ* поступали вновь во власть (*potestas*) ихъ собственника²⁾ или его представителя³⁾. Украденная вещь считалась возвращенною подъ власть собственника, когда онъ получалъ владѣніе надъ нею, притомъ такое, которое не могло быть отнято у него правовыми средствами, и при сознаніи, что возвращенная вещь именно его собственная у него до того похищенная⁴⁾; или когда представлялась возможность путемъ иска получить вещь обратно⁵⁾.

Весьма спорно въ наукѣ, совершается ли очищеніе возвращеніемъ вещи подъ власть такого обокраденнаго лица, которое не было собственникомъ вещи, напр. залогопринимателя, *узуректуарія* (ср. L. 4 § 6 D. 41, 3 и L. 49 D. 41, 3. *Arndts. Pand.* § 162 п. 3).

Но позднѣе съ указаннымъ очищеніемъ сравнены были тѣ случаи, когда *res furtiva* переходитъ къ третьему лицу съ согласія собственника⁶⁾, когда воръ прибрѣтаетъ на нее собственность⁷⁾ и т. п.

2) *Res vi possessæ*, т. е. поземельные участки, захваченные кѣмъ либо силою во владѣніе (по lex Julia et Plautia отъ конца республики⁸⁾). Подлежать очищенію какъ *res furtivæ*⁹⁾.

¹⁾ L. 4 § 19; L. 10 § 2; L. 33 pr. D. 41, 3; L. 11 § 4 D. 6, 2; L. 26 D. 50, 16.

²⁾ § 8 J. 2, 6; § 12 J. 4, 1; L. 4 § 6, 12, 21; L. 49 D. 41, 3; L. 7 § 3, 7 D. 41, 4; L. 84 D. 47, 2; L. 215 D. 50, 16.

³⁾ L. 4 § 8—11 D. 41, 3. См. *Vangerow Pand.* 1 § 317 п. A. 4.

⁴⁾ L. 4 § 12 D. 41, 3; L. 22 D. 41, 2; L. 86 D. 47, 2.

⁵⁾ L. 215 D. 50, 16.

⁶⁾ L. 4 § 13, 14; L. 32 pr. D. 41, 3.

⁷⁾ L. 42 in f. D. 41, 3.

⁸⁾ Gajus 2, 45; § 2 J. 2, 6; L. 4 § 22—26, 28; L. 33 § 2 D. 41, 3.

⁹⁾ § 8 J. 2, 6; L. 33 § 2 D. 41, 3; L. 86 D. 47, 2; L. ult. D. 47, 8; L. 5 C. 7, 26.

3) По постановленію Юстиніана¹⁾ поземельные участки, отчужденные недобросовѣстнымъ владѣльцемъ, до того времени пока собственникъ не узнаетъ объ этомъ отчужденіи и о своемъ правѣ на вещь и не будетъ въ состояніи осуществить послѣдняго.

4) *Tignum junctum*, матеріалъ застроенный въ чужое зданіе, пока не прекратится эта связь.

5) Всѣ вещи, которыхъ запрещено отчуждать, ибо *alienationis verbum etiam usucapionem continet*²⁾. Такъ назначенныя по легату вещи и отчужденныя наследникомъ³⁾. Далѣе, по постановленію Юстиніана сюда относятся *fundus dotalis*⁴⁾, пока жена не можетъ предъявить иска на возвращеніе⁵⁾. По постановленію Константина—*bona adventitia regularia*, пока продолжается отцовская власть⁶⁾. Затѣмъ вещи опекаемыхъ, которыя не могутъ быть отчуждены безъ декрета высшей опекунской власти⁷⁾. По *lex Julia repetundarum* вещи, которыя подъ какимъ либо титуломъ переходили *contra legem repetund.* къ проконсуламъ, преторамъ, намѣстникамъ провинціи⁸⁾. Спорныя межи⁹⁾.

Justus titulus. — Для приобрѣтенія права собственности по давностному владѣнію необходимо, чтобы это владѣніе основывалось на такомъ обстоятельстве, которое само по себѣ, *in abstracto*, способно вести къ установленію права собственности, но въ данномъ случаѣ, *in concreto*, не ведетъ къ такому послѣдствію по какимъ либо недостаткамъ. Напр. А. покупаетъ у Б. вещь и получаетъ ее путемъ передачи. Купля-продажа, сопровождаемая передачей, способна устанавливать право собственности на вещь. Но если Б. продавецъ не будетъ собственникомъ, а только владѣльцемъ вещи, то онъ не можетъ перенести по куплѣ-продажѣ собственности, а только владѣніе. Вотъ этотъ недостатокъ и восполняется давностью.

¹⁾ Novell. 119, 7.

²⁾ L. 28 pr. D. 50, 16 ср. L. 12 § 4 D. 6, 2.

³⁾ L. 3 § 3 C. 6, 43.

⁴⁾ L. 16 D. 23, 5.

⁵⁾ L. 30 C. 5, 12.

⁶⁾ L. 1 in f. C. 6, 60; L. 4 in f. C. 6, 61; L. 1 § 2 C. 7, 40.

⁷⁾ L. 3 § 5 D. 27, 9.

⁸⁾ L. 8 D. 48, 11; L. 48 pr. D. 41, 1.

⁹⁾ L. 6 C. 3, 39.

Если имѣемъ дѣло съ такимъ титуломъ, который никогда не будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ установленіе права собственности, а можетъ вести только къ *detentio rei*,—то на такомъ титулѣ не можетъ основываться давностное владѣніе, какъ напр. на договорѣ ссуды (*commodatum*), на поклажѣ (*depositum*) и т. д.

Иногда давностное владѣніе выполняется, когда оно въ основѣ не имѣетъ никакого титула, или имѣетъ такой титулъ, который не способенъ устанавливать право собственности. Въ этихъ случаяхъ говорятъ о *titulus putativus*¹⁾:—а) Если въ основѣ владѣнія неимѣется вовсе титула, тогда какъ владѣлецъ представляетъ себѣ наличность какого нибудь титула (напр. думаетъ, что владѣетъ вещью по отказу, котораго небыло), то *usucapio* не можетъ имѣть мѣста²⁾. Но въ иныхъ случаяхъ, когда такое представленіе о титулѣ основано на весьма уважительномъ фактическомъ заблужденіи положительнымъ правомъ допускается *usucapio* какъ бы титулъ (*pro suo*) былъ на лицѣ³⁾. б) Въ другихъ случаяхъ владѣніе основывается на титулѣ, но который выражается въ ничтожномъ актѣ (напр. совершена купля-продажа съ слабоумнымъ), тутъ также фактическое заблужденіе дѣлаетъ изъ мнимаго титула *titulus justus*⁴⁾.

Титуловъ давностнаго владѣнія столько, сколько существуетъ актовъ приобрѣтенія собственности: *genera possessionum tot sunt, quot et causae adquirendi ejus, quod nostrum non sit*. Титулъ поэтому обыкновенно обозначается наименованіемъ самой юридической сдѣлки при предлогѣ *pro*: *possidere pro emptore*⁵⁾, *pro donato*⁶⁾, *pro legato*, *pro dote*⁷⁾, *pro herede*⁸⁾, *pro uxore* и т. д. Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на *titulus*, обозначаемый словами *pro suo*. Такъ обозначается прежде всего мнимый титулъ (см. выше подъ а), затѣмъ владѣніе, къ которому нельзя приложить какого нибудь специально выставленнаго титула (напр. владѣніе родившимся отъ рабыни ребенкомъ),

1) См. *Wächter*. Pandekt. 2 p. 154, 155.

2) L. 27 D. 41, 3; L. 2 pr. D. 41, 4; L. 2 D. 41, 8; § 11 J. 2, 6.

3) L. 4 § 2; L. 5 § 1 D. 41, 10; L. 11 D. 41, 4.

4) L. 2 § 15, 16 D. 41, 4; L. 9 D. 41, 8.

5) Dig. 41, 4 pro emptore; Cod. 7, 26.

6) Dig. 41, 6 pro donato; Cod. 7, 27.

7) Dig. 41, 9 pro dote; Cod. 7, 28.

8) Dig. 41, 5 pro herede; Cod. 7, 29.

или титулъ, неизмѣющій въ источникахъ особаго наименованія (напр. владѣніе по *iusiurandum extra iudiciale*), а наконецъ pro suo было общимъ обозначеніемъ всякаго *justus titulus*, имъ выражалось, что владѣютъ вещью, считая ее принадлежащею себѣ¹⁾.

*Bona fides*²⁾. Для выполненія давностнаго владѣнія требуется, чтобы владѣлецъ находился въ убѣжденіи, что онъ собственникъ владѣемой вещи. Подъ *bona fides* разумѣется убѣжденіе лица, что обладаніемъ вещи на правахъ хозяина оно не нарушаетъ ничьихъ правъ, напр. если оно купило эту вещь въ убѣжденіи, что продавецъ былъ дѣйствительнымъ собственникомъ ея. Итакъ давностное владѣніе основывается всегда на заблужденіи, *error*.

Насколько къ *usucapio* примѣняются общія правила объ *error*, въ наукѣ споръ. Большинство (*Arndts. Pand. § 160 note n* и въ *Anm. 4*) полагаетъ, что *bona fides* основанная на *error juris* никогда не ведетъ *ad usucapionem*; а *error facti* извиняется, когда онъ будетъ *probabilis*. Другіе ученые (*Wächter. Pandek. 2 p. 156, 157*), выходя изъ общаго смысла *bonae fidei*, считаютъ для *usucapio* безразличнымъ самый родъ заблужденія; они не находятъ ни одного мѣста источниковъ, которое отрицало бы *bona fides* при *error juris*, а наоборотъ выводятъ изъ источниковъ такое положеніе, что *bona fides* будетъ налицо и тогда, когда кто либо по *error juris* считаетъ себя дѣйствительно управомоченнымъ.

Bona fides требуется только въ началѣ владѣнія³⁾: *mala fides superveniens non nocet*. При куплѣ-продажѣ римское право спеціально требовало наличность *bonae fidei* не только при *traditio*, но уже и при самомъ заключеніи сдѣлки⁴⁾. При приобрѣтеніи владѣнія чрезъ представителя требуется *bona fides* въ лицѣ представляемаго, но если представительство происходитъ по-

¹⁾ L. 1 pr.; L. 4 § 2; L. 5 § 1 D. 41, 10.

²⁾ *Wächter. Die bona fides insbesondere bei der Ersitzung des Eigentums. Leipzig 1871*; *Bruns. Zur Lehre von der bona fides bei der Verjährung* въ *Archiv. f. d. civil. Praxis N. F. Bd. 7 Heidelberg 1874 p. 275—305.*

³⁾ L. 4 § 18 D. 41, 3 *ср.* L. 2 pr. D. 41, 4.

⁴⁾ L. 2 pr. i. f. D. 41, 4.

ими воли представляемаго, то bona fides должна быть въ лицѣ и представителя и представляемаго ¹⁾).

Въ до-юстиніановомъ правѣ для цѣлаго ряда случаевъ mala fides не считалась препятствіемъ къ usucapio. Это т. наз. usucapiones iustitiae ²⁾). Сюда относились: а) Usucapio pro herede ³⁾). Если наследникъ замѣдлил принять наследство, то всякое постороннее лицо могло приобрести по годовой давности владѣнія право собственности на него ⁴⁾). Имп. Адрианъ предоставилъ наследнику и по выполненію давности hereditatis petitio противъ овладѣвшаго mala fide наследствомъ ⁵⁾). Затѣмъ Маркъ Аврелій положилъ уголовное преслѣдованіе противъ узурпаторовъ чужого наследства ⁶⁾). Съ этихъ поръ usucapio pro herede потеряло свое правическое значеніе. При Юстиніанѣ же оно подвдилось уже подъ общія правила всякого давностнаго владѣнія. б) Usucapio ex fiducia ⁷⁾), т. е. годовая давность въ пользу собственника вещи, заложенной въ формѣ fiducia и оставшей въ руки залогодателя ни по сдѣлкѣ найма съ залогопринимателемъ, ни по прекаріуму. Въ Юстиніановомъ правѣ этой формы залога уже не существовало. в) Usucapio ex praedicta ⁸⁾), давность въ пользу собственника вещи, обязанной государству и имъ проданной, а затѣмъ извѣстный срокъ (для земли 2 года) оставленной покупщикомъ (praedictor, qui mercator a populo) во владѣніе ея собственника. Въ Юстиніановомъ правѣ болѣе не упоминается. г) Usucapio ex Rutiliana constitutione, давность въ пользу того, кто купилъ у женщины безъ участія опекуна res mancipii и впродолженіи 1 или 2 лѣтъ не получилъ обратно уплоченной суммы ⁹⁾). Съ уничтоженіемъ пожизненной опеки женщинъ исчезла само собою и эта давность.

Термины, срокъ. Срокъ давностнаго владѣнія былъ 3 года для движимыхъ вещей, а для недвижимыхъ 10 или 20 лѣтъ,

¹⁾ L. 2 § 10—13 D. 41, 4.

²⁾ Gaj. 2, 52—61.

³⁾ *Scheurl*. Usucapio pro herede въ Beitr. I p. 94—102.

⁴⁾ Gajus 2, 52—56.

⁵⁾ Gaj. 2, 57.

⁶⁾ L. 1 D. 47, 19.

⁷⁾ Gajus 2 § 59, 60.

⁸⁾ Gajus 2, 61.

⁹⁾ Fragm. Vatic. § 1.

первое *inter praesentes*, второе — *inter absentes*¹⁾, т. е. смотри потому, будутъ ли собственникъ и владѣлецъ по давности имѣть свой *domiciliū* въ одной и той же провинціи или нѣтъ²⁾. Мѣстонахождение приобретаемой по давности вещи безразлично. Если часть давностнаго срока приобретающей и собственникъ были *praesentes*, а другую часть — *absentes*, то въ послѣднемъ случаѣ остальные года 10-ти-лѣтняго срока должны быть удвоены³⁾. Затѣмъ, всѣ дни даннаго срока принимаются въ расчетъ (*tempus continuum*) за исключеніемъ случаевъ *praescriptio dormiens* (*quiescens*). Такъ, приостанавливается давность, когда вещь поступаетъ въ собственность лица, противъ котораго не допускается давности (напр. несовершеннолѣтняго); или когда предъявленію иска со стороны собственника имѣются правовыя препятствія (*agere non valenti non currit praescriptio*⁴⁾). Вычисленіе происходитъ по началамъ *computatio civilis*, т. е. не *a momento ad momentum*, но *a die ad diem*. При этомъ прилагается правило: *dies ultimus coeptus pro jam completo habetur*, т. е. давность считается выполненшеюся съ началомъ послѣдняго дня даннаго срока⁵⁾.

Владѣніе продолженіе даннаго срока должно отправляться непрерывно. Перерывъ (*usurpatio*⁶⁾) лишаетъ предшествующее владѣніе всякаго значенія. Перерывъ можетъ выражаться или въ томъ, что *usurarius* лишается владѣнія (*naturalis usurpatio*⁷⁾, или вещь становится *non habilis* (напр. поступаетъ въ собственность казны), или самъ владѣлецъ дѣлается неспособнымъ приобретать по давностному владѣнію (напр. по древнему праву если *civis* становился позднѣе *servus*, или *peregrinus*).

Предъявленіе собственникомъ иска противъ владѣльца не прерываетъ давности, но можетъ имѣть послѣдствія подобныя перерыву. Такъ напр. собственникъ предъявляетъ искъ въ теченіи давности и дѣло доходитъ до *litis contestatio*. Если отъ этого момента до постановленія приговора

¹⁾ пр. J. 2, 6.

²⁾ L. 12 C. 7, 33.

³⁾ Nov. 119, 8.

⁴⁾ § 29 J. 2, 1; L. 30 C. 5, 12; L. 1 § 2 C. 7, 40.

⁵⁾ L. 15 пр. D. 44, 3; L. 6, 7 D. 41, 3.

⁶⁾ L. 2 D. 41, 3.

⁷⁾ L. 5 D. 41 3.

выполняется давностный срокъ, то владѣлецъ приобрѣтаетъ по *usucapio* собственность на вещь. Но если затѣмъ приговоръ будетъ въ пользу истца, то отвѣтчикъ лишается выгодъ выполнявшейся давности, обязуется выдать вещь. *Fragm. Vat.* § 12; *L. 17—21 D. 6, 1*. Приложение этого начала въ Юстиніановомъ правѣ спорно (см. *Arndts. Pand.* § 163 п. 2).

Изъ правила о непрерывности владѣнія римское право допускало изъятія въ видѣ зачета новому владѣльцу въ давностный срокъ время владѣнія *auctoris*, т. наз. *accessio possessionis* ¹⁾. Зачетъ этотъ допускался какъ а) при *successio singularis*, такъ и б) при *successio universalis*.

а) Въ первомъ случаѣ требуется прежде всего, чтобы владѣніе, переходящее отъ *auctora* на *successora* было непрерывное ²⁾; затѣмъ, чтобы преемникъ самъ лично находился *in conditione usucapiendi*, т. е. приобрѣлъ владѣніе *justo titulo* и *bona fide* ³⁾. При этихъ только условіяхъ совершается въ давностный срокъ зачетъ владѣнія *auctoris*. Римскіе юристы ясно сознавали отклоненіе въ этихъ случаяхъ отъ начала непрерывности,—ибо давностное владѣніе преемника было новымъ владѣніемъ,—и поэтому только постепенно допускали зачетъ.

б) Во второй категоріи случаевъ зачета имѣемъ дѣло съ такъ наз. теперь *successio in conditionem usucapiendi*, а именно со смертью владѣльца *ad usucapionem* теченіе давностнаго владѣнія не останавливается ⁴⁾. Для выполненія *usucapionis* не требуется даже, чтобы наследникъ вступилъ во владѣніе: *usucapio* можетъ выполниться и въ состояніи такъ наз. *hereditas jacens* ⁵⁾. Но требуется только, чтобы въ промежутокъ отъ смерти наследователя до выполненія *usucapionis* не имѣлось владѣнія третьяго лица ⁶⁾. — И въ этихъ случаяхъ нельзя не видѣть отклоненія ⁷⁾ отъ начала непрерывности, ибо со смертью наслед-

¹⁾ *Dig. de divers. tempor. praescript., et de accessionibus possessionum* 44, 3.

²⁾ *L. 15 § 1 D. 44, 3*; *L. 13 § 4 D. 41, 2*.

³⁾ *L. 13 § 13 D. 41, 2*; *L. un. § 3 C. 7, 31*.

⁴⁾ § 12 *J. 2, 6*; *L. 2 § 18, 19 D. 41, 4*.

⁵⁾ *L. 31 § 5*; *L. 40 D. 41, 3*; *L. 6 § 2 D. 41, 4*.

⁶⁾ *L. 20 D. 41, 3*; *L. 6 § 2 in f. D. 41, 4*.

⁷⁾ *L. 44 § 3 D. 41, 3*.

додателя несомнѣнно прерывается владѣніе, а вмѣстѣ и usucapio. Основаніе же этого изъятія заключается въ понятіи наследованія, какъ вступленія во всѣ имущественныя права наследодателя ¹⁾, а въ томъ числѣ и въ права usucapionis.

2. Чрезвычайная давность владѣнія (praescriptio longissimi temporis).

Чрезвычайная давность имѣетъ приложеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя сослаться на обыкновенную давность. Признаки ея слѣдующія: она прилагается и къ владѣнію всѣми тѣми вещами, которыя изъяты изъ дѣйствія обыкновенной давности. Только воровствомъ и грабежомъ добытыя вещи не подлежатъ и чрезвычайной давности; равно какъ вещи, которыхъ отчужденіе запрещено, какъ-то res impuberum, furiosi, prodigi, bona adventitia, fundus dotalis.

Требуется bona fides при началѣ владѣнія ²⁾; justus же titulus не требовался. Но такъ какъ bona fides должно же на чемъ либо основываться, то и въ данномъ случаѣ будетъ titulus, который можетъ быть tit. putativus ³⁾.

Наличность всѣхъ условій такъ назыв. исковой давности, т. е. чтобы: а) Rei vindicatio была nata. б) Собственникъ не предъявлялъ иска. в) Истечение 30 лѣтъ. Этотъ срокъ иногда увеличивался на 40 лѣтъ, а именно для res litigiosae отчужденныхъ одною изъ судебныхъ сторонъ, для имущества государства, правителя, церквей и благотворительныхъ учреждений. Теченіе этого срока должно быть непрерывно по началамъ исковой давности. Но при счетѣ допускается и при чрезвычайной давности accessio possessionis.

II. Приобрѣтеніе безъ преемственности.

1) Захватъ никому не принадлежащихъ вещей, occupatio.

Вещь безхозянная, никому непринадлежащая (res nullius) поступаетъ въ собственность тому, кто первый ея овладѣетъ

¹⁾ Ср. L. 22 D. 41, 3; L. 30 pr. D. 4, 6.

²⁾ L. 8 pr. § 1 C. 7, 39.

³⁾ См. Unterholzner cit. 1 § 104; 2 § 185. Brinz. Pand. 1 § 62 ср. Arndts. Pand. § 164 и п. 2.

alio sibi habendi: res nullius cedit occupanti¹⁾. Основывается это положеніе на естественномъ заключеніи разума. Итакъ occupatio есть овладѣніе вещью никому непринадлежащею съ намѣреніемъ сдѣлаться ея собственникомъ. Изъ этого опредѣленія вытекають слѣдующія условія occupatiōis:

А) *Субъективныя*. Occupans можетъ быть всякій, кто своею волею въ состояніи приобрѣсти владѣніе и собственность.

Б) *Объективныя*. Предметомъ occupat. могутъ быть только вещи никому непринадлежащія, res nullius, съ которыми не слѣдуетъ смѣшивать res, quæ nullius in bonis sunt (т. е. res extra commercium). Поэтому находка чужихъ потерянныхъ вещей не устанавливала права собственности нашедшему, ибо потеря не прекращала права собственности прежняго хозяина²⁾. Къ res nullius относятся:

1) Вещи никому не принадлежащія въ собственность, какъ-то камни, раковины, и т. п., выброшенныя моремъ³⁾, insula, quæ in mari nata est, вновь открытыя земли. Сюда же относятся и дикія животныя, ferae bestiae, которыя поступаютъ въ собственность къ первому овладѣвшему ими безъ вниманія къ тому на чьей землѣ производилась охота. Римское право отдѣляло вопросъ о правѣ охоты (ius venandi) отъ права собственности овладѣвшаго животнымъ⁴⁾.

2) Вещи прежде принадлежавшія кому либо въ собственность. Сюда относятся:

а) Вещи принадлежавшія непріятелю, *praeda*, добыча. На непріятельскія земли квинтарную собственность прибрѣтало occupatiōe римское государство; земли эти становились агег publicas populi Romani. Понятіе *praeda* относилось только къ движимымъ вещамъ, принадлежавшимъ граждавамъ чужаго государства и на войнѣ захваченнымъ римскими войнами. Вещи эти, признававшіяся до того за res nullius, путемъ оккупациі становились квинтарскою собственностью⁵⁾.

¹⁾ L. 3 pr. D. 41, 1.

²⁾ L. 67 D. 6, 1. См. Delbrück. Vom Finden verlorener Sachen въ Jahrb. f. d. Dogmat. B. 3 p. 6—9.

³⁾ § 18 J. 2, 1.

⁴⁾ Wächter. Das Jagdrecht u. die Jagdvergehen. Leipzig 1868, 1869.

⁵⁾ § 17 J. 2, 1; L. 5 § 7; L. 51 § 1 D. 41, 1; L. 1 § 1 D. 41, 2.

Въ наукѣ встрѣчаемъ оживленный споръ о природѣ *bellica occupatio*; считать ли ее за частный способъ приобрѣтенія собственности или нѣтъ (см. *Stern. D. Unterschied zwisch. civil. u. natur. Eigenthumserwerbsarten p. 24—36*).

б) Вещи, оставленныя собственникомъ съ намѣреніемъ отказаться отъ права собственности на нихъ, *res derelictae* (см. ниже).

в) Дикія животныя, вернувшіяся на свободу изъ неволи, и прирученныя животныя (*animalia mansuefacta*), потерявшія *consuetudinem revertendi*¹⁾.

г) Кладъ, *thesaurus*. Подъ кладомъ разумѣются цѣнныя движимыя вещи, издавна спрятанныя въ другой вещи, землѣ, или движимой же вещи, такъ что нельзя узнать ихъ собственника: *thesaurus est vetus quaedam depositio pecuniae, cujus non extat memoria, ut jam dominum non habeat*²⁾. Отъ потерянной вещи, которая можетъ быть также цѣнной и спрятанной вещью³⁾, кладъ отличается тѣмъ, что онъ представляетъ вещи, положенныя издавна и неоставляющія возможность опредѣлить ихъ собственника; тогда какъ потерянными вещами будутъ тѣ вещи, которыя утеряны недавно, и существуетъ еще предположеніе о возможности отыскать ихъ собственника⁴⁾.

Многіе ученые не признаютъ кладъ за *res nullius* на томъ основаніи, что тутъ нельзя видѣть *derelictio* со стороны собственника, а поэтому съ другой стороны тутъ явно выражено желаніе положившаго кладъ перенести собственность въ немъ на своихъ наследниковъ, эти же въ свою очередь предполагаются переносящими собственность на своихъ наследниковъ и т. д. (см. *Schmidt. Pandecten B. I p. 70*). Возрѣніе это едва ли справедливо уже потому, что сознаніе собственности при кладѣ исчезаетъ вовсе, а затѣмъ и потому, что распредѣленіе клада въ собственность не носитъ на себѣ и признаковъ принадлежности его къ чьему либо имуществу.

¹⁾ § 12—16 J. 2, 1; L. 1 § 1; L. 5, L. 55 D. 41, 1.

²⁾ L. 31 § 1 D. 41, 1.

³⁾ L. 67 D. 6, 1.

⁴⁾ *Delbrück. Vom Finden verlor. Sachen cit. p. 20, 21.*

Послѣдствія *inventionis thesauri* слѣдующія ¹⁾:

1) Будетъ найденъ кладъ на собственной землѣ, то онъ весь поступаетъ въ собственность нашедшаго.

2) Будетъ найденъ кладъ на чужой землѣ, то дѣлается различіе: была ли находка случайная или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ кладъ дѣлится пополамъ между нашедшимъ и собственникомъ земли. Если же нашедшій кладъ искалъ его, то весь кладъ поступаетъ собственнику земли. Послѣднія правила прилагаются и къ случаямъ находки клада на собственности государства, какъ-то публичныхъ дорогахъ, публичныхъ рѣкахъ, а также и на *locus sacre* и *religiosus*.

Касательно послѣднихъ случаевъ въ источникахъ нѣются два мѣста, несогласныхъ другъ другу: L. 3 § 10 D. 49, 14 и § 39 J. 2, 1. Изъ перваго слѣдуетъ, что половина найденнаго въ *locus relig.* клада поступаетъ въ казну, а изъ второго, что онъ весь идетъ нашедшему. Дѣло, конечно, идетъ только о случайной находкѣ, ибо намѣренное исканіе въ *locus sacre* и *religiosus* считалось за преступленіе (*Th. C. IX, 17 De sepulcro violato*; *Cod. 9, 19*; L. 9 § 1 D. 48, 13) и вело за собою отобраніе найденнаго клада въ казну (L. 5 pr. D. 3, 6; L. 134 D. 50, 17). См. *Sell. D. Eigenthum* p. 88—90.

2) *Accessio* приращеніе ²⁾.

Подъ *accessio* разумѣется такой способъ приобрѣтенія собственности, когда вещь, принадлежащая одному лицу, соединяется съ вещью, принадлежащею другому, такъ что одна изъ нихъ принимаетъ характеръ принадлежности другой и въ силу этого поступаетъ въ собственность господина главной вещи по началу: *res accessoria semper sequitur rem principalem*. Итакъ для *accessio* необходимо, чтобы 1) соединяющіеся предметы принадлежали различнымъ собственникамъ; поэтому приобрѣтеніе собственности надъ плодами (*fructuum percipio*) наши источники нрѣдко считаютъ за самостоятельный отъ *accessio* способъ приобрѣтенія собственности. 2) Соединеніе должно быть такое, чтобы соединившіяся вещи не по-

¹⁾ § 39 J. 2, 1; L. 31 § 1; L. 63 D. 41, 1; *Cod. 10, 15 de thesauris*.

²⁾ См. *Bechmann. Zur Lehre vom Eigenthumserwerb durch Accession u. v. d. Sachgesammtheiten*. Kiel. 1867.

теряли своей индивидуальности, иначе будемъ имѣть дѣло съ *accessio* или *confusio*.

Нѣкоторые писатели не считаютъ *accessio* въ изложенныхъ признакахъ за особый способъ приобретенія собственности (напр. *Hastron. De la progr.* p. 116, 117). Они признаютъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ такими случаями, когда дѣйствительно право собственности на вещь теряется для одного лица и приобретаетъ собственность на нее другимъ лицомъ. Но въ послѣднемъ они видятъ дѣйствіе не *accessionis*, а *occupacionis*.

Приращеніе можетъ быть вызвано естественными силами природы или дѣйствіемъ человѣка. Согласно съ этимъ подразделяемъ *accessio* на а) естественное и б) искусственное.

а) *Естественное приращеніе* — куда относятся:

а) *Alluvio*, прямой, есть приращеніе къ прибрежной землѣ путемъ медленнаго (*raulatum, sensim*) и незамѣтнаго (*ingremptum latens*) дѣйствія текущей воды¹⁾. Такъ объ *alluvio* говорится, когда земля опредѣленнаго собственника увеличивается наносомъ или отступленіемъ водъ къ противоположному берегу, но при томъ такъ, что нельзя узнать насколько и въ какой моментъ увеличился данный участокъ. Это приращеніе должно быть дѣйствіемъ текущей воды, а не озера, пруда или моря. Приращенная такимъ образомъ земля становится собственностью владѣльца увеличеннаго участка.

б) *Avulsio*, прибой, есть приращеніе къ прибрежной землѣ, производимое стремительнымъ дѣйствіемъ водъ (*vi fluminis*), когда, напр., глыба земли или дерева сносятся къ нижележащему участку и съ нимъ срастаются. Признакъ сращения тотъ, что деревья пустили въ этотъ участокъ корни²⁾. Приращенное такимъ образомъ становится собственностью владѣльца участка.

в) *Alveus derelictus*, остановленное рѣкою русло, есть приращеніе земли отъ перемѣны русла публичной рѣки, а именно: когда публичная рѣка оставляетъ свое прежнее русло, то прибрежные владѣльцы становятся собственниками русла до его середины и на протяженіе берега своей земли (*pro latitudine fundi*); новое же русло отходитъ отъ прежняго владѣльца въ соб-

¹⁾ § 20 J. 2, 1.

²⁾ § 21 J. 2, 1; L. 7 § 2 D. 41, 1.

ственность государства ¹⁾). Но съ этими явленіями не слѣдуетъ смѣшивать наводненія (*inundatio*), которое ничего не измѣняетъ въ правахъ на поземельный участокъ ²⁾).

г) *Insula in flumine nata*, островъ выросшій въ рѣкѣ, есть тотъ случай приращенія, который происходитъ отъ возвышенія дна въ публичной рѣкѣ. Образованный такимъ возвышеніемъ островъ поступаетъ въ собственность прибрежныхъ владѣльцевъ каждому на ту часть, которая находится противъ его участка до половины рѣки ³⁾). Пловучіе острова изъяты изъ дѣйствія этого правила; они считаются собственностью государства.

β) *Искусственная accessio*. Сюда относятся:

а) *Inaeditificatio*, застройка. Выстроенное собственникомъ земли изъ чужого матеріала или самимъ хозяиномъ матеріала на чужой землѣ поступаетъ по приращенію въ собственность хозяина земли: *solo cedit, quod solo inaedificatur; superficies solo cedit* ⁴⁾). Но для пріобрѣтенія собственности требуется, чтобы выстроенное при такихъ условіяхъ зданіе не было легко перенѣваемо, сноσιμο, какъ напр. шалашъ. — Тѣже правила относятся и къ случаямъ застройки отдѣльнаго чужого матеріала въ зданіе, напр. при надстройкахъ, сдѣланныхъ на чужомъ зданіи, собственникъ нижележащаго становится собственникомъ надстройки ⁵⁾). Также если наемщикъ сдѣлаетъ въ нанятомъ домѣ двери, окна и т. д., то все это поступаетъ въ собственность хозяина дома.

Прежній хозяинъ застроеннаго матеріала не имѣетъ права, пока стоитъ зданіе, требовать *actioe ad exhibendum* выдачи ему матеріала; такое требованіе было бы противно полицейско-строительному правилу *ne urbs ruinis deformatur*, а также могло бы быть несправедливымъ по отношенію къ хозяину зданія, еслибы онъ обязанъ былъ разорять его изъ за самыхъ ничтожныхъ частей чужого матеріала. Но хозяинъ матеріала можетъ *reivindicatioe* требовать выдачу матеріала, когда зданіе разру-

¹⁾ § 23 J. 2, 1.

²⁾ § 24 J. 2, 1.

³⁾ § 22 J. 2, 1; L. 7 §§ 3, 4; L. 29, 30 pr. D. 41, 1; L. 1 § 6 D. 43, 12.

⁴⁾ § 29, 30 J. 2, 1; L. 7 § 10, 12 D. 41, 1.

⁵⁾ L. 2 C. 3, 32.

шится, а если не желаетъ выжидать послѣдняго, то имѣетъ возможность при разныхъ условіяхъ, сопровождавшихъ застройку получить то или другое вознагражденіе отъ хозяина зданія. Такъ 1) если застройка сдѣлана собственникомъ земли изъ чужого матеріала

а) *bona fide*, то хозяинъ матеріала имѣетъ право *actioe de tigno juncto* на вознагражденіе двойной рыночной цѣной, если хозяинъ зданія добровольно не возвратитъ матеріала¹⁾,

б) *mala fide*, то хозяинъ матеріала имѣетъ право на вознагражденіе понесенныхъ убытковъ *condictione furtiva*, или *rei vindicatione*, опредѣляя въ послѣднемъ случаѣ величину убытковъ *iuramento in litem*; а кромѣ того *actioe de tigno juncto* онъ можетъ требовать двойной стоимости матеріала²⁾.

2) Если застройку сдѣлалъ самъ хозяинъ матеріала, то пока а) онъ еще владѣетъ чужой землей, онъ на *rei vind.* собственника земли можетъ *exsertione doli* удержать за собой владѣніе, пока не получитъ вознагражденіе за свой матеріалъ; б) если онъ не владѣетъ уже болѣе, то не имѣетъ средствъ требовать вознагражденія, но можетъ вернуть себѣ матеріалъ по разрушенію зданія³⁾, если только застройкой онъ явно не выразилъ намѣренія сдѣлать хозяину земли даръ⁴⁾.

б) *Implantatio*, насажденіе. Когда чужое растеніе будетъ посажено на чужую землю и пуститъ въ нее корни, то собственникъ земли пріобрѣтаетъ на него право собственности⁵⁾. Не прекращается это право и тогда, когда позднѣе растеніе теряетъ связь съ почвой, напр. дерево упадетъ или будетъ вынута⁶⁾. Основаніе такому безповоротному праву собственности въ томъ, что растеніе, пустивъ корни въ чужую землю, получило изъ нея свою пищу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ органическое тѣло, пріобрѣтало и новый видъ, становилось въ нѣкоторомъ родѣ нова species. Поэтому хозяинъ растенія никоимъ образомъ не имѣетъ такъ назыв. *jus tollendi*. Но, спрашивается,

¹⁾ § 29 J. 2, 1; L. 7 § 10 D. 41, 1.

²⁾ L. 1 pr. in f. D. 47, 3.

³⁾ § 30 J. 2, 1; L. 7 § 12 D. 41, 1.

⁴⁾ L. 2 C. 3, 32.

⁵⁾ § 31 J. 2, 1; L. 7 § 13; L. 26 § 2 D. 41, 1; L. 11 C. 3, 32.

⁶⁾ L. 26 § 2 D. 41, 1.

имѣетъ ли онъ право на вознагражденіе отъ собственника земли? По вопросу о вознагражденіи нужно различать случаи, когда хозяинъ земли сажаетъ чужое растеніе, когда собственникъ растенія сажаетъ его на чужой земли и, наконецъ, когда третье лице сажаетъ чужое растеніе на чужой землѣ. Кромѣ того на отвѣтственность вліяетъ еще признакъ добросовѣстности или недобросовѣстности сажавшихъ растеніе. Но всѣ эти различенія отънѣняютъ только чисто личные отношенія между сторонами по посадкѣ; въ общемъ же тутъ примѣняется правило, что никто безъ правового основанія не долженъ обогащаться насчетъ другаго; а потому собственникъ растенія имѣетъ право требовать (condictione) отъ хозяина земли уплаты за прибрѣтенную послѣднимъ посадкой цѣнности.

Изложенныя начала прибрѣтенія права собственности чрезъ посадку прилагаются и къ тѣмъ случаямъ, когда растеніе посаженное на границѣ чужаго участка пуститъ часть корней въ этотъ послѣдній. Тутъ наступаетъ общая для хозяевъ обоихъ участковъ собственность въ растеніи.

Таково было воззрѣніе Гайя и Юстиніана (L. 7 § 13 D. 41, 1; § 31 J. 2, 1). Но Помпоній оставлялъ полное право собственности за хозяиномъ участка, изъ котораго шелъ стволъ, *in cujus fundo origo arboris fuerit* (L. 6 § 2 D. 47, 7), предоставляя собственнику другаго участка право требовать вознагражденіе отъ перваго. Попытки примирить это разногласіе источниковъ см. у *Vangerow Pandekt. 1 § 329 anm. 2 Nr. 1.*

в) *Satio*, посѣвъ. Правила объ *implantatio* примѣняются и къ тѣмъ случаямъ, когда на чужомъ полѣ будетъ засѣяно зерно, принадлежащее другому лицу¹⁾. Только въ данномъ случаѣ уже съ самаго момента посѣва зерно становится собственностью хозяина поля, ибо нѣтъ возможности выбирать каждое зерно и затѣмъ опредѣлять, которое пустило уже ростокъ, а которое нѣтъ.

г) Многочисленные случаи такъ наз. *adjunctio*, соединенія, т. е. когда двѣ движимыя вещи, принадлежащія двумъ различнымъ собственникамъ, соединяются одна съ другой такъ, что образуютъ одно цѣлое. Въ этихъ случаяхъ хозяинъ главной вещи становится собственникомъ и придаточной²⁾ по правилу

¹⁾ § 32 J. 2, 1; L. 9 pr. D. 41, 1.

²⁾ L. 23 § 2, 4 D. 6, 1.

res accessoria sequitur rem principale. Если нельзя определить, которая вещь будетъ главною, которая — придаточною, то на соединенную вещь устанавливается общая собственность для хозяевъ соединенныхъ вещей.

Но не всякое соединеніе ведетъ къ установленію права собственности, а только такое соединеніе, которое не можетъ быть разрѣшено безъ поврежденія вещи ¹⁾. Въ противномъ случаѣ никакой перемѣны въ правѣ собственности не происходитъ. Такъ римляне различали въ соединеніи металловъ случаи, когда это дѣлается чрезъ посредство другаго металла, такъ наз. *adplumbatio*, и когда это дѣлается при посредствѣ того же металла, такъ наз. *adferruminatio* ²⁾. При первомъ каждый сохраняетъ свое прежнее право собственности. Напр. къ бронзовой статуѣ А. будетъ оловомъ припаяна бронзовая рука В. Последний можетъ послѣ предварительнаго *actione ad exhibendum* видцировать свою собственность. Другое дѣло, если будутъ скованы двѣ полосы желѣза различныхъ хозяевъ; тутъ на соединеніе устанавливается право собственности хозяина главной полосы, а хозяинъ придаточной теряетъ на нее собственность ³⁾. Изъ другихъ случаевъ подобнаго соединенія источники упоминаютъ: втнанье чужихъ нитей въ матерію ⁴⁾, окраску матеріи чужой краской. Къ послѣднему случаю примыкаютъ: письмо, *ascritura*, на чужихъ таблицахъ и рисованіе, *pictura*, на чужомъ полотнѣ, чужой доскѣ. Если на чужой таблицѣ будетъ написано, хотя бы золотыми литерами, исторія, рѣчь, стихи и т. д., то хозяинъ таблицы будетъ собственникомъ и манускрипта на томъ основаніи, что письмо немьслимо безъ таблицы ⁵⁾. Но при этомъ рѣчь идетъ о приобрѣтеніи собственности на одни каллиграфическіе знаки, а не на литературное произведеніе. Римляне не знали литературной собственности въ нашемъ смыслѣ. Тоже начало прилагали классическіе юристы и къ живописи, т. е. хозяинъ полотна, доски становился собственникомъ

¹⁾ См. *Göppert*. Ueber einheitliche, zusammengesetzte u. Gesamtsachen p. 84, 85.

²⁾ См. *Göppert*. Ueber die Bedeutung von ferruminare und adplumbare in den Pandekten (въ *Zeitschr. f. R. Gesch.* IX).

³⁾ L. 23 § 5 D. 6, 1.

⁴⁾ § 26 J. 2, 1.

⁵⁾ § 33, 34 J. 2, 1; L. 9 § 1, 2 D. 41, 1; L. 23 § 3 D. 6, 1.

нарисованнаго на нихъ постороннимъ лицомъ. Юстиніанъ измѣнилъ это, постановивъ (in honorem artis), что живописецъ сохраняетъ право собственности на картину¹⁾, т. е. теперь полотно, доска стали придаточными вещами къ краскѣ.

Относительно вознагражденія при соединеніи дѣйствуютъ въ общемъ тѣ же правила, что и при *implantatio*.

3) Приобрѣтеніе собственности на плоды²⁾.

Съ отдѣленіемъ плода отъ плодоприносящей вещи получается самостоятельный предметъ, который обыкновенно и поступаетъ по сепарациі въ собственность хозяина главной вещи³⁾.

Начиная съ Савиньи, многіе ученые не считаютъ *separatio* за особый способъ приобретенія собственникомъ права собственности на плоды (см. напр. *Leist. Civilist. Studien* Н. 3 р. 152—154; *Hastron. De la propriété* р. 114—117). Они хотя и признають, что съ отдѣленіемъ плодъ становится самостоятельною вещью, но нѣтъ основанія прекращать прежняго отношенія права собственности, какъ не было основанія признавать особой собственности на плоды не отдѣленные, или на части, полученные отъ раздѣленія цѣлаго. Но противъ такого воззрѣнія большинство современныхъ пандектистовъ (см. напр. *Scheurl Beiträge* XI р. 288 и слѣд.; *Vangerow Pand.* 1 § 326 прим. 1). Последніе выходятъ изъ того, что актъ отдѣленія плода создаетъ совсѣмъ новый объектъ собственности именно потому, что плодоприносящая вещь остается прежней имущественной цѣнности, а съ другой стороны правоотношенія на отдѣленные плоды опредѣляются вполне самостоятельно вещи отъ главной (см. *Кремлев.* О правѣ добросовѣстнаго владѣльца на плоды стр. 5—9), какъ напр. они могутъ поступать совсѣмъ постороннему лицу, *узурфруктуарію*, а потому нельзя не видѣть въ сепарациі особаго способа приобретенія собственности на плоды.

¹⁾ § 34 J. 2, 1.

²⁾ *Scheurl. Erzeugung als Erwerbgrund* въ *Beiträge zur Bearb. d. Röm. Rechts* В. 1 р. 280—300; *Göppert. Ueber die organische Erzeugnisse*. Halle 1869. *Кремлев.* Сепарациа какъ способъ приобретенія собственности. Казань 1868.

³⁾ § 19 J. 2, 1; L. 2, 6 D. 41, 1; L. 5 § 2 D. 6, 1; L. 25 пр. § 1 D. 22, 1.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда право на извлеченіе плодовъ отдѣлено отъ права собственности на вещь, т. е. принадлежитъ постороннему лицу, то по общему правилу приобрѣтаются плоды въ собственность только по полученіи ихъ во владѣніе, *receptio*, собственнымъ ли захватомъ (*узурруктуарій*¹⁾, или по передачѣ отъ собственника (при личномъ обязательствѣ собственника выдать плоды²⁾). Объяснить это можно тѣмъ, что тутъ нѣтъ той связи съ правомъ на главную вещь, которая заставляла его перво считать собственника по одной сепарациі хозяиномъ и плодовъ. Поэтому гдѣ имѣется такая связь, тамъ и постороннее лицо приобрѣтаетъ плоды по простой сепарациі, какъ напр. эманципта³⁾, а за снмъ добросовѣстный владѣлецъ⁴⁾.

Добросовѣстный владѣлецъ, какъ таковой, приобрѣтаетъ право собственности на отдѣленные плоды (*fructus separati*), но съ момента предъявленія къ нему иска о собственности (*rei vindicatio*) онъ присуждается (*officio iudicis*) къ выдачѣ еще наличныхъ у него плодовъ (*fructus extantes*), сохраняя безповоротное право на потребленные плоды (*fructus consumpti*). Основаніе такого начала—матеріальная связь плодовъ съ плодоприносящею вещью, распространяющая право собственности отъ послѣдней и на первые⁵⁾. Поэтому собственникъ, какъ таковой, имѣетъ право требовать выдачи всѣхъ наличныхъ плодовъ; не можетъ онъ требовать вознагражденія за потребленные только въ силу естественнаго признанія правъ добросовѣстнаго владѣнія⁶⁾, ставившаго его субъекта въ положеніе собственника⁷⁾.

Таковъ господствующій теперь взглядъ на приобрѣтеніе добросовѣстнымъ владѣльцемъ плодовъ черезъ сепарацию. См. напр. *Puchta. Cursus d. Instit. II § 242; Pa-*

¹⁾ Но см. L. 28 пр. D. 22, 1; § 37 J. 2, 1 и толкованіе у *Göppert cit.* р. 282 и слѣд.

²⁾ *Windscheid. Pand. 1 § 186* и п. 6.

³⁾ L. 25 § 1 inf. D. 22, 1; L. 12 § 5 D. 7, 1; L. 13 D. 7, 4.

⁴⁾ См. *Köppen. Der Früchterwerb des bonae fidei possessor.* 1872.

⁵⁾ *Nostrum est quod ex re nostra fit* L. 25 § 1 D. 22, 1.

⁶⁾ *Quia quod ad fructus attinet loco domini paene est.* L. 48 D. 41, 1. L. 13 inf. D. 7, 4; L. 25 § 1 D. 22, 1; L. 4 § 19 D. 41, 3; L. 48 § 6 D. 47, 2; § 35 J. 2, 1.

⁷⁾ Ср. *Köppen cit.* р. 14, 46 и слѣд. съ *Göppert cit.* р. 331 и слѣд., р. 401 и слѣд.

geneslecher cit. Abth. II p. 301 слѣд.; *Arndts*. Pand. § 156, и др. Кромѣ нѣкоторыхъ западныхъ писателей, болѣе или менѣе расходящихся во взглядахъ съ представителями этого господствующаго воззрѣнія, особенно рѣзко выступилъ противъ него русскій проф. *Н. Кремлевъ* въ своемъ изслѣдованіи: «Къ ученію о правѣ добросовѣстнаго владѣльца на плоды, по римскому праву», Казань, 1866. По его взгляду основное римское право выставляло то начало, что добросовѣстный владѣлецъ, пока продолжается его добросовѣстность, приобретаетъ на всѣ плоды съ момента сепараціи безповоротную собственность, т. е. не обязывается по виндикаціи собственника не только вознаграждать его за потребленные плоды, но не обязывается выдавать и *fructus extantes* (стр. 19). Правда, г. Кремлевъ долженъ былъ признать, что въ Юстиніановыхъ сводахъ проявляется явное стремленіе ограничить безповоротное право собственности добросовѣстнаго владѣльца только потребленными плодами (*si consumpti sint* L. 4 § 19 D. 41, 3; *si eos consumpsit* L. 4 § 2 D. 10, 1; L. 40 D. 41, 1; L. 1 § 2 D. 20, 1; § 35 J. 2, 1). Но г. Кремлевъ полагаетъ, «что обязательство добросовѣстнаго владѣльца выдать плоды *extantes* по иску собственника давшей плоды вещи есть одно изъ неудачныхъ, жалкихъ византійскихъ нововведеній, лишешное внутреннему основанію и въ практикѣ ведущее къ малымъ результатамъ»; что приписать это начало слѣдуетъ компиляторамъ Пандектъ, считать за ихъ интерполяцію (стр. 22 — 64). Я не стану слѣдить за подробнымъ толкованіемъ г. Кремлевымъ данныхъ положеній источниковъ, а также за подробнымъ доказательствомъ того, что право добросовѣстнаго владѣльца на плоды по ученію классическихъ юристовъ не подчинялось праву собственника главной вещи (*Кремлевъ*. Сепарація какъ способъ пріобрѣтенія собственности добросов. владѣльцемъ. Казань 1868 стр. 45—80),—но скажу только нѣсколько словъ противъ квалифікаціи г. Кремлевымъ хотя бы только повдѣйшаго начала римскаго права. Вопросъ о возвращеніи добросовѣстнымъ владѣльцемъ собственнику плодовъ во всѣ времена имѣлъ громадное практическое значеніе. Разъ онъ былъ поставленъ на рѣшеніе практиковъ-юристовъ,

они по чутью естественной справедливости всё разрѣшили добросовѣстнаго владѣльца отъ вознагражденія за *fruct. consumpti*; касательно же *fruct. extantes* взгляды могли разойтись, такъ какъ исходныя ихъ основанія могли быть разныя. Одни, подобно г. Кремлеву, посмотрѣли на дѣло съ точки зрѣнія послѣдствій такъ сказать чисто формальныхъ, опредѣляемыхъ моментомъ *litis contestatio*, раздѣляющаго правоотношенія на два рѣзко отдѣленные моменты, не отражающіе другъ на друга никакихъ вліяній; другіе же посмотрѣли на т. наз. Дейстомъ (*Civilist. Studien* III p. 158) субстанціанальный принципъ, по которому считалось справедливымъ возратить собственнику вмѣстѣ съ вещью все непотребленное еще произведеніе ея. Въ большинствѣ современной судебной практики прилагается послѣднее воззрѣніе, а иногда считается справедливымъ обязательствъ добросовѣстнаго владѣльца вознаграждать и за потребленные плоды (могу привести цѣлую категорію случаевъ изъ нашей судебной практики). Потому можно говорить о выдержанности того или другаго воззрѣнія въ римскихъ источникахъ, но едва ли можно отказывать компиляторамъ Пандектъ въ какой либо основательности ихъ положеній.

4) *Spesificatio*, обработка¹⁾.

Процессъ превращенія вещества въ новый предметъ, нова *species*, носитъ названіе *spesificatio*. Когда вещество принадлежало *spesificator*'у, то понятно онъ же остается и собственникомъ этого новаго предмета. Но спрашивается; кому принадлежитъ по праву собственности вещь выработанная спеціалитаторомъ для себя изъ чужаго матеріала, *cum quis ex aliena materia species aliquam suo nomine fecerit*, напр. будетъ приготовленъ напитокъ *mulsum* изъ чужаго вина и меда? До Юстиніана были три мнѣнія по данному вопросу²⁾.

1) Школа прокуліянцевъ предоставляла во всѣхъ случаяхъ право собственности на выработанную вещь спеціалитатору.

¹⁾ См. *Meukow*. Die Lehre d. röm. Rechts von dem Eigenthumserwerb durch Spezification (въ *Osenbrüggen's*. Dorpat. jurist. Studien p. 149 и слѣд.). *Sulzer*. Der Eigenthumserwerb durch Specification. Zürich 1884.

²⁾ § 25 J. 2, 1.

По ихъ воззрѣнiю индивидуальность вещи опредѣляется не веществомъ, а формой; nova species — всегда новый предметъ, никому не принадлежащiй, а потому и поступающiй въ собственность въ спецификатору, какъ первому оккупанту, quia quod factum est, antea nullius fuerat ¹⁾. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ особеннымъ какимъ либо способомъ приобрѣтенiя собственности, а съ простымъ овладѣнiемъ, occupatio.

2) Школа сабинианцевъ, наоборотъ, предоставляла право собственности на nova species всегда собственнику материала. Она признавала существеннымъ не форму, а материалъ, quia sine materia nulla species effici possit ²⁾. Здѣсь нѣтъ уже никакого приобрѣтенiя собственности.

3) По среднему воззрѣнiю (media sententia) въ однихъ случаяхъ вопросъ о собственности рѣшалъ материалъ, въ другихъ—форма, а именно если nova species могла быть возвращена къ прежней формѣ, ad materiam, ad rudem massam, то собственность на него принадлежала хозяину материала; въ противномъ случаѣ выработанная вещь принадлежала спецификатору ³⁾.

Юстинианъ принялъ это послѣднее воззрѣнiе, съ тою только прибавкою, что вещь, сдѣланная частью изъ чужаго материала, частью изъ материала спецификатора, всегда принадлежитъ послѣднему ⁴⁾, безъ вниманiя къ тому, можетъ она быть возвращена къ прежней формѣ, или нѣтъ ⁵⁾. Такимъ образомъ по Юстинианову законодательству ваза, сдѣланная изъ чужаго серебра принадлежитъ хозяину серебра, вино же, сдѣланное изъ чужаго винограда—винодѣлу, а мѣдный сосудъ, вылитый частью изъ чужой мѣди, частью изъ мѣди мѣдника—этому послѣднему.

Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ specificatio, какъ особымъ способомъ приобрѣтенiя собственности, который можно опредѣлить такъ:

Specificatio est выработка изъ чужаго (исполнѣ или частью) материала новой вещи съ намѣренiемъ сдѣлаться ея собствен-

¹⁾ I. 7 § 7; L. 26 D. 41, 1.

²⁾ Gajus II § 79; L. 14 § 3 D. 13, 1; L. 61 D. 6, 1.

³⁾ L. 12 § 1; L. 24 D. 41, 1; L. 5 § 1 D. 6, 1.

⁴⁾ § 25 J. 2, 1.

⁵⁾ См. *Fitting* въ *Civ. Archiv* 48 p. 316—327.

никомъ, какъ новымъ безхозяйнымъ предметомъ и потому поступающимъ въ собственность первому оккупанту, т. е. спецификатору, если только она не можетъ быть возвращена въ прежній видъ или заключаетъ въ себѣ часть матеріала обработывателя.

Изъ этого опредѣленія очевидно, что добросовѣстность и недобросовѣстность спецификатора не имѣетъ вліянія на переходъ собственности, ибо *bona fides* считается за *res nullius*¹⁾. Эти признаки могутъ имѣть значеніе только при вопросѣ о вознагражденіи.

Многіе ученые отвергаютъ точку зрѣнія оккупанціи при спецификаціи и замѣняютъ ее признакомъ производства (см. напр. *Scheurl. Beiträge zur Bearb. des röm. Rechts* 1 р. 285), считая настоящей основой пріобрѣтенія орага изготовителя. Но источники положительно признаютъ за эту основу то, что переработкой получилась новая до того несуществовавшая вещь.

Разъ же будетъ признана точка зрѣнія оккупанціи, то *bona* или *mala fides* спецификатора не можетъ имѣть вліянія на пріобрѣтеніе собственности. Мѣста, приводимыя (напр. *Arndts. Pandekt* § 156 п. 3) въ доказательство противнаго (L. 12 § 3 D. 10, 4; L. 4 § 20 D. 41, 3; L. 52 § 14 D. 47, 2), легко поддаются толкованію, не противорѣчающему принятому нами воззрѣнію (*Vangerow. Pand.* 1 § 310).

Спецификаторъ, пріобрѣтающій новую вещь, всегда обязанъ вознаградить хозяина матеріала²⁾, ибо никто не можетъ безъ правового основанія обогащаться на счетъ другаго³⁾. Въ случаѣ *bona fides* спецификаторъ уплачиваетъ только стоимость матеріала; при *mala fides* обязывается вознаградить и за всякій другой убытокъ, причиненный хозяину матеріала. Въ первомъ случаѣ осуществляется *condictio sine causa*, во второмъ — *condictio furtiva*. Если вещь остается за хозяиномъ матеріала, то спецификаторъ имѣетъ право на вознагражденіе за свою работу,

¹⁾ L. 7 § 7 D. 41, 1: *Quia, quod factum est, antea nullius fuerat*; ср. L. 9 § 3 D. 10, 4.

²⁾ Arg. L. 23 § 4 D. 6, 1; L. 23 D. 13, 1.

³⁾ L. 206 D. 50, 17.

но только при условіи *bona fides* съ его стороны. Это право осуществляется путемъ *exceptio doli* на *reivindicatio* хозяина матеріала.

5) *Confusio* и *commixtio*, смѣшеніе.

Какъ особый способъ приобрѣтенія собственности, подъ смѣшеніемъ разумѣются тѣ случаи, когда сухія или жидкія вещи различныхъ хозяевъ смѣшиваются случайно или дѣйствіемъ одного изъ собственниковъ такъ, что нельзя ихъ раздѣлить. Изъ этого слѣдуетъ, что если смѣшаны предметы одного и того же собственника, то перемѣны въ правѣ собственности не наступаетъ; если только смѣшеніе не произведено третьимъ лицомъ и имъ не вызваны всѣ признаки *specificatio*.

Confusio (*confundere*) есть смѣшеніе веществъ жидкихъ, или тѣнкихъ, которыя могутъ быть отдѣланы жидкими, какъ напр. золото, серебро. Какъ особый способъ приобрѣтенія собственности, *confusio* должно имѣть слѣдующіе признаки:

1) Оно должно быть произведено не по общему согласію собственниковъ, а случайно, или однимъ собственникомъ безъ согласія другаго, или третьимъ лицомъ безъ согласія собственниковъ. Въ случаѣ же смѣшенія, по согласію этихъ послѣднихъ наступаетъ общая собственность по *traditio ex justa causa* ¹⁾.

2) *Confusio* должно быть такое, чтобы нельзя было вновь отдѣлить соединенныя вещества. Если такое отдѣленіе возможно напр. при соединеніи серебра съ оловомъ ²⁾, то никакой перемѣны въ правѣ собственности не наступаетъ; каждый остается собственникомъ своего матеріала и можетъ требовать у владельца смѣси выдѣла (*actio ad exhibendum*) и выдачи (*rei vindicatione*) его ³⁾.

3) *Confusio* не должно производить пошатъ *speciem*; иначе прилагаются начала приобрѣтенія собственности по *specificatio*. А это наступаетъ при нераздѣльности соединенныхъ веществъ почти всегда, когда эти послѣднія будутъ различной сущности или различнаго качества.

¹⁾ § 27 J. 2, 1; L. 7 § 8 D. 41, 1.

²⁾ Возможность или невозможность отдѣленія обуславливалась состояніемъ химическихъ свѣдѣній. Поэтому напр. наши источники считаютъ соединеніе мѣди и золота окончательнымъ.

³⁾ L. 12 § 1 D. 41, 1; L. 5 § 1 D. 6, 1.

Поэтому *confusio*, какъ способъ приобрѣтенія собственности, имѣется всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда соединяется вещество «*quod ejusdem materiæ*» или «*eiusdem naturæ est*», напр. серебро съ серебромъ. Въ этомъ случаѣ наступаетъ общая собственность; причемъ каждый участникъ приобрѣтаетъ право собственности по *confusio* на входящее въ смѣсь вещество другого въ опредѣленной долѣ, *pro rata*.

Commixtio (слово новѣйшее; римскія выраженія: *confundere, commiscere promiscue*) есть смѣшеніе твердыхъ веществъ при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ происходитъ *confusio*¹⁾.

Такъ какъ при данномъ смѣшеніи, напр. зернъ различныхъ хозяевъ, *singula corpora in sua substantia durant*, т. е. соединенныя вещества не терпятъ никакого измѣненія въ своемъ существѣ, то нельзя допустить и какой либо перемѣны въ правѣ собственности на нихъ, а слѣдовательно каждый можетъ виндцировать свои зерна у каждаго владѣльца. Но въ случаяхъ затруднительности распознать въ смѣси вещества, принадлежащія каждому изъ данныхъ лицъ, судья приговариваетъ каждому согласно стоимости его вещества долю въ смѣси. Такимъ образомъ не *commixtio* устанавливаетъ общую собственность, а *adjudicatio*.

Нѣкоторые писатели (напр. *Schmidt. Pandekten* p. 69) идутъ еще далѣе, признавая въ судебномъ приговорѣ только косвенный источникъ данной общей собственности; прямымъ же ея основаніемъ они считаютъ взаимное *traditio* собственности въ доли, на какое *traditio* направленъ приговоръ.

Только въ одномъ случаѣ римское право придаетъ *commixtio* значеніе способа приобрѣтенія собственности, а именно при смѣшеніи *bona fide* съ собственными деньгами чужихъ, такъ что послѣднихъ нельзя уже различить (*si mixti essent ita ut discerni non possent*). Тутъ фактомъ смѣшенія чужія деньги поступаютъ въ собственность смѣшавшаго²⁾. Такъ напр. А. получаетъ по извѣстному правовому основанію (*solvendi, credendi, или donandi causa*) 100 *sesteg.* отъ В. укрывшаго эти деньги отъ В. Если А. не зналъ послѣдняго обстоятельства, т. е. *bona*

¹⁾ § 28 J. 2, 1; L. 78 D. 46, 3.

²⁾ L. 78 D. 46, 3.

fide считалъ себя собственникомъ полученныхъ денегъ, то по смѣшеніи ихъ со своими онъ получалъ дѣйствительную на нихъ собственность и В. имѣлъ право исвать только къ вору Б. Это *jus singulare* можно объяснить тѣмъ, что при быстромъ оборотѣ денегъ была бы чрезвычайно тяжела неувѣренность въ правѣ собственности на нихъ.

Сказавъ о способахъ приобрѣтенія собственности, приступаемъ къ вопросу

Содержаніе права собственности.

Выше было сказано, что сущность права собственности не заключается въ суммѣ отдѣльныхъ правомочій на вещь. Поэтому собственность остается таковою и тогда, когда право отпавлять одну изъ сторонъ господства на вещь принадлежитъ постороннему лицу, напр., въ формѣ *ususfructus*¹⁾ и т. п. Но съ другой стороны право собственности есть *jus summi*, т. е. высшее право лица надъ вещью; въ его понятіи заключаются всевозможныя права лица надъ вещью; оно есть общее основаніе всѣхъ отдѣльныхъ правомочій на вещь. *Res sua nemini servit sed prodest jure dominii*²⁾.

Это положеніе въ новѣйшей литературѣ подвергнуто сомнѣнію. Хотя съ большими оговорками и весьма осторожно, но теперь нерѣдко доказывается возможность самостоятельныхъ вещныхъ правъ (напр. залога) на собственную вещь. См. *Hartmann. Rechte an eigener Sache* (въ *Jahrb. f. d. Dogmatik. B. 17 p. 69—144*).

Выходя изъ этого понятія, невозможно исчерпать перечисленіемъ всѣхъ заключающихся въ собственности правъ³⁾; ибо собственникъ можетъ предпринимать надъ вещью всевозможныя воздѣйствія. Но путемъ обобщенія можно разпознать въ правахъ собственника слѣдующіе три класса: 1) право употреблять вещь въ пользованіи доступномъ повторенію (*uti, usus*); 2) право пользованія съ извлеченіемъ плодовъ (*frui, fructus*); 3) право

¹⁾ См. L. 25 pr. D. 50, 16; L. 5 pr. D. 7, 6.

²⁾ См. *мое Сервитутное право* стр. 70, 71.

³⁾ *Randa cit. p. 6 и п. 8.*

распоряженія, право измѣнять, уничтожать и т. п. и, наконецъ, *abuti*, т. е. дѣлать изъ вещи окончательное употребленіе, которое никогда не можетъ уже болѣе повториться для настоящаго собственника. Слово *abuti* не означаетъ употребленія порицаемаго, но такое высшее окончательное пользованіе вещью, какъ напр. *alienatio*, отчужденіе.

При отправленіи этихъ правъ собственникъ можетъ не обращать вниманіе на выгоды другихъ собственниковъ ¹⁾, насколько только это отправленіе не вторгается положительно въ чужую собственность. Такъ собственникъ поземельнаго участка можетъ употребить въ свою пользу всю воду, источникъ котораго находится въ его владѣніи, воду, которая безъ такого употребленія протекла бы въ сосѣднее имѣніе и тѣмъ доставила бы его хозяину выгоду ²⁾ и т. д. Но владѣлецъ земли вдоль текущей воды не имѣетъ права предпринимать такіа работы, которыми бы измѣнялось естественное теченіе воды или произведено было усиленное ея теченіе и тѣмъ причиненъ былъ надлежащему владѣльцу убытокъ и т. д. Правовой порядокъ допускаетъ только такое отправленіе правъ, которымъ не причиняется положительнаго вреда лицамъ, равнымъ образомъ управомоченнымъ: *in suo enim alii hastenus facere licet, quatenus nihil in alienum immittat*. Кромѣ того общезитіе вырабатываетъ извѣстные самостоятельные интересы, которые также отправленіемъ частныхъ правъ не должны терпѣть измѣна. Только въ подобныхъ границахъ и мыслимо понятіе и отправленіе собственности при правовомъ порядкѣ: *dominium est jus utendi, fruendi et abutendi re, quatenus juris ratio patitur*.

Ограниченія собственности по закону ³⁾.

Право собственности, неограниченное по своему понятію, можетъ быть ограничено тѣмъ, что другое лице приобрѣтаетъ на данную вещь опредѣленное право, или же имѣется норма

¹⁾ L. 55; L. 151 D. 50, 17; L. 9 D. 8, 2.

²⁾ L. 21 D. 39, 3.

³⁾ См. *Bekker*. Die gesetzlichen Eigenthumsbeschränkungen въ *Bekker's u. Muther's Jahrb. des gem. deutsch. Rechts* V. p. 154 и слѣд.

Freund. Die gesetzlichen Beschränkungen des Grundeigenthums im römisch. Recht. Berlin 1883.

положительнаго права, которая общимиъ правиломъ налагаетъ границы дѣйствительности права собственности. Въ первомъ случаѣ ограниченій рѣчь идетъ о сервитутахъ, ученіе о которыхъ относится къ особому отдѣлу науки. Второй родъ ограниченій вытекаетъ изъ стремленія привести право собственности въ отдѣльныхъ его проявленіяхъ въ гармонію, какъ съ интересами публичными, такъ и съ интересами частныхъ лицъ. Право собственности, какъ произведеніе правоваго порядка, должно быть ограничено въ тѣхъ его проявленіяхъ, которыми нарушаются другіе интересы, признанные тѣмъ же правовымъ порядкомъ. Такихъ общихъ интересовъ, которые могутъ потерпѣть отъ неограниченнаго осуществленія права собственности двѣ категоріи: интересы публичные, какъ-то безопасности, здравія и т. п., и интересы владѣльцевъ сосѣднихъ недвижимостей. Юридическій принципъ тѣхъ и другихъ ограниченій различенъ. Поэтому слѣдуетъ отличать 1) ограниченія, вызванныя публичнымъ интересомъ, и 2) легальные сервитуты; совокупность правовыхъ началъ объ нихъ составляетъ такъ назыв. сосѣдское право.

Первый Беккеръ (въ цит. статьѣ) ясно различилъ эти два вида ограниченій и старался отыскать руководящія ими начала; прежде же обыкновенно только перечисляли отдѣльные ихъ случаи безъ всякаго различенія и порядка (см. напр. *Voetsing. Pandekt. II* p. 44 и слѣд.).

1) *Ограниченія, вызванныя публичными интересами.* Въ силу определенныхъ публичныхъ интересовъ собственникъ ограниченъ въ своемъ правѣ съ положительной стороны, въ известныхъ распоряженіяхъ своимъ участкомъ, и въ томъ, что обязывается терпѣть воздѣйствіе на свой участокъ всякаго третьяго лица въ виду известныхъ основаній публично-правоваго характера. Сюда относятся слѣдующіе случаи ¹⁾:

а) Запрещеніе (уже по XII таблицамъ) погребенія и сожженія труповъ въ чертѣ города ²⁾.

б) Владѣлецъ земли по берегамъ публичной рѣки обязанъ допускать пользованіе прибрежной полосой въ интересахъ судоходства ³⁾.

¹⁾ Freund cit. p. 16, 17.

²⁾ L. 3 § 5 D. 47, 12.

³⁾ § 4 J. 2, 1.

в) Собственникъ обязанъ допускать всякого къ добыванію минераловъ на своей землѣ, приче́мъ однако имѣеть право на $\frac{1}{10}$ часть добытаго ¹⁾).

г) Между домами должно было (уже по постановленію XII табл.) ²⁾ оставаться извѣстное пространство незастроеннымъ, *spatium legitimum* ³⁾).

д) Не строить домовъ сверхъ опредѣленной высоты ⁴⁾).

е) Собственникъ не можетъ требовать выдачи застроеннаго въ чужое зданіе его матеріала и виноградныхъ кольевъ, пока зданіе стоитъ (*ne urbs ruinis deformatur*) и колья въ употребленіи ⁵⁾). Онъ можетъ только при извѣстныхъ условіяхъ требовать вознагражденія до двойной стоимости его матеріала ⁶⁾).

Иногда къ ограниченіямъ даннаго рода причисляютъ еще экспроприацію (напр. *Bekker cit. p. 160; Hastron. De la propriété p. 80—85*). Въ настоящее время въ наукѣ не сомнѣваются, что Римлянамъ была знакома экспроприація частной собственности въ интересъ публичномъ (см. *Piccinelli. Della espropriazione per causa di pubblica utilità consider. nel diritto romano. Firenze 1882*). Но считать такое полное лишеніе собственности за ограниченіе ея едва ли основательно (см. *Freund cit. p. 18, 19*).

2) *Ограниченія собственности въ интересъ сѣзда, такъ наз. сѣздское право* ⁷⁾). Правовой порядокъ не можетъ допускать такихъ отпращеній права собственности, которыя въ то же время воздѣйствуютъ на чужую собственность. Отсюда вытекаютъ ограниченія права собственности въ интересъ сосѣдей. А) Общее начало ограниченій собственности въ интересъ сосѣдей заключается въ томъ, что собственникъ не долженъ предпринимать такихъ дѣйствій, или производить такихъ работъ на собственной землѣ, которыя бы убыточно воздѣйствовали на сосѣдній участокъ ⁸⁾,

¹⁾ L. 3, 6 C. 11, 7.

²⁾ Tabul. VII у Bruns. Fontes jur. Rom. p. 23.

³⁾ L. 14 D. 8, 2; L. 9, 11, 12 § 2 C. 8, 10.

⁴⁾ Tacitus. Annal. XV c. 43; L. 1 § 17 D. 39, 1.

⁵⁾ Dig. 47, 3 de tigno juncto; L. 23 § 7 D. 6, 1.

⁶⁾ L. 23 § 6 D. 6, 1; L. 6 D. 10, 4; L. 7 § 10 D. 41, 1.

⁷⁾ *Hesse. Die Rechtsverhältnisse zwischen Grundstücksnachbarn.* 2 Bd. Eisenberg 1859, 1862; *Schelkass. Das Nachbarrecht.* Würzburg 1863.

⁸⁾ I. 26 D. 39, 2; L. 8 § 5 D. 8, 5; L. 1 § 4 D. 39, 3.

т. е. положительно ему вредил, или препятствовали свободному имъ пользованію. При этомъ опредѣлить дѣйствительное значеніе такого воздѣйствія есть дѣло каждаго частнаго случая. Б) Собственникъ обязанъ допустить извѣстное воздѣйствіе сосѣда на свое имущество, которое предоставило бы сосѣду возможность отправлять съ извѣстныхъ сторонъ свое право, въ тоже время не нарушая существенно право другаго лица.

Найти общее начало ограниченій права собственности въ интересѣ сосѣдей чрезвычайно трудно (*Ihering. Zur Lehre von den Beschränkungen des Grundeigenthümers* въ *Jahrb. f. Dogmat.* 6 р. 97), трудно потому, что интересъ, во имя котораго налагаются данныя ограниченія, весьма неопредѣленный и не можетъ имѣть одинаковаго съ государственнымъ интересомъ всегда обязательнаго значенія. Въ наукѣ масса попытокъ найти это общее начало сосѣдскаго права (см. *Freund. cit.* р. 26—29).

А) Случаи, относимые къ перваго рода ограниченіямъ :

Собственникъ участка не имѣетъ права: а) закладывать у стѣны сосѣда такихъ водопроводныхъ сооружений, или вообще ямъ, которыя подвергали бы эту стѣну серьезной порчѣ¹⁾;

б) копать у сосѣдской стѣны ямы, которая могла бы повести за собой паденіе стѣны²⁾;

в) мѣшать сосѣду вреднымъ дымомъ (*fumus gravis*, напр. *ex taberna casearia*) и паромъ (*vapores balinei*³⁾;

г) отнимать постройки или надстройки воздухъ, свѣтъ, видъ для сосѣдняго собственника⁴⁾;

д) выдвигать крышу, балконы въ воздушное пространство сосѣда, а также позволять вѣтвямъ своихъ растеній распространяться на чужое пространство или зданіе (однако только до 15 футовъ отъ земли⁵⁾;

е) измѣнять естественное теченіе дождевой воды или совѣмъ останавливать это теченіе въ ущербъ сосѣдняго участка⁶⁾.

¹⁾ L. 18; L. 19 pr. D. 8, 2; L. 24 § 12 D. 39, 2.

²⁾ L. 17 § 2 D. 8, 5; L. 24 § 12 D. 39, 2.

³⁾ L. 8 § 5—7 D. 8, 5.

⁴⁾ L. 14 § 1 C. 3, 34.

⁵⁾ Dig. de arboribus caedendis 43, 27; L. 1 C. 8, 1.

⁶⁾ Dig. 39, 3 de aqua et aquae pluviae arcendae. См. *Hugo Burckhard. Die Actio aquae pluviae arcendae. Erlangen 1881.*

Б) Случаи, относимые ко втораго рода ограничениямъ :

а) Поземельный собственникъ обязанъ предоставить въ случаяхъ необходимости (напр. публичная дорога подверглась наводненію) сосѣду проходъ черезъ свой участокъ ¹⁾.

б) Собственникъ обязанъ допускать сосѣда каждый третій день на свой участокъ для сбора упавшихъ плодовъ ²⁾.

в) Собственникъ долженъ терпѣть выступъ на его землю сосѣдной стѣны до $\frac{1}{2}$ фута ³⁾.

г) Собственникъ долженъ терпѣть отъ сосѣда дымъ, паръ, пылъ, насколько это есть обыкновенное слѣдствіе пользованія даннымъ имуществомъ ⁴⁾.

Нѣкоторые писатели къ числу ограниченій собственности въ виду интересовъ сосѣда относили и тѣ случаи, когда собственникъ обязывается исправить строеніе, грозящее сосѣду вредомъ, или доставить ему обезпеченіе въ возмѣщеніи этого будущаго вреда, такъ наз. *cautio damni infecti* (L. 7; L. 24 § 2; L. 43 D. 39, 2). Но совершенно основательно видить тутъ не ограниченіе собственности, а личное обязательство собственника на основаніи закона (преторскаго эдикта). См. *Schelhaes cit. p. 7 n. 1.*

По разсмотрѣніи содержанія права собственности и его ограниченія необходимый переходъ къ вопросу объ охранѣ собственности.

Охрана собственности.

Нарушеніе собственности можетъ быть или въ цѣломъ, или въ части. Первое виѣшне выражается въ лишеніи владѣнія, безъ котораго не мыслимо отправленіе какихъ либо функцій права собственности; второе же касается только отдѣльныхъ сторонъ этого права. Соответственно этимъ двумъ видамъ нарушенія иски по собственности двухъ родовъ: 1) *Rei vindicatio* и 2) *Actio negatoria*.

¹⁾ L. 14 § 1 D. 8, 6; L. 12 pr. D. 11, 7.

²⁾ Dig. 43, 27 de glande legenda.

³⁾ L. 17 pr. D. 8, 5.

⁴⁾ L. 8 § 5—7 D. 8, 5.

Понятно, что данные иски нельзя считать единственными средствами защиты собственности. Какъ при лишеніи владѣнія, такъ и частичномъ нарушеніи собственности, собственникъ можетъ защищаться чисто личными исками, какъ-то интердиктами, договорными, деликтными исками; и только если на лице не имѣется условій для личныхъ исковъ, то остаются только данныя *actiones in rem*.

Rei vindicatio ¹⁾ есть такой гражданскій вещный искъ (*in rem actio*), которымъ невладѣющій собственникъ вещи вынуждаетъ владѣющаго ею или только удерживающаго ее несобственника признать его право собственности и выдать ему вещь. Искъ этотъ принадлежитъ къ числу *actiones arbitrarie*.

1) *Истцомъ* по *rei vindicatio* можетъ быть лишь то лицо, которое претендуетъ на право собственности ²⁾, причемъ справедливость даннаго притязанія подлежитъ будущему разъясненію. При этомъ истецъ не долженъ имѣть владѣнія вещью ³⁾, безразлично: лишенъ онъ былъ этого владѣнія или никогда его не имѣлъ. Право на данный искъ *utiliter* имѣли эмансипантъ и суперенциарій. Кроме того *rei vindicatio utilis* могли вчинать еще и другія лица, которые по строгимъ правовымъ конвенціямъ не могли разсматриваться собственниками. Такъ,

а) Если опекунъ приобрѣтетъ себѣ вещь деньгами опекаемаго, то этотъ послѣдній имѣетъ противъ него не только личный искъ на возвращеніе денегъ, но и *rei vindicatio utilis* на выдачу самой приобретенной вещи ⁴⁾.

б) Такое же право было предоставлено и солдату на вещь, купленную его деньгами ⁵⁾.

в) Супругъ, подарившій деньги супругу, имѣлъ право *rei vindicatione utili* требовать выдачи купленной на нихъ вещи въ случаѣ несостоятельности одареннаго ⁶⁾.

¹⁾ Dig. 6, 1 de rei vindicatione; Cod. 3, 32. — Heimbach въ Weiske's Rechtslex. B. 13. *Molitor*. La possession... la revendication... en droit romain. Gand 1851 p. 233—284.

²⁾ L. 23 pr. D. 6, 1.

³⁾ § 2 J. 4, 6.

⁴⁾ L. 2 D. 26, 9.

⁵⁾ L. 8 C. 3, 32.

⁶⁾ L. 55 D. 24, 1. Другой аналогичный примѣръ см. L. 29 § 1; L. 30 D. 24, 1.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ истцы не могутъ быть разсматриваемы по строгому праву собственниками, ибо вещи, приобретенныя чужими деньгами, не принадлежатъ собственнику денегъ, а лицу, себѣ ихъ приобрѣтшему¹⁾. Но тѣмъ не менѣе римское право выходитъ изъ предположенія, что послѣдній дѣйствовалъ какъ бы въ качествѣ представителя первыхъ и тѣмъ устанавливалъ имъ собственность.

Нѣкоторые ученые (особенно *Jhering* въ *Jahrb. f. d. Dogmat.* I p. 158 и слѣд.) видятъ въ данной *reivind. utilis* не вещный искъ, а личный искъ противъ опекуна и др. на передачу вещи въ собственность, и что, слѣдовательно, къ третьимъ владѣльцамъ данной вещи этотъ искъ предъявленъ быть не можетъ. Но, какъ было замѣчено въ литературѣ (см. напр. *Wachter. Pand.* II p. 178), такое чисто личное притязаніе не могло по римскому праву осуществляться вещнымъ искомъ, *in rem actio*ne. Кроме того оставалось бы исполнѣ непонятнымъ, въ силу чего бывшій собственникъ вещи могъ при несостоятельности отвѣтчика предъявлять *reivindicat.* на вещь и тѣмъ получать преимущество передъ другими кредиторами (см. а. в. и *Jhering* *cit.* p. 173).

2) *Отвѣтчикомъ* по *reivindicatio* будетъ всякій *possessor* или даже просто *detentor* спорной вещи²⁾. Въ случаѣ если отвѣтчикъ удерживаетъ вещь отъ имени собственника, напр. по найму, по поклажѣ, то съ прекращеніемъ даннаго отношенія собственникъ можетъ вытребовать вещь не только искомъ о собственности³⁾, но и личнымъ искомъ (см. въ обязат. правѣ). Если отвѣтчикъ удерживаетъ вещь отъ имени третьяго лица, то онъ имѣетъ т. наз. *beneficium laudationis* (или *dominationis*) *auctoris*, т. е. право, указавъ на лице, отъ имени котораго онъ имѣетъ *detentio rei*, отклонить отъ себя отвѣтъ по иску и тѣмъ принудить истца обратиться съ нимъ къ *auctor*'у.

Этотъ *beneficium* былъ предоставленъ имп. Константиномъ только при спорахъ о земляхъ L. 2 C. 3, 19.

¹⁾ См. напр. L. 8 C. 4, 50.

²⁾ L. 9 D. 6, 1.

³⁾ L. 9 D. 6, 1; L. 7 пр.; L. 12 D. 7, 9.

По общему правилу не можетъ быть предъявленъ *reivindicat.* къ лицу, которое не имѣетъ вещи въ рукахъ, ралнымъ образомъ освобождается отъ ответственности по иску и тотъ, кто въ теченіи процесса безъ своей вины лишился обладанія вещью¹⁾. Но по исключенію нѣкоторые лица рассматриваются какъ *facti possessores*, какъ бы владѣющими данной вещью и поэтому ответственными по *reivindicat.* на самомъ же дѣлѣ не нѣтъ вещи въ рукахъ. Такими фивгированными владѣльцами будутъ:

а) *Is qui dolo desiit possidere*, т. е. лице, преднамѣренно лишившееся владѣнія вещью²⁾, напр. ее отчудившее, уничтожившее и т. п. Признакъ *dolus*'а вызываетъ правовой порядокъ на борьбу и так. образ. владѣвшій остается отвѣтчикомъ. Поэтому, если владѣлецъ вещи теряетъ владѣніе *sine dolo*, то онъ и не подлежитъ отвѣту по *reivindicatio*³⁾.

б) *Is qui liti se obtulit*, т. е. лице, ложно выдававшее себя за владѣльца вещи съ злымъ намѣреніемъ причинить истцу бесполезнымъ процессомъ ущербъ⁴⁾.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ *reivindicat.* имѣетъ своимъ назначеніемъ вознаградить истца стоимостью вещи.

3) *Предметомъ* *reivindicatio* могутъ быть только вещи, способныя состоять на правѣ частной собственности, какъ движимыя, такъ и недвижимыя, какъ одушевленные, такъ и неодушевленные⁵⁾; притомъ не только дѣлая вещь⁶⁾, но и часть ея интеллектуальная⁷⁾ или (при поземельныхъ участкахъ) реальная⁸⁾. Не могутъ быть предметами иска: а) права, напр. право наследованія, сервитуты; б) *universitas juris*⁹⁾, напр. *rescuium*, *dos*, *hereditas*. Но *universitas rerum cohaerentium*, какъ и *universitas rerum distantium* (стадо, библиотекa) можно было отыс-

¹⁾ L. 27 § 1; L. 42, 52, 55 D. 6, 1.

²⁾ L. 27 § 3; L. 36 pr. D. 6, 1.

³⁾ L. 27 § 1 D. 6, 1.

⁴⁾ L. 25—27 pr. D. 6, 1.

⁵⁾ L. 1 § 1 D. 6, 1.

⁶⁾ L. 6 D. 6, 1.

⁷⁾ L. 3 § 2; L. 5 pr.; L. 6; L. 76 § 1 D. 6, 1.

⁸⁾ L. 8 D. 6, 1.

⁹⁾ L. 56 D. 6, 1.

кивать *reivindicazione*¹⁾. в) Нельзя было вчинять иска на вещь индивидуально неопредѣленную, *genus*, напр. просто лошадь, или количество замѣнимыхъ вещей, напр. столько-то денегъ. г) Нельзя было вчинять *reivindicat.* на вещь, составляющую *accessoria* другой, напр. на проданныя и упроченныя деревья на корню, на брилліантъ въ чужомъ кольцѣ и т. п. Тутъ предварительно особыми средствами (*actio ad exhibendum*) должно произвести выдѣленіе данныхъ вещей изъ главной²⁾, а уже за симъ можно ихъ виндцировать. Пока же они соединены, они составляютъ собственность хозяина главной вещи.

4) *Доказательства*. Истецъ долженъ доказать основаніе своего иска, т. е. а) свое право собственности на вещь и б) нахождение этой вещи у отвѣтчика въ качествѣ владѣльца или простого *detentor*'а, или что данное лице подлежитъ отвѣтственности какъ *fictus possessor*.

а) Доказать право собственности значитъ указать на законный способъ пріобрѣтенія собственности³⁾. Если этотъ способъ будетъ первоначальный, напр. *spesificatio*, *accessio*, *usucapio*, то на доказательствѣ его и останавливается истецъ, ибо изъ него безусловно вытекаетъ право собственности. Въ случаѣ производнаго способа, напр. *traditio*, недостаточно доказать актъ преемственности; необходимо еще доказать право собственности *auctoris*⁴⁾ и если этотъ послѣдній пріобрѣлъ вещь также производнымъ способомъ,—то право собственности дальнѣйшаго *auctoris* и т. д. пока, наконецъ, не будетъ указанъ первоначальный способъ пріобрѣтенія въ лицѣ одного изъ предшествовавшихъ *auctores*⁵⁾. Въ такого доказательства нельзя предполагать право собственности въ лицѣ истца въ силу правила: *nemo plus juris in alium transferre potest quam ipse habet*.

Такое иногда крайне затруднительное доказываніе средневѣковые писатели прозвали *probatio diabolica*. Но это затруднительное доказываніе въ большинствѣ практическихъ случаевъ можетъ быть устраняемо; а именно, при

¹⁾ L. 1 § 3; L. 2, 3 D. 6, 1.

²⁾ L. 23 § 5 D. 6, 1; L. 6 D. 10, 4.

³⁾ L. 23 pr. D. 6, 1.

⁴⁾ L. 20 pr. D. 41, 1.

⁵⁾ *Pellat* cit. p. 147 и слѣд.

ссылка на выполненную давность, вчинанием *actionis Publicianae in rem* и *interdicta possessoria* (см. *Vangerow Pand.* 1 § 332 п. 1. Тутъ же изложены и всѣ воззрѣнія, отступающія отъ принятаго нами).

Согласно строгой правовой логики недостаточно доказательства со стороны истца способа пріобрѣтенія собственности въ его лицѣ, необходимо еще доказать, что въ моментъ предъявленія *rei vindicationis* онъ продолжаетъ оставаться собственникомъ. Но такъ какъ доказываніе такого отрицательнаго факта, какъ ненаступленія законнаго основанія къ прекращенію собственности, крайне затруднительно, а часто и невозможно, то положительное право выставляетъ *praesumptio iuris* въ пользу истца, такъ что на обязанности отвѣтчика лежитъ доказать, что пріобрѣтенная истцомъ собственность была позднее имъ утеряна.

Если истецъ не докажетъ своего права собственности, то дѣло выигрываетъ отвѣтчикъ, хотя бы онъ и не былъ собственникомъ вещи, не могъ бы привести никакого титула своему владѣнію ¹⁾.

б) Касательно доказательства о нахожденіи вещи у отвѣтчика ²⁾ дѣйствовало правило, что если послѣдній отвергаетъ это и разъ истецъ докажетъ фактъ этого нахожденія, то отвѣтчикъ безъ дальнѣйшаго обязанъ выдать вещь истцу ³⁾ и уже заснѣмъ можетъ выступать противъ истца съ предъявленіемъ на вещь своего собственнаго права. Изъ этого слѣдуетъ, что истцу по *rei vindicatio* выгоднѣе начинать съ доказательства нахожденія вещи у отвѣтчика.

5) *Присужденіе* по *rei vindicatio* состоитъ въ судебномъ объявленіи, что собственность на данную вещь принадлежитъ истцу и поэтому отвѣтчикъ приговаривается *in rem cum omni causa*, т. е. къ выдачѣ вещи со всѣми добавочными принадлежностями ея, или къ вознагражденію истца (*id quod ejus interest*), если отвѣтчикъ не можетъ возратить вещь, но остается отвѣтственнымъ по ней (напр. *qui liti se obtulit*). Со стороны выдачи самой вещи *rei vind.* принадлежитъ къ числу *actiones arbitrariae*, т. е. при извѣстныхъ условіяхъ можетъ вести къ *litis*

¹⁾ L. 28 C. 3, 32.

²⁾ L. 36 pr. D. 6, 1.

³⁾ L. 80 D. 6, 1.

aestimatio по iuramentum in litem ¹⁾. Но и помимо этого стороны могут согласиться (expresse или даже tacite) въ томъ, чтобы присужденіе было направлено не на самую вещь, а на ея стоимость; тутъ будетъ продажа вещи истцомъ отвѣтчику за опредѣленную цѣну подъ условіемъ, чтобы послѣдній былъ присужденъ.

Касательно отвѣтственности за субстанцію вещи и ея accessorія, а именно плоды, слѣдуетъ различать недобросовѣстное владѣніе отъ добросовѣстнаго:

а) Possessor malae fidei отвѣчаетъ

а) за самую вещь съ самого начала владѣнія до вчинанія иска (до litis contestatio), какъ бы за вещь ему довѣренную, ибо mala fides заставляетъ его смотрѣть на владѣмую вещь, какъ на вещь чужую, другому принадлежащую. Поэтому въ случаѣ онъ самъ прекращаетъ владѣніе, напр. отчуждаетъ вещь, онъ подлежитъ отвѣтственности, какъ fictus possessor ²⁾. Равно и въ случаѣ потери владѣнія по culpa отвѣчаетъ стоимостью вещи ³⁾. Только за casus fortuitus недобросовѣстный владѣлецъ не отвѣчаетъ.

Многіе ученые распространяли отвѣтственность m. f. poss. съ самого начала на casus (см. *Glück* Erläuter. d. Pand. 8 р. 243), но источники ничего подобнаго не говорятъ, а другихъ основаній такому распространенію найти нельзя.

Съ момента litis contestatio недобросовѣстный владѣлецъ считается въ состояніи просрочки, in mora, и поэтому отвѣчаетъ по самой вещи даже за casus fortuitus, если только не докажетъ, что вещь, возвращенная истцу въ моментъ litis contest. во всякомъ случаѣ погибла бы casu fortuito ⁴⁾. Но, конечно, эта отвѣтственность остается, если истецъ возразитъ, что, имѣя своевременно вещь въ рукахъ, онъ немедленно бы ее отчудилъ и такимъ образомъ сохранилъ ея стоимость.

б) За плоды possessor mal. fid. отвѣчаетъ какъ до, такъ и

¹⁾ L. 68 D. 6, 1.

²⁾ L. 27 § 3. D. 6, 1.

³⁾ L. 25 § 2; L. 31 § 3; D. 5, 3; L. 45 D. 6, 1.

⁴⁾ L. 20 § 21; L. 40 pr. D. 5, 3.

послѣ *litis contestatio* въ полномъ ихъ составѣ ¹⁾ слѣдующимъ образомъ. *Fructus exstantes* онъ обязуется выдать истцу, а за *fructus consumpti* дать вознагражденіе ²⁾. На требованіе первыхъ и второго истецъ имѣетъ право и въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ уже болѣе не владѣетъ самою вещью ³⁾. Мало того, розв. м. ф. до *litis contestatio* отвѣчаетъ и за тѣ плоды, которые онъ, какъ *bonus pater familias*, могъ бы извлечь изъ вещи (*fructus percipiendi*). Последняя отвѣтственность не прекращается и тогда, когда сама вещь погибла по винѣ отвѣтчика ⁴⁾. Послѣ *litis cont.* недобросовѣстный владѣлецъ отвѣчаетъ и за тѣ *fructus percipiendi*, которые могъ бы извлечь самъ собственникъ вещи ⁵⁾.

Вопросъ объ отвѣтственности недобросовѣстнаго владѣльца за *fructus percipiendi* весьма споренъ; разногласіе касается момента, съ котораго начинается эта отвѣтственность, и самого характера этихъ плодовъ по данной отвѣтственности (см. *Vangerow. Pand. I § 333 Anm. II*). Мы остановились на воззрѣніяхъ всего ближе отвѣчающихъ источникамъ (*Wächter. Pand. 2 § 143 Beil. II*).

Сказанное относится къ отвѣтственности и за *fructus civiles*, напр. за полученную арендную плату или должествующую быть полученной; въ случаѣ же личнаго пользованія *possessor m. fid.* обязанъ уплатить за свой счетъ эту плату ⁶⁾. Исключеніе составляютъ деньги, которые не предполагаются къ выдачѣ на проценты ⁷⁾.

Если недобросовѣстное владѣніе основано было на какомъ либо деликтѣ, напр. насилии, воровствѣ и т. п., то отвѣтственность съ самого начала владѣнія опредѣляется правилами болѣе тяжелой отвѣтственности *possessoris mal. fid.* послѣ момента *litis contestatio* ⁸⁾.

¹⁾ L. 22 C. 3. 32.

²⁾ L. 3 C. 4. 9; L. 4 C. 9. 33; L. 22 § 2 D. 13. 7.

³⁾ L. 17 § 1 D. 6. 1; L. 4 § 2 D. 10. 1.

⁴⁾ L. 33 D. 6. 1; L. 25 § 4, 9 D. 5. 3.

⁵⁾ L. 4 C. 8. 4; L. 62 § 1 D. 6. 1; L. 19 pr. D. 22. 1.

⁶⁾ L. 62 pr.; L. 64 D. 6. 1.

⁷⁾ L. 62 pr. D. 6. 1.

⁸⁾ L. 4 C. 8. 4; L. 9 C. 6. 2; L. 19 D. 43. 16.

б) Possessor bonae fidei а) за самую вещь до *litis contest.* не отвѣчаетъ вовсе, буде онъ отчудить, уничтожить, попортить вещь ¹⁾, и самую выгоду, приобретенную отъ отчужденія вещи онъ обязывается возратить истцу только въ исключительномъ случаѣ, а именно при гибели вещи, лишающей истца возможности вчинить *rei vindicat.* ²⁾. Послѣ *litis contest.* добросовѣстный владѣлецъ отвѣчаетъ уже какъ недобросовѣстный ³⁾, ибо предьявленіе иска лишаетъ его увѣренности въ правѣ собственности на вещь.

Последнее положеніе въ наукѣ оспаривается. Соглашаясь съ тѣмъ, что источники (см. п. 4) весьма ясно уподобляютъ *b. f. possess.* послѣ *litis contest.* недобросовѣстному владѣльцу, многіе ученые тѣмъ не менѣе не считаютъ себя въ правѣ признать такое всегдѣшнее превращеніе и подтвержденіе своего мнѣнія видятъ въ томъ, что въ частныхъ примѣненіяхъ отвѣтственности такого тождества не проведено строго (см. *Vangerow. Pand. 1 § 333 A. I.*). Дѣйствительно, искъ, вчиненный противъ добросовѣстнаго владѣльца, не можетъ всегда дѣлать его недобросовѣстнымъ уже потому, что онъ можетъ оставаться по прежнему убѣжденнымъ въ своемъ правѣ; одно же сомнѣніе въ правѣ вовсякомъ случаѣ не есть недобровѣстность (*Wächter. Pand. II p. 185.*)

б) За плоды до *litis contest.* добросовѣстный владѣлецъ отвѣчаетъ только въ размѣрѣ еще наличныхъ въ моментъ предьявленія иска и не отвѣчаетъ за потребленные и за *fruct. percipiendi.* Послѣ *litis contestat.* отвѣтственность распространяется и на послѣднія двѣ категоріи плодовъ ⁴⁾.

б) *Защита* отвѣтчика противъ *rei vindicatio* кромѣ общихъ мѣръ защиты противъ исковъ, какъ напр. ссылки на исковую погасительную давность, на *beneficium sessionis actionis* и т. п.,—выражается особенно въ правѣ на два *exceptioes doli generalis*, а именно:

а) *Exceptio rei venditae et traditae* ⁵⁾. Возраженіе это предпо-

¹⁾ L. 31 § 3; L. 25 § 11 D. 5, 3.

²⁾ L. 23 § 5 D. 6, 1; L. 49 D. 3, 5; L. 23 D. 12, 1; L. 30 pr. D. 19, 1.

³⁾ L. 20 § 11; L. 25 § 7 D. 5, 3.

⁴⁾ § 2 J. 4, 2; L. 2 C. 7, 51.

⁵⁾ Dig. 21, 3 de *exceptioe rei venditae et traditae.*

лагаеть, что самъ истецъ, или его наследодатель, передалъ отвѣтчику владѣніе вещью съ намѣреніемъ выѣсть съ тѣмъ перенести и право собственности; но при всемъ томъ это послѣднее право остается за истцемъ или позднѣе имъ приобрѣтается, и вотъ на основаніи этого предъявляется *rei vindicatio*. Въ этихъ случаяхъ хотя отвѣтчикъ и не приобрѣтаетъ по *traditio* права собственности, но тѣмъ не менѣе можетъ противъ истца — собственника предъявить возраженіе о совершившейся продажѣ и передачѣ вещи, ибо истецъ не можетъ въ противность собственной сдѣлки требовать вещи у отвѣтчика. Въ древнее время таковъ былъ случай неформальной продажи и передачи *rei mancipi*. Въ позднѣйшемъ времени сюда относились напр. такіе случаи: не собственникъ продаетъ и передаетъ вещь и получаетъ продажную цѣну, позднѣе же, приобрѣвъ право собственности, предъявляетъ противъ покупателя *rei vindicationem* ¹⁾; или: не собственникъ отчуждаетъ вещь, а позднѣе ему наследуетъ собственникъ вещи, который и предъявляетъ противъ купившаго *rei vindicatio* ²⁾. И друг. ³⁾. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ предъявленіи иска заключается *dolus*, противъ котораго отвѣтчикъ имѣетъ *exceptio (doli)*, называемое *except. rei venditae et traditae*. *Exceptio* это — изъ числа *exceptiones peremptoriae*.

б) *Exceptio по поводу затратъ*. Если отвѣтчикъ сдѣлаетъ по спорной вещи затраты, *impensae*, то при извѣстныхъ условіяхъ онъ имѣетъ противъ *rei vind.* право на *exceptio doli*, которымъ осуществляетъ *jus retentionis* до тѣхъ поръ, пока ему не будутъ возмѣщены эти затраты. Такъ добросовѣстный владѣлецъ имѣетъ право требовать вознагражденіе за *impensae necessariae* и *utiles*, за послѣднія въ размѣрѣ дѣйствительно повышенной стоимости вещи. По *impensae voluptuosae* онъ имѣетъ *jus tollendi*. Недобросовѣстный владѣлецъ имѣетъ право на вознагражденіе только за *impensae necessariae*; ибо эти затраты долженъ былъ бы во всякое время сдѣлать самъ собственникъ ⁴⁾; по

¹⁾ L. 1 pr. L. 2 D. 21, 3; L. 17 D. 21, 2; L. 72 D. 6, 1.

²⁾ L. 1 § 1 D. 21, 3; L. 73 D. 21, 2; L. 14 C. 3, 32; L. 14 C. 8, 45.

³⁾ См. у *Arndts*. *Pandekt.* § 168 Anm.

⁴⁾ *Leist.* въ *Civilist. Studien.* Н. 2 p. 20, 21.

остальнымъ же онъ можетъ осуществить только *jus tollendi* ¹⁾. Владѣлецъ по деликту (воръ) ²⁾ не имѣлъ права на вознагражденіе ни по какимъ затратамъ, а могъ только взять внесенное имъ. Но *jus tollendi* во всѣхъ случаяхъ было подчинено многимъ условіямъ. Такъ осуществленіе его не должно было вредить главной вещи ³⁾, отвѣтчикъ долженъ былъ имѣть въ немъ интересъ ⁴⁾, наконецъ, собственникъ могъ остановить его, уплативъ стоимость подлежащаго выносу ⁵⁾.

Цѣну, уплаченную отвѣтчикомъ за вещь онъ, по общему началу ⁶⁾, не можетъ требовать отъ истца ⁷⁾.

Actio negatoria ⁸⁾ (*vel negativa*) былъ такой вещный искъ, которымъ собственникъ защищался въ мирномъ отправленіи своего права, противъ частичнаго нарушенія его со стороны третьяго лица. Искъ этотъ выражается въ формѣ отрицанія права отвѣтчика, откуда и самое его названіе ⁹⁾. Нарушеніе это можетъ состоять или въ томъ, что третье лице присваиваетъ себѣ какое либо право на вещь, ограничивающее собственность, напр. какой либо сервитутъ ¹⁰⁾, или вообще какимъ либо фактическимъ воздѣйствіемъ препятствуетъ свободному распоряженію и пользованію вещью ¹¹⁾, напр. не убираетъ унавшее на сосѣдній участокъ дерево. Этотъ же искъ примѣняется и въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ участниковъ общей собственности предпринимаетъ самовольно какія либо мѣры по общей вещи ¹²⁾.

Многіе ученые особенно въ прежнее время (см. напр.

¹⁾ L. 27 § 5; L. 30; L. 37, 38 D. 6, 1; L. 5, 16 C. 3, 32; § 30—34 J. 2, 1.

²⁾ L. 13 D 13, 1; L. 1 C. 8, 52.

³⁾ L. 38 in med. D. 6, 1.

⁴⁾ L. 38 D. 6, 1: *neque malitiis... officias.*

⁵⁾ L. 38 D. 6, 1: *Constituimus vero... potestas.*

⁶⁾ Ср. L. 14, 16 C. 5, 71.

⁷⁾ L. 3, 23 C. 3, 32; L. 2 C. 6, 2.

⁸⁾ Dig: 7, 6 si usufructus petatur vel ad alium pertinere negetur; 8, 5 si servitus vindicetur vel ad alium pertinere negetur.—*Puchta*. Ueber die Negatorienklage въ *Kleine civilistische Schriften* p. 148—166; *Seitz*. Zur Kritik der heut. Negatorien u. Confessorien klage 1873.

⁹⁾ § 2 J, 4, 6.

¹⁰⁾ L. 5 § 6 D. 7, 6; L. 2 pr. D. 8, 5.

¹¹⁾ L. 8 § 5; D. 8, 5.

¹²⁾ L. D. 8, 5.

Du Roi въ *Archiv für civ. Pr. VI* p. 298) не считали *actio negatoria* за искъ, вытекающій изъ права собственности, а за искъ сервитутный; поэтому въ учебникахъ его нерѣдко излагаютъ въ отдѣлѣ о сервитутахъ, а не собственности (напр. *Vangerow. Pand. I* § 353). На это мнѣніе подавало поводъ одно мѣсто, помѣщенное во главѣ титула о сервитутныхъ искахъ, гдѣ говорилось, что сервитутными исками будутъ *actio confessoria*, а за тѣмъ *act. negatoria* (L. 2 pr. D. si servit. 8, 5); но въ виду несомнѣнно ясныхъ выраженій другихъ мѣстъ источниковъ, по которымъ *actio negatoria* предоставляется и въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ рѣчи о притязаніи отвѣтчика на сервитутъ (L. 14 § 1 D. 8, 5 ср. съ L. 26 D. 8, 2) выше приведенное мѣсто нельзя толковать такъ исключительно.

Actio negatoria in rem могли осуществлять *utiliter empta* ¹⁾, *superficiarii* ²⁾ и залогоприниматель ³⁾.

Если нарушение произошло при отправленіи чужаго права, то отвѣтчикъ могъ *autogem nominare*.

Истецъ долженъ доказать свое право собственности ⁴⁾ и фактъ его нарушенія отвѣтчикомъ. Отвѣтчикъ, ссылаясь путемъ возраженія, на принадлежащее ему право, напр. сервитутъ, ограничивающее собственность истца, долженъ доказать пріобрѣтеніе этого права ⁵⁾. Въ случаѣ право это уже погашено въ моментъ предъявленія иска, то на истцѣ лежитъ доказательство этого погашенія путемъ *replicatio*.

Многіе ученые полагаютъ, что истецъ по *negat. actio* обязанъ доказать несуществованіе присвоеннаго отвѣтчикомъ права (напр. *Pape* въ *Linde's Zeitschr.* 16, 6; *Demangeat Droit rom. p.* 495—497). Нѣкоторые писатели допускаютъ это возрѣніе съ разными оговорками (см. *Glück. Erläut.* 10 p. 254 слѣд.; *Brinz. Pand.* 1 p. 238). Но едва ли подобное возрѣніе основательно. Основаніе даннаго иска есть право собственности; въ немъ и заключается понятіе неограни-

¹⁾ L. 16 in f. D. 8, 1.

²⁾ L. 3 § 3 in f. D. 39, 1.

³⁾ L. 16 in f. D. 8, 1.

⁴⁾ L. 5 pr. in f. D. 7, 6.

⁵⁾ *Pagenstecher cit. p.* 181; *Arndts Pand.* § 169. п. 4. II. др.

ченности. Поэтому достаточно доказать наличие этого права, чтобы и всё общія предположенія, въ немъ заключающіяся, были признаны. Претендующій на право, отрицающее данныя общія предположенія, долженъ и доказать его установленіе. Мѣста, приводимыя въ защиту противнаго, а именно L. 5 pr. D. 7, 6; L. 8 § 3 D. 8, 5; L. 15 D. 39, 1, какъ доказано теперь тщательнымъ толкованіемъ, служатъ доказательствомъ ему не могутъ (см. *Windscheid. Pand. I § 198 п. 16*).—Даже, со временъ глоссаторовъ было весьма распространено воззрѣніе (см. *Landsberg. Die Glosse d. Accursius p. 321*), что владѣющій собственникъ при нарушеніяхъ, ведущихъ къ act. negat. обязанъ доказать лишь свое владѣніе, въ силу котораго презумируется самая собственность. Источники ничего подобнаго не говорятъ и нѣтъ никакихъ основаній облегчать собственнику доказываніе своего права (см. *Puchta cit. p. 155—161*).

Цѣль предъявленія негаторнаго иска состояла въ томъ, чтобы судья призналъ за собственникомъ свободное отъ притязаній отвѣтника право собственности, приговорилъ къ возстановленію соответствующаго состоянія ¹⁾, уплатѣ убытковъ ²⁾ и предоставленію cautio de non amplius turbando, обезпеченія въ томъ, что не будетъ повторено данное нарушеніе права ³⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда истецъ не можетъ доказать своего права собственности, но докажетъ, что пріобрѣлъ вещь *justo titulo*, то къ *negatoria actio* примѣняются начала *Publiciana in rem actionis*, а именно противъ отвѣтника, немогущаго доказать установленіе присвоеннаго права *justo titulo*, или если ему будетъ доказана *mala fides* при притязаніи на данное право, осуществляется *negatoria Publiciana actio*.

Такъ полагаютъ теперь большинство ученыхъ (см. *Vangerow. Pand. 354*); но Пухта (*cit.*) не находилъ ни одного мѣста въ источникахъ, которое оправдывало бы такое распространеніе *Publiciana actionis*.

¹⁾ L. 8 C. 3, 34.

²⁾ L. 5 § 6 D. 7, 6; L. 4 § 2; L. 9 pr. D. 8, 5.

³⁾ L. 12 D. 8, 5.

При полномъ нарушеніи права собственности истецъ, чтобы вернуть владѣніе вещью долженъ доказать свое право собственности на нее, хотя бы отвѣтчикъ былъ не добросовѣстнымъ владѣльцемъ. Затруднительность во многихъ случаяхъ такого доказыванія и въ тоже время чувство справедливости вынудили претора отыскать средство въ защиту лица, имѣвшаго болѣе правъ на владѣніе вещью, чѣмъ отвѣтчикъ. Такимъ средствомъ и было

Actio Publiciana in rem ¹⁾.—Выше мы видѣли, что по преторскому праву лице, владѣвшее вещью *ad usucapionem* и потерявшее владѣніе, могло вчинить искъ противъ всякаго третьяго владѣвшаго ею, но не по титулу давности, искъ на выдачу ему вещи. Искъ этотъ былъ *actio Publiciana in rem*. Онъ основывался на той фикціи, что начавшаяся давность въ моментъ потери владѣнія истцемъ уже исполнилась ²⁾. Искомъ этимъ естественно могъ воспользоваться и настоящій собственникъ вещи ³⁾, когда ему съ одной стороны трудно было доказать собственность, а съ другой отвѣтчикъ не могъ сослаться на *res sessio ad usucapionem* ⁴⁾.

Многіе писатели думали, что въ основѣ Публиціанова иска слѣдуетъ предполагать особый видъ собственности, а именно фиктивную собственность, *dominium fictum seu putativum*, или преторскую собственность (см. *Glück. Erläuter. d. Pand.* 8 р. 356 и слѣд.) Но основаніемъ этого иска была не собственность, а простое владѣніе *ad usucapionem*, на защиту котораго преторъ Публицій распространилъ искovou формулу для защиты собственности тѣмъ, что ввелъ фикцію исполнившейся давности. Такъ и сами Римляне никогда не называли собственностью право, лежавшее въ основѣ этого иска (см. *Böcking. Pand.* 2 § 137).—Если искъ этотъ рассматривается здѣсь въ числѣ средствъ

¹⁾ Dig. 6, 2 de Publiciana in rem actione.—Литература весьма обширная. Изъ новѣйшихъ трудовъ: *Schulin. Ueber einige Anwendungsfälle der Publiciana in rem actio.* Marburg 1873; *Huschke. Das Recht der Publicianischen Klage.* Stuttgart 1874.

²⁾ Gajus 4, 36; § 4 J. 4, 6; L. 7 § 6 D. 6, 2.

³⁾ L. 7 § 7 D. 6, 2.

⁴⁾ Ср. *Huschke cit.* p. 76, 77.

защиты собственности, то потому, что онъ образованъ по образцу исковъ о собственности, какъ то указываютъ его предположенія, и кромѣ того онъ ведетъ къ однимъ и тѣмъ же матеріальнымъ цѣлямъ (см. *Pagenstecher. cit.* 3 p. 3, 4).

Условія этою иска: I. а) Истецъ долженъ былъ приобрѣсти вещь *justo titulo* и затѣмъ потерять владѣніе ¹⁾. Но позднѣ этотъ искъ можно было предъявить и въ тѣхъ случаяхъ, когда собственность приобрѣталась не черезъ владѣніе ²⁾, а по т. наз. *transitus legalis*, напр. по легату, по наследованію. Въ послѣднихъ случаяхъ для предъявленія *actio. Public.* не требовалось предварительнаго владѣнія вещью.

б) Приобрѣтенная истцомъ вещь должна быть изъ числа *res habiles*, т. е. способныхъ перейти въ собственность по *usucapio*, давностиному владѣнію ³⁾. Поэтому напр. искъ этотъ не можетъ быть направленъ на ворованную вещь.

в) *Bona fides* истца ⁴⁾, но только въ моментъ приобрѣтенія вещи ⁵⁾.

При этомъ истецъ обязанъ доказать только первый пунктъ, а именно, что онъ приобрѣлъ вещь *justo titulo*. Способность же вещи къ *usucapio* и *bona fides* предполагаются сами собою и поэтому доказывать противное лежитъ на отвѣтчикѣ.

II. Предъявляется этотъ искъ противъ лицъ, которыя владѣютъ *re jure modo*, по низшему праву, а именно *sine titulo*, или и по титулу, но низшему, чѣмъ титулъ истца. Такъ его можно вчинить противъ владѣльца *vi* и *clam* или владѣльца *malae fidei*. Но нельзя вчинять *actio. Publician.* противъ владѣльца съ высшимъ титуломъ, а именно противъ собственника, который въ возраженіи на данный искъ докажетъ свое право собственности ⁶⁾. Нельзя вчинять *actio. Public.* и противъ владѣльца съ равнымъ титуломъ; такъ если истецъ и отвѣтчикъ приобрѣли *bona fide* отъ разныхъ *auctores* владѣніе спорною вещью, то дѣйствуетъ правило: *in pari causa potior est possessor*. Только если

¹⁾ L. 1 pr. L. 5; L. 7 pr. § 1—5, 16; L. 13 D. 6, 2.

²⁾ L. 1 § 2; L. 7 pr.; L. 11 § 2; L. 12 § 1; L. 15 D. 6, 2.

³⁾ L. 9 § 5; L. 12 § 4 D. 6, 2.

⁴⁾ L. 7 § 7—17 D. 6, 2.

⁵⁾ См. *Vangerow. Pand.* 1 § 335 A II, 1, d.

⁶⁾ L. 16, 17 D. 6, 2.

оба приобрѣли bona fide отъ одного и того же аuctor'a, то преимущество имѣетъ тотъ, кому первому была передана вещь ¹⁾).

Въ случаѣ истецъ побѣдить, то приговоръ не заключаетъ въ себѣ признанія за нимъ лучшаго права собственности, а лишь признаніе за нимъ лучшаго права на владѣніе вещью и соответственно съ этимъ отвѣтчикъ обязывается выдать вещь cum omni causa. Относительно выдачи вещи, отвѣтственности добросовѣстнаго и недобросовѣстнаго владѣльца, вознагражденія за imprensae—къ Publiciana actio прилагаются начала rei vindicationis ²⁾).

Послѣ вопроса объ охранѣ собственности остается рассмотреть послѣдній моментъ въ ея бытіи, а именно

Прекращеніе права собственности.

Право собственности прекращается прежде всего во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ его переходитъ по одному изъ признанныхъ положительныхъ правомъ способу въ собственность другого лица. Но помимо приобрѣтенія собственность теряется еще въ слѣдующихъ случаяхъ: I. По волѣ самого собственника, а именно при derelictio ³⁾). Оставленіе должно сопровождаться намѣреніемъ собственника отказаться отъ вещи; поэтому если оставленіе было вынужденное, напр. будутъ выброшены за бортъ корабля вещи во время бури ⁴⁾) или просто потеряны ⁵⁾), то право собственности не прекращается. Въ случаѣ сомнѣнія, была ли вещь потеряна или оставлена, дѣйствовало правило, что намѣреніе провозвести derelictio никогда не предполагается; за него должны говорить положительные факты ⁶⁾). Особый случай прекращенія собственности по derelictio представляетъ оставленіе собственникомъ безъ обработки участка обложеннаго налогами. Участокъ этотъ поступаетъ въ собственность тому, кто приступитъ къ его обработкѣ и не получитъ въ продолженіи двухъ лѣтъ вознагражденія отъ собственника за сдѣланный за-

¹⁾ L. 9 § 4 D. 6, 2 ср. L. 31 § 2 D. 19, 1.

²⁾ L. 7 § 8 D. 6, 2.

³⁾ § 47 J. 2, 1; L. 17 § 1 D. 41, 2; Dig. 41, 7 pro derelicto.

⁴⁾ § 48 J. 2, 1; L. 9 § 8 D. 41, 1 ср. L. 18 C. 6, 2.

⁵⁾ L. 43 § 7, 8 D. 47, 2.

⁶⁾ Arg. § 48 J. 2, 1 и L. 25 пр. D. 22, 3.

траты и выплаты ¹⁾. II. Помимо воли собственника: а) Когда онъ потерпитъ *capitis deminutio maxima*. Рабъ какъ таковой не способенъ имѣть ничего на правѣ собственности. *Capit. deminut. media* и *minima* въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ уже почти не имѣли вліянія на измѣненія въ имущественномъ положеніи. б) Уничтоженіе вещи или превращеніе ея въ *res extra commercium*. в) Убѣгъ дикаго животнаго, или когда прирученное животное теряетъ *consuetudinem revertendi*. г) Когда публичная рѣка измѣнитъ свое теченіе, то поземельные собственники теряютъ право собственности на полосу земли подъ новымъ русломъ находящуюся ²⁾. Но простое наводненіе, *inundatio*, не прекращаетъ права собственности даже временно ³⁾.

Многіе писатели полагали, что на время наводненія отиѣняется право собственности на участки покрытые водой (напр. *Gesterding. Lehre v. Eigenthum* p. 215), какое воззрѣніе находятъ себѣ подтвержденіе въ двухъ мѣстахъ Помпонія (L. 23 D. 7, 4; L. 30 § 3 D. 41, 1). Но теперь больше склоняются къ принятому нами мнѣнію, высказанному въ другихъ мѣстахъ источниковъ и внесенному Юстиніаномъ въ Институціи (см. *Frank. Wird durch eine Fluss Ueberschwemmung das Eigenthumsrecht an den überschwemmten Grundstücken suspendirt?* въ *Jahrb. f. d. Dogmatik d. heut. röm. u. deutsch. Privatr. N. F. V. 9* p. 423—429).

д) *Occupatio bellica*. Общій взглядъ Римлянъ на полное безправіе воюющихъ государствъ они строго послѣдовательно прилагали и къ самимъ себѣ. Поэтому вещи, попавшія къ неприятелю, они считали вышедшими изъ собственности римскаго гражданина ⁴⁾. Если эти вещи вновь отвоевывались римскимъ войскомъ, то, какъ добыча, они поступали въ собственность римскаго государства и не восстанавлились прежнему собственнику ⁵⁾. Но послѣднее правило смягчалось т. наз. *jure postliminii* ⁶⁾. Определенная категорія вещей пользовалась той при-

¹⁾ L. 8 C. 11, 58.

²⁾ L. 1 § 7; D. 43, 12; L. 7 § 5 D. 41, 1; § 23 J. 2, 1.

³⁾ L. 1 § 9 D. 43, 12; L. 7 § 6 D. 41, 1; § 24 J. 2, 1.

⁴⁾ L. 36 D. 11, 7.

⁵⁾ L. 3 D. 49, 15.

⁶⁾ L. 5 § 1 D. 49, 15.

вплегіей, что если они вновь отвоевывались отъ непріятеля и поступали *intra praesidia Romana*, т. е. подъ охрану римскаго государства, то предполагалось, что они никогда не находились въ непріятельской добычѣ. Такими предметами были: поземельные участки ¹⁾, транспортныя суда частныхъ лицъ, употреблявшіяся на военныя цѣли ²⁾; животныя (напр. лошади, мулы) ³⁾ и рабы ⁴⁾, принадлежавшія офицерамъ или солдатамъ и находившіяся при войскахъ. Оружіе не было въ числѣ этихъ предметовъ, ибо считалось позорнымъ для солдата терять его на войнѣ ⁵⁾.

¹⁾ L. 36 D. 11, 7.

²⁾ L. 2 pr. D. 49, 15.

³⁾ L. 2 § 1 D. 49, 15.

⁴⁾ L. 19 § 10 D. 49, 15.

⁵⁾ L. 2 § 2 D. 49, 15.

Опека и попечительство.

Источники. Instit. de tutelis 1, 13—26; Dig. de tutelis 26, 1—10; 27, 1—10.

Литература: Glück. Erläuterung der Pandekten Bd. 28—33; Rudorff. Das Recht der Vormundshaft aus den gemeinen in Deutschland geltenden Rechten entwickelt. 3 Bde. Berlin. 1832—34.

Д. Азаревичъ. О различіи между опекой и попечительствомъ по римскому праву. Спб. 1872.

Общее понятіе. — Подъ опекой и попечительствомъ, какъ показываютъ самыя названія (tutela отъ tueri, охранять; cura, забота), разумѣется предписанная положительнымъ правомъ забота о такихъ лицахъ sui juris, которыя или вовсе не могутъ, или не могутъ какъ слѣдуетъ соблюсти свои личные интересы.

Tutela est, ut Servius definit, vis ad potestatem in capite libero ad tuendum eum, qui propter aetatem sponte se defendere nequit, jure civili data ac permessa L. 2 pr. D. 26, 1. Определеніе это неточно такъ какъ упоминаетъ одинъ видъ опеки и не указываетъ на важнѣйшую функцію опекуна, охрану имущества (см. ниже). Попечительство же въ источникахъ не опредѣляется вовсе.

Изъ даннаго опредѣленія слѣдуетъ прежде всего, что опека и попечительство были *munera publica*. Положительное право предписываетъ обязательно устанавливать данную заботу, какъ отправленіе публичной обязанности.

Въ древнемъ Римѣ опека разсматривалась съ иной точки зрѣнія. Она считалась *правомъ* ближайшихъ наследниковъ опекаемаго, т. е. значить ближайшихъ агнатовъ (патрона), которые путемъ опеки сохраняли въ цѣлости имущество, на наследованіе въ коемъ они имѣли надежду (L. 1 pr. D. 26, 4). Но, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ эта охрана была

и обязанностью ихъ. Позднѣе, съ распаденіемъ семейнаго родоваго союза, на первый планъ выдвинулся послѣдній признакъ опеки.

Далѣе, данная забота устанавливается въ интересѣ лицъ, которыя лишены той естественной заботы, которую каждый нуждающійся въ ней находитъ въ семьѣ. Поэтому основная идея опеки и попечительства та, что они составляютъ восполненіе недостающей семейной заботы, а слѣдовательно и мѣсто данному институту въ системѣ гражданскаго права—непосредственно за семейными отношеніями. Разница только та, что опека и попечительство устанавливаютъ чисто юридическія отношенія между опекунами и опекаемыми, выражающіяся въ *quasi contractus*, т. е. договорѣ аналогичномъ мандату. Но эти обязательственныя отношенія суть только послѣдствія опекунской дѣятельности, не входятъ въ предположенія опеки, поэтому и не могутъ опредѣлять ея мѣсто въ обязательственномъ правѣ.

Послѣ Савиньи (*System I* p. 361) опеку и попечительство чаще всего излагаютъ въ отдѣлѣ семейнаго права (напр. *Arndts, Wächter*). Но Пухта, а за нимъ Виндшейдъ и др. помѣщаютъ этотъ институтъ въ отдѣлѣ обязательственнаго права.

Римское право знало два вида такой заботы: *tutela*, опека въ тѣсномъ смыслѣ, и *cura* или *curatio*, попечительство.

Различіе между опекой и попечительствомъ заключается въ томъ, что первая въ своихъ основныхъ видахъ назначается въ лицамъ по положительному праву ограниченныхъ въ своей дѣеспособности и опекунъ предназначается исполнять эту дѣеспособность, чтобы придать полную дѣйствительную силу сдѣлкамъ отъ имени опекаемаго. Попечительство же назначается первоначально къ лицамъ, за которыми положительное право признаетъ полную дѣеспособность, но въ силу различныхъ соображеній полезности считаетъ необходимымъ обставить вступленіе въ извѣстныя сдѣлки соучастіемъ людей съ житейской опытностью. Попечитель такимъ образомъ не исполняетъ дѣеспособности подзопечнымъ, а только формальнымъ своимъ согласіемъ даетъ сдѣлкѣ самого подзопечнаго правовую силу.

Таково господствующее теперь въ наукѣ воззрѣніе на различіе опеки и попечительства (изъ болѣе новыхъ см. *Wächter. Pand. II* p. 643—646). Но въ прежнее время,

отчасти и въ новое, была масса и другихъ попытокъ разграничить эти два института (см. въ моемъ приведенномъ трудѣ отъ стр. 196 и д.). Я считаю господствующее воззрѣніе какъ догматическое положеніе невѣрнымъ. Исторически вполне справедливо, что установленіемъ попечительства имѣлось въ виду приставить охрану къ лицамъ вполне дѣеспособнымъ, а опека устанавливалась всегда для лицъ съ ограниченной дѣеспособностью. Но расширившійся и усложнившійся гражданскій оборотъ заставлялъ законодателя постепенно ограничивать дѣеспособность такъ наз. миноровъ, не отнимая отъ нихъ общаго характера совершеннолѣтнихъ лицъ. Такимъ образомъ уже задолго до Юстиніана гражданская дѣеспособность миноровъ почти ничѣмъ не отличалась отъ дѣеспособности т. наз. *infantia majores*. И поэтому Модестинъ имѣлъ право сказать: *id est in paucissimis... distant curatores a tutoribus* (L. 13 pr. D. 27, 1). Послѣ выхода въ свѣтъ моего труда и въ западной литературѣ стало проявляться подобное же воззрѣніе и притомъ не только въ монографическихъ трудахъ, и статьяхъ, но отчасти даже и въ учебникахъ, какъ напр. у Барона (Pandekten § 369).

Опека въ Римѣ до половины императорскаго времени устанавливалась надъ двумя разрядами лицъ надъ несовершеннолѣтними и надъ женщинами. Соотвѣтственно съ этимъ будемъ различать *tutela pupillaris* и *tutela muliebris*.

Въ попечительствѣ мы должны отличать т. наз. *cura personalis*, т. е. попечительство, устанавливаемое непосредственно къ данному лицу съ цѣлью охраны его имущественнаго интереса, и *cura realis* или *bonorum*, попечительство устанавливаемое также въ интересѣ опредѣленныхъ лицъ, но имѣющее непосредственной своей задачей охрану данного имущества. *Cura personalis* будетъ: *cura minorum*, *cura furiosi*, *cura prodigi* и *cura personarum debilium*. Подъ *cura realis* обыкновенно подводятъ: *cura bonorum absentis*, *cura bonorum* въ случаѣ конкурса, *cura hereditatis jacentis*, *cura ventris nomine*, *cura ex Carboniano edicto*. Различіе между *cura personalis* и *c. realis* то, что первое обыкновенно имѣетъ дѣло съ *administratio bonorum* въ обширномъ смыслѣ, а второе главнымъ образомъ *custodia rerum*. Въ этомъ смыслѣ можно признать съ нѣкоторыми западными пи-

сателями ¹⁾ дѣленіе попечительства на *cura plena* и *s. minus plena*.

Западные систематики выдѣляютъ *cura realis* изъ ученія объ опекахъ и попечительствахъ и рассматриваютъ различные его случаи въ различныхъ частяхъ системы (см. напр. Böcking, Arndts, Windscheid и др.). Основаніемъ къ тому служить воззрѣніе будто *cura realis* устанавливается исключительно въ интересъ данной имущественной массы, а не лицъ, нуждающихся въ чужой заботѣ, и притомъ будто *cura realis* ограничивается одной лишь охраной даннаго имущества и не имѣетъ дѣла съ его управленіемъ. Въ общее подтвержденіе ссылаются на одно мѣсто Гермогіана L. 48 D. 26, 7, дѣйствительно проводящаго такое различіе. Но помимо того, что тотъ же Гермогіанъ забываетъ въ другомъ мѣстѣ о такомъ различіи (L. 1 § 4 D. 50, 4), въ своемъ мѣстѣ будетъ указано, что всѣ случаи *curae realis* имѣютъ въ виду интересъ опредѣленныхъ лицъ и что назначеніе такихъ попечителей никогда неограничивалось исключительно одной охраной имущества въ дѣлности; а такъ какъ большій или меньшій объемъ опредѣленной функціи не можетъ въ данномъ случаѣ вліять на самый характеръ института, то понятно почему въ Юстиніановомъ сводѣ другіе юристы не знаютъ никакого различія между попечителями (L. 1 § 22 D. 37, 9 см. также L. 2 § 2, 5; L. 3 D. 42, 7; L. 8 D. 27, 10; L. 3 C. 8, 51).—Но при всемъ томъ мы считаемъ себя обязанными придерживаться господствующей системы. Опека и попечительство со многихъ сторонъ заправляются одними и тѣми же началами права ²⁾, а поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи они будутъ рассматриваться отдѣльно только въ ихъ особенностяхъ.

Установленіе опеки и попечительства, delatio tutelae et curaе.—Прежде всего какъ опека, такъ и попечительство, могли быть устанавливаемы по завѣщанію, т. наз. *tutela (s. cura) testamentaria* ³⁾. Такъ уже по XII tab. *paterfamilias* могъ назначать въ завѣщаніи или въ *codicillis testamento confirmatis* ⁴⁾ дѣтямъ,

¹⁾ См. *Heimbach* въ *Rechtslexicon* 3 стр. 138.

²⁾ См. L. 3 § 5 D. 26, 7.

³⁾ Dig. 26, 2 de testamentaria tutela; Cod. 5, 28.

⁴⁾ L. 3 pr. D. 26, 2.

подчиненнымъ его власти, опеку на случай своей смерти. Тоже право распространялось и на назначеніе попечителя.

Въ послѣднемъ въ наукѣ сомнѣвались (см. напр. *Brinz Pand.* р. 1367). Дѣйствительно, въ нѣсколькихъ мѣстахъ источниковъ говорится, что попечители не могутъ быть назначаемы по завѣщанію (*Ulpian.* 12 § 1, 2; § 1 *J.* 1, 2, 3; *L.* 7 *C.* 5, 28); но рядомъ имѣются и такія мѣста, которыя допускаютъ возможность назначенія попечителя по завѣщанію (§ 1 *in. f. J.* 1, 23; *L.* 2 § 1 *D.* 26, 3). Это разногласіе источниковъ объясняется такъ. Въ древнемъ Римѣ назначеніе попечительства вызывалось всегда такими причинами, которыхъ завѣщатель предусмотрѣть не могъ (безуміе, расточительность и т. д.; суга же *shpogum* выработалась окончателно только уже въ позднія императ. времена); изъ этого же фактическаго положенія и установился взглядъ, какъ основной принципъ, сохранившійся въ источникахъ и тогда, когда уже была и возможность и потребность для завѣщателя поставить оставляемое имущество подъ охрану попечителя (*suga minorum*). См. *Азаревича cit.* стр. 290—296).

Только, если при назначеніи опекуна не соблюдены были опредѣленные въ законѣ формальности, то требовалось еще утвержденіе (*confirmatio*) опекуна властью ¹⁾ (т. наз. *tutela testamentaria impropria* или *imperfecta*); попечитель же, назначенный въ завѣщаніи всегда подлежалъ утвержденію.

Въ завѣщаніи опекунъ и попечитель должны были быть обозначены точно, именемъ (*nominatim*) ²⁾. Назначеніе могло быть подъ условіемъ и на срокъ ³⁾. Но опеку нельзя было назначать только для отдѣльнаго имущества или отдѣльнаго рода дѣлъ ⁴⁾, ибо по выраженію источниковъ *tutor perzonae, non causae vel rei datur* ⁵⁾. Другое дѣло, когда единая опека раздѣляется между нѣсколькими опекунами по отдѣльнымъ отраслямъ дѣлъ или по отдѣльному имуществу.

¹⁾ *Dig.* 26, 3 de confirmando tutore; *Cod.* 5, 29.

²⁾ *L.* 20 pr. *D.* 26, 2; § 27 *J.* 2, 20.

³⁾ § 3 *J.* 1, 14; *L.* 8 § 1—3; *L.* 11 pr. *D.* 26, 2.

⁴⁾ *L.* 12, 13 *D.* 26, 2.

⁵⁾ § 4 *J.* 1, 14; *L.* 14 *D.* 26, 2.

Особый видъ завѣщательной опеки въ доюстиніановомъ правѣ была т. наз. *tutela optiva*. Мужья могли предоставлять въ завѣщаніи своимъ женамъ право выбора своихъ опекуновъ, *tutorum optio* (Gajus 1 § 150 — 152), которые и назывались *tutores optivi*.

Если не осуществлялась завѣщательная опека ¹⁾, или завѣщательнаго назначенія ея не было вовсе ²⁾, то наступала опека по закону, *tutela legitima* ³⁾. Къ ней призывались ближайшіе родственники опекаемаго, какъ предполагаемые его наследники по закону ⁴⁾. По выраженію источниковъ *ubi successioneis emolumentum, ibi opus tutelae esse debet*. Въ прежнее время такими опекунами по закону были агнаты и гентилы (*tutela agnatorum et gentilium*), а кромѣ того патронъ и его дѣти (*tutela patronorum*), *extraneus manumissor mancipii* и *patrens manumissor* надъ эманципированнымъ (т. наз. *judicialii tutores*). Сюда же должно отнести и такъ назыв. *tutela fiduciaria*, довѣренную опеку. Къ этой опекѣ относятся слѣдующіе случаи: 1) когда восходящій (дѣдъ, отецъ) совершитъ *manumissio* несовершеннолѣтнихъ нисходящихъ (внуковъ, сыновей, дочерей), то по смерти его совершеннолѣтніе ⁵⁾ сыновья ихъ получаютъ опеку надъ этими мануматтированными (т. е. своимъ дѣтьми или братьями, сестрами). Какъ опекуны они называются *fiduciarii tutores* ⁶⁾. 2) Такими же довѣренными опекунами были и тѣ, которые совершали *manumissio* манципированныхъ имъ отцами или соэмптораторами лицъ ⁷⁾.

Въ объясненіи термина *fiduciaria tutela* имѣется большое разногласіе въ наукѣ (см. *Glück. Erläut.* 20 p. 376 и слѣд.).

Позднѣе къ опекѣ стали призывать и когнатовъ. Такъ Анастасій призывалъ эманципированнаго брата къ опекѣ надъ его братьями и сестрами. А по рескрипту Валентиніана и Тео-

¹⁾ L. 9, 10 pr. § 3; L. 11 D. 26, 2.

²⁾ § 2 J. 1, 15; L. 6 D. 26, 4.

³⁾ Dig. 26, 4 de legitimis tutoribus; Cod. 5, 30 de legitima tutela; Inst. 1, 15; 1, 17—19.

⁴⁾ Novell. 118 c. 5.

⁵⁾ L. 4 D. 26, 4.

⁶⁾ Inst. 1, 19 de fiduciaria tutela. Theoph. Paraph. ad. h. t.

⁷⁾ Ulpian. 11, 5; Gajus 1 § 113, 114, 115, 166.

досіа допускалася даже опека совершеннолѣтней матери-вдовы, если только она обязывалась не вступать въ новый бракъ и отказывалась отъ привилегій S. C. Vellejani. Наконецъ, Юстиніанъ Новеллою 118¹⁾ установилъ общую *legitima cognatorum tutela*, а кромѣ того постановилъ призывать къ опекѣ мать и бабу даже предпочтительно предъ мужскимъ колѣномъ, но подъ выше изложенными условіями. Съ введеніемъ послѣднихъ реформъ уничтожается *tutela legitima agnatorum* и *tutela fiducia*.

Какъ завѣщательныхъ, такъ и опекуновъ по закону могло быть нѣсколько. Они могли съ согласія высшаго опекунскаго управленія раздѣлить между собою опеку, или предоставитъ отправление ея одному или нѣсколькимъ изъ числа ихъ, а остальнымъ поручить надзоръ и общее направленіе²⁾. Послѣдніе назывались *tutores honorarii* или *notitiae causa*; они могли быть назначены и по завѣщанію.

Пока существовала опека надъ женщинами, законные ихъ опекуны могли предоставлять отправление опеки другимъ лицамъ, агнатамъ же, что называлось *cessio tutelae*, а отсюда и *tutores cessitii* (Ulpian. 11 § 6—8; 19 § 11; Gajus 1 § 168, 171, 172).

Если не имѣлось почему либо (напр. никто не призывался, или призванный устранялся отъ опеки и т. п.) опекуновъ ни по завѣщанію, ни по закону³⁾, то опека и попечительство могли быть установлены опредѣленными магистратами, это наз. *tutela* или *cura dativa*⁴⁾.

По мнѣнію господствующему (ср. мое воззрѣніе. Опека и попечит. стр. 296 — 303) начало этой опеки въ *lex Atilia*, предоставившаго назначать опекуна городскому претору при участіи *maior pars tribun. plebis*. Позднѣе *lex Julia et Titia* предоставилъ тоже право *praeses provinciarum*. Отсюда назначенные властью опекуны носятъ названіе *tutores Atiliani* и *Titiani* (Gajus 1 § 185; Ulp. 11 § 18; пр. J.

¹⁾ Novell. 118 с. 5.

²⁾ L. 3 § 2 D. 26, 7.

³⁾ пр. J. 1, 20.

⁴⁾ Inst. 1, 20 de Atiliano tutore et eo, qui ex lege Julia et Titia datur; Dig. 26, 5 de tutoribus et curatoribus datis...

1, 20). Во время имперіи и другіе магистраты получили право назначать опекуновъ.

Tutor dativus назначался обыкновенно на все время опеки и безусловно (*sine conditione, non ex die*), но могъ быть назначенъ опекунъ и на время и только для пѣтвѣннаго дѣла (*tutor praetorius* или *praetorianus*), что имѣло мѣсто даже и при постоянной опекѣ. Напр. такой опекунъ назначался для процесса между опекаемыми и ихъ опекуномъ¹⁾. Впрочемъ позднѣе въ послѣднемъ случаѣ, чтобы не обходить правила *habenti tutorem tutor non datur*²⁾, назначался спеціальный попечитель³⁾, который свободно могъ назначаться при всѣхъ случаяхъ.

Назначеніе опекуна для малолѣтнихъ (*impueres*) вмѣнялось въ обязанность магистратамъ коль скоро до его свѣдѣнія доходила необходимость такого назначенія, *tutoris datio, nominatio*⁴⁾. Кроме того въ императорскія времена (именно со времени Септимія Севера) ближайшіе родственники малолѣтняго, въ особенности мать и бабушка, обязаны были по закону въ теченіе года, считая съ того момента, когда назначеніе опекуна сдѣлалось необходимымъ, *petere tutorem (tutoris petitio s. postulatio)*⁵⁾, подъ страхомъ лишиться наслѣдства отъ несовершеннолѣтняго, если онъ умретъ до достиженія совершеннолѣтія⁶⁾. Правила эти не прилагались въ тѣмъ случаяхъ, когда опекунъ назначался только по волѣ опекаемаго⁷⁾ или по одному усмотрѣнію властей. Такъ попечитель къ немощнымъ назначался ненначе, какъ по ихъ просьбѣ, обращенной къ высшей опекунской власти, а попечитель къ расточителямъ—по усмотрѣнію власти.

Какъ шипега опека и попечительство были обязательны для лицъ, которымъ они открывались.

Munus proprie est, quod necessarie obimus l. 214 D 50, 16.

¹⁾ Gajus 1, 184; Ulpianus 11, 24 *cp.* L. 4 C. 5, 44.

²⁾ L. 27 *pr.* D. 26, 2.

³⁾ § 3 J. 1, 21; § 5 J. 1, 23; L. 1, 2 C. 5, 44.

⁴⁾ L. 2 § 2 *cp.* L. 4 *pr.* D. 26, 6.

⁵⁾ Dig. 26, 6 *qui petant tutores vel curatores et ubi petantur*; Cod. 5, 31 *qui petant tutores vel curatores*; 5, 32 *ubi petantur tutores vel curatores.*

⁶⁾ L. 10 C. 6, 58; L. 3, 6 C. 6, 56.

⁷⁾ L. 2 § 29 D. 38, 17.

Поэтому властямъ предоставлялось право *extra ordinem* принуждать (*cogi*) къ отправленію, какъ опеки, такъ и попечительства ¹⁾. Но при этомъ известная категорія лицъ по закону устранялись отъ опеки, а другимъ предоставлялось право на отказъ отъ нея. Первое носить названіе *excusatio necessaria*, а второе—*excusatio voluntaria*.

А) Устранялись отъ опеки и попечительства :

1) Рабы ²⁾, но при этомъ рабы, назначенные господиномъ въ опекуны считаются тѣмъ самымъ отпущенными на волю.

2) Перегрины, *liberti dediticii*, *deportati* ³⁾.

3) Расточители ⁴⁾, миноры ⁵⁾, слабоумные, какъ лица неспособные вести хорошо и собственныхъ дѣлъ.

4) Нѣмые, глухіе, слѣпые ⁶⁾, или вообще слабые, больные, какъ лица, не могущія должнымъ образомъ отправлять опеку.

5) Вообще лица порочныя ⁷⁾; разъ уже удаленныя отъ отправленія опеки и попечительства ⁸⁾; стремящіяся достигъ той или другаго подкупомъ ⁹⁾.

6) Кредиторы и должники подзопечныхъ ¹⁰⁾; лица, ведущія съ ними процессъ о значительномъ имуществѣ ¹¹⁾.

7) Лица, ведущія процессъ съ родителями подзопечныхъ о правахъ состоянія ¹²⁾.

8) Враги подзопечнаго и его родителей ¹³⁾.

9) Евреи надъ христіанами ¹⁴⁾.—Были и другіе поводы къ

¹⁾ L. 2 D. 2, 12; L. 1 pr. D. 26, 7; L. 7 § 3 D. 26, 10; L. 9 D. 50, 4; L. 2 C. 5, 43.

²⁾ L. 7 C. 5, 34.

³⁾ Ulpian 22 § 2; L. 17 § 1 D. 48, 19.

⁴⁾ L. 5 C. 5, 30 ср.; L. 12 § 2 D. 26, 5.

⁵⁾ § 13 J. 1, 25; L. 5 C. 5, 30.

⁶⁾ L. 1 C. 5, 67 ср.; L. 1 § 2, 3 D. 26, 1.

⁷⁾ L. 8 D. 26, 3.

⁸⁾ L. 1 § 8 D. 26, 10.

⁹⁾ L. 21 § 6 D. 26, 5.

¹⁰⁾ Nov. 72 C. 15; Nov. 94 C. 1.

¹¹⁾ L. 21 pr. D. 27, 1 ср.; L. 20 D. cod.

¹²⁾ § 12 J. 1, 26.

¹³⁾ §§ 9—12 J. 1, 25; L. 3 § 12 D. 26, 10.

¹⁴⁾ L. 16 pr. C. 1, 9.

устраненію отъ опеки — попечительства ¹⁾, но мы скажемъ еще только о слѣдующемъ :

10) Какъ *munera publica* опека и попечительство были по общему началу *munera masculorum*, почему женщины не могли быть ни опекунами ²⁾, ни попечителями ³⁾. Только въ позднѣйшее время, какъ указано выше, было сдѣлано исключеніе для матери и бабушки подзопечнаго подъ условіемъ, что онѣ откажутся отъ новаго брака и отъ *beneficium Sot. Vellejani* ⁴⁾. Первымъ имѣлось въ виду предупредить фактической переходъ опеки ко второму мужу; второе же лишало опекуншъ права опрачивать заключенныя по опекѣ сдѣлки и тѣмъ снимало съ третьихъ лицъ опасеніе за дѣйствительность ихъ.

Изложенные поводы къ устраненію отъ опеки, въ случаѣ если они проявились уже во время отправленія опеки, вели къ лишенію опекуна и попечителя данныхъ званій.

Б) *Отказъ отъ опеки и попечительства, excusatio (voluntaria)* ⁵⁾.

Въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ можно было отклонить отъ себя принятіе опеки и попечительства только по одной изъ признанныхъ правомъ причинъ отказа, *iustae causae excusationis*. Главнѣйшія причины были слѣдующія :

а) Трое законныхъ дѣтей въ Римѣ, 4 въ Италіи и 5 въ провинціи ⁶⁾.

б) *Tria onera tutelae ves curae in una domo* ⁷⁾, опека или попечительство надъ тремя имуществами, но не лицами. Давали право на отказъ и одна опека, или одно попечительство, съ которыми управиться представляло много труда ⁸⁾.

в) Управленіе казеннымъ или императорскимъ имуществомъ (*administratio rei fiscalis et principis* ⁹⁾).

¹⁾ См. *Azarenich* cit. стр. 304, 305.

²⁾ L. 16, 18 D. 26, 1; L. 1 C. 5, 35.

³⁾ L. 21 pr. D. 26, 5.

⁴⁾ L. 2 C. 5, 35; Nov. 94 c. 2; Nov. 118 c. 5.

⁵⁾ Dig. 27, 1 de excusationibus; Cod. 5, 62 de excusationibus tutorum et curatorum et de temporibus earum; Inst. 1, 25 de excusationibus tutorum vel curatorum.

⁶⁾ L. 2 § 2—8 D. 27, 1.

⁷⁾ § 5 J. 1, 25; L. 3, 15 § 15 D. 27, 1; Frag. Vatic. §§ 125, 188, 190.

⁸⁾ L. 31 § 4 D. 27, 1.

⁹⁾ § 1 J. 1, 25; L. 41 D. 27, 1; L. 1 C. 5, 66.

г) Известныя должности и званія ¹⁾ какъ свѣтскія ²⁾, такъ и духовныя ³⁾.

д) По закону Константина всѣ *professiones artium liberalium*. Такъ отъ опеки и попечительства могли отказаться грамматики, софисты, риторы, медики, юристы и т. д.

е) Отсутствие *reipublicae causa*. По возвращеніи эта привилегія продолжается еще годъ, *anni vacatio* ⁴⁾.

ж) Одержаніе побѣды въ какомъ нибудь общественномъ состязаніи, напр. въ качествѣ бойца и т. п. ⁵⁾.

з) Прежняя безпорочная военная служба ⁶⁾.

и) Принадлежность къ нѣкоторымъ корпораціямъ ⁷⁾.

і) Положеніе имущества въ известномъ отдаленіи (въ другой провинціи) отъ мѣстожительства лица, призываемаго къ опекѣ или попечительству ⁸⁾.

к) Бѣдность, безграмотность, болѣзнь ⁹⁾.

л) Возрастъ старше 70 лѣтъ ¹⁰⁾.

м) Наконецъ, лице бывшее опекуномъ имѣетъ право отказать отъ попечительства по окончаніи опеки ¹¹⁾, равно какъ и попечитель напр. надъ миноромъ можетъ отказаться отъ попечительства надъ нимъ по достиженіи имъ 25 лѣтъ, если требуется *cura furiosi, prodigi* ¹²⁾.

Отправленіе опеки и попечительства. Какъ опека, такъ и попечительство, назначались только къ тѣмъ лицамъ, которымъ имѣли какое либо имущество. Нѣтъ имущества—нѣтъ и опекуна и попечителя ¹³⁾.

¹⁾ §§ 1, 3 J. 1, 25; L. 6 § 14, 16; L. 17 § 5; L. 30; L. 41 pr. § 1 D. 27, 1.

²⁾ Fragm. Vat. § 147; L. 21 § 3 D. 27, 1.

³⁾ Для язычества см. Fr. Vat. § 148, для христіанства см. L. 52 C. 1, 3; Nov. 123 c. 5.

⁴⁾ L. 6 C. 10, 51 ср.; L. 6 §§ 1, 2, 5, 8 D. 27, 1.

⁵⁾ § 2 J. 1, 25; L. 10 pr. §§ 1—3 D. 27, 1.

⁶⁾ L. 6 § 13 D. 27, 1.

⁷⁾ L. 8 D. 27, 1; Frag. Vat. § 140.

⁸⁾ L. 46 § 2 D. 27, 1; Frag. Vat. §§ 203, 241.

⁹⁾ § 68 J. 1, 25; L. 6 § 9; L. 7, 40 § 1 D. 27, 1; Frag. Vatic. § 244.

¹⁰⁾ § 13 J. 1, 25.

¹¹⁾ § 18 J. 1, 25; L. 25 D. 26, 5; L. 16 D. 27, 1; L. 20 C. 5, 62.

¹²⁾ См. *Азаревичъ* cit. стр. 306, 307.

¹³⁾ L. 6 C. 5, 31.

Многіе прежніе и новѣйшіе писатели, полагая, что опека въ отличіе отъ попечительства назначалась къ лицу, считали возможнымъ допустить первую и при неимущемъ лицѣ. Но это воззрѣніе неосновательно уже потому, что по основному римскому началу опекуновъ дозволялось назначать только своимъ предполагаемымъ наследникамъ (L. 73 § 1 D. 50, 17 ср. L. 4 D. 26, 2; L. 4, 5 D. 26, 3; L. 32 D. 27, 1; L. 4 C. 5. 28; L. 7 пр. D. 26, 3; L. 4 C. 5, 29; Nov. 89 с. 14), а затѣмъ вся дѣятельность опекуна носитъ характеръ заправленія имуществомъ опекаемаго (Ulpian. 11 § 25). См. *Азаревичъ* cit. стр. 222 и слѣд.).

Такимъ образомъ главное назначеніе того и другаго—это *administratio bonorum*. Можетъ имъ быть поручена и забота о личности опекаемыхъ, напр. pupilla, безумнаго ¹⁾, но эта сторона не входитъ необходимо въ кругъ дѣятельности опекуна и попечителя ²⁾, какъ это показываетъ опека надъ женщинами и попечительство надъ мнорами, расточителями; а съ другой стороны при *tutela pupillaris* забота о лицѣ опекаемаго обыкновенно оставлялась за матерью ³⁾, а за симъ высшее направленіе въ этомъ отношеніи принадлежало совѣту родичей подъ верховнымъ надзоромъ опекунской власти (претора, намѣстника провинціи) ⁴⁾; причеиъ обязательно было руководствоваться нѣвшимися распоряженіями покойнаго отца ⁵⁾. Опекунъ обязывается только доставлять необходимыя для содержанія и воспитанія опекаемыхъ средства изъ управляемаго имущества ⁶⁾; а также всегда являться охранителемъ правъ личности опекаемыхъ ⁷⁾.

Объемъ управленія имуществомъ опекаемыхъ ⁸⁾ различный, смотря по роду опеки и попечительства. Такъ въ однихъ

¹⁾ L. 7 пр. D. 27, 10.

²⁾ Dig. 57, 2 ubi pupillus educari vel morari debeat... Cod. 5, 49 ubi pupilli educentur.

³⁾ L. 1 C. 5, 49; Nov. 22 с. 38.

⁴⁾ L. 1, 5 D. 27, 2; L. 1 C. 5, 49.

⁵⁾ L. 1 § 1 D. 27, 2.

⁶⁾ L. 2—4 D. 27, 2; Cod. 5, 50 de alimentis pupillo praestandis.

⁷⁾ L. 1 C. 5, 50.

⁸⁾ Dig. 26, 7 de administratione et periculo tutorum vel curatorum etc; Cod. 5, 37, 38, 55.

случаяхъ опеки (напр. надъ ребенкомъ до 7 лѣтъ) и попечительства (напр. надъ безумнымъ) опекуны и попечители вполнѣ устраняютъ опекаемыхъ отъ какихъ либо распоряженій ихъ имуществомъ¹⁾, заправляя всѣмъ сами, не только по совершенію всевозможныхъ юридическихъ актовъ²⁾ по опекаемому имуществу, но и по всѣмъ хозяйственнымъ, не юридическимъ распоряженіямъ имъ. Въ другихъ случаяхъ сами подѣопечные принимаютъ участіе при совершеніи юридическихъ актовъ (*infantia majores*), или сами вполнѣ завѣдываютъ своимъ имуществомъ и совершаютъ по нимъ юридическіе акты, а опекуны и попечители являются только соучастниками при этомъ. Иногда въ этомъ соучастіи выражается все назначеніе опекуна и попечителя. Такъ въ доюстиніановомъ правѣ опекунъ надъ женщинами отправлялъ только эту одну функцію³⁾, управленіе же дѣлами было въ рукахъ опекаемыхъ⁴⁾. Тоже назначеніе имѣло и попечительство надъ расточителями. Наконецъ, попечительство надъ немощными (*persona debiles*, глухими, нѣмыми, старыми и т. п.) ограничивалось простою помощію въ завѣдываніи дѣлами подѣ контролемъ судебныхъ властей.

Всѣ мнѣ извѣстные писатели (изъ новыхъ напр. *Wächter*. *Pand.* 2 § 267) признаютъ за немощными лицами, какъ-то страждующими продолжительными физическими болѣзнями или недостатками, полную дѣеспособность; а потому сводятъ все назначеніе *cura personarum debilium* къ простой помощи въ самостоятельной дѣятельности этихъ лицъ. По моему едва ли такое воззрѣніе справедливо (см. *Азаревичъ*. О различіи между оп. и поп. стр. 185—187). Римское право смотрѣло на немощныхъ, какъ на лицъ недѣеспособныхъ подобно лицамъ, лишеннымъ душевныхъ качествъ (см. напр. § 4 J. 23, 1; L. 1 pr. D. 45, 1; L. 17 D. 28, 1—§ 3 J. 2, 12; L. 12 § 2 D. 5, 1; L. 65 § 3 D. 36, 1). Да это и понятно, такъ какъ нѣкоторымъ изъ этихъ немощныхъ, какъ-то глухимъ, Римляне не знали искусства передавать понятія, а потому должны были счи-

¹⁾ Ср. L. 1 § 12, 13 D. 44, 7.

²⁾ L. 2 pr.; L. 3 pr.; D. 26, 7.

³⁾ Ulpian. 11 § 23.

⁴⁾ Gajus 1 § 1 90.

татъ ихъ за лицъ quae nullum intellectum habent. А за-
симъ, вездѣ сопоставляя съ этими лицами тѣхъ, quae re-
bus suis superesse non possunt за немошью, источники
должны были распространить на всѣ случаи cura rerum
debilium одно основаніе, а именно недостатокъ душевныхъ
качествъ, ведущій къ признанію такихъ лицъ недѣеспособными.

Такимъ образомъ въ дѣятельности опекуна и попечителя
слѣдуетъ отличать ¹⁾: а) управленіе имуществомъ, administratio
bonorum и negotiorum gestio и б) соучастіе, называемое для опе-
куна auctoritatis interpositio, а для попечителя—consensus datio.

а) *Управленіе имуществомъ и веденіе дѣлъ.* По управленію
опекаемымъ имуществомъ опекуны и попечители отвѣчаютъ за
diligentia, quam in suis rebus, т. е. имъ можетъ быть вѣнена
culpa in concreto. Они обязуются не только охранять имуще-
ство въ цѣлости, но также не упускать случаевъ къ выгодному
помѣщенію свободныхъ средствъ. Такъ они обязываются помѣ-
щать свободные капиталы на проценты, или покупать на нихъ
земли и т. п. По распоряженію имуществомъ опекуны были
первоначально исполнѣ неограниченны. Въ древнемъ римскомъ
правѣ опекуны формально разсматривались исполнѣ какъ собст-
венникъ опекаемаго имущества ²⁾: tutor domini loco est ³⁾. Въ
позднѣйшемъ правѣ они могли его отчуждать ⁴⁾, обременять
вещными правами, закладывать ⁵⁾; только различными законами
съ этой стороны установлены были разныя ограниченія для опе-
кунской власти. Такъ опекуны лишены были права производить
даренія изъ опекаемаго имущества ⁶⁾, или вообще проявлять
щедрость въ ущербъ подопечнаго, напр. отпускать на волю
рабовъ ⁷⁾. Отчужденія всякія могли совершаться только по
поводу управленія имуществомъ, да и то для всякой alienatio
въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. не только отчужденія, но и

¹⁾ Ulpian. 11 § 25.

²⁾ Ср. Hartmann въ Jahrb. f. d. Dogmatik B. 17 p. 87, 88.

³⁾ L. 17 § 2 D. 12, 2; L. 27, 48 D. 26, 7; L. 12 D. 27, 10; L. 7 § 3
D. 41, 4; L. 56 § 4 D. 47, 2; L. 157 pr. D. 50, 17.

⁴⁾ L. 12 § 1 D. 26, 7; L. 10 § 1; L. 12 D. 27, 10; ср. Gajus 2, 64.

⁵⁾ L. 11 D. 27, 10.

⁶⁾ L. 16 C. 5, 37.

⁷⁾ L. 17 D. 27, 10.

наложенія сервитутовъ, залога, требовался еще *decretum magistratus*, который выдавался для отчужденій только по крайней необходимости, напр. когда не имѣлось иныхъ какихъ либо средствъ на содержаніе и воспитаніе опекаемаго. Въ прочихъ же случаяхъ отчужденіе могло происходить только по *rescriptum principis*. Распоряженіе, сдѣланное вопреки требованіямъ декрета было ничтожно, но послѣдующій декретъ, *ratihabitio* опекаемаго по достиженію совершеннолѣтія, или упущеніе имъ въ продолженіи пяти лѣтъ совершить заявленіе объ этой ничтожности, дѣлають данные акты дѣйствительными. Себѣ лично опекунъ не могъ ничего отчуждать изъ имущества подопечнаго ни прямо ¹⁾, ни черезъ подставныхъ лицъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ подвергался уплатѣ четверной стоимости полученнаго ²⁾. По завѣдыванію дѣлами опекунъ дѣйствовалъ въ качествѣ представителя опекаемаго при тѣхъ условіяхъ, которыя вытекали изъ незнакомства Римлянъ съ вполне развитымъ институтомъ представительства. Тутъ касательно требованія уплаты отъ должниковъ опекаемаго Юстиніанъ постановилъ, что принятіе уплаты дѣйствительно только при условіи, что на него будетъ данъ *decretum magistratus* ³⁾.

Въ виду разсмотрѣнной функціи опекуна, онъ обязывался при вступленіи въ опеку: а) доставить поручительство, *satisfactio rem pupilli vel adolescentis salvam fore* ⁴⁾, и б) составить опись принимаемаго имъ имущества, *inventarium, repertorium* ⁵⁾.

Отъ обязанности представлять поручительство освобождались опекуны, назначенные въ завѣщаніи отцемъ опекаемаго (*tutores testamento dati*) и опекуны *inquisitione dati* ⁶⁾. Для первыхъ поручительствомъ служилъ выборъ отца ⁷⁾; вторымъ замѣняло его довѣріе къ разслѣдованію ⁸⁾. Кромѣ того опекуновъ

¹⁾ L. 5 § 2, 5; L. 6 D. 26, 8; L. 34 § 7 D. 18, 1.

²⁾ L. 46 D. 18, 1; L. 5 C. 4, 38; L. 5 § 3, 4, 6 D. 26, 8.

³⁾ § 2 J. 2, 8; L. 25, 27 C. 5, 37.

⁴⁾ § 3 J. 1, 20. Dig. 46, 6 *rem pupilli ven adolescentis salvam fore*: L. 4 C. 5, 42.

⁵⁾ L. 7 pr. D. 26, 7; L. 24 C. 5, 42.

⁶⁾ Gajus 1 § 200; par. J. 1, 24; L. 17 D. 26, 2; L. 2 pr. D. 26, 5.

⁷⁾ L. 7 § 5 C. 5, 70.

⁸⁾ L. 13 in. f. D. 26, 5.

по закону могъ освободить сауса *cognita* преторъ отъ предоставленія поручительства ¹⁾).

Опекунъ, не представившій поручительства и не составившій описи, не могъ совершать ни одного акта по опеку²⁾. Мало того, онъ могъ быть даже отставленъ какъ ненадежный (*suspectus*) ³⁾, а, наконецъ, онъ подвергался опасности, что со временемъ пупиллу будетъ предоставлено право опредѣлить клятвенно (*in litem*) величину своего имущества, принятаго опекуномъ безъ описи.

б) Соучастіе опекуновъ и попечителей. Въ тѣхъ случаяхъ когда за подъопечными признано право личного участія въ юридическихъ дѣйствіяхъ по имуществу, они могутъ обязываться и отказываться отъ своихъ правъ не иначе какъ *tutore auctore* и *consensu curatoris* ⁴⁾.

Auctoritas tutoris отличается отъ *consensus curatoris* тѣмъ, что имъ дополняется дѣеспособность опекаемаго, тогда какъ второе есть ничего болѣе какъ согласіе попечителя на совершеніе даннаго акта самимъ миноромъ, лицомъ по общему началу признаннымъ вполне дѣеспособнымъ. Поэтому *auctoritate* опекунъ участвуетъ въ самомъ совершеніи акта; изъ неполной воли опекаемаго вмѣстѣ съ дополняющей его волей составляется та цѣльная воля, которая опредѣляетъ существованіе акта; *consensu* же попечитель является простымъ формальнымъ соучастникомъ при совершеніи акта другимъ лицомъ. Отсюда и различіе во внѣшнихъ признакахъ между тѣмъ и другимъ соучастіемъ. Прежде всего *auctoritatem interponere* можно было только *pure* ⁵⁾, безусловно, тогда какъ *consensus* могъ быть и условный. Далѣе, *auctoritas* должно быть дано одновременно съ самимъ совершеніемъ акта (*statim in ipso negotio*) ⁶⁾; предшествующее или послѣдующее *auctoritas* не даетъ уже акту силы; наоборотъ попечитель могъ выразить свое согласіе, какъ до, такъ и послѣ совершенія акта. Нако-

¹⁾ L. 5 § 1 D. 26, 4.

) L. 7 pr. D. 26, 7.

²⁾ L. 3 § 14 D. 26, 10.

³⁾ pr. J. de auctoritate tutorum 1, 21; L. 1 C. 5, 59.

⁴⁾ L. 8 D. 27, 8.

⁵⁾ § 2 J. 1, 21; L. 9 § 5 D. 26, 8; . 24 § 19 D. 40, 5; L. 31 pr. D. 41, 3; L. 137 pr. D. 45, 1.

нецъ, auctoritas tutoris всегда облекалось въ словесную форму ¹⁾ и поэтому личное присутствіе опекуна при совершеніи акта составляло необходимое условіе правильной auctoritatis interpretationis ²⁾. Наоборотъ, consensus могъ дать попечитель и въ письменной формѣ и личнаго его присутствія при совершеніи акта не требовалось.

Таково господствующее воззрѣніе на внутреннее и внѣшнее различіе между auctoritas tutoris и consensus curatoris (см. напр. Savigny Beruf. p. 104; Windscheid, Pand. § 432 п. 9. Vangerow. Pand. § 263. Wächler. Pand. § 261). Этими же различіемъ иногда исключительно обосновываютъ и все различіе между опекой и попечительствомъ. См. критику этого воззрѣнія у *Азаревича* cit. стр. 201 и слѣд.

Опека и попечительство, munera publica, отправлялись безвозмездно; но завѣщатель и магистратъ могли назначить имъ вознагражденіе въ формѣ salarium ³⁾.

*Прекращеніе опеки и попечительства*⁴⁾.—Въ лицѣ опекуна, попечителя, опека и попечительство прекращаются: 1) ихъ смертью ⁵⁾. Опека и попечительства какъ munera personalia ⁶⁾ на наследниковъ не переходили ⁷⁾. 2) Capitis deminutio maxima et media ⁸⁾, а при legitima tutela также и cap. dem. minima. 3) Remotio suspecti ⁹⁾. Въ случаѣ замѣчаннаго dolus или culpa lata при отправленіи опеки и попечительства данные лица устраняются. 4) Всѣ случаи послѣдующей excusationis. 5) Исполненіе тѣхъ дѣйствій, которыя имѣлись въ виду при ихъ назначеніи (tutor v. curator ad certas causas dati) ¹⁰⁾. 6) Medio

¹⁾ L. 9 § 5 D. 26, 8; L. 25 § 4 D. 29, 2.

²⁾ Gell. 20, 10; § 2 J. 1, 21; L. 1 § 1; L. 14 D. 26, 8; L. 11, D. 41, 1; L. 1 pr.; L. 137 pr. D. 45, 1.

³⁾ L. 33 § 3 D. 26, 7; L. 1 § 6 D. 27, 3.

⁴⁾ Inst. 1, 22 quibus modis tutela finitur. Cod. 5, 60 quando tutores vel curatores esse desinant.

⁵⁾ § 3 J. 1, 22; L. 16 § 1 D. 26, 1; L. 4 pr. D. 27, 3, L. 17 C. 2, 19.

⁶⁾ L. 18 § 1 D. 50, 4.

⁷⁾ L. 16 § 1 D. 26, 1; L. 17 C. 2, 19.

⁸⁾ § 4 J. 1, 22; L. 14 § 2 D. 26, 2; L. 2 C. 5, 30.

⁹⁾ L. 14 § 14 D. 26, 1.

¹⁰⁾ L. 3 § 1; L. 5 D. 26, 1; L. 3 C. 5, 44.

tempore или ad interim dati tutores v. curatores оставляютъ свои обязанности съ наступленіемъ такихъ обстоятельствъ, которыя исключаютъ необходимость ихъ дѣятельности ¹⁾. — Въ лицѣ опекаемыхъ опека и попечительство прекращаются: 1) Смертью ²⁾. 2) Всѣми видами caritatis deminutionis ³⁾. Когда въ лицѣ опекаемыхъ отпадаетъ потребность въ опекѣ и попечительствѣ, а именно когда пупиллъ становится совершеннолѣтнимъ ⁴⁾, или будетъ объявленъ такимъ (venia aetatis); когда безумный выздорѣветъ и т. д.

Отношенія между опекунами и попечителями съ одной стороны и опекаемыми съ другой по прекращеніи опеки и попечительства опредѣляются началами обязательственной стороны данныхъ институтовъ. Требования, вытекающія изъ этихъ отношеній, осуществляются слѣдующими исками ⁵⁾: 1) Actio tutelae directa, искъ осуществляемый по окончаніи опеки ⁶⁾ бывшимъ опекаемымъ, или его наследниками, противъ бывшаго опекуна, или его наследниковъ ⁷⁾. Направленъ онъ прежде всего на полученіе отъ опекуна отчета во всемъ опекунскомъ его управленіи ⁸⁾. Отъ обязанности представить такой отчетъ опекунъ не могъ быть освобожденъ даже распоряженіемъ отца семейства ⁹⁾. Затѣмъ, искомъ этимъ требуется возвращеніе имущества опекаемаго, оставшагося еще въ рукахъ опекуна ¹⁰⁾, и возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ отъ управленія опекуна ¹¹⁾. Въ случаѣ злонамѣренной утайки опекуномъ движимыхъ вещей опекаемаго, этотъ послѣдній можетъ предъявить особый искъ, actio de rationibus distrahendis, на уплату двойной цѣны утаен-

¹⁾ L. 11 pr.; L. 12; L. 14 §§ 3, 5 D. 26, 1; § 1 J. 1, 20; L. 1 § 2 D. 26, 4.

²⁾ § 3 J. 1, 22; L. 4 pr. D 27, 2.

³⁾ § 1 и § 3 in fin. J. 1, 22; L. 14 pr. § 1, 2 D. 26, 1; L. 2 D. 26, 4.

⁴⁾ L. 25 D. 28, 5.

⁵⁾ Dig. 27, 3 de tutelae et rationibus distrahendis, et utilit curacionis causa actione; Cod. 5, 51 arbitrium tutelae.

⁶⁾ L. 4 pr. D. 27, 3.

⁷⁾ L. 1 § 16, 17 D. 27, 3; L. 12 C. 5, 51.

⁸⁾ L. 1 § 3 D. 27, 3; L. 9 C. 5, 51.

⁹⁾ L. 5 § 7 D. 26, 7.

¹⁰⁾ L. 5 D. 27, 3; L. 1 § 1 D. 27, 7.

¹¹⁾ L. 1 pr. D. 27, 3; L. 2, 7 C. 5, 51.

ныхъ вещей ¹⁾. Наслѣдники опекуна ²⁾ по общему началу изъ опеки отвѣчаютъ только тогда, когда отвѣтственность опекуна ложится на его имущество и иска противъ него предъявлено не было ³⁾. Но они отвѣчаютъ и за личную грубую небрежность, отъ которой потерпѣлъ опекаемый, а именно: если эта небрежность касалась управленія имуществомъ умершаго, опекуна, или они не продолжали дѣлъ начатыхъ наследодателемъ ⁴⁾.

2) *Actio tutelae contraria* ⁵⁾, искъ опекуна и его наследниковъ противъ опекаемаго и его наследниковъ ⁶⁾, на вознагражденіе затратъ, сдѣланныхъ по поводу опекунскаго управленія ⁷⁾, на освобожденіе отъ обязанностей, принятыхъ на себя опекуномъ по опекѣ ⁸⁾, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ и на *salarium*, а именно, если отъ управленія опекой опекунъ упустилъ случай заработка другимъ путемъ ⁹⁾.

Изложенные иски по опекѣ принимались и по попечительству, какъ *actiones utiles* ¹⁰⁾ (*utilis curacionis causa actio, utile tutelae iudicium* etc.); но кромѣ того отношенія по попечительству могли осуществляться и общимъ искомъ по веденію чужихъ дѣлъ, *actio negotiorum gestorum* ¹¹⁾.

Кромѣ исковъ между опекаемымъ и опекуномъ, первый можетъ еще привлекать къ отвѣтственности поручителей за опекуновъ ¹²⁾, лицъ, которыхъ могли принять по ихъ молчанію за поручителей ¹³⁾, лицъ, утверждавшихъ достоинство опекуновъ (*affirmatores*), или только представившихъ ихъ магистрату (по-

¹⁾ L. 2 pr. § 2 D. 27, 3.

²⁾ Cod. de heredibus tutorum vel curatorum 5, 54.

³⁾ L. 1 C. 5, 54; L. 4 D. 27, 8; L. 39 § 6 D. 26, 7.

⁴⁾ L. 1 pr. L. 4 pr. § 1, 2; L. 8 D. 27, 7.

⁵⁾ Dig. 27, 4 de contraria tutelae et utili actione; Cod. 5, 48 de contrario iudicio tutelae.

⁶⁾ L. 3 § 9; L. 5 D. 27, 4.

⁷⁾ L. 1 § 4—6; L. 3 D. 27, 4; L. 3 C. 5, 48.

⁸⁾ L. 6 D. 27, 4.

⁹⁾ L. 33 § 3 D. 26, 7.

¹⁰⁾ L. 3, 4 § 3 D. 27, 3. L. 3 § 5; D. 3, 5; L. 7 C. 5, 51.

¹¹⁾ L. 4 § 3; L. 13 in f. D. 27, 3; L. 1 C. 9, 26; L. 7 C. 5, 51; L. 17 C. 2, 19.

¹²⁾ Dig. 27, 7 de fidejussoribus et nominatoribus... tutor. et curator. Cod. 5, 57 de fidejussoribus tutorum vel curatorum.

¹³⁾ L. 4 § 3 D. 27, 7.

minatores vel postulatores ¹⁾). Наконецъ, опекаемый могъ привлечь къ отвѣтственности и самихъ муниципальныхъ магистратовъ за выборъ опекуновъ ²⁾).

Protutores ³⁾).

Кто не будучи опекуномъ, зная то или нѣтъ, отправляетъ опекуное управленіе (*pro tutore, pro curatore*) называется въ современной наукѣ протуторомъ.

Къ опекаемому протуторъ становится въ такія же обязательственныя отношенія, какъ и настоящій опекунъ. Осуществляются эти отношенія *protutelaе actione directa* и *contraria*, аналогичными *tutelaе actionibus*. Но протуторъ, не имѣя правъ на управленіе, подобно опекуну, не отвѣчаетъ за упущенія, если только своимъ внимательствомъ онъ не удержалъ другихъ отъ управленія имуществомъ опекаемаго ⁴⁾). Не будучи опекуномъ, протуторъ не можетъ также дать силы сдѣлкіи опекаемаго своимъ соучастіемъ.

По отношенію къ третьимъ лицамъ протуторъ не можетъ обязать опекаемаго дѣйствіемъ совершеннымъ отъ его имени ⁵⁾). Третье лицо въ случаяхъ процесса, заблуждаясь въ характеръ нимаго опекуна, имѣетъ право на *in integrum restitutio* ⁶⁾); и въ случаѣ *dolo malo* заключенной сдѣлки протуторъ отвѣчаетъ третьему по *actio in factum* за всякій ущербъ ⁷⁾). Отвѣтственность эта не распространяется на наследниковъ и прекращается черезъ *appus utilis* ⁸⁾).

¹⁾ L. 2 D. 27, 7.

²⁾ § 2 J. 1, 24.

³⁾ Dig. 27, 5 de eo qui pro tutore prove curatore negotia gessit. Cod. 5, 45.

⁴⁾ L. 1 § 9 D. 27, 5; L. 39 pr. § 2 D. 26, 7.

⁵⁾ Dig. 27, 6 quod falso tutore auctore negotium gestum esse dicatur.

⁶⁾ L. 1 § 6; L. 2 D. 27, 6.

⁷⁾ L. 7—9; L. 11 D. 27, 6.

⁸⁾ L. 9 § 1 D. 27, 6.

Замѣчанія на проектъ особенной части русскаго уголовного уложенія.

Экстраординарнаго профессора В. Н. Палаузова.

Разсмотрѣвъ сообщенный мнѣ господиномъ Министромъ Юстиціи, при письмѣ отъ 5-го Октября 1884 года, проектъ особенной части русскаго уголовного уложенія съ подробными къ нему объясненіями, я еще болѣе утвердился въ томъ убѣжденіи, которое высказалъ при обсужденіи проекта общей части. И теперь, какъ тогда, скажу, что «судя по сдѣланному, русскій криминалистъ можетъ съ увѣренностью ожидать уголовного кодекса, неуступающаго лучшимъ изъ новѣйшихъ европейскихъ кодексовъ по тому-же отдѣлу законодательства¹⁾».

Достоинства разбираемаго проекта проявляются какъ въ содержаніи, такъ и въ самой редакціи его постановленій. Я не буду, однако, подробно демонстрировать эти достоинства. Въ ниже слѣдующихъ строкахъ я остановлюсь на тѣхъ пунктахъ и строкахъ проекта, которые, по моему крайнему разумѣнію, нуждаются въ исправленіи.

Прежде всего я займусь статьями, трактующими объ *умышленномъ убійствѣ* и его видахъ (ст. I и слѣд.).

Существенное нововведеніе нашего проекта въ этомъ отношеніи состоитъ въ упраздненіи особаго законнаго понятія о томъ видѣ умышленнаго убійства, которое у насъ называютъ убійствомъ «съ обдуманномъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ», у нѣмцевъ — *Mord*, у французовъ — *assassinat* и проч.

¹⁾ См. мою статью въ Журналѣ гражд. и уголовн. права, за 1883 г., кн. V (въ началѣ).

Статья 1-я проекта, назначая каторгу отъ 8 до 15 лѣтъ за умышленное убійство, предоставляетъ судѣ при установленіи quantum'a наказанія принимать въ расчетъ, между прочимъ, и моментъ обдуманности дѣйствій подсудимаго, хладнокровіе, выказанное имъ при совершеніи злодѣянія и проч.¹⁾ Однимъ словомъ, выражаясь технически, мы можемъ сказать, что моментъ обдуманности (Ueberlegung) изъ обстоятельствъ, квалифицирующаго преступленіе, сталъ обстоятельствомъ, вліяющимъ лишь на мѣру наказанія (Strafzumessungsgrund).

Это сдѣлано, какъ поясняютъ мотивы, въ виду того, что дѣленіе убійства на преднадуманное и непреддуманное въ самомъ своемъ принципѣ не имѣетъ достаточныхъ основаній». На эту мысль, по мнѣнію комиссіи, наводитъ уже отсутствіе однообразія, неустойчивость опредѣленія видовъ умысла въ разныхъ законодательствахъ. «Внимательное же разсмотрѣніе отдѣльныхъ случаевъ убійства, встрѣчающихся въ жизни, убѣждаетъ насъ, говорятъ редакторы проекта, сверхъ того, что какое бы мы ни взяли изъ существующихъ опредѣленій преднадуманности, оно окажется или неохватывающимъ всѣхъ случаевъ убійства, къ которыхъ энергія преступной воли представляется наиболѣе опасною, или же столь широкимъ, что не представляется возможнымъ провести точную границу между умышленнымъ и преднадуманнымъ лишеніемъ жизни²⁾». Наконецъ, въ числѣ мотивовъ къ упраздненію особаго вида умышленнаго убійства по признаку обдуманности выполненія, редакторы ссылаются и на фактъ сравнительно недавняго появленія въ законодательствахъ дѣленія убійства на умышленное и преднадуманное³⁾.

Мы не будемъ останавливаться на послѣднемъ, заимствованномъ въ исторіи аргументѣ: не одно вѣдь разсматриваемое понятіе чуждо народнымъ правамъ, вообще — старому уголовному праву. Для насъ важнѣе утвержденіе комиссіи о принципиальной неосновательности дѣленія умышленнаго убійства на виды. Къ сожалѣнію, комиссія, намъ кажется, недостаточно обосновала это свое утвержденіе. Ссылка ея на отсутствіе одно-

¹⁾ Объясненія къ проекту ред. комиссіи, стр. 13.

²⁾ *ibid.*, стр. 9.

³⁾ *ib.*, стр. 10 и слѣд.

образной *формулы* въ разныхъ законодательствахъ не говоритъ противъ дѣленія именно въ *принципѣ*, ибо мало ли въ принципѣ вѣрныхъ понятій уголовного права не нашло себя тождественнаго выраженія въ кодексскихъ разныхъ временъ и народовъ. Во многихъ случаяхъ криминалисту приходится имѣть дѣло съ разнообразіемъ опредѣленій, но это разнообразіе само по себѣ ничего не говоритъ противъ жизненности опредѣляемыхъ понятій въ самомъ ихъ корнѣ, въ принципѣ.

Въ данномъ случаѣ обстановка такова, что, не смотря на это разнообразіе законныхъ опредѣленій, едва ли можно согласиться съ мыслью о негодности дѣленія умышленнаго убійства на виды въ принципѣ.

Мы говоримъ здѣсь о санкціи, связываемой иностранными законодательствами съ этими двумя видами умышленнаго убійства: за Mord, assassinat полагается смертная казнь¹⁾, за Todschlag, meurtre—срочное или пожизненное лишеніе свободы²⁾. Такимъ образомъ, по наказаніямъ эти два вида умышленнаго убійства отдѣлены цѣлою пропастью, ибо смертная казнь и каторга — наказанія, такъ сказать, между собою несоизмѣримы, несмежны. Между тѣмъ никто не сомнѣвается, что самыя формы вины, самыя понятія Mord и Todschlag и проч. суть именно понятія смежныя; никто не сомнѣвается, что между крайними случаями, между рѣзкими выраженіями каждаго изъ этихъ понятій лежитъ много случаевъ, въ которыхъ одно изъ нихъ постепенно переходитъ въ другое. Мы не ошибемся, если скажемъ, что именно назначеніе смертной казни за предумышленное убійство и было главнѣйшимъ мотивомъ для тѣхъ нападокъ, которые посыпались на самое дѣленіе умышленнаго убійства на эти два вида. Сами редакторы цитируютъ слова профессора Шютце, въ которыхъ этотъ криминалистъ указываетъ на ту аномалію, что, не смотря на близость Mord'а къ Todschlag'у, въ первомъ случаѣ назначается смертная казнь, а во второмъ—срочное лишеніе свободы.

Можно, такимъ образомъ, утверждать, что не будь такой глубокой разницы въ наказаніяхъ за эти два вида убійства, не

¹⁾ См. Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich, § 211; Code pénal, art. 302.

²⁾ Strafges. f. d. D. R., § 212; Code p., art. 304 in fine.

было бы и этихъ нападокъ на дѣленіе. Во всякомъ случаѣ, всѣ почти европейскія законодательства такъ живо чувствуютъ различіе между этими двумя видами убійства, что даютъ дѣленію такое рѣзкое выраженіе, что и до сихъ поръ не отказываются отъ этого дѣленія. А эта настойчивость, въ нашихъ глазахъ, является довольно вѣснымъ указаніемъ на то, что, не смотря на различіе въ подробностяхъ формулировки, самый критерій дѣленія, въ принципѣ, обладаетъ большою живучестью, имѣетъ за себя извѣстныя основанія.

Отказываться отъ дѣленія нѣтъ надобности именно *нашему* законодателю. Бъ самомъ дѣлѣ, въ будущемъ нашемъ уложеніи, какъ и въ дѣйствующемъ, о вышеуказанной аномаліи и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ смертная казнь вовсе не назначается за подобныя преступленія. У насъ, слѣдовательно, смежность между формами вины получила бы свое выраженіе въ смежности положенныхъ за нихъ наказаній, что, конечно, было бы вполне нормальнымъ.

Вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ раскрытію принципа, идеи этого дѣленія, а затѣмъ—формулы его.

Принципъ этотъ выраженъ самими редакторами проекта, когда они совѣтуютъ судѣ принимать въ расчетъ «обдуманность дѣйствій подсудимаго, хладнокровіе, выказанное имъ при совершеніи злодѣянія» и т. п., какъ свидѣтельство «*объ особой энергіи порочныхъ свойствъ его характера или объ особо злостномъ направленіи его воли*»¹⁾. Здѣсь рѣчь идетъ о той идеѣ, которая находитъ свое осуществленіе и въ выдѣленіи убійства въ *аффектъ* въ особый видъ умышеннаго убійства; это—та же идея, которая находитъ себѣ признаніе и со стороны редакторовъ разбираемаго проекта, и именно не какъ *Strafzumessungsgrund* только, а какъ моментъ, квалифицирующій преступленіе. (Ст. 3 проекта).

Вообще, если современное уголовное право караетъ не матеріальный фактъ, а выразившуюся въ немъ злую волю, то интензивность, энергія ея является существеннымъ моментомъ. Свидѣтельствомъ же объ этой энергіи не можетъ не явиться болшая или меньшая обдуманность, хладнокровіе исполненія и проч. Чѣмъ менѣе виновный находился въ зависимости отъ

¹⁾ Объясненія, стр. 13.

вліянія страсти, аффекта, чѣмъ болѣе онъ обнаружилъ разумной дѣятельности при совершеніи злодѣянія, тѣмъ болѣе дѣяніе его отражаетъ на себѣ внутреннюю его нравственную природу, тѣмъ менѣе оно можетъ быть отнесено къ постороннимъ обстоятельствамъ и вліяніямъ.

Эта идея и лежитъ въ основѣ дѣленія умысла на виды, отгѣнки, «имѣющіе, по словамъ Н. С. Таганцева, значеніе для вѣнненія и видоизмѣняющіе умышленную вину не только количественно, но и качественно»¹⁾.

Мы, такимъ образомъ, не можемъ согласиться съ Гольцендорфомъ, категорически утверждающимъ, что «психологическое различеніе не пригодно для уголовной юстиціи»²⁾, потому что при консеквентномъ проведеніи этой идеи пришлось бы карать явно невѣняемыхъ людей. Мы согласны съ этимъ криминалистомъ, когда онъ отгѣняетъ важность мотивовъ дѣянія. Но въ уголовномъ правѣ важное значеніе должно призывать и за психологическимъ моментомъ, въ данномъ случаѣ за болѣе или меньшею обдуманностью дѣянія.

Обращаясь къ формулировкѣ этой идеи, мы должны прежде всего условиться на счетъ степени точности искомой формулы.

Мы думаемъ, что пока наука и законодательства не вырабатали математически-точныхъ формулъ для такихъ, наприм., понятій, какъ приготовленіе въ отличіе отъ покушенія и проч., понятій, различающихся по своимъ послѣдствіямъ для подсудимаго еще болѣе существенно, чѣмъ обдуманное убійство отъ убійства, просто умышленного,—нельзя требовать такой точности, опредѣленности и для формулъ *en question*.

Намъ кажется, что лучшею формулой является опредѣленіе, даваемое 211-ю статьею Германскаго уголовного уложенія. Какъ справедливо разсуждаетъ проф. Гольцендорфъ, она требуетъ и предварительнаго составленія плана, и непревывной обдуманности дѣйствій³⁾.

¹⁾ См. Таганцева, Курсъ русскаго уголовного права, вып. 2., стр. 51; также покойнаго проф. Кистяковскаго, Элементарный учебникъ общаго уголовного права, часть общая, 1882 г., §§ 189 и 190.

²⁾ v. Holtzendorff, Das Verbrechen des Mordes und die Todesstrafe, Berlin, 1875, стр. 263.

³⁾ v. Holtzendorff's Handbuch des deutschen Strafrechts in Einzelbeiträgen, т. III, стр. 427 и сл. Ср. также v. Liszt, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1884., стр. 297.

Мы, впрочемъ, не были бы и противъ упраздненія особаго вида обдуманнаго убійства, какъ и убійства въ состояніи аффекта, если бы максимумъ и минимумъ наказанія были настолько велики, на сколько этого можетъ требовать справедливость. Но дѣло именно въ томъ, что, при теперешнемъ текстѣ 1 и 2 ст. проекта, судья не можетъ осуществить справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, по проекту (ст. 2) судья можетъ назначить болѣе 15 лѣтъ каторги виновному въ убійствѣ съ корыстною цѣлью и не можетъ этого сдѣлать по отношенію къ человѣку, совершившему это преступленіе съ высшею степенью обдуманности и хладнокровія и съ цѣлью, хотя и не корыстною, но такъ же низкою.

На основаніи изложеннаго мы предложили бы включить во 2 ст. проекта еще одинъ пунктъ, касающійся убійства, выполненнаго обдуманно. Въ такомъ случаѣ группа этихъ первыхъ 3-хъ статей проекта охватывала бы три вида умышеннаго убійства: 1) убійство по внезапному умыслу, т. е. нормальный видъ умышеннаго убійства (1-я ст.), 2) умышенное убійство, выполненное обдуманно (проектируемый пунктъ 2 й ст.), и 3) убійство въ аффектѣ (ст. 3).

Еще нѣсколько словъ по поводу *редакціи* первыхъ 3-хъ статей проекта.

Конечно, всякому, умѣющему обращаться съ закономъ, ясно, что, не смотря на умолчаніе какъ въ 1-й, такъ и въ слѣдующихъ статьяхъ о признакѣ *умышленности*, здѣсь дѣло идетъ именно объ умышенномъ убійствѣ. Ясно это не только изъ мотивовъ, но и изъ сопоставленія этихъ статей съ 43 ст. общей части и 10 статьею части особенной. Но, не смотря на это, въ принципѣ нельзя одобрить такой скупости на слова, выражающія *существенные* признаки преступленія. Мы не согласны съ тѣмъ, что внесеніе слова «умышенное» въ ст. 1-ю произвело бы тавтологію, такъ какъ тавтологія имѣетъ мѣсто тогда, когда сочетаются слова, имѣющія одинаковое значеніе. Напротивъ, если уже принимать въ расчетъ требованія красиваго стиля, то умолчаніе въ одномъ и упоминаніе въ другомъ случаѣ о томъ существенномъ признакѣ, который служитъ критеріемъ для различенія двухъ понятій, является недомолвкою, такъ сказать, нарушеніемъ симметріи стиля. Это и имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о двухъ видахъ убійства по признаку *умышленности* (гезр. неосторожности); говорить въ

одномъ случаѣ о неумышленномъ (неосторожномъ) убійствѣ, а въ другомъ просто объ убійствѣ—значить, по нашему мнѣнію, нарушать симметрію слога, ставить на одну доску два термина, изъ которыхъ одинъ означаетъ понятіе родовое (убійство), а другой—видовое (неосторожное убійство).

Это, впрочемъ;—вопросъ неважный, въ особенности, въ примѣненіи къ данному случаю. Но если и для другихъ, менѣе общезвѣстныхъ и болѣе сложныхъ по своему составу преступныхъ дѣяній редакторы будутъ практиковать подобное умолчаніе о какомъ-либо существенномъ признакѣ только потому, что путемъ толкованія онъ можетъ быть выведенъ изъ другихъ постановленій, то иногда это можетъ повлечь за собою невыгодныя послѣдствія.

Въ самомъ дѣлѣ, опытъ показываетъ, что даже при стремленіи законодателей къ исчерпывающему составу данного преступления перечисленію его признаковъ, даже при желаніи вполне законченно обрисовать каждое отдѣльное преступленіе, случаются пропуски, является необходимость восполненія *explicite* данною статьею выраженныхъ признаковъ — другими, подразумеваемыми, составляющими т. н. подразумеваемый составъ преступления (*Subintelligirter Theil des Thatbestandes*). Такое восполненіе судьей законныхъ признаковъ не удобно въ виду всѣми сознаваемого требованія, чтобы вопросы присяжнымъ редактировать *es* *выраженія* *самою* *закона*, *опредѣляющаго* *составъ* *даннаго* *преступленія*¹⁾. Вотъ почему еще раньше мы высказали пожеланіе, «чтобы редакціонная коммиссія, занятая нынѣ выработкой проекта будущаго уложенія, между прочимъ и въ интересахъ правильнаго функционированія суда присяжныхъ, постаралась въ особенной части уложенія дать законныя опредѣленія преступленій, опредѣленіе которыхъ по существеннымъ признакамъ въ настоящее время предоставлено усмотрѣнію суда»²⁾.

Вообще желательно, чтобы судѣ по возможности меньше приходилось изъ разбросанныхъ въ разныхъ статьяхъ кодекса

¹⁾ См. мою статью «Вопросы факта и права на судѣ присяжныхъ по русскому законодательству», помѣщенную въ Журналѣ гражд. и угол. права за 1884 г., кн. III.

²⁾ *ibid.*, стр. 38.

намёковъ и указаній извлекать признаки даннаго преступленія и изъ нихъ составлять его опредѣленіе, такъ какъ не рѣдко при этомъ является необходимость, ради требованій стилиа или по другимъ причинамъ, замѣнять одно выраженіе другимъ, подбирать необходимое слово и такимъ образомъ нерѣдко отступать отъ мысли законодателя.

Едва ли мнѣ необходимо здѣсь оговариваться въ томъ смыслѣ, что я— не сторонникъ казуистическаго характера редакціи закона, ибо именно отсутствіе такого свойства постановленій проекта я самъ еще раньше отнесъ къ числу его достоинствъ¹⁾. Но вѣдъ между казуистикой и, по возможности, исчерпывающимъ существенные признаки опредѣленіемъ преступленій въ абстрактныхъ выраженіяхъ—большая разница.

Отъ этого тягчайшаго преступленія я перехожу теперь къ разсмотрѣнію одного изъ легкихъ преступныхъ дѣяній, именно—къ проступку, предусмотрѣнному 73 и слѣд. статьями проекта. Несмотря на маловажность положеннаго за это дѣяніе наказанія, правильное установленіе законнаго его состава весьма важно. Здѣсь рѣчь идетъ не только о plus или minus наказанія, не только объ особой квалификаціи преступнаго дѣянія, но и о томъ, гдѣ граница между преступнымъ, наказуемымъ дѣяніемъ и дѣяніемъ непроступнымъ. Кромѣ того, важность того или другаго установленія его состава обуславливается обыденностью подобныхъ преступныхъ дѣяній и значеніемъ ихъ для общественной жизни.

Я говорю объ *опозореніи*. Проектъ (см. 73, 77 и и 78) знаетъ два вида опозоренія: допускающее т. н. *excursio veritatis* и такого возраженія не допускающее.

Оставляя безъ разсмотрѣнія послѣдній видъ опозоренія, мы остановимся на первомъ. Изъ относящихся сюда постановленій проекта видно, что здѣсь рѣчь идетъ о дѣяніяхъ, различающихся между собою въ очень важныхъ отношеніяхъ. Статья 73 охватываетъ опозореніе разглашеніемъ какъ *заглаголомъ* ложнаго факта, такъ и факта, который разглашавшій считалъ достовернымъ. Изъ 73 и 77 ст. видно, что при опозореніи, внѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ 74 и 75 ст., вопросъ — только въ

¹⁾ См. мою статью «По поводу проекта общей части русскаго уголовного уложения» въ Журналѣ гражд. и угол. права за 1883 г., кн. V, стр. 1.

томъ, наказуемо ли оно вообще или безнаказанно. Для безнаказанности требуется, чтобы опозорившій доказалъ или объективную достовѣрность разглашеннаго обстоятельства (п. 1 ст. 77), или—что онъ имѣлъ разумное основаніе считать разглашенное обстоятельство достовѣрнымъ и что онъ дѣйствовалъ при этомъ ради защиты чести своей или своей семьи или ради общественной или государственной пользы (п. 2 ст. 77). Такимъ образомъ, если разглашенное обстоятельство не вѣрно и если соображенія, въ силу которыхъ обвиняемый считалъ фактъ достовѣрнымъ, сочтены будутъ судомъ не разумными, то онъ отвѣчаетъ такъ, какъ и тотъ, относительно котораго положительно доказано, что онъ, опозоривая, самъ считалъ фактъ ложнымъ, или, можетъ быть, даже самъ его измыслилъ. Всѣ эти случаи поставлены на одну доску, всѣмъ имъ одно имя и одно наказаніе—тюрьма не свыше 6 мѣсяцевъ. Это намъ кажется несправедливымъ. Мы думаемъ, что то, что въ аналогическомъ случаѣ (при обсужденіи въ рейхстагѣ § 184 проекта германскаго уложенія) говорилъ депутатъ Ласкеръ (Lasker), применимо и къ нашему проекту. Намъ кажется, что какъ въ Германіи, такъ и у насъ общее правовое сознаніе не ставитъ на одну доску такихъ разнородныхъ по содержанію и по нравственной цѣнѣ дѣяній, какъ злостная клевета и оглашеніе невѣрныхъ фактовъ *bona fide*¹⁾.

Но проектъ, намъ кажется, не вполне беретъ въ расчетъ и интересы потерпѣвшаго отъ опозоренія. Намъ кажется, что полная безнаказанность того, кто хотя бы ради предполагаемой общественной пользы опозорилъ ни въ чемъ предъ обществомъ неповинное лицо даже въ томъ случаѣ, когда опозорившій имѣлъ разумное основаніе считать позорящій фактъ вѣрнымъ, не должна имѣть мѣста. Конечно, это нарушеніе нельзя ставить на одну доску съ разглашеніемъ завѣдомо ложнаго обстоятельства; но положить за это, принѣрно, такое наказаніе, какъ за обиду (ст. 72) было бы желательно, для огражденія ни въ чемъ неповинныхъ членовъ общества отъ излишняго усердія неумѣлыхъ радѣтелей объ общественномъ интересѣ.

¹⁾ См. у Schwarze, Commentar zum Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich, III Aufl., стр. 486.

Какъ видно изъ мотивовъ¹⁾, Комиссія санкціонировала эту безнаказанность въ виду соображеній объ общественномъ и государственномъ интересѣ, въ частности — въ виду условій, при которыхъ приходится дѣйствовать редактору газеты. «Редакторъ газеты, говорятъ составители проекта, не можетъ лично удостовѣриться въ справедливости всего въ газетѣ сообщаемого, онъ во многомъ долженъ полагаться на своихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ, а между тѣмъ немедленное опубликованіе какаго-либо обстоятельства можетъ иногда представляться важнымъ не только ради удовлетворенія празднаго любопытства толпы, но въ интересахъ государственныхъ и общественныхъ, служенію коимъ и посвящена періодическая пресса». Правда, въ огражденіе невинныхъ жертвъ усердія дѣятелей періодической прессы, редакторы требуютъ не голословнаго заявленія, что обвиняемый такъ слышалъ, такъ полагалъ; нѣтъ, онъ долженъ представить доказательства, что имѣлъ разумное основаніе считать оглашенное обстоятельство достовѣрнымъ. «Такимъ образомъ, продолжаютъ составители проекта, редакторъ газеты не можетъ сослаться въ свое оправданіе, что онъ напечаталъ дѣйствительно присланную корреспонденцію, письмо, но онъ долженъ доказать, что приславшій былъ такое лицо, которому онъ не могъ не довѣрять или по его положенію, или по тому, что онъ былъ постоянно добросовѣстнымъ корреспондентомъ» и проч.

Намъ кажется, что не только при печатномъ, но и при устномъ опозореніи для безнаказанности обвиняемаго такихъ возраженій недостаточно, что въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ требовать не ссылки обвиняемаго на добросовѣстность передатчика слуха, а доказательства истинности позорящихъ фактовъ. Вотъ что по этому поводу говорилъ депутатъ германскаго рейхстага Мейеръ: «Никто не имѣетъ права утверждать факты, кого-либо позорящіе, если онъ не въ состояніи самъ постоять за свое утвержденіе или представить доказательства (конечно, объективной достовѣрности)». «Кто, продолжаетъ Мейеръ, не можетъ поддержать или доказать, тотъ не долженъ дурно отзываться о другихъ, тотъ не долженъ даже *bona fide* передавать то, что

¹⁾ Объясненія, стр. 529.

ему сообщилъ другой»¹⁾). Справедливо, намъ кажется, разсуждаютъ и мотивы къ германскому уложенію, когда они, допуская, что недостаточность доказательствъ, представленныхъ въ подтвержденіе позорящихъ фактовъ, еще не говоритъ о недостоверности самыхъ фактовъ, признають тѣмъ не менѣе, что «во всякомъ случаѣ покровительство, котораго можетъ требовать доброе имя отдѣльнаго лица, должно стоять выше соображеній о томъ, что неудавшаяся аргументація въ отдѣльномъ случаѣ можетъ мириться съ bona fides обвиняемаго»²⁾).

Въ особенности вредно, по нашему мнѣнію, облегчать, въ силу послѣднихъ соображеній, положеніе дѣателей періодической прессы, обвиняемыхъ въ опозореніи. Опозорить ни въ чемъ не повиннаго въ газетѣ значитъ нанести опозоренному гораздо болѣе вреда, чѣмъ какой въ общемъ правилѣ имѣетъ мѣсто при устной передачѣ слуха. Слѣдовательно, если уже говорить объ особомъ положеніи дѣателей періодической печати, то—въ смыслѣ требованія отъ нихъ болѣе вѣскихъ основаній, въ силу которыхъ они рѣшились повѣрить и дать широкую огласку дошедшему до нихъ слуху.

Во всякомъ случаѣ особой привилегіи печатнаго опозоренія создавать не слѣдуетъ и у насъ, какъ нѣтъ ея на западѣ.

Не знаетъ ея, напримѣръ, германское уложеніе, непризнающее, по толкованію лучшихъ комментаторовъ, за органами печати особаго положенія, гарантирующаго безнаказанность за распространеніе bona fide невѣрныхъ (вѣрнѣе — не могущихъ быть доказанными) фактовъ, кого-либо позорящихъ³⁾. И въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло несправедливо опозоренному до того, на какого корреспондента и почему именно полагался редакторъ, и почему это вся тяжесть послѣдствій такого дѣянія должна ложиться на ни въ чемъ неповинное лицо, виновное иногда развѣ въ томъ, что заинтересовало собою дѣателей прессы? Почему это дѣатели прессы ни чѣмъ не рискуютъ, полагаясь и проч.?

¹⁾ См. у Schwarze, Commentar zum Strafgesetzbuch f. d. D. Reich, III Aufl., стр. 501.

²⁾ Ibid., стр. 502.

³⁾ Oppenhoff, Das Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich, 1879, стр. 415. Также Schwarze, l. c., стр. 515, и Liszt, Lehrbuch des d. Strafrechts, II Aufl., 1884 г., стр. 418.

Правда, и германское уложеніе знаетъ случаи безнаказанности утвержденія и распространенія невѣрныхъ позорящихъ фактовъ, если, конечно, не было злаго умысла, завѣдомости о ихъ лживости. Но такая безнаказанность обеспечивается за тѣмъ огласителемъ, который, дѣлая заявленіе, заключающее въ себѣ позорящіе факты, имѣлъ какое либо *особое право* на это заявленіе ¹⁾. Я говорю о безнаказанности, обеспечиваемой параграфомъ 193-мъ герм. уложенія. По толкованію комментаторовъ, все содержаніе этого §-а, кромѣ первой фразы, трактующей объ обсужденіи произведеній науки, искусства или ремесла, имѣетъ дѣло съ индивидуальными правами, при пользованіи которыми субъектъ ихъ гарантированъ отъ обвиненія въ оскорбленія ²⁾. Даже то выраженіе § 193, которое трактуетъ о законныхъ интересахъ и которое было добавлено рейхстагомъ по предложенію депутата Ласкера, имѣетъ въ виду не дѣятельность всякаго на пользу общую, вообще не общіе интересы, а индивидуальныя, личные интересы огласителя; чужіе же интересы—только тогда, когда огласитель, въ свою очередь, имѣлъ особый интересъ или былъ призванъ къ ихъ осуществленію ³⁾. «Всеобщаго права, говорить ученый практикъ, принимавшій ближайшее участіе въ работахъ по составленію герм. уложенія, генераль-прокуроръ Шварце, всеобщаго права защищать интересы третьихъ лицъ, не существуетъ» ⁴⁾. Да если положиться на Шварце ⁵⁾, то и депутатъ Ласкеръ, дѣлая это предложеніе, не имѣлъ въ виду безнаказанности радѣтелей объ общественныхъ интересахъ, а только—тѣхъ добросовѣстныхъ огласителей невѣрныхъ фактовъ, которые ближайшимъ образомъ заинтересованы сообщеніемъ этихъ свѣдѣній. Вотъ что говоритъ Ласкеръ по этому поводу: «что за смыслъ этого исключенія? — Тотъ что у человѣка, который при защитѣ близко его касающагося дѣла, дѣлаетъ какія-либо утвержденія, нужно предполагать ближайшее намѣреніе наблюсти свои интересы тѣми средствами,

¹⁾ Schwarz, l. c., стр. 491.

²⁾ *ibid.*, стр. 514.

³⁾ Oppenhof, l. c., стр. 416, прил. 15 къ § 193; также Liszt, l. c., стр. 418. Къ такому же взгляду послѣ нѣкоторыхъ колебаній склонялся, по свидѣтельству Оппенгофа и Листа, и герм. рейхсгерихтъ.

⁴⁾ l. c., стр. 515.

⁵⁾ Стенограмм. отчетовъ о засѣданіяхъ рейхстага у меня подъ рукою нѣтъ.

которыя у него подъ рукою, и что онъ не имѣетъ намѣренія оскорбить»¹⁾.

Вотъ какъ ограничиваютъ область безнаказаннаго опозоренія германское уложеніе, его комментаторы и практика. Не шире эта область и по другимъ европейскимъ законодательствамъ, какъ это показано составителями разсматриваемаго проекта²⁾.

Если сравнить эти постановленія и ихъ толкованіе съ правиломъ, выраженнымъ редакторами разсматриваемаго проекта во 2 п. 77 ст., то легко видѣть, что безнаказанность распространенія невѣрныхъ и въ тоже время позорящихъ свѣдѣній обезпечена у насъ гораздо болѣе, чѣмъ за границей. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли не всякій корреспондентъ, сотрудникъ, редакторъ газеты не будетъ въ состояніи такъ доказать, что онъ имѣлъ разумное основаніе (не полное, а только разумное) считать фактъ достовернымъ, какъ это показано въ объясненіяхъ, т. е. сослаться на положеніе лица, отъ котораго обвиняемый почерпнулъ оглашенное свѣдѣніе и проч. А такихъ лицъ съ положеніемъ, сообщающихъ невѣрныя свѣдѣнія и теперь не мало, да и впредь будетъ не меньше, въ особенности—когда не только редакторы газетъ, но и другія лица будутъ обезпечены отъ наказанія при подобной, въ свою очередь, ссылкѣ на дальнѣйшій источникъ свѣдѣнія³⁾ и т. д. У всякаго, затѣмъ, редактора газеты готова ссылка и на другое условіе безнаказанности опозоренія: я говорю о цѣли оглашенія. Вѣдь если корреспондентъ и редакторъ газеты не имѣли непосредственныхъ отношеній къ опозоренному, то какія судъ долженъ презумировать цѣли оглашенія, какъ не общественную или государственную пользу, служенію которымъ посвящена періодическая пресса. Вѣдь, какъ мы видѣли, 2 пунктъ 77 статьи, если не исключительно, то главнымъ образомъ обязанъ своимъ происхожденіемъ вниманію составителей проекта къ особому положенію редактора газеты, немогущаго провѣрить всѣ

¹⁾ Schwazze, *ibid.*

²⁾ Объясненія, стр. 459 и слѣд.

³⁾ Что будетъ вполне справедливо въ виду сравнительной неважности вреда отъ устнаго оглашенія. См. выше. Однаковому трактованію устнаго и печатнаго опозоренія въ этомъ отношеніи не препятствуетъ и текстъ 2 п. 77 ст., говорящей обо всѣхъ разгласителяхъ.

оглашения газетой свѣдѣнія и призваннаго служить обществу. Можетъ быть, судъ будетъ подозрѣвать, что мотивомъ оглашения было потворство низменнымъ инстинктамъ толпы, посяччанье, и требовать дальнѣйшихъ доказательствъ истиннаго побужденія огласителя? Конечно, иногда и безъ дальнѣйшихъ соображеній огласитель не увернется отъ заслуженной кары, коль скоро истинное намѣреніе видно уже изъ тона и условій оглашенія. Но вѣдь можно самое пикантное сообщеніе, приходящееся какъ нельзя болѣе по вкусу толпѣ, редактировать въ самомъ серьезномъ духѣ, можно даже его приправить скорбью о томъ, что, въ сожалѣнію, приходится вѣрить и проч. А тогда что дѣлать судѣ? Ничего болѣе, какъ ожидать, что и нашъ законодатель откажется отъ мысли, что печать находится въ особомъ, привилегированномъ положеніи, обеспечивающемъ безнаказанность оглашенія невѣрныхъ и въ то же время позорящихъ кого-либо свѣдѣній, и приблизится къ германской практикѣ и доктринѣ, которыя требуютъ особой заинтересованности огласителя для доказательства отсутствія противозаконности (*Rechtswidrigkeit*) оглашенія.

На основаніи изложеннаго намъ кажется, что если дѣлать выборъ между германскими порядками по этому вопросу и нашимъ проектомъ, то преимущество на сторонѣ первыхъ, какъ гарантирующихъ отъ нарушеній одно изъ цѣннѣйшихъ благъ и правъ личности.

Такая гарантія въ особенности необходима у насъ въ Россіи, гдѣ періодическая пресса, въ общемъ правилѣ, слишкомъ безцеремонно относится къ личной чести любого члена общества. Я не буду здѣсь цитировать случаевъ изъ недавней практики такого печатнаго опозоренія часто ни въ чемъ неповинныхъ лицъ — неимѣющихъ, благодаря отчасти законной, отчасти практической постановкѣ вопроса объ опозореніи, никакихъ средствъ защиты; я не буду напоминать случаевъ, когда редакціи даже большихъ столичныхъ газетъ позволяли себѣ извергать цѣлые потоки самой грубой брани: все это слишкомъ общезвѣстно. Да и можетъ ли быть иначе, когда, съ одной стороны, преслѣдовать за клевету въ печати, при непремѣнномъ требованіи завѣдомости о живости фактовъ¹⁾, значить, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, затѣвать по напрасну дѣло, съ другой

¹⁾ Объясненія, стр. 528—529

—преслѣдовать за диффамацию значитъ давать диффаматору и толпѣ новую пищу для злословія ¹⁾.

Итакъ, чтобы положить предѣлъ этой разнузданности, вызывающей кулачную расправу опозоренныхъ съ дѣятелями періодической прессы (случай, также нерѣдкіе въ послѣднее время), чтобы оградить драгоценное благо личности, заключающееся въ ея добромъ имени, я предлагалъ бы конструировать подобно германскому уложенію, два вида опозоренія: ¹⁾ разглашеніе завѣдомо ложныхъ фактовъ и опозореніе сообщеніемъ невѣрныхъ свѣдѣній безъ такой завѣдомости; ²⁾ постановленіе, заключающееся во 2 п. 77 ст., вовсе опустить.

Сдѣлавъ это послѣднее исправленіе, т. е. уничтоживъ 2 п. 77 ст., редакторы проекта санкціонировали бы тотъ порядокъ, который имѣетъ мѣсто въ Германіи, избѣгнувъ въ то же время редакціонной ошибки германскаго законодателя. Въ самомъ дѣлѣ, § 193 герм. уложенія, по признанію авторитетныхъ криминалистовъ, является совершенно излишнимъ, такъ какъ и безъ него не можетъ быть рѣчи о наказуемости известнаго сообщенія или завленія, когда на лицо нѣтъ противозаконности (*Rechtswidrigkeit*) дѣянія, когда, дѣлая это сообщеніе и проч., обвиняемый осуществляетъ свое право или блюдетъ свой законный интересъ. Да и составители проекта держатся такого же мнѣнія. «Редакціонная коммисія, говорится въ мотивахъ къ проекту, съ своей стороны, полагаетъ излишнимъ, по примѣру дѣйствующаго права, дѣлать какія-либо особыя указанія въ законѣ относительно противозаконности оскорбленія. Если кто-либо, въ силу лежащей на немъ обязанности, или въ силу предостереженнаго ему права, дѣлаетъ другому укоръ, предостереженіе, замѣчаніе, выговоръ, то уже на основаніи началъ, преподанныхъ въ общей части проекта, онъ не можетъ быть отвѣтственъ за причиненное тѣмъ униженіе—*qui jure suo utitur, non laedit*; то же самое относится и къ сообщеніямъ, представленіямъ или донесеніемъ лица, дѣлаемымъ по его званію или обязанности, если только они не были за вѣдомо ложны»²⁾.

Одесса, 17 Января 1885 г.

¹⁾ Объясненія, стр. 527.

²⁾ *Ibid.*, стр. 462—463.

О строгіи циануровой кислоты.

Исследование

маистра И. М. Пономарева.

Циануровая кислота была получена впервые Serullas ¹⁾ изъ такъ называемаго твердаго хлористаго циана дѣйствіемъ воды; годъ спустя послѣ того Веллеръ ²⁾ приготовилъ ту-же кислоту изъ мочевои кислоты и изъ мочевины. Болѣе подробному изслѣдованію она была подвергнута Либихомъ и Веллеромъ ³⁾, которые точно опредѣлили ея составъ и изучили свойства. Являясь продуктомъ уплотненія циановой кислоты, она легко при нагрѣваніи обращается въ послѣднюю, обладаетъ рѣзкими свойствами кислоты, вытѣсняетъ не только углекислоту, но и уксусную кислоту изъ соотвѣтствующихъ солей, даетъ рядъ солей кислыхъ и среднихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, въ особенности первыя, отличаются прочностью и постоянствомъ.

Къ пятихлористому осеору циануровая кислота относится, какъ показываютъ изслѣдованія Бейльштейна ⁴⁾ подобно другимъ кислотамъ, образуя твердый хлористый цианъ, по уравненію:

Хлористый цианъ, по своимъ свойствамъ, во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ хлорангидриды кислотъ.

¹⁾ Annal. chim. phys. 38. 370.

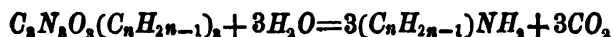
²⁾ Poggendorff's Annal. 15. 619.

³⁾ Poggendorff's Annal. 20. 375.

⁴⁾ Liebig's Annal. 116. 357.

Подобно другимъ кислотамъ, ціануровая кислота образуетъ эфиръ и амиды.

Эфиръ ціануровой кислоты, такъ называемые, *изоціануровые* были получены Вюрцомъ ¹⁾ при перегонкѣ какъ ціанокалиевой соли, такъ и солей ціануровой кислоты съ сѣрновинными солями. Изъ ціанокалиевой соли получаютъ сначала изоціановые эфиръ, $CONC_n H_{2n-1}$, которые, не отличаясь постоянствомъ въ нечистомъ видѣ, легко уплотняются въ $C_3N_3O_3(C_nH_{2n-1})_3$. Какъ по способу образованія, такъ и по составу эфиръ Вюрца дѣйствительно представляютъ собою эфиръ, т. е. продукты замѣщенія атомовъ водорода углеводородными остатками, но по своимъ свойствамъ рѣзко отличаются отъ эфировъ другихъ кислотъ. Дѣйствіемъ щелочей они не распадаются на алкоголь и ціануровую кислоту, а подобно своимъ мономерамъ (т. е. $CNOC_nH_{2n-1}$) разлагаются на углекислоту и амины, какъ показывается слѣдующее уравненіе:

При нагреваніи съ амміакомъ эфиръ Вюрца не измѣняется.

Хотя изоціануровые эфиръ, какъ было сказано выше, по свойствамъ своимъ значительно отступаютъ отъ свойствъ эфировъ другихъ кислотъ, но, судя по способу образованія, ихъ нельзя было не считать производными ціануровой кислоты. Поэтому большинство химиковъ, придерживаясь такого взгляда, склонно было объяснять вышеуказанныя аномаліи, какъ напр. не способность регенерировать кислоту, характеромъ самой ціануровой кислоты и ея строеніемъ, такъ какъ ее причисляли скорѣе къ амиднымъ производнымъ углекислоты, чѣмъ къ истиннымъ ціанистымъ соединеніямъ.

Амидныя соединенія ціануровой кислоты, ихъ способы образованія и свойства, которые были уже давно извѣстны, благодаря, главнымъ образомъ, классическимъ изслѣдованіямъ Либиха ²⁾, нисколько не противорѣчили такому взгляду, потому что эти амиды не были получены, подобно амидамъ другихъ кислотъ, непосредственно изъ ціануровой кислоты и связь ихъ

¹⁾ Ann. chim. phys [3]. 42. 43.

²⁾ Liebig's Annal. 10. 1.

съ послѣдней была указана обратнымъ переходомъ, т. е. распаденіемъ амидовъ при дѣйствіи кислотъ на амміакъ и циануровую кислоту. Къ амиднымъ производнымъ циануровой кислоты принадлежатъ: меламина $C_3N_6H_6$, амелинъ $C_3N_4H_4O$ и мелануреновая кислота (амелидъ) $C_3N_4H_4O_2$; онѣ получаются изъ, такъ называемого, мелама, — продукта сухой перегонки роданистаго аммонія. Естественнѣе всего было-бы эти амидопроизводныя разсматривать какъ продукты замѣщенія водныхъ остатковъ циануровой кислоты амидными остатками, но можно было ихъ также разсматривать и какъ продукты замѣщенія трехъ атомовъ кислорода тремя имидными остатками (NH), такъ, дѣйствительно, и разсматривали для того чтобы придать имъ строеніе однородное съ строеніемъ изоциануровыхъ эфировъ.

Въ теченіи длиннаго промежутка времени послѣ работъ Велера, Либиха, Вюрца и друг. не появлялось никакихъ изслѣдованій относительно циануровой кислоты и ея производныхъ, — и только въ 1870 году Гоemannъ и Ольсгаузенъ ¹⁾ опубликовали свои изслѣдованія о дѣйствіи газообразнаго хлористаго ціана на алкогольаты натрія. Изучая продукты этой реакціи, имъ удалось выдѣлить, между прочими соединеніями, вещества по составу тождественныя съ изоциануровыми эфирами Вюрца, но по свойствамъ изомерныя съ послѣдними. Гоemannъ и Ольсгаузенъ, такимъ образомъ, получили и изучили метиловый и этиловый эфиры. Полученныя эфиры плавилась ниже изоциануровыхъ эфировъ, превращались сравнительно легко при перегонкѣ въ свои изомеры и дѣйствіемъ щелочей разлагались на алкоголь и циануровую кислоту. Судя по этому послѣднему свойству, новые эфиры циануровой кислоты не отличались по свойствамъ своимъ отъ эфировъ другихъ кислотъ и представляли собою *нормальныя* эфиры, поэтому и названы были *циануровыми эфирами*, въ отличіе отъ которыхъ эфирамъ Вюрца присвоили названіе *изоциануровыхъ эфировъ*.

По способности эфировъ Гоemannна превращаться въ циануровую кислоту дѣйствіемъ щелочей, ихъ можно было бы считать *нормальными* производными циануровой кислоты и зная строеніе эфировъ можно было бы, казалось, съ полнымъ правомъ сдѣлать заключеніе о строеніи самой кислоты; но въ виду

¹⁾ Berichte d. d. chem. Gesellsch. 3. 269.

свойства эфировъ легко измѣняться и переходить въ изомерную, болѣе прочную форму съ одной стороны, а съ другой—способъ ихъ полученія изъ газообразнаго хлористаго циана, (при чемъ прежде всего, вѣроятно, образуется мономерное соединеніе, уплотняющееся въ моментъ своего образованія), реакція со щелочами не могла служить достаточно сильнымъ аргументомъ для рѣшенія вопроса о строеніи самой кислоты.

Занимаясь съ давняго времени изслѣдованіями полимерныхъ соединеній цианистой группы, часть которыхъ была уже опубликована мною еще въ 1876 году ¹⁾, я счелъ интереснымъ также обратиться къ изученію эфировъ полученныхъ Гоemannомъ и Ольсгаузеномъ, сдѣлать опыты полученія ихъ болѣе чистою реакціею, исходя изъ полимеровъ галлоидныхъ соединеній, выяснитъ причину аномальнаго образованія изоциануровыхъ эфировъ Вюрца изъ циануровой кислоты и установить, какъ положеніе послѣдней въ ряду другихъ полимерныхъ соединеній циана, такъ и вѣроятное строеніе ея.

I.

О полимерѣ бромистаго циана.

А. Эгизъ ²⁾ наблюдалъ, что бромистый цианъ въ эфирномъ растворѣ при нагреваніи до 130°—140° въ запаянныхъ трубкахъ легко претерпѣваетъ измѣненіе. Изъ растворимаго, легко плавящагося, летучаго видоизмѣненія превращается въ нерастворимый аморфный порошокъ, не плавящийся даже при сильномъ нагреваніи. Составъ его при анализѣ оказался такимъ-же какъ и бромистаго циана. Дѣйствіемъ воды онъ легко разлагается на бромистый водородъ и циануровую кислоту. Судя по этимъ свойствамъ, полученный продуктъ есть ничто иное какъ полимеръ бромистаго циана, именно $C_3N_3Br_3$.

Занимаясь много разъ приготовленіемъ бромистаго циана, дѣйствіемъ брома на цианистую ртуть, мнѣ приходилось иногда

¹⁾ Журналъ Р. Ф. Х. О. Отд. I. VIII. 210.

²⁾ Zeitschr. für Chemie (2). 5. 376.

наблюдать, что изъ эфирнаго раствора его послѣ 12—24 часоваго стоянія выдѣляется кристаллическій порошокъ, собирающійся въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ конгломератъ довольно крупныхъ бородавокъ. Вещество это, будучи отдѣлено отъ эфира и высушено подъ эксияторомъ надъ сѣрной кислотой и известью, имѣетъ слѣдующія свойства: при нагрѣваніи не плавится и только при очень сильномъ накаливаніи въ пробирномъ цилиндрѣ начинаетъ возгоняться на холодныхъ частяхъ въ видѣ мелкихъ кристалловъ, частью разлагаясь при этомъ и на воздухъ притягиваетъ легко влагу, при чемъ выдѣляется бромистый водородъ. Анализъ показываетъ, что составъ полученнаго соединенія тотъ-же, что и бромистаго ціана.

0,3062 грм. вещества, при прокалываніи съ негашеною известью, дали 0,5302 *AgBr* и 0,0062 *Ag*, что соотвѣтствуетъ 75,1% *Br*. Теорія требуетъ 75,4% *Br*.

Полученное вещество есть полимеръ бромистаго ціана и вѣроятно тождественно съ соединеніемъ полученнымъ Эгнзомъ, потому что при дѣйствіи воды оно также разлагается на бромистый водородъ и ціануровую кислоту.

Описанный полимеръ бромистаго ціана не во всѣхъ случаяхъ однако выдѣляется изъ эфирнаго раствора мономера. Если, приготовленный дѣйствіемъ брома на ціанистую ртуть, бромистый ціанъ былъ совершенно чистъ, не содержа брома, то образованія полимера не наблюдалось. Въ присутствіи же брома, и смотря по количеству послѣдняго, всегда наблюдалось образованіе его въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Если къ раствору бромистаго ціана въ абсолютномъ эфирѣ прибавить нѣсколько капель брома и растворъ оставить въ покой, то по истеченіи 12—24 часовъ выпадаетъ кристаллическій порошокъ, слегка окрашенный въ желтый цвѣтъ, количество котораго увеличивается отъ болѣе продолжительнаго стоянія, или отъ прибавленія новаго количества брома, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ выдѣленіе полимера происходитъ быстрее. Анализъ одной порціи, такимъ образомъ приготовленнаго полимера бромистаго ціана, далъ слѣдующіе результаты:

0,2356 грм. вещества при прокалываніи съ известью дали 0,4152 *AgBr* и 0,0022 *Br*, что соотвѣтствуетъ 75,6% *Br*. Теорія требуетъ 75,4% *Br*.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что одновременно съ образова-

ніємъ полимеръ бромистаго ціана, при дѣйствіи брома на эфирный растворъ бромистаго ціана, замѣчается также выдѣленіе бромистаго водорода. Полнаго превращенія мономера въ полимеръ мнѣ не приходило наблюдать и, кромѣ того, если первыя порціи выдѣлившихся кристалловъ давали числа согласныя съ вычисленными, то послѣднія почти всегда заключали на 1% и даже на 3% меньше брома.

То обстоятельство, что при образованіи полимера бромистаго ціана дѣйствіемъ брома всегда выдѣляется бромистой водородъ, заставило меня предположить, что превращеніе мономера въ полимеръ происходитъ не вслѣдствіе непосредственнаго дѣйствія брома, а скорѣе вслѣдствіе дѣйствія бромистаго водорода, образующагося при реакціи брома на эфиръ, почему я и предпринялъ рядъ опытовъ для провѣрки этого предположенія, и занялся изученіемъ дѣйствія бромистаго водорода на бромистый ціанъ.

Въ раствору бромистаго ціана въ абсолютномъ эфирѣ пропускаютъ чистый и сухой бромистый водородъ, при охлажденіи ледяной водой. Почти тотчасъ-же въ жидкости начинается появляться мелкій осадокъ и минутъ черезъ 10—15 на дно колбы выпадаетъ тяжелый кристаллическій осадокъ, количество котораго увеличивается, если пропусканіе бромистаго водорода продолжать дольше. Если пропусканіе бромистаго водорода прекратить вскорѣ послѣ того, какъ началось выдѣленіе осадка, который тотчасъ-же проецировать и промыть эфиромъ, то полимеръ бромистаго ціана получается совершенно чистымъ, какъ показываетъ слѣдующій анализъ.

0,3730 гр. вещества при прокаливаніи съ CaO дали 0,6414 AgBr 0,0056 Br , что соответствуетъ 75,3% Br . Теорія требуетъ 75,4% Br .

Эфирный растворъ продолжаетъ выдѣлять тоже самое вещество какъ при стояніи, такъ и при пропусканіи бромистаго водорода.

Если же пропускать бромистый водородъ болѣе продолжительное время, чѣмъ указано выше, то вмѣстѣ съ полимернымъ соединеніемъ вскорѣ начинается выдѣляться тяжелое масло не растворимое въ эфирѣ, которое обваливаетъ бромистый ціанъ (полимеръ), вслѣдствіе чего получается липкая масса. По отдѣленіи декантацией эфира и масла, полученное вещество промывалось эфиромъ, отжималось между бумагой и высушивалось надъ сѣрной кислотой и известью. При анализахъ, такимъ об-

разомъ, приготовленнаго вещества, получались всегда разнорѣчивые результаты: содержаніе брома въ немъ колебалось между 62—72%. На воздухѣ оно легче поглощало влагу, чѣмъ чистый полимеръ бромистаго ціана и энергичнѣе реагировало съ водой. Если продуктъ дѣйствія бромистаго водорода, послѣ продолжительнаго пропусканія послѣдняго, отдѣлить отъ воздуха и облить водою, то происходитъ довольно сильная реакція: жидкость вскипаетъ и выдѣляются газы, при чемъ твердое вещество растворяется; но если тотъ-же продуктъ вносить не большими порціями въ смѣсь воды и спирта, охлажденную до 0°, то реакція происходитъ не такъ энергично: часть продукта растворяется, другая-же часть выдѣляется въ видѣ кристаллическаго порошка. Этотъ порошокъ, будучи промытъ сначала холодной водою, потомъ спиртомъ и въ заключеніе эфиромъ, представляетъ всѣ свойства полимера бромистаго ціана.

0,3120 гр. вещества при прокаливаніи съ ClO дали 0,5477 AgBr и 0,0016 Ag , что соответствуетъ 75,03% брома. Теорія требуетъ 75,4%.

Однако такой способъ очищенія полимера бромистаго ціана водою не всегда приводитъ къ цѣли, такъ какъ при этомъ происходитъ разложеніе частью полимера и продуктъ вслѣдствіе этого получается смѣшаннымъ иногда съ значительнымъ количествомъ ціануровой кислоты. Удобнѣе всего оказалось для очищенія употреблять хлороформъ, который легко растворяетъ масло и не растворяетъ полимера бромистаго ціана. Для этого, послѣ того, какъ уже выдѣлилось достаточное количество полимера, при пропусканіи бромоводорода въ эфирный растворъ (лучше всего на $\frac{1}{2}$ разбавленный хлороформомъ) мономера и началось выдѣленіе масла, отдѣляютъ эфиръ и масло декантациею, твердый продуктъ бросаютъ въ ступку, обливаютъ хлороформомъ, растираютъ тщательно пестикомъ, при чемъ хлороформъ сильно окрашивается бромомъ, затѣмъ собираютъ осадокъ на фильтръ и промываютъ сначала хлороформомъ, до тѣхъ поръ пока не будетъ фильтроваться безцвѣтная жидкость, а затѣмъ эфиромъ.

Полученный такимъ путемъ продуктъ оказывался довольно чистымъ и при анализѣ получались результаты удовлетворительные.

0,3062 грм. вещества дали 0,5336 бромистаго серебра и 0,0048 серебра, что соответствуетъ 75,1% Br . Теорія требуетъ 75,4%.

Кромѣ вышеописаннаго способа полученія, я пробовалъ также получать полимеръ бромистаго ціана непосредственно изъ синильной кислоты. Извѣстно изъ наблюденій Serullas, а также и А. Готье ¹⁾, что хлоръ, дѣйствуя на эфирный растворъ ціанистаго водорода, замѣщаетъ въ послѣднемъ водородъ хлоромъ, причѣмъ получается газообразный хлористый ціанъ и въ то-же время изъ раствора выдѣляется его полимеръ—твердый хлористый ціанъ. Исходя изъ того факта, что бромъ дѣйствуетъ на ціанистый водородъ аналогично хлору, я пробовалъ эту реакцію примѣнить для полученія полимера бромистаго ціана. Реакція между ціанистымъ водородомъ и бромомъ идетъ чрезвычайно энергично, каждая прилитая капля брома сопровождается трескомъ и выдѣленіемъ бромистаго водорода. Если ціанистый водородъ разбавить двойнымъ, по объему, количествомъ абсолютнаго эфира и приливать бромъ по каплѣ изъ воронки съ краномъ, при охлажденіи до 0°, то въ такомъ случаѣ реакція идетъ спокойно: тотчасъ по прибавленіи нѣсколькихъ капель брома, начинается выдѣляться осадокъ, количество котораго болѣе и болѣе увеличивается; вначалѣ бромъ поглощается довольно быстро, окраска послѣдняго исчезаетъ моментально, но затѣмъ, по прибавленіи приблизительно $\frac{2}{3}$ разчитаннаго количества брома, эфиръ начинаетъ сохранять цвѣтъ брома дольше. Послѣ того, какъ было прилито все разчитанное количество брома смѣсь оставлялась въ покоѣ на сутки и болѣе. Выдѣлившійся осадокъ былъ пропитанъ масломъ. Отдѣленный декантацией отъ эфира и масла, онъ промывался эфиромъ и высушивался надъ сѣрной кислотой и известью. По составу своему полученный продуктъ, иногда мало отличался отъ бромистаго ціана, но въ большинствѣ случаевъ результаты анализовъ не согласовались между собою. По свойствамъ своимъ онъ также отличался отъ чистаго полимера бромистаго ціана: очень легко разлагался дѣйствіемъ воды и даже спирта; послѣ реакціи съ водой выдѣлялось сравнительно мало ціануровой кислоты и растворъ содержалъ много бромистаго аммонія и муравьиной кислоты. Реагируя сильно съ алкоголями давалъ чрезвычайно мало эфира ціануровой кислоты, а вмѣстѣ съ послѣднимъ получался какой-то аморфный, не растворимый ни въ водѣ, ни въ спиртѣ, ни даже въ эфирѣ порошокъ.

¹⁾ Ann. Chem. pharm. 141. 124.

Основываясь на томъ, что послѣ реакціи съ водой, наблюдалось образованіе бромистаго аммонія и муравьиной кислоты, я думаю, что при дѣйствіи брома, хотя, дѣйствительно, и образуется полимеръ бромистаго ціана, но вмѣстѣ съ тѣмъ, происходитъ и образованіе бромистоводородной соли синильной кислоты. Это соединеніе извѣстно; оно получено Готье и дѣйствительно разлагается водой и спиртомъ съ образованіемъ муравьиной кислоты. Составъ его выражается формулою: $2\text{CNH} \cdot 3\text{HBr}$. Числа получались, при анализѣ моего продукта, дѣйствительно, иногда среднія между составомъ двойной соли и бромистаго ціана. Кроме того, тотъ фактъ, что при дѣйствіи брома на ціанистый водородъ, поглощается приблизительно только $\frac{2}{3}$ рассчитаннаго количества брома, вполне согласуется съ предположеніемъ, что реакція происходитъ по уравненію:

Если продуктъ дѣйствія брома на ціанистый водородъ вносить осторожно, не большими порціями въ разбавленный на половину водою спиртъ, охлажденный до 0° , то часть его разлагается, растворяясь, а другая часть остается не растворенною. Не растворимая часть, промытая водою, спиртомъ и затѣмъ эфиромъ представляетъ всѣ свойства полимера бромистаго ціана, и при опредѣленіи брома получились слѣдующіе результаты.

0,2720 грм. вещества при прокаливаніи съ CaO дали 0,4728 бромистаго серебра и 0,0044 серебра, что отвѣчаетъ 75,1% Br . Теорія требуетъ 75,4%.

Слѣдуетъ замѣтить, что этимъ способомъ полимера бромистаго ціана получается сравнительно не много, изъ 50 грм. ціанистаго водорода я получалъ не болѣе 50—60 гр. полимера. Очищается продуктъ не особенно легко, и кроме того, во время очищенія, часть полимера успѣваетъ разложиться, вслѣдствіе чего, часто получается продуктъ смѣшанный съ ціануровой кислотой. На основаніи этихъ опытовъ, мнѣ кажется, для полученія полимера бромистаго ціана, слѣдуетъ отдать предпочтеніе первому способу, т. е. дѣйствію бромистаго водорода на бромистый ціанъ.

Въ заключеніе описанія опытовъ полученія полимера бро-

нистаго ціана, я считаю не лишнимъ здѣсь сдѣлать замѣчаніе относительно приготовленія твердаго хлористаго ціана. По Готье ¹⁾ онъ получается очень просто, подобно бромистому ціану, дѣйствіемъ хлора на эфирный растворъ ціанистаго водорода. Выдѣлившіеся, при избыткѣ хлора, кристаллическое соединеніе растворяется въ эфирѣ и состоитъ изъ твердаго хлористаго ціана. Имѣя случай нѣсколько разъ готовить этимъ способомъ полимеръ хлористаго ціана, мнѣ никогда не удавалось получить продукта, вполне растворимаго въ эфирѣ; растворялась сравнительно не большая часть и выходъ былъ незначителенъ; изъ нерастворимой же части вода не извлекала ціануровой кислоты; по испареніи раствора получался остатокъ, состоящій изъ хлористаго аммонія. Такимъ образомъ, я думаю, что и въ этомъ случаѣ только часть ціанистаго водорода превращается въ хлористый ціанъ, а другая же часть его соединяется съ образовавшимся при реакціи бромистымъ водородомъ, образуя двойную соль, которая въ эфирѣ не растворяется.

По свойствамъ своимъ полимеръ бромистаго ціана во многомъ напоминаетъ твердый хлористый ціанъ. Свѣже приготовленный, онъ издаетъ такой-же запахъ, какъ и хлористый ціанъ, но отличается меньшею рѣзкостью; на воздухъ, какъ было указано, поглощаетъ влагу и выдѣляетъ бромоводородъ; въ водѣ при обыкновенной температурѣ не растворяется, а отъ долгаго соприкосновенія, или при нагрѣваніи въ послѣдней, разлагается. Въ спиртѣ, при нагрѣваніи, также разлагается, образуя ціануровую кислоту.

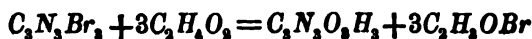
Уксусная кислота не дѣйствуетъ на полимеръ бромистаго ціана при обыкновенной температурѣ, при нагрѣваніи же до 130°—140° въ запаянныхъ трубкахъ реакція происходитъ. При вскрытіи трубокъ замѣчается давленіе; жидкость, отфильтрованная отъ осадка, начинаетъ перегоняться около 80° и по запаху своему напоминаетъ бромистый ацетиаль. Порціи кипящая между 80—100° при вторичной перегонкѣ почти вся перешла при 80—82°; она разлагается водою и спиртомъ; при дѣйствіи спирта получается жидкость съ характернымъ запахомъ уксуснаго эфира.

Осадокъ, отфильтрованный отъ жидкости, при изслѣдованіи, оказался ціануровой кислотой.

Такимъ образомъ, изъ этихъ данныхъ, видно, что полимеръ

¹⁾ Loco cit.

бромистаго ціана реагируетъ съ уксусной кислотою, подобно пятихлористому фосфору, образуя бромистый ацетилъ и ціануровую кислоту по уравненію :

II.

О дѣйствіи бромистаго ціана и его полимера на алкогольаты натрія. О нормальныхъ эфирахъ ціануровой кислоты.

Клоезъ ¹⁾, дѣйствуя газообразнымъ хлористымъ ціаномъ на алкогольаты натрія въ спиртовомъ растворѣ, получилъ маслообразныя жидкости съ характернымъ эфирнымъ запахомъ, которыя онъ назвалъ *ціанэтолилами*. По составу своему ціанэтолины оказались тождественными съ изоціановыми эфирами Вюрца, но рѣзко отличались отъ нихъ по своимъ свойствамъ: удѣльный вѣсъ ихъ больше эфировъ Вюрца; они отличаются меньшею летучестью и перегоняются при значительно высшей температурѣ, претерпѣвая при этомъ измѣненія. Такъ напр. при перегонкѣ этиловаго эфира, сначала переходитъ спиртъ, потомъ какая-то жидкость, растворимая въ водѣ и, затѣмъ, тяжелое масло, не растворимое въ водѣ. Масло это, при вторичной перегонкѣ, начинаетъ гнаться уже при 195°, безъ разложенія, какъ говоритъ Клоезъ, и имѣетъ составъ изоціановаго эфира Вюрца. Клоезъ получилъ такимъ образомъ метиловый, этиловый и амиловый эфиры. Дѣйствіемъ ѣдкаго кали или хлористоводородной кислоты, названные эфиры разлагаются, образуя соответствующій спиртъ и ціануровую кислоту (или соль ціановой кислоты ²⁾).

Гомманъ и Ольсгаузенъ ³⁾, повторяя работу Клоеза, изучили нѣсколько подробнѣе реакцію хлористаго ціана на алкогольаты натрія. Изъ метилата натрія они получали, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, также масло по свойствамъ своимъ, напоминающее соеди-

¹⁾ Liebig's Annal. 102. 355. Wurtz Dictionnaire I 439.

²⁾ Вм. также Gall. Bull. soc. chim. VI. 439.

³⁾ Berichte d. d. chem. Geselsch. III. 271.

неніе Клоэва; оно оставалось продолжительное время жидкимъ, но по прошествіи нѣсколькихъ дней застывало въ кристаллическую массу. Въ иныхъ же случаяхъ Гофманъ и Ольсгаузенъ не наблюдали образованія масла, а продуктъ, послѣ отгонки спирта, состоялъ изъ кристаллическаго остатка. Кристаллизаціею изъ воды остатокъ можно было раздѣлить на два соединенія, изъ которыхъ одно легко растворилось въ эфирѣ, другое же не растворилось. Растворимое въ эфирѣ соединеніе (оказалось изомеромъ изоціануровыхъ эфировъ Вюрца. Полученный такимъ образомъ эфиръ плавился при 132° ; дѣйствіемъ щелочей разлагался на метиловый спиртъ и ціануровую кислоту. При нагреваніи между 160° — 170° онъ перегонялся безъ остатка, но превращался при этомъ въ изомерное видоизмѣненіе—въ изоціануровый эфиръ. Не растворимый же въ эфирѣ продуктъ дѣйствія хлористаго ціана имѣлъ составъ амидодиметилціануровой кислоты $C_2N_2(OCH_3)_2NH_2$. Дѣйствуя хлористымъ ціаномъ на этилатъ натрія, Гофманъ и Ольсгаузенъ также получали маслообразный продуктъ, который застывалъ въ твердую массу; иногда же образованіе масла не наблюдалось. Изъ продукта реакціи имъ однако не удалось выдѣлить этиловаго эфира ціануровой кислоты; они получили только амидопроизводныя его.

Послѣ работъ Гофманна и Ольсгаузена, въ продолженіи 12 л. не появлялось никакихъ изслѣдованій относительно ціануровыхъ эфировъ. И только въ 1882 г. Мульдеръ ¹⁾ опубликовалъ свои первые результаты касательно этого вопроса. Занимаясь изслѣдованіемъ тѣхъ-же соединеній съ давняго времени и вынужденный замѣткой Мульдера, я сдѣлалъ также предварительное сообщеніе ²⁾. Затѣмъ появились дальнѣйшія работы Мульдера, результаты которыхъ, судя по краткимъ отчетамъ ³⁾, согласуются съ моими и наши изслѣдованія отчасти взаимно пополняются ⁴⁾.

Мульдеръ бралъ въ реакцію, вмѣсто хлористаго ціана, бромистый ціанъ и дѣйствовалъ имъ на эфирно-алкогольный растворъ этилата натрія. Продуктъ, послѣ отгонки эфира и

¹⁾ Berichte d. d. chem. Gesellsch. 15. 69.

²⁾ Ber. d. d. Gesellsch. XV. 69.

³⁾ Журн. русск. Физ.-Химич. Общ. 16 (2), 27.

⁴⁾ См. также Протоколы VII сѣзда Естественныхъ и Врачей въ Одессѣ.

спирта, получался въ видѣ маслообразной безцвѣтной жидкости, застывавшей въ кристаллическую массу. Вещество это не растворялось въ водѣ, растворялось легко въ спиртѣ и по прибавленіи воды къ алкогольному раствору, снова выдѣлялось въ видѣ масла. По составу оно отвѣчаетъ формулѣ $CNOC_2H_5$, плавится около 29° и при дѣйствіи щелочей разлагается, образуя циануровую кислоту.

Желая избѣжать образованія амидопроизводныхъ циануровыхъ эфировъ, которыя, вѣроятно, образуются вслѣдствіе существованія реакціи между хлористымъ цианомъ и спиртомъ и на счетъ продуктовъ этой реакціи, я предпочелъ для полученія эфировъ работать съ этилатомъ натрія, высушеннымъ при 220° въ струѣ водорода и вмѣсто хлористаго циана бралъ, также, какъ и Мульдеръ, бромистый цианъ въ растворѣ абсолютнаго эфира. Для этого къ эфирному раствору бромистаго циана, всыпавъ не большими порціями тонко истертый порошокъ этилата натрія, взятый въ количествѣ не много большемъ, чѣмъ требуется теоріей. Реакція происходила при обыкновенной температурѣ, жидкость нагрѣвалась и вскипала; для умѣренія реакціи колбу приходилось постоянно охлаждать въ ледяной водѣ. Послѣ того, какъ все рассчитанное количество этилата было употреблено, смѣсь оставалась въ покоѣ на сутки, по прошествіи которыхъ, запахъ бромистаго циана исчезалъ и замѣнялся другимъ, напоминающимъ запахъ амминныхъ основаній. Послѣ отгонки эфира въ остаткѣ получилась жидкость почти безцвѣтная, очень подвижная и съ рѣзкимъ запахомъ амминныхъ основаній. Если жидкость, полученную по отгонкѣ эфира, выпаривать въ чашкѣ на водяной банѣ, то количество ея значительно уменьшается, запахъ амминныхъ основаній исчезаетъ и жидкость приобретаетъ особый характерный эфирный запахъ; при охлажденіи она принимаетъ болѣе густую консистенцію и подъ экваторомъ надъ сѣрной кислотой затвердѣваетъ въ кристаллическую массу. Кристаллы эти, отжатые между бумагой, плавятся между 28° — 29° , въ водѣ не растворяются, въ спиртѣ же и эфирѣ растворяются легко; изъ спиртоваго раствора, по прибавленіи воды, выдѣляется масло. Какъ эти свойства, такъ и анализъ, показываютъ, что полученное вещество тождественно съ соединеніемъ Мульдера и имѣетъ эмпирической составъ $CNOC_2H_5$.

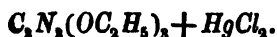
0,3226 гр. вещества при сжиганіи съ хромовокислымъ свинцомъ дали 0,59520 CO_2 и 0,3006 H_2O .

Что составляетъ въ процентахъ :

Вычислено :	Получено :
C—50.7.	50.3.
H— 7.0.	7.3.

Полученный этиловый эфиръ при нагреваніи до 200° перегоняется, превращаясь въ изоціануровый эфиръ (см. ниже). Со щелочами при нагреваніи разлагается, образуя ціануровую кислоту.

Весьма характерна для ціануроваго эфира реакція съ хлорною ртутью. Если описываемый эфиръ облить воднымъ растворомъ сулемы и взбалтывать смѣсь, при этомъ нагревая ее, то масло понемногу растворяется и изъ совершенно прозрачнаго раствора, по охлажденіи, выдѣляются довольно красивыя, длинныя шелковистыя иглы, напоминающія азбестъ. Это есть двойное соединеніе ціануроваго эфира съ хлорною ртутью, составъ котораго выражается формулою :

0,4804 гр. вещества при прокалываніи съ CaO дали 0,2760 $AgCl$ и 0,0090 Ag .

0,3778 гр. вещества дали 0,1834 HgS .

Вычислено :	Получено :
Cl—14.6	14.8
Hg—41.4	41.6

Двойная ртутная соль трудно растворима въ водѣ, но легко растворяется въ спиртѣ и въ эфирѣ. Изъ спиртоваго раствора водою она выдѣляется въ видѣ творага. Если въ эфирный растворъ двойной соли пропускать газообразный амміакъ, то она разлагается, выдѣляя амидное соединеніе хлорной ртути и изъ эфирнаго раствора, по испареніи, получается обратно этиловый эфиръ ціануровой кислоты.

Описанная двойная ртутная соль вполне подтверждаетъ составъ и опредѣляетъ величину частицы ціануроваго эфира. Опредѣленіе плотности пара эфира я не счелъ возможнымъ сдѣлать, въ виду его способности измѣняться при нагреваніи.

То обстоятельство, что количество образующагося эфира

при реакціи бромистаго ціана съ этилатомъ натрія было, въ большинствѣ случаевъ, не большое, а также желаніе объяснить причину появленія амминнаго запаха, побудило меня прослѣдить нѣсколько подробнѣе реакцію бромистаго ціана съ этилатомъ натрія.

Прежде всего, у меня явилось предположеніе, что, одновременно съ ціануровымъ эфиромъ, образуется его мономеръ— эфиръ нормальной ціановой кислоты $CN(OC_2H_5)$, или, судя по запаху, этиламинныя основанія.

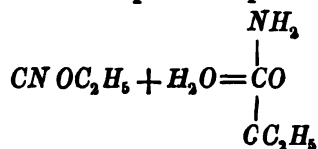
Для провѣрки послѣдняго предположенія, эфирный дистиллатъ, а также масло, полученное послѣ отгонки эфира, забалтывались много разъ съ водою, водный слой насыщался избыткомъ соляной кислоты и выпаривался до суха. Если-бы было второе предположеніе справедливо, то по испареніи должна была бы получиться хлористоводородная соль этиламина, легко растворимая въ спиртѣ, а между тѣмъ получилась соль почти не растворимая въ названномъ растворителѣ. Водный растворъ ея съ хлорной платиной образовалъ желтый осадокъ нашатырной платины.

0,234 гр. вещества дали 0,1034 Pt, т. е. 44.1%. Требуется 44.2%.

Что касается до перваго предположенія, т. е. до образованія эфира ціановой кислоты, то, не смотря на многократные опыты, мнѣ не удалось подтвердить его съ опредѣленностью, т. е. выдѣлить продуктъ въ чистомъ видѣ и изучить его свойства. Объ образованіи ціановаго эфира можно судить, съ нѣкоторою вѣроятностью, только по его реакціямъ. Вначалѣ я пробовалъ отдѣлять летучій продуктъ дѣйствія бромистаго ціана перегонкою масла, остающагося послѣ отгонки эфира: жидкость начинаетъ кипѣть около 90° и затѣмъ термометръ постепенно повышается до 200° ; при вторичной перегонкѣ, изъ части, кипящей между 90° и 150° , также не удалось выдѣлить продукта съ постоянной точкой кипѣнія. Судя потому, что какую бы часть дистиллата не брать, всегда, при вторичной перегонкѣ, точка кипѣнія повышается, и послѣднія порціи перегоняются приблизительно около 180° — 200° , нужно думать, что во время перегонки, происходитъ уплотненіе и изомеризація. Я пробовалъ также болѣе летучій продуктъ выдѣлить нагрѣваніемъ при 100° въ струѣ углекислоты, но и этотъ опытъ оказался безуспѣшнымъ. Хотя, въ послѣднемъ случаѣ, перегоняется незначитель-

ное количество довольно подвижной жидкости, но анализъ ее не далъ удовлетворительныхъ результатовъ. Оставивъ дальнѣйшіе опыты выдѣленія ціановаго эѳира, я ограничился слѣдующими наблюденіями, имѣющими значеніе, какъ подтвержденіе перваго предположенія.

Если остатокъ, полученный послѣ отгонки эѳира и состоящій вѣроятно изъ смѣси ціануроваго эѳира и его мономера взболтать съ водою, то часть его растворяется, а другая часть остается въ видѣ тяжелаго масла. Водный растворъ, подкисленный соляной кислотой, будучи оставленъ въ тепломъ мѣстѣ на нѣсколько часовъ, отдаетъ эѳиру, при взбалтываніи съ послѣднимъ, кристаллическое вещество, легко растворимое въ водѣ и спиртѣ и плавящееся при 49°. Вещество это есть, какъ показываетъ анализъ, уретанъ, образованіе котораго, можно объяснить только присутствіемъ, въ непосредственномъ продуктѣ дѣйствія бромистаго ціана, ціановаго эѳира $CN(OC_2H_5)$, который вѣроятно отличается способностью соединяться съ водою, подобно нитриламъ, сульфоціановымъ эѳирамъ и пр.

0,3142 гр. вещества при сожиганіи дали 0,5684 CO_2 и 0,2828 H_2O .

Вычислено:	Получено:
C—49.3.%	49.2.%
H— 9.5.%	9.9.%

Образованіе ціановаго эѳира (вещества съ амминнымъ запахомъ) наблюдается однако не всегда; количество его въ значительной степени уменьшается, если вести реакцію бромистаго ціана съ этилатомъ быстро и не заботиться о сильномъ охлажденіи. Въ этомъ случаѣ, казалось, можно было бы ожидать увеличенія выхода ціануроваго эѳира, но опыты не оправдываютъ этого предположенія; напротивъ же, если вести реакцію безъ предосторожностей, выходъ эѳира уменьшается и продуктъ получается менѣе чистымъ и очень окрашеннымъ. При этихъ условіяхъ, вѣроятно, происходитъ побочная реакція, напр. дѣйствіе этилата на эѳиръ, что подтверждается тѣмъ фактомъ, что получаемый

осадокъ состоитъ не изъ одного бромистаго натрія, а изъ смѣси бромистаго натрія и углекислаго натрія (м. б. ціановой соли).

Съ метиломъ натрія бромистый ціанъ въ эфирномъ растворѣ реагируетъ также весьма энергично и при обыкновенной температурѣ. Метиловый спиртъ для этого употреблялся продажный, такъ называемый, *rigiss.* отъ Тромсдорфа, предварительно, перегнанный надъ небольшимъ количествомъ натрія. Смотря по условію хода реакціи, и въ этомъ случаѣ, какъ и при образованіи этиловаго эфира, наблюдался запахъ амминныхъ основаній и выходъ метиловаго эфира ціануровой кислоты былъ далеко меньше вычисленнаго. Если спиртъ употреблялся не вполне чистый и реакція велась безъ предосторожностей, то полимернаго эфира получалось самое ничтожное количество. Изъ эфирнаго раствора продукта дѣйствія бромистаго ціана, отфильтрованнаго отъ осадка, по испареніи, обыкновенно выдѣлялась кристаллическая масса; образованія маслообразнаго продукта, о которомъ говорятъ Гофманнъ и Ольсгаузенъ, я не наблюдалъ. Перекристаллизованный изъ древеснаго спирта или изъ воды, метиловый эфиръ получается совершенно чистымъ, какъ показываетъ слѣдующій анализъ:

0,3312 гр. вещества при сожиганіи дали 0,5106 CO_2 и 0,1622 H_2O .

Вычислено:

C—42.1

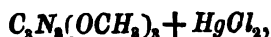
H— 5.2

Получено:

42.0

5.4.

Метиловый эфиръ плавится при 132° , какъ это нашли также Гофманнъ и Ольсгаузенъ; онъ легко растворяется въ спиртѣ и въ водѣ. Съ сулемой, также какъ и этиловый эфиръ, образуетъ двойную соль, которая легче растворяется въ водѣ, чѣмъ соль этиловаго эфира. Изъ воднаго раствора кристаллизуется въ чрезвычайно тонкихъ шелковистыхъ иглахъ, составъ которыхъ выражается формулою:

что также вполне опредѣляетъ величину частицы метиловаго эфира.

0,5396 гр. дали 0,3352 $AgCl$ и 0,0042 Ag , что отвѣчаетъ 15.6% Cl . Теорія требуетъ 15.8% Cl .

Что касается до дѣйствія бромистаго ціана на другіе алкоголяты натрія, то, до сихъ поръ, я сдѣлалъ пока поверхностное изслѣдованіе реакціи съ изобутилатомъ натрія. Изобутиловый эфиръ ціануровой кислоты получается въ видѣ медообразной массы, которая, отчасти, по истеченіи продолжительнаго времени, закристаллизовывается. Не имѣетъ также постоянной точки кипѣнія; при нагреваніи измѣняется. Съ хлористой ртутью мнѣ не удалось получить двойной соли.

Кромѣ дѣйствія бромистаго ціана, я производилъ также опыты дѣйствія іодистаго ціана на этилатъ натрія. Въ алкогольномъ растворѣ реакція идетъ очень легко, съ выдѣленіемъ *IK*, но въ этомъ случаѣ образуется нѣсколько продуктовъ частью кристаллическихъ, частью маслообразныхъ, отдѣленіе которыхъ идетъ не легко. Въ эфирномъ растворѣ реакція идетъ аналогично бромистому ціану съ образованіемъ эфира, но при этомъ всегда остается нѣкоторое количество іодистаго ціана, не вошедшимъ въ реакцію, вслѣдствіи чего продукты получаютъ сильно окрашенными, и выходъ ихъ также не большой.

Въ виду того, что изученіемъ реакціи бромистаго ціана на алкоголяты занимается также Мульдеръ, то я въ своихъ изслѣдованіяхъ ограничился вышеописанными опытами и перешелъ къ изученію реакціи полимера бромистаго ціана съ алкоголятами натрія.

Полученіе ціануровыхъ эфировъ изъ полимера бромистаго ціана идетъ очень легко, реакція происходитъ уже при обыкновенной температурѣ съ спиртовымъ растворомъ алкоголята. Для приготовленнаго этиловаго эфира, разчитанное количество металлическаго натрія растворяютъ въ абсолютномъ спиртѣ (на 1 ч. натрія 12—15 ч. спирта) въ атмосферѣ водорода, и охлажденный растворъ этилата приливаютъ въ колбу, въ которой заключается тонко истертый порошокъ бромистаго ціана, суспендированный въ смѣси абсолютнаго эфира и спирта. Реакція совершается выдѣленіемъ тепла, поэтому, для умѣренія ея, колбу слѣдуетъ держать постоянно въ холодной водѣ, растворъ этилата приливать вначалѣ не большими порціями и смѣсь часто взбалтывать. Въ началѣ растворъ измѣняетъ скоро щелочную реакцію въ среднюю, но подѣ конецъ онъ нѣсколько дольше

сохраняет щелочную реакцию. Когда щелочная реакция уже не прекращается, смесь оставляют стоять при обыкновенной температуре. Прибавляют этилата натрия в большом избытке не следует, потому что от этого уменьшается выход эфира, вследствие образования кислых эфиров. По истечении 12—20 часов жидкость декантируют через фильтр, остаток промывают многократно эфиром и раствор перегоняют. К концу перегонки обыкновенно выделяется твердый осадок бромистого натрия; его обливают большим количеством эфира, при чем количество осадка увеличивается, раствор фильтруют и снова перегоняют. В остатке, после отгонки эфира, получается масло, которое, при испарении, на водяной бане в чашке выделяет еще не много твердого осадка, от которого его отделяют растворением в абсолютном эфире. Очищение масла растворением в эфире приходится повторять несколько раз, потому что осадок, обладая растворимостью в циануровом эфире, отделяется не легко. Удобнее для очищения промыть циануровый эфир теплой водой и часть, растворившуюся в воде, извлечь эфиром. Полученное после отгонки эфира масло, при высушивании над серной кислотой, через некоторое время, кристаллизуется.

Можно также очищать этиловый эфир циануровой кислоты, пользуясь свойством двойной ртутной соли плохо растворяться в воде и даже в слабом спирте. Для этого хлорную ртуть растворяют в 50% кипящем спирте и раствор смешивают с маслом. При охлаждении выделяется ртутная соль в виде объемистого кристаллического осадка, количество которого увеличивается от прибавления воды. В последнем случае ртутная соль выделяется в виде творога. Осадок промывают и высушивают между пропускной бумагой. Из ртутной соли циануровый эфир выделить легко, стоит только в эфирный раствор соли пропустить аммиак.

Выход эфира почти теоретический, если для приготовления его был взят свежеприготовленный полимер бромистого цiana.

Полученный таким образом этиловый эфир имеет все свойства нормального цианурового эфира, описанного выше. Только что приготовленный, он имеет вид масла, мало подвижного, с характерным эфирным запахом. Подъ вскипа-

торомъ или при охлажденіи льдомъ, онъ застываетъ въ кристаллы, плавящіеся при 28° — 29° . Будучи расплавленъ, циануровый эфиръ сохраняетъ жидкое состояніе въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, послѣ чего опять отвердѣваетъ.

Для анализа кристаллическій эфиръ былъ отвѣтъ между бумагой, затѣмъ расплавленъ и высушенъ надъ сѣрной кислотой.

Анализъ далъ слѣдующія результаты :

0,3122 грм. вещества дали 0,5762 CO_2 и 0,2088 H_2O .

Вычислено :

C—50.7.

H— 7.0.

Найдено :

50.3.

7.4.

Съ хлорною ртутью получается двойная ртутная соль. Перекристаллизованная изъ 50% спирта, она выдѣляется въ видѣ тонкихъ шелковистыхъ иголокъ.

0.4804 гр. соли при прокалываніи съ CaO дали 0,2760 $AgCl$ и 0,0090 Ag , что отвѣчаетъ 14.8% Cl . Теорія требуетъ 14.6% Cl .

При взбалтываніи съ бромной водой нормальный этиловый эфиръ, согласно съ наблюденіемъ Мульдера, соединяется съ бромомъ, образуя желтыя иглы, которыя легко расплываются на воздухѣ.

Выше я упомянулъ, что этиловый эфиръ циануровой кислоты при перегонкѣ превращается въ изоциануровый эфиръ. Гофманъ и Ольсгаузенъ наблюдали, что метиловый эфиръ при перегонкѣ *вполнѣ* переходитъ въ изомерное видоизмѣненіе, относительно же этиловаго эфира этого сказать нельзя. Приготовленный изъ полимера бромистаго ціана, циануровый эфиръ при нагреваніи выше 200° начинаетъ перегоняться; въ дистиллатѣ получается жидкость съ слабымъ запахомъ изоциановыхъ эфировъ, изъ которой по истеченіи нѣсколькихъ часовъ выдѣляются кристаллы въ видѣ призмъ, напоминающіе по внѣшнему виду изоциануровые эфиры. Присутствіе послѣднихъ дѣйствительно подтверждается реакціями, потому что, при кипяченіи дистиллата съ ѣдкимъ кали, происходятъ выдѣленіе этиламина, но въ то-же время, съ растворомъ хлорной ртути образуются шелковистыя иглы двойной ртутной соли нормальнаго эфира. При вторичной перегонкѣ дистиллата, получается также смѣсь обоихъ изомеровъ. Полное превращеніе нормальнаго эфира въ изомерное видоизмѣненіе происходитъ только послѣ продол-

жителяго нагрѣванія при 188° — 200° , при чемъ образованія паровъ не наблюдалось. Если-же эфиръ не былъ хорошо очищенъ, въ особенности въ присутствіи іодистыхъ соединеній, то превращеніе это происходитъ при низшей температурѣ. Въ такихъ случаяхъ расплавленная масса по охлажденіи легко застываетъ въ кристаллы изоэфира, которые изъ кипящаго 50% спирта кристаллизуются въ видѣ характерныхъ призмъ, трудно растворимыхъ въ водѣ и плавящихся при 82° . Этиловый эфиръ превращается частію въ свой изомеръ также при нагрѣваніи съ іодистымъ этиломъ въ запаянныхъ трубкахъ при 100° и въ особенности легко, если іодистый этилъ не много окрашенъ іодомъ.

При нагрѣваніи съ соляной кислотой, также какъ и съ ѣдкимъ кали, ціануровый эфиръ разлагается, образуя ціануровую кислоту.

Пятихлористый фосфоръ дѣйствуетъ на ціануровый эфиръ при обыкновенной температурѣ довольно энергично, при чемъ смѣсь частію обугливается. Абсолютный эфиръ извлекаетъ изъ продукта реакціи твердый хлористый ціанъ. Точка плавленія 140° .

0,3050 грм. вещества дали 0,7024 $AgCl$ и 0,0062 Ag , что отвѣчаетъ 57.5% Cl . Теорія требуетъ 57.7% Cl .

Гоemannъ и Ольсгаузенъ, дѣйствуя хлористымъ ціаномъ на этилатъ натрія, получили, между прочимъ, двуэтиловый эфиръ амидоціануровой кислоты и этиловый эфиръ диамидоціануровой кислоты. Тѣ же соединенія они получили, дѣйствуя амміакомъ, при нагрѣваніи до 100° на непосредственный продуктъ реакціи хлористаго ціана. Ціануровый эфиръ реагируетъ съ амміакомъ, какъ показываютъ мои наблюденія, даже при обыкновенной температурѣ. Если смѣсь эфира и воднаго амміана оставить въ поковъ, то черезъ нѣсколько дней начинаютъ выделяться игольчатые кристаллы, которые легко при нагрѣваніи, растворяются въ водѣ и въ спиртѣ и плавятся около 97° . Судя по этимъ свойствамъ, полученные кристаллы, вѣроятно, тождественны съ двуэтиловымъ эфиромъ амидоціануровой кислоты. Подробности я не изслѣдовалъ ихъ.

При нагрѣваніи этиловаго эфира ціануровой кислоты съ ерѣпнимъ воднымъ амміакомъ въ запаянныхъ трубкахъ, при 170° — 180° , замѣщеніе этоксиальной группы идетъ далѣе. Полу-

чаются два продукта, изъ которыхъ одинъ растворяется въ водѣ, другой не растворяется. Растворимое соединеніе кристаллизуется изъ воды въ видѣ мелкихъ блестящихъ кристалловъ, которые не плавятся даже при нагрѣваніи до 300°. Съ азотной и щавелевой кислотой получаютъ осадки, характерные для меламина. Съ азотнокислымъ серебромъ была получена двойная соль, анализъ которой далъ слѣдующіе результаты:

0,3936 грм. вещества дали 0,2204 $AgCl$ и 0,0156 $Ag.$, что отвѣчаетъ 46 2% $Ag.$ Требуется 46.1% $Ag.$

Часть, не растворимая въ водѣ, легко растворяется въ кислотахъ и щелочахъ. Изъ раствора въ азотной кислотѣ выдѣляются призмы, характерныя для азотнокислой соли аммелина.

Изъ этихъ опытовъ слѣдуетъ заключить, что аммиакъ, дѣйствуя на эфиръ циануровой кислоты замѣщаетъ всѣ три этокси-льные группы амидною группою, образуя меламинъ, и въ тоже время дѣйствуетъ частью какъ щелочь, превращая его въ аммелинъ.

Метиловый эфиръ циануровой кислоты получается также какъ и этиловый эфиръ дѣйствіемъ полимера бромистаго ціана на метилатъ натрія въ растворѣ метиловаго спирта. Для очищенія нѣтъ необходимости переводить эфиръ въ двойное ртутное соединеніе, достаточно для этого сухой остатокъ, полученный послѣ отгонки спирта, перекристаллизовать изъ метиловаго спирта.

Полученный такимъ образомъ метиловый эфиръ ничѣмъ не отличается отъ эфира, полученнаго Гофманномъ и Ольсгаузенемъ. Я ограничился опредѣленіемъ точки плавленія (132°) и приготовленіемъ ртутной соли, которая выдѣляется изъ растворовъ въ видѣ весьма тонкихъ шелковистыхъ иголокъ, сравнительно легко растворимыхъ въ водѣ.

Дѣйствіе ѣдкаго барита на этиловый эфиръ циануровой кислоты.

Этиловый эфиръ циануровой кислоты, растворяясь при нагрѣваніи въ ѣдкомъ кали, разлагается, какъ было сказано выше, на спиртъ и циануровую кислоту. Съ растворомъ ѣдкаго барита реакція не идетъ до полнаго превращенія эфира въ циануровую кислоту, а ограничивается замѣщеніемъ одного и, по виду, двухъ этокси-льныхъ остатковъ воднымъ остаткомъ. Мы

удалось приготовить и изольдовать одинъ изъ такихъ продуктовъ—двуэтилциануровую кислоту, которая оказалась изомерною съ кислотой, полученною Лимприхтомъ ¹⁾ при приготовленіи изоциануроваго эфира. Для полученія двуэтилциануровой кислоты, вязкій водный растворъ ѣдкаго барита смѣшивался съ циануровымъ эфиромъ и смѣсь, при постоянномъ взбалтываніи, нагревалась на водяной банѣ. Эфиръ вначалѣ эмульгируетъ, затѣмъ по немного начинаетъ растворяться, причемъ, подѣ конецъ, выдѣляется не большое количество осадка. Нагреваніе продолжалось до тѣхъ поръ пока эфиръ не растворился. По окончаніи реакціи, растворъ, разбавленный водой, отдѣлялся отъ осадка и для удаленія избытка барита насыщался CO_2 . После выпяченія и фильтрованія, растворъ баріевой соли выпаривался на водяной банѣ. Изъ сгущеннаго въ значительной степени раствора выдѣлилась кристаллическая соль, въ видѣ пленки. Для приготовленія свободной кислоты, удобнѣе всего, оказалось, перевести баріевую соль въ свинцовую и послѣднюю разложить сероводородомъ.

Двуэтилциануровая кислота изъ воднаго раствора выдѣляется въ видѣ кристаллической пленки; при обыкновенной температурѣ въ водѣ растворяется слабо, легче въ нагрѣтой, растворима также въ спиртѣ, въ эфирѣ не растворяется. При нагреваніи до 200° не плавится; нагрѣтая въ пробирномъ цилиндрѣ выше 200° , она возгоняется, частью разлагаясь съ выдѣленіемъ паровъ циановой кислоты.

Анализъ кислоты далъ слѣдующіе результаты, которые хорошо согласуются съ формулой $C_2N_3(OH)(C_2H_5)_2$.

I. 0,3510 грм. вещества при сжиганіи дали 0,5820 гр. CO_2 и 0,1818 H_2O .

II. 0,3520 грм. вещества дали 0,5824 CO_2 и 0,1880 H_2O .

Вычислено :

Получено:

	I	II
C—45.40%	45.21%	45.11%
H— 5.94%	5.7%	5.9%

Двуэтилциануровая кислота при нагреваніи съ кислотами разлагается, образуя циануровую кислоту. Она имѣетъ кислую реакцію, выдѣляетъ углекислоту изъ углекислыхъ солей.

¹⁾ Liebig's Annal. 109. 101.

При насыщении кислоты углекислымъ калиемъ мнѣ не удалось получить калиевой соли двуэтилциануровой кислоты; получается обыкновенно соль циануровой кислоты, или же смѣсь послѣдней, вѣроятно, съ солью одноэтилциануровой кислоты.

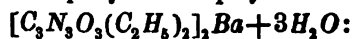
Бариевая соль. Полученіе ея описано выше. Соль эта хорошо растворима въ водѣ, въ особенности при кипяченіи. Смотра по концентраціи растворовъ, она выдѣляется съ различнымъ содержаніемъ кристаллизаціонной воды. Если соль была выдѣлена изъ очень густаго раствора, или если растворъ былъ выпаренъ почти до суха, то, выдѣлившаяся, соль содержала три пая кристаллизаціонной воды, которая при сушеніи до 120° — 130° сравнительно легко выдѣляется.

0,2870 гр. соли при сушеніи до 120° — 130° потеряли въ вѣсъ 0,0292

0,2578 гр. высушенной соли дали 0,1180 $BaSO_4$

Получено :

Требуется формулой

H_2O 10.1%

9.8

Ba 26.8%

27.1

0,5384 той-же соли, высушенной на воздухѣ, при прокалываніи съ H_2SO_4 дали 0,2272 $BaSO_4$, что отвѣчаетъ 24.7% Ba .
0,3816 гр. той-же соли, высушенной на воздухѣ, дали 0,1326 $BaSO_4$, что отвѣчаетъ 24.08%.

Теорія требуетъ Ba —24.5%.

Для анализа были взяты соли различнаго приготовленія.

Если же бариевая соль выкристаллизовывалась изъ слабого раствора, то она выпадала въ видѣ объемистаго кристаллическаго осадка, состоящаго, при наблюденіи подъ микроскопомъ, изъ тонкихъ иголокъ. Такая соль содержитъ 12 павъ кристаллизаціонной воды

0,3212 гр. соли, высушенной на воздухѣ, при прокалываніи дали 0,1032 $BaSO_4$, что отвѣчаетъ 18,8% Ba .

Формула $[C_3N_3O_3(C_2H_5)_2]_2Ba + 12H_2O$ требуетъ 19.0% Ba .

При нагрѣваніи до 150° соль эта теряетъ кристаллизаціонную воду.

0,5118 гр. соли при нагрѣваніи дали 0,1564 H_2O .

0,3554 гр., высушенной при 150° , соли дали 0,1640 $BaSO_4$.

Получилось H_2O —30.5%, барія 27.09%. Теорія требуетъ H_2O 29.9%, барія 27.1%.

Свинцовая соль получается въ видѣ бѣлаго кристаллическаго осадка, при смѣшеніи баріевой соли съ уксуснокислымъ свинцомъ. Въ холодной водѣ почти не растворяется, въ горячей растворяется немного; растворима также въ избыткѣ уксуснокислаго свинца.

Серебрянная соль выдѣляется въ видѣ объемистаго желатинознаго осадка, при смѣшеніи баріевой соли съ азотнокислымъ серебромъ.

Въ виду опытовъ, описанныхъ на послѣдующихъ страницахъ, мнѣ интересно было знать отношеніе солей двууглекислотной кислоты къ іодистому этилу. Для этой цѣли свинцовая соль, высушенная при 150° , нагрѣвалась съ іодистымъ этиломъ въ запаянной трубкѣ до 90° — 100° въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Реакція происходила легко съ выдѣленіемъ іодистаго свинца. По окончаніи реакціи, содержимое трубки нагрѣвалось на водяной банѣ для удаленія избытка іодистаго этила и полученный сухой остатокъ много разъ извлекался эфиромъ. Смотри потому былъ ли употребленъ для реакціи іодистый этилъ чистый, или немного окрашенный іодомъ, по испареніи эфиря, получалось масло, или кристаллы, пропитанные масломъ. Въ послѣднемъ случаѣ отдѣленіе производилось 50% спиртомъ. Изъ такого раствора, по испареніи, выдѣлялись кристаллы этиловаго эфиря изоціануровой кислоты, которые плавилась при 82° и при нагрѣваніи съ ѣдкимъ кали разлагались съ выдѣленіемъ этиламина.

Изъ маточнаго раствора, отдѣленнаго отъ эфиря Вюрца, дѣйствіемъ хлорной ртути осаждались шелковистыя иглы двойной ртутной соли нормальнаго ціануроваго эфиря.

Если же для опытовъ былъ взятъ чистый іодистый этилъ, то продуктъ состоялъ почти исключительно изъ масла, который, при долгомъ сохраненіи надъ сѣрной кислотой, затвердѣвалъ въ кристаллическую массу, плавящуюся при 28° . Но и въ этомъ случаѣ, иногда, вмѣстѣ съ нормальнымъ эфиромъ, наблюдалось образованіе, хотя и въ небольшомъ количествѣ, эфиря Вюрца.

Выше я упоминалъ, что при нагрѣваніи этиловаго эфиря ціануровой кислоты съ ѣдкимъ баритомъ выдѣляется осадокъ. Количество его значительно увеличивается при болѣе продолжительномъ нагрѣваніи, приче́мъ соотвѣтственно уменьшается количество двууглекислотной кислоты. Осадокъ этотъ не раст-

воряется въ водѣ, но растворяется въ кислотахъ. Предполагая, что это есть соль одноэтилциануровой кислоты, я пробовалъ, для очищенія, растворять его въ слабой соляной кислотѣ и снова осаждать изъ раствора амміакомъ. При этомъ выдѣлился кристаллическій осадокъ, но количество его было незначительное. Пробовалъ я также разлагать не растворимый осадокъ разчитаннымъ количествомъ слабой сѣрной кислоты; изъ профильтрованного раствора получилось кристаллическое вещество, трудно растворимое въ водѣ, не плавящееся. Судя по анализу кислоты, вещество это было циануровая кислота съ примѣсью кислоты съ большимъ содержаніемъ углерода и водорода, — вѣроятно съ моноэтилциануровой кислоты. Такъ какъ двуэтилциануровая кислота легко разлагается кислотами, то, вѣроятно, и моноэтиловая кислота имѣетъ тѣже свойства, поэтому выдѣленія послѣдней, если она образуется, изъ баріевой соли тѣмъ способомъ, который я употреблялъ, трудно было и ожидать. Другіе способы отдѣленія не дали также опредѣленныхъ результатовъ.

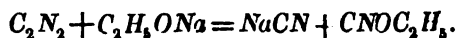
III.

О дѣйствіи ціана на этилатъ натрія.

Кромѣ дѣйствія бромистаго ціана и его полимера на этилатъ натрія, я изслѣдовалъ также реакцію ціана съ этилатомъ. Известно, что ціанъ поглощается легко растворомъ ѣдкаго кали, причѣмъ реакція происходитъ аналогично реакціи хлора со щелочами, образуя ціанистый калий и ціанокалиевую соль:

Я предположилъ, что и съ этилатомъ натрія ціанъ будетъ реагировать подобнымъ же образомъ, образуя ціанистый калий и ціановый эфиръ, по уравненію:

Дѣйствительно, ціанъ поглощается алкогольнымъ растворомъ этилата натрія довольно сильно, съ выдѣленіемъ тепла, причѣмъ

выдѣляется бѣлый осадокъ, легко принимающій бурый цвѣтъ и жидкость также сильно окрашивается. Для того чтобы избѣгнуть окрашивания и дѣйствія раствора этилата натрія на цианокый эфиръ, въ другихъ опытахъ я пропускалъ цианъ въ абсолютный эфиръ, въ котромъ былъ суспендированъ этилатъ натрія, высушенный до 220°. И въ этомъ случаѣ цианъ поглощался съ выдѣленіемъ тепла, такъ, что колбу необходимо было охлаждать. Пропусканіе циана продолжалось до тѣхъ поръ, пока жидкость не переставала поглощать его. Осадокъ, отдѣленный отъ раствора характеризовался реакціями на синильную кислоту. Фильтратъ имѣлъ такой же аминный запахъ, какой наблюдался и при реакціи съ бромистымъ цианомъ. По испареніи эфира получилась подвижная жидкость, съ запахомъ аммиачныхъ оснований, но при испареніи въ чашкѣ запахъ этотъ исчезалъ и жидкость принимала болѣе густую консистенцію. Подъ эксикаторомъ надъ сѣрной сѣрной кислотой она застывала въ кристаллическую массу, которая плавилась при 28—29°. Съ растворомъ сулемы получалась двойная ртутная соль въ характерныхъ шелковистыхъ иголкахъ.

Изъ продукта реакціи циана на этилатъ натрія, я пробовалъ также выдѣлять циановый эфиръ $CN(OC_2H_5)$. Для этого остатокъ, полученный послѣ отгонки эфира, подвергалъ фракціонированной перегонкѣ. Жидкость начинала перегоняться около 100° и послѣднія части перешли выше 200°, причемъ термометръ не показывалъ постоянной точки кипѣнія. При вторичной перегонкѣ отдѣльныхъ фракцій, также не удалось выдѣлять продукта съ постоянной точкой кипѣнія. Дистиллатъ представлялъ смѣсь изомерныхъ эфировъ циануровой кислоты, потому что съ растворомъ сулемы получался осадокъ, ртутной соли, а при кипяченіи съ ѣдкимъ кали, выдѣлялся этиламинъ.

Дальнѣйшихъ изслѣдованій я не производилъ, потому что описанныя свойства достаточно хорошо указываютъ на присутствіе этиловаго эфира циануровой кислоты въ продуктѣ дѣйствія циана на этилатъ натрія.

Такимъ образомъ цианъ реагируетъ на этилатъ, подобно бромистому циану, образуя нормальный циановый эфиръ $CN(OC_2H_5)$, который частью въ моментъ своего образованія, частью, вѣроятно, во время перегонки, уплотняется въ нормальный эфиръ циануровой кислоты.

IV.

О циануровой кислотѣ, полученной изъ мочевины и изъ нормальныхъ циануровыхъ эфировъ.

Тѣ факты, что эфиры циануровой кислоты (полученные изъ хлористаго, бромистаго циана) при нагреваніи со щелочами образуютъ циануровую кислоту, какъ это впервые показали изслѣдованія Гоemannна и Ольсгаузена ¹⁾, тогда какъ циануровая кислота, въ видѣ калиевой соли, при перегонкѣ съ сѣрноводородными солями и, въ видѣ серебряной соли, при нагреваніи съ іодистымъ этиломъ, по наблюденіямъ Вюрца ²⁾ и Лимприхта ³⁾, даетъ изомерные изоциануровые эфиры, заставили меня вначалѣ усумниться въ тождественности циануровой кислоты, получаемой изъ мочевины и изъ вышеописанныхъ эфировъ. Съ этою цѣлью я предпринялъ подробныя, сравнительныя изслѣдованія названной кислоты, приготовленной, обыкновеннымъ способомъ, изъ мочевины и изъ эфировъ циануровой кислоты. Изслѣдованія эти, произведенныя какъ надъ свободной кислотой, такъ и надъ солями указываютъ съ несомнѣнностью на полную тождественность.

Для полученія циануровой кислоты изъ мочевины существуютъ два способа, одинъ принадлежитъ Либиху и Велеру ⁴⁾, другой предложенъ Вюрцомъ ⁵⁾.

По способу Велера и Либиха высушенную мочевины расплавляютъ и расплавленную массу продолжаютъ нагревать выше точки плавленія до полного затвердѣванія ея. Сухой остатокъ растворяютъ въ крѣпкой сѣрной кислотѣ при нагреваніи; окрашенный растворъ обезцвѣчиваютъ азотной кислотой и разбавляютъ значительнымъ количествомъ воды. Выдѣлившуюся по охлажденіи раствора кислоту, перекристаллизовываютъ изъ кипящей воды. Способъ этотъ очень простъ и удобенъ. Если нагревать расплавленную мочевины осторожно, постепенно повы-

¹⁾ Berichte d. d. chem. Ges. III. 269.

²⁾ Annal. chim. phys. (3) 42. 43.

³⁾ Liebig's Annal. 109. 101.

⁴⁾ Poggend. Annal. 20. 375.

⁵⁾ Comptes rend. de l'Acad. des sciences XXIV. 436.

шая температуру, то этотъ способъ приготовленія можно считать наиболѣе выгоднымъ; выходъ циануровой кислоты сравнительно хорошій, изъ 50 граммъ я получалъ отъ 20 до 25 граммъ кислоты.

Нельзя этого сказать про способъ Вюрца, который рекомендуется обыкновенно въ учебникахъ. Онъ состоитъ въ томъ, что въ расплавленную мочевины пропускаютъ высушенный хлоръ, до тѣхъ поръ пока расплавленная масса не затвердѣетъ. Сухой остатокъ промываютъ холодной водой и перекристаллизовываютъ изъ кипящей воды. Не говоря уже о томъ, что здѣсь приходится работать съ хлоромъ и неудобствъ, состоящемъ въ томъ, что кончикъ трубки, погруженный въ расплавленную массу, постоянно засаривается, способъ этотъ невыгоденъ еще въ томъ отношеніи, что не все количество мочевины превращается въ циануровую кислоту, вслѣдствіе того, что, когда выдѣлится значительное количество послѣдней, то она защищаетъ остальную часть мочевины отъ дѣйствія хлора. По этой причинѣ мнѣ никогда не удавалось имѣть хорошаго выхода; онъ всегда былъ ниже, чѣмъ, если работать по способу Велера и Либиха.

Существуетъ еще способъ полученія циануровой кислоты, предложенный de Vry ¹⁾, состоящій въ томъ, что нагреваютъ хлористоводородную соль мочевины до плавленія. Я видоизмѣнилъ этотъ способъ такимъ образомъ, что въ расплавленную мочевины пропускалъ высушенный хлористоводородный газъ. Этотъ способъ представляетъ тѣже неудобства, какъ и способъ Вюрца. Выходъ также плохой.

Для полученія циануровой кислоты изъ эфира, этиловый эфиръ обмыливался крѣпкимъ растворомъ ѣдкаго калия при нагреваніи на водяной банѣ. Изъ щелочнаго раствора циануровая кислота осаждалась или соляной кислотой или, въ видѣ монокаліевой соли, уксусной кислотой.

Приготовленная изъ мочевины или изъ эфира, циануровая кислота выдѣляется одинаково въ видѣ мелкихъ иголокъ изъ крѣпкихъ растворовъ, изъ слабыхъ—въ видѣ крупныхъ таблетокъ, легко вывѣтривающихся на воздухъ. Какъ одна, такъ и другая при кипяченіи съ крѣпкимъ растворомъ ѣдкаго натра

¹⁾ Liebig's Annal. 64. 249.

дасть, трудно растворимую въ горячей щелочи, среднюю соль натрія; съ солями мѣди въ присутствіи амміака, при нагрѣваніи, выдѣляется фіолетовый осадокъ.

Ціануровая кислота, какъ извѣстно, образуетъ три ряда солей, она есть трехосновная кислота. Для нѣкоторыхъ-же металловъ получаются только два ряда солей. Исслѣдованы онѣ, преимущественно, Велеромъ и Либихомъ ¹⁾. Нѣкоторыя соли я изучилъ нѣсколько подробнѣе, какъ для провѣрки указаній другихъ химиковъ, такъ и для того, чтобы имѣть болѣе данныхъ для сужденія о тождественности или изомерности ціануровой кислоты, получаемой изъ мочевины и изъ эфировъ.

Калиевыя соли. Прибавляя къ насыщенному и кипящему раствору ціануровой кислоты растворъ ѣдкаго кали, въ количествѣ недостаточномъ для насыщениа кислоты, Велеръ и Либихъ получили однометаллическую соль. Я получилъ ту же соль, дѣйствуя на кипящій растворъ кислоты углекислымъ кали. По охлажденіи раствора, калиевая соль выдѣляется въ видѣ тонкихъ иголокъ, трудно растворимыхъ въ водѣ. Та же соль получается насыщениемъ щелочнаго раствора кислоты уксусной кислотой. Она содержитъ одинъ пай кристаллизаціонной воды, которая легко выдѣляется при 100°. Велеръ и Либихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ ничего не говорятъ о содержаніи кристаллизаціонной воды.

Составъ ея $C_3N_3O_3H_2K + H_2O$ выводится изъ слѣдующихъ данныхъ.

I. 0,4328 грм. соли при нагрѣваніи до 100° потеряли въ вѣсъ 0,0416.

0,3912 грм. сухой соли дали при прокаливаніи съ сѣрной кислотой 0,2008 K_2SO_4 .

II. 0,4338 грм. соли на 100° потеряли въ вѣсъ 0,0462
0,4276 грм. сухой соли дали 0,2202 K_2SO_4 .

Вычислено :

Получено:

	I	II
H_2O — 9.7	9.6	9.7
K — 23.3	23.0	23.2

Анализъ I произведенъ съ солью, полученной изъ мочевины, анализъ II—изъ эфира.

Двукалиевая соль, $C_3N_3O_3HK_2$, была получена Либихомъ и

¹⁾ Poggend. Annal. 20. 375. Liebig's Annal. 62. 241.

Велеромъ осажденіемъ раствора ціануровой кислоты въ ѣдкомъ кали спиртомъ, въ видѣ микроскопическихъ иголокъ, легко растворимыхъ въ водѣ. Жѣлая получить среднюю калиевую соль, подобно тому какъ Гоemannъ получилъ соль натрія, я пробовалъ кипятить растворъ ціануровой кислоты съ крѣпкимъ растворомъ ѣдкаго кали: при нагреваніи выдѣленія соли не происходило, при охлажденіи же раствора выдѣлились блестящія призмы легко растворимыя въ водѣ. Промытая не большимъ количествомъ воды и отжатая между бумагой, полученная соль имѣетъ составъ: $C_3N_3O_3HK_2 + H_2O$.

0,4744 гр. соли при прокаливаніи дали 0,3668 K_2SO_4 , что соотвѣтствуетъ 34,6% К. Теорія требуетъ 34,5% К.

Натріевыя соли. Средняя соль была получена Гоemannомъ¹⁾, кипяченіемъ раствора ціануровой кислоты съ большимъ избыткомъ крѣпкаго раствора ѣдкаго натра. Она легко растворима въ водѣ. Для очищенія соль промывалась спиртомъ. Анализирована была соль, полученная изъ эфира.

0,4394 гр. соли дали при прокаливаніи съ сѣрной кислотой 0,4778 Na_2SO_4 , что соотвѣтствуетъ 35,2% Na. Требуется 35,5% Na.

Растворяясь въ водѣ, средняя соль разлагается, по испареніи раствора получаютъ блестящія призмы двунатріевой соли состава $C_3N_3HNa_2 + H_2O$. Кристаллизационная вода при нагреваніи до 120° не выдѣляется.

0,5464 гр. высушенной соли дали 0,4138 Na_2SO_4 , что соотвѣтствуетъ 24,52% Na. Теорія требуетъ 24,08% Na.

Если въ растворъ средней соли пропускать углекислоту, то по мѣрѣ насыщенія изъ раствора выдѣляется трудно растворимая однометаллическая соль. Таже соль получается изъ ціануровой кислоты дѣйствіемъ соды. Соль эта трудно растворима въ водѣ, выдѣляется изъ раствора въ видѣ иголокъ, сходныхъ съ калиевой солью. Составъ ея $C_3N_3H_2O_3Na + H_2O$. Кристаллизационная вода выдѣляется при 120°.

0,5814 гр. соли при 120° потеряли въ вѣсъ 0,0382.

0,5282 гр. высушенной соли дали 0,2412 Na_2SO_4 .

Получилось H_2O —10,1%, Na—14,9%. Требуется H_2O —10,6%, Na—15,2%.

¹⁾ Berichte d. d. Chem. Ges. III. 170.

Бариевая соль. Кислую соль Велеръ получилъ насыщеніемъ кипящаго раствора кислоты ѣдкимъ баритомъ, въ количествѣ недостаточномъ для насыщенія. Я получилъ ее осажденіемъ изъ слабого и кипящаго раствора однокаліевой соли хлористымъ баріемъ. Соль выпадаетъ въ видѣ блестящихъ тонкихъ иголокъ, нерастворимыхъ въ водѣ. Составъ ея, согласно указанію Велера, выражается формулой $(C_2O_3N_3H_2)_2Ba + 2H_2O$. Кристаллизационная вода не выдѣляется при нагреваніи до 150° .

0,5546 гр. соли, приготовленной изъ циануроваго эфира, дали 0,3008 $BaSO_4$, что соотвѣтствуетъ 31.8% Ba . Требуется 31.9% Ba .

Двуметаллическая соль получалась мною приливаніемъ ѣдкаго барита къ кипящему раствору циануровой кислоты до слабо щелочной реакціи. Она выдѣляется въ видѣ кристаллическаго осадка, не растворимаго въ водѣ. Составъ ея выражается: $C_2N_3O_3H_2Ba + 4H_2O$. Кристаллизационная вода при нагреваніи не выдѣляется.

0,4862 грм. соли, полученной изъ мочевины, дали 0,3412 $BaSO_4$, что соотвѣтствуетъ 41.2% Ba .

0,4900 грм соли, полученной изъ эфира, дали 0,3446 $BaSO_4$, что соотвѣтствуетъ 41.3% Ba .

Теорія требуетъ 40.7% Ba .

Велеръ получилъ двуметаллическую соль съ тремя паями воды, осажденіемъ раствора кислоты хлористымъ баріемъ въ присутствіи амміака.

Свинцовая соль. Къ кипящему раствору однокаліевой соли приливался растворъ азотнокислаго свинца, причемъ выдѣлялись кристаллическія мелкія иглы съ шелковистымъ блескомъ, не растворимыя въ водѣ. Я предполагалъ при этомъ получить кислую соль, но получилась средняя соль состава $(C_2N_3O_3)_2Pb_2 + 2H_2O$.

0,3172 гр. соли дали 0,2344 PbO , что соотвѣтствуетъ 68.6% Pb . Требуется 68.3% Pb .

Велеръ получилъ свинцовую соль съ тремя паями воды.

Серебрянная соль. Велеръ получилъ среднюю соль осажденіемъ амміачной соли циануровой кислоты азотнокислымъ серебромъ. Либихъ считаетъ необходимымъ кипятить эту смѣсь въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Относительно состава этой соли существуетъ разногласіе. Либихъ выражаетъ составъ ея фор-

мулой $C_2N_2O_3Ag_2 + H_2O$. Велеръ принимаетъ, что соль содержитъ кромѣ воды еще одну частицу NH_3 . Поступая, такъ какъ совѣтуютъ Либихъ и Велеръ, мнѣ никогда не удавалось получать соль постояннаго состава, даже въ томъ случаѣ когда азотно-кислое серебро было въ большомъ избыткѣ. Количество серебра колебалось отъ 64% до 70%. Я получалъ эту соль изъ средней натріевой соли и удовлетворительныхъ результатовъ достигалъ только тогда, когда поступалъ слѣдующимъ образомъ: въ кипящему раствору азотнокислаго серебра (въ большомъ избыткѣ) приливался растворъ натріевой соли, вначалѣ выдѣлялся буроватый осадокъ, вслѣдствіе образованія окиси серебра, но при кипяченіи и постоянномъ взбалтываніи оный принималъ бѣлый цвѣтъ; кипяченіе продолжалось $\frac{1}{2}$ часа. Выдѣлявшійся кристаллическій осадокъ промывался большимъ количествомъ кипящей воды. Анализъ соли высушенный при 100° отвѣчалъ формулѣ:

$C_2N_2O_3Ag_2$:
1,4646 грм. соли при прокаливаніи дали 1,0504 Ag, т. е.
72.3% Ag. Требуется 72.% Ag.

На основаніи описанныхъ свойствъ какъ кислоты, такъ и многихъ солей ея, можно съ полнымъ правомъ сдѣлать заключеніе, что ціануровыя кислоты, полученныя какъ изъ мочевины, такъ изъ ціануроваго эфира тождественны между собой. Можно было бы предположить, что которая нибудь изъ возможныхъ формъ ціануровой кислоты (и именно соответствующая нормальнымъ эфирамъ) не постоянна и легко переходитъ въ другую форму. Для провѣрки этого предположенія, я видоизмѣнялъ способы выдѣленія кислоты изъ щелочнаго раствора (приготовленной изъ эфировъ и изъ мочевины), въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдѣлялъ кислоту соляной кислотой, въ другихъ осаждалъ ее въ видѣ однокаліевой соли—усусной кислотой, и, наконецъ, предполагая, что быть можетъ избытокъ кислоты видоизмѣняетъ одну форму въ другую, выдѣлялъ кислоту изъ свинцовой соли сѣроводородомъ. Во всѣхъ случаяхъ получалась одна и таже кислота.

Кромѣ обыкновенной ціануровой кислоты извѣстны еще такъ называемая ціанилевая кислота, полученная Либихомъ изъ меллона ¹⁾ и двѣ изомерныя между собою кислоты, полученныя

¹⁾ Liebig's Annal. 10. 34.

²⁾ Berichte d. d. chem. Gesellsch. 12. 170.

недавно Герцогомъ ²⁾ сплавленіемъ мочевины съ гексабромацетономъ. Цианилевая кислота мало изслѣдована, соли ея вовсе неизвѣстны, такъ что судить о тождественности или изомерности ея съ обыкновенной циануровой кислотой трудно. По Либиху, она легко переходитъ въ циануровую кислоту. Кислоты Герцога отличаются рѣзко отъ циануровой кислоты. Одна изъ этихъ кислотъ при наливаніи не образуетъ циановой к., при нагрѣваніи со щелочами разлагается на углекислоту и амміакъ и не образуетъ, дѣйствіемъ пятихлористаго фосфора, твердаго хлористаго ціана. Другая кислота легко превращается въ обыкновенную циануровую кислоту, образуетъ баритовую соль по составу тождественную съ вышеописанной двуметаллическою солью, но серебряная соль ея при дѣйствіи іодистаго этила не даетъ эфировъ.

V.

О дѣйствіи іодистаго этила (и метила) на соли циануровой кислоты.

Когда вышеописанными опытами съ несомнѣнностью рѣшенъ былъ вопросъ о тождественности циануровой кислоты, получаемой какъ изъ мочевины, такъ и изъ эфировъ циануровой кислоты, то, для того, чтобы разъяснить причину не полученія нормальныхъ эфировъ изъ солей циануровой кислоты, я обратился къ повторенію опытовъ дѣйствія іодистаго этила, а также іодистаго метила на соли циануровой кислоты.

Вюрцъ ¹⁾, а затѣмъ Лимприхтъ и Габихъ ²⁾, перегоняя смѣсь циануровой соли съ сѣрноалкогольными солями получили, какъ извѣстно, такъ называемые изоциануровые эфиры. Этиловый эфиръ по Лимприхту и Габиху получается также при нагрѣваніи до 120° іодистаго этила съ дву- и трисеребрянною солью циануровой кислоты.

Принимая во вниманіе свойства циануровыхъ эфировъ (изъ бромистаго ціана) превращаться при перегонкѣ въ изоциануро-

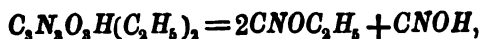
¹⁾ Annal. chim. phys. (3) 42. 43.

²⁾ Liebig's Annal. 105. 395. 109. 101.

вые эфиры, фактъ образованія послѣднихъ *при перегонкѣ* смѣси циануровой соли съ сѣрноалкогольными солями легко объяснить. Но образованіе тѣхъ-же эфировъ изъ серебряной соли при дѣйствіи іодистаго этила, при температурѣ сравнительно не высокой, казалось мнѣ страннымъ, такъ какъ въ то время мнѣ неизвѣстна была описанная выше способность нормальныхъ эфировъ превращаться въ изомеры при дѣйствіи іодистаго этила. Поэтому приходилось допустить, что или строеніе свободной кислоты отличается отъ строенія той-же к. въ соляхъ ея, или, основываясь на аналогіи, предположить, что, быть можетъ, строеніе серебряной соли отличается отъ строенія щелочныхъ солей, какъ это многіе допускаютъ напр. для солей синильной кислоты и друг.—Какъ извѣстно, послѣдняя въ видѣ калиевой соли при дѣйствіи іодистаго этила образуетъ нитрилъ, а въ видѣ серебряной соли—карбиламинъ.—Руководясь, только что сказанными соображеніями, я приступилъ къ изученію реакціи іодистаго этила (и метила) какъ со щелочными, такъ и съ серебрянными солями циануровой кислоты.

Прежде всего я пробовалъ получить средній эфиръ циануровой кислоты, исходя изъ средней натріевой соли. Оказалось, что даже при нагрѣваніи до 200° іодистый этилъ не дѣйствуетъ на натріевую соль.

Такъ какъ Лимприхтъ для полученія изоциануровыхъ эфировъ бралъ калиевую соль циануровой кислоты, слѣдовательно кислую, то можно предположить, что при этихъ условіяхъ прежде всего образуется кислый эфиръ циануровой кислоты, который при перегонкѣ разлагается, превращаясь въ эфиръ циановой кислоты и циановую кислоту, напр.

а эти послѣдніе при охлажденіи, уплотняясь образуютъ изоэфиръ и циануровую кислоту. Руководясь этимъ соображеніемъ, я счелъ не лишнимъ также сдѣлать опытъ дѣйствія сѣрновинной соли *на среднюю* натріевую соль. Для этого тѣсную смѣсь натріевой (средней) соли циануровой кислоты и сѣрновиннокалиевой соли нагрѣвалъ на масляной банѣ до 160°—170°. Реакція при этихъ условіяхъ дѣйствительно происходитъ, причемъ выдѣленія летучихъ продуктовъ не наблюдалось. Остатокъ послѣ одно часоваго нагрѣванія из-

влекался эфиромъ, по испареніи котораго получилась кристаллическая масса. Перекристаллизованная изъ кипящей смѣси спирта и воды, она видѣлась въ видѣ трудно растворимыхъ призмъ, характерныхъ для изоціануроваго эфира, точка плавленія которыхъ была 95° . Хлорная ртуть не обнаружила присутствія нормальнаго эфира.

Послѣ этихъ предварительныхъ опытовъ, я перешелъ къ изученію дѣйствія іодистаго этила на кислыя соли ціануровой кислоты, надѣясь такимъ образомъ получить кислые эфиры, сравнить ихъ съ кислыми эфирами изъ нормальныхъ эфировъ и изъ нихъ уже испробовать полученіе среднихъ эфировъ. На кислыя соли калия, іодистый этиль дѣйствуетъ сравнительно легко при нагрѣваніи въ запаянныхъ трубкахъ, не образуя однако эфировъ соотвѣтствующихъ взятымъ солямъ, а эфиры съ большимъ содержаніемъ этиловой группы.

Дѣйствіе іодистаго этила на однокаліевую соль ціануровой кислоты.

Тонко истертый и высушенный при 120° порошокъ однокаліевой соли обливался большимъ избыткомъ іодистаго этила и смѣсь нагрѣвалась въ запаянной трубкѣ въ продолженіи 10 часовъ при 170° — 180° . По окончаніи реакціи, содержимое трубки, сильно окрашенное іодомъ, выбрасывалось въ колбу, избытокъ іодистаго этила отгонялся и полученный сухой остатокъ многократно извлекался кипящимъ эфиромъ. По испареніи эфира получились кристаллы, которые промывались эфиромъ для удаленія іода и перекристаллизовывались изъ кипящей воды или изъ спирта.

Анализы показываютъ, что полученное вещество есть ничто иное какъ двуэтилціануровая кислота.

0,3280 гр. вещества при сжиганіи дали 0,5510 CO_2 и 0,1812 H_2O .

Вычислено:

C—45.40.%

H— 5.94.%

Получено:

45.42.%

6.00.%

Эта кислота изомерна съ описанной мною выше двуэтилціануровой кислотой, полученной изъ нормальнаго эфира и тождественна съ кислотой Лимприхта и Габиха ¹⁾, полученной изъ маточныхъ

¹⁾ Liebig's Annal. 109. 112.

растворовъ при приготовленіи изоціануроваго эфира. Она плавится при 173° , легко растворяется въ спиртѣ и въ водѣ. Изъ воднаго раствора выдѣляется въ видѣ блестящихъ таблечекъ.

Двуэтиліануровая кислота имѣетъ также, какъ и кислота, полученная изъ нормальнаго эфира, свойства кислоты, окрашиваетъ лакмусовую бумагу въ красный цвѣтъ. Для сравненія съ изомерной кислотой, я приготовилъ баритовую соль насыщеніемъ кислоты ѣдкимъ баритомъ. Соль эта легко растворима въ водѣ; при кипяченіи съ избыткомъ ѣдкаго барита разлагается съ выдѣленіемъ этиламина. Составъ ея отвѣчаетъ формулѣ $(C_7N_3O_3H_{10})_2Ba + H_2O$. Кристаллизационная вода легко выдѣляется при нагреваніи до 100° .

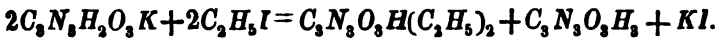
0,4888 гр. соли при 100° потеряли въ вѣсѣ 0,0188.

0,4700 гр., высушенной при 100° , дали 0,2118 $BaSO_4$.

Получилось H_2O —3.4%, Ba —27.4%. Требуется H_2O —3.4, Ba —27.1.

Съ азотнокислымъ серебромъ, въ присутствіи амміака, двуэтиліануровая кислота образуетъ кристаллическій осадокъ, растворимый въ водѣ.

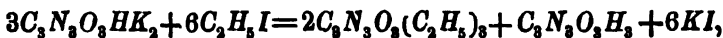
Изъ предыдущихъ опытовъ видно, что при дѣйствіи іодистаго этила на однокаліевую соль ціануровой кислоты происходитъ не только замѣщеніе калия, но и замѣщеніе одного атома водорода этильнымъ остаткомъ. Реакцію эту можно выразить уравненіемъ:

Въ осадкѣ іодистаго калия было доказано присутствіе ціануровой кислоты по ея характернымъ реакціямъ.

Дѣйствіе іодистаго этила на двукаліевую соль ціануровой кислоты.

Іодистый этиль дѣйствуетъ на двукаліевую соль также какъ на однокаліевую соль, замѣщая не только калий, но и водородъ этильнымъ остаткомъ, т. е. по уравненію,

образуя изоціануровый эфиръ.

Двукаліевая соль, приготовленная осажденіемъ щелочнаго

раствора циануровой кислоты спиртомъ и высушенная при 120° , нагрѣвалась съ избыткомъ іодистаго этила въ запаянной трубкѣ при 150° — 160° . Въ этомъ случаѣ реакція идетъ легче, чѣмъ съ однокаліевою солью. Содержимое трубки, по испареніи избытка іодистаго этила, обрабатывалось эфиромъ. Изъ эфирнаго раствора выдѣлились кристаллы изоциануроваго эфира безъ примѣси изомернаго эфира. Точка плавленія 95° .

0,3124 грм. вещества при сжиганіи дали 0,5782 CO_2 и 0,2038 H_2O .

Вычислено :	Получено :
C—50.7.	50.4.
H— 7.0.	7.2.

Осадокъ отдѣленный отъ эфира состоялъ изъ *KI* и циануровой кислоты.

Изъ предъидущихъ опытовъ видно, что при дѣйствіи іодистаго этила на щелочныя соли циануровой кислоты получаютъ изоэфиры Вюрца, подобно тому, какъ это происходитъ при перегонѣ съ сѣрновинными солями и нормальныхъ эфировъ циануровой кислоты не образуется. Слѣдовательно, то предположеніе, что соли щелочныхъ металовъ циануровой кислоты могутъ относиться, подобно напр. цианистому калию, иначе чѣмъ соли серебра, опытами неоправдывается. Ограничившись этими опытами, я перешелъ къ повторенію изслѣдованій Лимприхта и Габиха, къ изученію дѣйствія іодистаго этила на соли серебра.

Дѣйствіе іодистаго этила (и метила) на серебрянную соль циануровой кислоты.

Лимприхтъ и Габихъ ¹⁾ нагрѣвали дву- и трисеребряную соль циануровой кислоты съ іодистымъ этиломъ въ запаянныхъ трубкахъ при 120° и по окончаніи реакціи содержимое трубокъ, послѣ удаленія іодистаго этила, кипятили со спиртомъ. Изъ спиртоваго раствора выдѣлена была циануровая кислота, изоциануровый эфиръ и двуэтилциануровая кислота. Я видоизмѣнилъ способъ Лимприхта и Габиха въ томъ смыслѣ, что іодистый этилъ (на частицу соли я бралъ $1\frac{1}{2}$ частицы іодистаго этила) разбавлялъ равнымъ объемомъ абсолютнаго эфира и на-

¹⁾ Liebig's Annal. 109. 112.

грѣвалъ смѣсь въ запаянныхъ трубкахъ только до 95° — 100° . Серебряная соль очень скоро выдѣляла іодистое серебро. По окончаніи реакціи, содержимое трубокъ извлекалось эфиромъ. После отгонки эфира въ остаткѣ получалась маслообразная жидкость, которая подъ экваторомъ надъ сѣрной кислотой, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, частію застывала въ кристаллы. По внѣшнему виду, полученное масло не многимъ отличалось отъ ціануроваго эфира (изъ бромистаго ціана): оно было менѣе подвижно чѣмъ ціануровый эфиръ. Реакціи съ сулемой и съ ѣдкою щелочью указывали на присутствіе обоихъ изомеровъ. Для отдѣленія ихъ, я растворялъ масло въ кипящемъ 50% спиртѣ. Изъ крѣпкаго раствора по охлажденіи тотчасъ-же выдѣлялись блестящія призмы изоціануроваго эфира, которые очищались кристаллизаціею изъ слабого спирта. Точка плавленія 95° . При кипяченіи ихъ съ растворомъ ѣдкаго кали былъ слышенъ запахъ этиламина.

Анализъ далъ слѣдующіе результаты:

0,3076 гр. вещества при сожиганіи дали 0,5654 CO_2 и 0,1942 H_2O .

Вычислено:

C—50.70

H— 7.04

Получено:

50.10

7.02

Изъ маточнаго раствора, при испареніи на воздухѣ, выдѣлилось еще нѣкоторое количество кристалловъ изоціануроваго эфира, а затѣмъ при дальнѣйшемъ испареніи спирта начали выдѣляться на поверхности жидкости маслообразныя капли, которыя падали на дно. При нагрѣваніи съ крѣпкимъ растворомъ сулемы масло растворялось и по охлажденіи раствора выдѣлились шелковистыя иглы двойной ртутной соли этилціануроваго эфира.

При опредѣленіи хлора въ двойной соли получились слѣдующіе результаты:

0,3830 грм. соли при прокаливаніи съ CaO дали 0,2102 $AgCl$ и 0,0112 Ag , что соответствуетъ 14.5 Cl .

Формула $C_2N_2O_2(C_2H_5)_2 + HgCl_2$ требуетъ 14.6 Cl .

Такимъ образомъ, изъ этихъ опытовъ, которые повторялись многократно, видно, что изъ нейтральной соли серебра при дѣйствіи іодистаго этила, противно указаніямъ Ламприхта и Габиха, образуются оба изомера эфировъ ціануровой кислоты. Я долженъ однако замѣтить, что, при описанныхъ условіяхъ

опыта, нормального циануроваго ээира получалось немного, и въ количествѣ не всегда одинаковомъ. Последнее зависитъ, вѣроятно, отчасти отъ продолжительности нагрѣванія, отчасти оттого, что серебряная соль не всегда имѣла составъ средней соли. Это подтверждается тѣмъ, что изъ осадка *AgI* водою можно было извлечь нѣкоторое количество циануровой кислоты.

Съ іодистымъ метиломъ реакція идетъ одинаково, какъ и съ іодистымъ этиломъ. Содержимое трубки извлекалось ээиромъ, или метиловымъ спиртомъ. По испареніи профильтрованнаго раствора получался сухой кристаллическій остатокъ, который растворялся въ кипящей водѣ. Изъ воднаго раствора прежде всего выдѣляются тусклые призматическіе кристаллы изоциануроваго ээира. Ээиръ этотъ плавится при 176° ; трудно растворяется въ водѣ, лучше въ метиловомъ спиртѣ. Съ ѣдкимъ кали при кипяченіи разлагается, образуя метиламинъ.

Анализъ далъ слѣдующіе результаты :

0,3124 гр. вещества дали 0,4812 CO_2 , и 0,1532 H_2O .

Вычислено :

C—42.10

H— 5.26

Получено :

42.00

5.44

Изъ маточнаго раствора, отдѣленнаго отъ предыдущихъ кристалловъ, при испареніи выдѣляются вначалѣ кристаллы не определенной формы, смѣсь обоихъ изомеровъ, затѣмъ, когда растворъ достаточно концентрированъ, выпадаютъ другаго рода кристаллы, въ видѣ блестящихъ иголокъ. Многократной кристаллизаціе послѣднихъ изъ кипящей воды удалось выдѣлить метилциануровый ээиръ, тождественный съ ээиромъ, получаемымъ изъ бромистаго ціана. Плавится около 132° , при нагрѣваніи съ ѣдкимъ кали не выдѣляетъ метиламина; съ хлорной ртутью образуетъ шелковистыя иглы двойной соли.

При анализѣ ээира получились слѣдующіе результаты :

0,3032 гр. вещества дали 0,4664 CO_2 , и 0,1506 H_2O .

Вычислено :

C— 42.10

H— 5.26

Получено :

41.9

5.5

Такимъ образомъ, этотъ опытъ также показываетъ, что серебрянная соль циануровой кислоты при нагрѣваніи съ іоди-

стымъ метиломъ образуетъ смѣсь двухъ изомерныхъ эфировъ. И въ этомъ случаѣ реакція идетъ такъ, что главнымъ продуктомъ является изоціануровый эфиръ, нормального эфира же получается не много.

Хотя, только что описанные результаты сами по себѣ и въ связи со свойствами нормальныхъ эфировъ легко превращаются въ изомеры въ присутствіи іодистаго этила и при нагреваніи уже достаточно представляютъ данныхъ для сужденія о строеніи ціануровой кислоты, но я не могъ ими ограничиться и произвелъ еще рядъ опытовъ при другихъ условіяхъ.

Если, дѣйствительно, на большой или меньшей выходъ нормальныхъ эфировъ, получаемыхъ изъ серебрянной соли ціануровой кислоты, вліяетъ избытокъ іодистаго этила или температура, то это должно отозваться, если измѣнить которое нибудь изъ указанныхъ условій. Поэтому я попробовалъ вести реакцію съ іодистымъ этиломъ при обыкновенной температурѣ.

Іодистый этилъ, разбавленный эфиромъ не дѣйствуетъ на серебрянную соль при обыкновенной температурѣ; но если облить эту соль избыткомъ не разведеннаго іодистаго этила, то черезъ нѣсколько минутъ реакція обнаруживается, смѣсь начинаетъ по не многу нагреваться, серебрянная соль превращается въ іодистое серебро и наконецъ іодистый этилъ вскипаетъ. Я не доводилъ въ своихъ опытахъ іодистый этилъ до кипенія, оставляя смѣсь стоять въ холодной водѣ. Черезъ 12 часовъ реакцію можно было считать оконченною. Послѣ удаленія избытка іодистаго этила, сухой остатокъ извлекался эфиромъ. По испареніи эфира получалось масло менѣе густой консистенціи, чѣмъ при опытахъ, когда реакція производилась при нагреваніи, откуда выдѣлить изоціануровый эфиръ кристаллизациею изъ слабаго спирта не удавалось. Для отдѣленія обоихъ изомеровъ, въ этомъ случаѣ, удобнѣе оказалось прежде выдѣлить нормальный эфиръ ціануровой кислоты и затѣмъ уже изоціануровый эфиръ. Для этого, полученное масло обливалось спиртовымъ растворомъ сулемы, прозрачный растворъ былъ разбавленъ водою, причемъ ртутная соль выдѣлилась въ видѣ творога. Изъ фильтрата, отдѣленнаго отъ ртутной соли, избытокъ сулемы былъ удаленъ посредствомъ амміака и профильтрованный растворъ медленно выпаривался до суха. Изъ сухаго остатка посредствомъ эфира можно было

выдѣлить изоціануровый эфиръ, количество котораго было значительно меньше нормальнаго эфира.

Изъ этихъ опытовъ видно несомнѣнное вліяніе температуры; при обыкновенной температурѣ, слѣдовательно, образуется больше нормальныхъ эфировъ, при нагрѣваніи преобладаетъ количество изоціануровыхъ эфировъ.

Иодистый метилъ также, какъ и іодистый этилъ, вступаетъ въ реакцію съ серебрянною солью ціануровой кислоты уже при обыкновенной температурѣ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ смѣшенія начинается образование іодистаго серебра, смѣсь разогрѣвается до кипѣнія іодистаго метила. По окончаніи реакціи, послѣ отгона избытка іодистаго метила, сухой остатокъ извлекался кипящимъ метиловымъ спиртомъ и профильтрованный растворъ концентровался. Первые выдѣлившіеся кристаллы состояли почти изъ чистаго изоціануроваго эфира, съ небольшою примѣсью нормальнаго эфира. Сухой-же остатокъ, полученный послѣ испаренія маточнаго раствора состоялъ преимущественно изъ нормальнаго эфира. Очищеніе производилось многократною кристаллизаціею изъ кипящей воды. Количество нормальнаго эфира, при описанныхъ условіяхъ полученія, было значительно больше чѣмъ въ предъидущихъ опытахъ когда реакція производилась при нагрѣваніи, и именно продуктъ состоялъ почти на половину изъ нормальнаго эфира.

Одинъ опытъ съ іодистымъ метиломъ произведенъ былъ такъ, что серебрянной соли было взято болѣе чѣмъ требуется теоріей и опытъ производился также при охлажденіи. Въ этомъ случаѣ главнымъ продуктомъ явился нормальный эфиръ.

Слѣдовательно и опыты съ іодистымъ метиломъ указываютъ, что температура имѣетъ вліяніе на количества образованія двухъ изомеровъ ціануровыхъ эфировъ, и кромѣ того, послѣдній опытъ указываетъ также на вліяніе избытка іодистаго метила.

VI.

О дѣйствіи хлористаго ацетила на серебрянную соль ціануровой кислоты.

Способность ціануровой кислоты давать соли, отличающіеся постоянствомъ, относительною прочностью, изъ которыхъ

кислые соли образуются даже при дѣйствіи уксуснокислыхъ солей и описанные на предыдущихъ страницахъ факты, именно, свойство кислоты образовывать эфиры, тождественные съ тѣмъ называемыми нормальными циануровыми эфирами, которые характеризуются способностью обмыливаться при дѣйствіи щелочей, указываютъ, что циануровая кислота не представляетъ собою амидо, т. е. мочевиное производное, атомы водорода ея не связаны непосредственно съ азотомъ, а соединены съ кислородомъ, въ видѣ воднаго остатка, какъ это принимаютъ для другихъ кислотъ. Хотя извѣстны наблюденія, которыя указываютъ, что и въ мочевиновыхъ производныхъ (съ кислотными остатками) мы имѣемъ водородъ въ различныхъ формахъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ также легко замѣщается металлами при дѣйствіи даже уксуснокислыхъ солей, образуя соли по характеру своему ничѣмъ не отличающіеся отъ солей другихъ кислотъ, но въ такомъ случаѣ, если происходитъ замѣщеніе водорода алкогольными остатками, образуются эфиры, то послѣдніе характеризуются тѣмъ, что при дѣйствіи щелочей не регенерируется ни кислота, ни спиртъ, а алкогольный остатокъ при разложеніи отпадаетъ связаннымъ съ азотомъ. Этимъ въ сущности и отличаются, по моему мнѣнію, тѣмъ называемые эфиры нѣкоторыхъ мочевиновыхъ кислотъ отъ эфировъ другихъ нормальныхъ кислотъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ также циануровая кислота.

Извѣстно также, что въ мочевиновыхъ (и въ другихъ амидныхъ) производныхъ водородъ можно замѣстить кислотными остатками; вещества при этомъ образующіеся, на сколько можно судить на основаніи не многихъ данныхъ извѣстныхъ въ литературѣ, характеризуются сравнительною прочностью,—вода ихъ не разлагаетъ. Если же происходитъ замѣщеніе водорода въ кислотномъ водномъ остаткѣ кислоты, то получаютъ, такъ называемые смѣшанные ангидриды, которые дѣйствіемъ воды легко разлагаются. Въ виду того обстоятельства, что въ циануровой кислотѣ, на основаніи предыдущихъ данныхъ заключается кислотный водный остатокъ, я счелъ интереснымъ и необходимымъ изслѣдовать также дѣйствіе хлористаго ацетила на серебрянную соль, надѣясь такимъ образомъ получить ацетиальное производное, сравнить его свойства со свойствами ангидридовъ кислотъ и прибавить этимъ еще болѣе данныхъ для рѣшенія вопроса о строеніи циануровой кислоты.

Хлористый ацетилъ, не разбавленный ничѣмъ, дѣйствуетъ на серебрянную соль циануровой кислоты очень энергично, реакціи сопровождается трескомъ и выдѣленіемъ тепла, такъ что хлористый ацетилъ вскипаетъ. Для умѣренія реакціи необходимо хлористый ацетилъ брать разбавленнымъ двумя объемами абсолютнаго эфира и всыпать хорошо истертый порошокъ серебрянной соли не большими порціями, при постоянномъ охлажденіи колбы холодной водой. Послѣ того какъ уже достаточное количество соли прибавлено, содержимое колбы, вслѣдствіе образованія хлористаго серебра и ацетильнаго соединенія, принимаетъ густой, кашеобразный видъ, почему для того, чтобы масса была болѣе подвижною, необходимо прибавлять еще нѣкоторое количество эфиру. По окончаніи реакціи, колба въ теченіи нѣсколькихъ минутъ нагрѣвалось на водяной банѣ и затѣмъ эфиръ отгонялся. Полученный сухой остатокъ, для выдѣленія ацетильнаго соединенія, удобнѣе всего оказалось кипятить съ большимъ избыткомъ хлороформа, очищеннаго отъ спирта и высушеннаго хлористымъ кальціемъ. Изъ отфильтрованнаго раствора, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, выдѣлился кристаллическій осадокъ, состоящій изъ мелкихъ кристалловъ ацетильнаго производнаго, количество котораго увеличивалось по испареніи части хлороформа. Собранные на фильтру кристаллы промывались хлороформомъ, затѣмъ абсолютнымъ эфиромъ.

При анализѣ получились слѣдующіе результаты:

- I. 0,3746 гр. вещества при сжиганіи дали 0,5760 CO_2 и 0,1342 H_2O .
 II. 0,3320 гр. вещества дали 0,5112 CO_2 и 0,1226 H_2O .
 III. 0,3766 гр. вещества дали 56. CC . азота, при давленіи 756,5 м.м. и 23°.

Вычислено:

	Получено:		
	I.	II.	III.
C—42.3%	41.8%	42.0%	—
H— 3.5	3.9	3.7	—
N—16.4	—	—	16.7%

Изъ этихъ аналитическихъ данныхъ видно, что соединеніе, полученное при дѣйствіи хлористаго ацетилъ на серебрянную соль, представляетъ собою циануровую кислоту, въ которой всѣ три атома водорода замѣнены ацетильною группою, т. е.

Ацетильное соединеніе плавится около 170°, причеиъ частью разлагается. Не растворяется въ эфиръ и очень трудно растворимо въ хлороформъ. Растворяется легко въ уксусномъ ангидридѣ и присутствіе послѣдняго въ продуктѣ реакціи обуславливаетъ растворимость вещества при извлеченіи его хлороформомъ. То, что уксусный ангидридъ образуется вмѣстѣ съ ацетильнымъ соединеніемъ въ продуктѣ реакціи хлористаго ацетила, доказано было отдѣльными опытами и именно такимъ образомъ, что маточный растворъ, отдѣленный отъ ацетилянуровой кислоты, послѣ отгонки хлороформа, фракционировался на масляной бань; при этомъ удалось выдѣлить жидкость кипящую около 138° съ характерными свойствами уксуснаго ангидрида.

Для того, чтобы объяснить присутствіе уксуснаго ангидрида въ продуктѣ реакціи, слѣдуетъ допустить, что онъ образуется изъ ацетильнаго производнаго, который, быть можетъ, во время хода реакціи, частью разлагается на уксусный ангидридъ и ацетильное производное внутренняго ангидрида циануровой кислоты, по уравненію:

Въ пользу такого предположенія говорить тотъ фактъ, что ацетильное производное циануровой кислоты дѣйствительно разлагается, если его нагрѣвать выше точки плавленія; при этомъ перегоняется жидкость съ рѣзкимъ характернымъ запахомъ. Жидкость эта кипитъ около 138°, тяжелѣе воды, при нагрѣваніи съ водою растворяется; растворяясь въ спиртѣ, образуетъ уксусный эфиръ. Словомъ представляетъ всѣ свойства уксуснаго ангидрида. Въ остаткѣ, послѣ перегонки уксуснаго ангидрида, въ ретортѣ остается сухой остатокъ, частью обуглившійся, трудно растворимый въ водѣ и въ уксусной кислотѣ. За недостаткомъ матеріала и вслѣдствіе отсутствія растворителя сухой остатокъ я не изслѣдовалъ ближе. Въ пользу высказаннаго предположенія относительно образованія уксуснаго ангидрида говорить также и очень малый выходъ ацетильнаго производнаго циануровой кислоты.

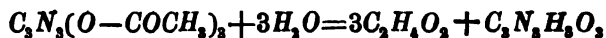
Растворяясь въ алкогольѣ ацетильное производное разлагается. По испареніи спирта выдѣляется кристаллическій по-

рошокъ, при анализахъ котораго получались разнорѣчивые результаты; изъ нихъ видно, что онъ состоитъ, вѣроятно, изъ смѣси одно и дву-ацетилціануровой кислоты и, быть можетъ, ціануровой кислоты. Во время испаренія спиртоваго раствора всегда замѣчался запахъ уксусной кислоты. Вода, въ особенности при нагрѣваніи, растворяя ацетильное производное, также разлагаетъ его; жидкость принимаетъ рѣзкій запахъ уксусной кислоты и изъ раствора, при охлажденіи, выдѣляются кристаллы ціануровой кислоты.

Я опредѣлилъ количество образующейся при этомъ ціануровой кислоты и получилъ слѣдующіе результаты:

1,1990 гр. вещества растворялись въ водѣ, растворъ былъ выпаренъ до суха и сухой остатокъ высушенъ до 120°. Получилось ціануровой кислоты 0,611. Требовалось получить 0,607 грм.

Такимъ образомъ, изъ описанныхъ свойствъ ацетильнаго производнаго видно, что онъ представляетъ собою смѣшанный ангидридъ и, подобно послѣднимъ, водою разлагается на уксусную и ціануровую кислоту по уравненію:

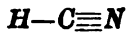

VII.

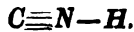
Переходя къ обсужденію вопроса о строеніи ціануровой кислоты и другихъ полимерныхъ ціанистыхъ соединений, прежде всего я считаю не лишнимъ высказать нѣсколько соображеній относительно строенія нѣкоторыхъ мономерныхъ представителей ихъ—ціанистаго водорода и ціановой кислоты.

Ціанистый водородъ, какъ извѣстно, образуется при разнообразныхъ условіяхъ. Voillot получилъ его при пропусканіи электрической искры черезъ смѣсь ціана и водорода; Бертелло наблюдалъ образованіе его при нагрѣваніи той же смѣси при 500—560°; слѣдовательно, непосредственнымъ соединеніемъ ціана и водорода. Гоemannъ получилъ ціанистый водородъ, аналогично нарбиламинамъ, дѣйствіемъ ѣдкаго кали на смѣсь

хлороформа и амміака. Наконецъ, ціанистый водородъ образуется также подобно нитриламъ, при перегонкѣ муравьиаміачной соли съ фосфорнымъ ангидридомъ. Судя по этимъ способамъ образованія, строеніе ціанистаго водорода можно выразить двояко: или, рассматривая его какъ нитриль муравьиной кислоты, формулою строенія

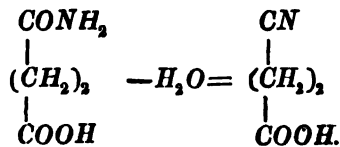
или-же, какъ карбиламинъ, формулою:

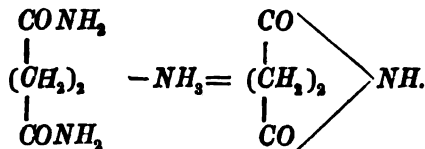
Объ эти формулы одинаково хорошо подтверждаются какъ способами образованія, такъ и превращеніями ціанистаго водорода. Изъ послѣднихъ наиболѣе важны суть: дѣйствіе кислотъ и водорода въ моментъ его выдѣленія. Въ первомъ случаѣ образуется муравьиная кислота и амміакъ, во второмъ—метиламинъ. Эти реакціи рѣзко отличаютъ нитрилы отъ карбиламиновъ, потому что первые при дѣйствіи кислотъ образуютъ амміакъ и кислоту съ тѣмъ-же содержаніемъ углерода, тогда какъ карбиламины разлагаются на муравьиную кислоту и амины; въ частности для ціанистаго водорода эти реакціи не могутъ имѣть рѣшающаго значенія, потому что принимая для него ту, или другую формулу строенія, продукты разложенія должны быть одинаковы. Но принимая во вниманіе свойство серебряной соли ціанистаго водорода при дѣйствіи іодистаго этила и др. алкогольныхъ соединеній галлондовъ превращаться въ карбиламины, мнѣ кажется можно руководствоваться этою реакціею при обсужденіи вопроса о строеніи ціанистаго водорода. Свойство это нельзя считать присущимъ только одной серебряной соли, какъ это предполагаютъ многіе, потому что и другія соли ціанистаго водорода при дѣйствіи іодистыхъ алкиловъ или при перегонкѣ съ сѣрноводородными солями вмѣстѣ съ нитрилами образуютъ карбиламины. Образуются нитрилы также если брать серебряную соль; но только послѣдніе преобладаютъ въ количествѣ въ томъ случаѣ, когда въ реакцію употребляютъ щелочныя соли. Это объясняется, по моему мнѣнію, скорѣе условіями, при которыхъ происходитъ реакція, напр. температурою и продолжительностью нагрѣванія, такъ какъ извѣстно, что

карбиламины при одномъ нагрѣваніи переходятъ въ изомерныя нитриды, какъ это показалъ Вейтъ. Повидимому нитрильная форма вообще устойчивѣе карбиламинной, потому что обратнаго перехода—отъ нитриловъ къ карбиламинамъ—не происходитъ. Кромѣ этихъ соображеній въ пользу карбиламинной формулы цианистаго водорода, нельзя не признать нѣкотораго значенія въ томъ фактѣ, что цианистый водородъ, соединяется легко какъ съ кислородомъ, такъ и съ сѣрой, образуя въ первомъ случаѣ циановую кислоту, а во второмъ родановую кислоту. Въ этомъ отношеніи цианистый водородъ вполне аналогиченъ карбиламинамъ, потому что послѣдніе также присоединяютъ и сѣру, и кислородъ какъ это извѣстно изъ изслѣдованій Вейта и Готье, образуя горчичное масло въ первомъ случаѣ и изоциановый эфиръ во второмъ. Нитрилы-же, какъ извѣстно, не присоединяютъ ни кислорода, ни сѣру.

Подобно тому, какъ, напримѣръ, янтарной кислотѣ соответствуетъ свой нитрилъ, β -цианпропионовая кислота, образованіе которой можно ожидать изъ сукцинаминовой кислоты отнятіемъ воды:

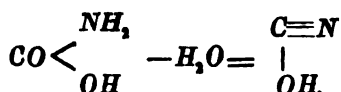

и свой имидъ, сукцинимидъ, образующійся, какъ извѣстно, изъ аммида (или изъ аммиачной соли) янтарной кислоты выдѣленіемъ аммиака.

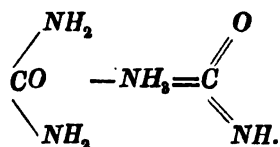

точно также и для угольной кислоты теорія предсказываетъ существованіе нитрила и имида.

Исходя изъ карбаминової кислоты отнятіемъ воды можно ожидать образованія нитрила:

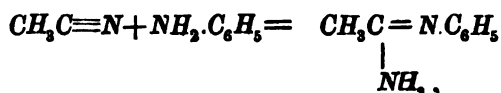
Отнимая частицу амміака изъ мочевины (амида угольной кислоты) получимъ имидъ:

Ціановая кислота, какъ извѣстно, имѣетъ составъ, соответствующій нитрилу и имиду угольной кислоты, но которая изъ приведенныхъ формулъ строенія принадлежитъ ей, до сихъ поръ мнѣнія химиковъ раздѣлены. Большинство изслѣдованныхъ до сихъ поръ реакцій образованія и разложенія ціановой кислоты одинаково хорошо согласуются какъ съ первой, такъ и со второй формулой. Образованіе ея изъ мочевины дѣйствіемъ фосфорнаго ангидрида (Weltzien) и окисленіемъ ціанистаго калия, говорятъ въ пользу второй формулы; тогда какъ реакція разложенія со щелочами и кислотами одинаково удовлетворяютъ обѣ формулы. Базаровъ ¹⁾ пытался рѣшить вопросъ о строеніи ціановой кислоты реакціей возстановленія водородомъ въ моментъ выдѣленія, ожидая при этомъ получить формамидъ, если ціановая кислота есть имидъ угольной кислоты или оксиметиламидъ ($\text{CH}_2.\text{OH}.\text{NH}_2$), въ случаѣ нитрильнаго характера ея. Хотя изслѣдованіе Базарова не представляетъ, вслѣдствіе трудности работать съ такимъ соединеніемъ какъ ціановая кислота, желательной полноты для того, чтобы можно было на основаніи его сдѣлать опредѣленное заключеніе, тѣмъ не менѣе изъ его работы видно, что ему удалось выдѣлить вещество съ характеромъ формамида, на основаніи чего онъ и предпочитаетъ вторую формулу. Въ связи съ фактомъ образованія формамида нельзя не обратить вниманія на давно извѣстную способность ціановой кислоты фиксировать элементы амміака. Велеръ еще показалъ въ своей классической работѣ, что амміачная соль

¹⁾ Журн. Хим. Общ. III. 103.

ціановой кислоты легко превращается въ изомерное соединеніе, въ мочевины; позднѣйшія изслѣдованія Вюрца и др. показали, что ціановая кислота присоединяетъ также амины и амидокислоты, образуя замѣщенные мочевины, строеніе которыхъ, какъ и мочевины совершенно опредѣлены. Способность присоединять амміакъ (и амины) и образовывать замѣщенные мочевины принадлежитъ также и изоціановымъ эфирамъ и свойственно только веществу имѣющему строеніе $CO.NR$, т. е. имидный характеръ. Нитрилы-же, какъ извѣстно, если и присоединяютъ элементы амміака, то крайне трудно и образуютъ такъ называемые амидины, какъ напр.:

которые рѣзко отличаются отъ производныхъ мочевины.

Если-бы ціановая кислота имѣла строеніе

то въ такомъ случаѣ и строеніе мочевины и ея производныхъ было бы аналогично съ амидинами, т. е.

Конечно, при обсужденіи реакціи присоединенія амміака къ ціановой кислотѣ, нельзя исключить возможности изомернаго превращенія ціановой кислоты въ моментъ присоединенія, тѣмъ болѣе, что перегруппировка атомовъ въ частицѣ наблюдалась многократно въ такихъ даже веществахъ, которые отличаются болѣею устойчивостью, чѣмъ ціановая кис. Сѣрнионеродистая кислота ($HCNS$), напр., также способна присоединить амміакъ и превращаться въ мочевины, тогда какъ строеніе ея болѣе чѣмъ вѣроятно, выражается формулою $CN.SH$. Хотя слѣдуетъ замѣтить, что изомеризація формы $CN.SH$ въ форму $CS.NH$ идетъ не легко; сѣрнионеродистый аммоній, напр., только при продолжительномъ нагрѣваніи, въ расплавленномъ состояніи, переходитъ въ сульфомочевину и только сравнительно не большая часть его претерпѣваетъ изомерное превращеніе.

При обсужденіи вопроса о строеніи ціановой кислоты, можно было бы также принять въ соображеніе и реакцію дѣйствія іодистыхъ алифатовъ на серебрянную соль ея, результатомъ которой являются изоціановые эфиры и, повидимому, отсутствуютъ нормальные эфиры; но, въ сожалѣнію, наши свѣдѣнія относительно этой реакціи еще недостаточно полны, для того чтобы можно было ею руководствоваться ¹⁾).

Что касается ціанамиды, то формула ея, благодаря изслѣдованію Р. Шиффа ²⁾ опредѣлена съ полною вѣроятностью. Исходя изъ двусеребрянаго производнаго ціанамиды, дѣйствіемъ іодистаго этила, названный ученый получилъ двуэтилціанамидъ, который при нагреваніи со щелочами разлагается на углекислоту, аммиакъ и диэтиламинъ. Образование послѣдняго рѣшаетъ вопросъ о строеніи ціанамиды въ пользу формулы:

и исключаетъ, также возможную, формулу:

предложенную впервые Мульдеромъ ³⁾).

Если относительно нѣкоторыхъ простѣйшихъ соединеній ціана возможно колебаться въ выборѣ формулъ строенія ихъ, то о полимерныхъ соединеніяхъ ціана, мнѣняется, можно высказаться съ большею опредѣленностью, на основаніи уже тѣхъ, хотя и не многихъ, можетъ быть, данныхъ, которые намъ извѣстны въ настоящее время.

Между полимерными ціанистыми соединеніями слѣдуетъ различать двѣ группы соединеній, которыя отличаются довольно рѣзко другъ отъ друга. Въ первой группѣ принадлежатъ ве-

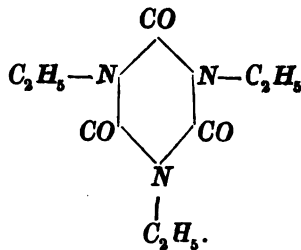
¹⁾ Судя, по нѣкимъ предварительнымъ опытамъ, іодоусусный эфиръ при нагреваніи съ ціаносеребряною солью образуетъ вещество, разлагающееся при нагреваніи со щелочами на углекислоту и гликоколь; гликолевой кислоты при этомъ не образуется; слѣдовательно, полученное вещество имѣетъ характеръ изоэтировъ Вюрца.

²⁾ Berichte d. d. chem. Gesellsch. X. 428.

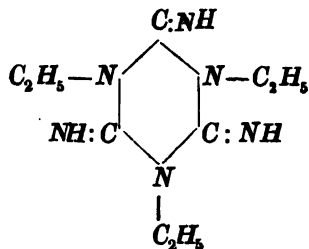
³⁾ Ibid. VI. 655.

щества, которые характеризуются способностью легко разлагаться на болѣе простые соединенія, въ этомъ отношеніи онѣ отчасти напоминаютъ соответствующія имъ мономерныя соединенія; тогда какъ соединенія второй группы характеризуются прочностью, онѣ не разлагаются на болѣе простые составныя ихъ части ни щелочами, ни кислотами и, слѣдовательно, уже рѣзко отличаются отъ своихъ мономеровъ.

Къ первой группѣ принадлежатъ изоціануровые эиры и замѣщенные меламина, полученные Гофманномъ ¹⁾, полимеризаціею замѣщенныхъ ціанамидовъ. Способность этихъ меламиновъ, дѣйствіемъ кислотъ, превращаться въ производныя аммилина (изо) и затѣмъ въ изоціануровые эиры несомнѣнно указываетъ на то, что они принадлежатъ къ одной группѣ съ послѣдними. Свойство-же самихъ эировъ разлагаться, при дѣйствіи щелочей, на углекислоту и амины съ полнымъ правомъ даетъ основаніе химикамъ разсматривать ихъ, какъ производныя угольной кислоты, или мочевины, т. е. предполагать въ нихъ существованіе карбонильной (CO) группы, сочетанной съ амминными остатками. По этому слѣдующія формулы строенія, какъ для изоціануроваго эира

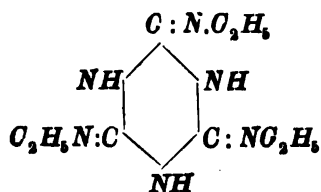
такъ и для этилмеламина и др.

можно считать установленными.

¹⁾ Berichte d. d. chem. Gesellsch. III. 264.

Конечно можно было-бы для этилмеламина предположить формулу:

Но съ этой формулой не согласуется реакція этилмеламина съ кислотами, при дѣйстви которыхъ выдѣляется аммиакъ, а не азинныя основанія и образуется замѣщенный аммелинъ, а не аммелинъ, какъ слѣдовало-бы ожидать, если-бы была справедлива вторая формула.

Еъ первой-же группѣ полимерныхъ соединеній ціана относятся также, такъ называемыя, диціановыя производныя, какъ напр. диціандіамидъ, амидодиціановая кислота и эиры диціановой кислоты ¹⁾. Нѣкоторыя изъ этихъ соединеній характеризуются, между прочимъ, способностью фиксировать элементы воды и переходить въ производныя мочевины, т. е. въ біуретъ, диціандіамидинъ и пр.

Еъ второй группѣ полимерныхъ соединеній ціана относятся нормальныя эиры ціануровой кислоты; эти соединенія не разлагаются ни щелочами, ни кислотами на болѣе простыя соединенія, какъ напр. на углекислоту и амины; въ нихъ существуетъ группа C_2N_2 , которая остается при всѣхъ превращеніяхъ эировъ (исключая, конечно, превращеній совершающихся при высокой температурѣ) не тронутою; она характеризуется относительною прочностью и въ этомъ отношеніи отчасти напоминаетъ собою ядро C_6 бензоловыхъ производныхъ.

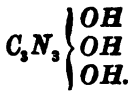
Еъ одной группѣ съ нормальными эирами ціануровой кислоты принадлежитъ также и ціануровая кислота съ ея амидо-производными. Въ другомъ мѣстѣ, по поводу своихъ изслѣдованій надъ персульфоціаномъ ²⁾, я имѣлъ случай высказать тотъ-же взглядъ относительно положенія ціануровой кислоты въ ряду

¹⁾ Hofmann. Berichte. d. d. Chem. Ges. III. 765.

²⁾ Ueber das Pseudoschwefelcyan und seine Derivate. Göttingen. S. 40.

полимерныхъ соединеній ціана. Въ то время уже были извѣстны нормальные эфирь и свойство послѣднихъ, дѣйствіемъ щелочей превращаться въ ціануровую кислоту, но съ другой стороны извѣстно было также и то, что, исходя изъ серебряной соли ціануровой кислоты дѣйствіемъ іодистаго этила, не получались нормальные эфирь, а получались изоціануровые эфирь Вюрца. Эти два перехода не дополняли другъ друга, а скорѣе противорѣчили. Поэтому и неудивительно, что мнѣнія химиковъ относительно строенія самой ціануровой кислоты раздѣлились: одни приписываютъ ей строеніе соответствующее изоціануровымъ эфирамъ, т. е. рассматриваютъ ее, какъ произвольное углекислоты, другіе причисляютъ ее, къ такъ называемымъ, истинно ціанистымъ соединеніямъ. Мульдеръ ¹⁾, напримѣръ, на основаніи того факта, что нормальные эфирь присоединяютъ къ себѣ бромъ, а ціануровая кислота этимъ свойствомъ не обладаетъ, повидимому, склоненъ объяснить это различіе различіемъ въ строеніи эфирь и кислоты, принимая для нормальныхъ эфирь строеніе сходное съ строеніемъ бензола, а ціануровую кислоту относить къ карбонильнымъ производнымъ. Мнѣ, кажется, изслѣдованія, изложенныя въ настоящей статьѣ, съ опредѣленностью устанавливаютъ связь ціануровой кислоты съ нормальными эфирами, а свойство ацетильнаго производнаго ціануровой кислоты разлагаться отъ дѣйствія воды на уксусную кислоту и ціануровую кислоту еще болѣе укрѣпляетъ тотъ выводъ, что самая кислота имѣетъ такое же строеніе, какъ и эфиръ Гофманна и Ольсгаузена, т. е. въ ней заключается также ядро C_3N_3 , связанное съ тремя водными остатками. Такъ какъ, далѣе, нормальные эфирь связаны не посредственнымъ переходомъ съ меламинамъ, а послѣдній при дѣйствіи кислотъ превращается, между прочимъ, въ амелинъ и въ мелануреновую кислоту (амелидъ), то и послѣдніе также заключаютъ въ себѣ группу C_3N_3 . Меламинъ, повтому представленію, слѣдовательно, будетъ среднимъ амидомъ, а амелинъ и амелидъ — аминнокислотами ея, какъ это ясно изъ слѣдующаго составленія:

¹⁾ Журналъ Ф. Х. О. XVI. Отд. II. 27.

ціануровая к. амелиндъ

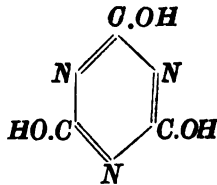

амелинъ

меламинъ.

Что касается до строения группы C_3N_3 , входящей въ составъ всѣхъ полимерныхъ цианистыхъ соединений, то входитъ подробно въ обсужденіе этого вопроса, за неизбѣннѣмъ данныхъ, я не считаю возможнымъ. Судя по прочности самаго ядра C_3N_3 и способности эировъ присоединять бромъ, въ количествѣ шести атомовъ,—свойства, напоминающія бензоловыя производныя,—можно предположить, что и строеніе ихъ аналогично послѣднимъ; для циануровой кислоты, напр., строеніе можно выразить формулою:

и т. д. Такое строеніе для циануровой кислоты и ея производныхъ принимается многими химиками ¹⁾; такое-же строеніе принимаетъ и Мульдеръ для нормальныхъ эировъ циануровой кислоты. Нельзя однако не замѣтить, что противъ такого представленія о строеніи соединеній полимеровъ ціана говоритъ многое и, между прочимъ, тотъ фактъ, что всѣ они не имѣютъ свойствъ оснований (за исключеніемъ меламина и др.) и не соединяютъ къ себѣ іодистаго метила, какъ это можно было-бы ожидать въ виду того, что въ составъ ихъ входитъ элементъ азотъ, имѣющій способность придавать нѣкоторымъ соединеніямъ характеръ оснований и какъ это мы видимъ, напр., на пиридиновыхъ и хинолиновыхъ соединеніяхъ, строеніе которыхъ также аналогично бензоловымъ производнымъ.

Я замѣтилъ выше, что соединенія принадлежащія ко вто-

¹⁾ См. напр. Handbuch Вейльштейна, Роско и друг.

рой группъ полимерныхъ цианистыхъ соединеній характеризуются прочностью, съ трудомъ разлагаются на болѣе простые соединенія, но слѣдуетъ однако обратить вниманіе, что *устойчивость*, состояніе равновѣсія не во всѣхъ ихъ одинакова. Циануровая кислота, меламинъ и друг., напримѣръ, не только прочныя соединенія, но и устойчивы; элементы или группы элементовъ, входящія въ ихъ составъ, находятся какъ будто бы въ состояніи устойчиваго равновѣсія; они не измѣняются, не переходятъ въ другую изомерную форму при нагрѣваніи до 200° и выше; тогда какъ нормальные эиры циануровой кислоты легко переходятъ изъ формы $(CN.OC_2H_5)_2$ въ форму $(CO.NC_2H_5)_2$, въ изоциануровые эиры, слѣдовательно вторая форма для эировъ, какъ будто бы болѣе устойчива, чѣмъ первая.

Здѣсь, кстати, можно замѣтить также, что не только между полимерными соединеніями циана, нормальные эиры циануровой кислоты характеризуются меньшею устойчивостью, но мы имѣемъ подобный-же примѣръ между мономерными соединеніями, въ сѣрносинеродистыхъ эирахъ $CN.SR$. Эти послѣдніе, судя по изслѣдованіямъ Billeter'a надъ аллиловымъ эиромъ и Гофманна надъ метиловымъ эиромъ, превращаются, первый при обыкновенной температурѣ, а второй при нагрѣваніи въ горчичныя масла, $CS.NR$,—въ форму болѣе устойчивую ¹⁾).

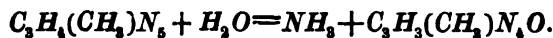
Къ соединеніямъ второй группы полимерныхъ соединеній циана, т. е. къ производнымъ циануровой кислоты слѣдуетъ также отнести, такъ называемые, *гуанаминны*, соединенія полученные Ненцкимъ ²⁾, при нагрѣваніи гуанидина съ предѣльными одноосновными кислотами. Формогуанаминъ, напр., образуется при нагрѣваніи гуанидина съ муравьиной кислотой. Составъ его выражается формулою: $C_3H_5N_5$. Ацетогуанаминъ имѣетъ составъ $C_4H_7N_5$, пропюногуанаминъ— $C_5H_9N_5$ и т. д., т. е. каждый послѣдующій членъ отличается отъ предъидущаго на CH_2 , и ихъ можно разсматривать какъ гуанаминъ, въ которомъ одинъ атомъ водорода замѣщенъ углеводородными остатками:

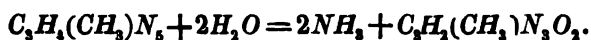
¹⁾ Bericht. d. d. chem. Ges. VIII. 434. XIII. 1349.

²⁾ Berichte d. d. chem. Ges. VII. 775 и 1584. XI. 228. и 232.

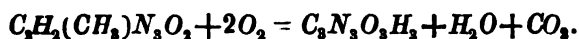
При нагрѣваніи съ ѣдкими щелочами гуанамины разлагаются, съ выдѣленіемъ амміака и образуютъ *гуаниды*; такъ напр., образованіе метилгуанида изъ метилгуанамина можно выразить уравненіемъ :

При дѣйствіи сѣрной кислоты при 150°, гуанамины выдѣляютъ 2 частицы амміака, образуя *гуанамиды*

Окисленіемъ азотной кислотой гуанамиды даютъ циануровую кислоту :

Имѣя въ виду послѣднюю реакцію съ одной стороны, а съ другой стороны, если обратить вниманіе на способъ образованія и свойства гуанаминовъ и ихъ производныхъ, по которымъ они напоминаютъ амидо-производныя циануровой кислоты, имѣ кажется эти соединенія съ полнымъ правомъ можно также считать производными циануровой кислоты; гуанамидъ можно разсматривать какъ циануровую кислоту, въ которой водный остатокъ замѣщенъ водородомъ въ формогуанамидѣ и углеводородными остатками въ его гомологахъ, гуанидъ—какъ амелинъ, а гуанинъ — какъ мелануреновую кислоту, въ которыхъ водные остатки замѣщены водородомъ (или углеводородными остатками), какъ это видно изъ слѣдующаго сопоставленія :

$C_2N_3(OH)_2$
циануровая кислота

$C_2N_3(H).(HO)_2$
гуанамидъ

$C_2N_3(OH)_2.(NH_2)$
мелануреновая кислота

$C_2N_3(H)(HO)(NH_2)$
гуанидъ

$C_2N_3(OH).(NH_2)_2$
амелинъ

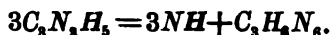
$C_2N_3(H).(NH_2)_2$
гуанинъ

Такая аналогія гуанаминовъ съ производными циануровой кислоты оправдывается также и способомъ ихъ образованія.

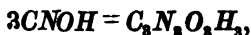
Ціануровая кислота, какъ известно, получается изъ мочевины выдѣленіемъ амміака; образование ея можно выразить уравненіемъ :

Меламинъ, по изслѣдованіямъ Ненцкаго ¹⁾, образуется подобно ціануровой кислотѣ, при нагрѣваніи гуанидина, по уравненію :

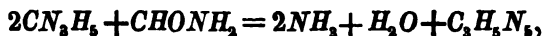
Или можно представить себѣ ціануровую кислоту, происшедшую полимеризаціею ціановой кислоты

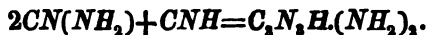
а меламинъ полимеризаціею ціанамида.

Точно также и образование гуанаминовъ, изъ гуанидина и формамида (и его гомоловъ), можно выразить подобнымъ-же уравненіемъ :

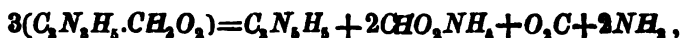

т. е. здѣсь происходитъ какъ бы сочетаніе ціанамида (изъ гуанидина) и ціанистаго водорода (нитриловъ) въ моментъ ихъ образованія :

Отличіе въ образованіи гуанаминовъ отъ ціануровой кислоты и меламина состоитъ только въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ полимеризируются однородныя частицы, а въ первомъ разнородныя.

Ненцкій выражаетъ образование напр. формогуанина уравненіемъ :

¹⁾ Berichte d. d. Chem. Ges. VII. 775.

которое болѣе сложно, чѣмъ вышеприведенное, но выражаетъ въ сущности то-же, что и послѣднее. Образование амидокислоты (напр. формамида, ацетамиды) при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ происходитъ полученіе гуанаминовъ, врядъ-ли возможно отрицать, а также нѣтъ основаній сомнѣваться въ реакціи амидовъ съ гуанидиномъ, такъ какъ, по изслѣдованіямъ Баумана, мочевины при нагрѣваніи реагируетъ съ гуанидиномъ выдѣляя аммиакъ и образуя дициандіамидинъ.

О строеніи гуанаминовъ и ихъ производныхъ были высказаны взгляды Ненцигъ ¹⁾, Вейтомъ ²⁾ и Клаусомъ ³⁾; здѣсь я провозжу взглядъ болѣе согласный со взглядомъ Клауса.

Къ полимернымъ-же производнымъ ціана относится, вѣроятно, также кіанетинъ и его гомологи, полученные Кольбе и Франкландомъ ⁴⁾ полимеризаціею нитриловъ и изслѣдованные въ послѣднее время Е. Мейеромъ ⁵⁾. Казалось бы проще всего эти соединенія разсматривать, какъ ціануровую кислоту, въ которой водные остатки замѣщены углеводородными остатками, но связь ихъ съ производными ціануровой к. не установлена. Изслѣдованія Е. Мейера показываютъ, что при нагрѣваніи кіанетина съ кислотами происходитъ отпаденіе частицы аммиака, причѣмъ образуется основаніе съ меньшимъ содержаніемъ азота, чѣмъ въ кіанетинѣ; изъ хлоропроизводнаго новаго основанія, при дѣйствіи аммиака, получается обратно кіанетинъ. Эти факты уже указываютъ, что полимеръ нитрила не заключаетъ въ себѣ группы C_2N_2 , съ тѣмъ характеромъ, который наблюдается въ настоящихъ производныхъ ціануровой кислоты, и мнѣ кажется, поэтому, что кіанетинъ, если и принадлежитъ къ полимернымъ соединеніямъ ціана, то скорѣе къ группѣ изоціануровыхъ эфировъ, чѣмъ къ нормальнымъ эфирамъ Гоemannна. Къ полимернымъ-же соединеніямъ причисляютъ также и полимеръ ціанстаго водорода, полученный и изслѣдованный Ланге, Випперманомъ и Лескеромъ изъ синильной кислоты ⁶⁾, дѣйствіемъ ѣд-

¹⁾ Berichte d. d. chem. Gesellsch. IX. 244 и 1008.

²⁾ Ibid. IX. 458.

³⁾ Ibid. IX. 722.

⁴⁾ Liebig's Annal. 65. 269.

⁵⁾ Journal für pract. Chemie 22. 261.

⁶⁾ Berichte d. d. chem. Ges. VI. 99. VII. 767; Bull. de la soc. chim. XXXIV. 473.

нихъ и углекислыхъ щелочей. Этотъ полимеръ при накаливаніи превращается въ свой мономеръ. При дѣйствіи же ѣдкаго барита разлагается на амміакъ, углекислоту и *сликоколь*. Другихъ фактовъ относительно полимера цианистаго водорода неизвѣстно и связь съ производными циануровой кислоты не установлена. Судя по реакціи съ ѣдкимъ баритомъ полимеръ цианистаго водорода, представляетъ собою нитрилъ амидомалоновой кислоты и не принадлежитъ къ роду полимерныхъ соединеній ціана, а также нельзя его считать низшимъ гомологомъ кіанэтина, — основаніе, которое также можно привести въ пользу высказаннаго мною предположенія о различіи въ строеніи цианистаго водорода и нитриловъ.

Джіордано Бруно и пантеизмъ.

(Философскій очеркъ).

Орд. проф. Н. Я. Грота.

Мы намѣрены посвятить настоящую статью оцѣнѣ значенія философа, великія заслуги котораго въ исторіи мысли несомнѣны для всякаго, кто безпристрастно изучалъ развитіе европейскаго самосознанія, а несчастная судьба котораго способна вызвать глубокое чувство жалости и негодованія во всѣхъ людяхъ, проникнутыхъ любовью къ ближнему и къ добру. Наука не можетъ не оцѣнить высоко тотъ глубокой слѣдъ, который оставилъ Дж. Бруно въ исторіи новой философіи, и то могучее вліяніе, которое онъ оказалъ на философовъ XVII вѣка, а черезъ нихъ и на всѣхъ мыслителей XVIII и XIX столѣтій, — человеческое сердце не можетъ не прійти въ искреннее умиленіе передъ геройскимъ самопожертвованіемъ этого человѣка, отдавшаго спокойствіе, счастье и, наконецъ, самую жизнь ради служенія тѣмъ великимъ идеямъ, которыя онъ считалъ истинными.

Въ настоящее время, въ отечествѣ Дж. Бруно, въ Италіи, возникла мысль поставить памятникъ этому герою человеческой мысли въ томъ самомъ городѣ, а именно въ Римѣ, въ которомъ онъ былъ сожженъ инквизиціей на кострѣ, 17 февраля 1600 года, за свое смѣлое служеніе истинѣ. Комитетъ по сооружеціи этого памятника обратился къ выдающимся ученымъ и мыслителямъ всѣхъ странъ, съ просьбою поддержать его въ этомъ благомъ предпріятіи. Викторъ Гюго, Эрнестъ Ренанъ, Куно Фишеръ обѣщали ему свою поддержку. Желая однако же какъ можно болѣе распространить сочувствіе къ своему предпріятію

среди иностранцевъ, комитетъ одновременно обратился съ просьбою объ устройствѣ публичныхъ чтеній о Дж. Бруно и къ болѣе скромнымъ труженникамъ въ области философіи въ другихъ странахъ Европы, и этимъ объясняется, почему и на нашу долю выпала честь сдѣлаться недавно истолкователемъ доктрины великаго пантеиста передъ одесскою публикой. Настоящая статья является только болѣе подробнымъ развитіемъ тѣхъ взглядовъ, которые были изложены нами въ публичной лекціи о Дж. Бруно ¹⁾).

Впрочемъ задачи настоящей статьи въ научно-историческомъ отношеніи самыя скромныя. Авторъ ея не имѣлъ возможности достать нѣкоторые изъ многочисленныхъ сочиненій Дж. Бруно, и потому не можетъ претендовать на честь считаться специальнымъ знаткомъ его системы. Да если бы онъ и задался цѣлью ознакомиться со всѣми философскими трудами Бруно, то эта задача едва ли была бы выполнима въ предѣлахъ Россіи. Дѣло въ томъ, что Дж. Бруно былъ до послѣдняго времени однимъ изъ наиболее заброшенныхъ философовъ. Первые изданія его сочиненій, запрещенныхъ при его осужденіи и частію истребленныхъ католическимъ духовенствомъ, такъ рѣдки, что ихъ нельзя найти собранными даже въ лучшихъ иностранныхъ бібліотекахъ и непосредственное знакомство съ ними доступно лишь немногимъ иностраннымъ ученымъ ²⁾. Въ 30 годахъ были предприняты новыя изданія итальянскихъ и латинскихъ сочиненій Дж. Бруно ³⁾; но и эти изданія частію остались неоконченными, частію уже разошлись въ продажѣ. Въ концѣ 70-хъ годовъ итальянское правительство предприняло новое изданіе, на государственныя средства, латинскихъ сочиненій Дж. Бруно, которое и было поручено профессору философіи Пизанскаго уни-

¹⁾ Прочитанной 10 февраля наст. г. въ Актномъ залѣ Новороссійскаго Университета.

²⁾ Ср. библиогр. замѣтку професс. Зигварта въ *Gött. gel. Anz.* 1881. St. 1, 2, стр. 25—26. Гартунгъ, въ монографіи *Grundlinien d. Ethik bei J. Bruno*, Лpz. 1878, сообщаетъ, что еще въ прошломъ вѣкѣ за экземпляръ маленькаго итальянскаго сочиненія Бруно «*Lo araccio de la bestia triomphante*» платили по 200 талеровъ и до 1130 франковъ.

³⁾ Итальянскихъ—Вагнеромъ въ 1830 г., латинскихъ—Гёёремомъ въ 1834 году.

верситета Фіорентино; но оно тоже еще не доведено до конца, а между тѣмъ проф. Фіорентино недавно умеръ. Притомъ и это изданіе въ ученое отношеніи страдаетъ многими недостатками¹⁾. Хорошихъ переводовъ сочиненій Дж. Бруно на болѣе распространенные европейскіе языки, французскій и нѣмецкій, тоже почти нѣтъ, за исключеніемъ одного сочиненія Бруно «О причинѣ, началѣ всего и единомъ», прекрасно переведеннаго на нѣмецкій языкъ въ философской библіотекѣ Кирхмана²⁾; а затѣмъ, изъ числа многочисленныхъ сочиненій Бруно есть и такія, которыя извѣстны только по заглавіямъ и не разысканы даже западными учеными³⁾.

Точно также и біографическія свѣдѣнія о скитальческой и многострадальной жизни Дж. Бруно еще во многихъ отношеніяхъ сбивчивы и туманны⁴⁾, и такихъ изслѣдованій, которыя бы совершенно исчерпывали задачу всесторонняго описанія и истолкованія жизни, дѣятельности и доктрины Дж. Бруно, нѣтъ до настоящаго времени и въ западной литературѣ⁵⁾.

¹⁾ Ср. упом. бібліогр. замѣтку Зигварта о 1 части I тома изданія Фіорентино (*Jordani Bruni Nolani opera lat. conscripta*, recens. F. Fioren- tino. Vol. I, P. I, Neapoli 1879), стр. 26—32.

²⁾ *Philos. Bibl. v. Kirchmann*. 53-й выпускъ. G. Bruno. *Von der Ur- sache, dem Princip u d. Einen, aus dem Ital.* пер. v. Ad. Lasson, Berl. 1872. Въ датир. ниже сочиненія Гикснера и Зибера есть еще переводъ сочи- нен. «О безконечномъ цѣломъ и о мірахъ», но по выраженію Лассона пере- воды Р. и З. полны величайшихъ недоразумѣній.

³⁾ Такая судьба постигла напр. юношеское сочиненіе Бруно «Ноевъ Ковчегъ», а также систематическое изложеніе его доктрины, начатое пишъ въ Венеціи, въ домѣ Моченно, которое вмѣстѣ съ прочими бумагами его попало въ руки инквизиціи и хранится вѣроятно въ ея архивахъ въ Римѣ. Каррьеръ въ своей статьѣ въ *Zeitschr. f. Philos.* (см. ниже) выражаетъ сожалѣніе, что ни онъ, ни кто другой не догадались во время революціи въ Римѣ (въ 1848 г.) обмыслить, съ цѣлью открытія новыхъ рукописей и документовъ о Дж. Бруно, архивы инквизиціи. Несомнѣнно, что въ этихъ послѣднихъ еще много неизвѣстнаго ученнымъ матеріала для выясненія событій жизни и уче- ній Бруно.

⁴⁾ Напр. еще и теперь между учеными существуетъ разногласіе о томъ, переходилъ ли Бруно изъ католическаго вѣроисповѣданія въ какое-либо дру- гое, или нѣтъ.

⁵⁾ Извѣстнѣйшія монографіи о Дж. Бруно въ зап. литературѣ слѣдую- щія: *Schelling*. Bruno oder über d. natürl. u. göttl. Princip der Dinge, Berl.

Въ частности, въ Одесскихъ библіотекахъ нѣтъ даже нѣкоторыхъ изъ немногочисленныхъ монографій о Дж. Бруно, которые были у насъ подъ руками въ другое время, такъ что для новыхъ справокъ и изысканій у насъ въ распоряженіи былъ весьма незначительный матеріалъ: кромѣ нѣсколькихъ сочиненій самого Бруно — двѣ, три монографіи, нѣсколько статей въ спеціальныхъ философскихъ журналахъ и словаряхъ, наконецъ, изложенія системы Бруно въ сочиненіяхъ по исторіи философіи¹⁾.

Къ счастью, важнѣйшія событія въ жизни Дж. Бруно и важнѣйшіе элементы его доктрины на столько уже твердо установлены въ послѣднее время наукою, что общее освѣщеніе и опредѣленіе значенія его ученій и его дѣятельности, въ особенности въ формѣ популярной статьи, предназначенной для публи-

1802, *Rizner u. Siber. Leben u. Lehrmeinungen berühmter Physiker d. XVI u. XVII J. V Heft. Jordanus Brunus* (съ портретомъ), Sulzbach. 1824, *Falkson. G. Bruno* (родъ романа), Berl. 1846, *Bartholmäss. J. Bruno. Par.* 1846—47., *Clemens. G. Bruno u. Nicolas v. Cusa*, Bonn. 1847., *M. Carrière. Die philos. Weltanschauung d. Reformationszeit*, Stuttg. 1847, s. 365 ff., *Scartaxzini. G. Bruno, ein Blutzzeuge des Wissens. Votr.* Biel. 1867, *Dom. Berti. Vita di G. Bruno da Nola.* Turin. 1869, *Hugo Wernecke. G. Bruno's Polemik gegen Aristoteles.* Dreed. 1871, *Pietro Bionda. G. Bruno, discorso.* Lecce. 1873, *Colocci. G. Bruno.* Roma. 1876, *Hartung. Grundlinien einer Ethik bei G. Bruno*, Lpz. 1879, *Brunnhöfer. G. Bruno's Weltanschauung.* Lpz. 1882 и др. Изъ нихъ важнѣйшими въ научномъ отношеніи должно считать труды Бартольмеса, Карьера, Бертти и Брунгофера.

¹⁾ Изъ статей въ журналахъ мы пользовались статьями *Carrière's* въ *Zeitschr. f. Philos.*, 54 т. (1869): *Neue Thatsachen zu G. Bruno's Leben u. Lehre*, *Barach'a* въ *Philos. Monatshefte*, XIII т. (1877): *Ueber die Philosophie d. Giord. Bruno* (двѣ статьи), *Lasswitz'a* въ *Vierteljahresschr. f. Wissensch. Philos.*, VIII Jahrg., I Н. (1884): *G. Bruno und die Atomistik*; статей *Berti* и *Manzoni* въ *La Filosofia della scuola italiana* (1876 и 1878) мы не могли достать (очень интересна статья Манцони о доктринахъ любви у Бруно и Шопенгауэра и объ аналогіи ихъ). Въ исторіяхъ философіи мы пользовались изложеніями Ибервега, Вебера, Виндельбанда и др., а также прекрасною статьею о Бруно въ *Philosophie-gesch. Lexicon* Ноака, 1879. Наконецъ, мы имѣли подъ руками монографіи Шеллинга, Риснера и Зибера, Клеменса, Гартунга. Уже послѣ написанія этой статьи мы познакомились съ «Биографіею Джордано Бруно», напечатанною А. Н. Веселовскимъ въ *Вѣстникѣ Европы*, 1881, Декабрь, на которую мы и сдѣлали вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько ссылокъ.

ни, едва знакомой даже съ именемъ этого мыслителя, возможно, — и должно принести, по нашему мнѣнію, известную пользу.

Но именно, въ виду указанныхъ причинъ, нашей цѣлью будетъ сгруппировать лишь важнѣйшія черты въ жизни и доктринѣ Дж. Бруно, которыя дали бы возможность освѣтить общее значеніе этого мыслителя въ ряду представителей новой философіи и выяснить философскую цѣну его системы не только въ прошедшемъ, но и въ настоящемъ, когда всѣ мы такъ сильно нуждаемся въ обновленіи своего мировоззрѣнія.

I.

Дж. Бруно по своему мировоззрѣнію былъ пантеистомъ, т. е. онъ вѣрилъ въ полное взаимное проникновеніе двухъ началъ, божественнаго и вещественнаго, въ дѣйствительно-существующемъ мірѣ, почему и признавалъ причиною и источникомъ всего существующаго *единое начало*, объединяющее въ себѣ упомянутыя два спеціальныя, — а именно Бога-вселенную. Но пантеизмъ Дж. Бруно имѣетъ при этомъ характерную черту, которая очень рѣдко встрѣчается въ исторіи мысли и составляетъ главную особенность его доктрины, а именно: онъ не отрицалъ во имя «Бога-вселенной» — личнаго Бога, творца міра. Вселенная и міръ для него — различныя понятія. Видимый вещественный міръ есть только продуктъ развитія въ частностяхъ общаго начала въ его вещественной сторонѣ, а именно вселенной, — подобно тому, какъ жизнь, сознаніе, мысль въ дѣйствительномъ мірѣ суть лишь частныя проявленія развитія мирового принципа сознанія, т. е. Бога. Другими словами, матеріальная и духовная жизнь дѣйствительнаго міра не поглощаютъ собою вполне всей матеріальной и духовной жизни вселенной. Напротивъ, эта послѣдняя, какъ цѣлое, живетъ особою жизнью, подобно тому какъ и организмъ живетъ особою жизнью, какъ цѣлое, — рядомъ съ спеціальною жизнью его элементовъ, — и сознаніе, мысль «организма» вселенной, говоря новѣйшимъ языкомъ, и есть тотъ Богъ, въ существованіе котораго такъ упорно вѣритъ человечество.

Таковъ главный остовъ доктрины Дж. Бруно, которую мы даѣе изложимъ болѣе подробно. Чтобы оцѣнить во всей полнотѣ значеніе этой великой доктрины, нужно предпослать изложенію ея рядъ общихъ соображеній о задачахъ философіи и различіяхъ философскихъ мировоззрѣній, какъ они выясняются нынѣ изъ исторіи всей новѣйшей философіи, науки и культуры. Руководящей нитью въ этихъ рассужденіяхъ общаго характера будетъ для насъ капитальный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ философіи и науки, и о вліяніи той и другой на ходъ человѣческой культуры.

Никто не сомнѣвается нынѣ въ томъ, что мысль человѣческая есть высшая форма и въ то-же время высшій продуктъ человѣческой жизни. Высшимъ *продуктомъ жизни* она является въ томъ смыслѣ, что, будучи сама лишь высшею формою ея, высшимъ фазисомъ ея развитія, она въ то-же время обособилась отъ нея, стала чѣмъ-то самостоятельнымъ, находящимся во взаимодействіи съ нею же, въ ея низшихъ формахъ. Эта дифференціація между мыслию и жизнью, какъ ея основой, произошла въ культурномъ человѣчествѣ давно,—съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ вступилъ въ фазу самосознанія, въ самой низшей формѣ его,—съ тѣхъ поръ, какъ въ кругу жизнедѣятельностей его получила особое мѣсто дѣятельность познанаія. Какъ и почему совершилось это обособленіе, мы теперь не будемъ разсматривать. Для насъ достаточно того факта, что съ извѣстнаго момента человѣкъ начинаетъ сознательно познавать или изучать міръ, съ цѣлью наилучшаго устроенія всѣхъ остальныхъ функций своей жизни. Функции эти сначала такъ нераздѣльны и перепутаны, что познаніе является еще неразчлененнымъ и однороднымъ въ своихъ задачахъ и направленіяхъ,—и всѣ тѣ роды познанаія, которые проявляются впоследствии отдѣльно, въ религиозныхъ вѣрованіяхъ, философскихъ воззрѣніяхъ, научныхъ изысканіяхъ, оказываются тѣсно слитыми другъ съ другомъ. У всѣхъ древнихъ и, между прочимъ, греческихъ мыслителей религиозное, философское и научное познаніе еще до такой степени слито, что разложить его на элементы крайне трудно. Было, правда, смутное сознаніе необходимости дифференцировать разные роды познанаія уже въ древности, напр. у Платона и

въ особенности у Аристотеля, но ясныхъ психологическихъ основаній для этого не существовало. Идея «знанія вообще» поглощала и подавляла всѣ болѣе спеціальныя идеи, въ нее входящія. Всего популярнѣе было различіе между знаніями общими и спеціальными или частными, но и оно представлялось важнымъ далеко не для всѣхъ мыслителей и послѣ Аристотеля надолго ступшевалось ¹⁾).

Съ распространеніемъ христіанской религіи, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, точно также сбивчивы были представленія о различныхъ родахъ познанія, доступныхъ человѣку и удовлетворяющихъ различнымъ потребностямъ челоуѣческаго духа,—такъ что философія, отождествлявшаяся съ наукою, разсматривалась только какъ орудіе доказательства религіозныхъ истинъ и преслѣдовалась во всѣхъ своихъ болѣе свободныхъ проявленіяхъ, — какъ только она выходила изъ роли истолковательницы религіозныхъ догматовъ.

Подъ вліяніемъ возрожденія древнихъ наукъ и философіи въ XV и XVI в., а также подъ вліяніемъ новыхъ религіозныхъ движеній на западѣ, окончившихся паденіемъ свѣтскаго главенства католической церкви въ западной Европѣ, философія и наука, особенно въ протестантскихъ странахъ, быстро эмансипировались отъ своей долгой рабской зависимости,—и познаніе раздвоилось. Вѣра и знаніе, какъ двѣ различныя формы воспріятія истины,—религія съ одной стороны, наука и философія, съ другой, стали существовать и развиваться совмѣстно, хотя вліяніе первой на умы, пропорціонально развитію философіи и науки, замѣтно все болѣе и болѣе умалняется.

Это освобожденіе знанія изъ оковъ религіозной догматики конечно породило рядъ новыхъ плодотворныхъ движеній въ области европейской мысли, какъ научныхъ, такъ и философскихъ; но до конца XVIII в. наука и философія еще были совершенно слиты,—если не de facto, то въ теоріи. Правда, уже съ XVII в., а отчасти уже и въ XVI, философы и люди науки—спеціалисты—стали все рѣзче и рѣзче обособляться другъ отъ друга. Но въ теоріи господствовало такое убѣжденіе, что фи-

¹⁾ Аристотель съ этой точки зрѣнія различаетъ первую философію (позднѣйшая метафизика) отъ второй философіи (наука), но въ обѣихъ стоитъ еще теорія познанія, какъ введеніе во всякую философію.

лософія есть только болѣе полная наука, или особая область науки, причемъ лишь весьма постепенно созрѣвало мнѣніе, что философія имѣетъ другія задачи, чѣмъ наука, и можетъ быть признана познаніемъ особаго рода, — познаніемъ *субъективнымъ* въ отличіе отъ *объективнаго*.

Въ развитіи этого послѣдняго убѣжденія самую выдающуюся роль игралъ Кантъ. Разграничивъ болѣе рѣзко, чѣмъ это дѣлали предшественники, сущности вещей отъ явленій, и признавъ, что наука можетъ имѣть дѣло только съ явленіями, онъ выбросилъ изъ науки цѣлый рядъ такихъ вопросовъ — о сущности души, матеріи, Бога, которые безраздѣльно признавались принадлежностью науки и философіи, еще не достаточно различавшихся другъ отъ друга. Между тѣмъ, изъ человѣческаго ума вопросы эти не такъ легко было изгнать, — и потому уже самъ Кантъ ищетъ опособа другимъ путемъ оправдать ихъ законность, причемъ приходитъ къ выводу, что мы можемъ къ нимъ подойти изъ непосредственнаго своего самосознанія, путемъ особой способности «практическаго разума». Это рѣшеніе его и послужило толчкомъ для ясной постановки вопроса объ отношеніяхъ философіи и науки. Самъ Кантъ, признавая два источника познанія, еще ясно не противопоставалъ, сообразно имъ, философіи и науки ¹⁾. Но признавъ объектомъ науки только «явленія», онъ невольно привелъ другихъ къ упомянутому противуположенію. Однако и до сего времени оно еще не утвердилось на надлежащихъ основаніяхъ. Дѣло въ томъ, что послѣдователи Канта и вообще всѣ люди мысли, прямо или косвенно находившіеся подъ его вліяніемъ, а таковыми являются въ сущности всѣ люди мысли послѣ Канта, раздѣлились на *четыре* лагеря. Одни, а именно большинство, выходя изъ отрицанія разсудочнаго, теоретическаго познанія сущностей вещей, отвергли всякій другой родъ познанія, кромѣ научнаго, признавая объектомъ этого послѣдняго только явленія, доступныя опыту, — и нельзя не признать, что именно эти люди своею фанатическою, хотя и одностороннею, преданностью наукѣ, были главными виновниками ея быстраго прогресса въ XIX в. Крупнѣйшимъ теоретикомъ этого направленія былъ *Контъ*, признававшій на-

¹⁾ Философію онъ считалъ главнымъ образомъ самую теорію познанія, т. е. критику познавательныхъ способностей человѣка.

уку о явленіяхъ единственной истинной философіей, въ понятіи «философіи позитивной». Другіе, находя тоже раздвоеніе теоретическаго познанія нежелательнымъ и незаконнымъ, искали вновь доказательства теоретической познаваемости сущностей и, впадъ въ противоположную крайность, дошли до отрицанія всякаго значенія за феноменальнымъ, т. е. собственно научнымъ познаніемъ, возстановивъ значеніе философіи, какъ единой истинной науки о сущемъ. Крупнѣйшимъ выразителемъ этого направленія былъ Гегель, одинъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ нѣмецкихъ идеалистовъ. Третьи, находя также упомянутое раздвоеніе нежелательнымъ, пытались вновь, различными способами, осуществить сліяніе науки и философіи и объединить въ одномъ дѣломъ идею знанія вообще. На этомъ поприщѣ трудились въ различныхъ направленіяхъ нѣмецкіе философы реалисты, напр. Гербартианцы, а въ послѣднее время англійскіе философы индуктивной школы, причемъ у всѣхъ ихъ одно общее, что они стараются философію со всеми ея проблемами, тѣмъ или другимъ способомъ, снова включить въ науку, какъ особую составную ея часть. Это-то стремленіе и породило столь популярный въ настоящее время взглядъ на философію, какъ на науку общую въ отличіе отъ спеціальныхъ, — какъ на науку, синтезирующую выводы всѣхъ спеціальныхъ наукъ, — взглядъ наиболѣе талантливо проведенный въ «Основныхъ началахъ» *Спенсера*, главнымъ современнымъ теоретикомъ этого направленія¹⁾. Четвертые — и это было самое разумное, но наименѣе распространенное направленіе, — старались оправдать и истолковать особое значеніе философіи рядомъ съ наукою, отвергнувъ ея тождество съ этою послѣднею и разрабатывая далѣе указанную Кантомъ проблему двойственности познанія. Крупнѣйшимъ выразителемъ этого направленія является *Шопенгауэръ*, устанавливающій различіе міра, какъ *представленія* (наука), отъ міра, какъ *воли*, познаваемой непосредственно, интуитивно (философія). Другими представителями его, ранѣе Шопенгауэра, были Ф. Г. Якоби, отчасти Баадеръ и Шеллингъ, въ послѣднемъ фазисѣ развитія

¹⁾ Въ Германіи представителемъ этого направленія въ послѣднее время отчасти является Дюрингъ, съ своею попыткою основать «философію дѣятельности», ибо и для него философіи есть «наука изъ наукъ».

своей философии,—причемъ однако всѣ эти послѣдніе мыслители впадаютъ въ крайній мистицизмъ въ своихъ воззрѣніяхъ на объектъ философскаго познанія. Несомнѣнные же недостатки и противорѣчія въ Шопенгауэровскомъ мировоззрѣніи не даютъ и до сего времени утвердиться его правильному основному разграниченію ¹⁾).

Несомнѣнно, что преобладающимъ въ наше время среди людей науки воззрѣніемъ слѣдуетъ признать то, которое было упомянуто первымъ и которое состоитъ въ совершенномъ отрицаніи познаваемости сущности вещей и въ совершенномъ отверженіи философіи, какъ особаго познанія, дополняющаго науку. Выходя изъ идеи единства знанія, оно, конечно, разрушаетъ самостоятельное значеніе философіи и, въ силу того же принципа единства знанія, отвергаетъ на ряду съ наукою познавательную цѣну религіи, провозглашая науку единственнымъ законнымъ родомъ познанія и отношенія къ вещамъ, и признавъ устами Конта и религиозное и, противоположавшее себя наукѣ, особое философское познаніе только высшими ступенями познанія научнаго. Въ этомъ убѣжденіи, какъ и во всемъ на свѣтѣ, истина и ложь замѣчательно перепутаны. Истиною является то, что дѣйствительно въ древности религиозные интересы подчиняли себѣ научные и философскіе, вполнѣдствіи философскіе стали подчинять себѣ интересы религиозные и научные, а въ XIX в., вполнѣдствіе нѣкотораго недоразумѣнія, о которомъ скажу послѣ, научные интересы получили исключительный перевѣсъ надъ религиозными и философскими. Въ христіанскую эру, какъ мы уже сказали, религія деспотически подчиняла себѣ философію и науку до самой эпохи возрожденія (XV и XVI вв.), которая является именно протестомъ противъ такой односторонности. Но одна крайность порождаетъ другую: отчасти уже съ конца XVII в., но особенно въ XVIII в., философія, еще всецѣло поглощая въ себѣ всѣ науки, изъ ненависти къ вышней религиозной догмѣ, столь долго тѣснившей ее, стала вести ожесточенную борьбу не только съ религиозной догмой, но и съ

¹⁾ Главная ошибка Шопенгауэра та, что онъ признаетъ «представленіе о мірѣ» исключительно субъективнымъ, чѣмъ уничтожаетъ въ сущности принятый имъ контрастъ двойнаго способа познанія вещей.

самой религіей, которую она смѣшивала съ догмою,—и самымъ яркимъ выраженіемъ этой борьбы, переживавшей всевозможныя фазы, являются воззрѣнія французскихъ философовъ-атеистовъ конца XVIII в. Въ XIX в. наука, наслѣдовавъ первенствующее мѣсто философіи въ интересахъ человѣчества, наслѣдовала отъ нея и ту же ненависть къ религіи и, въ лицѣ нѣмецкихъ ученыхъ матеріалистовъ недавняго прошлаго, мы имѣемъ самое яркое выраженіе ожесточенной вражды, которую наука объявляла всякой религіи. Слѣдовательно, исторически обобщеніе Конта совершенно вѣрно и законно, но если взять его теоретическую или соціологическую цѣну, то оно оказывается безусловно неудовлетворительнымъ. Контъ думалъ, что онъ рѣшилъ вопросъ не только относительно прошедшаго и настоящаго, но и относительно будущаго, — и то, что *было*, онъ возвелъ въ положеніе о томъ, что *должно* быть. Между тѣмъ уже самые факты опровергаютъ истинность этого его положенія, ибо нынѣ вновь возрождается во всей Европѣ не только интересъ къ философіи, независимо отъ интереса къ наукѣ, но, что еще важнѣе, интересъ къ религіи, рядомъ съ интересомъ къ философіи. Это новое двойное движеніе отразилось и у насъ появленіемъ такихъ правовѣрныхъ философовъ, какъ В. С. Соловьевъ и А. А. Козловъ, и такихъ энтузіастовъ въ вопросахъ религіи, какъ тотъ же Соловьевъ, а затѣмъ Достоевскій и графъ Л. Н. Толстой, хотя конечно религіозное направленіе всѣхъ этихъ мыслителей различно. Наконецъ, недавно появившіяся записки Н. И. Пирогова представляютъ новый образчикъ громаднаго тяготѣнія нашей эпохи къ внѣнаучному,—философскому и религіозному,—познанію. Къ сожалѣнію, и до сихъ поръ остаются невыясненными и не достаточно ясно сформулированными отношенія религіи, философіи и науки, какъ различныхъ, одинаково законныхъ родовъ воззрѣнія на міръ, и большая часть современныхъ поклонниковъ философіи и религіи впадаютъ въ старое, совершенно ошибочное стремленіе къ объединенію всѣхъ знаній подъ однимъ знаменемъ, то включая философію въ область науки, то отрицая, во имя религіи, и философію и науку.

Мы лично уже нѣсколько лѣтъ разрабатываемъ доктрину о коренномъ различіи и одинаковой законности научнаго и философскаго познанія вещей и нынѣ постараемся вновь болѣе ясно форму-

лизовать свою теорію, включивъ въ нее и вопросъ о значеніи религіи ¹⁾).

Человѣкъ живетъ двойною жизнью—*объективною и субъективною* или, употребляя не вполне точные популярныя термины,—*внѣшнюю и внутреннюю*. Это не гипотеза, а *фактъ*, ибо мы воспринимаемъ всѣ явленія, внѣ и внутри себя, двойнымъ орудіемъ—*мыслію и чувствомъ* или, уже на низшихъ ступеняхъ развитія сознанія, ощущеніемъ и чувствованіемъ. Вышній міръ мы воспринимаемъ *по преимуществу ощущеніемъ, мыслію*, себя самого—*по преимуществу чувствованіемъ и чувствомъ*; но однако и вышнія явленія оцѣниваются нами, въ ихъ отношеніи къ намъ лично,—чувствомъ, т. е. служатъ объектомъ и источникомъ для различныхъ нашихъ чувствъ и, съ другой стороны, себя самого человекъ не только чувствуетъ, но и ощущаетъ, ибо онъ ощущаетъ организмъ свой и совершающіеся въ немъ процессы физическіе и психо-физическіе.

Вслѣдствіе этого ощущенія наши дѣлятся на *внѣшнія и внутреннія*, и оба класса ощущеній участвуютъ въ содержаніи *объективной, научной познанія*,—въ большей или меньшей степени, а именно въ физикѣ и биологіи преобладаетъ внѣшній объективный, въ психологіи и социологіи—внутренній объективный опытъ ²⁾). Точно также, имѣя непосредственный источникъ самопознанія въ чувствахъ, человекъ въ нихъ же находитъ и особый источникъ для познанія другихъ живыхъ существъ и міра,—*черезъ себя самою*, черезъ оцѣнку значенія вещей въ отношеніи къ себѣ, такъ что *субъективное ея воспріятіе и познаніе* столь же удобно можетъ быть распространено отъ ея «я» на міръ,

¹⁾ Справедливость требуетъ сказать, что въ одномъ направленіи съ нами, совершенно независимо и весьма успѣшно, ту же доктрину разрабатываетъ сначала въ журналѣ «Мысль», а затѣмъ въ журналѣ «Русское Богатство» публицистъ-философъ Л. Е. Оболенскій. Но способъ обоснованія и развитія по существу однородныхъ взглядовъ у него нѣсколько иной, чѣмъ у насъ, вслѣдствіе различія нашихъ психологическихъ, а отчасти и социальныхъ воззрѣній. Время покажетъ, какой изъ набранныхъ нами путей лучше приведетъ къ цѣли.

²⁾ Ср. объ этомъ подробнѣе въ нашей статьѣ «О классификаціи наукъ» (Русское Богатство, 1894).

какъ и обратно: *объективное познание* — отъ міра на него самого (черезъ изученіе его организма).

Познаніе вещей путемъ *объективнаго* и *субъективнаго* опыта и есть установленное Кантомъ двойное познаніе *явленій* («*еноменовъ*») теоретическимъ разумомъ (т. е. умомъ) и *сущностей* вещей («*ноуменовъ*») практическимъ разумомъ (т. е. чувствомъ). Объективный и субъективный опытъ имѣютъ одинаковыя достоинства и недостатки. Непосредственныя основы того и другого, ощущенія и чувствованія удовольствія и страданія, одинаково относительны, обманчивы, недостоверны, вслѣдствіе примѣси индивидуальныхъ элементовъ. Но переработка тѣхъ и другихъ сознаниемъ, путемъ приемовъ ихъ сравненія, взаимной повѣрки, искусственнаго воспроизведенія и обработки въ высшіе продукты — отвлеченныя идеи и отвлеченныя чувства, уничтожаетъ ихъ относительность, ихъ призрачность и недостоверность. Совокупное сознание мыслителей всѣхъ временъ признало эту двойкую истину для обѣихъ сферъ познанія—умомъ и чувствомъ. Но *отдѣльные* мыслители, вслѣдствіе наклонности человеческого ума къ односторонности, обыкновенно видѣли только часть истины. Одни изъ нихъ, а именно идеалисты всѣхъ временъ, напр. Элейцы, Платонъ, отчасти Декартъ, затѣмъ Беркли и нѣмецкіе идеалисты нынѣшняго вѣка, замѣчая обманчивость и относительность ощущеній, искали критерія достоверной истины въ нашемъ самосознаніи, но такъ какъ имъ нуженъ былъ все-таки критерій объективнаго, научнаго знанія, то они искали его не въ субъективномъ, а въ *объективномъ* самосознаніи — въ идеяхъ, оторванныхъ отъ своей основы—ощущеній. Другіе мыслители, а именно эмпирики всѣхъ временъ, замѣчая относительность чувствованій, отвергли, напротивъ, всякую достоверность самосознанія и искали критерія истины исключительно въ объективномъ опытѣ и въ его орудіяхъ—ощущеніяхъ и перерабатывающей ихъ мысли (Бэконъ и его послѣдователи, а въ послѣднее время особенно Контъ и позитивисты). Третьи, а именно скептики всѣхъ временъ, замѣчая относительность и обманчивость и ощущеній, и чувствованій отвергали возможность какого бы то ни было достовернаго познанія и твердаго критерія истины. Лишь небольшое число мыслителей различныхъ вѣковъ, которыхъ можно назвать «критиками» (Аристотель, Локкъ, Кантъ и др.) признавали двойственность познанія, достовер-

ность котораго въ обоихъ случаяхъ достигается переработкою данныхъ объективнаго сознанія и самосознанія. Но только немногіе изъ нихъ понимали, что самосознаніе, какъ источникъ истины, основано на чувствѣ, т. е. *субъективно*. Эту доктрину современная психологія можетъ установить болѣе точно, разграничивъ, сообразно противоположности ощущеній и чувствованій, — ума и чувства, двоякую достовѣрность — *объективную* (знаніе въ тѣсномъ значеніи слова) и *субъективную* (вѣра, которая и есть именно знаніе чувствомъ). Теперь спрашивается, какъ связать эту психологическую теорію съ разграниченными нами выше родами возрѣній человѣка на міръ?

Непосредственное познаніе вещей умомъ — въ явленіяхъ опыта — составляетъ основу *научнаго, объективнаго* познанія.

Непосредственное познаніе вещей *чувствомъ*, или субъективное познаніе ихъ внутренняго смысла и природы, отражается въ *религіозныхъ* нашихъ возрѣніяхъ, возникающихъ въ каждомъ человѣкѣ, живущемъ полною жизнью, независимо отъ воспріятія имъ извѣстной той или другой религіозной догмы, — въ возрѣніяхъ, которыя объясняютъ и самый фактъ тяготѣнія нѣкоторыхъ людей къ этой послѣдней, а равно, въ извѣстныхъ случаяхъ, и неудовлетворенность ею. Эти непосредственно навѣянные чувствомъ религіозныя возрѣнія, конечно, слагаются совершенно независимо отъ всякихъ теоретическихъ, научныхъ доктринъ, и потому такъ часто противорѣчатъ имъ. Но въ то же время они съ упорствомъ воспроизводятся на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣка, если онъ не живетъ одностороннею разсудочною жизнью, ибо самая основа ихъ — чувство — составляетъ неизбѣжную, прирожденную принадлежность человѣческой организаціи. Этимъ то послѣднимъ фактомъ и объясняется, почему часто даже сознаніе очень высоко развитыхъ научно людей, въ родѣ Ньютоновъ и Дарвиновъ, раздваивается и заставляетъ ихъ, вопреки нѣкоторымъ научнымъ доводамъ, быть вѣрующими или, по выраженію Карла Фохта, вести двойную бухгалтерію души (см. Посм. Зап. Пирогова, Р. Ст. Дек. 1884). Имъ-же объясняется и тотъ фактъ, что, не смотря на самую краснорѣчивую проповѣдь, наукѣ не удавалось, да и не удастся никогда искоренить въ людяхъ, чуждыхъ односторонности, всякую вѣру и религіозныя влеченія.

Чувство въ человѣкѣ такой-же реальный фактъ, какъ и

мысль. Если наука удовлетворяет иногда сравнительно весьма полно интересамъ мысли, то она рѣшительно не въ состояніи дать разумнаго удовлетворенія и оправданія тѣмъ или другимъ чувствамъ нашимъ, объясняя ихъ развѣ только ссылкой на организацію. Но эта ссылка повторяетъ только то, что содержится въ вопросѣ, т. е. констатируетъ фактъ, а не осмысляетъ его. Измѣнивъ нѣсколько формулу Канта, можно сказать, что въ субъективномъ сознаніи своемъ, т. е. въ чувствахъ своихъ, мы соприкасаемся съ другою стороною бытія, чѣмъ въ ощущеніяхъ и идеяхъ, а именно уже не съ явленіями, а съ самою сущностью бытія ¹⁾. Посредствомъ чувствъ мы не косвенно и издавна, а непосредственно и прямо становимся лицомъ къ лицу съ проблемною жизни, бытія, и это даетъ намъ право искать въ ихъ показаніяхъ разрѣшенія этой проблемы. Конечно, это познаніе чувствомъ есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ познаніе умомъ, но отрицать то, что и это есть своего рода познаніе, было бы странно, ибо чувство, а не что-либо другое говоритъ намъ, что вещи хороши или дурны, полезны или вредны, высоки или низки, а всѣ эти признаки бытія несомнѣнно реальны, хотя и въ другомъ смыслѣ, чѣмъ признаки объективные. Много разъ человѣчество пыталось отвергнуть ихъ реальность и не было въ состояніи, ибо даже такой взглядъ, что чувства реальны *лишь es насъ*, т. е. субъективно, психологически, не измѣняетъ дѣла: во первыхъ, и ощущенія и идеи, какъ доказалъ еще Локкъ, непосредственно реальны только въ насъ; во вторыхъ, откуда же взялись эти чувства *es насъ*? Если они реальны *es насъ*, то стало быть реальны и въ другихъ живыхъ существахъ, а что же въ мірѣ не живетъ, хотя бы и самую низшею жизнью (сила вѣдь есть тоже только низшая форма жизни)?

Такимъ образомъ, познаніе чувствомъ есть *фактъ*, и это познаніе въ своемъ чистомъ видѣ осуществляется въ религиозныхъ воззрѣніяхъ, непосредственно навѣянныхъ чувствомъ, — какъ познаніе умомъ, очищеннымъ отъ всякой примѣси чувства, осуществляется въ научномъ анализѣ.

Человѣческая природа однако не терпитъ раздвоенія, и,

¹⁾ Конечно, не въ смыслѣ мертвой, отвлеченно-идейной, схоластической «субстанціи», а въ смыслѣ живого конкретнаго факта, даннаго въ самомъ чувствѣ жизни.

какъ и все въ мірѣ, *раздвоенное въ сознании* стремится вновь *объединиться*: религиозныя воззрѣнія стремятся *примириться* съ воззрѣніями научными и въ то же время стремятся ограничить холодный въ своей неумолимой послѣдовательности я, вслѣдствіе этого, часто односторонній и приводящій къ крайностямъ анализъ науки. Это примиреніе и находитъ себѣ выраженіе въ *философской* творческой дѣятельности ума ¹⁾. Философія стремится выполнять ту же задачу, что и религія, т. е. дать удовлетвореніе субъективнымъ потребностямъ человѣческаго духа—потребностямъ чувства; но она уже ищетъ этого удовлетворенія не независимо отъ науки, а въ связи и союзѣ съ нею. Она старается такъ освѣтить религиозныя воззрѣнія и стремленія человѣческой природы, чтобы они согласовались съ наукою, а не шли въ разрѣзъ съ нею; она стремится—и наукѣ указать ея истинныя предѣлы,—и религію уложить въ тѣ рамки, въ коихъ ея роль является вполне законною и плодотворною. Другими словами, философія стремится къ выработкѣ такого міровоззрѣнія, которое, принимая въ соображеніе всѣ несомнѣнные выводы феноменальнаго, научнаго изученія міра, въ то же время освѣщала бы самую сущность и внутренній смыслъ его ²⁾. Это накладываетъ на всѣ изысканія ея особую печать.

¹⁾ По терминологіи современныхъ психологовъ-эмпириковъ эта дѣятельность ума называется построительной ассоціаціей (см. Бэнъ).

²⁾ Недостаточность одного научнаго познанія для удовлетворенія этихъ нравственныхъ потребностей человѣка недавно прекрасно выражена известнымъ англійскимъ психологомъ позитивной и индуктивной школы, Маудсли, авторомъ «Физиологіи и патологіи души»,—въ его новой книгѣ «Тѣло и воля» (Body a. Will, Lond. 1883). Приведемъ слѣдующую замѣчательную тираду изъ упомянутой книги: «Наука сама по себѣ не непременно хороша, она есть коварно сила, могущая служить столько-же злу, сколько и добру. Братство, основанное на началахъ одной науки, было бы постройкой безъ цемента. И весьма знаменательно въ этомъ отношеніи, что три великія монотеистическія религіи — іудейская, христіанская и магометанская, относились всегда враждебно къ наукѣ, вслѣдствіе вѣрнаго и глубокаго инстинкта. Тотъ, кто достаточно энтузіастъ, чтобы вѣрить въ возможность возрожденія общества, чрезъ прямое воздѣйствіе науки, и кто считаетъ ее столь великимъ благомъ, что величайшіе умы нашего времени должны всецѣло устремиться на изученіе ничтожайшихъ деталей спеціальной науки, сдѣлалъ бы хорошо, если бы доказалъ міру, что болѣе нравственно путешествовать, проѣзжая по 50

Наука воплѣтъ законно пришла, въ концѣ концовъ, къ ограниченію своихъ собственныхъ изслѣдованій соотношеніями сходства, различія и однородности,—сосуществованія, послѣдовательности и причинной связи *явленій*. «Однородность» и «причинныя отношенія», вообще «механизмъ» явленій,—вотъ высшіе объекты ея изысканій. Точка зрѣнія религіи другая: стараясь проникнуть въ сущность вещей, она спрашиваетъ, *для чего, почему* онѣ существуютъ, и идея *цѣли и смысла*, а равно и *конечной причины* бытія—таковы руководящія ея идеи.

Философія, стремясь къ синтезу воззрѣній, религіознаго и научнаго, должна, разумѣется, соединить и обѣ упомянутыя точки зрѣнія, *причинности* и *цѣлесообразности*, стараясь проникнуть въ природу явленій всесторонне,—причемъ, изслѣдуя цѣлесообразность вещей, она не должна упускать изъ виду дѣйствительной, выясненной наукою, въ ея законахъ, причинной связи явленій; наур., если она изслѣдуетъ сущность человѣческаго сознанія, то изъ этого не слѣдуетъ, что она должна упускать изъ виду установленную наукою причинную связь между явленіями физиологическими и психическими,—если она изслѣдуетъ сущность міровой причины, то точно также не должна упускать изъ виду установленную наукою теорію развитія, сводящуюся къ признанію въ природѣ извѣстной особой цѣпи причинъ и дѣйствій, и т. д.

Таковы выведенныя изъ научнаго психологическаго анализа соотношенія религіи, философіи и науки. Конечно, эти выводы найдутъ себѣ многихъ противниковъ среди современныхъ представителей научнаго знанія; но пусть эти послѣдніе по край-

нѣ въ часть, позади локомотива, чѣмъ дѣлая по 10 миль въ дѣлягонсѣ. Результатомъ великихъ современныхъ успѣховъ промышленности, искусствъ и различныхъ родовъ матеріальнаго благосостоянія является развитіе многихъ новыхъ желаній эгонистическаго типа, жгучая страстность которыхъ является источникомъ испорченности. Сдѣлала ли наука хоть что-нибудь для уравновѣшенія этого крайняго развитія эгонизма? Ослабила ли религію, эту великую контрольную силу, которая когда-то сдерживала эгонизмъ, поставила-ли она какую-нибудь другую альтруистическую силу на ея мѣсто? и т. д. (см. стр. 210 и слѣд.).

ней иѣрѣ не забываютъ, что во взглядахъ на задачи позитивной науки мы вполне сходимся съ ними. Мы полагаемъ только, что принципъ цѣлесообразности, изгнанный изъ науки, долженъ найти себѣ законное признаніе въ философіи, хотя и ограниченный въ ней принципомъ причинности.

Объяснять внутренній смыслъ вещей, не прибѣгая къ понятію «цѣли», по нашему мнѣнію, можетъ только человѣкъ, не знающій самъ, чего онъ хочетъ. Понятія «смысла» и «значенія» уже включаютъ въ себѣ идею «цѣли», по отношенію къ которой этотъ смыслъ и значеніе возникаютъ. Слѣдовательно, передъ нами стоитъ такая дилемма: или человѣкъ долженъ ограничиться феноменальнымъ познаніемъ вещей, не вникая въ ихъ внутреннее значеніе и отказавшись отъ всякихъ твердыхъ принциповъ дѣятельности, или онъ долженъ искать опредѣленія цѣлей всего сущаго путемъ философскаго творчества. Но первое никого не удовлетворитъ, кто уже пережилъ періодъ наивной непосредственности и хоть разъ спросилъ себя, *для чего онъ живетъ и куда онъ идетъ*. Остается, слѣдовательно, второе. Необходимо только философское исканіе цѣлей бытія различать отъ научнаго изслѣдованія причинной связи его проявленій.

Таковъ, *мнѣ кажется*, единственно законный результатъ той упорной работы мысли, которую человечество совершаетъ уже болѣе двадцати четырехъ вѣковъ въ процессѣ опредѣленія задачъ познанія. Впрочемъ проблема познанія есть, по преимуществу, предметъ научныхъ и философскихъ изысканій *новаго времени*. Правда, уже въ древности она была поставлена Пифагоромъ, Элейцами, Софистами, Сократомъ, Платономъ, Аристотелемъ, скептиками и другими философскими школами; но рѣшенія ея въ древности, вслѣдствіе недостаточности психологическихъ знаній, были крайне неудовлетворительны и чаще всего поверхностно-односторонни. Заслуга новой философіи состоитъ всего болѣе въ томъ, что она сосредоточила вниманіе свое на изученіи человѣка и тѣмъ самымъ породила науку психологію, въ настоящемъ значеніи этого слова. Какъ ни несовершенна еще психологія нашего времени, сравнительно съ другими, болѣе точными науками,—она тѣмъ не менѣе уже дала важные результаты для теоріи познанія, и тѣ выводы, которые мы выше изложили, вполне оправдываются новѣйшими научными психологическими изысканіями.

II.

Философскія мировоззрѣнія человѣчества, объединяя всѣ его знанія—теоретическія и практическія, всѣ его воззрѣнія—научныя и религіозныя, всегда оказывали громадное вліяніе на складъ его жизни. Вытекая сами первоначально изъ жизни, изъ самыхъ внутреннихъ ея основъ—чувствъ и влеченій человѣка, они затѣмъ покоряли себѣ эти послѣднія и заставляли человѣка такъ или иначе оцѣнивать *значеніе своей жизни*, ставить ей тѣ или другія *цѣли*. Это и понятно; съ развитіемъ человѣческаго сознанія, оно постепенно овладѣваетъ средою, и, если было время, когда среда господствовала надъ человѣкомъ, то уже конечно наступилъ моментъ, когда человѣкъ сталъ, если не вполне, то во многихъ отношеніяхъ господствовать надъ средою. Въ этомъ и заключается сущность его произвольной дѣятельности, его свободной воли, какъ мы старались показать въ одной изъ прежнихъ своихъ статей ¹⁾.

Конечно, нынѣ еще не все человѣчество нравственно свободно, и вообще не столько индивидуумъ, сколько сумма индивидуумовъ господствуетъ надъ средою; но мировоззрѣніе эпохи и есть обыкновенно продуктъ мысли суммы индивидуумовъ, и потому оно часто регулируетъ жизнь даже и тѣхъ людей, которые непосредственно къ нему неприкосновенны. Дѣйствительно, въ каждую эпоху жизни культурнаго человѣчества различныя мировоззрѣнія отражаются—и въ различномъ устройствѣ общественнаго быта,—и въ различныхъ формахъ добродѣтели и порока, подвиговъ и преступленій массы.

Если нынѣ самоубійства, бросаніе дѣтей въ помойныя ямы, безпричинныя и неслѣпыя убійства изъ-за пустяковъ, пьянство, грабительство, насилуванія дѣтей ²⁾ и другія подобныя преступленія безъ удержа и въ ужасающихъ размѣрахъ развиваются въ необразованной европейской и, въ частности, въ нашей русской народной массѣ, то не оттого ли именно, что нынѣшнія миро-

¹⁾ «Къ вопросу о свободѣ воли». Одесса. 1884.

²⁾ Въ послѣднюю, январскую, сессію въ одномъ Одесскомъ окружномъ судѣ разбиралось четыре такихъ дѣлъ, глубоко возмутительныхъ по цѣнзурной обстановкѣ (въ двухъ случаяхъ дѣвочки 12—13 лѣтъ были изнасилованы собственными отцами).

воззрѣнія интеллигентнаго общества разрушили своимъ вліаніемъ тѣ начала, которыя сдерживали эту массу? Даже религіозное безвѣріе, безъ всякой сознательной работы мысли, его оправдывающей, быстро распространяется въ этой массѣ. И это понятно: есть законъ диффузіи, распространенія идей и нравственныхъ влеченій,—такой-же, какой управляетъ и распространеніемъ физическихъ движеній въ матеріальной средѣ; есть нравственная заразительность, сходная съ фізіологическою. Этотъ фактъ давно подмѣченъ соціологами и объясняется ими путемъ психическихъ явленій раздраженія, взаимнаго обмѣна и приспособленія идей и чувствъ въ средѣ человѣческой.

Слѣдовательно, не безразлично для человѣчества, какое въ данный моментъ господствуетъ среди него міровоззрѣніе. Этотъ вопросъ для нравственнаго строя человѣчества имѣетъ первостепенную важность и этимъ объясняется, почему образованное общество всегда внимательно слѣдило за отвѣченными построеніями своихъ философовъ.

Какія же нынѣ господствуютъ среди культурнаго человѣчества міровоззрѣнія? Должно быть, не очень глубокія, если судить по явленіямъ современной жизни. И дѣйствительно, міровоззрѣнія эти крайне односторонни.

Въ извѣстной части необразованной массы господствуетъ абсолютный и крайне грубый,—по послѣдствіямъ своимъ пагубный, *дуализмъ*, т. е. ученіе о безусловной двойственности началъ всего сущаго. Въ образованномъ обществѣ господствуетъ и быстро распространяется въ слои необразованной массы столь же абсолютный, грубый и вредный *монизмъ*, т. е. ученіе о единствѣ всѣхъ началъ въ природѣ (теорія матеріи-силы). Первый исходитъ изъ старыхъ и уже пережившихъ себя философскихъ традицій, второй — изъ одностороннихъ научныхъ или, въ сущности говоря, лженаучныхъ тенденцій. Общій же источникъ того и другого заключается въ новѣйшемъ *раціонализмѣ*, которымъ столь долго гордилось человѣчество и который сослужилъ ему дѣйствительную службу созданіемъ новѣйшей науки; но въ то же время, доведенный до крайности, привелъ его къ отрицанію философіи и къ развитію абсолютизма въ знаніи,

проявляющагося и въ упомянутомъ дуализмѣ, и въ его контрастѣ — монизмѣ.

Рационализмъ есть поклоненіе разуму, интеллекту человѣка и ведетъ онъ свое начало, въ новое время, отъ Бэкона и Декарта. Обоотвореніе ума человѣческаго, какъ силы безпредѣльной, разумѣется, должно было рано или поздно заставить мыслителей забыть интересы чувства, нравственной природы человѣка. Конецъ XVIII вѣка представляетъ именно крайнее развитіе разсудочности, выразившееся между прочимъ и практически — въ жесточайшей изъ революцій, французской. Было бы долго слѣдить за всѣми фазами развитія рационализма въ Европѣ, да притомъ эта задача уже прекрасно выполнена нѣкоторыми учеными (напр. Лекки). Достаточно сказать, что, выйдя изъ абсолютнаго дуализма, т. е. абсолютнаго противоположенія духа и матеріи въ ученіи Декарта, рационализмъ логически дошелъ до обратной доктрины абсолютнаго монизма, признающаго въ мирѣ одно лишь начало — матерію.

Въ XVII в. философовъ занималъ вопросъ о взаимодѣйствіи духа и матеріи при ихъ совершенной разнородности, признанной Декартомъ, — и этотъ вопросъ, конечно, былъ рѣшенъ отрицательно, въ пользу невозможности такого взаимодѣйствія «вполнѣ разнородныхъ началъ» и необходимости допущенія третьей, постоянно регулирующей или разъ навсегда регулировавшей ихъ взаимоотношенія силы, а именно Божества (окказионалисты, Малебраншъ и Лейбницъ). Это рѣшеніе, предполагающее въ основѣ всего совершающагося вѣчное чудо, было принято многими, особенно изъ числа германскихъ мыслителей, и въ первую половину XVIII в. Но остальнымъ послышкамъ рационализма такое предположеніе абсолютнаго дуализма, конечно, глубоко противорѣчило, ибо теоретическая мысль не можетъ помириться съ понятіемъ «чуда». И вотъ, во имя того-же рационализма, съ первой же половины XVIII в. среди европейскихъ мыслителей начало развиваться (особенно во Франціи и въ Англіи) и впоследствии вполнѣ возобладало мировоззрѣніе абсолютнаго монизма, единства природы въ матеріи, каковая доктрина повидимому все болѣе и болѣе подтверждалась расширяющимися открытіями науки. Даже критика Канта, доказавшая, что за явлениями матеріальными скрывается какой-то таинственный, непонятный остатокъ, выражаемый идеями *бытія, жизни, сознанія,*

неспособна была убѣдить людей науки въ несводимости всѣхъ явленій дѣйствительности къ веществу, къ матеріи. Благодаря успѣхамъ матеріальной по самому существу своему науки ¹⁾, въ нихъ укрѣплялась вѣра въ доктрину абсолютнаго, т. е. материалистическаго монизма. Заблужденіе ихъ было только въ томъ, что они считали этотъ монизмъ вполне научнымъ, между тѣмъ какъ de facto онъ является плодомъ поверхностной философіи, — плохой философіи, претендующей на научность, т. е. особаго рода метафизики. Практическія или нравственныя послѣдствія абсолютнаго дуализма и монизма въ жизни человѣчества были почти одинаково печальны.

Абсолютный дуализмъ ведетъ логически къ теоріи фатализма и, вслѣдствіе этого самаго, къ апатіи и нравственной инертности. Въ самомъ дѣлѣ: если въ насъ тѣло и духъ — абсолютно различныя вещи, не могущія взаимодействовать другъ съ другомъ начала, управляемія извнѣ Богомъ, то во 1) отъ Бога зависятъ наше совершенство: захочетъ онъ, и мы будемъ хороши, и обратно; во 2) для достиженія нравственнаго совершенства необходима не столько активная борьба со зломъ, сколько умилостивленіе Бога разными обрядами и молитвой, ибо прямая борьба духа съ тѣломъ, безъ посредства Бога, вообще невозможна; въ 3) не отъ Бога ли и всѣ наши тѣлесныя влеченія, ибо непосредственно Онъ, а не наше сознаніе, управляетъ тѣломъ, — а тогда зачѣмъ ихъ обуздывать? Въ 4) если тѣло не дѣйствуетъ на духъ, то, значитъ, замянуть духъ свой пороками мы не можемъ: онъ вѣчно остается цѣлостнымъ и крѣпкимъ самъ по себѣ, и «для спасенія его» достаточно подумать объ его интересахъ подъ старость, предъ смертью; тогда будетъ время «замолить» грѣхи.

Таковы нравственные выводы изъ абсолютнаго дуализма, выражающіеся въ столь извѣстномъ каждому изъ насъ дуалистическомъ міровоззрѣніи необразованной и мало образованной толпы.

Абсолютный монизмъ въ свою очередь, наоборотъ, ведетъ

¹⁾ Наука не можетъ не быть совершенно матеріальной уже потому, что вся основывается на матеріальномъ, чувственномъ — внѣшнемъ и внутреннемъ — опытѣ. Она только не должна смѣшивать матеріальную основоположительность бытія съ его истинною сущностью, которая ей изученію недоступна.

къ не менѣ пагубной теоріи случая. Отрицая фундаментальную грань между добромъ и зломъ, между нравственнымъ и безнравственнымъ, законнымъ и незаконнымъ, и путая всѣ эти понятія въ идеѣ естественнаго, фактически даннаго, *необходимаго*, оны точно также уничтожаетъ смыслъ всякой нравственной борьбы, всякаго произвольнаго самоусовершенствованія. Вся судьба человѣка зависитъ отъ случайныхъ сплетеній явленій, порожденныхъ *законами необходимости*; впутренняго значенія эти сплетенія явленій не могутъ имѣть. Нравственное совершенствованіе, произвольность, добродѣтель, добро,— все это, по мнѣнію абсолютныхъ монистовъ, понятія совершенно относительныя, придуманныя человекомъ, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ природою, — все это въ концѣ концовъ чистѣйшія фикціи, иллюзіи ¹⁾.

Какъ же выйти изъ этихъ двухъ противоположныхъ и однаково крайнихъ міровоззрѣній современной намъ эпохи, объясняющихъ столь обычное въ наше время поклоненіе порокамъ, равнодушіе къ добру, презрѣніе ко всякой нравственной борьбѣ?

Мы знаемъ слѣпую и ожесточенную ненависть нашего времени ко всему, что называется серединой,—ненависть, объясняемую именно предрасудками, порожденными одностороннимъ рационализмомъ,—и все-таки, согласно великому учителю своему Арпстотелю, скажемъ смѣло, что все хороше, по нашему мнѣнію, лежитъ въ серединѣ между двумя крайностями. Но истина не есть «механическая» середина между двумя мнѣніями, истина есть интеграція дифференцированнаго, — органическій синтезъ противоположностей, объединеніе ихъ въ чемъ-то высшемъ. Въ данномъ случаѣ, истина—въ синтезѣ монизма и дуализма,—въ доктринѣ, которая еще не имѣетъ нынѣ общаго названія, но проще всего можетъ быть названа *монодуалистической*.

Эта монодуалистическая доктрина есть единственно вѣрная и единственно широкая *философская* доктрина. Уже въ общемъ характерѣ самой философіи, синтезирующей научныя и религіозныя воззрѣнія человѣка, стремящейся примирить интересы его ума и чувства, есть указаніе на единственную законность этой

¹⁾ Система положеній этой доктрины прекрасно изложена Пироговымъ въ его «Запискахъ».

монодуалистической доктрины, съ точки зрѣнія философіи. А если мы посмотрѣли бы, чѣмъ велики величайшіе изъ философовъ всѣхъ временъ и чѣмъ они отличаются отъ всѣхъ невеликихъ философовъ, то оказалось бы, что величіе ихъ именно въ томъ и состоитъ, что они понимали основную проблему философіи, состоящую въ примиреніи монизма и дуализма во вселенной, и пытались, такъ или иначе, осуществить это примиреніе. Не къ этому ли стремились въ древности Пифагоръ, Платонъ, Аристотель, Плотинъ,— въ новое время Дж. Бруно, Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, Кантъ и другіе выдающіеся мыслители? Конечно, не всѣ они шли къ этой цѣли одинаковымъ путемъ, и оттого зависитъ различная удача ихъ въ своемъ предпріятіи, различная степень «органичности» ихъ синтеза; но всѣмъ имъ надо все-таки отдать справедливость въ томъ, что они болѣе или менѣе ясно понимали упомянутую основную задачу философіи.

Всего правильнѣе и шире эта послѣдняя была разрѣшаема въ *пантеистическихъ* міровоззрѣніяхъ, но однако не во всѣхъ ихъ формахъ одинаково. Пантеизмъ проявлялся въ исторіи мысли въ трехъ различныхъ формахъ, которыя имѣютъ общимъ только тотъ принципъ, что жизнь міра есть раскрытіе природы Божества. Но какъ совершается это раскрытіе и каково само Божество? На этотъ вопросъ было *три* существенно-различныхъ отвѣта.

Древніе пантеисты, считавшіе міръ ограниченнымъ и признававшіе, что земля составляетъ центръ ограниченаго небеснымъ покровомъ міра, разумѣется должны были ставить безконечное божество, въ немъ раскрывающееся, главнымъ образомъ за *пределы* этого ограниченаго міра, считая послѣдній небольшимъ отдѣленіемъ его сущности—обыкновенно самымъ нижнимъ и худшимъ выраженіемъ его природы. Признавая міръ истеченіемъ изъ Божества, они признавали также существованіе и другихъ, высшихъ изъ него истеченій—духовныхъ міровъ и, вслѣдствіе этого, ихъ пантеизмъ называется *эманационнымъ* (отъ *эманация*, истеченіе). Благодаря туманности этого понятія, а также и затруднительности объясненія, съ его точки зрѣнія, отношеній между міромъ и человекомъ, съ одной стороны, и Божествомъ съ другой, онъ является совершенно *мистическимъ* ученіемъ. Таковъ былъ пантеизмъ отчасти уже древнихъ стоиковъ, въ

особенности же Новоплатониковъ. Въ сущности этотъ пантеизмъ, неизбежно приходя къ идеѣ *трансцендентности* Бога, т. е. существованія его внѣ міра, былъ скрытымъ *теизмомъ*, а противуполагая очень рѣзко Бога низшему матеріальному произведенію его—міру—онъ является скрытымъ *дуализмомъ* и *спиритуализмомъ*.

Новѣйшіе пантеисты, съ XVII в., начиная съ Спинозы и кончая Шопенгауэромъ и его послѣдователями были по преимуществу представителями *имманентнаго* пантеизма, по которому идея Бога воплиѣ сливается съ идеєю всеобщей души,—началомъ жизни безконечной вселенной. Внѣ міровъ, составляющихъ безконечную вселенную, нѣтъ Бога, какъ особаго личнаго сознанія: Богъ есть только сила, духъ вселенной. Отрицаніе личнаго Бога было въ этихъ пантеистическихъ системахъ, лишь необходимымъ послѣдствіемъ отрицанія принципа разумной цѣлесообразности бытія—подъ вліяніемъ философскаго раціонализма. Во всякомъ случаѣ этотъ *имманентный* пантеизмъ, является скрытымъ *монизмомъ* и *материализмомъ*, даже у идеалиста Шопенгауэра, который, самъ оспаривая материализмъ, возвелъ въ сущность бытія «волю къ жизни», т. е. низшую волю-похоть, а такъ какъ послѣдняя конечно ненасытна и неудовлетворима, то и дошелъ до крайняго пессимизма и проповѣди нравственнаго самоуничтоженія, Нирваны. Если бы онъ призналъ разумную цѣлесообразность бытія и возможность существованія безконечно разумнаго и благого личнаго сознанія вселенной, то пессимизмъ его было бы невозможнымъ.

Третьею и самою высшею формою пантеизма является пантеизмъ *синтетическій*, стремящійся примирить предположенія имманентности и трансцендентности Божества,—идеи Бога, какъ начала жизни и какъ личнаго безконечнаго сознанія вселенной. Этотъ пантеизмъ можетъ быть продуктомъ только сліянія идей безконечности вселенной и разумной цѣлесообразности бытія; поэтому, онъ и проявился, въ чистомъ своемъ видѣ, только однажды въ исторіи мысли, а именно въ эпоху *возрожденія*, когда Коперникъ, обнаруженіемъ своей системы, далъ возможность основать на ней идею безконечности вселенной и когда, съ другой стороны, раціонализмъ еще не успѣлъ отвергнуть принципа разумной цѣлесообразности бытія, какъ руководящей идеи философскихъ построеній. Только въ этой синтетической формѣ пантеизмъ и является на-

стоящимъ монодуализмомъ, примиреніемъ единства и двойственности началъ во вселивной,—и высшимъ выразителемъ его въ эпоху возрожденія былъ именно Джіордано Бруно.

Посмотримъ же теперь, насколько совершенно выполняетъ этотъ монодуалистическій пантеизмъ главную задачу *философіи*—примиреніе *религіозною* и *научною* воззрѣній на міръ. По существу своему *наука*, разумѣется въ своей области, всецѣло *матеріальна* и *монистична*. Первое ясно пвъ того, что ея единственно вѣрное орудіе — матеріальный опытъ, внѣшній и внутренней. Второе вытекаетъ уже изъ того факта, что наука ищетъ свести всѣ явленія, въ предѣлахъ вѣго однороднаго опыта, къ *одному закону*, а слѣдовательно и къ одному началу, данному въ опытѣ—къ *матеріи-силѣ*, ибо для опыта и мысли, на немъ основывающейся, ничего другого въ мірѣ и не дано. Точно такимъ же образомъ *религіозное* воззрѣніе, удовлетворяя потребностямъ чувства и нравственнаго самосознанія въ чловѣкѣ и построенное на чисто субъективныхъ началахъ,—на высшемъ чувствѣ любви, являющемся лучшимъ и самымъ полнымъ обнаруженіемъ въ насъ чувства жизни, оказывается—въ своей сферѣ—чисто *духовнымъ* и неизбѣжно *дуалистическимъ* міровоззрѣніемъ, ибо оправданіе нравственнымъ потребностямъ чловѣка религія находитъ только чрезъ противоположеніе двухъ началъ въ мірѣ, а именно *добра* и *зла*, какъ символовъ нравственнаго и безнравственнаго, похвальнаго и непохвальнаго, нравственно-полезнаго и нравственно-вреднаго, законнаго и незаконнаго. Всѣ эти контрасты она овеществляетъ и реализуетъ, противопоставляя Бога—веществу, духъ—тѣлу.

Но спрашивается теперь, насколько наука и религія могутъ допустить синтезъ этихъ двухъ противоположныхъ воззрѣній на міръ въ *философіи*.

Основывая свое воззрѣніе на дуализмъ, въ правѣ-ли религія безусловно отвергнуть монизмъ? Конечно нѣтъ, ибо она признаетъ *единою* Бога — абсолютное благо — въ основѣ жизни вселивной, она признаетъ далѣе взаимодействіе духовнаго и матеріальнаго началъ, объяснимое только извѣстною ихъ конечною однородностью, дифференціаціею ихъ изъ одной общей основы; наконецъ, религія объясняетъ происхождение зла, какъ фактъ,

происшедшій во времени и условный, не считая вещество абсолютно началомъ зла, а духъ — абсолютно началомъ добра. Такимъ образомъ, на заднемъ фонѣ всѣхъ религіозныхъ дуалистическихъ воззрѣній мы неизбежно можемъ усмотрѣть монизмъ — учене о единствѣ всего сущаго, по своей общей первоосновѣ.

Точно также, на оборотъ, наука, будучи по существу своему монистическимъ воззрѣніемъ, отнюдь не безусловно враждебна дуализму, ибо признаетъ за предѣломъ явленій нѣчто недоступное ея анализу. На заднемъ фонѣ монистической науки, можно, такимъ образомъ, на оборотъ, усмотрѣть молчаливое признание *дуализма*, двухсторонности сущаго. Конечно, чтобы согласиться съ этимъ, нужно видѣть въ виду не ту псевдо-науку, отбросившую результаты критики познанія Дюкка, Юма и Канта, которая мнитъ, что ея разсудочному анализу *все* доступно и что она чуть ли уже не рѣшила всѣ проблемы жизни; нужно видѣть въ виду науку настоящую, истинную. Эта истинная наука не только не отрицаетъ бытія самого въ себѣ, нѣ феноменальнаго существованія, но напротивъ принципиально допускаетъ необъяснимость самой загадки бытія путемъ приемовъ познанія научнаго. Истинная наука, считая своими объектами матерію и силу, сознается, что она не знаетъ, что такое жизнь и что такое сознаніе. Хотя она и выводитъ феноменально высшіе организмы изъ низшихъ, а органическій міръ изъ неорганическаго, но находитъ пока невозможнымъ объяснить, откуда явилась жизнь въ существахъ органическихъ, а также откуда взялись первоначальные элементы матеріи ¹⁾. А разъ она не знаетъ, что такое бытіе, что такое матерія, сила, жизнь, сознаніе, откуда, когда и какъ все это явилось, то можетъ ли она наложить запретъ на какія бы то ни было гипотезы философовъ относительно сущности бытія, матеріи, силы, жизни, сознанія? Конечно, да, если философъ будетъ увѣрять её, что онъ все это позналъ «во имя науки» и «ея же собственными орудіями». Но если онъ скажетъ: «нѣтъ, всѣ эти знанія мои не научнаго типа, — не научными, а особыми, иными способами добыты они, то наука можетъ только

¹⁾ По поводу ненаучности всякихъ quasi-научныхъ предположеній, выходящихъ за указанныя предѣлы см. прекрасную статью психолога-натуралиста Delboeuf'a въ *Revue philosophique* 1883 и 1884, особ. Т. XVI, p. 338, главу «Les assertions discutables de la science dite positive».

сказать: «исполать тебѣ, философъ; не драпируйся только въ мою одежду, а тамъ дѣлай, какъ знаешь». И если философъ скажетъ далѣе: «я претендую только на то, что ты, наука, сама оправдываешь и объясняешь въ томъ отдѣлѣ своемъ, который называютъ психологіей, существованіе моего особаго рода познанія, допуская субъективную оцѣнку вещей рядомъ съ объективною, чувство рядомъ съ мыслию», то наука должна — или описать въ законности этой претензіи философа, или *неопровержимо доказать ея незаконность*, что мы и предоставляемъ сдѣлать приверженцамъ идеи единства знанія, хотя сомнѣваемся, чтобы они могли переспорить факты.

Итакъ, наука не говоритъ и не знаетъ, что такое сила.

Поэтому, съ точки зрѣнія науки, одинаково возможно допустить, что *сущность силы* болѣе выражается, напр., въ способности *движенія*, или въ *теплотѣ*, или въ *магнетизмѣ*, сколько и то, что эта сущность силы болѣе всего выражается въ признакахъ *сознанія*, *мысли*. Точно также, съ точки зрѣнія науки, одинаково вѣроятно допустить, что сознаніе низошло въ извѣстныя вещи въ формѣ *сплы*, съ тѣмъ, чтобы потомъ опять развиваться до сознанія, — какъ и то, что сила доработалась до сознанія, и сознаніе снова превратится въ бессознательную силу. Наука не можетъ рѣшить этихъ дилеммъ. Сама же она признаетъ періодичность всѣхъ явленій въ мірѣ, а слѣдовательно и смѣну моментовъ восхожденія и нисхожденія, созиданія и разрушенія, сложенія и разложенія. Но съ чего началось дѣло — съ сложенія или разложенія, восхожденія или нисхожденія — этого она не знаетъ и *знать не можетъ*; не можетъ она знать, сопряжено ли развитіе міра съ совершенствованіемъ, или съ деградацией первоначальнаго бытія, или, наконецъ, оно есть только простая трансформация его. Все это для науки — загадки. Всѣ подобныя дилеммы могутъ разрѣшить только чувства наши, а именно высшія, по развитію, интеллектуальныя, нравственныя и эстетическія чувства. А потому и *философскій монодулистическій пантеизмъ*, не отступающій отъ данныхъ науки въ истолкованіи «явленій», долженъ встрѣтить — или ея сочувствіе, ибо онъ способенъ дополнить ее и расширить сферу знанія вообще, или же ея равнодушіе, ибо онъ «по меньшей мѣрѣ» оставляетъ ее въ совершенномъ покоѣ.

III.

Теперь посмотримъ подробнѣе, въ чемъ состоитъ этотъ истинный снѣтетическій пантеизмъ. Прежде всего онъ долженъ выходить изъ той основной идеи, что не безсознательная сила сама собою доработывается въ мірѣ до сознанія, а, напротивъ, сознаніе, какъ высшая въ мірѣ форма силы и какъ одна изъ двухъ первоначальныхъ основъ или *сторонъ единаго бытія*, рас-предѣляясь, такъ сказать, въ минимальныхъ дозахъ въ дифференцирующемся веществѣ и принужденное преодолѣвать его инертное сопротивленіе, превращается въ различные другія, высшія формы силы, намъ извѣстныя. Но это однако не значитъ, чтобы сознаніе, превращаясь въ эти силы, вполне исчезало, — оно только становится скрытымъ, латентнымъ, и при другихъ, болѣе благоприятныхъ, условіяхъ, опять обнаруживается, раскрывается, переходя изъ напряженнаго состоянія въ дѣятельное, говоритъ языкомъ современной физики ¹⁾. Такое явленіе, а именно обратный переходъ силы въ сознаніе, возвращеніе ея къ сознанію совершается при большемъ ея скопленіи въ веществѣ и вслѣдствіе преобразованія, осложненія этого послѣдняго, вызваннаго ея же дѣйствіемъ. Другими словами, сила, вслѣдствіе законовъ, управляющихъ ея отношеніями къ веществу, сама неизбежно приходитъ рано или поздно къ возвращенію въ свое естественное состояніе, въ состояніе сознанія, которое можетъ быть есть ничто иное, какъ высшая степень *свободы* силы, освобожденія ея изъ напряженнаго состоянія. На землѣ этотъ процессъ медленно совершается въ трансформациі организмовъ, до чловѣка включительно. Но спрашивается, можно ли предположить, если только признать сознаніе основой силы, что оно *все безъ остатка* перешло въ силу, чтобы послѣ снова все безъ остатка перейти въ сознаніе? И то, и другое невѣроятно, ибо мы видимъ въ мірѣ безконечную градацію силъ и формъ бытія. Положимъ, что земля есть извѣстный квантумъ матеріи и силы. Нѣкоторая часть этой матеріи и силы индивидуализировалась въ предметахъ и существахъ, находящихся на поверхности

¹⁾ Какъ скоро современная наука признала, что жизнь и сознаніе въ животномъ суть формы силы, то она должна признать и то, что эти силы, какъ и всѣ другія, могутъ находиться въ скрытомъ, напряженномъ состояніи

земли; но вся ли матерія и сила земли индивидуализировалась? Конечно, нѣтъ, ибо тогда не было бы и земли, не было бы и движенія ея вокругъ солнца и тяготѣнія къ нему, и т. д. Земля, какъ цѣлое, несомнѣнно живетъ своею особою жизнью, независимо отъ жизни индивидуализованныхъ на ея поверхности частицъ. Точно также, восходя далѣе и признавъ вѣроятную гипотезу астрономовъ о перемѣщеніи солнечныхъ системъ, мы признаемъ возможнымъ, что и солнечныя системы, каждая въ цѣломъ, имѣютъ еще особую жизнь цѣлаго, независимо отъ жизни отдѣльныхъ планетъ и солнца. Восходя еще далѣе, во вселенной, мы можемъ тоже предположить, что она имѣетъ свое особое индивидуальное бытіе, независимое отъ индивидуальнаго бытія солнечныхъ системъ, отдѣльныхъ небесныхъ тѣлъ и индивидуализованныхъ на нихъ предметовъ и существъ.

Теперь пойдемъ въ другомъ направленіи—отъ индивидуализованныхъ земныхъ существъ къ ихъ частямъ. Организмъ живетъ, какъ цѣлое, особою жизнью,—это пзвѣстный намъ фактъ; но, рядомъ съ этимъ, естествознаніе открыло другой фактъ, что организмъ есть многочисленная колонія, ассоціація меньшихъ организмовъ, клѣтокъ, которыя всѣ тоже должны жить какою-то своею особою, индивидуальною жизнью, какъ это подтверждаетъ аналогія ихъ устройства и отправленій съ другими самостоятельными органическими клѣтками. И чѣмъ болѣе работаетъ микроскопъ, тѣмъ болѣе онъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что для этой индивидуализаціи бытія все въ меньшихъ и меньшихъ по объему элементахъ его, повидимому нѣтъ предѣла, вплоть до проблематическаго и никѣмъ еще невидѣннаго физическаго атома.

Но если такъ, то какова же жизнь земли, какъ цѣлаго, солнечной системы, какъ цѣлаго, — наконецъ, вселенной, какъ цѣлаго, — сравнительно съ нашею жизнью? Можетъ ли быть, напр., чтобы жизнь вселенной, какъ цѣлаго, могла быть менѣе сложна, совершенна и сознательна (все это для синтетическаго пантеизма синонимы), чѣмъ жизнь нашего организма,—атома вселенной? Такое предположеніе дико. Что сказали бы мы, если бы кто-либо сталъ увѣрять насъ, что жизнь каждаго изъ нашихъ кровяныхъ шариковъ, въ отдѣльности взятаго,—сложнѣе, совершеннѣе и сознательнѣе, чѣмъ жизнь всего нашего организма или индивидуума? Мы бы улыбнулись. Что сказали бы

мы, если бы кто-либо сталъ увѣрять, что наши кровяные шарики имѣютъ высшія знанія, высшую науку и нравственную жизнь, чѣмъ мы сами, что они постигли уже сущность вещей, пьютъ изъ крови нашей громадныя библіотеки, ученые кабинеты, микроскопы, телескопы и проч.? Мы бы сочли человѣка, говорящаго все это, за сумасшедшаго. А между тѣмъ, не тоже ли самое утверждали бы мы сами, если бы стали увѣрять, что человѣкъ—эта крохотная клѣточка міра—живетъ высшимъ сознаниемъ, чѣмъ организмъ вселенной? Представимъ себѣ, что мы только кровяные шарики этого громаднаго организма вселенной. Какъ смѣшна должна быть сознанию этого громаднаго организма вселенной наша возня въ одномъ изъ его громадныхъ суставовъ и наша претензія все знать и его самого отрицать? А между тѣмъ, развѣ мы знаемъ и можемъ сказать достоверно, что эта вселенная, какъ цѣлое, не есть своего рода особый организмъ, одаренный высшимъ сознаниемъ? Кто это предположеніе можетъ опровергнуть?

Теперь, если только на минуту допустить, что вселенная, какъ цѣлое, живетъ особою сознательною жизнью, и притомъ, что эта сознательная жизнь ея по меньшей мѣрѣ не хуже и не ниже нашей, то, значитъ, духъ вселенной одаренъ и мыслию, и чувствомъ, и волею, и движеніемъ, согласнымъ съ этою волею. Мы сами, если захотимъ, движемъ рукою, — и сколько кровяныхъ шариковъ мы перемѣщаемъ при этомъ; а если мы по своей волѣ возьмемъ, да обрѣжемъ себѣ палецъ, то вѣдь этимъ мы погубимъ жизнь сотенъ или десятковъ кровяныхъ шариковъ и всего ихъ возможнаго въ будущемъ потомства. Слѣдовательно, наша воля управляетъ нашими членами и измѣняетъ ихъ положеніе и состояніе. Отчего же должно быть неспособно къ этому не менѣе совершенное, чѣмъ наше, сознание вселенной? Но наше сознание и воля крайне ограничены; мы ощущаемъ себя не во всѣхъ частяхъ, и каждаго кровянаго шарика въ себѣ не ощущаемъ, а ощущаемъ только свои члены, какъ члѣны. Если же мы предположимъ, что вполне естественно, что сознание вселенной несравненно совершеннѣе нашего и, даже болѣе того, что оно абсолютно, совершенно, ибо вселенная есть абсолютно все, абсолютно цѣлое, абсолютное бытіе, то отчего не предположить, что это сознание вселенной такъ тонко, что оно ощущаетъ ея малѣйшіе элементы и малѣйшія въ ней перемѣны а,

слѣдовательно, и дѣйствуетъ сообразно такому всесовершенному самоощущенію и самосознанію? Не приведетъ ли насъ такое предположеніе къ признанію вѣроятности всевѣдѣнія и всемогущества сознанія, или духа вселенной, т. е. Бога?

Таковы основныя разсужденія истиннаго пантеизма, если его выразить словами современной науки. Его основная идея та, что контрастъ сознанія и организованнаго вещества въ нашемъ собственномъ индивидуумѣ болѣе первоначальный и типичный, какъ показатель истинной сущности бытія вселенной, чѣмъ контрастъ безсознательной силы и матеріи въ неограниченной природѣ,—что этотъ послѣдній контрастъ долженъ быть выведенъ изъ перваго, а не на оборотъ.

Конечно, эта основная гипотеза не можетъ быть доказана непосредственно изъ данныхъ науки: она только имъ не противорѣчитъ, какъ не противорѣчитъ имъ безусловно и обратная гипотеза. Поэтому-то эта гипотеза и есть не научная, а *философская* гипотеза. Оправдывающія ее послылки—суть факты, добытые не чрезъ посредство *объективнаго*, научнаго, интеллектуальнаго опыта, а чрезъ посредство опыта *субъективнаго*, философскаго, нравственнаго. Какіе же это факты? А именно тѣ, которые характеризуются болѣе всего понятіемъ нравственныхъ чувствъ и стремленій. Нравственныя чувства и стремленія наши не удовлетворяются предположеніемъ неразумія, безсознательности, безцѣльности основного бытія, — чувства и стремленія наши не удовлетворяются признаніемъ удовольствія и похоти за выраженіе единственнаго смысла жизни. Какъ можно видѣть изъ доктрины Шопенгауэра, такія предположенія приводятъ наше субъективное сознаніе къ отчаянію, пессимизму, самоотрицанію, самоуничтоженію. Чувства и стремленія наши,—нравственныя, лучшія,—говорятъ намъ по поводу этихъ предположеній: «нѣтъ, на этомъ не останавливайся, забирай выше, ищи лучшаго смысла и цѣли бытія». И вотъ эти самыя чувства и стремленія, называемыя нравственными¹⁾,—если только мы дадимъ имъ просторъ и не будемъ заглушать ихъ лженаучными предразсудками,—приведутъ насъ именно къ выбору упомянутаго міровоззрѣнія изъ двухъ возможныхъ, не могущихъ быть опровергнутыми наукою. Слѣ-

¹⁾ Откуда бы сами они ни явились: пусть они въ насъ будутъ только продуктомъ развитія высшихъ чувствъ и даже другихъ высшихъ силъ.

довательно, твердой опоры для этого мировоззрѣнія мы должны искать не въ наукѣ, которая есть знаніе феноменальное, матеріальное, ограниченное, а въ философіи, т. е. въ показаніяхъ субъективнаго опыта, въ природѣ чувствъ своихъ. Оттого-то мы и сказали выше, что философія есть познаніе *чувствомъ*; но она не есть чистое познаніе чувствомъ, какъ религія, ибо она должна искать примиренія чувства и мысли, т. е. должна избирать изъ возможныхъ мировоззрѣній все-таки такое, которое не *противорѣчитъ наукѣ*, и—согласно развитію научныхъ, феноменальныхъ знаній — должна развивать, исправлять, измѣнять въ частностяхъ и въ способахъ выраженія свою истинно-пантеистическую доктрину.

Это послѣднее соображеніе указываетъ намъ между прочимъ, въ какомъ направленіи возможно вообще развитіе пантеизма въ системахъ философовъ различныхъ временъ. Во 1) развитіе это можетъ совершаться въ смыслѣ приближенія къ цѣльности, послѣдовательности и единству, т. е. къ внутренней субъективной правдѣ, которую оно въ себѣ содержитъ, во 2) оно можетъ совершаться въ смыслѣ постоянного приспособленія формулъ его къ объективнымъ открытіямъ науки.

Въ томъ и другомъ отношеніи пантеистическое мировоззрѣніе Дж. Бруно достигло такого совершенства, какого не достигало, насколько намъ извѣстно, еще ни одно другое пантеистическое мировоззрѣніе.

Мы уже видѣли, что въ древности истинная широта пантеистическаго мировоззрѣнія была по тому невозможна, что древніе философы составляли себѣ ложное понятіе о механизмѣ міра. Они считали землю центромъ вселенной, а небо своего рода вуалемъ, на которомъ или изъ-за котораго свѣтятся зажженные Богомъ для человѣка огни. Вслѣдствіе этого древніи пантеистическія мировоззрѣнія, выходили изъ мысли, что міръ созданъ для человѣка и, основываясь на такой односторонней идеѣ цѣлесообразности бытія, не въ состояніи были объяснить отношеній между Богомъ и человѣкомъ иначе, какъ путемъ предположенія тайны, почему и впадали въ крайній мистицизмъ (теорія экстаза). На сколько древній мистическій Новоплатонизмъ вы-

ражался въ новыхъ формахъ и въ средніе вѣка—въ ученіяхъ христіанскихъ церковныхъ мыслителей, напр. Іоанна Скота Эригены въ IX в. (*De divisione naturae*) и другихъ,—онъ, принималъ, подъ вліяніемъ желанія согласить его съ христіанствомъ, все болѣе и болѣе мистическую окраску и наконецъ привелъ къ крайностямъ и абсурдамъ мистической теософіи и магіи въ XV и XVI вв.

Среди этихъ условій, въ 1543 г. появляется знаменитое сочиненіе Коперника «*De orbium caelestium revolutionibus*», которое производитъ крупный переворотъ въ астрономическихъ и вообще научныхъ представленіяхъ эпохи. Эта новая теорія и ложится въ основу новаго, болѣе широкаго, пантеистическаго міровоззрѣнія Джордано Бруно, родившагося въ 1548 г., т. е. черезъ 5 лѣтъ послѣ появленія сочиненія Коперника. Дж. Бруно своимъ гениальнымъ взоромъ прозрѣваетъ даже, какъ мы увидимъ ниже, оформленную вполне Ньютономъ только черезъ сто лѣтъ доктрину всеобщаго тяготѣнія, и во всякомъ случаѣ онъ первый вполне развиваетъ теорію множества міровъ и теорію безконечности вселенной. Все это и приводитъ его къ широчайшей концепціи идеи Бога-вселенной, какая когда-либо существовала.

Конечно, можно было въ сущности ожидать, что величественная по замыслу доктрина Бруно разовьется далѣе въ послѣдующіе вѣка, и, дѣйствительно, въ вѣкоторыхъ частяхъ и направленіяхъ она развивалась далѣе въ ученіяхъ пантеистовъ и непантеистовъ XVII—XIX вв. Теперь уже довольно прочно установлено наукою, что и Бэконъ, и Декартъ, и особенно Спиноза и Лейбницъ, не говоря о позднѣйшихъ, особенно германскихъ философахъ-идеалистахъ нынѣшняго вѣка (напр. Шеллингъ), широко черпали изъ міровоззрѣнія Бруно камни для своихъ собственныхъ философскихъ построекъ. Лейбницъ взялъ у Бруно свою теорію монадъ, Спиноза основныя послышки своего собственнаго пантеистическаго міросозерцанія (напр. свое ученіе о любви); но черпая у Бруно кое-что въ отдѣльности,—кто больше, кто меньше,—всѣ философы новаго времени оставили нетронутою именно основную послышку Бруно о личномъ міровомъ сознаніи и о цѣлесообразности міра, кромѣ развѣ Лейбница, котораго міровоззрѣніе было однако же въ концѣ концовъ абсолютно-дуалистическимъ (теорія предустановленной гармоніи). Поэтому,

во всемъ своемъ цѣломъ доктрина Бруно осталась совершенно неразработанною. Мѣшалъ тому, какъ мы сказали, сознательный раціонализмъ новаго времени, отвергшій идею цѣлесообразности бытія и идею всякаго иного познанія, кромѣ разсудочнаго. «*Cogito, ergo sum*» Декарта погубило своею односторонностію истинно пантеистическую концепцію міра Джіордано Бруно, ибо оно исключало возможность какой-либо иной точки зрѣнія при истолкованіи бытія, кромѣ научной. Пироговъ, въ своихъ Запискахъ справедливо, думаетъ, что формула «*sentio, ergo sum*» законнѣе, чѣмъ формула «*cogito, ergo sum*». Не одною мыслию живетъ человекъ, но и чувствомъ,—и чувство даже болѣе убѣждаетъ его въ реальности его собственнаго и міроваго бытія, чѣмъ мысль. Не даромъ и Спиноза, этотъ величайшій изъ пантеистовъ послѣ Дж. Бруно, принципомъ бытія считалъ *чувство любви*. Къ сожалѣнію, онъ не допускалъ цѣлесообразности бытія и ножемъ принципа механической причинности собственноручно, хотя и бессознательно, зарѣзалъ и разсѣлъ на части своего живого личнаго Бога.

Итакъ, именно раціонализмъ XVII и XVIII вѣковъ мѣшалъ дальнѣйшему развитію всего міровоззрѣнія Бруно въ его цѣломъ, и нужно было человечеству пройти тяжелый путь критики Локка, Юма, Канта, нужно было ему пройти односторонняго идеалистическаго и односторонняго матеріалистическаго увлеченія нынѣшняго вѣка, пройти фазу разочарованія и безысходнаго отчаянія въ доктринахъ современныхъ пессимистовъ, чтобы очиститься отъ этого односторонняго раціонализма и вернуться къ возможности пониманія истинно и единственно великаго философскаго «ирраціонализма» Бруно.

Стоя на рубежѣ стараго и новаго времени, этотъ колоссъ мысли одинаково чуждъ предрассудковъ—и древней, и новой эпохи, онъ доминируетъ и ту и другую, и смѣло указываетъ своею могучею рукою путь будущимъ поколѣніямъ. Не даромъ онъ и заплатилъ цѣною своей жизни и цѣною своего личнаго счастья за эту великую услугу человечеству. Его не понимали ни современники, ни потомки: первые равнодушно и даже съ ненавистью къ нему, за его подвигъ, глядѣли, какъ инвизиторы зажигали костеръ, на которомъ онъ сгорѣлъ,—вторые въ теченіе трехъ вѣковъ не успѣли даже собрать и издать его сочиненій и вполнѣ уяснить себѣ событія его жизни и сущность его

взглядомъ,—и только теперь, въ наше критическое, больное и искалѣченное время взоры обратились наконецъ съ изумленіемъ и любопытствомъ къ этому могучему вдохновителю всѣхъ новѣйшихъ философовъ, къ этому праотцу Бэкона и Декарта, Спинозы, Лейбница и Локка, Юма и Канта, Шеллнга и Шопенгауэра.

Кто же былъ этотъ Джіордано Бруно и въ чемъ состояло его ученіе?

IV.

Въ 1548 г. въ Нолѣ, въ Южной Италіи, въ семействѣ одного небогатаго военнаго родился мальчикъ, названный Флиппомъ. Этотъ мальчикъ, принявшій имя Джіордано, при поступленіи въ доминиканскіе монахи, и былъ нашъ философъ¹⁾.

О дѣтствѣ Дж. Бруно мы знаемъ мало. Онъ рано выказалъ блестящія дарованія и уже 10 лѣтъ сталъ обучаться въ Неаполѣ логикѣ и діалектикѣ. Но онъ болѣе увлекался поэтами, древними и новыми, и самъ очень рано пустился въ стихотворство. Наживъ себѣ непріятности своими сатирическими стихотвореніями, онъ, еще не достигнувъ 15 лѣтъ, рѣшается вступитъ въ монастырь—повидимому, чтобы найти себѣ защиту и покровительство, а также досугъ для занятій и вѣрный кусокъ хлѣба.

Въ монастырѣ доминиканскаго ордена онъ наживаетъ себѣ однако новыя неудовольствія удаленіемъ образовъ и оставленіемъ одного распятія въ своей кельѣ, а также и нѣкоторыми вольными выраженіями въ бесѣдахъ съ товарищами; но его простили, въ виду его молодости.

Увлекался сначала поэзіей и колебался въ симпатіяхъ между комедіей и драмой, онъ начинаетъ изучать философію, чтобы дать болѣе глубокія основы своему художественному творчеству.

¹⁾ Въ изложеніи біографіи Бруно мы пользовались преимущественно слѣдующими пособіями: 1) біографіч. введеніемъ въ уп. выше переводъ соч. Бруно «О причинахъ Лассона, 2) статью Ноака въ Philos.-Gesch. Lexicon, 3) біографическіи очеркомъ Виндельбанда, 4) упом. статью М. Баррера въ Zeitschr. f. Phil. «Neue Thatsachen zu G. Bruno Leben u. Lehre», 5) біографією А. Н. Веселовскаго (В. Евр., Дек. 1881) и др.

Но скоро онъ увлекается такъ сильно философіей, что уже смотритъ на поэзію только какъ на орудіе для выраженія философскихъ идей. Онъ изучаетъ всѣхъ древнихъ философовъ, изданія и переводы которыхъ быстро распространились въ XV и XVI вѣкахъ въ Италіи, вслѣдствіе переселенія грековъ изъ Константинополя. Затѣмъ онъ изучаетъ астрономическую систему Коперника и всѣхъ главныхъ современныхъ ему философовъ эпохи возрожденія, — сочиненія натуралиста Телесія, врача-мистика Кардана, гуманиста Эразма Роттердамскаго, аббата-философа XV вѣка Николая Кузанскаго. Пантеистъ-мистикъ Николай Кузанскій, астрономъ Коперникъ и изобрѣтатель искусства механическаго сочетанія словъ въ новыя истины — Раймундъ Луллій, схоластическій философъ XIII в., оказываютъ на него наибольшее вліяніе изъ числа мыслителей новаго времени, а изъ древнихъ онъ увлекается всего болѣе Пифагоромъ, Платономъ, Новоплатониками и Лукреціемъ.

Такимъ образомъ натуралистическое воззрѣніе Коперника, схоластическое искусство Луллія и мистическій пантеизмъ Платониковъ и Николая Кузанскаго — вотъ главные элементы его интеллектуальнаго воспитанія. Чувство его воспитывается поэзіей и монастырскими нравами. Оттого такія противорѣчія въ его умственномъ и нравственномъ складѣ: мертвая схоластическая метода разсужденія, твердыя естественно-научныя понятія, въ предѣлахъ, доступныхъ времени, и широкій полетъ фантазіи поклонника пантеистическихъ міросозерцаній — таковъ Бруно съ интеллектуальной стороны; равно развитая нравами среды чувственность и даже нѣкоторый цинизмъ, — страстность и горячность природнаго темперамента и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высокіе нравственные порывы къ прекрасному, возвышенному, доброму — къ подвигу и самопожертвованію, — таковъ Бруно со стороны чувства.

Конечно можно было предсказать ему, на основаніи этихъ данныхъ, широкое міровоззрѣніе рядомъ съ нелѣпыми схоластическими увлеченіями, несчастную судьбу и страданія, рядомъ съ высшими наслажденіями человѣка, яркаго духомъ и обладающаго широкимъ умственнымъ кругозоромъ. Такова именно судьба Бруно, какъ мыслителя и какъ человѣка.

Въ 1572 году, 24 л. отъ роду, онъ былъ посвященъ въ священники и служилъ во многихъ монастыряхъ Неаполитанской

области. Въ 1575 г. онъ снова появляется въ прежнемъ монастырѣ; но неосторожное выраженіе о ереси Арія заставляетъ нарядить надъ нимъ судъ — и вотъ онъ спасается бѣгствомъ, сначала въ Римъ, потомъ въ Геную. Пространствовавъ около года по сѣверной Италиі—то снимая одежду монаха, то снова надѣвая её, испытывая голодъ и холодъ, обучая дѣтей грамотѣ и богатыхъ юношей астрономіи, онъ наконецъ рѣшается покинуть враждебную ему отчизну и уже въ 76 г. мы видимъ его въ Женевѣ, которою овладѣли Кальвинисты. Бруно надѣялся, что послѣдователи протестанта Кальвина будутъ терпимѣе къ нему; но вѣдь и кальвинисты жгли ототупниковъ. Когда они увидѣли, что Бруно не хочетъ перейти въ ихъ вѣроисповѣданіе, то охладѣли въ нему,—и Бруно опять въ нуждѣ и, оставленный друзьями, отправляется въ южную Францію, въ Тулузу.

Здѣсь въ университетѣ оказывается свободною кафедрой философіи. На ней открытъ конкурсъ. Бруно пишетъ диссертацию о мнемоническомъ искусствѣ и получаетъ магистерство и кафедру ординарнаго профессора. Два года онъ профессорствуетъ; но Тулузскіе профессора пропитаны схоластическимъ духомъ и вскорѣ начинаютъ ненавидѣть въ Бруно опаснаго новатора.

Онъ оставляетъ Тулузу и появляется въ 1578 г. въ Парижѣ.

Въ Парижѣ Бруно печатаетъ сатирическую драму «Il sordelajo», написанную еще въ монастырѣ, въ которой осмѣиваются пороки католическаго духовенства и лицемеріе людское вообще. Эта драма, довольно циническая и безцеремонная, обращаетъ вниманіе публики на итальянскаго эмигранта, а тутъ еще онъ читаетъ блестящія публичныя лекціи, которыя осаждаются огромною толпою. На него обращаетъ вниманіе самъ король Генрихъ III, покровитель итальянскихъ выходцевъ, и назначаетъ его, съ жалованіемъ изъ своей казны, экстр. профессоромъ Сорбонны. Около четырехъ лѣтъ Бруно проводитъ въ Парижѣ, увлекая слушателей новизною идей и прекраснымъ даромъ изложенія. Въ это время онъ печатаетъ и первые, чисто философскіе труды свои, изъ которыхъ всего замѣчательнѣе сочиненіе «De umbris idearum» (О тѣняхъ идей), въ которомъ онъ излагаетъ свое ученіе о познаніи.

Но уже въ 1583 г., неизвѣстно по какимъ причинамъ, — можетъ быть вслѣдствіе вражды къ нему ученыхъ защитниковъ схоластики, а можетъ быть и просто изъ любознательности,—онъ

отправляется изъ Парижа въ Лондонъ съ рекомендательными письмами къ французскаго посланнику Де-Кастельно отъ короля Генриха III. Де-Кастельно, хотя и католикъ, но терпимый и гуманный, думающій что католическая церковь должна обращать отступниковъ только добрыми нравами, примѣромъ и нравственною проповѣдью, принимаетъ Бруно очень любезно и даетъ ему пріютъ въ своемъ домѣ. Бруно впрочемъ дѣлаетъ сначала попытку устроиться снова профессоромъ въ Оксфордскомъ университетѣ, но послѣ трехмѣсячнаго опыта видитъ, что въ Англіи труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, бороться съ схоластической мертвечиной. Впослѣдствіи другъ его, англійскій поэтъ Сидней, утѣшаетъ его тѣмъ соображеніемъ, что въ Оксфордскомъ университетѣ въ сущности всѣ четыре факультета составляютъ только одинъ факультетъ словесныхъ мудрецовъ, которые вовсе не заботятся объ изслѣдованіи вещей и гоняются только за словами. Бруно возвращается снова въ домъ Кастельно и здѣсь проводитъ лучшіе два года своей жизни, печатая одинъ за другимъ свои знаменитые «Итальянскіе діалоги».

Въ числѣ нихъ важнѣйшими являются діалоги «О причинѣ, началъ всего и единомъ» (1584), «О безконечномъ, вселенной и мірахъ», «Изгнаніе триумфирующей бестіи» (1585) и «О героическомъ энтузіасмѣ». Первые два содержатъ въ себѣ болѣе полное изложеніе его философскаго пантеистическаго міросозерцанія, послѣдніе два посвящены нравственнымъ вопросамъ и особенно интересенъ послѣдній, въ которомъ онъ проповѣдуетъ возвышеніе отъ чувственной любви къ божественной, имѣющей своимъ предметомъ истину, красоту, благо, Бога. Онъ удивляется, что есть такіе люди, какъ поэтъ Петрарка, которые всю жизнь вздыхаютъ о женщинахъ и тратятъ на эту низшую любовь всѣ свои силы. «Любите женщину, говоритъ онъ, но не забывайте, что Вы должны быть также почитателями безконечнаго. Истина есть пища геройской души, — искушать её есть занятіе, единственно достойное героя» Аскетизмъ былъ конечно чуждъ южной и пылкой натурѣ Бруно, но онъ ненавидитъ и животную распущенность, требуя гармоническаго развитія всѣхъ силъ человѣческой природы.

Черезъ два года другъ и покровитель Бруно Де-Кастельно, которому онъ посвятилъ нѣсколько итальянскихъ діалоговъ, принужденъ воротиться въ Парижъ—съ нимъ вѣсть ѣдетъ и

Бруно. Но Париятъ ему надоѣлъ: послѣ нѣсколькихъ ученыхъ диспутовъ по поводу философіи Аристотеля, которую онъ опровергалъ, Бруно отправляется въ Германію. Былъ онъ въ Майнцѣ и Марбургѣ, гдѣ напрасно добивался профессуры, и затѣмъ мы его видимъ въ Виттенбергѣ, — мѣсто подвиговъ Лютера. Здѣсь лютеране принимаютъ его гостепріимно, онъ получаетъ мѣсто приватъ-доцента въ университетѣ и еще два года спокойно работаетъ и профессорствуетъ, издавая свои «тезисы противъ Аристотелевской философіи». Но уже черезъ два года умеръ лютеранскій Курюрстъ, его мѣсто занялъ новый — кальвинистъ, и кальвинистская партія выгоняетъ Бруно изъ университета. Послѣ прощальной рѣчи, въ которой онъ благодаритъ, за гостепріимство, лютеранъ и нѣмцевъ вообще, Бруно отправляется въ Прагу. Здѣсь онъ печатаетъ «Тезисы противъ математиковъ» и, крайне нуждаясь въ средствахъ, подноситъ этотъ трудъ королю Рудольфу, за что получаетъ 300 талеровъ. Но видя, что въ Прагѣ ему нельзя прочно устроиться, онъ отправляется въ Брауншвейгъ и брауншвейгскій герцогъ даетъ ему мѣсто преподавателя во вновь открытомъ Гельмштедтскомъ университетѣ. Вскорѣ однако повторяется старая исторія: его покровитель умираетъ, и Бруно подвергается гоненіямъ и непріятностямъ. Онъ ѣдетъ тогда во Франкфуртъ, гдѣ и издаетъ новую и послѣднюю серію своихъ латинскихъ сочиненій, посвященныхъ развитію его ученія о монадахъ, составляющаго въ сущности только новую форму изложенія его пантеистическаго міровозрѣнія. — Во Франкфуртъ пріѣхали, для обмѣна книгъ, итальянскіе книгопродавцы цвѣтущей Венеціанской республики; чрезъ нихъ Бруно получаетъ приглашеніе отъ одного богатаго Венеціанскаго юноши, Мочениго, пріѣхать къ нему въ домъ для преподаванія ему философіи. Бруно давно стремится на родину. Онъ пламенно любитъ свою роскошную, веселую Италію и часто эта любовь выражается имъ даже въ его философскихъ сочиненіяхъ, когда онъ напр., обращаясь къ Кастельно, говоритъ: «ты обратилъ для меня Англію въ Италію, Лондонъ въ Полу, въ мой блуждающій кровъ поселилъ пенатовъ». «Италія, Неаполь, Пола! восклицаетъ онъ, — страна благословенная небомъ, глава и десница земного шара, — ты представлялась мнѣ всегда матерью и наставницею добродѣтелей, наукъ и всякаго гуманнаго развитія¹⁾».

¹⁾ См. статью А. Н. Веселовскаго.

На предложеніе Мочениго, Бруно тотчасъ съ радостью соглашается и летитъ въ Венецію, еще не окончивъ печатанія своихъ сочиненій во Франкфуртъ. Но Мочениго—ограниченный, суевѣрный и бездушный итальянскій аристократъ: онъ ждетъ отъ Бруно посвященія въ какое-то магическое, тайное искусство, которое сразу откроетъ ему всѣ секреты бытія, а Бруно съ жаромъ излагаетъ ему Коперниковскую систему и свое пантеистическое міросозерцаніе. Мочениго твердо убѣжденъ, что Бруно его обманываетъ, скрываетъ отъ него свои тайны; но еще болѣе боится попасть самъ подъ отвѣтъ за то, что держитъ у себя такого вольнодумца. Начинаются охлажденіе и недоразумѣнія. Бруно уже мечтаетъ вернуться во Франкфуртъ, видя что онъ ошибся въ расчетахъ; но ученикъ его караулитъ: въ ночь передъ отъѣздомъ, онъ его арестуетъ и, по совѣту духовника, отдаетъ въ руки инквизиціи.

Начинаются допросы и разслѣдованія. Бруно, уже въ Парижѣ искавшій примиренія съ католическою церковью, и въ Венеціи начавшій новое изложеніе своей системы, которое должно было наглядно доказать, что она не противорѣчитъ духу ученія Христа, открыто объявляетъ, что онъ жалѣетъ о своихъ юношескихъ увлеченіяхъ въ борьбѣ съ церковью. Отъ него добиваются полнаго изложенія его философскихъ воззрѣній и онъ съ жаромъ объясняетъ свое ученіе о Богѣ, личномъ и въ'тоже время все наполняющемъ, въ качествѣ духа,—разъясняетъ, что означаетъ съ его точки зрѣнія Троицность Бога и т. д.,—и судьи, убѣжденные въ невинности его взглядовъ, почти уже готовы отпустить его. Но тутъ является запросъ изъ Рима и требованіе выдать Бруно, ибо онъ, какъ бывшій католическій монахъ, подчиненъ суду папы. Не желая ссориться съ папой, Венеціанская республика, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, выдаетъ Бруно. Въ Венеціи онъ былъ арестованъ въ 1592 г., послѣ шестнадцатилѣтняго странствованія по Европѣ, а выдача его происходитъ въ 1593 г. И вотъ онъ семь лѣтъ томится въ тюрьмахъ римской инквизиціи. Его допрашиваютъ безконечное число разъ, а отвѣты все тѣ же: въ религиозныхъ вопросахъ Бруно отказывается отъ собственныхъ мнѣній и изъявляетъ готовность подчиниться церкви, прося у Бога и у своихъ судей прощенія за увлеченія молодости и сознаваясь только въ нѣкоторыхъ догматическихъ сомнѣніяхъ своихъ, которыя впрочемъ онъ готовъ таить про

себя; но за то въ философскихъ и научныхъ убѣжденіяхъ онъ непоколебимъ, и безстрашно исповѣдуетъ истинность системы Коперника и своего философскаго міровоззрѣнія, на ней основаннаго. Ему предлагаютъ много разъ одуматься и еще поразмыслить—и онъ размышляетъ, но стоитъ все на томъ же. Очевидно судьи не были убѣждены и сами въ виновности Бруно и желали бы отпустить его; но нужно было извлечь изъ этого пользу, заставить кого-нибудь открыто отречься отъ системы Коперника, которую считали въ то время подрывающею основы вѣры. Бруно же не хотѣлъ дать этого торжества своимъ судьямъ и, послѣ долгихъ испытаній и увѣщаній, раздраженные судьи читаютъ ему смертный приговоръ въ февралѣ 1600 года, причѣмъ даютъ еще 8 дней на размышленіе. Бруно на это сказалъ судьямъ своимъ извѣстные слова: *«Вы мнѣ читаете приговоръ съ большимъ страхомъ, чѣмъ я его выслушиваю»*. Онъ уже рѣшился отдать свою жизнь въ жертву наукѣ и философіи и, вѣра твердо въ мудрость *Провидѣнія*, спокойно встрѣтилъ давно ожидаемый конецъ. Въ 1600 г. 17 февраля на Campo di Fiore въ Римѣ, Бруно былъ сожженъ на кострѣ, въ присутствіи многихъ тысячъ пилигримовъ, пришедшихъ въ Римъ по случаю юбилея,—и пепелъ его былъ развѣянъ по вѣтру.

Такъ кончилъ жизнь этотъ несчастный скиталецъ, этотъ вдохновенный мыслитель. Несчастливая и въ то же время очастливая жизнь: несчастна она потому, что Бруно вѣчно скитался среди чужихъ, равнодушныхъ къ нему людей, вѣчно подвергался нищетѣ, преслѣдованіямъ, тяжелымъ нравственнымъ страданіямъ—онъ искалъ съ фонаремъ человѣка, который бы его понялъ, и не находилъ его; но за то для такихъ людей, какъ Бруно, наслажденія внутренней умственной работы и высокаго нравственнаго самосознанія возмѣщаютъ внѣшнія невзгоды. Въ его діалогахъ и сонетахъ выражается глубокая увѣренность въ правильности и величіи его міровоззрѣнія, свѣтлое поэтическое вдохновеніе и высокій нравственный подъѣмъ духа, доступный только человѣку, совершающему нравственный подвигъ. Въ одномъ изъ юношескихъ сонетовъ, предсказывая насильственную смерть свою, онъ восклицаетъ между прочимъ:

И если бы меня съ Икаромъ вы сравнили,
Тѣмъ больше напрягу размахъ и крылъ своихъ!..

И вотъ, предвижу я, мнѣ силы взмѣнили...
Но съ смертію моею сравнится-ль жизнь другихъ ?

Пусть сердце иногда вопросъ мнѣ задавало :
«Куда, безумный, ты полетѣть направилъ свой ?
«Раскаіаніе всегда безумцевъ отрезвляло» !
И всё-жъ я съ высоты отвѣтъ давалъ такой :
«Я смерти не боюсь, паденіе презираю —
«Впередъ за облака, призваніе выполняю».

Изъ этого сонета видно, что Бруно, зная нравы и законы своего времени, предвидѣлъ свой несчастный конецъ и вполне сознательно избралъ свою скорбную долю, не понимая другого счастья въ жизни, кромѣ увлеченія безкорыстнымъ служеніемъ истинѣ и чувства исполненнаго долга ¹⁾.

V.

Оцѣнка доктрины Бруно, какъ и самой его личности, не сразу установилась на надлежащихъ основаніяхъ. До самаго конца XVIII в., вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ его сочиненіями и вслѣдствіе молвы, распускаемой въ оправданіе свое католическимъ духовенствомъ, Джордано Бруно, какъ и великій пантеистъ XVII в. Спиноза, слыжъ за атеиста и за человѣка испорченной нравственности. Атеистомъ и человѣкомъ глубоко испорченнымъ изображаютъ Бруно почти всѣ историки XVIII в., упоминающіе о немъ ¹⁾. Аделунгъ даже помѣщаетъ Дж. Бруно въ свою «Исторію человѣческой глупости» (*Geschichte der menschlichen Narrheit*, Lpz. 1785, I).

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ, подѣ влияніемъ Якоби, Шеллинга и другихъ поклонниковъ философіи Бруно, эта послѣдняя подвергается болѣе старательному изученію, и обвиненія въ атеизмъ и безусловно испорченномъ характерѣ постепенно снимаются съ Дж. Бруно, который самъ въ діалогахъ своихъ изображаетъ

¹⁾ Читатели, интересующагося болѣе подробнымъ описаніемъ жизни Бруно, мы отсылаемъ къ упомянутой выше статьѣ А. Н. Веселовскаго.

²⁾ Ср. отзывы, приведенные въ монографіи Рихснера и Зибера, стр. 4 и слѣд.

себя обыкновенно въ лицѣ «Филотея» (т. е. почитателя Бога), и любовь къ Богу считаетъ основнымъ принципомъ своей доктрины. Но однако долго еще держится предубѣжденіе, что Бруно былъ пантеистомъ въ вульгарномъ значеніи слова, отрицавшимъ личное существованіе Бога и признававшимъ Бога исключительно имманентнымъ міру, т. е. всецѣло пропизжающимъ его, а отнюдь не трансцедентнымъ, т. е. существующимъ во вселенной какъ самостоятельное разумное сознаніе. Это ложное мнѣніе держится упорно до конца 60-хъ годовъ, а именно до обнаруженія въ новой біографіи Бруно, написанной итальянскимъ ученымъ Берти, документовъ, найденныхъ въ Венеціанскихъ архивахъ инквизиціи. Правда, уже въ 1847 г. Морицъ Карриеръ настаивалъ на томъ, что Бруно старался примирить идеи имманентности и трансцедентности Божества въ его отношеніяхъ къ міру; но это подтвердилось вполнѣ только собственными разъясненіями Бруно на допросахъ въ Венеціи¹⁾. Поэтому, еще въ 1860 г. Штѣклъ въ своей «Исторіи философіи среднихъ вѣковъ» (*Geschichte der Philos. des Mittelalters*, т. III) изображаетъ Бруно, какъ пантеиста въ вульгарномъ значеніи слова, и одновременно Альбертъ Ланге цитуетъ его въ своей «Исторіи материализма», указывая на совмѣстимость этого именно пантеизма съ материалистическимъ монизмомъ и дѣлая только оговорку, что Бруно иногда, увлекаясь, выходилъ изъ рамокъ такого материалистическаго монизма и переходилъ къ спиритуалистическимъ утвержденіямъ, забывая свои первоначальныя послыжки²⁾.

Поэтому-то только въ 70-хъ годахъ устанавливается болѣе правильная точка зрѣнія въ оцѣнкѣ общаго смысла доктрины Бруно, но и то далеко не во всѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ она излагается, потому что сами исторіи философіи не всегда понимаютъ различіе между вульгарнымъ и настоящимъ пантеизмомъ, между монизмомъ и моно-дуализмомъ.

Параллельно ложной оцѣнкѣ доктрины Бруно, держался и ложный взглядъ на его нравственную личность. Нельзя, конеч-

¹⁾ См. упом. статью М. Carrière'a въ *Zeitschr. f. Philosophie*.

²⁾ «*Geschichte des Materialismus*», Iserlohn 1866, s. 110. Впрочемъ несомнѣнно, что въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ Бруно еще не такъ ясно развилъ идею личнаго сознанія вселенной, какъ въ послѣдующихъ.

но, отрицать того, что въ молодости Бруно былъ подверженъ различнымъ страстямъ и былъ крайне необузданъ въ своихъ словахъ и дѣлахъ. Насколько было развращено его воображеніе, видно изъ упомянутой выше сатирической комедіи его «Il candelaio». Несомнѣно также, что онъ съ чрезвѣрной рѣзкостью нападалъ, въ болѣе равное время, на догматы католической церкви и подвергалъ ихъ не только осужденію, но и рѣзкому глумленію. Но отъ этихъ фактовъ еще далеко до тѣхъ обвиненій въ безусловной нравственной испорченности и порочности, и до тѣхъ разсужденій о связи его предполагаемой, но ничѣмъ не доказанной, ненависти ко Христу и его ученію съ этой порочностью, къ какимъ прибѣгаетъ напр. Штѣяль въ упомянутомъ сочиненіи, дѣлая оцѣнку личности Бруно. Во 1) онъ былъ южанинъ, итальянецъ, и по самому темпераменту все дѣлалъ страстно, съ увлеченіемъ, иногда переходя ту мѣру, какая считается нормальною людьми болѣе спокойнаго темперамента; во 2) онъ жилъ въ испорченной средѣ католическаго монашества, которая должна была на время наложить на него свою печать; не даромъ же онъ и самъ заявляетъ Венеціанскимъ инквизиторамъ, что онъ въ молодости пересталъ быть христіаниномъ, сдѣлавшись «монахомъ», т. е. ознакомившись съ испорченною нравственностью католическаго духовенства, которую онъ и бичуетъ въ своей комедіи «Il candelaio», написанной уже въ монастырѣ; въ 3) на христіанскую вѣру онъ нападалъ, имѣя въ виду не самое ученіе Христа, а лицемерную и часто суевѣрную и невѣжественную догматику католическихъ богослововъ; въ 4) платя извѣстную дань своей страстной натурѣ, онъ все-таки болѣе всего стремился къ истинѣ и проникнуть былъ постоянно тѣмъ священнымъ огнемъ вдохновенія, ради котораго прощается многое. Развѣ не изъ такихъ-же горячихъ и чувственныхъ юношей, какъ Бруно, выходили такіе служители христіанской религіи, какъ апостолъ Павелъ и Августинъ? Всѣмъ ходомъ жизни своей и, главное, мученическою смертью за истину Дж. Бруно лучше всего доказалъ, какова была на самомъ дѣлѣ его нравственная личность, а различные сонеты его, разбѣянные въ его сочиненіяхъ и написанные въ различное время жизни,—сонеты, обращенные «къ единому Богу», «къ собственному своему духу», «къ началамъ міра», «къ любви» и т. д.,—все обнаруживаютъ такое воз-

вышенное настроеніе, всегда направленное на лучшее, что есть въ человѣческой природѣ, что рѣшительно не позволяютъ вѣрить въ неизменность его душевныхъ качествъ. Дж. Бруно, повторю опять, былъ настоящимъ, полнымъ человѣкомъ, который умѣлъ въ время и наслаждаться, и смѣяться, но умѣлъ и работать, а, главное, достойно умереть. Дай Богъ всякому обнаружить столько здороваго огня въ жизни и столько мужественнаго спокойствія въ смерти.

Итакъ, доктрина Дж. Бруно была именно тою высшею синтетическою формою пантеизма, о которой мы говорили выше.

Но не одно развитіе пантеистической доктрины составляло задачу учено-философской дѣятельности Бруно. Мы уже видѣли, что онъ всю жизнь увлекался разработкою Лулліева мнемоническаго и комбинаторскаго искусства и ревностно пропагандировалъ его въ цѣлой серіи специальныхъ сочиненій. Любопытно, между прочимъ, то, что этой сторонѣ своей дѣятельности онъ придавалъ на первый взглядъ даже какъ будто бы главное значеніе. Дѣло въ томъ, что изъ исторіи его литературной дѣятельности видно, что въ какое бы новое мѣсто онъ ни являлся, какой бы новой академической карьеры ни добивался, всегда онъ спѣшилъ прежде всего выступить съ нѣсколькими монографіями объ этомъ Лулліевомъ искусствѣ и, уже занявъ совершенно прочное положеніе, начиналъ печатать другія работы, имѣвшія отношеніе къ его пантеистическому философскому мировоззрѣнію. Такъ было въ Парижѣ, Лондонѣ, Виттенбергѣ, Франкфуртѣ, а въ другихъ мѣстахъ онъ и не успѣлъ напечатать ничего, кромѣ своихъ разсужденій о Лулліевой «архитектурѣ понятій». Весьма возможно однако, что такой приемъ былъ своего рода стратегіей. При повсемѣстномъ господствѣ въ тогдашнихъ ученыхъ коллегіяхъ схоластическаго духа, на который не разъ жалуется Бруно, понятно, что онъ возбуждалъ бы къ себѣ сразу недовѣріе и недоброжелательство, еслибы выступалъ прямо съ изложеньемъ своего общаго философскаго мировоззрѣнія. Поэтому-то онъ, можетъ быть, и предпочиталъ заявлять себя въ началѣ болѣе невинными и безобидными, да еще и столь близкими по духу къ схоластическимъ традиціямъ, мнемоническими и логическими теоріями

Дуллиа. Этихъ онъ конечно могъ расположить въ свою пользу поклонниковъ схоластической мудрости и создать себѣ необходимое для пропаганды другихъ идей офенціальное положеніе ¹⁾. Несомнѣнно однако и то, что Бруно совершенно искренно и дѣйствительно горячо увлекался фантастическою доктриною Дуллиа и что логика Дуллиа замѣняла и обновляла въ его глазахъ избитую и ненавистную схоластическую псевдо-аристотелевскую логику, столь искаженную грамматико-логическими дополненіями разныхъ Петровъ Испанскихъ (XIII в.). Въ его эпоху слишкомъ сильно чувствовалась потребность въ новой теоріи познанія, чтобы онъ могъ и въ этой области не стремиться къ нѣкоторой оригинальности, и вотъ его выборъ остановился на теоріи Дуллиа ²⁾. Поэтому, если онъ и пользовался ею, между прочимъ, для своихъ практическихъ цѣлей, то все-таки искренно вѣрилъ, что находится на вѣрномъ пути и, можетъ быть, лишь инстинктивно сознавалъ, что его пантеистическая доктрина менѣе доступна пониманію разныхъ ученыхъ тупиць, чѣмъ эта теорія геометрической комбинаціи понятій.

Во всякомъ случаѣ философская дѣятельность Дж. Бруно все время удваивается, и это находится отчасти въ связи съ упомянутой интеллектуальною зависимостью его отъ трехъ мыслителей ближайшаго прошлаго, изъ которыхъ одинъ—Коперникъ—далъ главные основы для его новаго философскаго мировоззрѣнія, другой—Дуллиа—для его теоріи познанія, а третій—Николай Кузанскій, несомнѣнно всего болѣе оказавшій вліянія на общее направленіе его мысли,—старался, подобно ему, совмѣстить разработку Дуллиева искусства и пантеистической доктрины. Кардиналъ Николай Кузанскій не зналъ еще ученія Коперника, ибо умеръ въ 1464 г.; но это былъ широкій и глубокій мыслитель, отчасти являющійся даже предшественникомъ

¹⁾ Ничто подобное предполагаетъ и А. Н. Веселовскій, видя въ Дуллиевомъ неукладѣ удобную для Бруно форму развитія такихъ философскихъ взглядовъ, которые въ другой формѣ выраженія возбудили бы тотчасъ недоумѣніе въ нему (ср. упом. ст. стр. 618).

²⁾ Сочувствіе его къ Дуллиа А. Н. Веселовскій объясняетъ весьма правдоподобно еще и чрезвычайнымъ сходствомъ умственнаго типа и самой судьбы этихъ двухъ мыслителей. Дуллиа былъ такой же безыювийный снхталець и пропгандистъ, какъ и Бруно (см. уп. ст. стр. 616—617).

Коперника, ибо онъ высказалъ между прочимъ гипотезу о вращеніи земли вокругъ своей оси ¹⁾). Усвоивъ себѣ Новоплатоновскую доктрину, онъ еще ранѣе Бруно старался расширить новоплатоновскій пантеизмъ, согласно новымъ астрономическимъ и физическимъ наблюденіямъ своимъ, и первый ясно провелъ теорію совмѣщенія контрастовъ (*coincidentia oppositorum*) въ единомъ мировомъ началѣ, которое считалъ и трансцендентнымъ и имманентнымъ міру. Онъ-же первый, въ новое время, заговорилъ и о безвѣчности вселенной.

Джордано Бруно относится съ энтузіазмомъ къ глубинѣ мысли Николая Кузанскаго, называя его «божественнымъ», «однимъ изъ исключительныхъ творческихъ умовъ, какіе когда-либо существовали», «однимъ изъ рѣдчайшихъ геніевъ» и т. д. Но вѣсть съ тѣмъ онъ признаетъ, что наблюденія Николая Кузанскаго отчасти были похожи «на наблюденія моряка въ морѣ, когда его корабль, качаемый волнами, то поднимается вверхъ, то опускается внизъ», что Николая Кузанскаго «стѣсняла его духовная одежда,—иначе онъ могъ бы стать выше Пифагора», что его мировоззрѣніе страдаетъ извѣстной половинностью, незаконченностью, неполнотою,—и справедливость этого сужденія признаютъ даже противники Бруно ²⁾). Бруно именно исправилъ эти недостатки мировоззрѣнія Николая Кузанскаго, преобразовавъ и расширивъ его въ связи съ теоріею Коперника.

Впрочемъ, Бруно внесъ въ свою доктрину и много другихъ вліяній изъ современной ему философіи. Профессоръ Инсбрукскаго университета Барахъ, разсматривая въ своихъ статьяхъ о Дж. Бруно (1877 г. упом. соч. стр. 40 и слѣд.) вопросъ о томъ, что было оригинальнаго въ системѣ Дж. Бруно, указываетъ, между прочимъ, на нѣкоторыя заимствованія его изъ такихъ писателей эпохи возрожденія, какъ Палингеній, Сцип. Капеце (+1550), Патричій и Карданъ, на которыхъ, впрочемъ, и самъ Бруно ссылается въ своихъ сочиненіяхъ. Въ эпоху возрожденія, по мѣткому слову проф. Виндельбанда, царилъ атмосфера пантеизма: Николай Кузанскій и Дж. Бруно были не единственными его представителями. Врачъ Карданъ шелъ

¹⁾ См. Ueberweg. Gesch. d. Neuereu Philos. III.

²⁾ Ср. Штѣль, ун. соч. стр. 108.

напр. такъ далеко, что признавалъ душу въ магнитѣ и жизнь въ камнѣ.

Рядомъ съ этими отношеніями къ писателямъ той-же эпохи, несомнѣнна связь ученій Бруно съ ученіями многихъ древнихъ философовъ, особенно Пиеагора, Платона, Стоиковъ, Эпикурейцевъ, Новоплатониковъ. Мысль эпикурейца Лукреція о безчисленномъ множествѣ міровъ была воспринята Бруно и переработана на началахъ Коперниковской системы. Самъ Бруно заявляетъ въ одномъ изъ своихъ философскихъ сочиненій, написанныхъ въ Англии, что онъ задался цѣлью связать философскія доктрины древности съ воззрѣніями новаго времени, — примирить Гераклита и Парменида, Пиеагора и Демокрита, Платона и Аристотеля, Эпикура и Зенона (основателя стоической философіи), новоплатоновскую теософію и схоластическую мудрость съ вновь приобретенными знаніями о природѣ и съ Коперниковскою системою, создавъ мировоззрѣніе, съ одной стороны смотрящее впередъ, — съ другой, обхватывающее все, что было позади его (см. статью Новака).

Такимъ образомъ, Бруно является сознательнымъ синтетикомъ, а не простымъ электикомъ, механически склеивающимъ мысли предшественниковъ. По выраженію Бараха, «даже многое, несомнѣнно старое, въ его системѣ является новымъ, вслѣдствіе новаго способа развитія тѣхъ-же идей и вслѣдствіе новыхъ соотношеній, въ которыхъ онѣ поставлены». «Системы мыслей предшественниковъ онъ беспощадно опрокидываетъ, отдѣляя истинное отъ ложнаго и вѣроятнаго, и обнаруживая призрачную достовѣрность господствующаго въ его эпоху мировоззрѣнія»; «мысли, которыя уже и прежде были высказываемы, онъ самостоятельно развиваетъ изъ своей собственной системы воззрѣній, изъ которой онѣ вырастаютъ какъ бы органически». Эта-то синтетическая способность и творческая оригинальность мыслительной работы Бруно ставитъ его мысль на высоту, недосягаемую для другихъ, при тогдашнемъ состояніи образованія и при господствовавшихъ въ то время взглядахъ. «Явленія, подобныя Бруновской философіи», говоритъ Барахъ, «не подлежатъ обыкновенному оптическому закону: они не уменьшаются въ объемѣ и значеніи по мѣрѣ удаленія отъ нихъ, а напротивъ все растутъ и приобретаютъ все больше интереса, чѣмъ быстрее мы движемся впередъ, ибо, оборачиваясь назадъ, мы

видимъ въ нихъ путевые столбы своихъ собственныхъ шаговъ» (ср. Баракъ, стр. 40—43). Мы думаемъ даже, что правъ Брунигеръ, одинъ изъ послѣднихъ авторовъ писавшихъ о Бруно, утверждая, что его философская доктрина можетъ стать исходною точкою и руководящею нитью философскаго мышленія въ нашу эпоху.

Теоріи Бруно, относящіяся къ мнемоническому искусству и къ комбинированію понятій по системѣ Луллія, имѣющія наименьшую научную и философскую цѣну и наиболѣе переходящее значеніе, не заслуживаютъ и подробнаго разсмотрѣнія. Достаточно сказать, что Бруно раздѣлялъ заблужденіе Луллія, полагавшаго, что путемъ особой системы механическаго комбинированія словъ, соответствующихъ различнымъ уже готовымъ понятіямъ, можно пріобрѣтать новыя истины и тѣмъ самымъ дѣлать новыя научныя и философскія открытія. Увлеченіе его Лулліевою теоріею, какъ я уже сказалъ, доказываетъ только то, что онъ раздѣлялъ живое стремленіе своего вѣка къ открытію *новыхъ методовъ* пріобрѣтенія и расширенія знаній и отрицательно, какъ неудачный искатель такихъ новыхъ методовъ, былъ предшественникомъ Франциска Бэкона. Но справедливость требуетъ сказать, что еще ранѣе Бруно такіе изыскатели природы, какъ монахъ Рожеръ Бэконъ въ XIII в., современникъ Луллія, а также философъ Телесій, родившійся 40 годами ранѣе Бруно и требовавшій обращенія ученыхъ къ непосредственному изученію природы, являются гораздо болѣе прозорливыми предшественниками Бэкона, въ отношеніи къ ученію о методахъ науки, чѣмъ Бруно. Заблужденіе Бруно можно только тѣмъ оправдать, что онъ, какъ философъ, искалъ не столько методовъ спеціальнаго *анализа* явленій природы, сколько методовъ *синтеза* спеціальныхъ знаній въ цѣльное мировоззрѣніе. Понимая громадное въ этомъ отношеніи значеніе математики, по образцу методовъ которой онъ и старался преобразовать методъ философскаго мышленія, онъ является въ своихъ стремленіяхъ предшественникомъ не столько даже Бэкона, сколько *Декарта*. И въ его время, какъ всегда, жило смутное сознаніе двухъ различныхъ родовъ познанія, научнаго и философскаго, аналитическаго по преимуществу и синтетическаго по преимуществу, —

и онъ, подобно Декарту, какъ синтетикъ и философъ, естественно придавалъ большую цѣну послѣднему.

Забужденіе его, стало быть, состоитъ не въ характерѣ самыхъ стремленій его, воплиъ законныхъ, а въ способѣ ихъ удовлетворенія. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи оно еще значительно умалется тѣмъ соображеніемъ, что не только Декартъ, Спиноза и другіе рационалисты XVII вѣка, и ихъ послѣдователи, заблуждались относительно способовъ удовлетворенія упомянутыхъ стремленій, но даже еще и въ нашу переходную эпоху находятся такіе мыслители, какъ напр. представители англійской математической логики, Девонсъ и другіе, которые раздѣляютъ предположеніе Бруно и Раймунда Лулліа, что путемъ машинъ и механическихъ приѣмовъ перестановливанія словъ можно дѣлать совершенно новые и плодотворные для знанія выводы. Старая истина, воплиъ установленная уже Бэкономъ, а именно, что новыя комбинаціи данныхъ словъ не даютъ новыхъ знаній, и теперь иногда забывается. Р. Лулліи и Дж. Бруно являются въ своей теоріи расширенія знаній путемъ перестановки механической словъ прямыми предшественниками Девонса и его послѣдователей.

Важна для насъ не эта сторона доктрины Бруно, составляющая прямое наслѣдіе схоластической эпохи, — важно *реальное мировоззрѣніе*, путемъ котораго онъ пытается освѣтить смыслъ всего существующаго и примирить высшія субъективныя влеченія чловѣка и научныя знанія своей эпохи. Именно въ этомъ мировоззрѣніи заключается истинное значеніе его, какъ философа, — значеніе его не только въ прошедшей исторіи мысли, но и въ настоящей и будущей судьбѣ ея. Разсмотримъ же это реальное философское мировоззрѣніе Бруно; но замѣтимъ предварительно еще разъ, что, не имѣя подъ руками всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, мы не ставимъ себѣ задачей дословную и педантически точную передачу ученія Бруно, которая, впрочемъ, вообще затруднительна, вслѣдствіе постоянной переработки, которой оно подвергалось въ различныхъ его сочиненіяхъ, а также и вслѣдствіе той формы, въ которой оно излагалось (диалогической и поэтической): нашею задачею будетъ уловить по воз-

возможности *общей души* его доктрины и наиболее оригинальные черты его воззрѣній въ томъ смыслѣ, въ какомъ они истолкованы уже и другими изслѣдователями, ранѣ насъ.

VI.

Въ составѣ мировоззрѣнія Бруно мы находимъ прежде всего основныя черты такой *теоріи познанія*, которая единственно только и способна оправдать необходимость особой творческой работы мысли философа ¹⁾.

Конечно, при элементарномъ, совершенно ненаучномъ состояніи психологіи во времена Дж. Бруно нельзя ожидать, чтобы его теорія познанія формально удовлетворяла болѣе строгимъ научнымъ требованіямъ нашего времени. Замѣчу кстати, что самый терминъ «психологія», какъ особой науки, возникъ только въ самыя послѣдніе годы XVI ст., т. е. въ послѣдніе годы жизни Бруно ²⁾. До этого времени наука о душевныхъ способностяхъ разсматривалась, какъ часть физики или метафизики. Само собою понятно поэтому, что Бруно является представителемъ господствующей даже въ XVIII, а отчасти еще и въ XIX в., совершенно ненаучной теоріи о способностяхъ или «самостоятельныхъ силахъ» души. Такихъ силъ въ сферѣ познавательной онъ признаетъ, согласно нѣкоторымъ предшественникамъ своимъ, четыре: сила ощущенія (*sensus*), сила разумнія (*ratio*), разсудочная сила (*intellectus*) и сила интуиціи (*mens*), причемъ всѣ эти силы въ указанномъ нами порядкѣ представляютъ градацию различныхъ ступеней совершенства познавательной способности человѣка.

Важна, конечно, не эта формальная классификація познавательныхъ силъ души,—важны тѣ объясненія и противоположенія, которыми Бруно истолковываетъ дѣйствительныя отправленія и соотношенія этихъ силъ. Уже предшественникъ Бруно, Николай

¹⁾ При изложеніи теоріи познанія Бруно мы пользовались главнымъ образомъ упомянутыми въ свое время статьями Бараха, а также изложеніями Штѣгеля и автора статьи о Бруно въ филос. слов. Ноэма.

²⁾ См. объ этомъ въ нашей «Психологіи чувствов.», стр. 69.

Кузанскій, въ своемъ сочиненіи «Объ ученѣ невѣжествѣ» (de docta ignorantia), первый изъ новыхъ философовъ, усомнился въ возможности научнымъ путемъ разяснить природу тѣхъ началъ, которыми религія старается объяснить сущность и смыслъ бытія, и старался доказать (въ другомъ сочиненіи «De conjecturis»), что большая часть нашихъ знаній состоитъ изъ догадокъ и предположеній, почему, согласно мистикамъ Ново-платоновской школы, допускалъ, что познаніе Божества возможно только путемъ непосредственной интуиціи, которую онъ выражаетъ иногда въ мистическихъ идеяхъ "соверпанія безъ пониманія», «непостижимаго пониманія» (visio sine comprehensione, comprehensio incomprehensibilis) и т. д. Дж. Бруно, вообще мало склонный къ мистицизму и старающійся, насколько возможно, естественно объяснить всѣ тайны природы¹⁾, старается разумно истолковать и сущность различныхъ познавательныхъ отправленій человѣка. Онъ первый высказываетъ мысль, которая послѣ легла въ основу Декартовской философіи, что философъ сначала въ правѣ во всемъ усомниться. Основаніе для такого сомнѣнія онъ видитъ, между прочимъ, въ томъ переворотѣ, какой произвело въ воззрѣніяхъ людей на міръ ученіе Коперника. Люди считали себя въ центрѣ вселенной, и вдругъ оказывается, что они совершенно внѣ этого центра, на маленькомъ небесномъ шарикѣ, который подобно другимъ вертится вокругъ солнца, причемъ солнце оказывается опять-таки отнюдь не центромъ вселенной, ибо такихъ солнцъ, съ многочисленными спутниками, безконечное число. Выходя изъ этого несомнѣннаго факта, онъ находитъ въ немъ, съ замѣчательнымъ глубокомысліемъ, опору для противоположенія, въ совершенно новомъ значеніи, чѣмъ прежде, двухъ источниковъ знанія — ощущеній и еще какого-то особаго, высшаго.

Въ древности уже Платонъ, а за нимъ и другіе философы различали чувственное познаніе отъ интеллектуальнаго; но для

¹⁾ Въ сочиненіи «О причинахъ» Теофилъ, осуждая стремленіе вполнѣ повѣсть непознаваемую причину бытія, тѣмъ не менѣе говоритъ, что высшей похвалы заслуживаютъ тѣ, которые стараются *всями возможными средствами* познать высшій принципъ и причину, чтобы объять все ея величіе (см. утом. переводъ Лассона, стр. 49).

Платона и другихъ идеалистовъ древности чувственное познание было мнимымъ, безусловно ошибочнымъ, фиктивнымъ. Аристотель старался снова связать чувственное познание съ интеллектуальнымъ, признавъ ихъ одинаково важными элементами познания. Но потребность раздвоенія знанія оставалась во всей силѣ, и у позднѣйшихъ греческихъ философовъ мы уже находимъ мистическое ученіе о непосредственномъ общеніи съ Богомъ въ состояніи экстаза, причеиъ они относятся опять отрицательно къ чувственному познанию.

Дж. Бруно въ сочиненіи «De umbris idearum» тоже настаиваетъ на двойственности познания, но уже не отрицаетъ значенія за чувственнымъ познаніемъ, а только признаетъ его въ буквальномъ смыслѣ одностороннимъ, т. е. открывающимъ только одну сторону бытія, и потому недостаточнымъ. По его мнѣнію, чувственно мы познаемъ только *тѣнь* истиннаго бытія, а не самое бытіе; но это не значитъ, что мы ничего не познаемъ, ибо, видя тѣнь предмета, мы можемъ отчасти заключать и о его собственной природѣ: для этого нужно только переработать въ своемъ сознаніи данныя чувственнаго опыта, путемъ той способности мысли, которую онъ называетъ разуміемъ (*ratio*). Такимъ именно способомъ прежняя «геоцентрическая» точка зрѣнія, признававшая землю центромъ, и переработана въ системѣ Коперника въ «космоцентрическую», т. е. признающую центромъ, а равно и окружностью бытія всю вселенную вообще. Но такое измѣненіе точки зрѣнія въ однихъ отношеніяхъ вещей въ мірѣ ведетъ насъ еще далѣе, къ нѣкоторымъ отрицательнымъ посылкамъ. Дѣло въ томъ, что, отвергнувъ геоцентрическую точку зрѣнія, мы должны признать относительность всѣхъ нашихъ понятій, возникшихъ подъ вліяніемъ именно этой точки зрѣнія. Если мы только перейдемъ отъ понятія земли, какъ центра міра, къ неизбѣжной, съ точки зрѣнія теоріи Коперника, идеѣ о безконечности міровъ, о наполненіи ими абсолютно всей вселенной, то всѣ такіа понятія, какъ понятія большого и малого, верха и низа, части и цѣлаго, различныхъ моментовъ времени, различныхъ точекъ пространства, понятія движенія, матеріи, духа и т. д.,—все это окажутся понятія относительныя, такъ сказать, *земныя, человѣческія* и къ истинному бытію самой вселенной совершенно неприменимыя. Отрицаая ихъ смыслъ по отношенію къ бытію вселенной, какъ цѣлаго, мы

придемъ къ опредѣленію этого бытія путемъ извѣстныхъ отрицательныхъ понятій, т. е. понятій, отрицающихъ за вселенною контрасты, связанные съ нашимъ чувственнымъ, земнымъ познаніемъ. А отсюда уже мы выведемъ предположительно идею *единого бытія вселенной, какъ совмѣщающую въ себѣ всѣ контрасты видимаго міра* (*coincidentia oppositorum*), какъ обладающаго иными признаками, чѣмъ какіе мы узнаемъ изъ своего ограниченнаго чувственнаго опыта. Всю эту отрицательную работу и производитъ разумъ (*intellectus*), который Бруно считалъ особою силою души, а мы не можемъ не признать особою функціею мысли, углубляющейся въ анализъ своего чувственнаго содержанія и затѣмъ синтезирующей по особому методу продукты этого анализа. Теперь обыкновенно называютъ эту работу мысли творческою — творческимъ синтезомъ; прежде ее называли дѣятельностью воображенія, и самъ Бруно, какъ можно судить изъ другихъ его утвержденій, отождествляетъ отчасти функціи разсудка и воображенія, ибо говоритъ, что истинное пониманіе есть «созерцаніе построенія воображенія». Къ теоріи этого отправления нашей мысли и относятся всѣ правила Лудіева искусства, которымъ Бруно придавалъ такое громадное значеніе.

Итакъ, мы доходимъ до извѣстныхъ предположеній о сущности истиннаго бытія, путемъ сначала положительной или прямой, а затѣмъ, такъ сказать, дополнительной или косвенной переработки продуктовъ своего чувственнаго опыта. Это и есть восхожденіе отъ тѣни бытія къ заключеніямъ о самомъ бытіи. Но все это даетъ ли намъ настоящее знаніе о томъ, что такое бытіе на самомъ дѣлѣ? Конечно, нѣтъ. Слѣдовательно: или намъ въ концѣ концовъ все-таки недоступно проникновеніе въ его смыслъ, или оно доступно намъ другимъ путемъ.

Дж. Бруно, не смотря на свои антимистическія тенденціи и желаніе все разумно объяснить, не можетъ не принять во вниманіе мистической доктрины объ интуиціи или непосредственномъ общеніи съ основнымъ источникомъ бытія; но онъ эту доктрину перерабатываетъ, на основаніи своихъ особыхъ пантеистическихъ посылокъ. Дѣло въ томъ, что, если мы только предположимъ единство бытія во вселенной, а слѣдовательно и полное отраженіе его въ насъ самихъ, то, конечно, весьма вѣроятною дѣлается гипотеза, что въ нашемъ внутреннемъ (субъективномъ) самосознаніи мы непосредственно становимся лицомъ

къ лицу съ загадкою бытія,—что въ этомъ самосознаніи мы находимъ истинные признаки единого бытія, мировой причины.

Эту гипотезу Бруно и принимаетъ, противопоставляя такое высшее познаніе вселенной «въ самомъ себѣ, чрезъ свое самосознаніе (mens)» всякому другому, ограниченному способу постиженія вещей. Противоположеніе это онъ выражаетъ поэтически, сравнивая ограниченное познаніе вообще съ познаніемъ глаза, который видитъ только другія вещи, а познаніе безконечнаго «въ себѣ»—съ познаніемъ глаза, который видитъ и другія вещи и себя — и въ себѣ все остальное (*qui in se videt omnia*). Тотъ-же контрастъ онъ выражаетъ и другою поэтическою метафорою о зеркалѣ, которое только другія вещи отражаетъ, и о другомъ, которое и себя познаетъ, будучи виѣстъ и субъектомъ, и объектомъ,—и зеркаломъ, и свѣтомъ. Для насъ, впрочемъ, эти поэтическія метафоры не важны, ибо въ современныхъ понятіяхъ сознанія и самосознанія мы имѣемъ выраженіе того-же контраста двухъ формъ познания. Гораздо существеннѣе та мысль, на сколько намъ извѣстно впервые высказанная Бруно, а затѣмъ столь гениально развитая Декартомъ и въ особенности Кантомъ, что въ своемъ самосознаніи мы находимъ отраженіе сущности всѣхъ вещей, ибо оно есть ничто иное, какъ сознаніе нашей собственной сущности, а наша собственная сущность въ основахъ тождественна сущности всего остального бытія.

Въ способъ проведенія этой теоріи Бруно однако стоитъ даже отчасти выше Декарта и является прямымъ предшественникомъ Канта, ибо Декартъ, подобно Платону и всѣмъ идеалистамъ, желая объединить знаніе въ одномъ принципѣ, отнѣсся съ пренебреженіемъ къ чувственному познанію и не имѣлъ въ самосознаніи *единственнаго* и притомъ *только рациональнаго, научнаго* критерія всякой истины. Бруно же, какъ и впоследствии Кантъ, признавалъ двѣ истины, одинаково законныя и дополняющія другъ друга, и два критерія знанія, внѣшній и внутренній или, точнѣе говоря, объективный и субъективный, одинаково обязательные для человѣка.

Что онъ именно признавалъ источникомъ познанія бытія самосознаніе «субъективное», «нравственное», видно изъ того, что въ своемъ діалогѣ объ эросѣ онъ даетъ новое толкованіе своей способности интуиціи (*mens*), выражающей идею само-

сознанія, отождествляя ее съ высшимъ эросомъ, субъективнымъ порывомъ къ добру, красотѣ, къ божественному. «Черезъ алмазную среду идей красоты, добра, высшей внутренней правды» должны проходить, по его мнѣнію, наши чувственные идеи о вещахъ для того, чтобы мы могли отыскать въ этихъ послѣднихъ истинную ихъ сущность—Бога. Божественное мы понимаемъ только любви; поэтому на высшей ступени познанія умъ проникается волею и чувствомъ, т. е. субъективными влеченіями, которыя выражаются въ понятіи любви. Въ высшемъ порывѣ этого чувства любви, который во всей полнотѣ доступенъ только гениальнымъ, исключительнымъ натурамъ, человѣкъ, по мнѣнію Бруно, отчасти постигаетъ сущность божественнаго бытія, которое въ немъ самомъ отражается.

Конечно, всѣхъ этихъ тезисовъ Бруно не могъ оправдать строго психологически, научно, какъ это возможно, полагаемъ мы, въ настоящее время; но тѣмъ не менѣе ему принадлежитъ заслуга перехода отъ совершенно мистическаго понятія о непосредственномъ общеніи человѣческаго духа съ трансцендентнымъ, внѣ міра существующимъ Богомъ, къ психологически-натуралистической идеѣ познанія вѣчнаго міроваго бытія чрезъ субъективное наше самосознаніе, которое составляетъ только индивидуальную, частную форму этого бытія.

Вслѣдствіе такого, болѣе реальнаго объясненія, Бруно даетъ и болѣе реальныя опредѣленія *философіи* и ея задачъ. Конечно, онъ еще отождествляетъ, согласно духу времени, философію и метафизику,—и въ его эпоху въ этомъ не было еще ничего предосудительнаго, ибо метафизики въ позднѣйшемъ смыслѣ, той метафизики, которая навсегда была осуждена Кантомъ, т. е. философіи, претендующей быть «наукою» и считающей себя отдѣломъ науки, еще въ то время не существовало. Сама наука, въ своемъ особомъ составѣ, задачахъ и методахъ, вполне образовалась и обособилась лишь послѣ Бруно, подъ влияніемъ Бэкона, Локка, Юма и Канта. А то ложное, извращенное познаніе, которое стало обозначаться въ наше время терминомъ «метафизики», во времена Бруно выражалось въ понятіи схоластики, которую Бруно такъ искренно ненавидѣлъ. Идею науки Бруно выражаетъ еще неопредѣленнымъ и туманнымъ терминомъ «физики», взятымъ у древнихъ,—и этой-то физикѣ онъ и противопоставляетъ метафизику или философію, какъ совершенно

особый родъ познанія, опредѣляя ее, какъ познаніе Бога въ природѣ, чрезъ внутреннее сознаніе имманентности его въ нашемъ субъектѣ. Въ метафизикѣ, по его мнѣнію, ищеть себя раскрытія «то понятіе, какое имѣеть въ насъ божественное о самомъ себѣ». Методъ этой метафизики есть абстракція, но не въ обычномъ, современномъ значеніи слова, какъ простое отвлеченіе данныхъ чувственнаго опыта, и не въ томъ смыслѣ, какой придавали ему схоластическіе философы, которые, по мнѣнію Бруно, не понятія составляли на основаніи свойствъ природы, а, на оборотъ, природу измѣняли согласно понятіямъ. Не въ первомъ и не во второмъ значеніи понимаетъ Бруно свой методъ абстракціи: его абстракція есть процессъ творческаго построенія, на основаніи внутреннихъ, конкретныхъ интуицій, въ родѣ тѣхъ, какія, по его мнѣнію, лежатъ въ основѣ построеній математики. И въ этомъ стремленіи пересоздать методъ философіи на тѣхъ началахъ, какія лежатъ въ основѣ математическаго метода, Бруно является опять предшественникомъ многихъ новѣйшихъ философовъ, въ особенности Декарта, Спинозы и Лейбница.

Не даромъ многіе историки признають, что въ доктринахъ Бруно содержатся сѣмена всѣхъ новѣйшихъ философскихъ построеній. Ученія Бэкона, Локка, Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта, Шеллинга, Гегеля и многихъ другихъ лежатъ какъ-бы недифференцированными еще—и въ извѣстномъ смыслѣ однако уже дифференцированными и снова интегрированными или объединенными—въ геніальномъ мировоззрѣніи Бруно.

Замѣчательно еще то, что онъ является предшественникомъ и тѣхъ воззрѣній на философію, которыя намъ лично приходилось проводить не разъ, независимо отъ знакомства съ соответствующими взглядами Бруно, а именно воззрѣній о родствѣ философскаго творчества съ художественнымъ, которое, впрочемъ, поражаетъ нынѣ уже не насъ однихъ¹⁾. Дѣло въ томъ, что Бруно сравниваетъ въ одномъ сочиненіи, о Луллиевомъ искусствѣ, философовъ съ художниками и говоритъ, что для тѣхъ и другихъ живость фантазіи и связанное съ нею

¹⁾ Ср. напр. статью Kroman'a, Ueber Wesen u Bedeutung der Philosophie, Vierteljahr. f. Wiss. Philos. Lpz. 1885 (I).

вдохновеніе — необходимыя условія дѣятельности. «Поэтому, говоритъ онъ, философы въ известномъ смыслѣ—художники, поэты—живописцы и философы, живописцы—философы и поэты; истинные поэты, живописцы и философы любятъ другъ друга и взаимно восхищаются другъ другомъ; тотъ не философъ, кто не поэтъ и не художникъ» (см. у Ноака). И эти взгляды Бруно практически выражаются въ томъ уже упомянутомъ мною фактѣ, что онъ сначала искалъ въ философіи вдохновенія для поэтического творчества, а затѣмъ, на оборотъ сталъ разсматривать поэтическое творчество, только какъ орудіе для выраженія своихъ философскихъ построеній. Мы тоже не разъ настаивали на томъ, что процессъ творчества у поэтовъ и философовъ въ основѣ тотъ-же: различны только элементы и непосредственныя задачи того и другого, и такъ какъ элементы художественнаго творчества суть конкретныя образы, а элементы творчества философскаго—отвлеченныя идеи, то этимъ объясняется и возможность синтеза художественнаго и философскаго творчества въ одно высшее художественно-философское, стремящееся продукты отвлеченнаго творчества выразить въ художественномъ сочетаніи образовъ конкретныхъ. Такой синтезъ еще никѣмъ исполнѣн не осуществленъ. Онъ составляетъ задачу будущаго; но попытки древнихъ философовъ, Эмпедокла, Платона, Лукреція и другихъ, облечь свои мировоззрѣнія въ форму поэтическихъ произведеній,—попытки, повторенныя въ различныхъ направленіяхъ и Дж. Бруно, намѣчаютъ отчасти возможный путь для такого синтеза. Въ наше время искусство провозглашаетъ своимъ принципомъ—или голый реализмъ, или общественную тенденцію. Но тотъ и другой взглядъ суть извращеніе истины. Справедливо говоритъ Тургеневъ въ своихъ письмахъ, что «справа есть воздухъ, безъ котораго искусству жить нельзя, но искусство—растеніе, иногда даже довольно причудливое, которое зрѣетъ и развивается въ этомъ воздухѣ»,—и что безъ «вымысла, выдумки» нѣтъ искусства. А гдѣ основа этого вымысла, выдумки, какъ не въ идеѣ, въ идейномъ, философскомъ творчествѣ? Нужно только, чтобы идея, составляющая завязку вымысла, была тоже правдой, а не узкой тенденціей, чтобы она была проникновеніемъ въ истинный смыслъ и отношенія вещей, а не тенденціознымъ подкладываньемъ имъ ложнаго, фантастическаго смысла. Безъ идеи, искусство превращается въ фото-

графію, а ложная, искусственная идея превращаетъ его произведенія въ уродливыя гримасы,—въ тѣ изображенія, какія даются вогнутыми и выпуклыми зеркалами. Только истинная идея о внутреннемъ смыслѣ изображаемыхъ вещей, только правдивое философское его проникновеніе, такое и отражается именно въ величайшихъ произведеніяхъ художественнаго творчества, даетъ намъ въ результатѣ не фотографію и не гримасу, а настоящее, высшее искусство ¹⁾. Фотографія и гримаса, или карриатура, въ жизни могутъ быть тоже необходимы, но онѣ составляютъ низшій родъ искусства.

Просимъ у читателей извиненія за это небольшое отступление. Мы хотѣли только ярче освѣтить всю глубину мысли Бруно о родствѣ философіи съ искусствомъ.

Того, что сказано было до сихъ поръ, достаточно, чтобы видѣть, что Бруно въ своей теоріи познанія, дѣйствительно, значительно опередилъ свой вѣкъ и выразилъ—гдѣ совершенно ясно, а гдѣ только намеками—не только тѣ идеи, которыя легли въ основу теорій познанія Бэкона (образование научныхъ понятій согласно природѣ), Декарта и Спинозы (значеніе математическаго метода познанія въ философіи и критерій самосознанія), Канта (двойственность познанія, путемъ теоретическаго и практическаго разума) и другихъ новѣйшихъ философовъ,—идей, которыя у него не механически, а совершенно органически связаны другъ съ другомъ; но даже высказалъ уже отчасти и тѣ взгляды, которые созрѣваютъ въ нашу эпоху и должны, кажется намъ, привести именно къ окончательному объединенію и примиренію всѣхъ упомянутыхъ разнообразныхъ теорій.

Хотя всѣ эти идеи, разбросанныя у него въ различныхъ сочиненіяхъ, методически и научно не обоснованы и не разработаны, переплетены часто съ очень произвольными поэтическими метафорами и аналогіями, тѣмъ не менѣе уже одна возможность ихъ совиѣщенія въ головѣ Бруно доказываетъ, какая гениальная и широкая мысль жила въ этой головѣ.

¹⁾ Любопытно, между прочимъ, что величайшій изъ художниковъ, Шекспиръ, въ величайшемъ своемъ произведеніи «Гамлетъ», пользовался философскими идеями Бруно, которыми и наполнялъ монологи Гамлета. См. статью А. Н. Веселовскаго, стр. 636.

Глубина мысли Бруно, впрочемъ, еще рельезнее обнаружится въ изложеніи его міровой, космологической теоріи, къ которой мы теперь и перейдемъ.

Мы уже сказали выше, что отъ геоцентрической точки зрѣнія на міръ Бруно, подъ вліяніемъ Коперника, перешелъ къ точкѣ зрѣнія космоцентрической. Но эта космоцентрическая точка зрѣнія есть въ то же время и *теоцентрическая*, т. е. признающая истиннымъ центромъ вселенной *Бога* ¹⁾.

Дѣло въ томъ, что отрицаніе взгляда на землю, какъ на центръ вселенной, естественно привело Бруно къ отрицанію вообще всякаго *матеріальнаго* центра у безконечной вселенной. Понятія матеріальнаго центра и окружности суть опять наши «земныя» понятія. Если вселенная есть *все* и притомъ *безконечное все*, а мыслить ее конечною невозможно, ибо конечное ограничено, ограниченное граничится чѣмъ-нибудь другимъ, а этого «другого» для вселенной, которая есть «все», быть не можетъ, — если, говоримъ мы, вселенная *безконечна*, то въ ней и матеріальнаго центра и окружности быть не можетъ: всякая точка есть въ ней центръ и часть окружности, а слѣдовательно, если у нея и есть центръ, то только *духовный* — этотъ центръ и есть Божество, — сознаніе, духъ вселенной. Вотъ какимъ путемъ Бруно доходитъ до отождествленія космо- и тео-центрической точекъ зрѣнія ²⁾. Къ идеѣ Бога, сознанія вселенной, мы приходимъ, какъ уже было указано, путемъ внутренней, интуиціи, путемъ самосознанія, распространяющаго основной признакъ нашего собственнаго бытія на всякое бытіе вообще. Но если мы разъ признаемъ, что есть сознаніе въ мірѣ вообще, т. е. Богъ, то, конечно, это сознаніе, наполняющее безконечное все, должно быть тоже безконечно. А такъ какъ двухъ безконечныхъ быть не мо-

¹⁾ Въ изложеніи космологіи Бруно мы пользовались упомянутыми статьями Бараха и Виндельбанда (въ исторіи философіи), а также сочиненіемъ Бруно «О причинѣ, началѣ всего и единомъ» и комментаріями къ нему Лассона.

²⁾ Ср. упом. статью Бараха.

жетъ, то Богъ и вселенная одно и то же — двѣ стороны одного бытія. Въ этомъ «абсолютѣ» нѣтъ контрастовъ, въ немъ все объединено, въ немъ матерія и форма, матерія и духъ—одно. Но, конечно, основное, дѣятельное, производительное начало въ этомъ абсолютѣ, т. е. настоящая его сущность, есть сознаніе, Богъ, мысль. Міръ съ его контрастами, всегда впрочемъ объединенными, и есть продуктъ раскрытія, *экспликаціи* Бога, какъ выражался еще Николай Кузанскій. Этотъ процессъ раскрытія, или, какъ мы бы сказали, дифференціаціи единого бытія и есть процессъ происхожденія міра. Разъ начавшись въ бесконечно далекомъ прошломъ, этотъ процессъ раскрытія Божества, происходитъ вѣчно, и потому происхожденіе небесныхъ тѣлъ и другихъ міровыхъ формъ бытія совершается постоянно. Образуются постоянно все новые и новые міры, новыя и новыя возрожденія бытія, по мѣрѣ уничтоженія извѣстныхъ его формъ; но уже поэтому одному смерти не есть абсолютное уничтоженіе,—смерть есть только относительное понятіе, переходъ изъ одной формы бытія въ другую,—и эту неуничтожимость бытія Бруно признаетъ одинаково и для матеріи, и для силы или духа, считая ихъ одинаково вѣчными.

Разумѣется, физически этотъ процессъ развитія бытія Бруно представляетъ себѣ, согласно современнымъ ему научнымъ понятіямъ, еще довольно наивно. Сначала опредѣляются или дифференцируются контрасты тепла и холода, или огня и воды. Это даетъ начало происхожденію двухъ видовъ небесныхъ тѣлъ—солнца и планетъ (или земли, какъ онъ выражается нарицательно). Взаимныя отношенія этихъ двухъ порядковъ тѣлъ и ихъ движенія регулируются извѣстнымъ внутреннимъ ихъ тяготѣніемъ другъ къ другу, которое Бруно представляетъ себѣ совершенно психологически въ формѣ «взаимной потребности ихъ другъ въ другъ». Что у него смутно уже назрѣвала идея всеобщаго тяготѣнія видно изъ слѣдующаго: онъ допускаетъ, что при равномъ отдаленіи какого-либо небеснаго тѣла, напр. кометы, отъ двухъ другихъ, оно должно было бы остановиться, а при малѣйшемъ нарушеніи равновѣсія—двинуться въ направленіи къ ближайшему. «Если эти мысли», говоритъ Виндельбандъ, «могутъ казаться нынѣ еще несовершенными или тривіальными, то не надо забывать, что въ то время онъ представляли собою подвигъ и безпримѣрно смѣлое заключеніе, и что

онѣ опрокидывали все, что люди думали прежде о космическихъ отношеніяхъ ¹⁾».

Теперь спрашивается, можно ли предположить, что въ процесѣ раскрытія бытія, или Бога-вселенной, оно все исчерпывается и уже ничего отъ него не остается? Бруно справедливо признаетъ такую гипотезу невѣроятною. Нарожденіе все новыхъ и новыхъ міровъ уже опровергаетъ ее, ибо доказываетъ, что есть еще неисчерпанные запасы бытія, не перешедшаго ни въ какую феноменальную форму.

Но если бы и этого соображенія было недостаточно, то другое—о самостоятельной жизни каждаго цѣлаго, независимо отъ жизни его частей, заставляетъ Бруно придти по аналогіи къ воззрѣнію на вселенную, какъ на вѣчно живое и самостоятельно отъ своихъ частей «живущее» цѣлое. И эту мысль онъ выражаетъ въ поэтической метафорѣ, признавая всѣ небесныя тѣла своего рода кровью и мясомъ вселенной. Между ними онъ предполагаетъ, согласно Аристотелю, еще особый элементъ, все наполняющій и проникающій, — эфиръ, который представляется ему настоящимъ духомъ, всеобщою душою, или, какъ бы мы могли выразиться, своего рода нервною системою вселенной ²⁾.

Впрочемъ, такими же живыми цѣлыми Бруно считаетъ и отдѣльныя планеты, и другія небесныя тѣла: они не только—имѣютъ для развитія живыхъ существъ, которыми населены, по мнѣнію Бруно, всѣ небесныя тѣла, даже солнца (?): они въ то же время и сами суть своего рода животныя или организмы, божества (*animalia, numina, dii*). Въ частности, въ организмѣ земли, вода, по мнѣнію Бруно, есть своего рода кровь, всюду ее проникающая, а атмосфера—дыханіе земли, почему именно она и составляетъ настоящую поверхность, своего рода оболочку или кожу земли, какъ цѣлаго, а не вода, которая есть кровь, бьющаяся подъ этой оболочкой.

Какъ и гдѣ осуществляется сознаніе высшаго цѣлаго, вселенной, Бруно отказывается понять ограниченнымъ человѣческимъ умомъ, который не можетъ пойти далѣе признанія факта этого сознанія и не имѣетъ другихъ орудій для опредѣленія его

¹⁾ Ср. упом. соч. I, стр. 70.

²⁾ Ср. объ этомъ понятіи Бруно объ эфирѣ у Ласвица, въ уп. ст., стр. 42, а также ученіе объ эфирѣ послѣдователя Бруно, Себастіана Бассо, тамъ же, стр. 49.

сущности, кромѣ своего собственнаго самосознанія, въ которомъ божество *отчасти только* ему раскрывается ¹⁾).

Но именно путемъ этого самосознанія Бруно убѣждается всетаки въ безконечной разумности, благости и могуществѣ этого мирового сознанія. Зло въ мирѣ не отъ него исходитъ: оно вообще *не реально*,—реально только добро, а зло есть отрицаніе, отсутствіе добра,—взглядъ, діаметрально противоположный Шопенгауэровскому, «еноменальному, а вовсе не «ноуменальному», какъ онъ самъ думалъ. Зло относительно—это есть низшее добро, сравнительно съ высшимъ, это есть, такъ сказать, остановка на пути развитія низшей формы блага въ высшую. На этой теоріи, какъ мы увидимъ послѣ, Бруно основываетъ и всю свою этику.

Италъ, признавъ Бога за абсолютный разумъ, любовь и могущество (съ каковыми атрибутами Бога онъ сближаетъ и понятія о трехъ лицахъ Божества по христіанскому ученію), онъ, конечно не можетъ отвергнуть и цѣлесообразности міра и божественнаго творчества. Различая, по Аристотелю, матеріальную, формальную, дѣятельную и конечную причины міра,—признавая первую и второю вселенную и всеобщую душу (Богъ имманентный), третью Бога, какъ живую, производящую силу міра, онъ считаетъ четвертою, т. е. «конечною причиною» или, что одно и то же, *цѣлью* міра—совершенство, которое миръ и стремится собою осуществить.

Самый актъ осуществленія этой цѣли Богомъ представляется ему одновременно и свободнымъ и необходимымъ, ибо контрастъ свободы и необходимости есть опять «еноменальный контрастъ, который въ Богѣ совершенно ступшевывается. Законы жизни вселенной, которые Бруно признаетъ однообразными и ненарушимыми, и суть «необходимое выраженіе свободной воли» творца міра, т. е. мирового сознанія. Въ числѣ этихъ законовъ міра онъ признаетъ и нашу свободу, какъ отраженіе божественной сущности, считая ее точно также синтезомъ свободы и необходимости, — взглядъ, который находитъ себѣ болѣе точное выраженіе въ современныхъ научныхъ теоріяхъ о волѣ, стремящихся уста-

¹⁾ О непознаваемости для насъ Бога, въ его истинной природѣ, Бруно говоритъ часто, между прочимъ и въ діалогѣ «О причинахъ».

новить свободу человека, на почвѣ теорій необходимаго дѣйствія мотивовъ ¹⁾).

Такова, въ главныхъ чертахъ, космологическая теорія Бруно, какъ она выразилась въ первомъ фазисѣ развитія его доктрины, въ его итальянскихъ діалогахъ, написанныхъ въ Лондонѣ, и въ метафизическихъ сочиненіяхъ, написанныхъ до выѣзда изъ Виттенберга.

Прежде чѣмъ перейти ко второму фазису ея, приведенному Бруно къ его монадологін, скажемъ о его психологическихъ и этическихъ воззрѣніяхъ, связанныхъ съ изложеннымъ космологическимъ ученіемъ.

Съ психологіей Бруно мы отчасти познакомились изъ его теорій познанія и уже тогда убѣдились, что она была чисто метафизическою. Бруно, правда, говоритъ съ большимъ остроуміемъ и пронизательностью о многихъ психическихъ явленіяхъ: объ ощущеніяхъ, истинкахъ и вообще влеченіяхъ, о памяти и фантазіи, и т. д. Но отдѣльные остроумныя замѣчанія и вѣрные наблюденія его отчасти теряютъ цѣну, если мы приемѣмъ во вниманіе упомянутый фактъ, что онъ всецѣло еще стоитъ на почвѣ ученія о силахъ души и ничего точнаго, конечно, не знаетъ о нервной системѣ и ея отправленияхъ. Извѣстно, что даже представленія Бэкона, Декарта и Спинозы въ этой области были крайне сбивчивы и туманны. Гоббсъ и Локкъ—первые во 2-й половинѣ XVII в. поставили психологію, какъ науку, на надлежащую эмпирическую почву, но и то они не были въ состояніи помѣшать развитію «раціональной» психологіи, какъ отвлеченнаго ученія о силахъ души въ XVIII и даже отчасти въ XIX вв. Впрочемъ, если мы подумаемъ, какъ мало мы и до сихъ поръ знаемъ о сущности сознанія и его судьбѣ, то наивныя представленія Бруно не покажутся намъ столь нелѣпыми. Бруно признавалъ, конечно, первоначальное единство тѣла и духа, какъ и всего вообще бытія, но вмѣстѣ съ этимъ считалъ ихъ и столь различными другъ отъ друга «сторонами» этого бытія, что раз-

¹⁾ Если признать, какъ это сдѣлали и мы въ своей статьѣ «о свободѣ воли», что свобода есть только внутренняя необходимость въ отличіе отъ внешней, то съ точки зрѣнія этой теоріи и абсолютная свобода Вога-вселенной, т. е. подчиненіе его одной *внутренней* необходимости, понятна.

смастривалъ тѣло, согласно господствующему взгляду эпохи, какъ «темницу души» и жизнь въ тѣлѣ считалъ своего рода сномъ, отъ котораго мы пробуждаемся смертью. Во всякомъ случаѣ онъ совершенно послѣдовательно, согласно принципу неразрушимости бытія, признавалъ неразрушимость столько же вещества нашего, сколько духа; но такъ какъ духъ, какъ высшее обнаруженіе силы, долженъ быть въ состояніи, по его же теоріи, обратно переходить въ другія формы силы, то онъ опять совершенно послѣдовательно признаетъ безсмертіе личнаго духа, какъ такового, отнюдь не необходимымъ слѣдствіемъ изъ своей доктрины. Напротивъ того, онъ допускаетъ повидимому три формы существованія души, послѣ смерти тѣла, а именно во 1) полное уничтоженіе ея, какъ *личнаго* духа, т. е. переходъ въ безсознательныя формы силы; во 2) переселеніе въ другія живыя существа по закону, такъ сказать, притяженія подобнаго подобнымъ, и въ 3) личное безсмертіе—для такихъ душъ, которыя, побѣдили окончательно плоть и уже при жизни обоготворились, достигли совершенства и «вполнѣ индивидуализировались». Вся эта доктрина похожа весьма на ученіе Стоиковъ, которые тоже признавали личное безсмертіе привилегіей лучшихъ людей, а не всѣхъ. Можетъ быть также въ этомъ ученіи о тройкой судьбѣ души отразилось католическое ученіе объ адѣ, чистилищѣ (переселеніе душъ) и раѣ.

По теоріи Бруно выходитъ, что есть два *крайніе* и одинъ *средній* исходъ въ развитіи отношеній тѣла и духа: или тѣло побѣдитъ духъ, и тогда духъ, сознание, будучи слишкомъ слабымъ, должно, такъ сказать, потухнуть или быть ассимилировано веществомъ; или духъ побѣдитъ тѣло, и тогда, на оборотъ, сознание способно одухотворить самое тѣло, или, наконецъ, исходъ борьбы окажется неопредѣленнымъ, и тогда духъ принужденъ индивидуализироваться въ другомъ тѣлѣ—въ тѣлѣ какаго-либо животнаго. Можетъ быть на эту теорію повліяла еще и аналогія борьбы огня и воды, ибо Бруно иногда сравниваетъ духъ съ огнемъ и свѣтомъ, а тѣло съ водою. Конечно, степень справедливости этой теоріи Бруно и теперь еще неопредѣлима съ философской точки зрѣнія: не даромъ есть и теперь даже ученые, серьезно относящіеся къ вызыванію духовъ. Несомнѣнно лишь одно, что то мнѣніе, которое прежде господствовало, а именно, что Бруно отвергалъ личное безсмертіе, неспра-

ведливо, какъ это доказано новѣйшими историками философіи. Въ своихъ сонетахъ онъ выражаетъ не разъ твердую увѣренность въ предстоящемъ ему лично безсмертіи и соединеніи съ Богомъ (см. особ. сонетъ его, подъ заглавіемъ «Ободреніе самого себя», напечатанный передъ сочиненіемъ его : «О безконечномъ»).—Такимъ образомъ, если разсматривать психологию Бруно какъ научную доктрину, то конечно она представится крайне слабою; но если смотрѣть на нее, какъ на «философское ученіе о духѣ» и какъ на дополненіе его философской же космологіи, то она окажется нисколько не хуже, а скорѣе даже лучше, логичнѣе другихъ тѣхъ же «философскихъ» доктринъ.

Этика Бруно, какъ мы уже замѣтили, основана на отрицаніи «реальности» зла. Такой взглядъ на зло конечно заставляетъ его смотрѣть и на порокъ и на добродѣтели, какъ на *относительныя* понятія. Порокъ есть только отсутствіе той или другой добродѣтели, того или другого совершенства. Всѣ качества и влеченія человѣка законны и естественны; но перевѣсъ однихъ надъ другими, одностороннее развитіе однихъ въ ущербъ другимъ—вотъ источникъ нравственнаго зла. Этимъ путемъ онъ приближается къ аристотелевской этической доктринѣ, по которой всякій порокъ есть крайность, а добродѣтель заключается въ соблюденіи середины между двумя крайностями. Но на этомъ возрѣнн Бруно не останавливается; онъ спрашиваетъ далѣе: гдѣ причина уклоненія въ крайность, и приходитъ къ выводу, что она лежитъ въ ошибочномъ мнѣніи о вещахъ, въ *заблужденіи*. Въ этомъ ученіи Бруно, съ одной стороны, воспроизводитъ мысль Сократа, что добродѣтель есть знаніе,—съ другой стороны, подготовляетъ ученіе Декарта, думавшаго, что проступки наши связаны съ заблужденіями и вмѣняемы лишь настолько, насколько вмѣняемы самыя заблужденія, причемъ Декартъ признавалъ послѣднія вмѣняемыми, ибо считалъ свободною именно нашу мысль, могущую произвольно избѣгать заблужденій, предупреждать ихъ ¹⁾. Однако и въ основоположеніяхъ своей этики Бруно является предшественникомъ не только Декарта, но и Спинозы. Признавая нормальность всѣхъ качествъ и влеченій человѣка, онъ все-таки допускаетъ различныя ступени ихъ соотвѣтствія абсолютному благу. Это опять логически вытекаетъ

¹⁾ Ср. изложеніе нравственной доктрины Декарта у Вильгельмса.

изъ его доктрины: все реальное есть добро, но въ различной степени. Поэтому, нѣтъ противорѣчiя признать въ качествахъ человѣка *двѣ главныя ступени совершенства*, выражающіяся и въ двухъ основныхъ формахъ любви: чувственной, которою мы любимъ себя, и духовной, которою мы любимъ абсолютное добро — Бога. Эти двѣ любви вступаютъ въ борьбу другъ съ другомъ. Первая сравнительно со второю, конечно, ниже, а потому побѣда второй и есть реализація высшаго блага, т. е. настоящая добродѣтель. Побѣда же первой есть порокъ, относительное зло, недостатокъ реализаціи истиннаго блага. Въ этомъ-то ученіи о двухъ ступеняхъ любви, — любви къ себѣ, какъ тѣлу, и любви къ Богу «въ себѣ и во всемъ мірѣ», Бруно и является предшественникомъ Спинозы, противопоставившаго любовь-аффектъ другой, высшей любви къ Богу «въ себѣ и въ природѣ».

Въ связи съ изложенной теоріей, высшія добродѣтели для Бруно суть мудрость, т. е. стремленіе къ истинѣ, божественному, и справедливость, какъ подчиненіе себя закону, т. е. какъ ограниченіе своей чувственности, а изъ нихъ уже вытекаютъ всѣ остальные добродѣтели, о которыхъ говорили древніе философы, а именно мужество, благоволеніе къ другимъ и т. д. Въ другомъ мѣстѣ, впрочемъ, Бруно свою мудрость совершенно логически отождествляетъ съ высшею любовью, которая есть стремленіе къ божеству, къ совершенному, къ высшему благу и истинѣ.

Какъ ни элементарны методы, которыми пользуется Бруно при проведеніи изложенной только-что теоріи морали, но нельзя не признать, что и она, по замыслу своему, также глубока, какъ и всѣ остальные его ученія. Надо только судить ее, какъ и психологію, не съ научной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія «философской».

Теперь рассмотримъ еще послѣднюю интересную часть доктрины Бруно, а именно его монадологію, и затѣмъ сдѣлаемъ общую оцѣнку всему мировоззрѣнію Бруно ¹⁾.

¹⁾ При изложеніи монадологіи Бруно мы пользовались, какъ пособіемъ, главнымъ образомъ упомянутою выше статью Лассвица въ «*Vierteljahr. f. Wissenschaftl. Philos.* (1884)».

VII.

Ученіе Бруно о монадахъ, изложенное въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя были напечатаны имъ во Франкфуртѣ, не включаетъ въ себѣ никакихъ такихъ существенно новыхъ взглядовъ, которые были бы въ состояніи въ чемъ-либо измѣнить общій смыслъ его философскаго мировоззрѣнія. Оно составляетъ только дальнѣйшее, такъ сказать, *формальное* развитіе его пантеистической системы, т. е. представляетъ собою только новый способъ обоснованія и выраженія ея. Повидимому монадологія Бруно направлена къ тому, чтобы утвердить его мировоззрѣніе, которое онъ ранѣе выражалъ только въ *поэтической* и очень *общей* формѣ, на болѣе прочныхъ и *точныхъ* основахъ, дать ему болѣе систематическую и *методологическую* подкладку, оправдать его законность съ *научной* точки зрѣнія, помощью «научной» гипотезы. Вѣрность этого предположенія доказывается уже тѣмъ приемомъ, который употребляетъ Бруно, чтобы подойти къ своему понятію «монады». Выходя изъ положенія Николая Кузанскаго, что мышленіе есть *измѣреніе*, онъ думаетъ, что при анализѣ всего существующаго во вселенной должны быть *единицы мѣры*. Такою единицею мѣры въ математикѣ является числовая единица, въ геометріи—точка, въ физикѣ—атомъ, а въ метафизикѣ, стремищейся объединить въ одномъ понятіи идеи единицы, точки, атома,—«монада». Самый терминъ монады взятъ имъ непосредственно у Николая Кузанскаго, а посредственно обоими у Пифагорейцевъ, которые признавали число вообще началомъ и принципомъ всего существующаго, а потому и считали монаду (т. е. числовую единицу) элементомъ всего. Но Бруно переработалъ одностороннее, чисто количественное понятіе Пифагорейцевъ о монадѣ въ идею болѣе широкую—въ идею *живую, одаренную всеми качествами бытія, элемента*.

Признавая единство и тождественность всего существующаго, Бруно мыслить свою монаду какъ заключающую въ себѣ, въ зародышѣ, всѣ свойства бытія, встрѣчающіяся во вселенной. Притомъ монада эта—понятіе совершенно относительное. Приходя къ тому выводу, что всякій предметъ, всякая реальная вещь въ мірѣ, въ концѣ концовъ, разложима на какіе-либо послѣдніе элементы, если не *de facto*,—ибо фактически за чувственными недѣлимыми мы можемъ представить себѣ другія меньшія не-

дѣлимыя, чувственно намъ недоступныя,—то по крайней мѣрѣ въ идеѣ, Бруно считаетъ, вслѣдствіе этого, недѣлимымъ, монадой вообще всякій такой элементъ, который въ данномъ составѣ цѣлаго представляетъ послѣдній мыслимый, съ точки зрѣнія его спеціального состава, *предѣлъ дѣлимости*. Это положеніе можно иллюстрировать примѣромъ изъ современной науки. Въ организмѣ, съ точки зрѣнія его органическаго состава, послѣдній предѣлъ дѣлимости есть элементарная органическая клетка; конечно органическая клетка сама по себѣ снова дѣлима на «неорганическіе» атомы, но для организма такое дѣленіе есть уже переходъ, такъ сказать, въ другую, чуждую ему, сферу явленій: организмъ, какъ организмъ, разложимъ только на наиболѣе элементарныя организмы. Съ этой точки зрѣнія конечно является возможность безконечныхъ градацій дѣлимости, на основаніи разнообразныхъ принциповъ, и, съ этой же точки зрѣнія, каждое цѣлое, хотя бы и разложимое на части, является въ свою очередь послѣднимъ элементомъ—монадой, въ дѣленіи или въ анализѣ высшаго порядка. Напр. душа въ тѣлѣ есть особая монада. На землѣ, какъ цѣломъ, послѣдніе элементы или монады суть индивидуальныя существа, индивидуально-самостоятельные организмы; въ солнечной системѣ такими элементами являются отдѣльныя небесныя тѣла, въ цѣлой вселенной таковыми оказываются солнечныя системы или «синоды небесныхъ тѣлъ», какъ выражается Бруно. Наконецъ, если брать вселенную, какъ *esse*, рядомъ съ которымъ ничего другого уже нѣтъ, то она, съ этой точки зрѣнія «бытія вообще», является сама монадой или недѣлимымъ, почему Бруно и называетъ Бога вселенную—«монадой изъ монадъ». Но, признавая совершенную относительность идеи монады, или недѣлимаго, признавая чисто *познавательную*, т. е. лишь *психологическую* цѣну или реальность за этимъ элементомъ, какъ основой анализа состава тѣхъ или другихъ предметовъ ¹⁾, Бруно естественно требуетъ вѣры нашей въ *предѣльность* дѣлимости, въ существованіе для познанія нашего такихъ «наименьшихъ элементовъ», такихъ наименьшихъ монадъ (*minima*), за которыми всякая дѣлимость прекращается. Подобно тому, какъ предѣлъ монады въ одну сто-

¹⁾ См. о такомъ значеніи понятія монады у Бруно, уп. ст. Ласвица ст. 33.

рону лежитъ въ идеѣ вселенной, какъ высшей и наибольшей изъ монадъ, такъ точно, въ другую сторону, наше сознание должно постулировать такой же предѣлъ въ идеѣ «наименьшей» изъ возможныхъ монадъ. Предположеніе безконечнаго числа такихъ наименьшихъ монадъ для Бруно неизбежно уже потому, что выходя изъ идеи тѣлесности и пространственности всѣхъ живыхъ монадъ, составляющихъ вселенную, онъ не можетъ мыслить послѣдніе элементы вещей безтѣлесными и безпространственными. Какой-нибудь объемъ, хотя бы и безконечно малый, какую-нибудь тѣлесность, хотя бы и чрезвычайно ничтожную, элементы вещей должны имѣть, чтобы быть въ состояніи дать, при комбинаціи своей, *замѣтную величину* реально существующимъ предметамъ. Такимъ образомъ Бруно, опровергая Аристотеля, старается возстановить доктрину Демокрита и Эпикурейцевъ объ атомахъ, какъ послѣднихъ дѣлимыхъ матерій. Онъ только расширяетъ эту идею атома, какъ послѣдняго дѣлимаго, въ идею «живой» единицы бытія и устанавливаетъ полную относительность этой идеи.

Но уже изъ теории *единства* всего бытія и изъ предположенія полного отраженія въ составѣ каждой «наименьшей» монады состава всей вселенной, Бруно естественно переходитъ далѣе къ утверженію конечнаго тождества и эквивалентности своей монады, какъ *минимума*, и своей монады, какъ *максимума*. Его наименьшая монада есть такое же истинное бытіе, какъ и наибольшая, т. е. вселенная,—она въ такой же степени *сущность* всѣхъ вещей, какъ и эта послѣдняя, — въ ней, слѣдовательно, точно тѣ же признаки неизмѣнности, неразрушимости, вѣчности, единства, отсутствія всякихъ противоположностей и противорѣчій, какъ и въ монадѣ-вселенной. Другими словами, въ понятіи монады Бруно сливается всѣ признаки бытія и ступшевываетъ всѣ различія, какія въ немъ въ состояніи дифференцироваться. Монада, какъ отвлеченная идея, объединяющая въ себѣ и безконечно великое «все» и безконечно малое, конечный предѣлъ «ничего»,—есть одновременно и наибольшее и наименьшее,—и матеріальное и духовное,—все производящее, все обуславливающее, все объясняющее собою начало.

Таково метафизическое или *философское* значеніе идеи монады у Бруно. Развивая это значеніе ея въ различныхъ сферахъ познанія, онъ приходитъ естественно къ выводамъ самымъ

неожиданнымъ и оригинальнымъ, которые могутъ поразить сначала своего странностью и даже парадоксальностью, но въ которыхъ, при болѣе глубокомъ размышленіи, заключается извѣстная доля истины, еще мало кѣмъ сознаваемой.

Дѣло въ томъ, что послѣдовательно выходя изъ идеи тѣлесности и безконечно-малаго пространственного объема своей монады, Бруно приходитъ къ остроумной критикѣ нѣкоторыхъ математическихъ идей и къ постулированію *атомистической математики*. Понятіе «бестѣлесной» точки, какъ конечнаго элемента геометрическихъ построеній, представляется Бруно противорѣчивымъ. Математика говоритъ, что линія есть совокупность точекъ или продуктъ движенія точекъ, но и то и другое возрѣнія нелѣпы, если только признать точку бестѣлесною, ибо бестѣлесная точка, взятая въ какомъ угодно количествѣ, всегда останется бестѣлесной же точкой: миллионъ бестѣлесныхъ точекъ есть все таки только точка, и точно также движеніе бестѣлесной точки есть тоже нелѣпость, ибо двигаться можетъ только тѣло, нѣчто матеріальное: движеніе есть матеріальный актъ, измѣненіе положенія матеріально существующаго элемента бытія. Другими словами, отъ понятія точки нѣтъ никакого перехода къ понятію линіи и, точно также, конечно, отъ понятія линіи — къ понятію плоскости, отъ понятія плоскости къ понятію тѣла. Тѣло можетъ быть составлено, какъ и все пространственное, а слѣдовательно и линія, и плоскость, только изъ тѣлесныхъ точекъ, имѣющихъ извѣстный пространственный объемъ. Выходя изъ такихъ посылокъ, Бруно признаетъ точку пространственною, т.е. безконечно малымъ кругомъ, ибо въ кругѣ мы имѣемъ идею соокращенной и обрубленной со всѣхъ сторонъ до минимума всякой другой фигуры, и разбираетъ съ этой точки зрѣнія составъ всѣхъ геометрическихъ фигуръ ¹⁾, приходя, между прочимъ, къ слѣдующимъ выводамъ: 1) что безусловно совершенныхъ линій и фигуръ въ природѣ нѣтъ, во 2) что въ дѣйствительности нѣтъ и безусловно равныхъ фигуръ и половинъ равныхъ фигуръ, напр., что нельзя раздѣлить *de facto* на совершенно равныя части ни линію, ни кругъ, ни четырехугольникъ, ибо математическіе атомы, точки, также недѣлимы, какъ и другіе атомы, и всегда по линіи (или въ мѣстѣ дѣленія) должны дѣля-

¹⁾ См. статью Лассвицъ стр., 24 и слѣд.

комъ отойти направо или налѣво, отчего и получится съ которой-нибудь стороны ббольшая половина.

Всѣ эти и подобныя разсужденія Бруно, если брать ихъ *положительное* значеніе, конечно, имѣютъ мало значенія, но если брать ихъ *отрицательную* цѣну, то она громадна. Дѣло въ томъ, что Бруно всѣми этими соображеніями приводитъ насъ неизбѣжно къ мысли о совершенной *идеальности* и чисто *психологическомъ* значеніи всѣхъ математическихъ понятій и положеній, — выводъ, правильность котораго окончательно была демонстрирована Кантомъ. Реальность пространства, внѣ тѣлесности, Бруно косвенно отрицаетъ, и поневодѣ остается одно — признать идею пространства чисто психологической идеей. Кантъ сдѣлалъ, по нашему мнѣнію, только ту ошибку, что истолковалъ эту идеальность математическихъ понятій, какъ продуктъ ихъ «априорности», сверхъ-опытности. Бруно впалъ въ обратную крайность: признавая совершенную «апостеріорность», опытное происхожденіе математическихъ идей, онъ хотѣлъ превратить математику въ физическую науку, въ особую науку о тѣлахъ, не сознавая того, что мысль, по самой организаціи своей, какъ аналитическая сила, способна отбрасывать въ опытныхъ воспріятіяхъ какіе-угодно признаки и изолируя другіе, комбинировать представленія о нихъ какъ угодно, создавая на почвѣ извѣстныхъ, хотя бы искусственныхъ, идеальныхъ допущеній, — вполне гармонирующую съ ними и другъ съ другомъ систему идеальныхъ же выводовъ.

Если бы Бруно имѣлъ вѣрныя психологическія представленія о мыслительной дѣятельности, онъ развилъ бы свою теорію, по всей вѣроятности, до конца, признавъ идеальность математики и не жертвуя для этого нисколько предположеніемъ апостеріорности, т. е. опытаго происхожденія, ея отвлеченій (какъ это и дѣлаютъ современные психологи, напр. Льюисъ: см. Вопросы о жизни и духѣ). Но онъ не былъ въ состояніи психологически оправдать идеальности математическихъ понятій и хотѣлъ только удержать положеніе объ апостеріорномъ ихъ происхожденіи, — какъ два вѣка позже Кантъ, наоборотъ, пожертвовалъ идею апостеріорности математики, для оправданія ея идеальности. Всѣ эти односторонности вытекали изъ несовершенства психологическихъ методовъ. Во всякомъ случаѣ, Бруно принадлежитъ не только заслуга своеобразнаго проведенія идеи опытнаго происхожденія математическихъ

понятій, но и заслуга признанія относительности и чисто психологическаго значенія за всѣми научными идеями объ элементарныхъ количественныхъ единицахъ, на которыя наука расчленяетъ всѣ болѣе сложныя проявленія бытія. Всякая такая единица есть не абсолютно-объективная реальность, ибо объективно идеи безконечно большого и безконечно малаго сливаются другъ съ другомъ, — а лишь относительная психологическая реальность, условная «единица мѣры», и внѣ умственнаго процесса «намѣренія» она не имѣетъ значенія. Безконечно большая и безконечно малая единица суть для насъ, какъ сказалъ бы Кантъ, только постулаты ума, ибо объективно, внѣ насъ, безконечно большое равно безконечно малому, и всѣ подобныя контрасты сливаются въ понятіи абсолютно истиннаго бытія.

Теперь посмотримъ, какую цѣну имѣетъ Бруновское ученіе о «физической» монадѣ или *атомѣ*. Признавая Бруно восстановителемъ атомистической доктрины въ физикѣ новаго времени, Лассвицъ въ то же время доказываетъ, что Бруно при этомъ вовсе еще не имѣлъ той идеи объ атомѣ, какую выработала новѣйшая физика, и совершенно не заботился о приложеніи своего ученія объ атомахъ къ спеціальному, физическому и химическому, анализу. «Обдумавъ и подготовивъ всѣ тѣ понятія, которыми пользуется новѣйшее естествознаніе для установленія своей физической теоріи», не выключая и понятія эфира, какъ среды для атомистическихъ комбинацій частицъ матеріи одаренныхъ силою, Бруно виѣтъ съ тѣмъ мыслилъ свои атомы не какъ мертвые, чисто механическіе элементы, какими считаетъ ихъ современная физика, а какъ живыя и одушевленныя единицы, т. е. скорѣе на подобіе того, какъ мыслятся современной біологіей элементарныя органическія клѣтки. Но во 1) онъ былъ не физикомъ, а философомъ, и на болѣе узкую физическую точку зрѣнія вовсе не имѣлъ необходимости становиться; во 2) еще вопросъ, не является ли его понятіе объ атомѣ, какъ о живой единицѣ, болѣе правильнымъ, чѣмъ понятіе физики объ атомѣ, какъ чисто механическомъ элементѣ. Не даромъ же современное естествознаніе само поколебало идею такого реальнаго, чисто механическаго элемента, предположивъ возможность превращенія механическихъ силъ въ жизненныя силы, неорганической матеріи въ органическую. Если только стать на эту точку зрѣнія современныхъ натуралистовъ, то придется, подобно Бруно, предполо-

жить зачатки жизни уже въ атомахъ неорганической матеріи и признавать, что понятіе чисто механическаго атома въ химіи и физикѣ есть столь-же идеальное, относительное и психологическое понятіе, происшедшее путемъ отвлеченія, какъ и понятіе точки въ математикѣ, и что реально существуютъ только живые атомы, если они вообще существуютъ ¹⁾.

Стало быть, новѣйшее естествознаніе скорѣе заставляеть насъ возвратиться снова къ Бруновской идеѣ «живыхъ» атомовъ, чѣмъ отвергнуть эту идею въ пользу господствовавшего такъ долго въ наукѣ понятія о чисто механическихъ единицахъ вещества. Нашему человѣческому уму несомнѣнно легче понять превращеніе жизни въ механизмъ, живого въ неживое, какъ это мы видимъ въ рефлексахъ нервной системы, чѣмъ обратное превращеніе неживого въ живое, механизма въ жизнь ²⁾.

Затѣмъ, въ чью бы пользу ни рѣшила споръ будущая наука, на чемъ бы она ни остановилась—на идеѣ ли живого атома, или такъ сказать, мертваго, чисто механическаго, или даже на какомъ-либо иномъ неатомистическомъ понятіи о веществѣ, несомнѣнно одно, что ученіе Бруно о монадахъ является ближайшимъ источникомъ для послѣдующихъ атомистическихъ теорій въ физикѣ, имѣющихъ громадное значеніе во всей современной наукѣ. Это признаеть отчасти и Ласвицъ въ упомянутой нами статьѣ. По его изслѣдованію оказывается, что всѣ новѣйшія атомистическія теоріи физиковъ находятъ свой корень въ теоріяхъ двухъ ученыхъ новаго времени,—парижскаго медика Себастіана Бассо и нѣмецкаго медика Зеннерта. Что ученіе Себастіано Бассо, бывшее когда-то весьма извѣстнымъ и популярнымъ, находитъ свой корень въ ученіи Дж. Бруно о монадахъ, доказываетъ самъ Ласвицъ: уже въ 1586 г., во время вторичнаго пребыванія Бруно въ Парижѣ, нѣкто Геннекенъ (Hennequin) защищалъ въ Сорбоннѣ Бруновскіе тезисы о монадахъ противъ физической

¹⁾ Къ такому понятію подходятъ и многіе современные биологи, напр. Генкель (статья «Клеточныя души» и т. д.).

²⁾ Въ своихъ статьяхъ «Matière brute et matière organisée» (Revue philos. 1883 и 1884) извѣстнаго бельгійскій психологъ Delboeuf тоже весьма остроумно доказываетъ, что изъ чисто механическаго атома нельзя вывести элементовъ живого вещества, но онъ разрѣшаетъ затрудненіе тѣмъ, что признаеть матерію двухъ видовъ: неживую и живую.

теоріи Аристотеля, а въ 20-хъ годахъ XVII в. является въ Парижѣ, рядомъ съ Бассо, еще множество другихъ ученыхъ, которые открыто высказываются въ пользу атомистической теоріи (D'Espagnet, Et. de Claves, Berigard, Gassendi и др.). Несомнѣнно находясь подъ вліяніемъ Бруно, они въ то же время повліяли на развитіе послѣдующихъ физическихъ теорій объ атомахъ. Въ частности Себастьяно Бассо воспроизводитъ въ своихъ сочиненіяхъ даже главные пантеистическіе тезисы Бруно и его доктрину о Богѣ-вселенной, какъ монадѣ ¹⁾).

Что же касается до Зеннерта, то онъ появился въ Виттенбергѣ, гдѣ Бруно тоже защищалъ и затѣмъ напечаталъ главные тезисы своей атомистической теоріи, уже черезъ пять лѣтъ послѣ отъѣзда Бруно и здѣсь же напечаталъ впоследствии свои сочиненія, въ которыхъ методически проводитъ атомистическую теорію въ область физическихъ наукъ. Поэтому, если, не смотря на эти факты, Ласвицъ все-таки отрицаетъ прямое (?) вліяніе Бруно на Зеннерта, то такой выводъ для посторонняго читателя представляется совершенно произвольнымъ и нелогичнымъ, и находитъ себѣ объясненіе развѣ только въ патріотическихъ чувствахъ нѣмецкаго критика, которому не хочется признать, чтобы въ нѣмецкой наукѣ что-либо, прежде считавшееся самобытнымъ, могло быть заимствовано со стороны. Джордано Бруно несомнѣнно оставилъ глубокой слѣдъ въ Виттенбергскомъ университетѣ, какъ своими оригинальными взглядами, такъ и всюю своею эксцентричною и интересною личностью. Поэтому трудно допустить, чтобы уже черезъ пять лѣтъ послѣ его отъѣзда о немъ забыли и болѣе не говорили, — чтобы сочиненія его, изданныя въ Виттенбергѣ, не читались и не обсуждались. Если же Зеннертъ самъ не ссылается на Бруно, то по той-же причинѣ, по какой на него не ссылаются и почти всѣ другіе мыслители XVIII столѣтія, черпавшіе многія идеи изъ его сочиненій. Эта причина лежала въ трагическомъ и какъ-бы позорномъ, въ глазахъ современниковъ, концѣ Бруно и въ томъ, что все, что носило его имя, въ первой половинѣ XVII в. преслѣдовалось церковью и отчасти даже общественнымъ мнѣніемъ. Не даромъ самыя сочиненія Бруно были запрещены и оуждены, а частью даже и сожжены католическимъ духовенствомъ. О

¹⁾ Ср. въ статьѣ Ласвица, стр. 46—50.

Бруно, повидимому, боялись въ первое время упоминать даже въ частномъ разговорѣ и въ перепискѣ, и за весь этотъ періодъ единственные документы, говорящіе о трагической смерти Бруно, найденные до сихъ поръ,—это письма Бренгера къ Кепплеру и Кепплера къ Бренгеру, писанные въ 1608 г., недавно размыканные, да еще письмо одного нѣмецкаго ученаго схоластическаго типа Шоппе (Scioppius) къ своему другу Конраду Риттерсгаузену, напечатанное въ 1621 г. и важное тѣмъ, что Шоппе былъ самъ свидѣтелемъ сожженія Бруно въ Римѣ и описываетъ это событіе, какъ очевидецъ ¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Бруно не только могъ оказать, но и въ дѣйствительности оказалъ могущественное вліяніе на развитіе современныхъ атомистическихъ теорій въ области естествознанія. Этимъ опредѣляется значеніе его въ исторіи науки новаго времени, и умалять это значеніе тѣмъ соображеніемъ, что онъ сознательно не пытался приложить свою атомистическую теорію къ физическому и химическому анализу, едва-ли правильно. У каждаго свои задачи и свое призваніе. Бруно не зналъ конечно также, что послѣ него будутъ жить на свѣтѣ и прославятся въ исторіи философіи дальнѣйшимъ развитіемъ его взглядовъ и различныхъ сторонъ его мировоззрѣнія Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, Кантъ, Шеллингъ, Шопенгауэръ. И все-таки этимъ сила его вліянія на этихъ мыслителей, хотя бы и косвеннаго (черезъ посредство другихъ) нисколько не умаляется.

Да, колоссальна эта фигура Бруно, искупившаго смертью на кострѣ всѣ односторонности философскихъ доктринъ новаго времени, выведенныхъ изъ его недостаточно понятыхъ отдѣльныхъ посылокъ,—внушительна фигура этого страдальца за идею, купившаго цѣною жизни своей свободу всей послѣдующей философской и научной мысли. Его мужественная смерть послужила, если не примыемъ, то косвеннымъ урокомъ для всѣхъ представителей современной ему религіозной ортодоксіи,—уваженіемъ имъ на тотъ фактъ, что мысль человѣческую и открытую ею истину не истребишь ни огнемъ, ни мечемъ,—что можно

¹⁾ См. упом. статью А. Н. Веселовскаго, стр. 647.

сжечь и вообще уничтожить носителя истины — человека, но самую истину, разъ высказанную и формулированную, не истребишь ничѣмъ. Уничтожали сочиненія Бруно — и все-таки они сохранились, сожгли его самого, а идеи его были вновь воспроизведены и развиты дальѣ послѣдующими философами. По совершении своего подвига, католическое духовенство должно было почувствовать, что его побѣда была въ сущности побѣдою, похожею на поражение, — признакомъ его безсилія въ борьбѣ съ наукою. Если оно владѣло истинной безусловной, то развѣ нужно было сжечь человека, чтобы доказать эту истину, — неужели истина недовольно велика и высока, чтобы сама себя поддержать? Употребленіе такого нехристіанскаго орудія, въ видѣ аргумента въ пользу христіанской истины, было по меньшей мѣрѣ противорѣчимъ. И если черезъ 32 года послѣ смерти Бруно инквизиція заставила-таки Галилея клятвенно отречься отъ Коперниковской системы, то Галилей сказалъ совершенную истину, произнося, при выходѣ изъ суда, знаменитую фразу «*errig si muove*» (и все-таки она, т. е. земля, движется). Въ его время уже было излишне отдавать вновь кому-либо свою жизнь для того, чтобы доказать эту истину: она уже приобрѣла достаточно послѣдователей и не могла умереть. Бруно заплатилъ своею жизнью за ея распространеніе по свѣту, и сколько бы ученыхъ ни заставляли вновь клятвенно утверждать ея ложность, — отъ этого дѣло уже не могло измѣниться. А когда эта идея была признана всѣмъ человѣчествомъ за истину, — она точно также мало погубила то, что было дѣйствительно истиннаго въ христіанскомъ ученіи, какъ въ свою очередь и христіанская истина не могла ее погубить. И теперь христіанство своею истинною стороною — своимъ нравственнымъ ученіемъ — поражаетъ всѣхъ людей, дѣйствительно почитающихъ выше всего истину, и этою стороною своею оно будетъ жить вѣчно, и все вновь и вновь возрождаться, вопреки мнѣнію узкихъ противниковъ религіознаго сознанія. Истина на самомъ дѣлѣ гораздо шире и глубже, чѣмъ какою считаетъ ее большинство одностороннихъ носителей культуры во всѣ времена.

Если и самъ Бруно былъ одно время противникомъ христіанскаго ученія, то мы уже видѣли, что онъ возставалъ не

столько противъ самого христіанскаго ученія ¹⁾, сколько противъ способовъ формулировки и истолкованія догматовъ, какіе были въ обычаѣ въ католической церкви, а еще болѣе противъ дурныхъ нравовъ и злоупотребленій католическаго духовенства. Онъ имѣлъ право утверждать на вопросахъ, что никогда прямо не возставалъ противъ ученія Христа, а всегда, напротивъ, высоко цѣнилъ его *нравственную* сторону. Если же онъ и мечталъ одно время, и несомнѣнно одинъ изъ первыхъ среди новыхъ философовъ, о замѣнѣ христіанской религіи новою религіею разума, то онъ все-таки думалъ внести въ нее почти цѣликомъ нравственное ученіе христіанства. Впослѣдствіи онъ понялъ однако незамѣнимое ничѣмъ значеніе позитивныхъ религій для неинтеллигентной и необразованной массы и, подобно послѣдующимъ англійскимъ денстамъ, проповѣдывалъ только безусловную свободу совѣсти, чтобы тѣ, кто не мирится съ тѣми или другими догматами церкви, могли мыслить по своему. Поэтому въ религіозномъ отношеніи онъ былъ только первымъ проповѣдникомъ терпимости и, насколько онъ самъ терпимо относился впослѣдствіи къ церковнымъ вопросамъ, видно изъ неоднократныхъ попытокъ его примириться съ католической церковью. Придавая второстепенное значеніе *формъ* религіи, онъ во имя самой религіи, для удовлетворенія своей собственной, созрѣвшей впоследствии, религіозности готовъ былъ вступить въ католическую церковь, мирясь со всеми ея недостатками. Онъ только не хотѣлъ уступить своимъ судьямъ ни одного пункта въ области своихъ научно-философскихъ убѣжденій, не хотѣлъ продать, даже цѣною жизни, *свободу своей совѣсти*.

VIII.

Послѣ всего сказаннаго до сихъ поръ, остается только коснуться еще одного пункта. Слѣдуетъ ли считать достоинствомъ или не-

¹⁾ Въ началѣ, правда, онъ отвергалъ ученіе о воплощеніи, но впоследствии, развѣвъ болѣе полно свою доктрину о Богѣ, какъ творцѣ міра и душъ міра, не отрицалъ даже возможности особаго акта воплощенія Бога въ Ис. Христа, ибо считалъ каждаго человѣка въ известномъ смыслѣ воплощеніемъ Божества, могущимъ представлять собою различныя степени. Въ этомъ смыслѣ онъ и говоритъ о посланникахъ Божіихъ (Меркуріяхъ), какъ носителяхъ божественнаго сознанія по преимуществу.

достаткомъ то, что Бруновское мировоззрѣніе изобличаетъ широкій просторъ фантазіи и не было облечено въ его изложеніи въ ту строго-научную, сухую форму, каковую принимали нѣкоторые новѣйшія философскія системы, напр. Декартовская, Спинозовская, Кантовская и Гегелевская. Многие, даже изъ современныхъ критиковъ, правда снисходительно, но въ то же время и пренебрежительно относятся къ поэтическому, горячему тону философской пропаганды Бруно и къ широкой игрѣ фантазіи въ его мировоззрѣніи; но мы думаемъ, что и та, и другая сторона его философской дѣятельности не можетъ быть осуждаема, если только стать на ту точку зрѣнія, при опредѣленіи значенія философіи, на каковую мы выше стали.

Не оттого ли философское мировоззрѣніе Бруно и было такъ широко и глубоко, сравнительно съ нѣкоторыми позднѣйшими, что онъ искусственно не стѣснялъ творческой дѣятельности своей мысли, а давалъ ей законный просторъ, сознавая ея необходимость въ философскихъ построеніяхъ? Не оттого ли и влияние его на преемниковъ было такъ значительно, что онъ налагалъ свои философскія идеи въ живой, увлекательной поэтической формѣ, и избѣгалъ оттапливающего педантизма предшествующихъ и послѣдующихъ философовъ, свѣшивавшихъ задачи философскаго синтеза съ задачами научнаго анализа? Мы думаемъ, что упомянутыя черты его дѣятельности должны быть особенно симпатичны въ наше время, когда сухое, педантическое изложеніе философскихъ взглядовъ отжило уже свое время и всѣми осуждено,—когда однимъ изъ главныхъ достоинствъ философа признается пластичность и ясность формы выраженія его мировоззрѣнія, когда литературныя достоинства трудовъ такихъ философовъ, какъ Шопенгауэръ, признательно оцѣнены публикой, для удовлетворенія нравственныхъ потребностей которой философскія мировоззрѣнія и излагаются философами.

Такимъ образомъ должно не винить, а скорѣе хвалить Бруно за то, что онъ является однимъ изъ немногихъ философовъ первыхъ вѣковъ нашей новой философской эры, которые понимали *теоретическую* основу своей философской дѣятельности и не считали унизительнымъ сдѣлать свое мировоззрѣніе доступнымъ пониманію массы.

Конечно, говоря это, мы не хотимъ несколько умалить дѣйствительныхъ недостатковъ изложенія Бруно. Ихъ и не

скроешь: будучи горячимъ, страстнымъ пропагандистомъ своихъ идей, да еще часто находясь въ своихъ скитаніяхъ подъ гнетомъ нужды, онъ конечно не могъ такъ отдѣлывать свои произведенія и такъ очищать ихъ отъ всякаго ненужнаго хлама, какъ это было-бы желательно. Творя часто подъ впечатліишемъ эффекта и немедленно печатая то, что выливалось изъ-подъ пера его, онъ часто въ сатиру своей впадаетъ въ шаржъ и спускается до пошлости и плоскихъ шутокъ; изливая негодованіе на не-симпатичныя ему явленія, онъ проявляетъ иногда слишкомъ много ненависти и пожалуй иной разъ даже клеветаетъ; подыскивая поэтическія метафоры, онъ иной разъ довольствуется первыми пришедшими въ голову и не всегда удачными аналогіями. Случается также, что ему не удалось еще вполне переварить и до конца продумать свои взгляды—и выраженіе ихъ поэтому оказывается туманнымъ. Кое-гдѣ онъ впадаетъ даже и въ педантизмъ и мелочность, свойственныя схоластическимъ писателямъ, но это случается рѣдко—по преимуществу въ его трактатахъ о мнемоническомъ и комбинаторскомъ искусствахъ. Все это едва-ли однако можно вѣнчать ему въ вину: онъ былъ все-таки сыномъ своего вѣка, сыномъ своего пылкаго и часто незнающаго мѣры, въ своихъ увлеченіяхъ, народа. Его система есть живое, совершенно слившееся съ личностью творца своего, дѣтище философской мысли, и оно поэтому отличается всѣми достоинствами и недостатками живого произведенія матери-природы.

Вотъ что говорить о системѣ Бруно одинъ изъ талантливейшихъ современныхъ историковъ новой философіи, Виндельбандъ. «Въ этой системѣ мы не усматриваемъ работы строгаго отвлеченнаго мышленія, но она есть зато достопамятное твореніе философской (у Виндельбанда «метафизической») фантазіи, въ которомъ съ художественнымъ чутьемъ достраивается новое зданіе астрономическихъ изысканій и которое пророчески прозрѣваетъ предстоящее развитіе новѣйшей мысли. Многое — можетъ быть даже большая часть того, что написалъ Бруно,—способно не-пріятно подѣйствовать на современнаго читателя то педантической мелочностью, то безвкусною страстностью, то фантастической произвольностью, то, наконецъ, какою-то дѣтски-наивною недобросовѣтностью; но въ цѣломъ, какъ этого требуютъ связующія черезъ все его труды чистота намѣреній мыслителя и ве-

личіе его творческаго дарованія, система его останется навсегда однимъ изъ тѣхъ памятниковъ чедовѣческаго духа, которые свѣтятъ съ оживляющею силою въ теченіе многихъ вѣковъ». Геніальность Бруно впрочемъ признають и самые злѣйшіе его враги ¹⁾. Одинъ изъ нихъ Ланроцъ (писатель XVIII в.) говоритъ даже, что «если бы онъ только ограничился одной еллософіей», то въ нему можно было бы приложить извѣстные стихи Лукреція объ Эпикурѣ, въ которыхъ говорится, что «онъ (Эпикуръ) чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ оградѣ міра,—самое небо было для него недостаточно обширнымъ, ничто не служило препятствіемъ для его мысли и его могучій геній свободно двигался въ безконечномъ просторѣ вселенной».

Что касается до настоящаго пониманія системы Бруно, то отъ него далеки еще и теперь многіе еллософы, задававшіе его взгляды, а современники его еще менѣе понимали и могли понимать его великое ученіе. «Вина въ этомъ случаѣ, говоритъ самъ Бруно устами Филотея, лежитъ не въ самой природѣ свѣта (съ которымъ онъ любилъ сравнивать свою доктрину), а въ природѣ ихъ глазъ: чѣмъ прекраснѣе и великолѣпнѣе солнце само по себѣ, тѣмъ ненавистнѣе и невыносимѣе оно для глазъ ночныхъ совъ ²⁾».

По поводу этихъ словъ самого Бруно приведу еще слѣдующія прекрасныя мысли его русскаго біографа, А. Н. Веселовскаго: «Такія личности (какъ Бруно) обыкновенно являются одиноко: за ними не идетъ толпа послѣдователей,—они не добиваются признанія; чѣмъ уединеннѣе ихъ подавгъ, тѣмъ неслучайнѣе ихъ вѣра въ стойкость новыхъ идей; они предаются имъ безъ контроля и общественной поддержки, съ страстностью легендарнаго анахорета, увлеченнаго въ глѣбъ пѣвцемъ райской птицы. Чѣмъ далѣе они сами отъ общества, тѣмъ болѣе крайне вырабатываются ихъ одинокія убѣжденія, тѣмъ смѣлѣе жизненныя выводы, которые они дѣлають, въ смыслѣ соціального и релігіознаго обновленія. Тогда между ними и обществомъ происходитъ разрывъ. Нельзя сказать, чтобы они явились слишкомъ

¹⁾ См. отзывы нѣкоторыхъ изъ нихъ въ упомянутомъ сочиненіи Ринсера и Эибера, V, стр. 6 и слѣд.

²⁾ См. начало его перваго діалога «О причинахъ, началъ всего и единомъ»—бесѣду Элитропіо, Филотея и Ариссо.

рано: они только слиткомъ рано высказались, хотѣли сдѣлать обязательнымъ то, что еще смутно покоилось въ сознаніи массъ, какъ невыясненное, далекое отъ всякаго житейскаго приложенія. На всемъ этомъ они настаивали и быстро переходили къ заключеніямъ, иногда фантастическимъ, рѣдко оправдываемымъ, исходя отъ посылокъ, которыя въ сущности воиной готовы были имъ уступить, но которымъ предстояло дѣзрѣть до освященныхъ выводовъ цѣлымъ рядомъ поколѣній. Они — голосъ зовущаго ночью, когда нерадивыя дѣвы спятъ и не зажжены еще свѣтильники. Ихъ сторожевой окликъ нарушаетъ обычный покой и слиткомъ рано зоветъ проснуться. Оттого ихъ удаляютъ. Осуждая ихъ на казнь, толпа не даетъ себѣ отчета, что она обрекаетъ въ зародышѣ свою собственную мысль, свое будущее, на дорогу котораго они первые вступили, принявъ едва брезжащія лучи за близость разсвѣта... Есть что-то ровное въ этомъ самоубійствѣ общественной мысли ¹⁾».

Такъ говоритъ нашъ почтенный коллега и мы вполне согласны съ вѣрностью этой тонкой характеристикѣ въ отношеніи къ Дж. Бруно; но нѣсколькими строками ниже тотъ же авторъ говоритъ, что Бруно симпатиченъ настолько какъ мыслитель, сколько какъ человѣкъ. «Какъ мыслитель, говоритъ А. Н. Веселовскій, онъ для насъ отжилъ и намъ едва ли придется считаться съ нимъ. Въ исторіи знанія его имя не особенно подчеркнуто, да онъ и не былъ способенъ къ точному *аналитическому* подвигу мысли». Последнее вѣрно; но первое едва ли. Да, Бруно не былъ ученымъ аналитикомъ; но за то онъ былъ великимъ философомъ-синтетикомъ и совершилъ не аналитическій, а громадный *синтетическій* подвигъ мысли, — такой подвигъ, съ которымъ намъ еще не мало придется считаться. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда высказаны были приведенныя выше слова, русское общество, да и не только русское, но и все европейское, — было еще полно безусловной вѣры въ «безусловную» силу науки побѣдить мракъ и излечить всѣ язвы жизни. Но съ тѣхъ поръ общество много пережило чувствомъ, много испытало разочарованій и неожиданностей. Одна мысль его уже не удовлетворяетъ, — ему хочется вѣры, удовлетворенія чувствъ и субъективныхъ влеченій, — и оно снова обращаетъ

¹⁾ См. указ. стат. стр. 606 и 607.

свои взоры къ поетамъ и философамъ, снова ищетъ религіознаго, художественнаго и философскаго освѣщенія и разъясненія *міровыхъ* проблемъ. Обращаясь назадъ, мы видимъ вдали, среди другихъ фигуръ мыслителей, скромную и небольшую фигуру съ каштановыми вьющимися волосами и бородкой, — худую, нервную, съ задумчивымъ, а иной разъ и огненнымъ взглядомъ прекрасныхъ глазъ, съ страстной рѣчью и живыми манерами. Мы видимъ, какъ этотъ невзрачный человѣкъ изъ конца въ конецъ пробѣгаетъ всю образованную Европу, вездѣ смѣло и даже рѣзко нападаетъ на покрывшіеся отъ старости мхомъ и плѣсенью предрасудки и суевѣрія, на тупоуміе и пороки во всевозможныхъ ихъ формахъ, какъ онъ вездѣ дѣлаетъ себѣ враговъ и оказывается въ концѣ концовъ вездѣ одинокимъ, безъ хлѣба, крова и друзей, — и бѣжитъ дальше проповѣдывать свои мысли въ аудиторіяхъ, свѣтскихъ салонахъ, дворцахъ и мансардахъ и, наконецъ, попадаетъ въ сѣти искуснаго ловца, а оттуда на костеръ. И вотъ, на этомъ кострѣ, маленькая фигура Джіордано Бруно превращается постепенно въ гиганта: громадные члены его исчезаютъ въ призрачныхъ очертаніяхъ столбовъ дыма и языковъ пламени, а при послѣднихъ конвульсивныхъ вздрагиваніяхъ потухающаго огня эта живая тѣнь рассыпается милліонами искръ надъ материкомъ Европы и зажигаетъ свѣточи мысли въ головахъ многихъ и многихъ философовъ новаго времени; но прошли три вѣка и эти, зажженные ею, свѣточи мысли разгораются и снова сливаются въ одно общее пламя — и въ этомъ пламени, очищенная въ горнилѣ времени, опять вырастаетъ фигура того же человѣка, но уже не маленькую, а такую же гигантскую, какою она стала въ пламени костра, и она манитъ насъ къ себѣ и сулитъ удовлетвореніе нашимъ страстнымъ влеченіямъ къ идеалу и добру.

Пойдемъ ли мы наконецъ на призывъ такихъ высокихъ носителей идеала, какимъ былъ Бруно, или по прежнему будемъ отворачиваться отъ нихъ и опять погрязнемъ въ будничные интересы жизни, въ мелочный и холодный анализъ однихъ только доступныхъ чувственному опыту «явленій» природы — съ тѣмъ, чтобы въ часы досуга снова сокрушаться о своей неудовлетворенности, скукѣ и страданіяхъ, недоумѣвать, къ чему мы все это дѣлаемъ и для чего намъ дана наша пошлая, прозаическая жизнь,

и бранить философовъ, которые-де ничего путнаго еще намъ не сказали?

А если они много хорошаго сказали за двадцать пять вѣковъ, но мы понять ихъ не хотимъ и съ эпикурейскою лѣзью отворачиваемся отъ ихъ часто глубокихъ и вѣрныхъ наблюдений и гениальныхъ соображеній, предпочитая жаловаться на свою судьбу и обвинять всѣхъ, кромѣ себя, въ своемъ безнадежно-мрачномъ настроеніи?

Не вѣрится намъ, чтобы и теперь, черезъ триста лѣтъ, такой глубокой мыслитель, какъ Дж. Бруно, могъ остаться по прежнему непризнаннымъ и непонятымъ.

Въ западной Европѣ уже начинаютъ отдавать долгъ справедливости глубокой прозорливости его и начинаютъ понимать значеніе его мировоззрѣнія не только въ прошедшемъ, но и въ настоящемъ. У насъ въ Россіи до сихъ поръ еще не существовало философіи, въ настоящемъ значеніи этого слова; но потребность освѣщенія нашего прошедшаго, настоящаго и будущаго «электрическимъ свѣтомъ» философской мысли все болѣе и болѣе растетъ въ насъ и зрѣетъ. Являются здѣсь и тамъ самодѣльные и еще неопытные строители «самобытныхъ» мировоззрѣній, стремящіеся удовлетворить запросамъ нашей развивающейся общественной мысли, и мы ихъ жадно слушаемъ и выѣтъ съ тѣмъ чувствуемъ, что это еще только слабый авангардъ настоящихъ мыслителей. Гдѣ же взять намъ настоящую философію? Конечно, чтобы создать новое философское мировоззрѣніе, достойное конца XIX в. и современной науки, мало остановиться на явленіяхъ непосредственно окружающей насъ жизни, отвлеченныхъ отъ явленій историческаго развитія другихъ европейскихъ народовъ и всего человѣчества.

Необходимо основательно изучить всю прошлую исторію мысли человѣчества, и при этомъ мировоззрѣнія такихъ крупныхъ западныхъ мыслителей, какъ Джордано Бруно, могутъ именно послужить исходною точкою и освѣщающимъ путь маякомъ. Повторю то, что я сказалъ выше: стоя на рубежѣ стараго и новаго времени, Джордано Бруно былъ одинаково чуждъ предрассудковъ и древней и новой эпохи,—онъ господствуетъ надъ той и другою, и указываетъ дорогу будущимъ поколѣніямъ философовъ. Кто хочетъ понять вполне развитіе всей новой философіи,—естественную еяліацію мировоззрѣній, начиная съ Де-

карта и кончая Шопенгауэромъ и Контаномъ, и вѣротъ съ тѣмъ уяснить себѣ основныя задачи той же философіи въ ближайшемъ будущемъ, должесть начать съ изученія философскихъ воззрѣній знаменательной, въ исторіи развитія европейской мысли, эпохи возрожденія наукъ. Тогда онъ неизбежно найдетъ самъ наиболее широкое выраженіе философской мысли этой эпохи именно въ системѣ Джордано Бруно, — одной изъ самыхъ сильныхъ по замыслу философскихъ системъ, какія когда-либо существовали. Въ ней, какъ въ первоначальной органической протоплазмѣ, заключены зародки мысли большинства новѣйшихъ философствъ.

Поэтому окончимъ эту статью выраженіемъ надежды, что Д-р. Бруно сдѣлается предметомъ болѣе спеціальнаго изученія и въ нашей едва нарождающейся философской литературѣ. Мы сами тоже надѣемся, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, вернуться вновь къ изученію системы этого мыслителя, чтобы дополнить и исправить то, что было нами на этотъ разъ упущено изъ виду или нечѣтко понято, вслѣдствіе отсутствія во многихъ случаяхъ перваго источника.

Т. XX. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за 18^{71/72} ак. г. *Вальс Я. Я.* Отзывъ о дисерт. г. Волкова «Къ вопросу объ ассими.» *Малинин М. И.* Отчетъ, 1874—75. *Григорович В. И.*: 1. Отчетъ о поведѣніи въ Петербургъ 1875; 2. Объ участіи сербовъ въ нашихъ обществахъ отношеніяхъ. *Кочубинскій А. А.* Отчеты 2 и 3, 1 февр. 1875—1 февр. 1876. *Кондаков Н. П.* Отчета, 1 сент. 1875—1 марта 1876. *Палаузов В. Н.* Къ вопросу о формѣ участія народного элемента въ уголовной юстиціи. *Вальс Я. Я.* О размноженіи раст. частями съимнѣ. *Будраццев А. Н.* Мохаметанская религія.

Т. XXI. Проток. зас. сов.: 18 авг.—7 окт. 1876. *Кондаков Н. П.* 1. Исторія визант. искусства и иконографіи по миниаторамъ греч. рукоп. 2. Отчетъ, 1 марта—1 авг. 1876. Index verborum an. 1876.

Т. XXII. Проток. зас. сов.: 21 окт.—16 дек. 1876. Докладъ комисіи о спец. средствахъ. *Войтковскій В. М.* Разборъ соч. «Константиѣ Вел.». *Малинин М. И.* Судебное призываніе въ гражд. дѣлахъ. *Кочубинскій А. А.* Отчетъ, 1 февр.—1 іюня 1876. *Лилин В. Н.* О способѣ Кемпе для мех. рѣшенія уравненій. *Успенскій Ѳ. И.* Отчетъ, май—окт. 1876.

Т. XXIII. Проток. зас. сов.: 20 янв.—20 янв. 1877. Отчетъ о состояніи н. нов. ун. за 18^{76/77} ак. г. *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализація плавныхъ сочетаній. *Брунъ Ф. К.* О разн. назван. Керчи ... *Клименко Е. Ф.* Отвѣтъ проф. Алексѣеву.

Т. XXIV. *Воеводскій Л. Ф.* Этологич. и мезологич. замѣтки. Чаши изъ черовѣч. череповъ. *Посникова М. И.* Общнне землевладѣніе. *Перетяжко-вичъ Е. И.* Вступ. лекція. *Петрицев В. М.* О моно- и диоксиаленов. кислот.

Т. XXV. Проток. зас. сов.: 7 апр.—29 сент. 1877. *Кочубинскій А. А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славян. нарѣчій... II. 1. *Малинин М. И.* Комментарій къ 366 ст. уст. гр. судопроизводства. *Панкеевичъ А.* Объектъ авторскаго права. *Цитовичъ П. П.* Курсъ русск. гражд. права. I Общая часть.—Содержаніе первыхъ 25 т. «Записокъ имп. нов. унив.» (18^{70/71}—18^{77/78}).

Т. XXV¹. Проток. зас. сов.: 6 окт.—8 дек. 1877. *Умовъ Н. А.* Курсъ математ. физики. I. Введеніе, Стъ 2-мя табл. *Цитовичъ П. П.* Новые приемы зачѣты общиннаго землевладѣнія. По поводу соч. «Общнне землевладѣніе». *А. Посникова. Малинин М. И.* Комментарій къ 366 ст. уст. гражд. судопроизв. — *Его же.* По поводу рецензіи г. Гедримовича. *Савининъ Е. Ѳ.* Къ интегрированію дифференціальныхъ уравненій помощью рядовъ. *Кочубинскій А. А.* Памяти товарищей. Двѣ рѣчи. *Цитовичъ П. П.* Курсъ русскаго гражд. права. I. Общая часть (продолженіе).—Объявленіе.

Т. XXVII. Краткій отчетъ о дѣятельности н. нов. ун. за 187⁷ ак. г. Проток. зас. сов. 19 янв.—23 авг. 1878. Прил. къ нимъ: *Кочубинскій А. А.* Ролавані. Разборъ соч. на оск. премію: «Очеркъ языка славянъ Балт. Поморья, Бранд.» *Некрасовъ И. С.* Отзывъ о комед. «Свищи», увѣнч. преміей И. Ю. Вучины. *Поломаревъ И.* Къ исторіи производныхъ группы моч. кислоты. *Траческій А. С.* Современ. задача истор. науки. *Успенскій Ѳ. И.* Образованіе втор. Болг. царства. *Ярошенко С. П.* Проектъ геометрія.

Т. XXVIII. Проток. зас. сов.: 7 сент.—9 дек. 1878. *Преображенскій В. В.* О логарифм. потенціалѣ. *Брунъ Ф. К.* Черноморье. Сборн. извѣд. по ист. геогр. и ж. Россіи. Ч. I. *Леонтовичъ Ѳ. И.* Древн. монг.-язым. или ойрат. уст. выск. (Цааджинъ-Бичикъ). *Ярошенко С. П.* Проектъ геометрія (продолж.).

Т. XXIX. Проток. зас. сов.: 18 янв.—31 мая 1879. *Цомакионъ Ѳ. М.* Электр. пров. газ. *Конюшковъ А.* Законъ отр. свѣта разл. длинны волнм отъ пов. гнса. *Мелик-Оланджановъ П.* Разгр. подк. ком. суд. отъ подк. суд. учр., общ. и мир. *Леонтовичъ Ѳ. И.* Къ истор. права рус. инор. Калм. право.

Т. XXX. Проток. зас. сов.: 29 авг.—3 дек. 1879. *Брунъ Ф. К.* Черноморье. Сборн. по ист. геогр. и ж. Россіи. Ч. II. *Воеводскій Л. Ф.* О занят. по крат. и мнѳол. гомер. вѳоса. *Ярошенко С. П.* Проектъ геом. (прод.).

Т. XXXI. Проток. зас. сов.: 24 янв.—31 мая 1880. Отчетъ за 18^{79/80} г. *Траческій А. С.* Нам. вопр. во Франціи при Люд. XVI. *Конюшковъ А.* Выч. орб. двойн. звѣз. γ Virg. *Савининъ Е. Ѳ.* Доп. къ моеи стат. въ 9 т. Мат. Сборн. *Бучинскій П.* Объ общ. черт. въ строеніи нерв. сист. *Мельниковъ И. И.* Отчетъ. *Кондаковъ Н. П.* Мозаики мечети Мовѣ тѣ; Хѳра; въ Констант. *Малинин М. И.*

По поводу мѣн. пр. Дювернуа о кн. г. Палаузова. День памяти Пушкина
Здѣсь: *Кочубинскій А. А.* Правда жизни и правда творч. *Яковлевъ В. А.*
Огум. знач. поэм. Пушкина. Отчеты о драм. на прем. П. Ю. Вучины. *Ярошенко*
С. П. Проект. геом. (прод.). *Малининъ М. И.* Теорія гражд. проц.

Т. XXXII. Проток. зас. сов.: 20 авг. — 15 дек. 1880. *Delectus serm. in bot. Un Saes. N. Ros. Eroшевскій Н. О.* Къ вопросу о поэмах. прот. *Успенскій Ѡ. И.* Соч. Мих. Акоманата. *Палаузовъ В. Н.* Вступит. лекція по уголов. судопр. *Сабининъ Е. Ѡ.* О началѣ нами. дѣйств. *Успенскій Ѡ. И.* Фил. Карл. Брунъ 1804—1880 гг. *Малининъ М. И.* Теорія гражд. проц. (прод.).

Т. XXXIII. Годов. отч., съ рѣчью *Е. Ѡ. Сабинина*: «М. В. Остроградскій». Проток. зас. сов.: 22 янв.—30 мая 1881. Index serm. *Воеводскій Л. Ф.* Введеніе въ мнѣ. Одесск. *Кочубинскій А. А.* Итога слав. в рус. филологіи. *Кондаковъ Н. П.* Путешествіе на Синай въ 1881. (съ картой).

Т. XXXIV. Годов. отч. за 18^{91/100}, кв. г. *Малининъ М. И.* Къ вопросу объ основн. принц. гражд. права и гражд. улож. (рѣчь). Проток. зас. сов. 14 мая—3 дек. 1881. *Перетятковичъ Е. И.* Поволжье въ XVII и нач. XVIII в. Очерка изъ ист. колон. Низовья (съ картой). *Чижовъ Н. Е.* Энцикл. в филос. права въ германск. и австр. унив. *Палаузовъ В. Н.* По поводу отзвѣв. проф. Шилевскаго и Дювернуа. *Леонтовичъ Ѡ. И.* Адагы кавк. горц.

Т. XXXV. Проток. зас. сов.: 21 янв.—16 сент. 1882. *Клоссовскій А. В.* Новѣйшіе успѣхи метеорол. Ч. I. *Сабининъ Е. Ѡ.* Дополн. къ ст. «О нач. нами. дѣйст.». *Азаревичъ Д. И.* Знач. римск. право. *Ковалевскій А. О.* Отчетъ о загранич. командир. *Клоссовскій А. В.* Климатич. особен. Одессы.

Т. XXXVI. Проток. зас. сов.: 7 окт. — 2 дек. 1882. *Вгннъ Ръ.* Constantinople, ses annes. et ses reliques au commencement du XV siècle. *Сабининъ Е. Ѡ.* Объ интегралѣ, обращ. въ minimum. *Тыжченко И. Ю.* Исслѣдов. ошибокъ дѣленій мерид. кругв. *Маркевичъ А. И.* О лѣтописяхъ. Премія имени С. М. Соловьева. *Леонтовичъ Ѡ. И.* Адагы кавк. горц.

Т. XXXVII. Отчетъ о сост. и. нов. у—та за 18⁹², акад. г. Проток. 20 янв.—5 мая 1883. *Брунъ М.* Византійцы въ Южной Италиі въ IX—X в. *Колодницъ А. Е.* Фотометр. изсл. планетъ Марса, Юпитера и Сатурн. *Малининъ М. И.* Памяти засл. проф. А. В. Куньцына. *Леонтовичъ Ѡ. И.* Адагы кавк. горц.

Т. XXXVIII. *Успенскій Ѡ. И.* Матеріалы для исторіи земледѣл. въ XIV в. *Азаревичъ Д. И.* Физич. лица, какъ прав. субъекты. *Ею-же.* Дареніе. *Ею-же.* Сервиг. право. *Клоссовскій А. В.* Отчетъ о наблюденіяхъ. *Леонтовичъ Ѡ. И.* Адагы кавк. горцевъ. Вып. II.

Т. XXXIX. Проток. зас. сов.: 5 мая—17 дек. 1883 г. *Овсянничко-Кудиковскій Д. Н.* Опытъ науч. вакхич. культ. индоевроп. древн. *Блюменфельдъ Г. Ф.* Къ вопросу о земледѣл. въ древн. Россіи. *Азаревичъ Д. И.* Ученіи исторіи Римскаго права (перев.).

Т. XL. Торж. актъ въ к. нов. ун. 30 янв. 1884 г. *Залевскій В. В.* О био-генет. вак. Акт. рѣчь. Проток. зас. сов.: 19 янв.—22 мар. 1884 г. *Клоссовскій А. В.* Къ ученію объ элект. энерг. въ атмос. *Гротъ Н. Я.* О научномъ знач. нессим. и оптич., какъ мировоззрѣній. *Блюменфельдъ Г. Ф.* Къ вопросу о земледѣл. въ древн. Россіи (оконч.).

Цѣна тома 2 р. 50 к. (томъ 1,27,38 — 3 р., 28,31,32,35 — 4 р., 29,33,34 — 4^{1/2} р., 30 — 3^{1/2} р.).

Складъ изданія въ университет. Выписка чрезъ всѣ книж. магаз. Одессы.

„Записки императорскаго новороссійскаго университета“
выходятъ въ неопредѣленные сроки, отъ 3 до 4 томовъ въ годъ,
отъ 25 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ томъ, in 8° (съ прот.).

Редакціи періодическихъ изданій, которыя пожелали бы
вступить съ редакціей «Записокъ» въ обмѣнъ своими изданіями,
благоволятъ обращаться свои заявленія въ Правленіе имп. нов. ун.

Редакторъ: орд. проф. А. Кочубинскій.

Цѣна ХLI т. 2 руб. 50 коп.

